

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

The City of Catherine Turns 300

Great Power Ambitions of the Country of the Soviets

Family History in the History of the Homeland

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 11 | 2023 | № 3

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Зарегистрирован как научное пе-
риодическое издание Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (свидетельство
о регистрации ПИ № ФС77-56174
от 15.11.2013)

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media (Journal
Registration Certificate (PI № FS77-
56174 as of 15.11.2013)

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. 620075, Россия,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 335
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 335, 51 Lenin Ave.,
620075, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU / UK, Oxford, Bodleian Library)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Prof. **Türkan Olcay** (Turkey, Istanbul University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Wang Jiaxing** (China, Nanjing University); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ / Великобритания, Оксфорд, Бодлианская библиотека)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **Ван Цзясин** (Китай, Нанкинский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); проф. **Т. Олджай** (Турция, Стамбульский университет); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<i>Dmitry Redin.</i> Imperial Spaces: Processes and Actors. 743	<i>Dmitry Redin.</i> Imperial Spaces: Processes and Actors. 743
--	--

Problema voluminis

300 лет Екатеринбург	The Tercentenary of Yekaterinburg
<i>Елена Бородина, Светлана Цеменкова.</i> Источники учета населения раннего Екатеринбурга: особенности и информационный потенциал 759	<i>Elena Borodina, Svetlana Tsemenkova.</i> Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential 759
<i>Михаил Акишин.</i> Позиция В. де Геннина по вопросу о приватизации казенной металлургии 776	<i>Mikhail Akishin.</i> W. de Henning's Position on the Privatisation of State-Owned Metallurgy 776
<i>Алевтина Сафронова.</i> Вклад ссыльных в распространение грамотности среди детей Екатеринбурга в 1734–1740-х годах 790	<i>Alevtina Safronova.</i> The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s 790
Пространство империи: расширяя, обустроивая, упорядочивая	Imperial Spaces: Expanding, Organising, and Ordering
<i>Яков Кияшко, Александр Клейтман.</i> История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого 805	<i>Yakov Kiyashko, Alexander Kleitman.</i> The Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great 805
<i>Александр Петров.</i> Экспедиция Адама Лаксмана в колониальном конфликте на севере Тихого океана 821	<i>Alexander Petrov.</i> Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific 821
<i>Юлия Егорова.</i> Государственная церковная политика Российской империи на Аляске 834	<i>Yuliia Egorova.</i> The State Church Policy of the Russian Empire in Alaska 834
<i>Майя Лавринович.</i> «Территория угрозы»: запрет общин гернгутеров в Лифляндии и местное общество в 1743 году 845	<i>Maya Lavrinovich.</i> "A Territory of Threat": The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743 845
<i>Дмитрий Хитров.</i> О методах «нового разделения империи»: реформы административного деления в Вятском крае от Екатерины Великой до Павла Первого 862	<i>Dmitry Khitrov.</i> Methods of the "New Division of the Empire": The Reforms of Administrative Division in Vyatka Region from Catherine the Great to Paul I 862
<i>Татьяна Андреева.</i> Проекты административных реформ М. М. Сперанского в сравнительной ретроспективе царствований Александра Первого и Николая Первого 880	<i>Tatyana Andreeva.</i> M. M. Speransky's Administrative Reform Projects in a Comparative Retrospective of the Reigns of Alexander I and Nicholas I 880

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Origines

<p><i>Сергей Рябов</i>. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн.....901</p> <p><i>Алексей Алексеев</i>. О неизвестном письме «из новозавоеванного города Арешка».....918</p>	<p><i>Sergey Ryabov</i>. A Letter from John III of Sweden to King Charles IX of France: A New Source for the History of the Baltic Wars .....901</p> <p><i>Alexey Alekseev</i>. About an Unknown Letter “from the Newly Conquered City of Areshek”.....918</p>
--	--

Disputatio

<p><i>Александр Майоров, Ирина Руденкова</i>. Посланики папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории .....931</p> <p><i>Андрей Беляков</i>. Род Быкасовых в контексте политического сыска (Сибирь, конец XVI века).....950</p> <p><i>Daniel C. Waugh</i>. The <i>Kuranty</i> in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2.....967</p> <p><i>Алексей Ястребов</i>. Одиссея капитана Боциса: к биографии российского флотоводца.....993</p> <p><i>Дмитрий Редин</i>. Губернское финансирование в период первой областной реформы. Архангелогородский вариант .....1010</p> <p><i>Евгений Крестьянников</i>. Судебные следователи Сибири: «переходная» юстиция конца XIX века.....1027</p> <p><i>Мария Иванова</i>. СССР как «великая держава»: имперские нарративы и статус государства, 1920–1935..1041</p> <p><i>Юлия Кантор</i>. Завоевавшая мир: дипломатическое сопровождение зарубежных премьер Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в 1942–1943 годах .....1057</p>	<p><i>Alexander Maiorov, Irina Rudenkova</i>. Emissaries of Pope Innocent IV to Alexander Nevsky: Riddles of Biographical History .....931</p> <p><i>Andrey Belyakov</i>. The Bykasov Family in the Context of Political Investigation (Siberia, Late 16th Century).....950</p> <p><i>Daniel C. Waugh</i>. The <i>Kuranty</i> in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2.....967</p> <p><i>Alexey Yastrebov</i>. Captain Botsis’ Odyssey: On the Biography of the Russian Naval Commander .....993</p> <p><i>Dmitry Redin</i>. Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version .....1010</p> <p><i>Evgenii Krestyannikov</i>. Judicial Investigators of Siberia: “Transitional” Justice of the Late 19th Century .....1027</p> <p><i>Maria Ivanova</i>. The USSR as a “Great Power”: Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935 .....1041</p> <p><i>Julia Kantor</i>. The Symphony That Conquered the World: Diplomatic Support of the Foreign Premiere of D. D. Shostakovich’s Symphony No. 7 in 1942–1943.....1057</p>
---	---

Conceptus et conceptio

<p><i>Claudio Ingerflom</i>. Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 2.....1075</p>	<p><i>Claudio Ingerflom</i>. Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 2.....1075</p>
--	--

Controversiae et recensione

<p><i>Александр Еманов</i>. Россия и циркум-росская политосфера X века .....1101</p> <p><i>Evgeny Artemov, Evgeny Vodichev</i>. Staffing and Recruiting in the USSR Nuclear Project.....1111</p> <p>Об авторах .....1123</p> <p>Сокращения.....1130</p>	<p><i>Alexander Emanov</i>. Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century.....1101</p> <p><i>Evgeny Artemov, Evgeny Vodichev</i>. Staffing and Recruiting in the USSR Nuclear Project.....1111</p> <p>On the authors .....1123</p> <p>Abbreviations .....1130</p>
---	---

Imperial Spaces: Processes and Actors

Regular readers of *Quaestio Rossica* may have noticed that, alongside the variety of themes defining the *Problema voluminis* section, the journal remains faithful to a few select problems that repeatedly become the focus of discussions, forming the flagship theme of each issue. One such problem is the history of Russia during the imperial period in its various aspects and, more broadly, problems of Empire, as interpreted through the prism of the Russian experience. Recently, the professional community of historians of Russia (both in our country and abroad) has often raised the question, “Is it possible to talk about the history of Russia of the eighteenth – early twentieth centuries (or even the sixteenth – twentieth centuries) outside imperial discourse?” Alternatively, has the imperial theme exhausted itself, having entered a period of “historiographical fatigue”? These questions might be partially answered by the thoughts expressed by Dominic Lieven in his famous book, *Empire: The Russian Empire and its Rivals*, repeatedly reprinted in English at the beginning of this century and published in Russian translation in 2007. Justifying the historiographical interest in the imperial theme, the historian noted two important circumstances of this phenomenon. Firstly, the problem of imperialism should be placed in its proper historical context: “given empire’s overwhelming role in Russian history, coming to terms with empire is absolutely central to this redefinition. To make an impact on this debate, it is essential to look at empire in the round and comparatively...”; and secondly, its enduring relevance should be noted: “The history of empire is far too important to be value-free. <...> The study of empire says much about the contemporary global order,” [Lieven, p. XI, XVII]. In sharing these statements of an English colleague, the editorial board considers it reasonable to support the discussion of the imperial question (along with some others) as a kind of thematic constant on the pages of *Quaestio Rossica*.

As for this issue, the return to the question of the Empire was stimulated by a more specific circumstance. This year marks the 300th anniversary of the founding of Yekaterinburg, one of the leading cities of modern Russia and an obvious brainchild of Peter the Great’s imperial policy. Being based in Yekaterinburg, we, quite naturally, could not overlook this anniversary. In addition, this date turned out to be harmoniously integrated into the general context of the imperial history of the country. A manufacturing boom in the development of the large mining and metallurgical industry under Peter I was a direct consequence of both the current circumstances related to Russia’s participation in the Great Northern War and the implementation of a promising programme to turn the state into one of

the leading players in the European political arena. Yekaterinburg, which became the centre of industry in the vast eastern expanses from the Kama River in the Urals to Trans-Baikal, was initially planned to play a symbolic role in the new imperial policy. A bastion-type fortress, perhaps the first in the Asian part of Russia, half-timbered (*Fachwerk*) technology for the construction of the most representative buildings, visually referencing Western architecture, regular space planning, standard residential buildings, strict social zoning – all these features of Yekaterinburg emphasised the idea of the triumph of a “properly organised state” over “Asian chaos”, and embodied the cameralist metaphor of society as a well-established mechanism that worked to achieve the “common good”. At the same time, the early history of Yekaterinburg needs further research, all the available academic literature notwithstanding. To date, for example, there is still little knowledge about the demographic composition of the city in the first decades of its existence, which is largely due to the imperfection of census methods in eighteenth-century Russia. Thus, the article by *Elena Borodina* and *Svetlana Tsemenkova* (Yekaterinburg, Russia), which opens the *Problema voluminis* section, focuses on the analysis of early censuses of the fortress-factory population of Yekaterinburg and outlines the methods required for working with such censuses and their information potential. The authors have gathered materials not only from all-Russian, but also local population censuses, thus, their considerations about the complex analysis of documents containing demographic statistics of the epoch, which differ over time and are heterogeneous in structure, become important beyond local history. Establishing a large mining production complex in Yekaterinburg, the authorities were not initially sure which way to launch its development most effectively, and which would be more cost-effective: state-owned maintenance of factories and mines or stimulation of private entrepreneurship in the industry. The consensus concerning this question changed over time among the most competent specialists in the first third of the eighteenth century. *Mikhail Akishin* (St Petersburg, Russia) looks at the evolution of views on the problem of privatisation of mining and metallurgical enterprises, considering such important figures as W. de Henning, V. N. Tatishchev, officials of the Berg Collegium, and sections of the Russian monarchy in the 1720s–1730s. A characteristic feature of Yekaterinburg as a new type of settlement, brought to life by a complex interweaving of imperial state policy and real-life circumstances, was that the city, from its first years, became the centre of a growing network of educational institutions, as part of the implementation of Peter the Great’s “Enlightenment project”. In terms of the surprisingly high number of schools, their different levels and specialisation, Yekaterinburg differed favourably from most Russian cities of the time and was second only to both capitals. After all, according to the fair conclusion of I. I. Fedyukin, it was “the emergence and development of new forms of education... that constituted one of the most important stages of Russian modernisation in the eighteenth century,” and “new cultural skills, behavioural norms and

models of social relations” were spread “in many ways through educational channels” [cit. by: «Регулярная академия...», с. 8]. In addition to state schools, there were private schools in the city, including those organised by exiles. *Alevtina Safronova* (Yekaterinburg, Russia) pays particular attention to this interesting point in her article.

The imperial theme of the issue continues with several articles unrelated to the anniversary of Yekaterinburg. The focus of their authors’ attention is the problem of movement, the dynamics of imperial development, scrutinised and presented from various angles. In the first instance, it is spatial movement both along the outer and the inner perimeters of the empire, given one of the essential properties of any empire is a *constant desire to expand and develop spaces*. In this regard, the articles by *Alexander Petrov* (Moscow, Russia) and *Yuliia Egorova* (Moscow, Russia) are extremely interesting. Both articles investigate Russia’s desire to gain a foothold in the North Pacific Ocean – at its extreme eastern borders, which the Russian advance was able to reach. The first article discusses attempts to establish official relations with Japan in the late eighteenth century and to annex (without excluding the help of “soft power”) the Pacific zone of the Far Eastern coast and the Kuril Islands (during A. Laxman’s expedition). Another article focuses on the state church policy of Russia in Alaska at the turn of the nineteenth century and the difficulties of interaction between the Kodiak ecclesiastical mission and the colonial administration represented by the Russian-American Company. An article by *Yakov Kiyashko* (Volgograd, Russia) and *Alexander Kleitman* (Moscow/Volgograd, Russia), which studies the geographically “internal” history of early imperial expansion, can also be characterised as thematically close to the first two. The article is centred around attempts to build the first Volga-Don canal in the late seventeenth century. Based on a thorough analysis of written and archaeological sources, the article reconstructs both the technical and technological aspects of the large hydraulic engineering and fortification structure, and the vicissitudes associated with the search for specialists hired abroad. At the same time, the article undoubtedly contains a second layer. Why was the construction of this canal required at all? And here, the theme of imperial expansion comes to the fore again: without this canal, the conquest of the Ottoman Azov, the neutralisation of the Crimean threat, and more than that – access to the Azov and the Black Seas – the initial phase of Russian imperial development in the Mediterranean would have been extremely difficult.

Expanding spatially, the empire acquired not just new territories, but also people; people organised in different ways, having different forms and levels of consolidation, their own historical experience, cultural identity and specific ideas about their way of life. Hence, another property of empire: constantly expanding, *to adjust, to look for optimal “settings” of the new order*, a balance between the originality of the constituent parts and the unification of the imperial whole. *Dmitry Khitrov* (Moscow, Russia) explores the goals that determined the reforms of the administrative and territorial division of the empire at the turn of the nineteenth century

via the example of Vyatka Region, and M. M. Speransky's transformation projects. *Tatiana Andreeva* (St Petersburg, Russia) explores the views of the famous reformer on the issue of state structure and governance in Russia in the dynamics of two reigns (Alexander I and Nicholas I).

The order of an empire does not end with project design and global processes. Nor does it manifest as a continuous triumph of the system over the everyday tactics of its subjects. The diversity of life does not submit itself to total unification, and individual and collective practices of resistance or the search for comfortable modes of interaction with the authorities are the topics of three more articles of the section. *Maya Lavrinovich*, an independent researcher from Israel, looks at the activities of the protestant Herrnhuter communities that spread in the Baltic provinces and initially did not alarm the imperial centre, mainly because St Petersburg had a rather vague idea of the essence of their teachings. But the independent actions of the local self-government bodies in Livonia regarding the movement of the Herrnhuter brethren turned the problem into a political one, revealed by the beginning of the 1740s with the growing autonomy of the Ostsee nobility.

The *Disputatio* section traditionally serves as a free “non-thematic” platform for the presentation of research results across a wide range of problems related to the history of Russia, the Soviet Union, and post-Soviet states. This time its chronology covers the period from the middle of the thirteenth century to the beginning of the 1940s. *Alexander Maiorov* and *Irina Rudenkova* (St Petersburg, Russia) use Russian and foreign sources to attribute the personalities of the “most cunning cardinals” who were sent, according to the *Life of Alexander Nevsky*, to the Grand Duke of Vladimir in 1252–1253 from Pope Innocent IV, to persuade the Russian sovereign and his subjects to adopt Catholicism. The authors conclude that such envoys could not have been cardinals, but rather bishops – representatives of cardinals Guglielmo Fieschi and Hugh of Saint-Cher – who oversaw the “eastern” direction of the Vatican's ecclesiastical and political activities (including relations with the Patriarchate of Constantinople and the legate in Central and Eastern Europe, respectively). In their opinion, the most likely candidates for the role of such ‘cardinal emissaries’ may have been Bishop Jacopo da Breganze of Verona and Bishop Hermann von Gleichen of Cammin. *Andrey Belyakov* (Moscow, Russia) presents a rare early documented case of the use of the intelligence formula “words and deeds” (Rus. *слово и дело*) in the late sixteenth century in the reconstruction of the history of the Bykasov service family from Moscow.

The article by the famous historian of Russia, *Daniel C. Waugh* (Seattle, USA), is a continuation of the study of the translations of Dutch texts for the *Kuranty* manuscript newspaper. This issue presents translations of editions from 1667 and 1671, describing the search for trade routes through Russia to China. The author proves that the translator was A. Vinius, who selected information that was in tune with his own interests and ideas about the need to spread Russian influence to the East. In the spirit of the “new biographical history”, *Alexey Yastrebov* (Moscow, Russia),

presents the life story and career trajectory of Ivan Botsis, the Schout-bij-nacht and chief of the Russian galley fleet, and one of the close associates of Peter the Great. The piece reconstructs the little-known period of the naval commander's biography, his military and administrative activities under the flag of the Republic of Venice, and his journey to Russia, all full of dangers and adventures. *Dmitry Redin* (Yekaterinburg, Russia) and *Evgenii Krestyannikov* (Tyumen, Russia) look at the institutional processes involved in the reorganisation of administrative and judicial systems during the early and late imperial period. Based on previously unknown documents of the high-impact "Arkhangelsk case", it is shown that the functioning of the provincial apparatus in the early era of Petrine reforms was largely financed by local self-government bodies. The other article examines the formation of a professional corporation of forensic investigators in post-reform Russia, highlighting the acute shortage of qualified personnel in the Asian possessions of the empire, and shows the difficulties of interaction between forensic investigators and police officers in Siberia.

The section concludes with two articles dealing with cultural and political phenomena in the Soviet era. *Maria Ivanova* (Moscow, Russia) explores the process of the semantic development of the concept of "great power" in the Soviet public discourse of 1920–1935. *Velikoderzhavnost* or "great power aspirations" acquired negative connotations in the vocabulary of the Bolsheviks (primarily V. I. Lenin); it was associated with "great power chauvinism" and the imperial ambitions of tsarism. However, in a reinterpreted form, it gradually began to gain popularity in Soviet propaganda starting from the end of the Civil War. Soviet Russia and the USSR actualised the concept of a "great power" to position themselves in the arena of foreign policy. According to the author, the internal successes of the country's development became the basis for the semantic reacquisition of "great power" status. Based on newly discovered documents from the Russian Archive of Foreign Policy, *Julia Kantor* (St Petersburg, Russia), presents the triumphant world premiere of D. D. Shostakovich's Symphony No. 7 (*Leningrad*), the history of diplomatic support for its performance in the US, Great Britain, and Sweden in 1942–1943, and the socio-political effect caused by the performance of the brilliant work abroad.

In the *Origines* section, readers will find the publication of sources previously unknown or little-known within the field. *Sergey Ryabov* (Yekaterinburg, Russia) presents a letter from King John III of Sweden to King Charles IX of France, written in 1568. John of Finland, who came to power as a result of a conspiracy that same year, was in dire need of the legitimisation of his power, seeking a general international stabilisation of the situation in the Swedish Kingdom during a new stage of the Baltic Wars. This explains his appeal to the French monarch. The letter is replete with detail that provides additional information about the state of the Swedish-French, Swedish-Danish, and Swedish-Russian relations in the late 1560s. The Latin original, published in full for the first time, is accompanied by the author's translation into Russian. *Alexey Alekseev* (St Petersburg, Russia) introduces a previously

unpublished letter about the circumstances of the capture of the Nöteborg Fortress by Russian troops. This event, which took place on 12 October 1702, marked the beginning of the first victorious campaign, which ended with Russia's complete mastery of the Neva River, access to the Baltic Sea, and the foundation of St Petersburg. The author attributes the letter to P. P. Shafirov, whose addressee was boyar T. N. Streshnev, who at that time held an important post of a judge of the Razryad Prikaz. Written on the second day of the siege of Nöteborg, the letter contains many interesting details that differ from information previously presented, for example, in the *History of the Swedish War*. In particular, the letter does not mention anything about the personal contribution of A. D. Menshikov in the capture of the fortress.

The *Conceptus et conceptio* section offers the second part of a large-scale study by *Claudio Ingerflom* (Buenos Aires, Argentina; Paris, France), which focuses on one of the important phenomena of Russian popular socio-political thought, namely, the concept of the “good tsar” and its critical assessment in historiography.

Finally, the issue traditionally ends with the *Controversiae et recensione*s section. This time, *Alexander Emanov* (Tyumen, Russia) offers a review of *The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)*, a book by A. S. Shchhavelev published in Moscow by Aquilon Publishing House in 2020. The author of the review notes the innovative nature of the monograph, based on a comprehensive study of authentic foreign (primarily Byzantine) sources, which made it possible to revise many well-established stereotypes about the chronology and spatial localisation of the Rurikid Empire, which is traditionally called the Ancient Russian state. According to the reviewer, A. S. Shchhavelev rejects more traditional terms in preference to the concept of the “polity” of the Rurikid state, believing the key period of its existence to be the tenth century. The author also shows the international context of this polity, “one of the original and highly resilient” in Eastern Europe. *Evgeny Artemov* (Yekaterinburg, Russia) and *Evgeny Vodichev* (Tomsk/Novosibirsk, Russia) are the reviewers of another monograph, focusing on one of the most epoch-defining and successful projects of the Soviet era, the nuclear project. According to the reviewers, the author of *Soviet Nuclear Project: The Experience of Staffing*, N. V. Melnikova (Moscow, 2022), created a panoramic picture of the most significant aspects of development of the nuclear project in the context of the Soviet economic system. In the historiography of the Soviet atomic project (both Russian and non-Russian), this kind of research is pioneering. Despite some ambiguities, according to the reviewers, the book has become a work that makes it possible to understand the strengths and weaknesses of the process of establishing the nuclear industry, as well as the socialist economic system as a whole.

Dmitry Redin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Постоянные читатели QR могли заметить, что наряду с разнообразием тематических подборок, определяющих рубрику *Problema voluminis*, редакция остается верна некоторым проблемам, которые время от времени вновь становятся в центр обсуждений, формируя флагманскую тему номера. Одной из таких проблем является история России имперского периода в ее многочисленных аспектах и, шире, имперская проблематика как таковая, осмысляемая через призму российского опыта. В последнее время в порядке дискуссий в профессиональном сообществе историков-русистов (и в нашей стране, и за рубежом) поднимается вопрос: а возможно ли говорить об истории России XVIII – начала XX в. (или даже XVI–XX вв.) вне имперского дискурса? Не исчерпала ли себя имперская тематика, не вошла ли она в период «историографической усталости»? На эти вопросы можно ответить размышлениями, высказанными Домиником Ливеном в известной монографии “The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth century to the Present”, неоднократно переиздававшейся на английском языке в начале нашего столетия и увидевшей свет в русском переводе в 2007 г. Обосновывая историографический интерес к имперской тематике, историк отметил два обстоятельства этого феномена – важность проблемы в собственно историческом ключе: «“Имперскость” всегда играла огромную роль в российской истории, и принятие этого факта является центральным моментом такого переосмысления, для которого необходимо всесторонне изучить проблемы имперской политики в целом...» – и ее непреходящую актуальность: «История империй слишком велика, чтобы быть бесполезной. <...> Изучение империй может многое нам сказать о природе современного мироустройства...» [Lieven, p. XI, XVII]. Разделяя эти высказывания английского коллеги, редакция считает резонным поддерживать имперское направление (наряду с некоторыми другими) в качестве некой тематической константы на страницах журнала.

Что касается конкретно данного номера QR, то продолжение темы (или очередное возвращение к теме) было стимулировано более конкретным обстоятельством. В текущем году исполнилось 300 лет со дня основания Екатеринбурга, одного из крупнейших и ведущих центров современной России и очевидного детища имперской политики Петра Великого. Находясь в Екатеринбурге, мы, естественно, не могли пройти мимо этой даты. Но, кроме того, она оказалась гармонично вписана в общий контекст имперской истории страны. Системное мощное развитие крупной горно-металлургической промышленности при Петре I стало прямым следствием как текущих обстоятельств, связанных с участием России в Великой Северной войне, так и реализации перспективной программы превращения государства в одного из ведущих игроков на политической арене Европы. Екатеринбургу, ставшему центром управления отраслью на огромных восточных пространствах от Камского Приуралья до Забайкалья, исходно была отведена роль символа новой имперской политики.

Крепость бастионного типа, едва ли не первая в Азиатской части России, фахверковая технология постройки наиболее представительных зданий, визуально отсылающая к западной архитектуре, регулярная планировка пространства, типовая жилая застройка, строгое социальное зонирование – все подчеркивало идею торжества «правильно организованного государства» над «азиатским хаосом», воплощало камералистскую метафору социума как хорошо отлаженного механизма, работавшего на достижение «общего блага».

При этом ранняя история Екатеринбурга при всей имеющейся научной литературе нуждается в дальнейшем исследовании. На сегодняшний день, например, не имеется точных представлений о демографическом облике города первых десятилетий его существования, что во многом связано со своеобразием и несовершенством методов учета населения в России XVIII в. Статья *Елены Бородиной и Светланы Цеменковой* (Екатеринбург, Россия), открывающая рубрику *Problema voluminis*, как раз и посвящена анализу ранних переписей населения крепости-завода, методам работы с ними и оценке информационного потенциала. Авторами привлечены материалы не только общероссийских, но и местных ведомственных переписей населения, а авторские соображения по поводу комплексного анализа разновременных и разнородных по структуре документов демографической статистики эпохи могут иметь значение не только для локальной истории. Формируя крупный горнозаводской производственный комплекс, власти не были изначально уверены в том, по какому пути наиболее эффективно пустить его развитие, что окажется более рентабельным: казенное содержание заводов и рудников или стимулирование частного предпринимательства в отрасли?

Точка зрения на этот вопрос менялась с течением времени даже у наиболее компетентных специалистов первой трети XVIII в. Эволюцию взглядов на проблему приватизации горно-металлургических предприятий Г. В. де Геннина, В. Н. Татищева, чиновников Берг-коллегии, отчасти и российских монархов в 1720–1730-е гг. анализирует в своей статье *Михаил Акишин* (Санкт-Петербург, Россия). Характерной особенностью Екатеринбурга как поселения нового типа, вызванного к жизни сложным переплетением программных установок имперской государственной политики и конкретных обстоятельств, инициатив его основателей, стало то, что город с первых лет оказался центром формирования сети образовательных учреждений, объективно включившись в реализацию «просветительского проекта» Петра Великого. По количеству школ, их разноуровневости и специализации Екатеринбург выгодно отличался от подавляющего большинства российских городов того времени и уступал только обеим столицам. А ведь, по справедливому заключению И. И. Федюкина, именно «возникновение и развитие новых форм образования... составляло один из важнейших этапов российской модернизации в XVIII веке», а «новые культурные навыки, поведенческие нормы и модели социальных отношений» распространялись «во многом

именно через образовательные каналы» [цит. по: «Регулярная академия...», с. 8]. Помимо казенных школ, в городе существовали частные, в том числе организованные ссыльными. Этому интересному моменту уделяет внимание в своей статье *Алевтина Сафронова* (Екатеринбург, Россия).

Имперская тематика номера продолжается и статьями, не связанными с юбилеем Екатеринбурга. Если попытаться кратко охарактеризовать их общую направленность, то можно заметить, что в фокусе внимания их авторов находится проблема движения, динамика имперского развития, понятая и представленная в разных аспектах. Во-первых, это пространственное движение как по внешнему, так и по внутреннему периметру империи, ибо одно из существенных свойств любой империи есть *постоянное стремление к расширению и освоению пространств*. В этом отношении крайне интересны статьи *Александра Петрова* (Москва, Россия) и *Юлии Егоровой* (Москва, Россия). Обе посвящены стремлению России закрепиться в северной части Тихого океана – в крайних восточных пределах, до которых смогло дойти российское продвижение. И если в первой статье речь идет о попытках установления официальных отношений с Японией в конце XVIII в. и закрепления в том числе с помощью «мягкой силы» в Тихоокеанской зоне дальневосточного побережья и островов (экспедиция А. Лаксмана), то во второй авторское внимание сосредоточено на государственной церковной политике России на Аляске рубежа XVIII–XIX вв. и сложностях взаимодействия Кадьякской духовной миссии с колониальной администрацией в лице Российско-американской компании. Раскрывающая, казалось бы, географически «внутреннюю» историю раннего имперского расширения статья *Якова Кияшко* (Волгоград, Россия) и *Александра Клейтмана* (Москва/Волгоград, Россия), тем не менее, также может быть охарактеризована как тематически близкая первым двум. В центре ее сюжета – попытки строительства первого Волго-Донского канала в конце XVII в. Основанная на тщательном источниковедческом анализе данных письменных и археологических материалов, статья интересна тем, что в ней реконструируются как технико-технологические аспекты строительства крупного гидротехнического и фортификационного сооружения, так и перипетии, связанные с поисками и выстраиванием отношений со специалистами-инженерами, нанятыми за рубежом и имевшими различные взгляды на то, как надо вести строительство. Но при этом статья, несомненно, содержит и второй смысловой пласт. Зачем вообще потребовалось строительство этого канала? И тут на первый план вновь выходит тема имперского расширения: без этого канала были крайне затруднительны завоевание османского Азова, нейтрализация крымской угрозы, и больше того – выход в Азовское и Черное моря, начальная фаза Средиземноморской перспективы российского имперского развития...

Однако, расширяясь пространственно, империя приобретает не просто новые территории, но и людей – людей по-разному орга-

низованных, имеющих различные формы и уровни консолидации, собственный исторический опыт, культурную идентичность и конкретные представления о жизнеустройстве. Отсюда другое свойство империи: постоянно расширяясь, *обустраиваться, искать оптимальные «настройки» упорядочивания*, баланс между своеобразием составляющих частей и унификацией имперского целого. Именно эти цели определяли и реформы административно-территориального деления рубежа XVIII–XIX вв., особенности которых на примере Вятского края исследует *Дмитрий Хитров* (Москва, Россия), и проекты преобразований М. М. Сперанского. Эволюцию взглядов известного реформатора на проблему государственного устройства и управления в России в динамике двух царствований (Александра I и Николая I) рассматривает в своей статье *Татьяна Андреева* (Санкт-Петербург, Россия).

Но упорядочивание империи – не только программные проекты и глобальные процессы. И уж, конечно, не сплошной триумф системы над повседневными тактиками подданных. Многообразие жизни, не поддающееся тотальной унификации, индивидуальные и коллективные практики сопротивления или поиска более или менее комфортного варианта взаимодействия с властью. Так, распространившаяся в прибалтийских провинциях деятельность гернгутеров (протестантских общин, по своим религиозно-общественным взглядам восходящих к «моравским братьям») изначально не вызвала тревоги имперского центра, в том числе и потому, что в Петербурге имели смутное представление о сути их учения. Но самостоятельные действия органов местного самоуправления в Лифляндии относительно движения гернгутеров перевели проблему в политическую плоскость, обнаружив к началу 1740-х гг. перед центральным руководством слишком большую (по его представлениям) автономию остзейского дворянства, что привело к репрессиям против гернгутеров, чья популярность в среде прибалтийского рыцарства была велика. Об этом статья *Майи Лавринович*, независимого исследователя из Израиля.

Рубрика *Disputatio* традиционно является свободной «внетематической» площадкой для презентации результатов исследований по самому широкому кругу проблем, связанных с историей России, Советского Союза и постсоветских государств. В этот раз ее хронология охватывает период от середины XIII в. до начала 1940-х гг. Соответственно, такой же широтой отличается и тематика представленных статей. Открывается рубрика статьей *Александра Майорова* и *Ирины Руденковой* (Санкт-Петербург, Россия), в которой авторы с помощью компаративного анализа русских и зарубежных источников атрибутируют личности «хитрейших кардиналов», посланных, согласно Житию Александра Невского, к великому князю Владимирскому в 1252–1253 гг. от папы Иннокентия IV с целью склонить русского государя и его подданных к принятию католического исповедания. Авторы приходят к выводу, что таковыми посланцами могли быть

не кардиналы, а епископы – представители кардиналов Гульельмо Фиески и Гуго де Сен-Шера, курировавших «восточное» направление церковно-политической деятельности Ватикана (отношения с Константинопольским патриархатом и легата в Центрально-Восточной Европе соответственно). По их мнению, наиболее вероятными претендентами на роль таких кардинальских эмиссаров могут быть веронский епископ Якопо да Бреганце и камминский епископ Герман фон Глейхен, именованные в житии по отношениям с кардиналами, руководившими их миссией.

Редкий ранний документально зафиксированный случай использования применения розыскной формулы «слова и дела» в конце XVI в. в контексте реконструкции истории московского служилого рода Быкасовых представляет в своей работе *Андрей Беляков* (Москва, Россия).

Статья известного историка-русиста *Даниеля Уо* (Сиэтл, США) является продолжением исследования содержания переводов голландских текстов для рукописной газеты «Куранты». На этот раз речь идет о переводах списков 1667 и 1671 гг., посвященных вопросам разыскания торговых путей через Россию в Китай. Ученый доказывает, что автором переводов был А. А. Виниус, который отбирал для них информацию, созвучную его собственным интересам и представлениям о необходимости распространения русского влияния на Восток.

В духе «новой биографической истории» представлены жизненный путь и карьерная траектория Ивана Боциса, шаутбенахта и начальника русского галерного флота, одного из близких сподвижников Петра I. В публикации *Алексея Ястребова* (Москва, Россия) реконструированы малоизвестный период биографии флотоводца, предшествовавший переходу на русскую службу, его военная и административная деятельность под флагом Венецианской республики, полный опасностей и приключений путь в Россию. Институциональным процессам реорганизации управленческой и судебной систем периодов ранней и поздней империй посвящены статьи *Дмитрия Редина* (Екатеринбург, Россия) и *Евгения Крестьянникова* (Тюмень, Россия). В первой на основе ранее неизвестных документов резонансного следственного «архангелогородского дела» (расследование деятельности архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова в связи с его изветом на криминальную группу братьев Д. А. и О. А. Соловьевых) показано, что функционирование губернского аппарата в эпоху ранних петровских реформ во многом финансировали органы местного самоуправления, без поддержки которых коронный местный аппарат просто не мог бы существовать. Во второй исследуется становление профессиональной корпорации судебных следователей в пореформенной России, констатируется острый дефицит квалифицированных кадров в азиатских владениях империи, показаны трудности взаимодействия судебных следователей с полицейскими чинами сибирских уездов.

Завершают рубрику две статьи, в которых затронуты культурно-политические феномены советского времени. *Мария Иванова* (Москва,

Россия) исследует процесс ресемантизации понятия «великая держава» в советском публичном дискурсе 1920–1935 гг. Приобретшая ярко выраженные негативные коннотации в лексике большевиков (в первую очередь В. И. Ленина) «великодержавность», ассоциировавшаяся с «великодержавным шовинизмом» и имперскими амбициями царизма, оказалась востребована (в переосмысленном виде) и стала постепенно набирать популярность в советской пропаганде со времени окончания Гражданской войны. Советская Россия и СССР актуализировали понятие «великая держава» в целях позиционирования себя на внешнеполитической арене. Основой для присвоения «великодержавного» статуса стали, по мнению автора, внутренние успехи развития страны. *Юлия Кантор* (Санкт-Петербург, Россия) на основе впервые вводимых в научный оборот документов Архива внешней политики РФ представляет читателям триумфальную мировую премьеру Седьмой (Ленинградской) симфонии Д. Д. Шостаковича, историю дипломатической поддержки ее исполнения в США, Великобритании и Швеции в 1942–1943 гг. и общественно-политический эффект, вызванный исполнением гениального произведения за рубежом.

В рубрике *Origines* читатели найдут публикации источников, ранее не известных или малоизвестных в профессиональной среде. *Сергей Рябов* (Екатеринбург, Россия), представляет письмо шведского короля Юхана III французскому королю Карлу IX, написанное в 1568 г. Пришедший в результате заговора к власти в том же году Юхан Финляндский остро нуждался в легитимации своей власти, стремился к общей международной стабилизации положения Шведского королевства в обстановке нового этапа Балтийских войн и упрочения собственного статуса внутри страны. Этим и объясняется его обращение к французскому монарху. Письмо изобилует деталями, дающими дополнительную информацию о состоянии шведско-французских, шведско-датских и шведско-русских отношений в конце 1560-х гг. Латинский оригинал, впервые публикуемый полностью, сопровождается авторским переводом на русский язык. *Алексей Алексеев* (Санкт-Петербург, Россия) знакомит читателей с ранее не публиковавшимся письмом об обстоятельствах взятия русскими войсками шведской крепости Нотебург (русский Орешек, ныне – Шлиссельбург). Это событие, произошедшее 12 октября 1702 г., знаменовало начало первой победоносной кампании, закончившейся полным овладением Россией течением Невы, выходом к Балтийскому морю и основанием Санкт-Петербурга. Автор атрибутирует авторство письма П. П. Шафирову, адресатом которого был боярин Т. Н. Стрешнев, занимавший в то время важный пост судьи Разрядного приказа. Письмо написано на второй день овладения Нотебургом, содержит много интересных деталей, расходящихся со сведениями, изложенными, например, в «Истории Свейской войны». В частности, в письме ничего не сообщается о личном решающем вкладе А. Д. Меншикова во взятие крепости.

В рубрике *Conceptus et conceptio* опубликована вторая часть масштабного исследования Клаудио Ингерфлома (Буэнос-Айрес, Аргентина; Париж, Франция), посвященного осмыслению одного из базовых феноменов русской народной общественно-политической мысли – представлений о «добром царе» – и критической его оценке в историографии.

Наконец, номер традиционно завершает рубрика *Controversiae et recensioes*. В этот раз рецензию на книгу А. С. Щавелева «Хронотоп державы Рюриковичей (911–987)», вышедшую в Москве в издательстве «Аквилон» в 2020 г., подготовил Александр Еманов (Тюмень, Россия). Автор рецензии отмечает новаторский характер монографии, основанной на комплексном изучении аутентичных зарубежных (в первую очередь византийских) источников, позволивших пересмотреть многие устоявшиеся стереотипы о хронологии и пространственной локализации того образования, которое традиционно именуется Древнерусским государством. Как отмечает рецензент, А. С. Щавелев использует вместо него и подобных терминов понятие «полития» Рюриковичей, полагая верифицированным периодом ее существования X в. По-новому выстраивает автор и международный контекст этой политики, «одной из самобытных и обладавших высокой жизнестойчивостью» в Восточной Европе. Евгений Артемов (Екатеринбург, Россия) и Евгений Водичев (Томск/Новосибирск, Россия) выступили рецензентами другой монографии, на сей раз посвященной одному из эпохальных успешных проектов советской эпохи – атомному. Автор книги «Проблема кадров в атомном проекте СССР и ее решение» (М., 2022) Н. В. Мельникова, по мнению рецензентов, создала панорамную картину наиболее существенных сторон процесса становления и развития кадрового потенциала атомного проекта в контексте советской экономической системы. В историографии атомного проекта СССР (и отечественной, и зарубежной) такого рода исследование является первым. Несмотря на некоторые недоговоренности, книга, как считают рецензенты, стала трудом, позволяющим понять сильные и слабые стороны не только процесса создания атомной отрасли, но и социалистической системы хозяйствования в целом.

Дмитрий Редин

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Библиографические ссылки

«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое изд-во, 2015. 408 с.

Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2000. 486 p.

References

Lieven, D. (2000). *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 486 p.

“*Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...*”: *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka* [“A Regular Academy Will Be Established...”: Educational Projects in Russia in the First Half of the 18th Century]. (2015). Moscow, Novoe izdatel'stvo. 408 p.

Problema voluminis

THE TERCENTENARY OF YEKATERINBURG
IMPERIAL SPACES: EXPANDING, ORGANISING, AND ORDERING

Problema voluminis

300 ЛЕТ ЕКАТЕРИНБУРГУ

ПРОСТРАНСТВО ИМПЕРИИ:

РАСШИРЯЯ, ОБУСТРАИВАЯ, УПОРЯДОЧИВАЯ

THE TERCENTENARY OF YEKATERINBURG

DOI 10.15826/qr.2023.3.816

УДК 94(470.5)"1723/1744" + 314.1(47054–25)"17" + 311.3 + 930.2

Источники учета населения раннего Екатеринбурга: особенности и информационный потенциал*

Елена Бородина

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Светлана Цеменкова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential

Elena Borodina

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Svetlana Tsemenkova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the demographic history of Yekaterinburg in the second quarter of the eighteenth century. The authors focus on the population changes in the city between 1723 and 1744. This issue remains relevant since currently, there are no books or articles that would provide consistent data on the number of residents who settled near the Yekaterinburg plant. The analysis of historiography

---

* *Citation*: Borodina, E., Tsemenkova, S. (2023). Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 759–775. DOI 10.15826/qr.2023.3.816.

Цитирование: Borodina E., Tsemenkova S. Sources of Population Records of Early Yekaterinburg: Peculiarities and Information Potential // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 759–775. DOI 10.15826/qr.2023.3.816 / Бородина Е., Цеменкова С. Источники учета населения раннего Екатеринбурга: особенности и информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 759–775. DOI 10.15826/qr.2023.3.816.

demonstrates that a significant part of scholars provide information about the composition and population of the city only for some years of its existence, without explaining the features of the primary sources underlying their research. This, in turn, has led to the fact that historians are split when it comes to estimates of the population of the fortress factory in the first years of its existence. In connection with the celebration of the city's tercentenary, the researchers' appeal to the history of the population of Yekaterinburg in the second quarter of the eighteenth century becomes even more significant. The work aims to analyse the features and information capabilities of primary sources containing data on the population of the fortress and plant. The main research methods include methods of primary source studies. In addition, the authors use the comparative method and method of system analysis, as well as the method of diachronic analysis. Employing these methods, the authors establish the approximate number and reconstruct the composition and main groups of residents of the future city. Also, they demonstrate that along with national censuses, the mining administration exercised police control over the structure and population numbers to solve various tasks. Among them are the organization of production processes, the defence of factories during the Bashkir uprising of 1735–1740, control over the population on the territory of the city, etc. One of the results of the study is the clarification of the male population of Yekaterinburg. Comparison of data from different years helps draw conclusions about the positive dynamics of the number of inhabitants in the first decades of the city's existence. The increase in the figures and change in the composition of the population affected the appearance of the settlement. It acquired urban features. Thus, in the second quarter of the eighteenth century, there were all the prerequisites for Yekaterinburg to acquire the status of a city.

Keywords: history of the Urals, Yekaterinburg, population, demographic history, censuses, primary source study

Статья посвящена изучению демографической истории Екатеринбурга второй четверти XVIII в. Предметом исследования стали изменения численности населения города в 1723–1744 гг. Данная проблематика остается актуальной, так как на сегодняшний день не существует монографий и статей, которые бы представляли непротиворечивые данные о количестве жителей, селившихся в поселении при Екатеринбургском заводе. Анализ историографии показал, что значительная часть ученых приводит сведения о составе и численности населения города лишь за отдельные годы его существования, не объясняя при этом особенности источников, положенных в основу их исследований. Это, в свою очередь, привело к тому, что историки расходятся в оценках численности населения завода-крепости в первые годы его существования. В связи с празднованием 300-летнего юбилея города обращение исследователей к истории населения Екатеринбурга во второй четверти XVIII в. приобретает еще большее значение. Целью работы являлся анализ особенностей и информационных возможностей источников, содержащих данные учета населения завода-крепости. Основными методами исследования стали методы источниковедения.

Кроме того, были применены сравнительно-исторический и историко-системный методы, а также метод диахронического анализа. Благодаря их использованию в ходе работы был выявлен корпус документов, позволивших установить примерную численность и реконструировать состав и основные группы жителей будущего города. Авторы статьи установили, что наряду с общегосударственными переписями горнозаводская администрация также осуществляла полицейский контроль над структурой и численностью населения для решения разнообразных задач. Среди них организация производственных процессов, оборона заводов в ходе башкирского восстания 1735–1740 гг., контроль над размещением населения на территории города и др. Одним из результатов исследования является уточнение численности мужского населения Екатеринбурга. Сопоставление данных разных лет позволило сделать выводы о положительной динамике количества жителей в первые десятилетия его существования. Рост численности и изменение состава населения влияли на облик населенного пункта. Он приобретал городские черты. Таким образом, во второй четверти XVIII в. сложились все предпосылки для приобретения Екатеринбургом статуса города.

Ключевые слова: история Урала, Екатеринбург, население, демографическая история, переписи, источниковедение

Как справедливо отметил выдающийся историк-демограф Я. Е. Водарский, «история общества – это, по существу, история населения» [Водарский, с. 3]. Данное высказывание актуально как в случаях, когда ученые пытаются постичь процессы социально-экономического, политического и культурного развития страны в периоды интенсивных и глубоких трансформаций, так и в ситуациях исследования жизни отдельных государств и обществ на длительных отрезках времени. В истории России одним из этапов активных преобразований традиционно считается время правления Петра Великого, интерес к которому не ослабеваеt уже на протяжении долгого времени. Эта ситуация не случайна: в годы царствования первого российского императора произошли серьезные изменения в организации системы учета народонаселения, сохранявшей свое значение вплоть до середины XIX в. Кроме того, в рассматриваемый период появились новые городские центры, до сих пор играющие большую роль в развитии страны. Например, в 1703 г. был основан Санкт-Петербург, провозглашенный в 1713 г. столицей будущей империи.

Следует отметить, что значительная часть населенных пунктов, возникших в России первой четверти XVIII в., долгое время не имела статуса города, но обладала необходимым набором признаков для того, чтобы ими считаться. В частности, на северо-западе страны, на Урале и в некоторых других частях будущей Российской империи были созданы заводские поселки, получившие в научной литературе название городов-заводов [см.: Лотарева]. Примечательно, что эти на-

селенные пункты оказали большое влияние на развитие Урала как самостоятельного региона, долгое время считавшегося частью Сибири. Они не только изменили ландшафт территории и заложили фундамент для развития промышленности, но и способствовали дальнейшему освоению Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, заводские поселки сформировали поселенческую структуру региона. Несмотря на это, историография, дающая возможность понять процессы формирования населения городов-заводов, представляется скромной [Кабузан, 1990; Черкасова; Пулькин].

К населенным пунктам такого типа следует отнести Екатеринбург, который создавался как завод-крепость и стал официально называться городом лишь в 1780-е гг. Екатеринбург был построен как завод-крепость в короткие сроки. Его стремительное учреждение и последующее заселение территории были связаны с нуждами организации железодельного производства, что не могло не повлиять на социальный состав и численность населения будущего города. Таким образом, Екатеринбург стал одним из городов, созданных «с нуля» на пустовавшей до того территории.

Несмотря на то, что история раннего Екатеринбурга уже давно привлекает внимание ученых, историки редко обращались к вопросам изучения численности и состава населения на ранних этапах существования завода-крепости. В той или иной степени эта проблематика нашла отражение в трудах целого ряда исследователей [см., например: Чупин, 1882а; Чупин, 1882б; Мамин-Сибиряк; Горловский, 1956; Корепанов; Кузьмин, Оруджиева; Оруджиева]. Характеристики социальной структуры и количества населения также встречаются в обобщающих трудах по истории Свердловска и Екатеринбурга, приуроченных, как правило, к очередной годовщине города [Екатеринбург, 1923; Очерки истории, 1958; Очерки истории, 1973]. Несмотря на это обстоятельство, можно согласиться с мнением М. А. Горловского, отмечавшего, что «точных данных о количестве и социальном составе населения Екатеринбургского завода конца 20-х – начала 40-х годов, к сожалению, нет» [Горловский, 1958, с. 118].

Цифры, которые приводят ученые, разнятся. В частности, по данным исследователей, население в первый год жизни завода-крепости насчитывало до 4 тыс. чел. [Очерки истории, 1958, с. 36; Корепанов, с. 22–23; Оруджиева, с. 108]. В то же время, по оценкам Н. С. Корепанова, в 1725 г. в Екатеринбурге проживало около 500 чел. [Екатеринбург, 1998, с. 23; Корепанов, с. 34]. По данным переписи податного населения Екатеринбурга 1727 г., здесь было уже 745 лиц м.п. без учета семей управителей, духовенства, офицеров и солдат Екатеринбургских рот [Корепанов, с. 34]. В 1736 г. эта цифра выросла до 911 чел.м.п. Правда, по замечанию М. А. Горловского, в это число входили лишь лица мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет [Горловский, 1956, с. 118; см. также: Оруджиева, с. 108]. В то же время анализ переписи 1736 г. позволил Н. С. Корепанову выявить 1019 чел. [Екатеринбург, 1998, с. 28].

Как можно заметить, в подсчетах ученых имеются разночтения, что уже отмечалось историками-демографами [Корнилов, с. 93]. В некоторых случаях итоговые цифры противоречат друг другу, а характеризующая проблематика требует дальнейшего осмысления. Почему среди историков нет единства по вопросу об определении числа жителей завода-крепости? Ответ на этот вопрос можно получить при анализе источников, которые используются для реконструкции изменений численности и состава населения Екатеринбурга. Как правило, в статьях и разделах монографий, посвященных населению города, отсутствуют сведения о том, какие материалы были положены в основу исследования, каковы полнота и достоверность полученных данных. На наш взгляд, более внимательное отношение к документальным источникам по демографии раннего Екатеринбурга позволит выявить их возможности и ограничения и, таким образом, более взвешенно подойти к исследованию населения города в первые десятилетия его существования. Несомненно, история формирования состава населения раннего Екатеринбурга требует отдельного изучения. В рамках данной работы основной акцент сделан на выявлении и характеристике сведений, позволяющих установить изменения количества жителей завода-крепости.

Особенности источниковой базы

Екатеринбургский завод начал действовать в ноябре 1723 г. в период проведения первой ревизии [Кабузан, 1963, с. 50–51]. Первая перепись податного населения прошла здесь только осенью 1727 г. В середине 1730-х и середине 1740-х гг. производились ревизии полученных данных. Тем не менее, перепись и ревизии не являются единственными источниками, позволяющими охарактеризовать состав и количество населения завода-крепости и его окрестностей.

Учет населения Екатеринбурга осуществлялся не только по инициативе верховной власти, но и по указаниям горнозаводской администрации. Группа источников, созданная в результате этой деятельности, требует не менее пристального внимания, чем традиционно используемые для изучения численности населения страны переписи, ревизские сказки, метрические книги и исповедные росписи. Для истории населения завода-крепости они оказываются важны и потому, что многие документы государственно-церковного учета первой половины XVIII в не сохранились. В частности, метрические книги и исповедные росписи, касающиеся ранних этапов существования города, дошли до нас фрагментарно. Чаще всего они отложились в виде разрозненных документов, требующих скрупулезного выявления и кропотливого сбора.

Наряду с переписями населения и ревизскими сказками, созданными в целях уточнения размеров налогообложения, в фондах ГАСО и РГАДА имеется несколько переписей, созданных для иных целей. Это подворная перепись 1728 г. [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606], список всех служащих и работников горнозаводского ведомства, сде-

ланный при передаче управления Екатеринбургским заводом и находящимися в его ведении территориями В. Н. Татищеву в 1734 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 177–214 об.], полицейские переписи 1736, 1738 гг., основной задачей которых было произвести учет боеспособного мужского населения, лошадей и иного скота, а также оружия, необходимого для борьбы с восставшими башкирами [Там же. Д. 610. Л. 246–282; Д. 996. Л. 308–357]. Кроме того, заслуживает внимания перепись 1744 г., в которой учтены все те, кто числился в ведении горнозаводского управления [Там же. Д. 1071. Л. 4–907 об.].

Как и ревизские сказки и первые государственные переписи, эти документы также дают важные сведения о составе и количестве населения Екатеринбурга, но имеют ряд ограничений для анализа [Кабузан, 1963, с. 54; Водарский, с. 18–33]. Во-первых, они представляются неполными с точки зрения учета всего населения завода-крепости. В них были зафиксированы преимущественно взрослые работоспособные мужчины. Женщины и дети попадали на их страницы случайно (за исключением переписи 1728 г.). Нельзя забывать, что составление переписи всегда имело определенную цель, которая ограничивала включавшуюся в нее информацию. Это могли быть общий учет численности населения Екатеринбурга и его окрестностей, составление списков работников Екатеринбургского завода либо учет мужчин, способных участвовать в военных действиях. Во-вторых, как и любые другие документы этого рода, переписи Екатеринбурга содержат неточности в подсчетах и представлении данных. В частности, если говорить о подворных переписях, мы не можем быть уверены в том, что все дворы в палисаде и за его пределами были учтены должным образом. Изучение достаточно формализованных текстов документов позволяет понять, что в некоторых случаях в подворные переписи не были занесены дворы, если их хозяева и другие жители были слишком стары или по той или иной причине отсутствовали. Примерно то же происходило, если во дворе проживали исключительно женщины, которые, как уже было сказано выше, редко попадали в переписные списки. Кроме того, в ряде случаев можно заметить ошибки в подсчетах переписчиков. В-третьих, в переписи, как правило, не попадали те, кто отбывал наказание на Екатеринбургских заводах. Среди них – недавно прибывшие к месту исполнения приговора ссыльные и каторжные, которые еще не успели обзавестись хозяйством и прочно встать на ноги на новом месте. Как правило, данные об их численности и перемещениях можно найти в других перечневых выписках, например, в «Ведомости, учиненной в Екатеринбургской судной и земской канторе о присланных из разных мест ссыльных для работ и на поселения, и кто где ныне находится, за выключкою беглых и умерших» 1741 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881]. В отдельную категорию можно также выделить заключенных и арестантов, сведения о которых приводятся в росписях и статейных списках колодников 1728, 1734, 1748 и 1752 г. [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 607–612; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1192, 1361]. В-четвертых,

из поля зрения делопроизводителей, проводивших переписи, часто исчезали «командиры» – руководители горнозаводской администрации.

Несмотря на эти ограничения, специальные переписи, проводившиеся горнозаводской администрацией, являются более точными и полными для определения численности и состава населения завода-крепости, чем переписи и ревизии, организовывавшиеся на общероссийском уровне. В первую очередь это касается учета представителей социальных групп, занятых на заводских работах и обслуживавших нужды главного органа горнозаводского управления региона – Сибирского обер-бергамта (с конца 1734 г. – Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления) – и подчиненных ему контор и ведомств. Все они получали жалование и, как правило, находились в штатах завода или канцелярии и контор, состоявших в ведении уральской горной администрации.

Еще одной причиной создания более или менее полных списков следует назвать особенности управления данной территорией. Педантичный В. де Геннин, руководивший организацией горнозаводского ведомства на Урале в 1722–1734 гг., стремился превратить Екатеринбург в идеальный административно-хозяйственный центр. Завод-крепость строился по европейским образцам, в основу которых был положен принцип регулярности. Регулярная застройка с выделением промышленной зоны, гостиного двора и зоны проживания «командиров» и представителей других социальных групп требовала компактного расселения последних строго в соответствии со степенью значимости каждой категории для бесперебойного функционирования производственных процессов [см.: Редин]. В. де Геннин обращал внимание не только на правильную организацию пространства завода-крепости, но и на «правильное» размещение в нем разных социальных групп, что нашло отражение в некоторых переписях населения.

Информационный потенциал подворных переписей 1728 и 1738 гг.

Для лучшего понимания источникового материала обратимся к характеристике переписей 1728 и 1738 гг. Выбор этих источников связан, во-первых, с тем, что они наиболее полно отражают социальную структуру Екатеринбурга, тогда как списки и переписи 1734, 1736, 1744 гг. носят специфический характер и не позволяют составить достаточно точное впечатление об основных группах населения завода-крепости. Во-вторых, они схожи в принципах проведения и методах фиксации данных, что может позволить выявить некоторые тенденции социальных изменений.

Подворная перепись населения Екатеринбурга 1728 г. [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606]¹ проводилась представителями горно-

---

¹ «Перепись Екатеринбургской крепости дворам командирским, подьяческим, салдацким, мастерским, харчевническим, лавошническим, бобыльским и прочим, и что в них людей мужеска полу и женска душ, о том показано в сей переписи о всем имянно».

заводской администрации предположительно в полицейских целях. Сведения о результатах переписи обнаружены в фонде Берг-коллегии РГАДА. Результаты переписи оформлены в виде таблицы, разделенной на две части: в первой учтены дворы и их жители в пределах города, во второй фиксировались дворы, построенные за городом «вверх по Исети реке». Таблица разделена на три колонки. Первая колонка («сколько дворам») разделена на два столбца, в которых фиксировались статус («Двор государев...», «В своем дворе живет...») и количество дворов. Во второй колонке приводится описание двора. Для каждого двора указывалось имя хозяина (дворовладельца), здесь же перечислялись все, с ним живущие. Не занятые в заводских работах члены семьи, женщины, дети, прислуга, находившиеся на постое люди учитывались только количественно: «двор государев, в нем живет сержант Осип Украинцов, у него мужеска полу шесть, женска четыре, на падворье из бобылей женска полу четыре человека» [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 560 об.]; «двор государев, в нем молотовой мастер Евсей Ошанин, у него жена, дочь. С ним меховой подмастерье Иван Коретников, у него жена, сын, да угольной мастер Федор Максимов» [Там же. Л. 569]; «в своем дворе живет плотник Никита Емельянов, у него мужеска полу пять, женска два, подьячих два, рекрут один» [Там же. Л. 561]. Некоторые объекты, находившиеся за городом, записаны следующим образом: «двор, в нем живет бобыль Дмитрий Серебряков, душ мужеска полу три, женска одна душа» [Там же. Л. 605 об.]. В третьей колонке («число людем»), поделенной на два столбца, представлен отдельный подсчет количества мужчин и женщин без учета возраста.

Примечательно, что перепись начинается с описания «дворов командирских», далее, согласно линиям, следует описание дворов остальных жителей завода-крепости без учета того, в чьей собственности они находились. Источник свидетельствует, что уже к 1728 г. жители Екатеринбурга нарушили первоначальную регулярную застройку города. Наряду с дворами «в линиях» оказались зарегистрированы дворы между ними: «промеж линей живет в своем дворе колотушечной ученик Сидор Сибиряков, у него жена, на подворье рекрут три человека» [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 566].

Перепись проводилась несколькими делопроизводителями. Анализ графики записей показал участие в работе как минимум трех человек. В связи с этим в документе отмечаются разные подходы к процессу регистрации населения. В ряде случаев он более детален. В частности, один из переписчиков учитывал детей: «двор государев, в нем живет подьячей Пантелей Зверев, у него жена, сын. С ним живет платного двора мастер Никита Иванов, у него жена, три сына» [Там же. Л. 566 об.]; «двор государев, в нем живет молотовой мастер Ехом Якимов, у него сын, жена, дочь, бобыльской сын один» [Там же. Л. 568].

Исходя из названия и содержания результатов переписи можно сделать заключение о том, что данный источник содержит достаточно точные сведения о количестве и составе населения раннего Екатеринбурга.

Полицейская перепись 1738 г. осуществлялась в условиях башкирского восстания 1735–1740 гг. Оборона заводских поселений сделала необходимой регистрацию всего способного держать в руках оружие населения, которое могло быть потенциально мобилизовано для военных действий. Таким образом, целями организации переписи выступали учет мужского населения завода-крепости в возрасте от 15 до 60 лет, а также выяснение общего количества оружия и лошадей, рассредоточенных по дворам в стенах палисада и за его пределами («как внутри Екатеринбурга, так и в подгородных слободах с Мелковою деревнею»). Перепись также проводилась как подворная. Делопроизводители регистрировали мужское население в таблице, состоявшей из пяти колонок со следующими заголовками: «Дворов», «Звание людей», «Лет», «Лошадей», «Ружей» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 996. Л. 308]. Столбец «Ружей» был поделен на шесть колонок: «Фузей», «Турок», «Винтовок», «Писчалей», «Копей», «Сайдаков». Так выглядят таблицы на всех листах документа [Там же. Л. 308–356 об.].

Перепись осуществлялась по частям города. Сначала велась регистрация дворов внутри палисада (Канцелярская, или Торговая, и Церковная стороны). Затем переписчики перешли к учету населения в слободах за пределами крепостных стен. В перепись были включены данные о населении ближайшего пригорода завода-крепости – деревни Мельковки. Дворы описывались по линиям (улицам) с указанием, где эта линия располагалась относительно крепостных стен или ворот. Следует отметить, что в документе фиксировались и пустые дворы либо дворы, где не проживали мужчины соответствующей возрастной категории.

В заголовке документа отмечалось, что переписи подлежало все мужское население за исключением «самих командиров, обор и унтер-офицеров и рядовых салдат». В действительности в источнике зафиксированы все дворовладельцы, а также собственники лошадей и оружия. Как и задумывалось, в нее не попали «командирские» дворы. В то же время дворы солдат и офицеров низших рангов так или иначе встречаются в тексте источника. Наряду с военными в них часто проживали рекруты и представители других категорий населения. Кроме того, в полицейской переписи оказались зарегистрированы 15 женщин, а также мужчины-дворовладельцы старше 60 лет. Таким образом, перепись являлась неполным перечнем жителей города, так как не включала детей, большинство женщин и мужчин преклонного возраста. Итоговые количественные данные источника являются неточными и требуют корректировки с учетом особенностей формирования документа.

Несмотря на это, полицейская перепись 1738 г. представляет ценные сведения о размещении различных категорий населения. Так, например, канцелярские служители селились преимущественно на Канцелярской (Торговой) стороне Екатеринбурга внутри палисада [Там же. Л. 308–313 об., 321–323 об.]. Особенно много их дворов

сосредоточивалось «в линии от палисаду к казенным дворам». Купецкие и торговые люди проживали ближе к торговым рядам, располагавшимся на этой же стороне. Мастерские и рабочие люди расселялись более или менее равномерно по всей территории внутри крепости. Их дворы также встречаются за пределами палисада, правда, в гораздо меньшем количестве. В слободах за крепостными стенами располагались дворы бобылей и их родственников, а также ссыльных и каторжных. В целом социальный состав населения здесь был более разнообразен [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 996. Л. 331–355 об.].

Таким образом, изучение документов, содержащих результаты переписей, показало, что они имеют как большие сходства, так и существенные различия. Обе переписи созданы органами полицейского надзора с целью контроля над численностью населения завода-крепости. Они показывают желание горнозаводской администрации отслеживать процесс заселения Екатеринбурга и ее стремление пресечь появление потенциально нежелательных жителей (беглых, беспаспортных, владельческих крестьян и др.). В то же время переписи отличаются по целям создания, что обусловило разную степень охвата ими населения будущего города.

Анализ и характеристика полученных количественных данных

Обратимся к характеристике количественных данных, полученных в результате обработки выявленных источниковых комплексов. Нами проанализированы материалы переписей 1728, 1734, 1738, 1744 гг. Первоочередной задачей исследования стали подсчеты количества дворов и жителей Екатеринбурга, попавших под учетные мероприятия. Перепись 1736 г. была исключена из анализа по причине специфики фиксации населения: в ней прежде всего учитывались собственники скота (лошадей, коров, коз и пр.), что не позволяет рассматривать ее в качестве переписи населения города.

Выявление сведений о количестве дворов в историографии и документальных источниках позволило создать сравнительную таблицу, отражающую динамику изменения числа дворов в Екатеринбурге в пределах крепостных стен и за ними (табл. 1). По данным историков, в 1725 г. на территории внутри крепости насчитывалось 204 двора и два балагана. Спустя два года количество дворов выросло почти в два раза. Изменилось число дворов в палисаде, появились дворы за крепостными воротами. В последующие годы динамика роста количества дворов была неоднозначной. В частности, в 1734 г. наблюдается уменьшение числа дворов внутри крепости (с 295 до 243). В то же время увеличивается количество дворов за крепостными стенами (с 113 до 228). Это можно объяснить тем, что В. де Геннин, фактически руководивший Екатеринбургским заводом в 1723–1734 гг., стремился избавиться от нерегламентированной застройки, повелев в 1732 г. снести дворы, выстроенные в неустановленных местах за пределами

линий [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 211–211 об.]. Повторное уменьшение количества дворов на территории крепости в 1738 г. (с 317 до 295), скорее всего, было связано с попытками нового руководителя уральских заводов В. Н. Татищева произвести перепланировку Екатеринбурга. Строительство нового гостиного двора привело к расширению внутренней части города за счет перемещения западной стены крепости вовне. В этой связи часть дворов, идущих вдоль старой линии крепостной стены, была снесена [Корепанов, с. 71–72, 94].

Таблица 1

Изменение количества дворов в Екатеринбурге в 1725–1738 гг.

Расположение/Год	1725	1728	1734	1736	1738
Внутри крепости	204 + 2 балагана	295	243	317	295
За крепостными стенами	–	113	228	303	318
Всего	206	408	471	620	613

Сост. по: [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 62, 73 об., 74 об.; Д. 996. Л. 308–357; Очерки истории, 1973, с. 37; Корепанов, с. 34].

Увеличение числа дворов является показателем роста населения завода-крепости. Анализ полученных данных позволяет увидеть значительные расхождения в составе и количестве учтенного населения Екатеринбурга (табл. 2). Как уже отмечалось, их можно объяснить различиями принципов учета жителей. В 1728 г. была произведена подворная перепись всего мужского и женского населения завода-крепости. Этот источник содержит данные о лицах, проживавших как внутри палисада, так и за ним, в том числе и о населении ближайшего пригорода – деревни Мельковки. На наш взгляд, слободы и деревню, находившиеся за крепостными стенами, необходимо включать в состав населения Екатеринбурга, так как в них на постоянной основе жили лица, трудившиеся на заводе или обеспечивавшие иные жизненно важные нужды поселения. Кроме того, они были зарегистрированы в переписи в качестве жителей Екатеринбурга.

Уже спустя пять лет после своего основания Екатеринбург приобрел традиционную структуру, характерную для развитого городского поселения XVI–XVIII вв.: территория будущего города была поделена на две части и включала дворы внутри и за пределами укрепленных сооружений. Как уже отмечалось выше, в переписи не нашли отражение сведения о численности колодников – людей, содержащихся в тюрьме под караулом. Возможно, что они не были учтены, так как в Екатеринбург поступали правонарушители из подчиненных Сибирскому обер-бергамту дистриктов. В конце 1727 – начале 1728 г. на них составили дополнительный реестр, в котором значилось 70 чел.

[РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 612]. Таким образом, численность жителей может быть увеличена до 2907 чел. исходя из представления о необходимости учитывать не постоянное или юридическое, а наличное население Екатеринбурга.

Материалы 1738 г. позволяют получить информацию преимущественно о лицах мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. В соответствии с представлениями демографов количество мужчин этой возрастной группы могло составлять около 30–35 % от численности наличного населения Екатеринбурга [Боярский, с. 20]. Общее количество женщин, проживавших на территории завода-крепости в это время, было не менее 1287 чел. (числа лиц женского пола по подворной переписи 1728 г.). Таким образом, численность населения Екатеринбурга в этот период составляла от 3 до 4 тыс. лиц обоего пола.

Об увеличении численности населения Екатеринбурга в 1728–1738 гг. свидетельствует и сравнение учетного списка 1734 и переписи 1744 г., в которых содержатся сведения о мужчинах (в исключительных случаях – женщинах), так или иначе связанных с функционированием предприятий горнозаводского ведомства. Сопоставление данных о работниках и служащих, трудившихся на Екатеринбургском заводе и в Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов в 1734 и 1744 гг., показало увеличение их количества на 314 чел. (с 1001 до 1315). Следует отметить, что в учетный список 1734 г. попали арестанты и колодники, содержащиеся в тюрьме (74 чел.). В перепись 1744 г. также были включены военные, что привело к увеличению зарегистрированного наличного населения еще на 358 чел.

Таблица 2

**Изменение численности населения Екатеринбурга
во второй четверти XVIII в. (по данным источников 1728–1744 гг.)**

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1728	1559	1287	2837
1734	998	3	1001
1738	1215	15	1229
1744	1673	–	–

Сост. по: [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 559–606; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 177–214 об.; Д. 996. Л. 308–357; Д. 1071. Л. 10, 47 об, 51, 106 об., 142 об., 157 об.]

Несмотря на существенные различия в количественных данных, мы можем говорить о последовательном росте населения Екатеринбурга на протяжении всей второй четверти XVIII в. Эта тенденция становится особенно заметна при изучении численности мужского населения завода-крепости. Обращает на себя внимание, что число

женщин уступало количеству мужчин, что уже отмечалось некоторыми исследователями. Рост населения происходил как за счет естественного прироста, так и путем миграции. В течение всего рассматриваемого периода в городе отмечались прибывающие из различных губерний (Архангелогородской, Московской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Сибирской), городов (Кунгура, Тюмени, Верхотурья) и слобод (например, Мурзинской, Арамашевской, Арамильской, Чюмляцкой) Российской империи. Так, в 1726 г. в Екатеринбурге было учтено 354 «пришлых» человека, живущих в городе «своим двором и на подворьях» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1 Д. 95. Л. 57–73 об.].

Немаловажной оказывалась позиция власти, стремившейся всеми возможными способами расширить количество жителей, занятых в заводских работах. Например, со второй половины 1720-х гг. желающих солдат было решено принимать в мастерские и работные люди. Кроме того, на Урале не проводились полноценные рекрутские наборы. Рекруты не отправлялись на службу в другие уезды и губернии, их оставляли при заводах осваивать профессию и работать на производстве. Еще одной социальной группой, которая обеспечивала функционирование завода, были ссыльные. Изучение документов переписей позволяет сделать вывод, что делопроизводители не всегда отмечали эту категорию населения, чаще упоминая при их регистрации статус на производстве.

Таким образом, процесс формирования Екатеринбурга имел ряд особенностей. Новый населенный пункт первоначально отличался от городов традиционного типа, где имелись сложившийся посад и городская округа, а основными занятиями жителей являлись ремесло и торговля. Мерный рост населения здесь также не был возможен: запуск завода требовал команды специалистов, которых не было на месте, – руководителей горнозаводским производством и мастеровых и работных людей, а также работников, занятых преимущественно тяжелым физическим трудом. Такая ситуация обуславливала быстрый, практически единовременный рост численности населения на еще недавно пустовавшей территории, где наряду с созданием социальной инфраструктуры важно было организовать бесконфликтную коммуникацию «нового» населения завода-крепости.

Исследование источников показало, что горнозаводская администрация стремилась держать под контролем изменения социального состава жителей и размещения населения на территории завода-крепости. Это можно заметить как при анализе частоты составления локальных переписей, так и при изучении изменений количества дворов, зафиксированных в документах. Сопоставление данных о численности населения показало, что в наибольшей степени в источниках отразились сведения о мужчинах, трудившихся на Екатеринбургском заводе. За исключением переписи 1728 г., информация о женщинах представлялась лишь эпизодически, так как регистрировались либо дворовладелицы, либо женщины, занятые на «службе»

в горнозаводском ведомстве. Тем не менее, имеющиеся сведения позволяют увидеть, что в Екатеринбурге количество лиц мужского пола превосходило число женщин. На наш взгляд, эта тенденция объясняется особенностями занятости населения и направленностью государственно регулировавшихся миграционных потоков.

Несмотря на разные принципы фиксации данных, материалы переписей показывают последовательный рост количества жителей завода-крепости. В первую очередь он заметен при изучении численности мужского населения, особенно его части, занятой в обеспечении бесперебойного функционирования производственных процессов. Эти наблюдения подкрепляются изучением расположения и состава дворов, которое можно произвести по материалам подворных переписей.

Горнозаводская администрация была заинтересована не только в том, чтобы расширить состав специалистов горно-металлургического комплекса, но и в том, чтобы сформировать группу жителей, которые бы занимались обеспечением мастеровых и рабочих людей продовольствием и иными товарами первой необходимости. Тем самым последние могли бы не отвлекаться от своих прямых обязанностей. Такая политика вызвала приток в город ремесленников и торговых людей. В частности, отдельной группой жителей Екатеринбурга, напрямую не вовлеченных в горно-металлургическое производство, являлись бобыли. Им было разрешено селиться в пределах Екатеринбурга уже в 1726 г. [Корепанов, с. 38]. Приток новых групп населения, строительство гостиного двора (ставшего центром притяжения для жителей сопредельных территорий), развитие социально-экономической инфраструктуры Екатеринбурга в целом постепенно меняли облик заводского поселка. Эти процессы проявились уже через пять лет после запуска производства: завод-крепость приобрел черты, характерные для городского поселения, что стало одной из предпосылок его превращения с течением времени в город с традиционными структурами и институтами.

Библиографические ссылки

Боярский А. Я. Курс демографической статистики. М. : Госпланиздат, 1945. 264 с.
Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М. : Наука, 1977. 265 с.

Горловский М. А. Очерки из социально-экономической истории русского города на Урале : (Екатеринбург в XVIII – начале 70-х г. XIX в.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. : [Б. и.], 1956. 24 с.

Горловский М. А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 113–121.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 95, 354, 450, 610, 621, 881, 996, 1071, 1192.

Екатеринбург за двести лет (1723–1923 гг.) / под ред. В. М. Быкова. Екатеринбург : Юбилейная комиссия Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. 346 с.

Екатеринбург : Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург : Екатеринбург, 1998. 227 с.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 230 с.

Кабузан В. М. Население Урала в 20–60-х гг. XVIII в. (численность, размещение, этнический состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма : сб. науч. тр. Свердловск : УрО АН СССР, 1990. С. 47–65.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1783 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. 252 с.

Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития : сб. ст. XII Урал. демогр. форума : в 2 т. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2021. Т. 1. С. 91–99. DOI 10.17059/udf-2021-1-12.

Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Урал. гос. ун-та. 1998. № 9. С. 95–100.

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. архит.-худож. ин-т, 1993. 213 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург : ист. очерк // Город Екатеринбург : сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург : И. И. Симанов, 1889. С. 1–57.

Оруджиева А. Г. Население Екатеринбурга: из прошлого в настоящее // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. / отв. ред. Е. С. Тулисов. Екатеринбург : Филантроп, 2002. С. 108–110.

Очерки истории Свердловска. Свердловск : Книж. изд-во, 1958. 396 с.

Очерки истории Свердловска. 1723–1973. Свердловск : Ср.-Урал. книж. изд-во, 1973. 374 с.

Пулькин М. В. Феномен горнозаводского населения (по материалам Олонецких Петровских заводов) // *Studia Humanitatis* : [электр. журн.]. 2018. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (дата обращения: 16.04.2023). DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004.

Редин Д. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения городского текста // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 3. С. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795.

Черкасова А. Н. Состав населения Нижнего Тагила в середине XVIII в. // Черкасова А. Н. Рождение индустриальной цивилизации Урала, XVIII век : Исследования, 1961–1991 гг. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2012. С. 74–89.

Чупин Н. К. К истории Екатеринбурга. Подворные описи Екатеринбурга в 1736 году // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Пермских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь : Перм. губ. стат. комитет, 1882а. Вып. 1. С. 41–47.

Чупин Н. К. Полуторастолетие Екатеринбурга (1723–1873 гг.) // Сборник статей касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Пермских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь : Перм. губ. стат. комитет, 1882b. Вып. 1. С. 1–37.

References

Boyarsskii, A. Ya. (1945). *Kurs demograficheskoi statistiki* [A Course of Demographic Statistics]. Moscow, Gosplanizdat. 264 p.

Bykov, V. M. (Ed). (1923). *Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923 gg.)* [Yekaterinburg throughout Two Hundred Years (1723–1923)]. Yekaterinburg, Yubileynaya komissiya Ekaterinburgskogo gorodskogo soveta rabochikh i krasnoarmeiskikh deputatov. 346 p.

Cherkasova, A. N. (2012). Sostav naseleniya Nizhnego Tagila v seredine XVIII v. [The Diversity of Population of Nizhny Tagil in the Mid-18th Century]. In Cherkasova, A.

N. *Rozhdenie industrial'noi tsivilizatsii Urala, XVIII vek. Issledovaniya, 1961–1991 gg.* Yekaterinburg, Demidovskii institut, pp. 74–89.

Chupin, N. K. (1882a). K istorii Ekaterinburga. Podvornnye opisi Ekaterinburga v 1736 godu [On the History of Yekaterinburg. Household Censuses of Yekaterinburg in 1736]. In *Sbornik statei, kasayushchikhsya Permskoi gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Permskikh vedomostei v period 1842–1881 gg.* Perm, Permskii gubernskii statisticheskii komitet. Iss. 1. pp. 41–47.

Chupin, N. K. (1882b). Polutorastoletie Ekaterinburga (1723–1873 gg.) [Yekaterinburg's 150th Anniversary (1723–1873)]. In *Sbornik statei, kasayushchikhsya Permskoi gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Permskikh vedomostei v period 1842–1881 gg.* Perm', Permskii gubernskii statisticheskii komitet. Iss. 1. pp. 1–37.

Ekaterinburg. Istoricheskie ocherki (1723–1998) [Yekaterinburg. Historical Essays (1723–1998)]. (1998). Yekaterinburg, Yekaterinburg. 227 p.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 95, 354, 450, 610, 621, 881, 996, 1071, 1192.

Gorlovskii, M. A. (1956). *Ocherki iz sotsial'no-ekonomicheskoi istorii russkogo goroda na Urale. (Ekaterinburg v XVIII – nachale 70-kh g. XIX v.)* [Essays from the Socio-Economic History of the Russian City in the Urals (Yekaterinburg in the 18th – Early 1870s)]. Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, S. n. 24 p.

Gorlovskii, M. A. (1958). Sotsial'nyi sostav naseleniya Ekaterinburga vo vtoroi polovine XVIII v. [The Social Figures of the Population of Yekaterinburg in the Second Half of the 18th Century]. In *Iz istorii rabocheho klassa i revolyutsionno go dvizheniya.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 113–121.

Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. (po materialam revizii)* [The Population of Russia in the 18th – First Half of the 19th Centuries (Based on Census Materials)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 230 p.

Kabuzan, V. M. (1990). Naselenie Urala v 20–60-kh gg. XVIII v. (chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav) [The Population of the Urals in the 1720s–1760s (Number, Location, Ethnic Diversity)]. In *Demograficheskie protsessy na Urale v epokhu feodalizma. Sbornik nauchnykh trudov.* Sverdlovsk, Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR, pp. 47–65.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1783 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1783)]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Kornilov, G. E. (2021). Trekhstoletnyaya demograficheskaya istoriya Ekaterinburga: istochniki i istoriografiya [Three Hundred Years of Demographic History of Yekaterinburg: Primary Sources and Historiography]. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya. Sbornik statei XII Ural'skogo demograficheskogo foruma v 2 t.* Yekaterinburg, Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN. Vol. 1, pp. 91–99. DOI 10.17059/udf-2021-1-12.

Kuz'min, A. I., Orudzhieva, A. G. (1998). Istoriko-demograficheskii portret Ekaterinburga [Historical and Demographic Portrait of Yekaterinburg]. In *Izvestia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 9, pp. 95–100.

Lotareva, R. M. (1913). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ural'skii arkhitekturno-khudozhestvennyi institut. 213 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1889). *Gorod Ekaterinburg. Istoricheskie ocherk* [Yekaterinburg City. An Historical Essay]. In *Gorod Ekaterinburg. Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedenii po gorodu, s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedenii po Ekaterinburgskomu uezdu.* Yekaterinburg, I. I. Simanov, pp. 1–57.

Ocherki istorii Sverdlovskaya [Essays on the History of Sverdlovsk]. (1958). Sverdlovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 396 p.

Ocherki istorii Sverdlovskaya. 1723–1973 [Essays on the History of Sverdlovsk. 1723–1973]. (1973). Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 374 p.

Orudzhieva, A. G. (2002). Naselenie Ekaterinburga: iz proshlogo v nastoyashchee [The Population of Yekaterinburg: From the Past to the Present]. In Tulisov, E. S. (Ed.). *Ekaterinburg: ot zavoda-kreposti k evrazijskoi stolitse. Materialy vsrossiiskoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 23–24 maya 2002 g. Yekaterinburg, Filantrop, pp. 108–110.

Pul'kin, M. V. (2018). Fenomen gornozavodskogo naseleniya (po materialam Olonetskikh Petrovskikh zavodov) [The Phenomenon of the Mining Plant Population (Based on the Materials of the Olonets Petrovsky Plants)]. In *Studia Humanitatis* [electronic journal]. No. 2. URL: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (accessed: 16.04.2023). DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004.

Redin, D. A. (2021). Ekaterinburg generala Gennina: opyt prochteniya gorodskogo teksta [General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text"]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No 3, pp. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 271. List 1. Dos. 795.

Vodarskii, Ya. E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie)* [The Population of Russia in the Late 17th – Early 18th Centuries (Number, Class Figures, Location)]. Moscow, Nauka. 265 p.

The article was submitted on 23.03.2023

Позиция В. де Геннина по вопросу о приватизации казенной металлургии*

Михаил Акишин

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

W. de Henning's Position on the Privatisation of State-Owned Metallurgy

Mikhail Akishin

Peter the Great St Petersburg Polytechnic University,
St Petersburg, Russia

The formation of metallurgy in Russia occurred during the Northern War, which predetermined the dominance of state ownership in this sector of the economy. During the end of the war, Peter I embarked on a policy of privatising the state-owned industry. The regulatory and legal basis for privatisation was the Berg Privileges of 1719. However, having begun the policy of transferring state-owned factories to companies of private industrialists, Peter I was not consistent. He thought about the development of the state-owned metallurgy of the Urals and, at the same time, considered the possibility of its transfer to private industrialists in the future. This article examines the position of W. de Henning on the issue of privatisation. During his leadership of the local mining industry in 1720–1722, V. N. Tatishchev was the first to raise the question of the need to privatise the state-owned metallurgy of the Urals. In 1722, Peter I appointed Henning as head of the state mining industry of the Urals, giving him extensive administrative power. In 1722–1724, Henning managed to reconstruct the old state-owned factories and build new ones – Yekaterinburg, Polevskoy, Pyskor, and Yagoshikha. Meanwhile, in 1724, Tatishchev presented to Peter I projects for the privatisation of state-owned factories in the Urals. The emperor “accepted these projects as beneficial ones” but at the same time, developed a complex procedure for considering privatisation issues in the relevant central and local state bodies. In 1724, Tatishchev’s projects received negative reviews from the Berg Collegium

---

* *Citation*: Akishin, M. (2023). W. de Henning's Position on the Privatisation of State-Owned Metallurgy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 776–789. DOI 10.15826/qr.2023.3.817.

Цитирование: Акишин М. W. de Henning's Position on the Privatisation of State-Owned Metallurgy // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 776–789. DOI 10.15826/qr.2023.3.817 / Акишин М. Позиция В. де Геннина по вопросу о приватизации казенной металлургии // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 776–789. DOI 10.15826/qr.2023.3.817.

and Henning, who pointed to high profits from state-owned factories. At the same time, Henning proposed his projects which either meant the transfer of state-owned factories to the company of Peter I, A. D. Menshikov, F. M. Apraksin, etc., or the transfer of Pyskor plants to him, A. Stroganov, and M. Turchaninov. However, Tatishchev and Henning's discussion of the projects ground to a halt due to the death of Peter I. Again, the question of privatisation of the state-owned metallurgy of the Urals arose during the so-called "sales crisis" of 1729–1732 and was already post-suppressed by Henning. Henning's privatisation projects were discussed in the Senate, the Berg Board, and the Monetary Commission. In 1733, a Commission on state-owned factories was established. However, in 1732, the "sales crisis" was overcome, and Henning abandoned his privatisation projects. He finally came to the conclusion that state ownership in metallurgy was no less effective than private ownership and began a new stage of construction of state-owned factories in the Urals. The same position was held by Tatishchev, who replaced Henning in 1734–1737 as head of the Ural plants. The subsequent history of privatisation campaigns of the second half of the eighteenth – early twentieth centuries confirmed the validity of this conclusion, with considerable state ownership in metallurgy not only remaining but also expanding.

Keywords: privatisation policy of Peter I, Ural metallurgy, W. de Henning, V. N. Tatishchev

Становление металлургии в России происходило в условиях Северной войны, что предопределило господство государственной собственности в этом секторе экономики. В период окончания войны Петр I приступил к политике приватизации казенной промышленности. Нормативно-правовой основой приватизации стала Берг-привилегия 1719 г. Однако, начав политику передачи казенных заводов компаниям частных промышленников, Петр I не был последователен. Он задумался о развитии казенной металлургии Урала и при этом рассматривал возможность ее передачи частным промышленникам в последующем. В статье рассматривается позиция В. де Геннина по вопросу приватизации. Впервые вопрос о необходимости приватизации казенной металлургии Урала поставил В. Н. Татищев в период руководства им местной горнозаводской промышленностью в 1720–1722 гг. В 1722 г. Петр I назначил руководителем казенной горной промышленности Урала генерал-майора Геннина, наделив его обширными административными полномочиями. Геннину удалось в 1722–1724 гг. провести реконструкцию старых казенных заводов и осуществить строительство новых: Екатеринбургского, Полевского, Пыскорского и Ягошихинского. Между тем Татищев в 1724 г. представил Петру I проекты приватизации казенных заводов Урала. Император «принял за благо» эти проекты, но при этом разработал сложную процедуру рассмотрения вопросов приватизации в профильных центральных и местных государственных органах. Проекты Татищева получили в 1724 г. отрицательные отзывы Берг-коллегии и Геннина, указывавших на высокие прибыли от казенных заводов. При этом Геннин предложил свои проекты либо передачи казенных заводов в компанию Петра I, А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина

и др., либо передачи Пыскорских заводов в компанию ему, А. Г. Строганову и М. Ф. Турчанинову. Однако обсуждение проектов Татищева и Геннина было приостановлено в связи со смертью Петра I. Вновь вопрос о приватизации казенной металлургии Урала встал во время так называемого «кризиса сбыта» 1729–1732 гг. и был поставлен уже Генниным. Проекты приватизации Геннина обсуждались в Сенате, Берг-коллегии, Комиссии о монете. В 1733 г. была создана Комиссия о казенных заводах. Однако в 1732 г. «кризис сбыта» был преодолен, и Геннин отказался от своих проектов приватизации. Он окончательно пришел к выводу о том, что государственная собственность в металлургии не менее эффективна, чем частная, и начал новый этап строительства казенных заводов на Урале. Этой же позиции придерживался и Татищев, сменивший в 1734–1737 гг. Геннина на должности руководителя заводов Урала. Последующая история приватизационных компаний второй половины XVIII – начала XX в. подтвердила обоснованность этого вывода, крупная государственная собственность в металлургии не только сохранилась, но и расширилась.

Ключевые слова: политика приватизации Петра I, уральская металлургия, В. де Геннин, В. Н. Татищев

В странах Западной Европы становление мануфактурной промышленности произошло в XVI в. благодаря частной инициативе предпринимателей и государственной политике меркантилизма. В России мануфактурное производство появилось позднее – в середине XVII в. Рубежом в его становлении стали годы Северной войны, что определялось потребностями регулярной армии и флота. При разработке и реализации промышленной политики Петр I, с одной стороны, руководствовался европейским опытом, с другой, действовал по ситуации в условиях войны. В частности, если в странах Западной Европы металлургическая промышленность возникла и развивалась благодаря инициативе частных собственников, то в России она была преимущественно казенной.

С позиций современной экономической истории в этом не было парадокса. Как доказывает Р. Аллен, только в Голландии и Англии становление крупных мануфактур в XVI–XVIII вв. происходило благодаря частной инициативе, стандартная же модель догоняющего развития XIX в. и модель «большого толчка» XX в. осуществлялись благодаря экономической политике государства и при наличии большого сектора государственной экономики. Отмечает Р. Аллен и эффективность политики Петра I, который выступил «инициатором создания большого числа мануфактур и заводов, изготавливавших продукцию для армии и флота» [Аллен, с. 166].

Однако для Петра I и его сподвижников, включая В. де Геннина, образцом являлся именно европейский опыт становления промышленности. Кроме того, Северная война привела к экономическому перенапряжению страны, что усугубилось неурожаем и голодом

1722–1727 гг. Переосмысление целей развития мануфактурной промышленности России произошло в условиях окончания Северной войны. Именным указом от 15 декабря 1717 г. были учреждены Берг- и Мануфактур-коллегия [Воскресенский, с. 218, 220]. Во введении к Берг-привилегии от 10 декабря 1719 г. Петр I сформулировал новые задачи развития металлургии: «От рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля обогатет и процветет, также пустые и бесплодные места многолюдством населятся». В ст. 1 этого указа устанавливалась свобода горнозаводской промышленности: «Каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы» [ПСЗ-1, т. 5, № 3464].

В 20-х гг. XVIII в. началась политика приватизации мануфактурной промышленности России¹. Однако Петр I, начав политику передачи казенных заводов компаниям частных промышленников, не был последователен. В условиях окончания Северной войны российский самодержец задумался о развитии казенной металлургии Урала, но при этом рассматривал и возможность ее передачи частным промышленникам в последующем. Исследования о проведении приватизации в металлургической промышленности России 20–30-х гг. XVIII в. ведутся уже более столетия (Н. К. Чупин, В. И. Рожков, М. И. Мартынов, Н. И. Павленко, А. И. Юхт, Н. Н. Петрухинцев и др.). В настоящей статье рассматривается позиция В. де Геннина по вопросу приватизации казенной металлургии Урала. Документы по этой проблеме – нормативно-правовые акты, их проекты, административная переписка – введены в научный оборот как уже упоминавшимися выше историками, так и автором настоящей статьи (см. вступит. ст. и комментарии к изд.: [Геннин, 1995]).

В мае 1720 г. на Урал была послана группа специалистов в составе капитана артиллерии В. Н. Татищева, бергмейстера И. Ф. Блиера, бергшрейбера И. Ф. Патрушева и др. Указом коллегии от 23 мая 1721 г. им поручалось строить на Урале и в Сибири «серебряные и медные, серные и квасцовые заводы», ибо таковых «в России нет» [РГАДА. Ф. 271. Кн. 618. Л. 48–48 об.]. Административными полномочиями был наделен В. Н. Татищев, но они были недостаточны для того, чтобы государственная администрация и частные промышленники Казанской и Сибирской губерний считались с его решениями [Юхт, с. 42–49]. Столкнувшись с этим препятствием, Татищев почти сразу поставил вопрос о приватизации казенных заводов. В донесении в Берг-коллегию от 13 сентября 1720 г. он предлагал «заводы отдаленные и вновь обретенные рудные места, где не в близости, отдавать вольным людям в промысел» [Чупин, с. 51].

---

¹ Термин «приватизация» (от лат. *privatus* – частный, находящийся в личной собственности) был введен в оборот в 1976 г. американским экономистом Р. Пулом. Однако практика отчуждения государственного имущества в частную собственность существовала с Античности.

В. Н. Татищев осознавал недостаточность своих полномочий. В 1721 г. он писал в Берг-коллегию, что если она сомневается в его способностях как руководителя, то ей следует прислать сюда другого, наделив его всей полнотой власти. В апреле 1722 г. Демидов во время личной встречи с Петром I выдвинул против Татищева ряд обвинений, утверждая, в частности, что по его приказам у него отобрали часть пристани на Чусовой, задерживали привоз хлебных припасов на его заводы и др. [Юхт, с. 57, 111–114].

В этих условиях Петр I направил на Урал генерал-майора В. де Геннина. Выбор этот не был случайным. На службу в Россию Геннин попал во время Великого посольства. В 1700–1710 гг. он участвовал в боевых действиях Северной войны, дослужившись до звания майора артиллерии. Привлек внимание царя заслугами в осаде Выборга и взятии Кексгольма, после чего был назначен достраивать Литейный пушечный двор в Санкт-Петербурге. В 1713–1720 гг. занимал должность коменданта Олонецкого уезда и ведал Петровскими заводами, сыгравшими решающую роль в обеспечении флота России в ходе битвы за Балтийское море.

В инструкции В. де Геннину от 29 апреля 1722 г. император предписывал железные и медные заводы «всем исправить и привести в доброе состояние и размножение» (п. 1 и 2). Для развития горно-заводского производства Геннин получал право требовать от Сената, губернаторов и воевод «деревень и земель» (п. 4, 5) и т.д. Кроме того, Геннину предписывалось провести «розыск» дела между Демидовым и Татищевым, «не маня ни для кого» (п. 3). В тот же день состоялись именные указы Сенату, губернаторам и воеводам Казанской и Сибирской губернии об оказании содействия Геннину [Геннин, 1995, с. 419].

На Урал В. де Геннин взял с собой В. Н. Татищева для проведения «розыска» между ним и Демидовым. «Розыск» был закончен в феврале 1723 г. Геннин установил, что действия Татищева были законными. В последующем это было подтверждено решением Вышнего суда при Сенате. Находясь на Урале, Татищев участвовал в строительстве Исетского завода, перестройке старых предприятий и других работах [Юхт, с. 114–119, 121, 128].

Пользуясь обширными полномочиями и правом личной переписки с императором, В. де Геннин наладил отношения с администрациями Сибирской и Казанской губерний, частными промышленниками, создал эффективный местный орган управления горнозаводской промышленностью – Сибирский обер-бергамт. В 1722–1724 гг. ему удалось реконструировать старые казенные заводы и осуществить строительство новых – Екатеринбургского, Полевского, Пыскорского и Ягошихинского.

В конце ноября 1723 г. В. де Геннин послал В. Н. Татищева в Петербург, отправив с ним письма Петру I, Екатерине и кабинет-секретарю А. В. Макарову. В них он просил оказать помощь в решении неотложных дел, связанных с развитием уральской металлургии.

Приехавший в Петербург в январе 1724 г. Татищев был взят «ко двору» и около года находился при Петре I.

В 1724 г. Татищев составил и представил Петру I проект, в котором предлагал передать Полевской и Гумешевский медные рудники частной компании и разрешить ей построить медеплавильный завод. Согласно проекту, компания должна была получить права, превосходящие те, которые закреплялись в Берг-привилегии 1719 г.: ей должны были предоставить кредиты на строительство, приписать к заводам 500 крестьянских дворов, освободить от уплаты в казну десятины на 20 лет и т.д. 1 сентября 1724 г. Татищев вручил Петру I памятную записку, в которой предлагалось уже «все государственные заводы... и места рудные... роздать в компании охотникам» [Юхт, с. 139–143, 148–149].

Петр I «принял за благо» проект В. Н. Татищева [РГАДА. Разряд IX. Отд. 2. Кн. 81. Л. 36 об.], но при этом прибег к правовой процедуре рассмотрения вопросов приватизации в профильных центральных и местных государственных органах, оценки средств казны, истраченных на их строительство, прибыльности заводов и т.д. В результате сопоставления различных «мнений» должен был быть выработан окончательный проект «кондиций» передачи казенных заводов в частную собственность на утверждение самодержца.

Петр I передал проект В. Н. Татищева на рассмотрение в Сенат, который запросил мнения Берг-коллегии и В. де Геннина. Мнение Берг-коллегии было отрицательным [Там же. Ф. 271. Кн. 107. Л. 11–15]. Геннин в письме Петру I от 4 апреля 1724 г. также высказался против проекта Татищева. В донесении императору от 11 ноября 1724 г. он даже писал, что получает «с Москвы такие указы глупые» [Геннин, 1995, с. 244]. В целом Геннин доказывал самодержцу: «Нынешние медные заводы и такие хорошие места невеликий расход будет на твоём иждивении содержать, но велика прибыль будет тебе» [Там же, с. 216].

Однако проект В. Н. Татищева находился на рассмотрении в Сенате, и В. де Геннин вынужден был реагировать на это. При этом Геннин, уроженец немецкого г. Зигена с его традициями частной металлургии, был сторонником частного предпринимательства. При его деятельном участии в 1722 г. Н. Демидов основал Выйский завод в Верхотурском уезде, в 1726 г. барон Строганов – Таманский в Соликамском уезде. Однако долгий опыт руководства сначала Петровскими заводами Олонекского уезда, а затем строительства заводов Урала убедил его в прибыльности казенной металлургии.

В. де Геннин выдвинул ряд своих проектов приватизации. В письме А. В. Макарову от 21 февраля 1724 г. он предложил создать компанию, в которую призывал «государя, государыню императрицу, светлейшего князя (А. Д. Меншикова. – М. А.), Федора Матвеевича (Апраксина. – М. А.) и протчих господ», обещая за те средства, которые они направят на развитие заводов, ежегодную прибыль. В письме А. В. Макарову от 11 ноября 1724 г. в ответ на предложение Татищева Геннин вновь предлагал «напамятовать Его величеству» о своем предложении пере-

дать Пыскорские заводы в компанию Петру I, от чего царь «мог бы сам хорошую прибыль получить» [Геннин, 1995, с. 208–209, 242].

В донесении Петру I от 11 ноября 1724 г. В. де Геннин выдвинул более реалистичный проект передачи Пыскорских заводов и рудников с мастеровыми и работными людьми, приписными крестьянами в компанию ему, барону А. Г. Строганову и соликамскому бурмистру М. Ф. Турчанинову. К донесению были приложены «кондиции», подписанные Генниным, Строгановым и Турчаниновым, содержавшие условия передачи заводов: во-первых, они обязывались «в казну Вашего величества весь убыток, во что [строение заводов] стало, заплатить в три года медью»; во-вторых, «по прошествии трех лет станем платить в казну... десятое от меди»; в-третьих, уплачивать «подати за приписных к заводам крестьян»; в-четвертых, «всех мастеровых и работных людей, горных и заводских служителей, которые при оных заводах, содержать будем на своем жалованье» [Там же, с. 243–247, 261–266].

Этот проект нашел поддержку Петра I. В письме от 24 декабря 1724 г. самодержец, вызывая В. де Геннина в С.-Петербург, писал ему: «Что же писал ты ныне об отдаче вам обоих Пыскорских плавильных заводов обще с Строгановыми, и то по желанию вашему по приезде вашем сюды будет исполнено». Геннин получил это письмо на Пыскорском заводе 16 января 1725 г. [Базарова, Чиркова, с. 940–941], то есть за 12 дней до смерти Петра I.

Возможно, из-за смерти Петра I проекты В. Н. Татищева и В. де Геннина не были реализованы. Но после вступления на престол Екатерины I они продолжали обсуждаться. В личной «грамотке» от 7 марта 1727 г. Геннин просил А. В. Макарова защитить его от нападков В. Н. Татищева при дворе и в Берг-коллегии. Он считал, что Татищев «коварством наполнен» и «мои труды по казенной прибыли... ничтожит» [Геннин, 1995, с. 405–406].

В донесении в Кабинет е.и.в. от 2 января 1726 г. В. де Геннин вновь обосновал свою позицию по возможной приватизации казенных заводов Урала. Прежде всего он докладывал, «что все сибирские, и пермские медные, и железные казенные заводы, и протчие фабрики» окупались и «по прошествии еще года уже прибылью от себя служить будут». Отсюда он продолжил критику проекта В. Н. Татищева, который предлагал отдать заводы «в компанию с такой кондициею, дабы дватцать лет со оной компании ничего не брать», то есть, «почитай, даром».

В. де Геннин продолжал считать, что заводы следует сохранить в казенной собственности, если же будет принято решение об их отдаче в частные компании, то следует провести торги, уведомив претендентов о «кондициях» передачи заводов: во-первых, «заводы отдать со всем строением, токмо, чтоб они оной не раззорили, но всегда исправляли и починивали»; во-вторых, компанейщики обязаны были сразу уплатить за «припасы... яко руды, инструмент, уголь, дрова и прочия»; в-третьих, начать уплачивать в казну деся-

тую долю прибыли через год или два после передачи им в собственность; в-четвертых, уплачивать жалование мастеровым и работным людям; в-пятых, вносить подушные подати за приписных крестьян. При этом после передачи заводов частным компаниям следовало сохранить «здесь обер- или берг-амту, которого должность будет смотреть, чтоб компанейщики содержали заводы и горные дела в добром порядке» [Геннин, 1995, с. 315–319].

Вопрос о приватизации казенной металлургии Урала остро встал во время так называемого «кризиса сбыта». В 1729–1732 гг. на складах Берг-коллегии скопился нереализованный остаток железа в 202 тыс. 183 пуда при среднегодовом объеме производства в 194 тыс. 268 пудов [Павленко, с. 240]. Пик кризиса был достигнут в 1730 г., когда из 177 тыс. 479 пудов казенного железа, доставленного в Петербург, было продано за границу всего 5 200 пудов [Там же, с. 278]. В условиях «кризиса сбыта» сначала в Верховном тайном совете, а затем в Сенате был поставлен вопрос о приватизации казенной металлургии.

В этот раз вопрос о приватизации был инициирован В. де Гениным. В донесении в Сенат от 12 марта 1729 г. Геннин, ссылаясь на проблемы с обеспечением казенных заводов рабочей силой и рост производственных затрат, поставил вопрос о передаче казенных заводов «в компанию» частным лицам, «которые имеют у себя хороший капитал и экспериенц к горным и заводским делам» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 1–4].

16 апреля 1730 г. В. де Геннин представил в Сенате новое донесение о приватизации казенных заводов. Он вновь ссылаясь на дефицит рабочей силы и указывал, что ныне казенным заводам «прибыли едва треть получить можно (против рассчитанной ранее. – М. А.), затем, что пред сего медь в продаже была по 9-ти, а ныне уже только по 7 руб. пуд, также и железа в Москве цена весьма умалилась». Поэтому, по его мнению, казенные заводы следовало передать частным промышленникам, ибо, как следовало из европейского опыта, «за лутчее усмотрено производить заводы по компаниям, нежели на казенном коште». В заключении к донесению Геннин ставил вопрос об учреждении особой комиссии для рассмотрения судьбы заводов, которая должна была решить, «как прибыльнее их содержать: на казенном ли коште или отдать в компании» [Там же. Л. 5–8].

На следующий день, 17 апреля 1730 г., донесение В. де Геннина было рассмотрено в Сенате. В результате сенаторы затребовали общее мнение Берг-коллегии и Геннина по вопросам передачи казенной металлургии Урала частным промышленникам, которое должно было сопровождаться целым комплексом ведомостей о состоянии казенных заводов. Этот комплекс должен был включать сведения, во-первых, о затратах на строительство заводов и количестве работающих на них с момента основания, во-вторых, о количестве произведенной на заводах меди и железа по годам, в-третьих, об итогах продажи меди и железа, в-четвертых, о том, окупилось ли строительство заводов [Там же. Л. 35–36].

Ведомости по столь обширному кругу вопросов было невозможно составить в краткие сроки. 3 августа 1730 г. Берг-коллегия донесла в Сенат, что не в состоянии их составить без получения подробной информации из Сибирского обер-бергамта. Комплекс ведомостей о состоянии казенных заводов был получен Берг-коллегией из Сибирского обер-бергамта в декабре 1730 г. [РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 345–407] и только к 1 февраля 1731 г. разослан во все инстанции, занимавшиеся вопросами приватизации казенных заводов Урала [Там же. Л. 50]. В результате рассмотрение вопроса в Сенате было отложено до весны 1731 г.

Между тем, 6 ноября 1730 г. В. де Геннин представил в Сенат донесение, в котором необходимость приватизации казенных заводов аргументировал тем, что «такое намерением имел блаженные и вечнодостоинные памяти Петр Первый». Геннин считал, что заводы должны были передаваться частным «компаниям», имевшим капитал не менее, чем 300 тыс. руб., требующийся для полной реализации трехгодичного производственно-сбытового цикла (из расчета 100 тыс. руб. в год), и обладавшим необходимым «экспериенц» к горным и заводским делам. Заводы должны были передаваться «компаниям» с мастеровыми людьми и приписными крестьянами. При передаче заводов компанейщики оплачивали лишь «движимое» имущество (запасы железа, угля, руды и часть инструментов), а после вступления во владение должны были ежегодно выплачивать в казну десятину в размере 15 тыс. 200 руб. в год.

При этом В. де Геннин исходил из необходимости предусмотреть возможности, во-первых, возврата заводов в казну в случае, если «компанейщики» не справятся с управлением ими; во-вторых, государственного контроля за использованием заводов, труда мастеровых и приписных крестьян, а также иностранных специалистов, переходящих на службу к частным промышленникам. В качестве механизмов контроля предусматривались включение в «компанию» представителя государственной администрации (видимо, самого Геннина), а также оставление заводов в юрисдикции Берг-коллегии [Там же. Л. 38–41 об.].

4 марта 1731 г. Сенат поручил Комиссии о монете рассмотреть возможность приватизации казенных заводов Урала, но на иных принципах в сравнении с теми, что предлагал В. де Геннин. Сенат предлагал следующее: во-первых, передать заводы в несколько различных компаний; во-вторых, заменить труд приписных крестьян вольнонаемным; в-третьих, если не удастся обойтись без труда приписных, то обязать компанейщиков ограничить норму эксплуатации их труда отработкой подушного оклада по нормам «плаката» 1724 г.; в-четвертых, изъять из ведома компанейщиков таможенные и кабацкие сборы [Там же. Л. 54].

29 марта 1731 г. в Сенате было получено новое доношение от В. де Геннина. Он скорректировал свой план приватизации, предложив передавать казенные заводы восьми отдельным компаниям.

В тот же день состоялось заседание Сената, на котором обсуждались проекты приватизации и был поставлен вопрос о льготе компанейщикам на первый год уплаты десятины. При этом сенаторы считали, что все работы на заводах должны выполняться вольным наймом, а цены на казенное железо должны быть снижены с целью ускорения его продажи и оборачиваемости капитала [РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 66–67, 88–89].

В марте – апреле 1731 г. определилась позиция Берг-коллегии по вопросу приватизации казенных заводов Урала. Там считали, что такая приватизация нанесет ущерб доходам казны, которая получает от казенных заводов 65 тыс. руб. прибыли ежегодно, поэтому заводы нужно оставить в казенной собственности [Там же. Л. 146].

В Сенате учли мнение Берг-коллегии и 3 мая 1731 г. постановили затребовать у В. де Геннина ведомости о доходности казенных заводов, а у Комиссии о монете – мнение о целесообразности их приватизации [Там же. Л. 181]. 18 мая 1731 г. Комиссия о монете представила свое мнение, в котором выступила за приватизацию уральской металлургии. В отличие от предлагавшейся Генниным передачи казенных заводов восьми компаниям, в комиссии считали, что нужно создать четыре компании (две – железных, и две – медных заводов). В нарушение Берг-привилегии предлагалось передавать компаниям уже отысканные другими частными промышленниками рудные месторождения и даже частные заводы. Донесение Монетной комиссии от 18 мая 1731 г. было подписано Я. М. и А. М. Евреиновыми, В. Б. Нероновым, О. А. Соловьевым и В. Н. Татищевым [Там же. Л. 146–150 об.]. Авторство донесения, видимо, принадлежало Татищеву, так как он повторял многие его прежние проекты.

В 1731 г., помимо мнений от Берг-коллегии, Монетной комиссии и В. де Геннина, были собраны мнения по вопросу приватизации казенных заводов Урала от управляющих заводами и членов Сибирского обер-бергамта [Павленко, с. 182]. Но основными были три позиции: Берг-коллегии, Монетной комиссии и Геннина. Обсудив их, Сенат 4 июня 1731 г. решил доложить о результатах обсуждения императрице [РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 250 об.]. Однако решение тогда принято не было, и вопрос о приватизации уральских казенных заводов вновь поступил на рассмотрение Сената только в июне 1732 г.

Между тем 16 мая 1732 г. «кризис сбыта» был преодолен. В этот день был заключен пятилетний контракт на ежегодные поставки 200 тыс. пудов железа по фиксированной цене 60 коп. за пуд Шифнеру и Вульффу, которые платили серебром и уплачивали таможенные пошлины ефимками [ПСЗ-1, т. 8, № 6508]. После заключения этого контракта казенная промышленность стала высокоприбыльной и вопрос о ее приватизации временно отпал.

В этих условиях В. де Геннин отказался от своих проектов приватизации и увидел новые перспективы развития казенной металлургии. Под его контролем началось перепрофилирование медного Полевского завода из-за истощения при нем запасов медной руды

в предприятие черной металлургии, в 1733 г. при заводе была построена домна. Еще одну домну заложили на Верх-Исетском заводе. В 1733 г. был введен в строй Сысертский завод, названный в честь императрицы Анны Иоанновны [РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 387–399; Кн. 1098. Л. 90, 95 об.].

Эта деятельность В. де Геннина по развитию казенной промышленности противоречила его прежней позиции по приватизации казенных заводов, что было отмечено в Сенате. При обсуждении его донесений от 22 мая 1732 г. сенаторы, в частности, указали: «в прежнем мнении он, Геннинг, представлял, что все заводы отдать в руки партикулярных людей... ис чего польза показана будет, а в нынешнем доношении и карте показывает, чтоб быть казенным, и ис того видно, что он партикулярным людям отдавать не желает, и места все забрать под казенные» [Там же. Кн. 1905. Л. 191 об. –192].

Таким образом, после окончания кризиса сбыта В. де Геннин окончательно пришел к выводу о том, что государственная собственность в металлургической промышленности не менее эффективна, чем частная. Этой же позиции стал придерживаться и В. Н. Татищев, сменивший в 1734–1737 гг. Геннина на должности руководителя заводов Урала и Сибири. В «Инструкции», которую он получил при отправлении на Урал, ему поручались «поправление» действующих казенных заводов и строительство новых для «умножения» доходов казны [ПСЗ-1, т. 9, № 6559]. В 1738 г. Татищев писал: «В России ни один заводчик к строению заводов собою перво не вступил, и завода не построил, но везде сперва казенные построены, а потом помощью оных другие промышленники строить начали или, взяв казенные, размножили» [цит. по: Рожков, с. 295].

Однако Сенат, несмотря на разрешение кризиса сбыта, 30 июня 1732 г. подал императрице доклад, в котором на основе предложений Геннина, Берг-коллегии и Монетной комиссии 1731 г. продолжил настаивать на приватизации [ПСЗ-1, т. 8, № 6108]. 19 июля 1732 г. в Сенате был «слушан доклад об отдаче сибирских медных и железных заводов в компании, и приказали: во мнении дополнить, что заводы всемерно отдать надлежит в компании, и о том публиковать, и по публике надлежит иметь, что будут являться ко взятю тех заводов охотники» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 283–284].

23 мая 1733 г. была создана Комиссия о казенных заводах, которой надлежало «учинить основательное определение... каким образом к лучшему нашему интересу быть может, а именно на казенном ли коште их содержать, или отдать партикулярным людям» [Там же. Кн. 161. Л. 568 об.]. 30 января 1734 г. комиссия в доношении Сенату выступила за приватизацию казенной металлургии, прибегнув к уже традиционным аргументам (рост издержек производства, высокие расходы на администрацию казенных заводов и т.д.) [Там же. Кн. 1098. Л. 302–305]. При этом Сенат и комиссия затребовали новые ведомости от Сибирского обер-бергамта о состоянии казенных заво-

дов. В ходе составления этих ведомостей и было создано обширное сочинение В. де Геннина «Описание Уральских и Сибирских заводов», в котором он обосновал прибыльность казенной металлургии [Геннин, 1937]. В условиях преодоления кризиса сбыта и сверхприбылей от казенной металлургии проект комиссии был оставлен без внимания. Н. Н. Петрухинцев предполагает, что комиссия была ликвидирована в 1735 г. [Петрухинцев, с. 840].

Подведем итоги. После окончания Северной войны Петр I выступил инициатором первой компании по приватизации казенной промышленности и заложил основу правовой процедуры ее обсуждения, включавшую оценку средств казны, истраченных на строительство заводов, их прибыльности и т.д., и выработку «кондиций» передачи казенного завода в частную собственность с их утверждением императором. В 1720-х гг. вопрос о приватизации казенной металлургии Урала поставил В. Н. Татищев. Исходя из европейского опыта развития металлургической промышленности он считал частную собственность более эффективной, чем государственную, и предлагал, «почитай, даром», как писал В. де Геннин, передать казенные заводы «вольным людям в промысел».

Гораздо более осторожную позицию по вопросу о приватизации занял В. де Геннин. Он не был противником частной собственности, но в ходе строительства и эксплуатации казенных заводов Урала убедился в том, что государственная собственность в металлургической промышленности не менее эффективна, чем частная. На позицию Геннина повлияла и забота о будущем Екатеринбурга. Как доказал Д. А. Редин, в начале строительства поселка у завода на р. Исети он проектировал его «идеальным городом, олицетворявшим пафос имперского созидания Петровской эпохи» [Редин, с. 1059]. Как свидетельствуют проекты приватизации Геннина, он осознавал необходимость сохранения не только казенных заводов, но и административного центра металлургии для развития города. В. Н. Татищев, вступив в управление уральской металлургией в 1734–1737 гг., присоединился к позиции Геннина об эффективности казенной промышленности и отказался от планов ее приватизации.

Последующая история приватизационных компаний подтвердила обоснованность окончательной позиции В. де Геннина и В. Н. Татищева о необходимости сохранения металлургических предприятий в казенной собственности. В 1739, 1754–1759 гг. были осуществлены попытки обойти правовую процедуру приватизации Петра I на основе «коррупционного варианта» Э. Бирона [Петрухинцев, с. 813]. Казенные заводы передавались вельможам, близким к верховной власти, что привело к финансовым потерям и возвращению проданных заводов в казну. В последующем процедура приватизации, основу которой заложил Петр I, только усложнялась. После приватизационных компаний 1739, 1754–1759, 1790-х, 1871–1915 гг. крупная казенная собственность в металлургии не только сохранилась, но и расширя-

лась [см. об этом: Неклюдов], что подтвердило вывод В. де Геннина о том, что государственная собственность в этом секторе экономики не менее эффективна, чем частная.

Библиографические ссылки

Аллен Р. Глобальная экономическая история : краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 224 с.

Базарова Т., Чиркова А. Утраченное письмо Петра Великого Георгу Вильгельму де Геннину: к истории экспертной мысли и антикварного рынка // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 3. С. 927–944. DOI 10.15826/qr.2021.3.619.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники : в 3 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. Т. 1. Акты о высших государственных установлениях. XLIV, 602 с.

Геннин В. де. Описание уральских и сибирских заводов, 1735 / предисл. М. А. Павлова. М. : История заводов, 1937. 656, [8] с.

Геннин В. де. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / авт. вступ. ст. и коммент., сост. М. О. Акишин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. 467, [6] л.

Неклюдов Е. Г. Казенные горные заводы в России и «приватизационные кампании» XVIII – начала XX в. // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения : сб. науч. ст. и материалов памяти Е. Ю. Рукосуева. Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2021. С. 187–218.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 536 с.

Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М. : РОССПЭН, 2014. 1062 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5, 8, 9.

Редин Д. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения «городского текста» // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 3. С. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

Рожков В. И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // *Горный журнал*. 1885. № 5. С. 243–301.

РГАДА. Разряд IX (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 81; Ф. 248 (Сенат). Кн. 161, 1098, 1905; Ф. 271 (Берг-коллегия). Кн. 107, 618.

Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь : Перм. губ. стат. ком., 1882. Вып. 1. [3], 4, 85, 257 с.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М. : Наука, 1985. 367 с.

References

Allen, R. (2013) *Global'naya ekonomicheskaya istoriya. Kratkoe vvedenie* [Global Economic History. A Brief Introduction]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 224 p.

Bazarova, T., Chirkova, A. (2021). Utrachennoe pis'mo Petra Velikogo Georgu Vil'gel'mu de Genninu: k istorii ekspertnoi mysli i antikvarnogo rynka [Peter the Great's Lost Letter to Georg Wilhelm de Henning: On the History of Expert Thought and the Antiques Market]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No. 3, pp. 927–944. DOI 10.15826/qr.2021.3.619.

Chupin, N. K. (1882). *Sbornik statei, kasayushchikhsya Permskoi gubernii* [A Collection of Articles Concerning Perm Province]. Perm, Permskii gubernskii statisticheskii komitet. Iss. 1. [3], 4, 85, 257 p.

Henning, W. de. (1937). *Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov* [A Description of Ural and Siberian Plants]. Moscow, Istoriya zavodov. 656, [8] p.

Henning, W. de. (1995). *Ural'skaya perepiska s Petrom I i Ekaterinoi I* [Ural Letters to Peter I and Catherine I] / ed. by M. O. Akishin. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 467, [6] p.

Neklyudov, E. G. (2021). Kazennye gornye zavody v Rossii i "privatizatsionnye kampanii" XVIII – nachala XX v. [State-Owned Mining Plants in Russia and "Privatisation Campaigns" of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Urala XVIII–XX vv.: problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh statei i materialov pamyati E. Yu. Rukosueva*. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 187–218.

Pavlenko, N. I. (1953). *Razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Rossii v pervoi polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie* [Development of the Metallurgical Industry in Russia in the First Half of the 18th Century: Industrial Policy and Management]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 536 p.

Petrukhintsev, N. N. (2014). *Vnutrennyaya politika Anny Ioanovny (1730–1740)* [Internal Politics of Anna Ioanovna (1730–1740)]. Moscow, ROSSPEN. 1062 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 5, 8, 9.

Redin, D. (2021). Ekaterinburg generala Gennina: opyt prochteniya "gorodskogo teksta" [General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text"]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No. 3, pp. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Razryad IX (Kabinet Petra Velikogo). Department 2. Book 81; Stock 248 (Senat). Book 161, 1098, 1905; Stock 271 (Berg-kollegiya). Book 107, 618.

Rozhkov, V. I. (1885). Berg-kompaniya na magnetnoi gore Blagodati v Sibiri i na Medvezh'ikh ostrovakh v Laplandii [Berg is a Company on the Magnetic Mount Blagodat in Siberia and on the Bear Islands in Lapland]. In *Gornyi zhurnal*. No. 5, pp. 243–301.

Voskresenskii, N. A. (1945). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki v 3 t.* [Legislative Acts of Peter I. Editions and Drafts of Laws, Notes, Reports, Denunciations, Petitions, and Foreign Sources. 3 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh. XLIV, 602 p.

Yuht, A. I. (1985). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' V. N. Tatishcheva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII v.* [V. N. Tatishchev's State Activity in the 1720s – Early 1730s]. Moscow, Nauka. 367 p.

The article was submitted on 05.02.2023

Вклад ссыльных в распространение грамотности среди детей Екатеринбурга в 1734–1740-х годах*

Алевтина Сафронова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s

Alevtina Safronova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the contribution of exiles to teaching children living in the settlement of the Yekaterinburg plant, the largest in the mining and industrial Urals, to read and write. It was a place where the features of the new policy of Vasily Tatishchev, who became head of the factories in 1734, concerning teaching literacy to the vastest range of children possible and using exiles sent there from all over the country as teachers, were most clearly manifest. Based on the extensive use of archival documents of administrative and information character and petitions, the author characterises the peculiarities of the cadre of exiled teachers, which has never been done previously. The author reveals the reasons for the extensive recruitment of exiles and, starting from 1742, pardoned ex-exiles as teachers, reconstructs their composition, reveals their previous posts, the crimes for which they were exiled, common features characterising their vital activity, position in society, their relations among themselves and with other representatives of society, and the different levels of their material situation. Additionally, the article examines the peculiarities of the attitude of the Ural authorities toward the exiled teachers. The petitions of the exiles indicate that with them, the position of a literacy teacher enjoyed great appreciation despite the low pay. For the first time in history, the author analyses the student records

---

* *Citation*: Safronova, A. (2023). The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 790–804. DOI 10.15826/qr.2023.3.818.

Цитирование: Сафронова А. The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 790–804. DOI 10.15826/qr.2023.3.818 / Сафронова А. Вклад ссыльных в распространение грамотности среди детей Екатеринбурга в 1734–1740-х годах // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 790–804. DOI10.15826/qr.2023.3.818.

of the grammar school, identifying all the cases of collective enrolment and the total number of children taught by the exiled Yekaterinburg masters, including those from the nearby factories. Also, the article introduces data about private literacy schools in Yekaterinburg opened by exiles, where they taught children for a fee as part of a contract with their parents at their homes. Based on this, the author concludes that the contribution of exiles as teachers to the development of children's literacy in Yekaterinburg deserves the highest assessment.

Keywords: Urals, Yekaterinburg, Vasily Tatishchev, exiles, literacy training, private schools

Статья посвящена раскрытию вклада ссыльных в обучение грамоте детей, проживавших в поселении Екатеринбургского завода, самом крупном на горнозаводском Урале. Здесь наиболее ярко проявились особенности новой политики В. Н. Татищева, ставшего главой заводов в 1734 г., в отношении обучения грамоте как можно более широкого круга детей и использования в качестве учителей ссыльных, направившихся сюда с территории всей страны. Впервые на основе широкого привлечения архивных документов распорядительного, отчетно-информационного характера, прошений характеризуются особенности кадрового состава учителей-ссыльных. Раскрываются причины широкого привлечения ссыльных, а с 1742 г. – и бывших ссыльных, получивших помилование, на должности учителей, реконструируется их состав, выясняются их предшествующие должности, преступления, за которые они были сосланы, выявляются общие черты, характеризующие их жизнедеятельность, положение в социуме, взаимоотношения между собой и с другими представителями общества, различный уровень их материального положения. Отмечаются особенности отношения уральского начальства к ссыльным-учителям. Прошения ссыльных свидетельствуют, что среди них должность учителя грамоты пользовалась большой популярностью, несмотря на низкий уровень оплаты труда. Впервые на основе анализа ведомостей об учащихся словесной школы анализируется их состав, устанавливаются все случаи коллективных приемов детей в школу и общее число детей, обученных ссыльными Екатеринбургa, в том числе и с близлежащих заводов. Впервые вводятся в научный оборот данные об открытии ссыльными частных школ грамоты в Екатеринбурге, где они обучали детей по договору с родителями у себя на дому за определенную плату. На этой основе делается убедительный вывод, что вклад учителей-ссыльных в развитие детской грамотности в Екатеринбурге заслуживает самой высокой оценки.

Ключевые слова: Урал, Екатеринбург, В. Н. Татищев, ссыльные, обучение грамоте, частные школы

В литературе вопрос об использовании ссыльных в качестве учителей горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. не привлекал внимания исследователей. Н. В. Нечаев ограничился замечанием: «Школы... довольно быстро отказались от использования местного духовенства и в качестве учителей стали назначать завод-

ских служителей или из бывших ссыльных» [Нечаев, с. 89]. В. Н. Будрин привел данные в отношении екатеринбургской школы, полагая, что обучал письму «Никита Артемьев – не ссыльный, а чтению – двое ссыльных, Арсений Иевлев и Логин Егоров, бывший игумен», посланный из Казанской губернии в 1731 г. Увеличение впоследствии числа учителей до четырех человек (без указания даты) Будрин мотивировал не только ростом числа учащихся, но и необходимостью помощи престарелому Егорову, получавшему «все время... только 12 рублей в год» [Будрин, с. 59]. Сведения В. Н. Будрина об Артемьеве «не ссыльном», назначении учителей для помощи Егорову и о неизменном размере его жалованья не соответствовали действительности, как и утверждение Н. В. Нечаева о привлечении в учителя «бывших ссыльных». Нами установлены круг ссыльных, использованных в качестве учителей грамоты в горнозаводских школах Урала в первой половине XVIII в., и время их пребывания на этой должности [Сафронова, 2014, с. 292–293, 298–305], охарактеризован состав учителей пения Екатеринбурга, раскрыт их вклад в развитие музыкальной культуры [Сафронова, 2009].

Большой интерес представляет статья Е. В. Бородиной, посвященная роли ссыльных и каторжных в формировании социального ландшафта Екатеринбурга. Автор вводит в научный оборот данные о числе ссыльных, прибывавших в Екатеринбург, отмечает, что «поток осужденных менялся. Наибольших значений он достигал в 1730 г. (141 человек), 1734 г. (136 человек) и 1736 г. (219 человек)», в то время как в другие годы присылалось по несколько человек, от трех до восьми. В Екатеринбурге ссыльные создавали семьи, им разрешалось строить свои дома, давалось освобождение от работ на этот срок и оказывалась денежная помощь в размере 2 руб. Автор называет общее число ссыльных-учителей в местной школе – 5 чел. [Бородина].

Поскольку вопрос о роли ссыльных в развитии грамотности на Урале представляет большой интерес, мы поставили целью раскрыть причины использования широкого круга ссыльных в роли учителей, реконструировать их состав, по возможности выяснить их предшествующие должности, преступления, за которые они понесли наказание, раскрыть их материальное положение, положение в обществе, выяснить их дальнейшие судьбы, и главное – попытаться раскрыть и оценить их вклад в развитие детской грамотности. При этом мы ограничиваем исследование территорией Екатеринбурга, где с 1723 г. действовал самый крупный в России металлургический завод и сформировалось самое крупное по численности жителей заводское поселение. В этом году Екатеринбургу исполняется 300 лет, и сведения об особенностях состава первых учителей нашего города, сразу же ставшего центром образования на горнозаводском Урале, приобретают особую актуальность.

Источниками для раскрытия этого вопроса послужили документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов

(далее – Канцелярия), отложившиеся в фонде 24 «Уральское горное управление» ГАСО. Это протоколы заседаний Канцелярии, ее определения, указы начальника заводов В. Н. Татищева, доношения управителей заводских контор, прошения ссыльных, переписи детей, списки детей, подлежащих зачислению в школу, ведомости об успехах учащихся, подававшиеся в канцелярию по третям года, делопроизводительные справки и выписки об учителях-ссыльных, их сказки.

Прежде всего рассмотрим вопрос о причинах использования ссыльных в качестве учителей в школах горного ведомства в целом. В 1721–1725 гг. в словесных школах, действовавших при Уктусском, Алапаевском заводах и прилежавших к последнему слободах, учителями назначались в основном церковнослужители. С 1725 г. обучение на этих заводах пресеклось, стала действовать лишь одна словесная школа в Екатеринбурге, пополнявшаяся время от времени детьми с Уктусского, Алапаевского, Каменского заводов, для обучения которых вполне хватало одного учителя [см: Сафронова, 2000, с. 24–33].

Прибывший в Екатеринбург в качестве начальника заводов В. Н. Татищев уже в первом доношении в центр, отправленном 9 октября 1734 г., на следующий день после принятия команды от генерала В. И. Геннина сообщил Кабинету министров: «А ныне я велел по-прежнему при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27]. Казенных заводов действовало уже 12, начинали строиться новые. 21 октября 1734 г. члены Канцелярии приняли определение о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских, однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских... от шести лет и выше». 19 мая 1735 г. Татищев принял личное решение: «на все заводы послать указы, чтоб по прежним определениям конечно школы устроить и детей учить читать и писать в июне месяце начали» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112 об.; Оп. 1. Д. 624. Л. 786].

С 1735 г. дополнительно к Екатеринбургской открываются словесные школы при заводах Егошихинском (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель), Уктусском (май), Алапаевском (июнь), Каменском и Пыскорском (август), Сысертском (ноябрь), Полевском (декабрь); при Верх-Исетском (сентябрь 1736), Кушвинском (февраль 1739), Северском (июнь 1742) [Сафронова, 2014, с. 286–287].

На некоторых предприятиях школы не были открыты из-за малого числа детей, но их забирали в действовавшие поблизости: с Северского – на Полевской, с Снячихинского и Сусанского – на Алапаевский завод, с Висимского – на Пыскорский, с Юговского – на Егошихинский, с Северского, до ее открытия, на Полевской. В Екатеринбургской школе в 1734–1735 гг. обучали детей с двух Уктусских заводов, Верх-Исетского, Алапаевского. Фактически уральское начальство во главе с Татищевым в 1735 г. провозгласило политику обязательного обучения детей заводских жителей. В результате проведения переписей детей, постоянных дополнительных наборов за порогом школ

оставались лишь дети больные (со слабым слухом, зрением и т.п.) и переростки, не взятые в предшествующие годы для обучения.

В связи с открытием одной за другой словесных школ пришлось решать проблему подбора учителей для них, а грамотные люди на Урале, вдали от городских центров, были на особом счету. И структурные подразделения Канцелярии, и горные начальства, и многочисленные конторы заводов продолжали испытывать острую потребность в канцелярских служащих, в них нуждались и конторы строящихся заводов. Поэтому неудивительно, что, обсуждая вопрос об открытии школ трижды – 27 мая, 23 октября и 3 ноября 1735 г., – члены Канцелярии во главе с В. Н. Татищевым принимали решения об определении учителями, «за недостатком свободных, хотя из ссыльных, токмо не раскольников» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л.70; Д. 577^а. Л. 157; Оп. 12. Д. 226. Л. 11].

Первое назначение ссыльного в школу состоялось еще до принятия этих решений, 25 ноября 1734 г. в связи со срочным отзывом учителя к заводским делам приказывалось: «у обучения робят словесному бытъ, до разсмотрения и пока к тому достойной сыщется, ис присланных в сылку без наказания Федору Корноушенку» с жалованьем 15 руб. в год [Там же. Оп. 12. Д. 215. Л. 300 об.], то есть первое использование ссыльного предполагалось как временное до появления более достойного кандидата. Справки Конторы судных и земских дел гласили, что он прибыл в Екатеринбург с партией ссыльных при промемории Сибирской губернской канцелярии в феврале 1734 г. без указания вины, «ноздри целы, кнутом не бит», то есть совершенное им преступление не было тяжким.

Чтобы оценить вклад Корноушенкова в обучение детей, попытаемся установить их состав. В июне 1734 г. у Ярцева числилось 65 детей, они и перешли к новому учителю [Там же. Оп. 1. Д. 450. Л. 213–214]. В мае 1735 г. по требованию начальства Корноушенков подал список учившихся у него детей с близлежащих заводов в связи с предстоящим открытием школ при них: с 1734 г. – 9 чел. с Уктусского нижнего, 4 – с верхнего, 9 – с Верх-Исетского; в марте 1735 г. с ВИЗа прислали еще 13 детей мастеровых [Там же. Д. 577^а. Л. 140 об., 95–97 об.]. В ведомости Екатеринбургской школы за первую треть 1735 г. числилось 97 учеников, из них четверых в мае перевели на Алапаевский завод, где открывалась своя школа [Там же. Л. 190–192]. По нашим подсчетам, через Корноушенкова, пока он обучал грамоте (ноябрь 1734 – октябрь 1735 г.), прошло более 100 детей, при этом 39 – с четырех других заводов.

Отметим уникальный факт, до сих пор не получивший отражения в научной литературе: в 1735 г. решено было зачислить в школу и детей ссыльных. Полицмейстер Екатеринбурга Алексей Зубов 1 октября 1735 г. подал в Канцелярию списки детей, составленные старостой ссыльных Иваном Суровцевым и осужденным в вечную заводскую работу десятником Матфеем Федотовым, то есть обе категории осужденных имели свое «начальство». У первых из 10 детей

4 были в возрасте 8, 9 и 13 лет, у осужденных в вечную работу из 12 детей трое 9–12 лет. 6 октября 1735 г. члены Канцелярии предписали: «ссыльных детей, кои ныне годны, взять в школу; кои еще по летам к тому не пришли... быть при отцах, когда же придут в указные лета, по тому ж взять в школу» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577^а. Л. 229–230 об.].

22 октября 1735 г. была завершена перепись юных жителей Екатеринбургa. «Роспись ис переписи 1733 года июня дня Екатеринбургских жителей детям для набору оных в школу и по переписи ж сего 735 года, какова подана из заводцкой в Кантору судных и земских дел», учла 217 чел., из них, по нашим подсчетам, 178 детей в возрасте 6–15 лет. Заодно в нее были включены и молодые люди, вероятно, не определенные к делам, 16–22 лет [Там же. Л. 216–222 об.].

3 ноября 1735 г. Татищев «с товарищи», заслушав итоги переписи, приняли ряд важных решений. Дополнительно к словесной и арифметической школам в Екатеринбургe открывались школы немецкая, латинская, знаменования (рисования), пения, назначались их учителя. В связи с предстоящим большим пополнением словесной школы впервые в нее вместо одного назначалось четыре учителя, и все из ссыльных: для обучения чтению – Арсений Иевлев и бывший игумен Логин Егоров, письму – Никита Артемьев, пению – Федор Корноушенков, ранее обучавший грамоте. Всем им назначался оклад по 18 руб. в год на уровне копииста. В немецкую школу полагалось определить учеников из словесной школы, что «понадежнее», в латинскую направить детей духовенства [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 11–13].

Игнатию Юдину, назначенному от имени уральского начальства отвечать за деятельность школ, 5 ноября 1735 г. на поданную им роспись приказывалось «малолетных всех по силе определения 3 ноября 1735 г. обучать русской грамоте». Согласно реестру, в ноябре было зачислено сразу же 116 чел. [Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 154–159]. Это был самый большой прием детей за всю историю школ горного ведомства в течение XVIII в. Роспись с указанием возраста и должности отцов позволяет утверждать, что в основном были зачислены «малолеты»: один – 5 лет, 6-леток – 25, 7 лет – 34, 8 лет – 19, 9 лет – 14 чел. и т.д. Подростков 14–15 лет не взяли, видимо, из-за большой партии новичков, а на других заводах зачисляли. Социальный состав принятых был самый демократический: в основном дети мастеров, подмастерьев, заводских работников (87 чел.); большая группа детей солдат (25), дети бывшего комиссара, подпрапорщика, канонира; канцеляристов (3), «разночинцев» (сын и внук сына боярского, дети рассыльщика, «заплечного мастера», четырех целовальников). Среди 116 зачисленных выделены те, что «собою явились»: 5 «мастерских», в том числе один 5 лет, двое детей солдат и сын целовальника.

В ведомости за третью треть 1735 г. числятся 209 учеников, среди них 14, принятых в мае; 126, а не 116, зачисленных в ноябре, и еще 14, принятых в декабре 1735 г. Вдумаемся, трое ссыльных в Екатеринбургe обучали грамоте более 200 чел.! При этом в 1735–1736 гг. некото-

рых детей перевели учиться по месту их жительства в открывшиеся словесные школы при Уктусском и Верх-Исетском заводах. Завершив обучение письму начальство переводило в арифметическую школу и действовавшие с ноября 1735 г. школы немецкую, латинскую и знаменованную. Таким образом, завершая обучение детей грамоте, ссыльные тем самым обеспечивали пополнение школ Екатеринбургa и более высокой ступени.

При этом со стороны уральского начальства к учителям-ссылным сквозило недоверительное отношение: учителя школ сами составляли ведомости об учениках, подали и Артемьев с Егоровым за третью треть 1735 г., но начальство приказало «освидетельствовать» Юдина, «во всем ли исправно сочинен», «а учителям оным впредь не токмо в Канцелярию Главного правления какие ведомости за своими руками подавать, но и словесно... не докладывать» мимо Юдина и его помощников, и это стало правилом для всех учителей. Со стороны надзирателя школ механика Никиты Бахорева ссыльным приходилось терпеть открыто недоброжелательное отношение, передававшееся от него и ученикам, и их родителям. В июле 1736 г. Бахорев подал в Канцелярию жалобу на учителей математики и знаменования, а в ходе разбирательства учитель арифметики Федор Санников поведал о недостойных поступках самого Бахорева – дворянина, выпускника Морской академии, учившегося в Швеции в 1724–1727 гг. Оказалось, что, помимо жестоких наказаний своих учеников механики, Бахорев позволял себе пренебрежительно относиться к учителям словесной школы из-за их более низкого положения в обществе:

...Приказывает ученикам, что ежели де вас учителя будут сечь лозами, то жалуйтесь мне. И ныне ученики учителя не опасаются, что им задано будет, не обучают, а наказание он учеником чинит, кроме учителей. А учителей пред учениками бьет, бранит всякою матерною бранью и называет канальями. И такой непорядок в словесной школе учинил, что тех учеников отцы, приходя в школу, учителей бранят матерно, угрожая им Бахоревым [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 419–420].

Санников ставит вопрос о необходимости воспитания в учениках уважения к учителю:

...Во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость... Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит [Там же].

Ясно, что такое отношение Бахорева к учителям-ссылным не разделяли учителя более высоких «наук», и ссыльные встречали с их стороны сочувствие и поддержку.

Санников дал эти показания в Канцелярии 26 июля 1736 г., а ранним утром один из словесников, осужденный навечно, Арсений Иевлев, совершил побег. Причины его были связаны с боязнью наказания за ошибку, допущенную им в «росписи» к выдаче жалованья ученикам: одного ученика немецкой школы он показал как присутствовавшего на занятиях с 9 февраля до 1 мая, а тот был отпущен домой с 25 апреля до 3 мая, в срок не явился – о его отпуске из немецкой школы сведений не подали. Деньги за отсутствовавшего принял его брат копиист. Иевлев совершил побег в день вынесения себе приговора, а он был таким: «за ложное репортование учинить наказание плетью, дабы, на то смотря, как он, так и другие в делах, порученных им, поступали осмотрительно» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 332–334 об.]. На наш взгляд, наказание плетью было слишком жестоким, в отношении несыльного его не применили бы, к тому же о проступке учителя немецкой школы даже не поставили на вид.

В связи с побегом Иевлева мы получаем дополнительную информацию о ссыльных Екатеринбургa, их жилищах, взаимоотношениях. Объявили о побеге в Канцелярии Никита Артемьев и Логин Егоров 28 июля: за два дня до этого Иевлев, придя в седьмом часу утра в школу, сообщил, «что де имеет у себя болезнь, а какую, не сказал». На следующий день Артемьев пошел проведать товарища «на квартиру, где он стоял, за город вниз по Исете реке, в дом к ссыльному Макарию Судакову», но не застал больного. 28 июля в школу явился ссыльный же, распоп Корнилий, передал, что приходил к нему Судовиков, о побеге Иевлева «тужит вельми» [Там же. Л. 431]. Видно, что ссыльные поддерживали между собой тесные контакты.

Большой интерес вызывает сказка Судовикова, у которого Иевлев квартировал с сентября 1735 г. «без всякой платы» и был у хозяина на поруках. Судовикову было 70 лет, он был родом из Переяславля-Залесского. Был попом в вотчине помещиков Савеловых, съехал в Богословскую пустынь, принял постриг, как монах провел там шесть лет, был взят в Розыскной приказ в Москву по делу «о битии брата своего» попа Ивана Дорофеева, лишен духовного чина, пытан огнем, бит кнутом. Сослан в Тобольск, оттуда – в Екатеринбург, от работ уволен. «Живет в своем доме, учит вольных екатеринбурхских жителей детей их словесной грамоте по договору родителей их из найму» [Там же. Л. 431 об. –432 об.].

Так неожиданно мы получаем данные о существовании в Екатеринбурге школы грамоты, действовавшей параллельно с заводской в доме ссыльного. Частная деятельность по обучению детей для властей интереса не представляла, поэтому не учитывалась, и этот факт, случайно зафиксированный документально, приобретает для нас особую ценность. Ясно, что ссыльные, освобожденные по возрасту или болезни от работ, могли при наличии навыков письма беспрепятственно открывать свои школы, заключать договоры с родителями, зарабатывая себе на жизнь, и таким образом вносили свой вклад

в распространение детской грамотности в Екатеринбурге. Обратим внимание: даже при действующей школе с бесплатным обучением, где дети пользовались казенными учебниками, получали еще и жалованье (по 3 руб. в год, если отцы получали менее 25 руб.), часть родителей предпочитали обучать детей в частной школе за определенную плату и не гнушались при этом личностью ссыльного. Возможно, их привлекали меньшее число учеников, надежда на большее внимание к ребенку со стороны учителя и, отсюда, более быстрое овладение чтением и письмом.

Сказки учителей свидетельствуют о большом имущественном расхождении среди ссыльных: если Судовиков и Артемьев сумели построить собственные дома, то Иевлев, по сути, нищенствовал. Судовиков сообщал: «А пожитку да и посуды ево, Арсения, у него на квартире, кроме одного войлока овечьей шерсти, и тот ветхой, иного ничего не имеетца». Поруки за него дали пятеро ссыльных, а из-за побега их обязали внести в казну 50 руб., для зарабатывания которых отдали «в катаржную» с предписанием – во время работ «быть скованным под караулом» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 431 об. –432 об., 435]. Мы видим, что ссыльные имели дружеские контакты между собой, делились жильем, ручались за своего собрата по несчастью, а Иевлев обманул их доверие.

Сведения о судьбе беглого Иевлева и его прошлом находим в указе Генерал-берг-директориума, поступившем в Канцелярию 18 апреля 1737 г. В нем кратко излагается указ, полученный из Синода: при Синодальной канцелярии содержится бывший в Тобольской епархии провинциал-инквизитор иеродиакон Арсений, он «за некоторыя показанныя от него важности бит кнутом и сослан был в вечную работу на Екатеринбургские заводы, скованой в кандалы, и велено там содержать по смерть во оковах... освобожден был при той работе на поруки», бежал в столицу «ради прошения о свободе с тех заводов от работы и пойман был в тот Синод 8 ноября». Директориум отослал Иевлева в Санкт-Петербургскую воеводскую канцелярию для отправки в Оренбург [Там же. Д. 692. Л. 462].

Побег Иевлева вызвал у ссыльных большой интерес к освободившейся должности. В июле – августе 1736 г. последовал целый поток прошений об определении учителем, сопровождавшийся наведением справок об их авторах. 30 июля просил о должности распоп Иван Иванов, присланный из Тобольска в 1731 г., за которым числился ряд ложных доносов и наказаний за них. Иванов сообщал: «[я] словесному учению и знаменному нотному пению умеющей», с лета 1734 г. «живу праздно и помираю голодом, токмо питаюся мирским подаянием» [Там же. Д. 624. Л. 298–298 об.].

Другой распоп, Семен Иванов, присланный в апреле из Пензенской провинции «за сказывание им за собою Е. и.в. секретного дела», битый кнутом, определенный «в вечную в работу», 5 августа сообщал, что в июле взят к письму в ревизию счетов прошлых лет,

но имеет охоту учить чтению, письму и пению, к тому же «и летами еще в старость глубочайшую не пришел» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 299, 301 об.]. Через день последовала просьба от Степана Баранова, за которым тянулся длинный список преступлений, совершенных в 1723, 1728, 1729, 1734 гг.: изготовление «воровских» паспортов, дача взяток, ложных показаний и т.п. Начальство, заслушав выписки, приказало: распопов Ивановых освидетельствовать Юдину «с товарищи», «подать удостоверение», то есть подтвердить соответствие должности, а Баранову «для многих ево продерзостей быть по-прежнему в работе». Просьбы Ивановых были удовлетворены: 21 августа 1736 г. Семен был назначен учителем вместо Иевлева в Екатеринбурге, Иван – в открываемую на Верх-Исетском заводе словесную школу [Там же. Л. 302, 304 об.].

В этот же день, 21 августа, подал доношение и распоп Иван Прокопьев. Он сообщал:

...Обретаюсь при Екатеринбурхе в письме в разных канторах, а напред сего до показанной присылке в доме своем я... обучал малолетних детей словесной грамоте, тако ж и у малолетних, ежели у кого часословы и псалтири побьютца... те побитые листы, выдранные речи, тако ж и целые листы полууставом подписывал.

Он обосновывал двойную пользу своей кандидатуры: «понеже я, будучи при том обучении, часословы и псалтири подранные полууставом буду подписывать». Судя по выпискам, Прокопьев был прислан в марте 1734 г. «за написание покормежного воровского письма беглым крестьяном и в подписке под руки, которой послан был Военной коллегии в кантору для написания в службу и в той канторе не принят... за подозрением», бит кнутом и определен в вечную работу [Там же. Л. 512 об. – 515 об.].

Через неделю последовало доношение бывшего попа Ивана Лукина, который сообщал, что прибыл в ссылку из Москвы, находится в заводской работе, «а ныне из нашей братии определяютца по заводам в словесные школы в учителя, а я... по обыкности прежняго своего поповского чина ко обучению детей словесному чтению, и письма, и пению охоту имею немалую и оное дело снести могу». Лукин прибыл в Екатеринбург в апреле 1736 г., в реестре показан Владимирского уезда «вотчины Троице-Сергиева приписного киржацкого монастыря села Ваганова» без указания вины [Там же. Л. 513, 515 об.].

Следом за Лукиным просил определить его в школу ссыльный Иван Максимов: «обретаюсь здесь за старостию не у дела, только обучаю здешних обывателей вольных словесной грамоте и писать по договору родителей их». В выписке о Максимове показано: прислан из Тобольска в августе 1731 г., бывший подканцелярист, осужден «за вынос из коллегии вершенных и не вершенных 57 дел и за держание при себе неведомо для чего». Ноздри вырваны [Там же. Л. 514–514 об.].

Так мы узнаем о наличии еще одной частной школы в Екатеринбурге, действовавшей одновременно с официальной заводской и частной школой ссыльного Судовикова. Ясно, что Максимов, как и Судовиков, был уже пожилым немощным человеком, негодным в работу, но сумел найти родителей, пожелавших обучать детей за плату. Лукина в сентябре отослала учителем в Полевскую школу вместо скончавшегося учителя-дьячка с обязательством быть у пения в церкви во время службы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 516].

В Екатеринбурге у Никиты Артемьева, Логина Егорова и Семена Иванова в первой трети 1737 г. числилось 193 ученика, поделенных на три класса по 63, 25 и 105 учеников соответственно. Мы не знаем, как они делились между учителями. Известно лишь, что Артемьев «специализировался» на обучении письму, а двое других обучали чтению и письму одновременно, а не последовательно согласно новой методике, введенной Татищевым в ноябре 1736 г. «Учреждением, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [Татищев, с. 238–239]. Во второй трети 1737 г. в классах было по 70, 26 и 90 учеников, но с сентября – всего два класса по 90 и 79 учеников, при этом из первого класса 20 чел. были переведены «учиться арифметике» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. Л. 1–24, 96–121, 206–229]. Пополнение школы продолжалось, в сводной ведомости учащихся за 1737 г. числилось, по нашим подсчетам, 36 детей, поступивших учиться в 1736 г., и 53 – в 1737-м [Там же. Д. 602. Л. 1–52 об.].

В январе 1738 г. Казначейская контора обнаружила большой перерасход сумм, полагавшихся на школы заводскими штатами 1735 г., – почти в два раза. Поэтому начальство 21 февраля решило на время прекратить выплату жалованья ученикам и учителям, кроме иностранцев. В. Н. Татищев указом от 11 июня 1738 г. предписал ввести нормы нового штата 1737 г., сокращавшего жалованье учителям грамоты с 18 до 12 руб. в год, и ссыльные большинства школ стали получать оклад меньше юного копииста [Там же. Д. 762. Л. 196]. В 1738 и 1739 гг. пресеклись массовые наборы детей в словесную школу: в 1738 г. было принято всего 5 чел., в 1739 – 9. Только в мае 1740 г. состоялся массовый набор 29 детей, и еще 10 были приняты в разные месяцы года, причем более половины из них – в возрасте 6–7 лет [Там же. Д. 756. Л. 10–50; Д. 857. Л. 6, 8–8 об., 29 об.– 32 об.]. По нашим подсчетам, учителя-ссыльные Екатеринбургской словесной школы за шесть лет с осени 1734 по 1740 г. обучали грамоте около 400 детей, точнее, 384 ребенка и подростка, поступивших в школу за этот период.

При низком жалованье, при большом числе учеников в классах, продвигавшихся в овладении грамотой индивидуально, интенсивность учительского труда была высокой. Занятия в школах согласно «Учреждению» Татищева с апреля по август длились с 6 часов утра до 6 часов вечера (перерыв – с 10.00 до 14.00), в сентябре и марте – до обеда четыре часа, после обеда три часа; с октября по февраль –

с 8.00 до 15.00 (перерыв – с 11.00 до 12.00) [Татищев, с. 237–238]. Все классы размещались в одной школьной светлице.

В феврале 1738 г. указом Татищева предписывалось открыть школу на Нерчинском заводе и послать туда учителя грамоты из ссыльных же. В апреле Бахорев представил Никиту Артемьева [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 120, 135]. Но Артемьева в Нерчинск не отправили. Он проработал в школе шесть лет, осенью 1741 г. «явился по некоторому делу в немалом преступлении», и 5 ноября на его место был определен учитель школы Каменского завода разночинец Иван Протодияконов, который сам просил о переводе в Екатеринбург, где имел много «свойственников», способных оказать материальную поддержку [Там же. Д. 907. Л. 389–390]. В Каменск вместо Протодияконова был отправлен Логин Егоров. Но рокировка завершилась быстро. Уже в марте 1742 г. Протодияконов сообщал начальству: «Волею Божиею стал я... стар, драхл и глух, к тому ж и мало вижу, и затем при обучении в школе более быть не могу», – и просил отпустить его в столицу к сыну, протоколисту Генерал-берг-директориума [Там же. Д. 952. Л. 78]. Логин же Егоров в связи с закрытием школы в Каменске в октябре 1742 г. был возвращен в Екатеринбург, где продолжил обучение детей вдвоем с Семеном Ивановым.

В связи с решением начальства от 11 сентября 1742 г. закрыть школы при восьми заводах из-за перерасхода штатных сумм, принимать с жалованьем лишь сирот, детей отставных от дел, солдат и разночинцев, прочих – лишь на содержании отцов по их желанию Екатеринбургская словесная школа снова, как и в 1725–1735 гг., стала центром обучения детей с Уктусского, Верх-Исетского, Каменского, Сысертского заводов. В 1744 г. в ней числилось 109 учеников, в том числе 44 обучавшихся «по воле отцов» без жалованья [Там же. Д. 1039. Л. 287–290 об.]. В связи с этим учителя-ссыльные с конца 1742 г. стали обучать грамоте детей, проживавших, помимо Екатеринбурга, еще в четырех заводских поселениях.

Семен Иванов, сменивший Иевлева в августе 1736 г., по именному указу от 15 декабря 1741 г. был освобожден из ссылки, но пожелал остаться при школе до получения известия в отношении жены. В августе 1745 г. указ Берг-коллегии о жене был получен, сборы Иванова затянулись, в июне 1746 г. он получил жалованье за январь и февраль, то есть проработал в школе до марта 1746 г., почти десять лет, с 1742 г. – уже как бывший ссыльный [Там же. Д. 1128. Л. 68 об.].

В связи с предстоящим отъездом Иванова в октябре 1745 г. начальство начало выяснять, «нет ли способных к тому отставных ремесленников... или хотя из сыльных, которые изсылки уволены, а жить позволено по желанию их здесь». «Свободных», умеющих читать и писать, оказалось четверо: отставные от дел двое подьячих, заводской работник и бывший ссыльный Никита Афанасьев, которому позволено было жить в Екатеринбурге [Там же. Л. 60–61]. Афанасьев проработал в школе Уктусского завода с 1735 по 1742 г., был сослан

«за многие ево продерзостные поступки, и за пьянство, и за блудодеяние с некакими женками, как он был в монашестве в Новогородской епархи[и] Бежецкого Николаевского Антоньева монастыря инквизитером, а с каким наказанием или без наказания... не показано» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577^а. Л. 159–159 об.]. По нашим подсчетам, в 1735–1742 гг. ссыльный Афанасьев, бывший иеромонах, обучил грамоте на Уктусе 70 детей.

Как уже освободившийся из ссылки Афанасьев стал выдвигать свои условия: «у обучения детей одной половины школы быть здесь желает» за 18 руб. в год, «а если и письму всю школу обучать», то с жалованьем 24 руб., «а меньше того жалованья у оных наук быть не желает». При этом он просил позволения «имеющихся ныне у него дватцать пять человек во обучении вольных детей ему доучить в той же школе, где определен будет». 25 февраля 1746 г. Афанасьев был назначен «с начала марта... обучать словесному половину учеников, а писать, кто приспелет, всех»; пению – «всех ему доучить, ибо он в том искусство имеет», жалованье ему было установлено 18 руб. в год – на 6 руб. выше нормы. Ему разрешили доучить в школе и 25 вольных детей «собственными книгами, а казенных к тому не употреблять, и впредь вольных без доклада Канцелярии... не принимать» [Там же. Д. 1128. Л. 61 об. –63]. Таким образом, мы получаем достоверные данные о существовании в Екатеринбурге в 1740-е гг. еще одной, третьей по счету частной школы. Впечатляет число учащихся в ней – 25 чел.!

Более двух лет Афанасьев трудился учителем, в октябре 1748 г. тяжело заболел и через неделю скончался в госпитале. Составленное им завещание свидетельствует о скудости его бытия, несмотря на повышенное жалованье и подработку частным обучением. Он оставил после себя 1 руб. долга секретарю Канцелярии, шубу, крытую полотном, кафтан и сапоги; просил возместить долг из заработанного жалованья, а оставшиеся деньги использовать на помин души; вещи отдать отставному мастеру Дурову, у которого, видимо, квартировал [Там же. Л. 19–20 об.].

Место Афанасьева пожелал занять отставной копиист Екатеринбургской конторы ревизии счетов Андрей Семенов, но, не проработав и четырех месяцев, он тоже скончался в мае 1749 г. В августе на его место попросил назначения находившийся в отставке с 1744 г. подьячий Иван Ащерин [Сафронова, 2014, с. 331–332]. Таким образом, практика назначения учителей-ссыльных и бывших ссыльных окончательно пресеклась. Продолжал занимать свою должность лишь бывший игумен Логин Егоров, трудившийся в Екатеринбургской школе и во второй половине XVIII в., в общей сложности более 30 лет.

Подведем итоги. Учителями грамоты в Екатеринбурге с 1734 г. назначались исключительно ссыльные, это были бывшие попы, игумены, монахи, в том числе и приговоренные к вечной работе, а с 1742 г. – и бывшие ссыльные, пожелавшие остаться на Урале. Именно ссыльные внесли основной вклад в распространение дет-

ской грамотности в Екатеринбурге в 1734–1740-х гг. Благодаря их усилиям было обучено чтению и письму несколько сотен детей Екатеринбурга, до полусотни детей двух Уктусских заводов, Верх-Исетского и Алапаевского до открытия там своих школ с конца 1742 г. Здесь стали обучать детей, присылаемых с Уктусского, Верх-Исетского, Каменского и Сысертского заводов. Столь большого количества обучаемых грамоте детей больше не наблюдалось в Екатеринбурге на протяжении XVIII в., несмотря на официальное преобразование заводского поселения в 1781 г. в город и значительный рост численности его населения.

Благодаря политике В. Н. Татищева и труду ссыльных удалось совершить качественный рывок в расширении круга детей заводских жителей, овладевших чтением и письмом, добиться почти 100 % охвата этих детей обучением в 1735–1742 гг., за исключением больных и переростков. Путем проведения постоянных пополнений школы выросло молодое поколение, осознавшее преимущества овладения грамотностью как своеобразного социального лифта, способного обеспечить им более широкие возможности жизни в социуме. Овладевшие грамотой ученики переводились в школы более высокой ступени: арифметическую, немецкую, латинскую, знаменованную. И в появлении этой возможности продолжения образования можно усмотреть заслугу учителей-ссыльных. Необходимо учитывать и вклад ссыльных, уволенных от дел по старости, открывавших свои частные школы, где они обучали детей грамоте за плату.

В связи с перерасходом штатных сумм, выделяемых на школы, с конца 1742 г. был взят курс на сужение сети школ и учащихся в них. К этому времени завершилась и практика привлечения ссыльных в качестве учителей, на смену им пришли пожилые бывшие ссыльные и получившие отставку от дел по глубокой старости бывшие канцелярские служащие.

Библиографические ссылки

Бородина Е. В. Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 14–26. DOI 10.25136/2409-868X.2020.11.34382.

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск: [Б. и.], 1950. С. 45–98.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450, 577а, 602, 624, 692, 694, 756, 760, 762, 857, 907, 952, 1039, 1128; Оп. 2. Д. 215, 226.

Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М.: Гудок, 1944. 120 с.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133.

Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 144 с.

Сафронова А. М. Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735–1740-е) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 51–68.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750. М. : Наука, 1990. 440 с.

References

Borodina, E. V. (2020). Katorzhnye i ssyl'nye v Ekaterinburge v 1723 – kontse 1730-kh gg.: k voprosu o formirovanii sotsial'nogo prostranstva goroda [Convicts and Exiles in Yekaterinburg in 1723 – Late 1730s: On the Formation of the City's Social Space]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 14–26. DOI 10.25136/2409-868X.2020.11.34382.

Budrin, V. N. (1950). Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX v. [Mining Schools of the Urals in the 18th and Early 19th Centuries]. In *Materialy vtoroi nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga – Sverdlovsk*. Sverdlovsk, S. n., pp. 45–98.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 450, 577a, 602, 624, 692, 694, 756, 760, 762, 857, 907, 952, 1039, 1128; List 2. Dos. 215, 226.

Nechaev, N. V. (1944). *Shkoly pri gornykh zavodakh Urala v pervoi polovine 18-go stoletiya. K istorii professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [Schools at the Ural Mining Plants in the First Half of the 18th Century. On the History of Vocational Education in Russia]. Moscow, Gudok. 120 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 248. List 17. Dos. 1133.

Safronova, A. M. (2000). *Pervye shkoly Ekaterinburga (1724–1734). K 275-letiyu osnovaniya* [The First Schools of Yekaterinburg (1724–1734). For the 275th Anniversary of the Foundation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 144 p.

Safronova, A. M. (2009). Pervaya shkola peniya na gornozavodskom Urale i ee knizhnoe sobranie (1735–1740-e) [The First School of Singing in the Ural Mountains and Its Book Collection (1735–1740s)]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov*. Iss. 10. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 51–68.

Safronova, A. M. (2014). *Dokumenty organov upravleniya promyshlennost'yu Rossii kak istochnik o gornozavodskikh shkolakh Urala pervoi poloviny XVIII v.* [Documents of Russian Industrial Governing Bodies as a Source on Mining Schools in the Urals in the First Half of the 18th Century]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 334 p.

Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka. 440 p.

The article was submitted on 27.01.2023

IMPERIAL SPACES: EXPANDING, ORGANISING, AND ORDERING

DOI 10.15826/qr.2023.3.819

УДК 94(470)"1697/1698" + 929Петр(470)*1 + 626.1(282.247.418.2)(09) + 627(470.34)(09) + 627(470.6)(09)

История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого*

Яков Кияшко

¹Волгоградский государственный университет;

²Волгоградский областной научно-производственный центр
по охране памятников истории и культуры,
Волгоград, Россия

Александр Клейтман

¹Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;

²Волгоградский областной научно-производственный центр
по охране памятников истории и культуры,
Волгоград, Россия

The Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great**

Yakov Kiyashko

¹Volgograd State University;

²Volgograd Regional Research and Production Centre
for the Protection of Historical and Cultural Monuments,
Volgograd, Russia

Alexander Kleitman

¹S. I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

²Volgograd Regional Research and Production Center
for the Protection of Historical and Cultural Monuments,
Volgograd, Russia

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках реализации гранта РНФ «Канал Камышинка – Иловля (Волга – Дон) как памятник науки и техники и объект культурного наследия Петровской эпохи» (проект № 22–28–20016).

** Citation: Kiyashko Ya., Kleitman A. (2023). The Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 805–820. DOI 10.15826/qr.2023.3.819.

Цитирование: Kiyashko Ya., Kleitman A. The Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 805–820. DOI 10.15826/qr.2023.3.819 / Кияшко Я., Клейтман А. История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 805–820. DOI 10.15826/qr.2023.3.819.

© Кияшко Я., Клейтман А., 2023   *Quaestio Rossica* • Vol. 11 • 2023 • № 3, p. 805–820

This article studies the history behind the construction of a navigable canal meant to connect the Volga and the Don through their tributaries, the Kamyshinka and the Ilovlya, in 1697–1698. The authors aim to clarify the history of the first project of Peter the Great to modernise the country's transport infrastructure and analyse it in the context of the events of the initial stage of the Petrine era. The study refers to maps and plans of the area, materials of office work – documents that both have been previously published and are introduced into scholarly circulation for the first time and come from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts, as well as the results of archaeological exploration carried out at the Selimov Val cultural heritage site in the village of Petrov Val in Kamyshin district of Volgograd Region. The study demonstrates that the period of 1697–1698 saw the construction of a structure meant to perform both fortification and hydraulic functions in the interfluvium of the Kamyshinka and the Ilovlya. B. A. Golitsyn and E. I. Ukraintsov controlled the construction, while Prince A. F. Shakhovskiy directly supervised it. The project was authored by engineer J. Bröckell, and Peter I attached great importance to it, repeatedly discussing it with European statesmen and scientists during the Great Embassy. *Pososhniye lyudi* (people in sokha-based military service) were recruited in the settlements and districts of the Volga cities and did the construction work on the Kamyshinka. Logging was carried out along the River Sura in Alatorsky and Yadrinsky uyezds. By the end of 1697, a fortification was built where the Kamyshinka and the Ilovlya were closest to each other, the remains of the fortification perfectly preserved to this day. However, it turned out impossible to build a navigable canal. Having received news of the departure of J. Bröckell, the author of the first project, from the country in the winter of 1698, Peter I and other members of the Great Embassy began to look for and invite “sluice masters”, i. e. specialists in the construction of navigable canals. Thus, the first unsuccessful attempt to connect the Volga and the Don was why the tsar paid close attention to the theoretical and practical issues of building navigable canals as a significant area of science and technology.

Keywords: Peter I, Johann Bröckell, navigable canals, Volga, Don, Kamyshinka, Ilovlya

Исследуется история строительства судоходного канала, посредством которого планировалось соединить Волгу и Дон через их притоки Камышинку и Иловлю в 1697–1698 гг. Цель работы – восстановить историю первого проекта Петра Великого по модернизации транспортной инфраструктуры страны, проанализировать его в контексте событий начального этапа Петровской эпохи. Источниками для исследования послужили карты и планы местности, материалы приказного делопроизводства – как опубликованные ранее, так и впервые вводимые в научный оборот документы из фондов РГАДА, а также результаты археологических разведок, проведенных на объекте культурного наследия «Селимов вал» в поселке Петров Вал Камышинского района Волгоградской области. Как показало проведенное исследование, в 1697–1698 гг. в междуречье Камышинки и Иловли под контролем Б. А. Голицына и Е. И. Украинцова, под непосредственным руководством князя А. Ф. Шаховского по проекту инженера Я. Брөккеля велось

строительство сооружения, которое должно было выполнять одновременно фортификационные и гидротехнические функции. Петр I придавал большое значение данному проекту, неоднократно обсуждал его с европейскими государственными деятелями и учеными во время Великого посольства. Строительные работы на Камышинке велись силами посольских людей, набранных в посадах и уездах поволжских городов. Заготовка леса осуществлялась по р. Суре в Алаторском и Ядринском уездах. К концу 1697 г. было создано фортификационное сооружение в месте максимального сближения Камышинки и Иловли, остатки земляных укреплений которого прекрасно сохранились до настоящего времени. Однако построить судоходный канал не удалось. Получив известие о бегстве за границу автора первого проекта Я. Брёккеля зимой 1698 г., Петр I и другие члены Великого посольства стали искать и приглашать на службу специалистов по строительству судоходных каналов – «слюзных мастеров». Таким образом, первая неудачная попытка соединить Волгу и Дон послужила причиной последующего пристального внимания царя к теоретическим и практическим вопросам строительства судоходных каналов как самостоятельного направления науки и техники.

Ключевые слова: Петр I, Яган Брёккель, судоходные каналы, Волга, Дон, Камышинка, Иловля

Строительство Волго-Донского канала в 1697 – начале 1700-х гг. как одно из первых крупных начинаний Петра I всегда привлекало внимание исследователей истории Петровской эпохи. Однако данный сюжет обычно рассматривался в общих работах, посвященных петровским преобразованиям, и ему уделялось меньшее внимание, чем более успешным проектам молодого царя, таким как Азовские походы, строительство военно-морского флота в Воронеже, основание крепостей в Приазовье и др. В немногих специальных исследованиях, посвященных истории строительства судоходных каналов в правление Петра I, история «слюзного дела» на Камышинке рассматривалась также вскользь, как начальный, подготовительный этап более масштабных и успешных его гидротехнических проектов (работы И. Х. Штукенберга, Н. П. Дурова, В. А. Горелова, С. А. Бернштейн-Когана, И. Н. Юркина, Д. М. Ивлева, В. М. Лукашевича). Специальных, основанных на широком комплексе архивных и опубликованных источников исследований, посвященных истории строительства Волго-Донского канала в 1697–1698 гг., до настоящего времени не предпринималось.

В основу настоящей статьи наряду с опубликованными источниками были положены выявленные нами делопроизводственные источники приказов и приказных изб низовых городов, а также результаты полевых археологических работ (разведок), осуществленных в 2022 г. на объекте археологического наследия «Селимов вал», расположенном в Камышинском районе Волгоградской области.

После Азовских походов 1695–1696 гг. и на протяжении нескольких последующих лет Приазовье было одним из наиболее важных для

Петра I регионов, для развития которого задействовались ресурсы всей Европейской части страны. Поставки леса, железа, вооружения и многих других грузов из центральной и северо-западной частей России в Азов осуществлялись по Волге и через Волго-Донскую переволоку в районе Царицына. При этом сама переволока оставалась слабозащищенной в военном отношении территорией. Здесь разбойничали «воровские» казаки, без особых препятствий сюда регулярно доходили отряды крымцев и кубанцев, совершавших нападения на русское оседлое население, грабежи, кражи скота [РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1696 г. Д. 512. Л. 1–2]. В связи с этим после завоевания Приазовья важнейшей задачей, без решения которой невозможно было безопасное развитие Воронежа как производственной базы, где строился флот, и Таганрога как портового города на Азовском море, стало усиление обороны Волго-Донской переволоки. Одновременно с этим было решено начать строительство судоходного канала, который соединил бы две великие европейские реки через их притоки Камышинку и Иловлю.

До настоящего времени не было найдено царского указа о строительстве Волго-Донского канала на Камышинке [Биохроника Петра Великого. Весна – лето 1697 г. Переписка]. Очевидно, что подобное решение не могло быть принято без одобрения, а скорее всего и без активной инициативы Петра I. Район Волго-Донской переволоки был хорошо знаком молодому преобразователю России и военачальникам, руководившим российскими войсками во время Азовских походов. Впервые царь проехал мимо места будущей стройки канала 5 июня 1695 г. В этот день караван судов, направлявшихся в Азов, проплыл мимо места впадения речки Камышинки в Волгу, миновал остров Камышинский и место, где находился город Камышонок, разрушенный С. Т. Разиным [Походный журнал 1695 года, с. 11–12]. В месте наибольшего сближения Волги и Дона у Царицына царь провел несколько дней в 10–20-х числах июня [ПИБ, с. 32–33]. В 1696 г. путь во второй Азовский поход Петр проделал на кораблях по Дону, 12 июня пройдя устье речки Иловли и остановившись 16–17 июня на стоянку в Паншином городке [Походный журнал 1695 года, с. 15]. На обратном пути Петр доплыл по Дону до Черкаска, откуда направился дальше на север сухим путем. По словам М. М. Богословского, «в период времени с 23 августа по 11 сентября Петр за недостатком прямых, непосредственных свидетельств о нем и за отсутствием его собственных писем как бы скрывается с наших глаз» [Богословский, с. 342]. По мнению И. Н. Юркина, в конце августа – начале сентября 1696 г. царь провел несколько дней на Иван-озере, где спустя несколько лет началось строительство еще одного судоходного канала, которым планировалось соединить Волгу и Дон [Юркин, с. 86–88]. Вероятно, в эти же дни было принято решение о строительстве канала на Камышинке.

В историографии встречается упоминание о том, что еще до начала строительных работ проект канала был направлен на согласование в Парижскую академию наук [Дуров, с. 84]. Документальных под-

тверждений данному факту до настоящего времени найдено не было. Однако во время Великого посольства Петр I действительно неоднократно обсуждал вопрос о строительстве Волго-Донского канала с европейскими учеными и государственными деятелями. В Библиотеке Ганновера среди бумаг Г. В. Лейбница хранится схематический чертеж Волги и Дона, на котором указаны Царицынская крепость и городки донских казаков и отмечено место, где велось работы по строительству канала на Камышинке. Данный чертеж, вероятно, был создан во время встречи Петра I с Г. В. Лейбницем 27 июля 1697 г. [Биохроника Петра Великого. 27.07/06.08.1697]. Царю сообщали о ходе работ на Камышинке, когда он находился в Великом посольстве. Так, в письме от 6 августа А. А. Виниус писал Петру: «О слюзном деле также пишут со благою надеждею, и Брекель в надежде полной то дело за Вышнюю помощь совершить» [ПиБ, с. 637]. 14 января 1698 г. Петр встречался в Лондоне с королем Вильгельмом III, беседовал с ним исключительно на морские и кораблестроительные темы, показывал ему план Волго-Донского канала [MacGregor, p. 116] (рис. 1).

Leibnitz' drawing of the Volga-Don canal, 1697.

Рис. 1. Схема Волго-Донского канала. Locus canalis Tanain Volgae conjuncturi designatus manu Domini Golovini legati Moschici, 1697. Рис. из ст.: [Л. В.]
 Drawing of the Volga-Don canal. Locus canalis Tanain Volgae conjuncturi designatus manu Domini Golovini legati Moschici, 1697

Как свидетельствуют материалы приказного делопроизводства, в 1697–1698 гг. на Волго-Донской переволоке было начато не только «шлюзное», но и «валовое» дело. В указных грамотах и документах приказного делопроизводства работы на переволоке назывались «строительство новой черты и шлюзное дело на реке Камышенке» [ПСЗ-1, № 1591], «слюзное дело» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1697 г. Д. 121. Л. 1], «строенье слюзное и валовое дело» [Наказ, стб. 533], «делание слюзов и всяких крепостей меж Саратова и Царицына от реки Волги до реки Дону» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698 г. Д. 710. Л. 1]. Как известно, в 1697–1699 гг. на месте существовавшей здесь ранее и разрушенной Степаном Разиным крепости в устье речки Камышинки был построен город Дмитриевск [Мезин, с. 81–85]. Однако возведение городов и крепостей в документах XVII в. обозначалось как «городовое» или «острожное дело», а под «валовым делом» понималось строительство засечных черт или оборонительных линий [Дубман].

За сбор работных людей, плотников и кузнецов для этого проекта отвечал глава, думный дяк Емельян Игнатьевич Украинцов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698 г. Д. 710. Л. 1]. Общая организация работ и контроль за ними были возложены на главу приказа Казанского дворца боярина князя Бориса Алексеевича Голицына [Царицынская линия, с. 28–29].

Сбор работников для данных работ был начат весной 1697 г. В разных источниках приводятся различные данные об общей численности работников, привлеченных к работам на Камышинке. Дипломат О. А. Плейер в донесении австрийскому императору от 28 марта 1697 г. сообщал, что для строительства канала планировалось привлечь 20 тыс. чел. [Устрялов, т. 3, с. 633]. Согласно сведениям И. А. Желябужского, для «перекопывания реки» на Царицыне было набрано 35 тыс. посошных людей [Дневные записки, с. 58].

В поволжских городах, большая часть которых находилась в ведении Приказа Казанского дворца, набирались пешие и конные «деловцы», которые должны были осуществлять земляные работы, а также плотники и кузнецы. Требовалось, чтобы плотники были столярного дела, а кузнецы слесарного дела «самые добрые» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1697 г. Д. 121. Л. 1]. Поскольку архив Приказа Казанского дворца был уничтожен в 1701 г., мы можем восстановить ход подготовки к строительным работам лишь частично на основе документов приказного делопроизводства, отложившихся в архивах других приказов и приказных изб низовых городов.

Детальное отражение в источниках нашел процесс набора «деловцов» для работы на Камышинке в Нижегородском уезде. В Нижнем Новгороде не были собраны и отправлены плотники и кузнецы на «валовое и слюзное дело» в определенные для этого сроки. В связи с этим на бывшего нижегородского воеводу Павла Леонтьева, в апреле 1697 г. переведенного на другую службу, была наложена пеня 500 руб., и в январе 1698 г. началась опись его деревень для взыскания «пенных денег». Пытаясь оправдаться, Леонтьев обратился в Новгородский

приказ с челобитной и приложенной к ней сказкой, в которой был детально описан процесс сбора «деловцов» для строительства канала.

Как следует из этих документов, 25 января 1697 г. в Нижний Новгород была доставлена указная грамота из Приказа Казанского дворца, согласно которой сошным людям необходимо было собрать работников (с семи дворов по одному человеку) «к слюзному и воловому делу». В царской грамоте, полученной 24 марта, уточнялось, что не следовало брать работников для отправки на Камышинку с вотчин, откуда набирались работники на «корабельное строение». 3 апреля в Нижний Новгород была доставлена очередная грамота, согласно которой воеводе необходимо было собрать к «воловому и слюзному делу» с шести дворов одного пешего работника и с 50 дворов – одного «с лошедью и колесы» и под руководством отставных дворян направить на Камышинку¹.

Как указал в своей сказке П. Леонтъев, на протяжении апреля – начала июня на Камышинку было отправлено несколько партий «деловцов» во главе с отставными дворянами и подьячими: 10 апреля с Яковом Плотцовым и подьячим Дмитрием Суяпиным пеших 204 и с лошадьми 18 чел., 25 апреля – с Васильем Савушкиным и с подьячим Яковом Ивановым пеших 506, с лошадьми 54 чел., 27 апреля с Данилою Локшанским и подьячим Фомою Поповым пеших 363 и с лошадьми 38 чел., 4 мая с подьячим с Семеном Багачевым пеших 48 и с лошадьми 11 чел. Всего пеших 1 121 чел. и с лошадьми 121 чел. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698 г. Д. 175. Л. 12].

Часть этих людей были отправлены на Камышинку уже после того, как П. Леонтъев покинул Нижний Новгород, поскольку, как было указано в его сказке, 18 апреля он получил грамоту из Приказа Казанского дворца с поручением собрать и отправить на «воловое и слюзное дело» 60 плотников и 10 кузнецов, а 21 апреля из Новгородского приказа – росписную грамоту с поручением сдать город и все дела дьяку Прохору Чередыеву и отставному дворянину Степану Богдановичу Радилу и, не дожидаясь приезда нового воеводы, явиться в Москву [Там же. Л. 13]. Бывший нижегородский воевода справедливо оправдывался:

И по тому Великого Государя указу и по росписной грамоте город, и всякие дела, и грамоты отдал я, Павел, дьяку Прохору Чередыеву. И мне было, Павлу, тех плотников выслать неколи и не пристойно, потому что город и дела велено мне отдать дьяку Прохору Чередыеву. А воевода Иван Овцын и дьяк Прохор Чередыев с чем их плотников и кузнецов, и какими припасы выслали, и доброго л мастерства деловцов, того мне, Павлу,

---

¹ В цитируемых документах указано, что работники для «волового и слюзного дела» должны были отправляться на Курмыш, но мы уверены, что это ошибка писца, составлявшего документ, поскольку в 1697 г. «слюзные» работы велись только на Камышинке, в других цитируемых ниже документах работы на Камышинке назывались дословно также как «валовое и слюзное дело».

ведать не по чему, и над ними мне смотреть не указано, и сколко числом выслали, и сколко не дослано, ведать мне не по чему [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698 г. Д. 175. Л. 14].

Сбор работников для отправки на Камышинку проводился также в Арзамасском уезде. Здесь в 1697 г. требовалось набрать 30 плотников и пять кузнецов [Там же. Оп. 7. 1697 г. Д. 121. Л. 1–2].

Для отправки на Камышинку собирались также «деловцы», плотники и кузнецы в Алаторском уезде. В 1698 г. на реке Пьяне недалеко от Нижнего Новгорода было начато строительство двух пильных мельниц. Для этого в Алаторском уезде был объявлен сбор работных людей: с шести дворов по человеку, в том числе плотников 300 чел., и конников с 50 дворов по подводе, «со всеми припасы и с запасы, с чем были в прошлом 205 году у слюзного дела (курсив наш. – Я. К., А. К.)» [Сборник выписок, с. 291].

В 1867 г. в сборнике под редакцией Н. В. Калачова был опубликован наказ, в июле 1697 г. данный князем Андреем Федоровичем Шаховским Федору Аристову, назначенному для надзора за строением шлюза и вала на Камышинке [Наказ, стб. 533–537]. В указанном документе Ф. Аристову поручалось руководство яранскими, цывилскими, царевощанчюрскими, арзамасскими и Терюшевской волости «деловцами» общей численностью немного более 1 тыс. чел.

Таким образом, мы располагаем источниками, которые прямо указывают на то, что сбор работников для отправки на Камышинку проводился в начале 1697 г. в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Алатыре, Яранске, Цивильске, Царевосанчурске и уездах данных городов. Вероятно, трудовая повинность по «слюзному делу» возлагалась не только на жителей этих городов, но и на население всех низовых городов, находившихся в ведении Приказа Казанского дворца: «Казань, Свияжск, Синбирск и Синбирские пригороды, Чебоксары, Кузмодемьянск, Цывилск, Инсар, Пенза, Темников, Кадом, Ядрин, Алатырь, Саранск, Курмыш, Царев-Кокшанск, Яранск, Царев-Сенчюрск, Самара, Уфа, Василь» [Сборник выписок, с. 288]. Помимо этого, «деловцы» для строительства канала собирались в Шацком и Касимовском уездах «с монастырских, помещиковых и вотчинниковых крестьян и бобылей» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698 г. Д. 710. Л. 1]. С каждых шести дворов привлекался один пеший работник, а с 50 – конный. Однако, помимо «слюзного дела», в это же время в этих же городах и уездах шел набор людей на «шмаковое дело» (строительство кораблей) и другие работы. Имеющиеся в нашем распоряжении источники пока не дают возможности установить точную численность людей, работавших на Камышинке в 1697 г., однако в целом подтверждают реалистичность порядка чисел, приведенных в донесениях О. А. Плейера и записках И. А. Желябужского (20–35 тыс. чел.).

Основным источником, который проливает свет на то, как были организованы работы непосредственно в междуречье Камышин-

ки и Иловли, является упомянутый выше наказ князя Шаховского Ф. Аристову. Согласно этому источнику, Федору Аристову, назначенному быть «у строенья слюзного и валового дела», поручалось руководство 1057 «деловцами». В подчинение ему давались десять сотенных дворян и детей боярских – Иван Борисович Ленивцов, Алексей Назарьевич Ярцов, Никита Иванович Вотманов, Григорий Владимирович Гусев, Петр Митрофанович Клементьев, Борис Петрович Бронской, Яков Федорович Кроткой, Панкрат Фомич Нерадов, синбиренин Александр Фомич Антонов и Иван Михайлович Зубатов.

Федор Аристов должен был принять «деловцов» у дворян, которые приводили их из городов. Принимать необходимо было по спискам, полученным в полковом шатре. При приемке необходимо было смотреть, чтобы у каждого работника были острый топор, заступ, лопата и на двух человек были одна кирка или заступ.

Работу нужно было организовывать следующим образом: в первую неделю 500 чел. должны были работать шесть дней в неделю, а остальные 500 – четыре дня, на следующую неделю те 500 чел., которые в прошлую неделю отработали шесть дней, должны были трудиться только четыре дня. Воскресные дни были выходными для всех. Федору Аристову, бывшему у слюзного и валового дела, поручалось смотреть, чтобы между работниками не было ссор, пьянства и драк. В случае возникновения конфликтов или бегства работников он должен был незамедлительно докладывать обо всем в полковой шатер князю Андрею Федоровичу Шаховскому.

Как было указано в наказе Ф. Аристову, будучи у «валового и слюзного дела», он находился в поручении у полковника Егона Брекола (правильнее – Ягана Брёккеля [Клейтман]): «Что заставит какое дело делать и в котором месте, и тебе б в том месте то дело и делать, как он, полковник прикажет, без всякого послушания и спору» [Наказ, стб. 536].

13 июля место строения новой черты и шлюзного дела посетил боярин князь Борис Алексеевич Голицын. Здесь же, на Камышинке, он провел переговоры и заключил договор с калмыцким ханом Аюкой [ПСЗ-1, № 1591].

В 1697 г. была проделана часть «валовых и слюзных» работ. В поселке Петров Вал Камышинского района Волгоградской области до настоящего времени сохранились остатки сооружения, которое было построено под руководством Я. Брёккеля. Хотя оно известно среди местного населения и внесено в реестр объектов культурного наследия народов РФ как «Селимов вал, 1550 г.», как показали наши исследования, отождествление данного объекта с каналом, который строило турецко-крымское войско для соединения Волги и Дона в 1569 г., ошибочно. В отличие от второго объекта культурного наследия, расположенного неподалеку, который представляет собой сохранившиеся элементы канала, строившегося под руководством Дж. Перри, сооружение Я. Брёккеля имеет земляной вал только с одной стороны от рва. Ров находился с северной, ближней к Дмитров-

ской крепости стороны высокого вала, как бы под его прикрытием. В письме Ф. Я. Лефурту от 19 января 1698 г. инженер сообщал, что собирается ехать на Камышинку для того, чтобы «машину приготовить вперед землю копать» [ПиБ, с. 710–711]. Из этого можно сделать вывод, что земляные работы не были закончены в 1697 г., планировалось дальше углублять и расширять ров.

В ноябре 2022 г. авторами работы была проведена археологическая разведка данного объекта. Несмотря на то, что большая часть канала застроена современным населенным пунктом Петров Вал, удалось установить характерные особенности канала и вала, которые были возведены Я. Брёккелем. Стоит отметить, что канал условно состоит из двух частей. Первая часть представляет собой вал высотой до 6 м и протяженностью 4,2 км. Данный вал, как уже было отмечено ранее, насыпан с одной стороны и формирует, таким образом, фортификационное сооружение. Место, откуда был извлечен грунт, представляет собой ров глубиной около 3 м и шириной по дну до 13 м. Данная часть объекта практически полностью застроена современными частными хозяйствами. Именно она в 1960 г. получила статус федерального памятника и название «Селимов вал 1550 г.». Однако такая интерпретация памятника являлась не только ошибочной, но и неполной. Дело в том, что основное русло р. Иловли протекает в 1 км от западной границы вала. Вероятно, исследователи посчитали, что на протяжении данного расстояния Иловля разливалась, так как этот участок является пойменным. Поэтому не были найдены вход канала в реку и место, где находился единственный построенный под руководством Я. Брёккеля шлюз [Перри, с. 3].

На основании карты середины XVIII в., хранящейся в отделе рукописей Библиотеки академии наук, составленной, вероятно, П. Б. Иноходцевым, нами была отмечена вторая часть канала, которая вплотную примыкает к руслу Иловли. Узкая часть канала полностью пролегает по пойменной территории. На указанной карте обозначено два пруда, которые находятся в русле канала, а с внешней южной стороны располагается укрепление, названное «артиллерийская батарея» (ил. 1 на цв. вклейке).

В ходе археологической разведки удалось установить на местности данную часть канала Я. Брёккеля. К сожалению, территория между границей существующего вала и прудами почти полностью нивелирована в ходе сельскохозяйственной деятельности, но участок с прудами хорошо локализуется на месте. От них вплоть до основного русла Иловли тянется небольшой вал. Несмотря на то, что участок сильно задернован высоким кустарником, в ходе обследования удалось выйти на предположительное место примыкания канала к руслу реки.

Кроме вышеуказанных прудов, было установлено месторасположение артиллерийской батареи. Данное фортификационное сооружение находится недалеко от прудов и хорошо читается на местности. Это место возвышается над остальной территорией

и имеет две земляные окружности, которые разделяет небольшой кольцевой ровик. Данную особенность можно увидеть и на карте XVIII в. Провести более детальное изучение батареи на данный момент не представляется возможным, так как оно практически полностью занято современным действующим мусульманским кладбищем.

В ходе изучения данного участка канала было отмечено, что высота этого вала существенно ниже того, который именуется «Селимовым валом». По всей видимости, с учетом того факта, что данная территория является пойменной, возведение высокого вала для обороны показалось нецелесообразным. К тому же этот район хорошо прикрывала артиллерийская батарея, для которой разлив реки создавал только дополнительные преимущества (ил. 2, 3 на цв. вклейке).

Зимой отвечавший за инженерно-техническую часть проекта Я. Брёккель направился в Москву. Оттуда 19 января 1698 г. он отправил Ф. Я. Лефорту письмо, уведомив его, что отправляется на Камышинку, а сам при этом тайно выехал в Новгород, а оттуда в Нарву. Отъезд Я. Брёккеля из России был оценен как бегство со службы. Зимой – весной 1698 г. допрашивались, подвергались обыскам многие знавшие его люди, ямщики, которые везли его до Новгорода.

Петру I, находившемуся в это время в составе Великого посольства в Англии, сообщил о бегстве Я. Брёккеля Ф. М. Апраксин в письме, отправленном 16 февраля 1698 г. [Устрялов, т. 4, ч. 1, с. 604–606]. В ответном письме, направленном 29 марта 1698 г. из Дерфорта, царь написал:

Тут же пишешь, что полковник Брекель проехал тайно за границу, и то зело худо, что таково оплошно у вас, можно было покрепче смотреть в том, а здесь не токмо иной кто, но и сами короли каждому проезжую подписывают своей рукою [Собрание собственноручных писем, с. 2].

Бегство Я. Брёккеля из России и тот факт, что работы по соединению Камышинки и Иловли не были завершены за один год, вероятно, были важным знаком для Петра I и его окружения, что строительство судоходных каналов – дело, требующее особых знаний, которым должны заниматься специально подготовленные для этого люди. Уже спустя несколько дней в апреле 1698 г. царь познакомился с Джоном Перри и с ним был заключен договор о поступлении на службу в качестве «слюзного мастера». Тогда же, в апреле, в Амстердаме были приняты на службу несколько мастеров и работников «слюзного дела» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 10. Л. 73, 73 об., 115²].

Несмотря на бегство Я. Брёккеля за границу, весной 1698 г. в низовых городах началась подготовка к «слюзному и воловому делу» на Камышинке.

---

² Авторы благодарят Д. М. Ивлева за указание на данные документы.

До настоящего времени нам удалось выявить только один указ о направлении работников на строительство канала весной 1698 г.: в феврале в Ядрине была получена грамота из Приказа Казанского дворца, предписывавшая к 15 марта направить в Саратов «к слюзному и воловому делу трех человек плотников с плотничными снасьми и с запасы» [Свод памятников истории Чувашии³, с. 456]. Отсутствие указов о сборе работников, вероятно, объясняется тем, что на Камышинку без дополнительных указаний ехали те же «деловцы», плотники и кузнецы, которые трудились там в первый год стройки.

К 25 марта 1698 г. для обеспечения безопасности от набегов «воровских людей» на место стройки должны были явиться копейщики и рейтары из городских дворян и детей боярских [Свод памятников истории Чувашии, с. 449–450].

Весной 1698 г. в больших масштабах, чем в прошлом году, была развернута подготовка леса для «слюзного дела». 21 марта 1698 г. приказной человек Михаил Иванович Писемский из Васильгорода в своей отписке докладывал ядринскому воеводе Якову Григорьевичу Новосильцову, что ему было велено, взяв стрельцов и посадских людей из Васильгорода и других находящихся поблизости городов, осмотреть лесные припасы в плотях, которые были подготовлены в 205 (1697) г. для отправки на Камышинку. Дубовые припасы, брусья и доски, если их невозможно будет положить на плоты, следовало погрузить на лады. Кроме того, необходимо было заготовить дополнительные лесные припасы и направить до Камышенки за первым льдом. М. И. Писемский просил ядринского воеводу прислать в Васильгород ядринских стрельцов и посадских людей для участия в заготовке и сплаве по Волге лесных припасов, а также бумагу и подьячих для письма [Там же, с. 452–453].

С 1698 г. заготовка леса для «слюзного дела» велась в Княжем бору в Алаторском уезде. Подьячий Нижегородской приказной палаты Григорий Павлов, работавший здесь со стольником Лукой Дуровым, в 1699 г. обратился с челобитной к царю, жалуясь, что ему не были выданы «подможные деньги», и указал, что он был там на заготовке леса с последней недели Великого поста 206 до 31 декабря 207 г., то есть с весны до конца 1698 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1699 г. Д. 511. Л. 1–4].

Как видим, заготовка леса для канала на Камышинке велась по р. Суре, оттуда лес сплавлялся до Васильгорода, расположенного в месте ее впадения в Волгу, складировался, вязался в плоты, откуда уже направлялся вниз по Волге.

В апреле были продолжены земляные работы на Камышинке. В письме от 22 апреля 1698 г. Б. А. Голицын сообщал Петру I, что «зачатое дело земли по назначению и ноне копают 6000 человек», а всего было наряжено 20 тыс. чел., которые уже «были готовы в домах». Глава Приказа Казанского дворца также уточнял:

---

³ Авторы благодарят проф. И. О. Тюменцева, подсказавшего идею обратиться к документам Ядринской приказной избы как к источникам по данной теме.

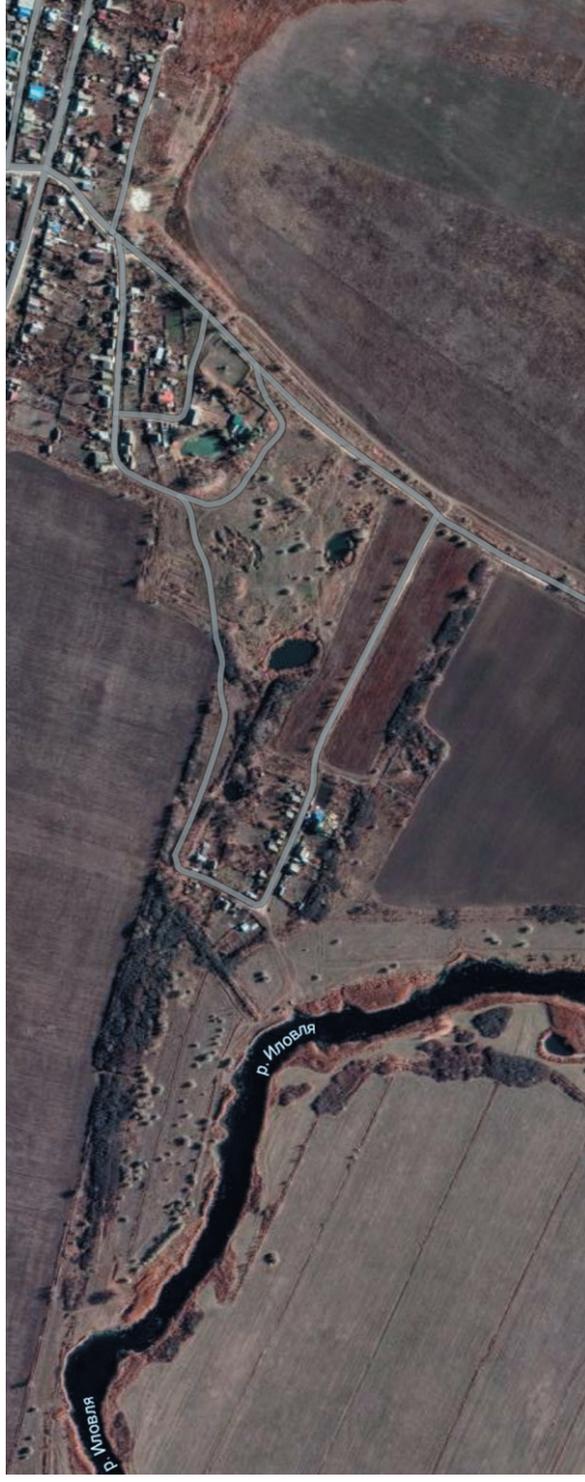
Иллюстрации к статье: Яков Кияшко, Александр Клейтман. История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого
Illustration for the article: Yakov Kiyashko, Alexander Kleitman. Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great

1. Карта реки Камышинки. Фрагмент [НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Основное собрание. Ед. хр. 193]
Map of the Kamyshinka River. Fragment

2. Объект культурного наследия «Селимов вал» в окрестностях поселка Петров Вал Камышинского района Волгоградской области. Фото авторов статьи
The object of cultural heritage "Selimov Val" in the vicinity of the village of Petrov Val, Kamyshinka district, Volgograd region. Photograph by the authors of the article

3. Место примыкания рва к р. Иловле. Картографические данные Google
The place where the moat adjoins the River Povolya. Google map data

А что слюзы воспомянулись, то, Бог сердце мое выдит, вижу, что надобно, да мое некое безца(с)тие. А се, по выду, ей, ей, не ево; и дело писал, и паки пишу: пожалуйста, пришлите, будет скоро надобно, не одного; а у меня все готово [ПиБ, с. 698].

Как очевидно, общий план работ был определен Я. Брёккелем совместно с кн. А. Ф. Шаховским и другими руководителями работ на Камышинке, и, несмотря на бегство инженера, земляные работы были возобновлены уже в апреле 1698 г. Глава Приказа Казанского дворца просил прислать «не одного», а нескольких мастеров для строительства шлюзов, для того чтобы дело по строительству канала не зависело больше от одного человека.

Дж. Перри сразу же по приезду в Россию был направлен на Камышинку, чтобы осмотреть место строительство канала и принять решение о возможности успешного завершения проекта. Летом – осенью 1697 г. на Камышинке также находились прибывшие из Амстердама кузнец Шарль Терий и шлюзный мастер Елеозар Крафорт [Сборник выписок, с. 191]. Ознакомившись с ситуацией на месте, Дж. Перри пришел к выводу, что Я. Брёккелем было неверно выбрано место для прокладки канала, и предложил иной маршрут. По проекту Дж. Перри необходимо было проложить новый канал, также в междуречье Иловли и Камышинки, но на два километра южнее. Как отмечал инженер, он представил свои соображения Петру I в Москве в этом же 1698 г. и получил одобрение предложенного проекта [Перри, с. 3]. Вероятно, «валовые и слюзные» работы на Камышинке по проекту Я. Брёккеля продолжались на протяжении лета и были завершены осенью 1698 г. В следующем году была начата новая стройка на новом месте, под руководством другого инженера и при участии уже нескольких иностранных специалистов.

Таким образом, в 1697–1698 гг. была предпринята попытка соединения Волги и Дона судоходным каналом. По проекту специалиста по фортификации Ягана Брёккеля велось строительство сооружения, которое должно было выполнять одновременно и фортификационные, и гидротехнические функции. Петр I живо интересовался ходом работ на Камышинке. Находясь в Европе, он неоднократно обсуждал вопрос о строительстве Волго-Донского канала с учеными и государственными деятелями. За обеспечение стройки строительными материалами и рабочей силой отвечали думный дьяк глава Емельян Игнатъевич Украинцов и глава приказа Казанского дворца князь Борис Алексеевич Голицын. Непосредственное руководство строительными работами осуществлял князь Андрей Федорович Шаховской. В связи с этим отъезд за границу Я. Брёккеля не привел к остановке стройки. Земляные работы велись на Камышинке на протяжении 1698 г. и после бегства инженера и были остановлены только после принятия решения о начале строительства Волго-Донского канала в другом месте по проекту Дж. Перри. Неудачный опыт строительства канала

на Камышинке показал Петру I, что строительство гидротехнических сооружений является сложным с научной и технической точки зрения делом, требующим привлечения специалистов соответствующего профиля («слюзных мастеров»), и способствовал усилению внимания царя к вопросам образования, науки и техники.

Библиографические ссылки

Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств. Департамент истории : [сайт]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения: 20.03.2023).

Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии : в 5 т. М. : ОГИЗ, 1940. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы: 30 мая 1672 – 6 марта 1697 г. 435 с.

Дневные записки И. А. Желябужского (время Феодора Алексеевича и Петра Великого) / с предисл. и примеч. Д. И. Языкова // Русский архив. 1910. № 9. С. 7–157.

Дубман Э. Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2011. Т. 13, № 3 (2). С. 326–332.

Дуров Н. Материалы для истории строительного дела в России. Проект соединения Волги с Доном. Брекель и Перри // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 1864. Кн. 1. С. 82–164.

Клейтман А. Л. Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Брёккель и его деятельность в России в 1695–1698 гг. // Исторический журнал: научные исследования : [электрон. журн.]. 2023. № 1. С. 154–162. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39839 (дата обращения: 21.03.2023). DOI 10.7256/2454-0609.2023.1.39839.

Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб. : Европ. дом, 2010. 178 с.

Наказ, данный воеводами князем Андреем Шаховским с товарищами Федору Аристову, назначенному для надзора за строением шлюза и вала // Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Калачова : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1864. Т. 2. Стб. 533–537.

НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Основное собрание. Ед. хр. 193.

Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе / пер. с англ. княжны О. М. Дондуковой-Корсаковой. М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. 205 с.

ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. СПб. : Гос. тип., 1887. Т. 1. 1688–1701. 998 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 3.

Походный журнал 1695 года. 2-е изд. СПб. : [Б. и.], 1910. 38, 23 с.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1696 г. Д. 512. 1697 г. Д. 121; Оп. 8. 1698 г. Д. 175, 710. 1699 г. Д. 511; Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 10.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Университет. тип., 1872. Т. 2. 406 с.

Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа : в 2 т. / сост. А. А. Чибис. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII века. 640 с.

Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксину : в 2 ч. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1811. Ч. 1. 231 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 8 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1858–1863. Т. 3. 662 с. Т. 4, ч. 1. 612 с.

Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации : в 2 т. / под общ. ред. И. О. Тюменцева. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2022. Т. 1. Исследования. 316 с.

Юркин И. Н. Петр Железный. Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб. : Европ. дом, 2012. 352 с.

L. B. The Volga-Don Canal // *Imago Mundi*. 1953. Vol. 10. P. 97–98.

MacGregor A. The Tsar in England: Peter the Great's Visit to London in 1698 // *The Seventeenth Century*. 2004. Vol. 19, № 1. P. 116–147.

References

Biokhronika Petra Velikogo (1672–1725 gg.) [Bio-Chronicle of Peter the Great (1672–1725)]. In *Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" v Sankt-Peterburge. Sankt-Peterburgskaya shkola gumanitarnykh nauk i iskusstv. Departament istorii* [website]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (accessed: 20.03.2023).

Bogoslovskii, M. M. (1940). *Petr I. Materialy dlya biografii v 5 t.* [Peter I. Materials for a Biography. 5 Vols.]. Moscow, OGIz. Vol. 1. Detstvo. Yunost'. Azovskie pokhody. 30 maya 1672 – 6 marta 1697 g. 435 p.

Chibis, A. A. (Ed.). (2017). *Svod pamyatnikov istorii Chuvashii i chuvashskogo Naroda v 2 t.* [Collection of Historical Monuments of Chuvashia and the Chuvash People. 2 Vols.]. Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. Vol. 1. Dokumenty Yadrinskoi prikaznoi izby vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka. 640 p.

Dnevnye zapiski I. A. Zhelyabuzhskogo (vremya Feodora Alekseevicha i Petra Velikogo) [Daily Notes of I. A. Zhelyabuzhsky (the Times of Fyodor Alekseevich and Peter the Great)] / preface and notes by D. I. Yazykov. (1910). In *Russkii arkhiv*. No. 9, pp. 7–157.

Dubman, E. L. (2011). Proekt Syzranskoi linii: predystoriya, sozдание i sud'ba [The Syzran Line Project: Background, Creation, and Fate]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Vol. 13. No 3 (2), pp. 326–332.

Durov, N. (1864). Materialy dlya istorii stroitel'nogo dela v Rossii. Proekt soedineniya Volgi s Donom. Brekel' i Perri [Materials for the History of Construction Business in Russia. The Project of Connecting the Volga and the Don. Bröckell and Perry]. In *Zhurnal Glavnogo upravleniya putei soobshcheniya i publichnykh zdaniy*. Book 1, pp. 82–164.

Kleitman, A. L. (2023). Pervyi rukovoditel' rabot po stroitel'stvu Volgo-Donskogo kanala (na Kamyshe) Yagan Brekel' i ego deyatel'nost' v Rossii v 1695–1698 gg. [The First Head of the Construction of the Volga-Don Canal (on the Kamyshe) Johann Bröckell and His Activities in Russia in 1695–1698]. In *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. No. 1, pp. 154–162. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39839 (accessed: 21.03.2023). DOI 10.7256/2454-0609.2023.1.39839.

L. B. (1953). The Volga-Don Canal. In *Imago Mundi*. Vol. 10, pp. 97–98.

MacGregor, A. (2004). The Tsar in England: Peter the Great's Visit to London in 1698. In *The Seventeenth Century*. Vol. 19. No. 1, pp. 116–147.

Mezin, S. A. (2010). *Goroda Saratovskogo Povolzh'ya petrovskogo vremeni* [Cities of the Saratov Volga Region of the Time of Peter the Great]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 178 p.

Nakaz, dannyi vovodami knyazem Andreem Shakhovskim s tovarishchami Fedoru Aristovu, naznachennomu dlya nadzora za stroeniem shlyuza i vala [The Order Given by the Voivodes Prince Andrei Shakhovsky and His Comrades to Fyodor Aristov, Appointed to Supervise the Structure of the Sluice and Rampart]. (1864). In Kalachov, N. (Ed.). *Akty, otnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnei Rossii v 3 t.* St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 2, columns 533–537.

NIOR BAN [Research Department of the Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences]. *Sobranie rukopisnykh kart. Osnovnoe sobranie*. No. 193.

Perry, J. (1871). *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare* [The State of Russia, under the Present Tsar] / transl. by O. M. Dondukova-Korsakova. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnosti rossiskikh pri Moskovskom universitete. 205 p.

PiB – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t. [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1887). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 1. 1688–1701. 998 p.

Pokhodnyi zhurnal 1695 goda [Military Logbook of 1695]. (1910). 2nd Ed. St Petersburg, S. n. 38, 23 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 3.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 141. List 7. 1696 year. Dos. 512. Year 1697. Dos. 121; List 8. Year 1698. Dos. 175, 710. Year 1699. Dos. 511; Stock 150. List 1. 1698 year. Dos. 10.

Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom v 2 t. [Collection of Extracts from Archival Papers about Peter the Great. 2 Vols.]. (1872). Moscow, Universitetskaya tipografya. Vol. 2. 406 p.

Sobranie sobstvennoruchnykh pisem gosudarya imperatora Petra Velikogo k Apraksinym v 2 ch. [Collection of Handwritten Letters of Emperor Peter the Great to the Apraksins. 2 Parts]. (1811). Moscow, Tipografiya N. S. Vsevolozhskogo. Part 1. 231 p.

Tyumentsev, I. O. (Ed.). (2022). *Tsaritsynskaya liniya. Pamyatnik fortifikatsii Petrovskoi epokhi: stroitel'stvo, ekspluatatsiya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy muzeifikatsii v 2 t.* [Tsaritsyn Line. A Fortification of the Petrine Era: Construction, Operation, Current State, and Prospects for Museumification. 2 Vols.]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. Issledovaniya. 316 p.

Ustryalov, N. G. (1858). *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo v 8 t.* [History of the Reign of Peter the Great. 8 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 3. 662 p. Vol. 4. Part 1. 612 p.

Yurkin I. N. (2012). *Petr Zheleznyi. Petr Velikii i tul'skii krai: fakty, gipotezy, dokumenty* [Petr Zhelezny. Peter the Great and Tula Region: Facts, Hypotheses, Documents]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 352 p.

The article was submitted on 28.01.2023

Экспедиция Адама Лаксмана в колониальном конфликте на севере Тихого океана*

Александр Петров

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific**

Alexander Petrov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article examines the history of the emergence of official Russian-Japanese relations in the late eighteenth century. The work focuses on unique archival materials from the SARC, RSA of the Navy, MD RSL, RSAAA, etc. The article refers to collections of documents, works by V. N. Berkha and E. A. Bolkhovitinov, and modern authors. The author analyses the first contacts between Russia and Japan, which became the prerequisites for the 1792–1793 expedition of Adam Laxman to Japan. Also, he studies the role of Dembei, San'emon, Sōza, and Gonza, the first Japanese nationals who visited Russia, in the development of Russian-Japanese relations and the study of Japanese culture and the Japanese language in Russia. In light of the struggle for colonies in the North Pacific in the late eighteenth century, the article also considers a peaceful but quick way of establishing relations, characteristic of Russia at that time, opposed to Japan's desire to ritualise and slow down this process. The optimism, widely spread in the late eighteenth century in the establishment of trade and diplomatic relations, was fuelled, on the one hand, by numerous petitions from merchants with a request to establish trade with Japan and, on the other hand, by the desire of the state to win the struggle for spheres of influence in the North Pacific, in which Great Britain actively participated in the 1790s. Despite the success of

---

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00043 в Институте всеобщей истории РАН.

** *Citation*: Petrov, A. (2023). Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 821–833. DOI 10.15826/qr.2023.3.820.

Цитирование: Petrov A. Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 821–833. DOI 10.15826/qr.2023.3.820 / Петров А. Экспедиция Адама Лаксмана в колониальном конфликте на севере Тихого океана // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 821–833. DOI 10.15826/qr.2023.3.820.

Adam Laxman's expedition, this approach to establishing international relations between countries was not to be preserved, and by the middle of the nineteenth century, it was replaced by a military-coercive one.

Keywords: Adam Laxman, Russian-Japanese relations, colonialism, Japan, trade relations

Рассматривается история зарождения официальных российско-японских отношений в конце XVIII в. В работе сделан акцент на использовании уникальных архивных материалов, выявленных автором в ГАРК, РГА ВМФ, ОР РНБ, РГАДА и др. Используются сборники документов, работы В. Н. Берха, Е. А. Болховитинова и современных авторов. Приводится анализ первых контактов между Россией и Японией, ставших предпосылками к состоявшейся в 1792–1793 гг. экспедиции Адама Лаксмана в Японию. Анализируется роль японцев, первыми побывавших в России, а именно Дэмбэя, Сангэмона, Содзы и Гондзы, в развитии российско-японских отношений и изучении в России японской культуры и японского языка. В свете борьбы за колонии на севере Тихого океана в конце XVIII в. проанализирован характерный для России того времени мирный, но быстрый способ установления отношений, который противопоставлен стремлению Японии ритуализировать и замедлить данный процесс. Показано, что свойственный концу XVIII в. оптимизм в установлении торговых и дипломатических отношений подогревался, с одной стороны, многочисленными прошениями купцов установить торговлю с Японией, с другой – стремлением государства выиграть борьбу за сферы влияния на севере Тихого океана, в которую в 90-е гг. XVIII в. активно включилась Великобритания. Несмотря на определенный успех экспедиции Адама Лаксмана, данный подход к установке международных отношений между странами не сохранится, а к середине XIX в. сменится на военно-принудительный.

Ключевые слова: Адам Лаксман, российско-японские отношения, колониализм, Япония, торговые отношения

Прошло 230 лет с момента экспедиции Адама Лаксмана в Японию в 1792–1793 гг., но актуальность ее изучения остается высокой, особенно в свете переосмысления роли и значения России в истории Азиатско-Тихоокеанского региона. Опыт первых государственных устремлений открыть Японию для связи с Российской империей важно учитывать и в настоящее время. Влияние традиционных российских и японских культурных ценностей, различное их когнитивное наполнение, а также усилившаяся борьба за раздел сфер в конце XVIII в. требуют внимательного прочтения первых глав истории российско-японских отношений.

Литература о путешествии Адама Лаксмана в Японию достаточно обширна как в России, так и за рубежом. Между тем аспект понимания плавания Лаксмана в контексте обострения борьбы за территории и сферы влияния на севере Тихого океана остался без должного

внимания. Для нас не стоит задача подробно рассмотреть ход самой экспедиции; информацию об этом можно найти в специальных работах. Но остановиться на предваривших плавание Лаксмана связях с Японией, показать причины и результаты плавания, обратив внимание на новые выявленные нами архивные документы, представляется актуальным.

Несколько слов об источниках. Среди опубликованных можно выделить материалы архива кн. Воронцова, который в полном виде может быть получен в читальном зале научно-исторического архива СПбИИ РАН [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 609]. Кроме того, по данной экспедиции имеются публикации В. Н. Берха и Е. А. Болховитинова, писавших в XIX в. и пользовавшихся ныне утраченными документами.

Отдельные документы опубликованы во втором томе ИРТО [ИРТО]. В РГА ВМФ в картотеке «Научные экспедиции и кругосветные плавания» имеется подбор документов «Экспедиция А. К. Лаксмана и Г. Ловцова в Японию на тр. Екатерина» (1792–1793)». Это материалы ф. 198 (канцелярия адмирала Кушелева), ф. 179 (документы из морской части, переданные из кабинета Екатерины II, д. 131) и др.

Журнал посольства А. Лаксмана частично опубликован. В 1920-х гг. в Крыму была обнаружена копия этого документа, которая была направлена А. А. Преображенскому. Пожалуй, впервые на данные материалы указывал еще С. Н. Марков. В дальнейшем в этом архиве нам удалось найти наиболее полную копию дневника А. Лаксмана XVIII в. о его путешествии в Японию. В документе имеются важные сведения об истории вопроса и даются отсылки к первой четверти XVIII в. [ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 2034].

По дневнику Лаксмана можно установить, что интерес к Японии стал активно появляться еще в XVII в., когда об этой стране узнали от японских мореплавателей, потерпевших кораблекрушение и доставленных в Иркутск. Одни из первых зафиксированных контактов между японцами и русскими произошли в 1695–1697 гг., когда судно японского купца Дэмбэя, шедшее из Мияко в Эдо, в результате шторма прибило к Камчатке. Этой встречей воспользовался находившийся там якутский казак В. В. Атласов, который уговорил Дэмбэя последовать с ним в Москву. В портфелях Миллера частично сохранились интересные заметки Атласова [РГАДА. Ф. 199. Портфель 511. II. Тетрадь 6. Л. 7–87].

Дэмбэй остался в Москве и стал служить в Артиллерийском приказе переводчиком. Он в достаточной степени освоил русский язык и составил описание Японии для царских властей. В 1702 г. он получил аудиенцию Петра I. Царь не принуждал японца принять православие и обещал отпустить его на родину, но лишь после того, как тот научит японскому языку «робят человек четырех или пяти». Однако Дэмбэй так и не вернулся в Японию, а к 1710 г. принял в крещении имя Гавриил и хлопотал об открытии школы переводчиков. Помощником Дэмбэя стал японец Санъэмон (Санима).

Как сообщает Г. Миллер, в 1734 г. в Петербург были доставлены двое японцев, которые потерпели крушение на берегах Камчатки, Содза и Гондза. Существует мнение, что их именами были Содзаэмон и Гондзаэмон. По указу Анны Иоанновны они были назначены в Академию наук, при которой была основана школа японского языка. К 1739 г. они успели составить первые пособия по японскому языку под руководством помощника библиотекаря А. И. Богданова.

На более высоком государственном уровне первый проект установления русско-японских отношений подал В. Беринг в 1730 г. во время подготовки Второй Камчатской экспедиции. По его мнению, было необходимо проводить систематические поиски японцев, которые в результате кораблекрушений оказывались на Камчатке и Курильских островах, после чего использовать их возвращение как предлог для завызывания равноправных дружественных отношений с Японией.

В дальнейшем к Японии проявляли интерес иркутские губернаторы И. В. Якоби, И. А. Пиль, купцы Г. И. Шелихов, И. Л. Голиков, С. Киселев, П. С. Лебедев-Ласточкин и др. [Преображенский, с. 135–136]. Их предложения повторяли инициативу Беринга по возвращению японцев на родину и были связаны с периодами активизации русско-китайских отношений. Купцы в своих обращениях опирались на опыт торговли с Китаем, с которым на начальном этапе первых посольств имелись серьезные сложности [Петров, Грузинов]. Кроме того, представления о структуре китайской и японской торговли были схожими, чем и объясняется интерес к торговле со Страной восходящего солнца [Там же].

К 80-м гг. XVIII в. сибирские купеческие компании, занятые пушной торговлей на Алеутских островах, были заинтересованы в торговле с Японией, что поддерживалось местной администрацией и центральным правительством. Планировалось обезопасить российский промысел и установить обмен пушнины на продовольствие и другие товары из Японии. Продолжились попытки завязать торговлю с Японией, которые носили неофициальный характер и исходили в основном от сибирского купечества в лице П. С. Лебедева-Ласточкина, Лосева и др. [ОР РНБ. Ф. 73. Д. 73. Л. 1–11 об.]. Правительство вновь обратило внимание на Японию при подготовке экспедиции под руководством И. И. Биллингса, в задачу которой входило изучение омывающих Японию вод. Но результаты этой экспедиции оказались весьма скромными. Следующей планировавшейся экспедиции под руководством Г. И. Муловского предписывалось отправиться на остров Матмай (Хоккайдо), где не так строго соблюдались законы изоляции, и местные жители уже имели опыт торговли с русскими. Однако задуманное не было осуществлено.

Во второй половине XVIII в. сложились предпосылки к установлению русско-японских отношений. Происходило сближение границ, развивались товарно-денежные отношения, и росли потребности населения удаленных территорий России, так же как и северных рай-

онов Японии. Россия стала тихоокеанской державой и стремилась найти сильного союзника, открытого для нее в торговле. Япония в России рассматривалась не как колония, но как торговый партнер. Считалось, что русско-японские связи будут способствовать росту благосостояния и развитию Дальнего Востока. Доставка товаров из Иркутска, Якутска и Санкт-Петербурга была длительной и дорогостоящей, а из Японии представлялась выгодной. В перспективе планировалось включить в этот товарооборот Китай.

К середине XVIII в. в Англии, Испании, Франции и России приходит понимание того, что доминирование на севере Тихого океана возможно при включении Японии в рыночные отношения и налаживании с ней торговли. Испания, стремившаяся к доминированию в регионе так же, как и Япония, проводила политику изоляционизма в собственных колониях в Калифорнии, что явно препятствовало развитию мирового торгового оборота. Франция была занята проблемами на Атлантическом побережье. Великобритания же значительно активизировала свои усилия в отношении Японии.

Изменения в экономике Великобритании, вызванные огораживанием и активным развитием сначала легкой, а затем и других видов промышленности, приводят к резкому росту торговли и стремлению этой страны к выявлению новых рынков и завоеванию колоний. При этом наблюдается тенденция, с одной стороны, обрести новые свободные территории, а с другой – отвоевать для себя особое, привилегированное положение во взаимодействии с Китаем и Японией. Данная активизация приводит к включению территорий Тихого океана в мировой торговый оборот. Этот оборот осложнялся определенной изоляцией Китая и практически полной изоляцией Японии.

После экспедиции Миддлтона в 1741 г. первая серьезная попытка утверждения влияния Англии на севере Тихого океана была принята третьей экспедицией Кука (1776–1787). Решению амбициозных задач помешали гибель ее капитанов и вдохновителей Дж. Кука и Ч. Клерка и противодействие русских промышленников компании Голикова – Шелихова. Отказавшись от чрезмерно амбициозных задач за дальностью территорий и получив сообщения о том, что Алеутские острова и часть побережья Аляски уже находятся в зоне русского влияния и колониальных устремлений, Англия пыталась наладить взаимодействие с Японией. В 1791 г. Дж. Колнетт на корабле «Аргонавт» попытался достичь поставленной цели. Эта попытка стала неудачной. Но в Англии не отказались от дальнейших усилий, коммерческие английские суда и дальше стали появляться у берегов Японии с целью включить это государство в регулярный товарооборот.

26 февраля 1791 г. проживавший в Иркутске Э. Г. Лаксман направил президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову «Представление о японском торге». В данном документе обосновывалась важность направления экспедиции в Японию для того, чтобы установить торговые отношения с этой страной и составить конкуренцию за-

падноевропейским державам. Он предложил своего сына Адама в качестве руководителя экспедиции. Лаксман отметил аспект борьбы за территории на Тихом океане, указав на связь отношений с Японией и Китаем и развития речных и морских торговых путей: «Наши владения и торговля на Тихом море без сего сообщения всегда пребудут маловажными» [ИРТО, с. 287].

Для становления отношений с Японией было предложено использовать возвращение на родину японцев, попавших в Россию из-за кораблекрушений. В Нагасаки уже имелась голландская фактория, поэтому возвращение было запланировано через Северную, а не Южную Японию. Э. Лаксман информировал Воронцова о том, что японцы нуждаются в пушнине, а русские купцы заинтересованы в японских тканях и посуде. 13 сентября 1791 г. был подписан указ об организации экспедиции в Японию с целью возвращения японцев на родину. Руководителем будущей экспедиции был назначен один из сыновей Лаксмана А. Э. Лаксман [Черевко, с. 117]. Интересно, что в качестве морского офицера назначить на судно «Екатерина» предлагалось не голландца и не англичанина [Берх, с. 4–5].

В основу указа Екатерины II от 13 сентября 1791 г. «О установлении торговых сношений с Япониею» был положен проект Э. Лаксмана. Экспедицию запланировали отправить от имени генерал-губернатора И. А. Пиля: «Мы надеемся в прочем на усердие и рдение Ваше»; тем самым на случай неудачного визита отмечался ее региональный характер, но также Екатерина II хотела избежать подозрений Англии и Нидерландов относительно активизации политики России на Дальнем Востоке [Файнберг, с. 53]. Гриф особой секретности, как в случае с отдельными экспедициями на север Тихого океана, отсутствовал, равно как и указания на то, как требуется себя вести в ситуациях столкновений с представителями европейских держав в ходе плавания и в самой Японии. Вместе с тем в указе подчеркивалось, что никакому европейскому народу «нет столько удобностей к тому, как российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соседства» [ИРТО, с. 303].

Требовалось провести переговоры с японским правительством об установлении добрососедских отношений и торговли между Россией и Японией. По императорскому рескрипту в цели экспедиции наряду с чисто практическими задачами по установлению торговых сношений входили еще и научные – астрономические, физические, географические наблюдения и исследования [Новиковский, с. 49–52].

13 сентября 1792 г. экспедиция под руководством поручика Адама Лаксмана на судне «Святая Екатерина» под командой штурмана «ранга прапорщика» Василия Ловцова вышла из Охотска [ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 2034. Л. 4]. 9 октября экспедиция прибыла в залив Нэмуру у северо-восточной оконечности Хоккайдо. Глава японского правительства направил на переговоры с российским посольством полномочных чиновников центрального правительства, что явилось

успехом экспедиции Лаксмана. Участникам экспедиции было объявлено, что для передачи японцев и переговоров с официальными уполномоченными правительства бакуфу им надлежит ехать сухим путем в Мацумаэ. Но А. Лаксману удалось добиться разрешения следовать в Мацумаэ морем в сопровождении японского корабля. 4 июля миссия прибыла в Хакодатэ, а оттуда по суше отправились в Мацумаэ [Карташов, с. 50–51].

«Екатерине» был запрещен доступ в гавань столицы, подарки и письма японцы также отказались принять, но, чтобы отблагодарить за возвращенных на родину японцев и выдать русским письменную лицензию на прибытие их судна в Нагасаки для переговоров о торговле и по другим вопросам [Черевко, с. 130], сегунское правительство допустило пребывание Лаксмана и команды его корабля в Японии как гостей [Файнберг, с. 67]. Между тем есть мнение, что японцы, давая разрешение Лаксману, добивались его скорейшего ухода из Японии [ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 389].

Помимо дипломатических задач, экспедиция осуществила научную часть поставленных перед ней целей. Была проведена работа по изучению флоры, фауны, географии, жизни местных жителей и т.п.

8 сентября «Екатерина» вернулась в Охотск после года отсутствия, а 24 января 1794 г. Лаксман прибыл в Иркутск.

Генерал-губернатор Пиль положительно оценил результаты экспедиции и ходатайствовал о награждении ее участников. Он писал Екатерине II «О награждении Адама Лаксмана»:

...Бывшему в той экспедиции начальником поручику Адаму Лаксману чин коллежского асессора с жалованием от 450 р. на год до определения к месту тому сообразному и с выдачею ему не полученного жалования издержанных на чрезвычайные расходы денег, також за отдание им для казенного употребления сорочинское пшено и саблю, данные ему от японскаго [РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 2. Л. 181].

10 августа 1795 г. Екатерина II дала указ Сенату о награждении участников этой экспедиции. Пиль высказывал мнение о необходимости воспользоваться предоставленной возможностью и организовать новую экспедицию в Японию для установления торговых отношений между обеими державами в Нагасаки. Полученная лицензия стала юридическим обоснованием для отправки в Японию русских посольств, а также ускорила основание русской колонии на Урупе. Одним из результатов экспедиции стали предложения Г. И. Шелихова по заселению южных Курильских островов. Голикову и Шелихову удалось заинтересовать правительство проектом заселения Урупа и установлением отношений с Японией через южные Курильские острова. Пиль также предложил идею создания компании для торговли с Японией, в которую вошли бы все русские купцы. Также он предлагал вариант объединения с голландцами в торговых отно-

шениях с Японией, чтобы тем самым не допустить проникновения англичан в регион [Черевко, с. 136]. Причины отсутствия видимого успеха посольства заключались, по его мнению, в политике, которую проводило в тот период японское правительство; Пиль уведомил императрицу о том, что руководители экспедиции, насколько позволяли обстоятельства, выполнили возложенные на них обязательства, проявив усердие в порученном им деле [Там же, с. 135–136].

Экспедиция Лаксмана показала мирные намерения России в отношении Японии и оставила добрую память на японской земле. Русские смогли завоевать симпатии японцев, которые тепло отзывались о Лаксмани и бережно хранили привезенные им подарки. Вернувшись на родину японцы способствовали преодолению устоявшегося в Японии страха экспансии русских на юг [Мартынов и др., с. 444–445]. В Японии стала укрепляться точка зрения об установлении добрососедских отношений с Россией и получении от нее достоверных сведений напрямую, а не от голландцев, которые имели монополию на торговлю с Японией и не были заинтересованы в появлении конкурентов. А. Лаксман узнал от японских чиновников, что голландцы им описывали российский народ в негативном ключе, давали искаженные сведения о России. Поэтому, узнав о российском посольстве, японцы изначально не поверили, что оно было дружественным. Но, собрав истинные сведения, без сомнения, разрешили продолжить русским дальнейший путь по Японии. Также японцы отметили, что голландцам будет неприятно российско-японское сближение, хотя японцам ближе и удобнее будет торговать с русскими, чем с голландцами, тем более на русском корабле имелись почти все необходимые для них товары [Евгений, с. 11]. Россия вызывала у голландцев опасения, так как ее владения вплотную приблизились к Японии, а также потому, что другие европейские державы рассчитывали использовать Россию как таран, способный пробить изоляцию Японии от внешнего мира [Черевко, с. 124].

В настоящее время продолжается дискуссия о том, насколько экспедиции удалось достичь желаемых для России результатов. Так, авторы одной из новейших публикаций об экспедиции А. Лаксмана называют ее скорее успешной, но полагают, что излишняя осторожность российской стороны (инструкция, данная А. Лаксману, предписывала возвращаться в Россию сразу после дипломатических переговоров в столице) помешала немедленному подписанию торгового договора [Мартынов и др.]. Файнберг и Черевко, рассматривая вопрос о русско-японских отношениях, в целом оценивают результаты экспедиции Лаксмана положительно. Отдельные исследователи видят причиной отсутствия явного успеха Лаксмана четкое следование японцами своим законам и ритуалам. При этом отмечают, что «Официальное предостережение», выданное Лаксману, носило ситуативный характер: японские власти постулировали следование издавна действовавшим государственным законам основой своего курса, допуская при этом его гибкость

[Щепкин, Карташов, с. 179–180]. Автор фундаментальной монографии о становлении русско-японских связей исследователь из Австралии Д. Уэллс позитивно оценивает экспедицию Лаксмана в контексте времени русского открытия Японии, который, по его мнению, занял период в 130 лет до начала XIX в. [Wells, p. 176].

Мы полагаем, что мнение иркутских властей о путешествии А. Лаксмана было все же чрезмерно оптимистичным. Это привело к заблуждению в Санкт-Петербурге, что якобы Япония готова установить дипломатические отношения с Россией, и важно лишь придать им должный государственный уровень с соблюдением нужных ритуалов, как в случае с посольством в Китай. Перенесение опыта дипломатических связей с Китаем конца XVIII в. на японскую почву стало ошибочным. Экспедиция А. Лаксмана показала, что Япония была открыта к постепенным и ограниченным переговорам по установлению торговых отношений через систему проверок и соблюдение ритуалов. Россия же стремилась к быстрому решению всех вопросов, значительному товарообороту, получению преференций, полагаясь на фактор пограничья. Между тем Япония не была столь заинтересована в получении пушнины в больших объемах, как и других российских товаров, с которыми была мало знакома. Кроме того, несмотря на близость к Камчатке, сухопутное пограничье, как в случае с Китаем, отсутствовало. С Японией, по сути, было достигнуто лишь общее понимание о возможных связях, но отсутствовала конкретная договоренность о методах, сроках и взаимных государственных интересах в этом процессе.

В целом влияние субъективных факторов в виде молодости и отсутствия опыта А. Лаксмана и вынужденного высокомерия японских чиновников нивелировалось достаточно благожелательным настроем и пониманием обеими сторонами необходимости учитывать национальные особенности при ведении переговоров.

Экспедиция А. Лаксмана показала серьезность намерений России по продвижению своих интересов на севере Тихого океана, что привело к тому, что Англия, Испания, Франция на длительное время отказались от направления официальной дипломатической миссии, ограничиваясь частными плаваниями и сосредоточившись при этом на вытеснении голландцев. Положительными результатами плавания стали опыт культурного взаимодействия, знакомство (хотя и ограниченное) с историей, политическим и государственным устройством Японии и понимание того, что со Страной восходящего солнца можно вести переговоры.

Отдельно хотелось бы сказать об обмене географическими сведениями. Лаксман поделился с Японией известной на тот момент информацией по географии Тихого океана. В ответ японцы предоставили Лаксману свои карты, выполненные на тончайшей рисовой бумаге. Эти карты сохранились в РГА ВМФ и практически не использовались исследователями; они были выявлены нами в гидрографическом де-

партаменте ВМФ. Эти изображения требуют внимательного всестороннего изучения, особенно японистами, так как многие из них сопровождаются многочисленными иероглифами. Мы установили, что часть иероглифов – китайские. Надписями преимущественно были отмечены территории и изображения Китая. На картах достаточно точно показаны Азиатская часть Российской империи (имеются иероглифы основных городов и российских поселений), Китай, Камчатка и Курильские острова, но самое важное то, что после их изучения можно прийти к выводу, что японцы были хорошо осведомлены о плавании Беринга и экспедициях конца XVII – начала XVIII в. и указали их маршруты на картах [РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 139. Л. 62].

Лаксман получил чертежи домов и даже крепостей, на которых отмечены планы возможной осады. На этих рисунках четко просматриваются особенности японской архитектуры и наличие фортификационных сооружений. По ним можно составить достаточно хорошее впечатление об уровне военных знаний японцев [Там же. Л. 9–13].

В Иркутске в конце XVIII в. достаточно популярной оставалась идея установить лишь коммерческие отношения с Японией, полагаясь на те разрешения японцев, которые, как казалось, получил Лаксман. В 1793–1794 гг. с предложением к иркутскому генерал-губернатору о развитии торговли с Японией выступил Шелихов, который отметил обострение борьбы за преференции от Японии между Россией и западными державами:

Прошу от Вашего высочества прощения, что я двукратно уже дерзнул нанести беспокойство особе Вашей моими письмами касательно посланной в Японию экспедиции...осмеливаюсь еще одну поднесть... заключающую в себе рассуждения о последствиях помянутой экспедиции [РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 131. Л. 208–209].

С предложением по развитию связей с Японией вскоре выступил Э. Лаксман. До этого он согласовал свой план с богатыми купцами Киселевыми, Алексеем Полевым и Власом Бибиковым. В 1795 г. последовало обращение Лаксмана к Екатерине II. Данный документ не опубликован и не известен исследователям, но его содержание весьма любопытно. Э. Лаксман предлагает Екатерине II совсем скромный по сравнению с экспедицией Адама Лаксмана план развития отношений с Японией. Это, можно сказать, был даже шаг назад по сравнению с экспедицией А. Лаксмана. Предлагалось на купеческом судне следовать строго в Нагасаки [Там же. Л. 211–211 об.]. Предлог – возвратить очередных потерпевших кораблекрушение японцев на родину, чтобы «японское правительство и народ... мог заметить... совершеннейшее безопасность и покровительство» [Там же]. Эта переписка показывает, что среди купечества в Иркутске нарастала борьба за то, кто же получит преференции от государства по взаимодействию с Японией.

Однако в Санкт-Петербурге сохранился принцип мирного, но быстрого и всеобъемлющего способа установления одновременно и торговых, и дипломатических отношений. Приверженность этому принципу показало кругосветное путешествие под руководством Н. П. Резанова, в ходе которого была предпринята попытка установить официальные отношения с Японией уже на уровне императоров. Мирный фактор со стороны России в середине XIX в. сменился на военно-принудительный, что вылилось в направление эскадры Путятина в контексте обострения противостояния держав в борьбе за сферы влияния в Японии.

Библиографические ссылки

Берх В. Н. Путешествие в Японию Адама Лаксмана : Отрывок из истории географических открытий россиян, составляемой В. Н. Берхом, помещенный в № 3-м Северного архива на 1822 год. СПб. : Тип. Н. Греча, 1822. 32 с.

ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 2034. Журнал путешествия А. Лаксмана в Японию, 1791–1793.

Евгений (Болховитинов), митр. Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М. : Тип. П. Бекетова, 1805. 30 с.

ИРТО – Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. / ред. А. Л. Нарочницкий и др. М. : Наука, 1989. Т. 2. 287 с. (Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. : сб. док. : в 5 т.).

Карташов К. М. Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег как источник по экспедиции А. К. Лаксмана (1792–1793 гг.) // Японские исследования. 2017. № 4. С. 50–51. DOI 10.24411/2500-2872-2017-00028.

Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Рахматуллина Р. Р. Экспедиция Адама Лаксмана и начало японо-российских отношений в XVIII в. // Современные востоковедческие исследования. 2021. Т. 3, № 3. С. 440–448. DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-430-439.

НИА СРБИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 609.

Новаковский С. И. Япония и Россия. Токио : Т-во «Восток», 1918. [Ч. 1]. 210 с.

ОР РНБ. Ф. 73 (Бильбасов В. А., Краевский А. А.). Д. 73. Л. 1–11 об. Сведения об отправлении в 1775–1777 гг. купцами Лебедевым-Ласточкиным и Шелеховым судов к острову Матмаю и о торговых опытах в Японии. Извлечено статским советником Лосевым; Ф. 152 (Военский К. А.). Оп. 1. Д. 389. Отрывок из наших отношений с Японией. Экспедиция поручика Адама Лаксмана в Японию в 1792 г. Неизвестный автор, начало XX в.

Петров А. Ю., Грузинов И. И. Русско-китайские торговые отношения и развитие пушного промысла на севере Тихого океана, конец XVII – первая треть XVIII в. // Российская история. 2022. № 5. С. 65–77. DOI 10.31857/S0869568722050065.

Преображенский А. А. Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 113–148.

РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 2. Л. 181. Донесение Пиля Екатерине II, 28 февраля 1794 г.; Ф. 179. Оп. 1. Д. 131. Л. 208–209. Г. И. Шелихов – И. А. Пилю, 8 марта 1794 г.; Л. 211–211 об. К. Лаксман – Екатерине II, 5 декабря 1795; Ф. 1331. Оп. 4. Д. 139. Л. 9–13. Девять планов крепостей, взятых из японской гражданской архитектуры», Япония, вторая половина XVIII в.; Л. 62. Карты, представляющие острова Камчатские, Курильские и прочие, Япония, вторая половина XVIII в.

РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Портфель 511. II. Тетрадь 6.

Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 312 с.

Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. М. : Наука, 1999. 255 с.

Щепкин В. В., Карташов К. М. «Ритуал и закон»: прием экспедиции Адама Лаксмана в Японии // Япония : ежегодник. 2017. № 46. С. 169–180.

Wells D. The Russian Discovery of Japan, 1670–1800. N. Y. : Routledge, 2021. 176 p.

References

Berkh, V. N. (1822). *Puteshestvie v Yaponiyu Adama Laksmana. Otryvok iz istorii geograficheskikh otkrytii rossiiyan, sostavlyaemoi V. N. Berkhom, pomeshchennyi v № 3-m Severnogo arkhiva na 1822 god* [Adam Laxman's Journey to Japan. An Excerpt from the History of the Geographical Discoveries of Russians, Compiled by V. N. Berkh, Placed in No. 3 of the Northern Archive for 1822]. St Petersburg, Tipografiya N. Grecha. 32 p.

Cherevko, K. E. (1999). *Zarozhdenie russko-yaponskikh otnoshenii XVII–XIX veka* [The Origin of Russian-Japanese Relations in the 17th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 255 p.

Evgenii (Bolkhovitinov), Metropolitan (1805). *Izvestie o pervom rossiiskom posol'stve v Yaponiyu pod nachal'stvom poruchika Adama Laksmana* [News about the First Russian Embassy to Japan under the Command of Lieutenant Adam Laxman]. Moscow, Tipografiya P. Beketova. 30 p.

Fainberg, E. Ya. (1960). *Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875 gg.* [Russian-Japanese Relations in 1697–1875.]. Moscow, Nauka. 312 p.

GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. Stock 535. List 1. Dos. 2034. Zhurnal puteshestviya A. Laksmana v Yaponiyu, 1791–1793.

IRTO – Narochitskii, A. L. et al. (Eds.). (1989). *Issledovaniya russkikh na Tikhom okeane v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Russian Research in the Pacific Ocean in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 2. 287 p. (Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov v 5 t.)

Kartashov, K. M. (2017). Zhurnal russkoi ekspeditsii v Yaponiyu, s prilozheniem peregovornykh komandira ekspeditsii s beregovymi vlastyami o razreshenii vkhodit' v yaponskie gavani i vysadki ekipazha na bereg kak istochnik po ekspeditsii A. K. Laksmana (1792–1793 gg.) [Journal of the Russian Expedition to Japan, with the Appendix of the Correspondence of the Expedition Commander with the Coastal Authorities on Permission to Enter Japanese Harbours and Land the Crew on the Shore as a Source on the Expedition of A. K. Laxman (1792–1793)]. In *Yaponskie issledovaniya*. No. 4, pp. 50–51. DOI 10.24411/2500-2872-2017-00028.

Martynov, D. E., Martynova, Yu. A., Rakhmatullina, R. R. (2021). Ekspeditsiya Adama Laksmana i nachalo yaponno-rossiiskikh otnoshenii v XVIII v. [The Expedition of Adam Laxman and the Beginning of Japanese-Russian Relations in the 18th Century]. In *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya*. Vol. 3. No. 3, pp. 440–448. DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-430-439.

NIA SPbII RAN [Scientific and Historical Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 36. List 1. Dos. 609.

Novakovskii, S. I. (1918). *Yaponiya i Rossiya* [Japan and Russia]. Tokyo, Tovarishestvo “Vostok”. Part 1. 210 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 73 (Bil'basov V. A., Kraevskii A. A.). Dos. 73. P. 1–11v. Svedeniya ob otpravlenii v 1775–1777 godakh kuptsami Lebedevym-Lastochkinym i Shelekhovym sudov k ostrovu Matmayu i o torgovykh opytakh v Yaponii. Izvlecheno statskim sovetnikom Losevym; Stock 152 (Voenskii K. A.). List 1. Dos. 389. Otryvok iz nashikh otnoshenii s Yaponiei. Ekspeditsiya poruchika Adama Laksmana v Yaponiyu v 1792 g. Neizvestnyi avtor, nachalo XX v.

Petrov, A. Yu., Gruzinov, I. I. (2022). Russko-kitaiskie torgovye otnosheniya i razvitie pushnogo promysla na severe Tikhogo okeana, konets XVII – pervaya tret' XVIII v. [Russian-Chinese Trade Relations and the Development of Fur Trade in the North of the

Pacific Ocean, Late 17th – First Third of the 18th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 65–77. DOI 10.31857/S0869568722050065.

Preobrazhenskii, A. A. (1961). Pervoe russkoe posol'stvo v Yaponiyu [The First Russian Embassy to Japan]. In *Istoricheskii arkhiv*. No. 4, pp. 113–148.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 199 (Portfel' G. F. Millera). Portfel' 511. II. Tetr. 6.

RGA VMF [Russian State Archive of the Navy]. Stock 172. List 1. Dos. 408. Part 2. P. 181. Donesenie Pilya Ekaterine II, 28 fevralya 1794 g.; Stock 179. List 1. Dos. 131. P. 208–209. G. I. Shelikhov – I. A. Pilyu, 8 marta 1794 g.; P. 211–211v. K. Laksman – Ekaterine II, 5 dekabrya 1795; Stock 1331. List 4. Dos. 139. P. 9–13. Devyat' planov krepostei, vzyatykh iz yaponskoi grazhdanskoj arkhitektury», Yaponiya, vtoraya polovina XVIII v.; P. 62. Karty, predstavlyayushchie ostrova Kamchatskie, Kuril'skie i prochie, Yaponiya, vtoraya polovina XVIII v.

Shchepkin, V. V., Kartashov, K. M. (2017). “Ritual i zakon”: priem ekspeditsii Adama Laksmana v Yaponii [“Ritual and Law”: Reception of the Expedition of Adam Laxman in Japan]. In *Yaponiya. Ezhegodnik*. No. 46, pp. 169–180.

Wells, D. (2021). *The Russian Discovery of Japan, 1670–1800*. N. Y., Routledge. 176 p.

The article was submitted on 22.01.2023

Государственная церковная политика Российской империи на Аляске*

Юлия Егорова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

The State Church Policy of the Russian Empire in Alaska**

Yuliia Egorova

HSE University,
Moscow, Russia

This article deals with the management of missionary activity in Alaska in the late eighteenth – nineteenth centuries. The main objective is to reconstruct the management strategy of the Russian Orthodox Church in Alaska with reference to archival documents and published sources. The research methodology relies on analysing the regional approach, where the region is perceived both as an object and a subject of empire-building. In the eighteenth century, the management of Alaska was carried out by the Shelikhov – Golikov Company, a Russian fur trading venture. The Russian merchants fully supplied the Orthodox mission consisting of monks. Later, the Russian authorities entrusted control over the Russian overseas lands to Shelikhov's heirs, represented by the Russian-American Company. The conflicts between the colonial administration and the missionaries called for a new strategy, i. e. sending secular clergy to Alaska. Meanwhile, the Management of the Russian-American Company returned to the plans of G. Shelikhov, who knew the region well, unlike the metropolitan authorities.

Keywords: Russian Empire, Alaska, region, missionary activity, Kodiak Orthodox mission, industrialists, Russian-American Company

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Е. М. Болтуновой, рецензентам и редакторам журнала *Quaestio Rossica* за ценные идеи и рекомендации при создании этой статьи.

** *Citation:* Egorova, Yu. (2023). The State Church Policy of the Russian Empire in Alaska. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 834–844. DOI 10.15826/qr.2023.3.821.

Цитирование: Egorova Yu. The State Church Policy of the Russian Empire in Alaska // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 834–844. DOI 10.15826/qr.2023.3.821 / Egorova Ю. Государственная церковная политика Российской империи на Аляске // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 834–844. DOI 10.15826/qr.2023.3.821.

Рассматривается управление миссионерской деятельностью на Аляске на рубеже XVIII–XIX вв. На основании архивных документов и опубликованных источников реконструированы стратегии управления миссионерской деятельностью Русской православной церкви на Аляске. Методология исследования основана на анализе регионального подхода, в рамках которого регион воспринимается не только как объект, но и как субъект империостроительства. В XVIII в. управление далекой окраиной осуществлялось купеческо-промышленным объединением Г. И. Шелихова и И. Л. Голикова. Духовная миссия, состоявшая из монахов, находилась на полном обеспечении купцов. В дальнейшем власти передали контроль над российскими заокеанскими владениями наследникам Шелихова в лице Российско-американской компании. Конфликты колониальной администрации с миссионерами повлияли на необходимость выработки новой стратегии – направления на Аляску белого духовенства. В то же время руководство Российско-американской компании вернулось в этой связи к планам Г. И. Шелихова, который хорошо знал особенности региона, в отличие от столичных властей.

Ключевые слова: Российская империя, Аляска, регион, миссионерская деятельность, Кадыкская духовная миссия, промышленники, Российско-американская компания

23 апреля 1798 г. иеромонах Кадыкской духовной миссии отец Макарий, проделав долгий путь с Аляски, явился в канцелярию Синода, где представил секретное донесение, в котором подробно описал преступления промышленников Северо-Восточной американской компании против коренного населения Аляски и Алеутских островов. Он просил личной аудиенции у императора. Священнослужитель и прибывшие с ним спутники алеуты доложили в канцелярию Синода о своем местонахождении в Петербурге. В канцелярии с них взяли подписку в том, что они не будут посещать придворные церкви и «утруждать своими прошениями императора Павла I» [РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Д. 919. Л. 12^а]. Генерал-прокурор кн. А. Б. Куракин спустя пять месяцев сообщил митрополиту Гавриилу, что в соответствии с высочайшим указом иеромонаху Макарию и его спутникам следовало отправиться обратно на Аляску и «впредь оттуда самовольно не отлучаться...» [Там же. Л. 22]. В 1799 г. иеромонах Макарий погиб в результате кораблекрушения судна «Феникс», на котором возвращался из Иркутска в колонии вместе с рукоположенным Кадыкским епископом Иоасафом. Спутники священнослужителя крещеные алеутские толмачи Николай Луканин, Никифор Свиныйн, а также алеутский тоен Елисей Пупышев скончались ранее¹ [Гринев, 2009, с. 314, 444, 478].

---

¹ Елисей Пупышев скончался в 1798 г. в Москве, а Николай Луканин и Никифор Свиныйн – в 1800 г. в Иркутске.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Аляске на рубеже XVIII–XIX вв. сопровождалась постоянными конфликтами монашествующих с колониальной администрацией [Капалин Г. М.]. Противостояние светских и духовных властей также было частым явлением и в Сибири. Священнослужители направляли в Синод доношения, в которых жаловались на чинимые со стороны местных властей притеснения [Акимов, с. 146]. Однако, несмотря на трения, в Сибири были сделаны большие успехи в деле христианизации местного населения [Там же, с. 149].

В зарубежной историографии отдаленная окраина представлялась своего рода «имперской лабораторией», где испытывались управленческие стратегии, которые нигде больше в пространстве России не применялись [Виньковецкий, с. 22; Vinkovetsky; Khodarkovsky, p. 398]. Возникновение конфликтов миссионеров и колониальной администрации было связано с тем, что цели духовной миссии и колониальной администрации были разными [Григорьев; История Русской Америки, т. 1, 2; Климент; Преподобный Герман Аляскинский].

Основной целью статьи является анализ государственных управленческих стратегий в отношении миссионерской деятельности на Аляске в конце XVIII – начале XIX в. Несмотря на определенную степень изученности [Капалин М. К.], до сих пор остается без ответа ряд вопросов. Каковы были взгляды государства и Российско-американской компании на развитие миссионерской деятельности в колониях? Какое влияние на принимаемые решения в Петербурге оказало взаимодействие светских и духовных властей на колониальном уровне?

Впервые с началами христианской веры представителей коренного населения Аляски познакомил Г. И. Шелихов [см. об этом: История Русской Америки, т. 1, с. 256]. По мнению А. В. Зорина, после покорения Кадьяка Г. И. Шелихов стал смотреть на заокеанскую окраину как на свою «вотчину» [Зорин, с. 82]. Он планировал организовать в Америке сельскохозяйственную колонию, и для нее нужны были священнослужители. Шелихов распорядился выбрать около 20 лучших учеников из школ, открытых на Кадьяке и Афогнаке, и отправить талантливых юношей в Иркутск для обучения в семинарии. Все расходы на содержание учеников его коммерческая компания брала на себя. По мнению Шелихова, будущие священнослужители могли бы осуществлять миссионерскую деятельность среди коренного населения на «природном их языке» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761. Л. 8]. Однако на Аляске был необходим опытный священнослужитель из митрополии, способный объяснить «истину Христианского закона» российским колонистам и представителям коренного населения [РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 210. Л. 4].

В начале апреля 1793 г. митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу было направлено совместное прошение купцов с просьбой найти женатого священника². Представители белого

---

² История формирования Кадьякской духовной миссии была подробно изучена митрополитом Климентом (Капалиным).

духовенства отказывались ехать в отдаленный край, поэтому купцы просили митрополита Гавриила найти иеромонаха [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761. Л. 10]. Поиск монашествующих происходил медленно, «ибо самые отдаленные от мира при имени Америки приходили в ужас: а некоторые, даже коих хотели назначать, делали нарочно шалости, дабы избавиться от такового путешествия...» [ЦГИА в г. Москве. Ф. 561. Оп. 1. № 341. Л. 2]. Спустя пять месяцев митрополит Гавриил сообщил в Синод о духовной миссии, состоявшей из иноков Валаамского и Коневского монастырей [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761. Л. 14]. Компаньоны Шелихов и Голиков полагали, что оказываемая ими материальная поддержка духовной миссии будет способствовать укреплению позиций их компании при дворе [Энгстром Э., Энгстром А., с. 67].

Духовная миссия состояла из девяти монашествующих, возглавлявшихся архимандритом [ЦГИА в г. Москве. Ф. 561. Оп. 1. № 341. Л. 2–2 об.]. О социальном происхождении иноков мало что известно. Приведем некоторые факты. Иеромонах Афанасий происходил из крепостных крестьян, владельцем которых был печально известный своей расточительностью граф С. П. Ягужинский [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761. Л. 39]. Иеромонах Макарий до пострига был крепостным крестьянином из Орловской губернии [Там же. Л. 48]. Г. И. Шелихов надеялся, что миссионеры помогут Баранову в хозяйственном развитии края. Согласно указу Екатерины II, миссионерам были выданы деньги на путевые расходы от Петербурга до Аляски [РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 210. Л. 19]³. Все остальные затраты обязалась покрыть компания Шелиховых – Голиковых. По некоторым данным, «отправление миссии стоило компаньонам более 30 000 рублей» [ЦГИА в г. Москве. Ф. 561. Оп. 1. № 341. Л. 2–2 об.].

Всенижайшее доношение vs донос

Духовная миссия прибыла на Кадьяк 24 сентября 1794 г. монашествующих встретил главный правитель российских колоний А. А. Баранов. После отъезда Г. И. Шелихова А. А. Баранов фактически в одиночку был вынужден принимать сложные решения: осуществлял поиски новых территорий, боролся с конкурентами и воинственными тлинкитами [Гринев, 1997, с. 161]. Прибывшие в колонии миссионеры столкнулись с трудностями. Глава духовной миссии писал купцу в мае 1795 г.: «с приезда моего в гавань ничего почти не усматриваю, чтобы было учинено в сходственность ваших добрых намерений» [Letter from Archimandrite Ioasaf, p. 1]. Беспокойство у архимандрита Иоасафа вызывала практика отправки в Россию детей, «прижитых» промышленниками с местными уроженками. В то же время он обещал Шелихову не докладывать в Синод, если дети останутся в колониях [Там же, p. 6]. Видимо, это письмо знаменитый купец так и не прочитал, так как

³ Архимандриту Иоасафу было выдано 500 руб., остальным членам миссии – по 250 руб.

в июле 1795 г. он внезапно скончался в Иркутске. После смерти Шелихова началась борьба между различными купеческими объединениями. В результате была образована Российско-американская компания, в которой главную роль играли вдова Г. И. Шелихова, а также два его зятя М. М. Булдаков и Н. П. Резанов [Петров, 2012]. Они активно отстаивали интересы своей семьи при дворе. В 1798 г. был принят указ о возведении Наталии Шелиховой и ее детей в личное дворянство. В этом документе подчеркивалась заслуга Г. И. Шелихова в христианизации Аляски. Согласно документу, он жертвовал своей жизнью «в присоединении к скипетру нашему обитающих в северной Америке народов, положив в том краю основание православной Греко-Кафолической христианской вере» (Указ о возведении г-жи Шелиховой с потомством в дворянское достоинство от 15 февраля 1798 г.) [Тихменев, с. 116]. В 1796 г. Синод рассматривал вопрос об организации на Аляске Кадьякского викариатства Иркутской епархии [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5447. Л. 13]. Согласно указу Екатерины II, викариатство было учреждено, а на его содержание из государственной казны планировалось ежегодно отчислять фиксированную сумму в 4030 руб. 80 коп. [Там же. Л. 14]. В 1798 г. в Иркутск для рукоположения во епископа был приглашен архимандрит Иоасаф [Капалин М. К.]. Деньги, предназначенные для архиерейского дома, были переданы казенной экспедицией Иркутской конторе Российско-американской компании сразу за четыре года на основании доверенности, оставленной Иоасафом [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5452. Л. 2]. С. А. Корсун предположил, что Российско-американская компания впоследствии присвоила эти средства [Преподобный Герман Аляскинский, с. 58].

С 1795 г. иеромонах Макарий служил на острове Уналашка [Климент (Капалин), митр., с. 57–58], а остальные члены духовной миссии оставались на Кадьяке. Находясь на Уналашке, иеромонах Макарий оказался втянут в борьбу промысловых компаний. В 1797 г. он написал подробное донесение в Синод, обвинив промышленников компании Шелихова в жестоком обращении с коренным населением Лисьих островов [РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Д. 919. Л. 2^а]. При поддержке конкурентов шелиховской компании он направился в Петербург, не получив на то разрешения колониального начальства [История Русской Америки, т. 2, с. 12]. Руководство Кадьякской колониальной конторы восприняло поступок священнослужителя как «самовольную отлучку» («Под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством российско-американской компании от Кадьякской конторы Его Благородию господину штурману Василью Петровичу Петрову от 12 октября 1802 г.») [Тихменев, с. 173].

Вероятно, иеромонах Макарий руководствовался несколькими принципами. Во-первых, будучи священнослужителем, он защищал крещеных алеутов, осуждая жестокое обращение с ними «шелиховцев». В донесении он утверждал, что промышленники «поступают с островными людьми, как сущие варвары: жен и детей в наложницы

неволею отнимают, до смерти убивают» [РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Д. 919. Л. 3^a]. Во-вторых, будучи крестьянином по происхождению, он мог воспользоваться указом 1796 г., в соответствии с которым крестьянам разрешалось подавать прошения императору Павлу I [Моряков, с. 1294]. Наконец, донесение на высочайшее имя могло быть составлено под влиянием «киселевцев» – конкурентов «шелиховцев» [Петров, 2000, с. 106]. Кроме того, иеромонах Макарий подозревал архимандрита Иоасафа в сговоре с промышленниками компании Шелихова (письмо Баранова к Ларионову от 24 июля 1800 г.) [Тихменев, с. 151]. Он также не доверял епископу Иркутскому Вениамину, так как тот вел торговые дела с наследниками Шелихова [ВГМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 3–3 об.]. А. А. Баранов в одном из писем М. М. Булдакову упоминал о дружеских отношениях с владыкой [РГАДА. Ф. 1605. Д. 190. Л. 2]. 13 февраля 1798 г. епископ Иркутский Вениамин доложил в Синод о том, что иеромонах Макарий отказался «вверить ему секретное донесение» [РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Д. 919. Л. 11].

В Петербурге донесение иеромонаха Макария восприняли как донос [РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 686, ч. 2. Л. 886]. В черновике резолюции на высочайшее имя было упомянуто, что «государь император насчет выдворения [из Петербурга] онаго [иеромонаха Макария] согласен» [Там же]. В 1808 г. в записке о Кадьякской духовной миссии утверждалось, что иркутская контора заблаговременно известила покровителей компании в Петербурге о намерениях иеромонаха Макария [ЦГИА в г. Москве. Ф. 561. Оп. 1. № 341. Л. 4]. По мнению автора записки, деятели компании выставили иеромонаха Макария при дворе «как человека безпокойного, дурного и даже беглого, который без всякого позволения и вида оставил свою паству» [Там же]. В соответствии с указом Павла I иркутскому военному губернатору генералу от инфантерии Х. А. Трейдену было поручено разобраться, действительно ли притесняются представители коренного населения на Лисьих островах, но «не стеснять упражняющихся в промыслах русских» [РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Д. 919. Л. 20]. Власти в этой ситуации встали на сторону купцов. В упомянутой записке территория Аляски называлась «владениями Российско-американской компании» [ЦГИА в г. Москве. Ф. 561. Оп. 1. № 341. Л. 1].

Конфликт вокруг присяги Павлу I

В 1801 г. на Кадьяке разгорелся конфликт между оставшимися миссионерами и главным правителем А. А. Барановым. 7 ноября 1796 г. было официально предписано разослать экземпляры высочайшего манифеста и всеподданнической присяги во все епархии Российской империи [О рассылке Высочайшего манифеста, с. 2–3]. Согласно документу, предписывалось организовать приведение людей к присяге немедленно по распоряжению гражданского начальства. На Аляску копии манифеста были доставлены к 1798 г. (письмо Баранова к Поломошному от 28 апреля 1798 года) [Тихменев, с. 117–118]. Члены

православной духовной миссии потребовали у А. А. Баранова, чтобы тот организовал приведение к присяге. Свою позицию по этому поводу миссионеры изложили в донесении, направленном в Синод 31 июля 1802 г. Согласно донесению, иеромонах Афанасий просил А. А. Баранова привести людей к присяге, но главный правитель, «обругавши ево, велел идти вон и впредь в дом к нему не ходить» [РГИА. Ф. 796. Оп. 85. Д. 564. Л. 1]. Себя и других участников конфликта – представителей нижних чинов морского флота – миссионеры называли «казенной стороной» [Там же]. Со слов А. А. Баранова, «духовные с чиновными вышли из пределов своих должностей» и всячески старались склонить «островитян к мятежу и независимости» (письмо Баранова к Ларионову от 22 марта 1801 г.) [Тихменев, с. 160]. По мнению правителя Уналашкинской конторы Е. Г. Ларионова, чиновники и миссионеры вмешивались в «не принадлежащие для их дела» (письмо Ларионова к Баранову от 5 августа 1801 г.) [Там же, с. 170]. Ларионов утверждал, что «оним ни с которой стороны не вверено, а вверено правителям во всем как от начальства, равно же и от хозяйствующих лиц управлять всеми делами и распространять занятия торговлей и промыслом к славе и пользе отечества» [Там же].

В 1805 г. участники первого кругосветного плавания россиян (1803–1806) посетили Кадык. Корреспондент Российско-американской компании Н. П. Резанов и иеромонах Гедеон инспектировали результаты хозяйственной и миссионерской деятельности. Иеромонах Гедеон получил наставление от Новгородского митрополита Амвросия, согласно которому ему запрещалось вмешиваться «в светские дела и обстоятельства» [РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 280. Л. 19]. Гедеон произвел ревизию дел духовной миссии. В секретном донесении в Синод он выразил поддержку миссионеров [Записки иеромонаха Гедеона, с. 90]. Со слов иеромонаха Гедеона, А. А. Баранов «в самом сильном жару гнева срамно кричал, ругал, грозил иеромонаха, посадя в байдарку, отправить в неизвестное место» [Там же, с. 91].

Совершенно по-другому конфликтную ситуацию видел Н. П. Резанов. Он поддержал А. А. Баранова, отмечая, что миссионеры «от праздности» вмешивались в светские дела («Письма Резанова к директорам р. а. компании») [Тихменев, с. 214]. По его мнению, миссионеры нарушили правила социальной иерархии, требуя организовать приведение людей к присяге. О реакции столичных властей на этот конфликт ничего не известно. Канадский исследователь И. Виньковецкий полагает, что покровители А. А. Баранова в Петербурге «смогли успешно разрядить обстановку, представив ситуацию как провокацию со стороны некомпетентных миссионеров» [Виньковецкий, с. 259].

Можно предположить, что в конце XVIII в. власти передали контроль над управлением миссионерской деятельностью наследникам коммерческой компании Г. И. Шелихова. При этом в Петербурге, очевидно, не без влияния Н. П. Резанова формировалась стратегия управления миссионерской деятельностью на Аляске: донесение ие-

ромонаха Макария было воспринято как донос, а колониальный конфликт вокруг присяги – как нарушение правил субординации. Оба случая, на наш взгляд, оказали влияние на дальнейшее развитие государственной политики в отношении христианизации Аляски.

В начале царствования Александра I Н. П. Резанов приложил усилия для формирования образа Российско-американской компании при дворе как «просвещенной организации». Это следует из черновика его записки, которую он планировал подать на высочайшее имя. В этом документе изложены взгляды Резанова на развитие Сибири и «американских областей» [АВПРИ. Ф. СПбГА, I-7. Оп. 6. 1802 г. Д. 1, п. 36. Л. 47–51]. По его мнению, благодаря усилиям компании коренное население получило «некоторое просвещение» и «смягчение нравов», а это, в свою очередь, привело к тому, что многие из его представителей стали «добровольно принимать христианскую веру» [Там же. Л. 48]. Причины конфликтов колониальной администрации с духовенством он видел в проявлениях «дурной природы человека», а также в том, что центральная власть недостаточное внимание уделяла «такому месту», как Аляска [Там же. Л. 49]. В дальнейшем в Петербурге Н. П. Резанова стали воспринимать как «устроителя Российско-американских областей» [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5447. Л. 20].

Трагическая смерть первого епископа, а также результаты ревизии колониальных дел побудили министра финансов А. И. Васильева в 1805 г. инициировать финансовую проверку расходов из государственного бюджета на Кадьякский архиерейский дом [Там же. Л. 2]. В Петербурге власти плохо понимали, как была организована миссионерская деятельность на Аляске, думая, что на Кадьяке существует монастырь. Синод обратился в главное правление компании с целью выяснить, есть ли необходимость в сохранении Кадьякского викариатства [Там же. Л. 55]. Руководство компании высказалось категорически против направления нового епископа [Там же. Л. 48]. По мнению первенствующего директора М. М. Булдакова, на Кадьяке и Ситке невозможно было организовать хлебопашество из-за сурового климата, а вся продукция доставлялась в колонии через Охотск «дорогими ценами» [Там же. Л. 49]. М. М. Булдаков отмечал, что гораздо полезнее для края были бы женатые священнослужители из местных уроженцев, так как они смогли бы постепенно приучать коренное население к «домоводству» [Там же. Л. 48]. По мнению Булдакова, талантливых учеников необходимо было направлять на обучение в Иркутск или Петербург за счет компании, чтобы, проезжая по России, они «могли видеть и подробное иметь понятие вообще об отечестве и о всем великом и полезном, а после сообщили бы те познания своим однородцам островитянам, коих просвещать будут» [Там же].

Император Александр I не утвердил предложение Синода об упразднении викариатства, а приказал найти достойного кандидата на «вакантное епископское место» [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5451. Л. 1]. Однако новая епархия будет образована только в 1840 г.

Таким образом, выбор стратегии управления миссионерской деятельностью на Аляске был связан с особенностями освоения заполярной окраины. Руководство компании активно отстаивало свои интересы при дворе. Главное правление Российско-американской компании желало видеть в колониях лояльных к коммерческой деятельности представителей белого духовенства.

Библиографические ссылки

АВПРИ. Ф. СПбГА, I-7. Оп. 6. 1802 г. Д. 1, п. 36. Записка Н. П. Резанова о восточном крае Сибири и американских областях // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина : [официальный сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/333456> (дата обращения: 23.11.2022).

Акимов Ю. Г. Взаимоотношения представителей церкви и светских властей в процессе перехода к массовой христианизации аборигенов Сибири в первой четверти XVIII в. // Традиционные общества: неизвестное прошлое : сб. ст. Челябинск : Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2021. С. 141–149.

Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 317 с.

ВГМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21.

Григорьев Д. От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная Миссия в Северной Америке. М. : Изд.-во ПСТГУ, 2007. 209 с.

Гринев А. В. Русские промышленники на Аляске в конце XVIII в. Начало деятельности А. А. Баранова // История Русской Америки : в 3 т. М. : Междунар. отношения, 1997. Т. 1. С. 154–196.

Гринев А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки : энциклопедич. словарь-справ. М. : Academia, 2009. 672 с.

Записки иеромонаха Гедеона о кругосветном путешествии и Русской Америке // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / отв. ред. А. Д. Дридзе, Р. В. Кинжалов. М. : Мысль, 1994. С. 27–122.

Зорин А. В. Шелихов на Кадьяке // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. Курск : Изд.-во Курск. гос. ун-та, 2009. Вып. 2. С. 63–83.

История Русской Америки (1732–1867) : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1997. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). 478 с. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). 472 с.

Капалин Г. М. О причинах конфликта первых миссионеров на Аляске и администрации Российско-американской компании // Вестн. Поморск. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 17–21.

Капалин М. К. Вопросы истории Кадьякского викариатства и синодальное управление миссионерской деятельностью на Аляске // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (83). С. 307–316.

Климент (Капалин), митр. Калужский и Боровский. Русская православная церковь на Аляске до 1917 года. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 608 с.

Моряков Е. Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 4. С. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528.

О рассылке Высочайшего манифеста и присяги на всеподданническую Его Императорскому Величеству верность экземпляров во все епархии // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1915. С. 1–3.

Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании. М. : Наука, 2000. 151 с.

Петров А. Ю. Наталия Шелехова у истоков Русской Америки. М. : Весь мир, 2012. 320 с.

Преподобный Герман Аляскинский: жизнеописание / сост. С. Корсун. Джорданвилль : Св.-Троицкий монастырь, 2002. 182 с.

РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190; Ф. 10. Оп. 1. Д. 686.

РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Д. 919. Оп. 85. Д. 564; Ф. 797. Оп. 2. Д. 5447; Ф. 815. Оп. 15. Д. 280.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени : в 2 ч. СПб. : Тип. Э. Веймара, 1861–1863. Ч. 2. 780 с.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761.

ЦГИА в г. Москве. Ф. 561. Оп. 1. № 341. Записка без подписи о деятельности христианской миссии во владениях Российско-Американской компании // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина : [офиц. сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/678032> (дата обращения: 23.11.2022).

Энгстром Э., Энгстром А. Александр Баранов и Тихоокеанская империя Энгстром. СПб. : Гангут, 2009. 265 с.

Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800 // *The J. of Modern History*. 1999. № 71. P. 394–430.

Letter from Archimandrite Ioasaf to G. I. Shelikhov, Kodiak, Island, May 18, 1795 // Library of Congress : [website]. Manuscript Division. Yudin Collection. P. 1–21. URL: <https://www.loc.gov/item/mss468700003> (accessed: 09.11.2022).

Vinkovetsky I. The Russian-American Company as a Corporation // *The Russian Rev.* 2022. № 81. P. 421–439. DOI 10.1111/russ.12369.

References

Akimov, Yu. G. (2021). Vzaimootnosheniya predstavitelei tserkvi i svetskikh vlastei v protsesse perekhoda k massovoi khristianizatsii aborigenov Sibiri v pervoi chetverti XVIII v. [The Relationship between Representatives of the Church and Secular Authorities in the Process of Transition to Mass Christianization of the Aborigines of Siberia in the First Quarter of the 18th Century]. In *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe. Sbornik statei*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet, pp. 141–149.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock SPbGA, I-7. List 6. 1802 year. Dos. 1. Part 36. Zapiska N. P. Rezanova o vostochnom krae Sibiri i amerikanskikh oblastyakh. In *Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. El'tsina* [official website]. URL: <https://www.prlib.ru/item/333456> (accessed: 23.11.2022).

Bolkhovitinov, N. N. (Ed.). (1997). *Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1867) v 3 t.* [History of Russian America (1732–1867). 3 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 1. Osnovanie Russkoi Ameriki (1732–1799). 478 p. Vol. 2. Deyatel'nost' Rossiisko-amerikanskoi kompanii (1799–1825). 472 p.

Engstrom, E., Engstrom, A. (2009). *Aleksandr Baranov i Tikhookeanskaya imperiya* [Alexander Baranov and the Pacific Empire]. St Petersburg, Gangut. 265 p.

Grigor'ev, D. (2007). *Ot drevnego Valaama do Novogo Sveta. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Severnoi Amerike* [From Ancient Valaam to the New World. The Russian Orthodox Mission in North America]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 209 p.

Grinev, A. V. (1997). Russkie promyshlenniki na Alyaske v kontse XVIII v. Nachalo deyatel'nosti A. A. Baranova [Russian Fur Traders in Alaska in the Late 18th Century. The Beginning of A. A. Baranov's Activity]. In *Istoriya Russkoi Ameriki v 3 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 1, pp. 154–196.

Grinev, A. V. (2009). *Kto est' kto v istorii Russkoi Ameriki. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Who is Who in the History of Russian America. Encyclopedic Dictionary and Reference Book]. Moscow, Academia. 672 p.

Kapalin, G. M. (2010). O prichinakh konflikta pervykh missionerov na Alyaske i administratsii Rossiisko-amerikanskoi kompanii [On the Causes of the Conflict between the First Missionaries in Alaska and the Administration of the Russian-American Company].

In *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 2, pp. 17–21.

Kapalin, M. K. (2010). Voprosy istorii Kad'yakskogo vikariatstva i sinodal'noe upravlenie missionerskoi deyatel'nost'yu na Alyaske [Issues of the History of the Kodiak Vicariate and the Synodal Management of Missionary Activity in Alaska]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (83), pp. 307–316.

Khodarkovsky, M. (1999). Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800. In *The J. of Modern History*. No. 71, pp. 394–430.

Kliment, (Kapalin), Metropolitan. (2009). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' na Alyaske do 1917 goda* [Russian Orthodox Church in Alaska before 1917]. Moscow, OLMA Media Grupp. 608 p.

Korsun, S. (Ed.). (2002). *Prepodobnyi German Alyaskinskii: zhizneopisanie* [The Venerable Herman of Alaska: A Biography]. Dzhordanvill', Svayo-Troitskii monastyr'. 182 p.

Letter from Archimandrite Ioasaf to G. I. Shelikhov, Kodiak, Island, May 18, 1795. In *Library of Congress* [website]. Manuscript Division. Yudin Collection, pp. 1–21. URL: <https://www.loc.gov/item/mss468700003> (accessed: 09.11.2022).

Moryakov, E. (2020). Regional'naya identichnost' krepostnykh v prosheniyakh imperatoru Pavlu Pervomu [The Regional Identity of Serfs in Their Petitions to Emperor Paul I]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528.

O rassylke Vysochaishego manifesta i prisyagi na vsepoddannicheskuyu Ego imperatorskomu Velichestvu vernost' ekzempliarov vo vse eparkhii [About Sending Copies of the Highest Manifesto and Oath of Allegiance to His Imperial Majesty to All Dioceses]. (1915). In *Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi imperii*. Petrograd, Tipografiya M. P. Frolovoi, pp. 1–3.

Petrov, A. Yu. (2000). *Obrazovanie Rossiisko-amerikanskoi kompanii* [The Formation of the Russian-American Company]. Moscow, Nauka. 151 p.

Petrov, A. Yu. (2012). *Nataliya Shelekhova u istokov Russkoi Ameriki* [Natalia Shelekhova at the Roots of Russian America]. Moscow, Ves' mir. 320 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1605. List 1. Dos. 190; Stock 10. List 1. Dos. 686.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 796. List 78. Dos. 919. List 85. Dos. 564; Stock 797. List 2. Dos. 5447; Stock 815. List 15. Dos. 280.

Tikhmenev, P. A. (1861–1863). *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoyashchego vremeni v 2 ch.* [Historical Review of the Formation of the Russian-American Company and Its Activities to Date. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya E. Veimara. Part 2. 780 p.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 19. List 1. Dos. 15761.

TsGIA v g. Moskve [Central State Historical Archive in Moscow]. Stock 561. List 1. No. 341. Zapiska bez podpsi o deyatel'nosti khristianskoi missii vo vladeniyakh Rossiisko-Amerikanskoi kompanii. In *Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. El'tsina* [official website]. URL: <https://www.prilib.ru/item/678032> (accessed: 23.11.2022).

VGMZ [Vologda State Museum-Preserve of History]. Stock 10. List 1. Dos. 21.

Vinkovetsky, I. (2015). *Russkaya Amerika: zaokanskaya koloniya kontinental'noi imperii, 1804–1867* [Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 317 p.

Vinkovetsky, I. (2022). The Russian-American Company as a Corporation. In *The Russian Rev.* No. 81, pp. 421–439. DOI 10.1111/russ.12369.

Zapiski ieromona Gedeona o krugosvetnom puteshestvii i Russkoi Amerike [Notes of Hieromonk Gideon on a Round-the-World Trip and Russian America]. (1994). In Dridzo, A. D., Kinzhlov, R. V. (Eds.). *Russkaya Amerika. Po lichnym vpechatleniyam missionerov, zemleprokhodtsev, moryakov, issledovatelei i drugikh ochevidtsev*. Moscow, Mysl', pp. 27–122.

Zorin, A. V. (2009). Shelikhov na Kad'yake [Shelikhov on Kodiak]. In *Amerikanistika: aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniya*. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 2, pp. 63–83.

The article was submitted on 12.03.2022

«Территория угрозы»: запрет общин гернгутеров в Лифляндии и местное общество в 1743 году*

Майя Лавринович

Независимый исследователь,
Хайфа, Израиль

“A Territory of Threat”: The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743**

Maya Lavrinovich

Independent Researcher,
Haifa, Israel

This article analyses the decree issued by Empress Elizaveta Petrovna on April 16, 1743, the first in the Russian Empire and targeting the Herrnhut Brethren Community. It has been mentioned in historiography but quoted from secondary sources and interpreted as a decree directed against the missionaries, even though J. Eckardt (1876) and, recently, O. Teigeler (2006) put it in the context of the history of the Herrnhut communities in Livonia. The author analyses the content and implementation of the decree of 1743 in the context of the development of the Herrnhut communities in Livonia, including the island of Ösel, in the 1720s–1730s. The documents of the investigative case against the Herrnhut communities preserved in the fund of the Secret Chancellery (RGADA) and partly copied in the investigation dossier compiled by the College of Justice for Livonia, Estland, and Finland and kept in the fund of the College of Foreign Affairs in AVPRI, reveal that by 1743, the St Petersburg authorities did not consider the sermon of the Herrnhut to threaten them or Orthodoxy, nor did they have any idea of the doctrine itself. First, the decree ordered that Countess von Zinzendorf be caught, as the purpose of her stay in St Petersburg in 1743 was unclear. Further, the decree of 1743 was not intended against the few missionaries

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

** Citation: Lavrinovich, M. (2023). “A Territory of Threat”: The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 845–861. DOI 10.15826/qr.2023.3.822.

Цитирование: Lavrinovich M. “A Territory of Threat”: The Banning of the Herrnhut Communities in Livonia and Local Society in 1743 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 845–861. DOI 10.15826/qr.2023.3.822 / Лавринович М. «Территория угрозы»: запрет общин гернгутеров в Лифляндии и местное общество в 1743 году // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 845–861. DOI 10.15826/qr.2023.3.822.

settled in St Petersburg who were striving to reach Asia through the Russian Empire. The correspondence between Chancellor A. P. Bestuzhev-Rumin and I. A. Cherkasov, Cabinet Minister of Empress Elizaveta Petrovna, reveals that the action taken on the community in 1743 was largely prompted by the foreign policy circumstances. The main threat to the central government was the commissions set up a year earlier by local noble elected bodies, i.e. the Landtags and the Ober-Consistory, to investigate the activities of the Herrnhut communities in Livonia. The activities of the Baltic nobility carried out independently of the imperial centre aroused the gravest suspicions because its specific rights and privileges, though confirmed by the Peace of Nystadt, were kept vague for the St Petersburg authorities by the 1740s. The local nobility, dramatically involved in the activities of the Herrnhut communities in the 1720s–1740s, found themselves in a difficult position, torn between their adherence to the doctrine and the need to remain loyal to the St Petersburg authorities, fulfilling the requirements of the personal decree of 1743.

Keywords: Herrnhut Brethren, Russian Empire in the 18th century, Nikolaus Ludwig von Zinzendorf, Erdmuthe Dorothea von Zinzendorf, Livonia, Ösel, commissions, Landtag

Представлен анализ изданного императрицей Елизаветой Петровной 16 апреля 1743 г. именного указа – первого в Российской империи, направленного против гернгутеров. В историографии он цитируется по вторичным источникам и трактуется как указ, направленный против гернгутеров-миссионеров, несмотря на то, что еще Й. Экардт (1876), а недавно О. Тайгелер (2006) помещали его в контекст истории гернгутских общин в Лифляндии. Содержание и реализация указа 1743 г. в статье анализируются в контексте развития общин гернгутеров в Лифляндии, включая остров Эзель, в 1720–1730-е. Документы следственного дела против гернгутеров, отложившиеся в фонде Тайной канцелярии (РГАДА) и частично повторяющиеся в деле, которое вела Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел (АВПРИ), показывают, что в Петербурге в 1743 г. не видели угрозы в проповеди гернгутеров и даже не имели представления о содержании учения. Указ требовал прежде всего поимки графини фон Цинцендорф, проводшей несколько месяцев в Петербурге с не совсем ясными целями, и не был направлен и против немногочисленных миссионеров, желавших проникнуть через территорию империи в страны Азии: они попали в поле зрения канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и кабинет-министра И. А. Черкасова позднее, а их переписка свидетельствует о том, что принятые против лидеров общины меры коренились во внешнеполитических обстоятельствах. Главной угрозой центральной власти оказались комиссии, созданные годом ранее местными дворянскими выборными органами – ландтагами и обер-консистерией для расследования деятельности гернгутеров в Лифляндии. Независимая от имперского центра деятельность, вытекавшая из автономии прибалтийского дворянства, и вызвала самые большие подозрения в 1743 г. в Петербурге, где имели смутное представление о правах и привилеги-

ях остзейского дворянства в империи, хотя и подтвержденных Ништадтским миром. Фактически местное дворянство, само в значительной степени находившееся под влиянием гернгутеров, оказалось в сложном положении, разрываясь между своей приверженностью учению и необходимостью оставаться лояльным петербургской власти, исполняя требования именного указа 1743 г.

Ключевые слова: гернгутеры, Российская империя в XVIII в., Николаус Людвиг фон Цинцендорф, Эрдмута Доротея фон Цинцендорф, Лифляндия, Эзель, комиссии, ландтаг

I

В 1720–1740-е гг. Лифляндия, включая остров Эзель, была местом активной деятельности радикальных пиелистов – «моравских братьев», или гернгутеров. Прибалтийские губернии оказались включены в общинную сеть, главой которой был основатель учения граф Николаус Людвиг фон Цинцендорф (1700–1760), а ее ячейки были разбросаны внутри разных государств и континентов. Характерно, что в современной историографии гернгутеры рассматриваются как «глобальные игроки», тщательно следившие за политическим климатом в странах пребывания и налаживавшие контакты с правительствами [Mettele, p. 158].

Деятельность Цинцендорфа и его агентов, развернувшаяся на окраине империи, хорошо высвечивает «пористость» границ между империями и помогает пересмотреть точку зрения на империю Нового времени как на идеальный образ метрополии, держащей территорию под контролем. Взаимодействия – экономические, культурные и в нашем случае религиозные – на территории фронтиров более адекватно отражают положение дел в эпоху, когда товары, люди и идеи легко пересекали политические границы [Хаген, с. 130–131].

Прибалтийские губернии Российской империи в силу культурной и религиозной обособленности, устойчивых связей со Швецией и Речью Посполитой стали новым имперским фронтиром, зоной взаимодействия, где замкнутые общества были вовлечены в культурные и торговые пограничные обмены [Рибер, с. 215]. Отметим, что российская историография с трудом пересматривает традиционный национальный и одновременно имперский нарратив, в фокусе которого находится государство – предполагаемый главный игрок; поэтому важно переключение внимания на иные центры власти, представленные на окраинах местными институтами и нетитульными нациями, чью лояльность можно охарактеризовать как «множественную», а идентичность – как «ситуативную» [Хаген, с. 131].

Деятельность гернгутеров в Лифляндии, начавшаяся уже во второй половине 1720-х гг., оставалась без внимания со стороны властей в 1730-е гг. Мощной была еще инерция петровской религиозной толерантности – основной предпосылки Просвещения

[Winter, S. 119]¹. О гернгутерах-миссионерах власти впервые узнали в 1734 г., когда трое посланцев Цинцендорфа были арестованы в Архангельске как шведские шпионы². В 1735 г. Петербург посетил Давид Ничманн (1696–1772) с рекомендательными письмами от Цинцендорфа к Остерману, Миниху, имперскому послу Линару, а также Симону Тодорскому, но его визит остался без реакции [Teigeler, S. 116]³. Последовавший за поездкой самого Цинцендорфа в Лифляндию в 1736 г. мощный всплеск движения, пришедшийся на середину царствования Анны Иоанновны и особенно затронувший крестьянство, также остался без последствий [Ibid., S. 159–160]. В 1740-е гг. ситуация изменилась. Общины в Лифляндии подверглись репрессиям, завершившимся в 1747 г. арестами. В настоящей статье пойдет речь о первых мерах против гернгутеров, предпринятых в 1743 г.

Еще Э. Винтер выдвинул тезис о миссионерстве как о главной составляющей в деятельности гернгутеров в России и главной же причине преследований. Эту точку зрения поддержал в своей недавней работе А. С. Ряжев, ссылаясь на следственное дело, которое велось Юстиц-коллегией лифляндских, эстляндских и финляндских дел в 1743–1744 гг. [Ряжев, с. 409]. Однако, вопреки его утверждению, в этих документах [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1. 1743–1744], как и в полном следственном деле [РГАДА. Ф. 7. Д. 1195], речь идет об общинах, укоренившихся в Лифляндии, а не о миссионерской деятельности гернгутеров в империи.

Еще полтора десятилетия назад немецкий исследователь О. Тайгелер в масштабном исследовании о гернгутерах в России (*за пределами Прибалтики*) показал, что миссионерская деятельность среди нехристианских народов, в особенности мусульман, не только не воспринималась русскими властями как угроза, а, наоборот, вызывала сочувствие. В Петербурге надеялись, что проповедь христианства среди подвластных России «народностей» приведет в перспективе к укреплению колониальной власти империи [Teigeler, S. 148].

---

¹ Толерантность в XVIII в. не равнялась свободе совести, а признание прав за лютеранами не означало возникновения религиозного плюрализма. Православная церковь, согласно официальной точке зрения, представляла собой единственно истинный путь к спасению [Wirtschaftler, p. 105].

² В 1734 г. братья Андреас Грассманн, Даниель Шнейдер и Йоганн Микш были задержаны как шведские шпионы на пути к самоедам и другим северным народам. Они провели пять недель под арестом в Архангельске и благодаря поручительству пастора Тобиаса Плашника были отправлены в Петербург, где А. И. Остерман выписал им паспорта для выезда за границу империи [Teigeler, S. 132].

³ В Петербурге в 1730-е гг. существовала мощная лютеранская и pietistская «партия», состоявшая из придворных – вице-канцлера Остермана, фельдмаршала Бурхарда Христофа Миниха и его брата Христиана Вильгельма – директора Кадетского корпуса в 1734–1736 гг. и обер-гофмейстера (с 1743 г.), а также законоучителя Корпуса Тобиаса Плашника (1703–1757) и пасторов и прихожан нескольких церквей [Winter, S. 87–88; Russen und Russland, S. 182]. Вероятно, знавшим толк и в pietизме придворным-лютеранам очередная попытка толкования свободы воли, раскаяния и спасения не казалась опасной.

История гернгутской общины началась в 1722 г., когда Цинцендорф приютил скитавшихся по Европе моравских братьев в своем имении Бертельсдорф, переименовав его в Гернгут – «пристанище Божье». Моравские братья (*Unitas Fratrum*) отсчитывали свое происхождение от гуситов – предшественников Реформации, и поэтому, искренне или нет, Цинцендорф и члены братства считали себя принадлежащими лютеранской евангелической церкви. Новое учение отталкивалось от пиетизма, с одной стороны, и от положений филаделфийской церкви с ее представлением об истинном христианстве, воплощенном во всемирной универсальной церкви, с другой. В 1733 г. Цинцендорф порвал с Галле, но сумел получить от теологического факультета Тюбингена заключение, что его учение не отступает от лютеранской ортодоксии. Его перевод в 1743 г. Цинцендорф повезет в Россию, чтобы передать Синоду, очевидно, в уверенности, что имя автора его заключения Георга Бернгарда Бильфингера (1693–1750), профессора Петербургской академии в 1726–1731 гг., должно сыграть свою роль [Teigeler, S. 265–268].

В конце 1720-х в Лифляндии начали формироваться гернгутерские центры: в Вольмарсхофе (*совр.* Валмиера) – в имении генерал-аншефа Людвиг Николауса фон Галарта (1659–1728) и его вдовы Магдалены Елизаветы (1683–1750) [Иностранные специалисты, с. 60–65]; в Бринкенхофе в Вендау (Дерптский уезд) – у вдовы Гавелины (фон Гавел); на острове Эзеле после 1738 г., когда суперинтендантом Эзельской провинции был выбран выпускник Галле, диакон ревельской церкви Св. Олафа теолог Эберхард Гутслев (1690/1693–1749), возглавивший гернгутскую общину острова [Teigeler, S. 140]⁴. К тому же после триумфального визита Цинцендорфа в Лифляндию и Эстляндию в 1736 г. на острове значительно вырос поток проповедников из Гернгута – ремесленников, медиков, домашних учителей. Все они действовали независимо от местных властей, игнорировали имевшие законную силу шведские церковные уставы, подчиняясь лишь предписаниям Цинцендорфа и следуя аутсбургскому исповеданию лишь настолько, насколько считали нужным. Они заменяли местные катехизисы и книги песнопений привезенными с собой из Гернгута без ведома консистории [Eckardt, S. 221]. Рижская обер-консистория имела мало влияния на Эзельскую консисторию, и почти все дворянство острова – впрочем, немногочисленное – к началу 1740-х гг. уже оказалось в гернгутском братстве [Ibid., S. 239]⁵.

Гернгутерство в остзейских провинциях не было маргинальным движением: среди его последователей были «от герренгутских епископов рукоположенные пасторы», «несколько число... студентов»,

⁴ Э. Винтер считал, что поскольку Гутслев подвергался преследованиям со стороны лютеранского духовенства, назначение его на Эзель было ссылкой [Winter, S. 265].

⁵ На Эзеле насчитывалось около двух десятков дворянских семей, материальный и интеллектуальный уровень которых в силу изоляции и неблагоприятного климата был несравним с уровнем материкового рыцарства [Eckardt, S. 216].

«а прочие были ремесленные люди и крестьяня» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 242 об. – 243]⁶. Несомненно, успех гернгутеров среди остзейцев был обусловлен единством языка, общим культурным и религиозным фоном, а также наличием уже индоктринированной пие-тизмом имперской элиты из остзейцев. Через нее глава пие-тистского центра в Галле Август Герман Франке (1663–1727) оказывал влияние как на лютеранские общины, так и на самого Петра I [Фундаминский, с. 57], связанного с Галле через лично преданного ему военачальника полковника Иоганна Бальтазара фон Кампентаузена (1689–1758) [Teigeler, S. 120, 142].

II

Известный в историографии именной указ Елизаветы Петровны от 16 апреля 1743 г. о запрете «секты» гернгутеров был издан за два месяца до ареста в Петербурге посланников Цинцендорфа и шведского студента-гернгутера Арвида Градина (1704–1757), привезшего письмо графа к Синоду. Указ 16 апреля вообще не упоминал так не вовремя явившихся в Петербург посланцев Гернгута, а был направлен исключительно против распространившейся в *Лифляндии* «секты» гернгутеров⁷. Обозначение гернгутеров в указе как секты – определение, не характерное для русского законодательства XVIII в. (оно предпочитало термины «раскол» и «ереси»), – говорит в пользу того, что сведения об опасностях, исходивших от последователей Цинцендорфа, черпались из опыта тех государств, где их не признавали частью лютеранской церкви, а общины изгоняли или ограничивали в правах⁸.

О челобитной, поданной от трех гернгутеров («Эрн Гутерих»), канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину стало известно 11 апреля 1743 г. от кабинет-министра И. А. Черкасова, хотя в Петербург гернгутеры приехали еще 30 июля 1742 г. [Teigeler, S. 199 (Anm. 1)]. Следует думать, что и челобитную с целью получить паспорта для проезда «к мунгалцам [монголам], калмыкам и даже до границы китайского государства» они подали значительно раньше, но она оставалась без рассмотрения. Вероятно, о самой челобитной вспомнили, когда в Кабинете началось обсуждение указа, изданного 16 апреля. Сообщение Черкасова канцлеру от 11 апреля о трех просителях «*лютерскаго братского общества*» – Конраде Ланге, Захариусе Хиршеле и Михаэле

⁶ Гутслев на допросе в 1747 г. назовет среди находившихся с ним «в дружестве» Эриха Иоганна Фитингофа (1699–1761), советника Коллегии лифляндских и эстляндских дел, и в 1740–1746 гг. ландсгауптмана Эзеля, представителя разветвленного рода. За месяц до ареста Гутслева (1747) Эрих Иоганн Фитингоф с семьей выехал в Кёнигсберг, очевидно, опасаясь репрессий [DBL, S. 835; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 1. Л. 93; Ч. 2. Л. 545 об.].

⁷ Здесь и далее указ цит. по: [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 34–34 об.].

⁸ В опубликованном в конце 1740-х гг. сборнике распоряжений, изданных против гернгутеров в других государствах, они именуются «сектантами» («Sektierende») [Hoffmann, S. 15–16].

Кунде – было совершенно нейтрально, как и приписка: «По силе сего вчера Гернгютерав в кабинет челобитная отправлена». Однако 3 июня 1743 г. Черкасов предложил канцлеру допросить трех путешественников, «где то братство, отколь они посланы... и от кого и что на свое содержание получают, и кто еще их секты, и где обретаются в границах российских»: приложенный к письму именной указ от 16 апреля свидетельствует о том, что именно на этом этапе власти обнаружили связь между миссионерами-гернгутерами и общинами в Лифляндии. 10 июня в Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел из Коллегии иностранных дел была отправлена промемория с требованием допросить Ланге со спутниками, а «также и что сверх того в Юстиц-коллегии и лютерскому духовенству о тех людех и о герренгутской секте известно есть», сообщить в коллегию. Ланге со спутниками и Градин были допрошены в коллегии 30 июля и арестованы [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 33, 55–55 об., 58 об⁹, 232–233, 120–121 об.].¹⁰

Указ 16 апреля был дан рижскому вице-губернатору Д. Ф. Еропкину (? – ок. 1750) и, помимо запрета гернгутерского учения «лифляндцам, кто б какого звания ни был», и запечатания домов, где проходили собрания «секты», требовал задержания находившейся в Петербурге супруги Цинцендорфа Эрдмуты Доротеи (урожденной графини Рейсс-Эберсдорф, 1700–1756), «которой [секты] предводителница некоторая графиня Синцендорфова» [Там же. Л. 34]. К поездке в столицу графиню подтолкнуло прежде всего стремление добиться позволения для братьев поселиться на территории империи [Teigelger, S. 160–161]. Супруга графа была самостоятельной политической единицей, и пока сам граф пребывал в канадской глуши, отправилась в Россию¹¹. По пути осенью 1742 г. она посетила Вольмарсхоф и Бринкенхоф и в начале февраля 1743 г. прибыла в Петербург, где провела почти два месяца и выехала 21 марта, так и не дождавшись аудиенции у императрицы. Графиня успела, однако, передать императрице две записки, речь в которых шла о беспорядках в церковной жизни Лифляндии, причем вину за них она возлагала на лифляндское и эстляндское

⁹ Письма И. А. Черкасова к А. П. Бестужеву-Рюмину опубликованы К. А. Писаренко по оригиналу, хранящемуся в Архиве внешней политики Российской империи [Черкасов].

¹⁰ Окажись миссионеры в Петербурге в более благоприятный момент, они бы могли, получив паспорта, отправиться на край света и никогда не появиться в следственном деле. Попытке посланцев проникнуть в Азиатскую часть империи и даже в Китай предшествовали споры внутри руководства общины о необходимости движения в Азию. Сам Цинцендорф считал время неподходящим для этой миссии, ожидая результатов поездки Арвида Градина в Петербург в 1743 г. Поэтому когда К. Ланге – инициатор движения в Азию – и еще двое посланцев оказались в Петербурге, Цинцендорф пришел в ярость. Братья провели в заключении почти четыре года и даже в 1747 г., получая паспорта для выезда из России, пытались убедить власти позволить им двигаться дальше в Азию, а не на Запад [Teigelger, S. 174–175, 201–203].

¹¹ «Братская церковь» не делала различий между мужчинами и женщинами в том, что касалось «пробуждения», поэтому женщины занимали важные посты в общине и имели свободу передвижения наравне с мужчинами [Peucker, p. 197].

духовенство [Teigeler, S. 161]. Указом 16 апреля, изданным почти через месяц после отъезда графини, императрица приказала Еропкину и всех «ее помощников, приехавших с нею ис чюжих краев, сколько их есть, учтивым поступком позвать к себе в гости [в Риге], и как будут, то всех отправить сюды к нам [в Петербург]» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 34 об.]. 21 апреля, получив указ, Еропкин приказал полковнику Воейкову нагнать графиню. Встретив ее 23 апреля на границе в районе Митавы, тот представил «ей обнадеживания к настоящей ее ползе, и о немалом ей в Риге награждении, и протчие тому принадлежащие уговоры по крайней возможности, токмо де никакими способами ее к тому склонить не мог» [Там же. Л. 44]. Вероятно, графиня была предупреждена и на уговоры не поддавалась. Указ 1743 г. не имел в виду меры против самого учения, потому что о нем ничего толком не было известно («и что имянно содержит оное Эрн Гутеров учение, и какое онаго употребление в самом деле явное или тайное есть, о том о всем подлинно осведомясь, прислать к нам известие») [Там же. Л. 34–34 об.]. По мнению О. Тайгелера, указ носил чисто политический характер, изображая «секту» как угрозу государству [Teigeler, S. 162 (Anm. 15), 178], что соотносится с известием Арвида Градина о том, что вдохновителем указа 1743 г. был Тобиас Плашниг – проповедник и законоучитель Кадетского корпуса, убежденный пиетист, шпионивший за гернгутерами в Петербурге и доносивший на них¹².

III

Помимо поимки графини-предводительницы и мер по прекращению собраний «секты», указ требовал исследования о некоей «комиссии, кто ее и на каком основании учредил и какое во оной действо произошло» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 34 об.]. Не из записок ли, переданных графиней Цинцендорф перед отъездом императрице, последняя узнала о комиссии, учрежденной ландтагом (точнее, о двух комиссиях)? Именно решение лифляндского ландтага в июне 1742 г. о создании комиссий по расследованию деятельности гернгутеров стало второй причиной для визита графини в империю.

К концу 1730-х гг. обер-консисторию в Риге переполнили жалобы духовенства на проповедь гернгутерства среди прихожан. Генерал-суперинтендант¹³ Лифляндии вице-президент обер-консистории

¹² На антигернгутерский настрой убежденного пиетиста, выпускника Галле Тобиаса Плашнига обратил внимание в 1735 г. Д. Ничманн [Teigeler, S. 116]. Плашниг был взят на службу в Кадетский корпус в 1734 г. Христианом Вильгельмом фон Минихом (1688–1768), директором корпуса в 1734–1736 гг. [Капитуляция с пастором и преподавателем латинского языка Тобиасом Пличником, с. 297–298]. Несмотря на то, что Миних был братом ссыльного фельдмаршала, Елизавета Петровна считала его одним из самых близких к себе людей и в 1743 г. назначила обер-гофмейстером. Через Миниха Плашниг мог доносить до ушей императрицы сведения о гернгутерах в выгодном ему свете.

¹³ Генерал-суперинтендант (Generalsuperintendent) – высшее должностное лицо на территории церковного округа в лютеранской церкви.

Якоб Бенъямин Фишер (1684–1744)¹⁴ был осведомлен о деятельности гернгутеров, но мощное влияние личности Цинцендорфа и его хорошо памятный визит в Лифляндию в 1736 г., а также благоприятные отзывы об улучшении нравов среди крестьянства, состоящего в братской общине, не давали повода принять меры. Лишь в 1742 г. Фишер представил обер-консistorии доклад, в котором предложил учредить комиссию «для исследования учения и поведения гернгутской секты» и местного духовенства. С тем же он обратился к коллегии ландратов, и в июне 1742 г. решением ландтага были созданы две смешанные комиссии (состоявшие из двух дворян и двух духовных лиц) для исследования учения и образа жизни секты гернгутеров: в Вольмаре – для латышской части Лифляндии, в Вендау – для эстонской [Eckardt, S. 227–230; Teigeler, S. 161].

Как представляется, требование указа выяснить обстоятельства создания «комиссии о гернгутерах» было вызвано тем статусом, который начиная с петровского времени имели получившие такое название органы управления. Комиссии принадлежали к временным и специальным звеньям центрального аппарата, будучи при этом равнозначны другим элементам управления, а их возникновение было следствием волеизъявления верховной власти и его институционального оформления (законосовещательные для обсуждения или «сочинения» каких-либо актов, следственные, военные и т.д.). [Бабич, 2003, с. 22; Бабич, 2007, с. 29]. В данном случае никакого волеизъявления монарха не состоялось, а значит, имели место покушение на прерогативу и, как следствие, суверенитет монарха. Этим можно объяснить столь острую реакцию императрицы на известие о комиссиях в Лифляндии и длившееся около трех лет разбирательство в попытках обнаружить истоки их деятельности.

Образцом для ландратов могли послужить «комиссии», создававшиеся ранее в других государствах для информирования правительства о деятельности «секты». Так, при саксонском курфюрсте Фридрихе Августе I (1694–1733) были созданы две комиссии для расследования деятельности гернгутеров. Первая в 1732 г. отнеслась снисходительно к общине Гернгута, что не помешало курфюрсту в ноябре того же года издать указ об изгнании Цинцендорфа из Саксонии. Однако поскольку через три месяца курфюрст умер, указ остался без исполнения. В 1736 г. была учреждена вторая, более серьезная комиссия с участием теологов. Она проверила жалобы консистории на организацию частных молитвенных собраний и осталась недовольна новыми литургическими формами, песнопениями, уставами и тем, что должности в общине занимают миряне, не имеющие духовного звания, и подтвердила решение об изгнании гернгутеров из Саксонии [Meyer, S. 37–38]¹⁵.

¹⁴ Биографические данные здесь и далее в соответствии с [Deutschbaltisches Biographisches Lexikon].

¹⁵ Формально изгнан из Гернгута был лишь сам Цинцендорф, но не община.

Учреждая свои комиссии в 1742 г., остзейские ландраты считали себя вправе создавать подобный орган, отталкиваясь от представлений о своих автономных правах, вытекавших из «договорных» отношений с центральной властью, наступивших в момент заключения в 1710 г. аккордных пунктов и капитуляций при сдаче Риги и Ревеля¹⁶. Впоследствии согласно Ништадтскому мирному трактату эти провинции стали первой территорией после Немецкой слободы в Москве, где в России было официально позволено исповедание христианства невосточного образца [ПСЗ, т. 6, № 3819, ст. 10].

Из переписки Черкасова и Бестужева видно, что в Петербурге в 1740-е гг. имели очень смутное представление о том, какие законы регулируют статус этих провинций: «надобно приискать [в Коллегии иностранных дел] те пункты, которые при завладении Лифляндии и Эстляндии от Его императорского величества... акордованы, где пункты и о вере есть», – указывал Черкасов канцлеру, а сам брался провести таковые же разыскания в Сенате [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 229 об.]. Если в Петербурге законность решения ландтага о создании комиссий была неочевидна, то остзейское дворянство видело в этом реализацию своих политических прав, гарантированных ему законами.

Невозможно судить, знали ли заседавшие в ландтаге остзейцы или сам лифляндский генерал-губернатор фельдмаршал Петр фон Ласси (1678–1751), вернувшийся к исполнению своих обязанностей весной 1743 г., под конец войны со Швецией, о существовании комиссий о гернгутерах в Саксонии или других государствах. Своим указом, датированным (вероятно, задним числом) также 16 апреля 1743 г., он объявил о создании собственной комиссии «императорского генерал-губернамента» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 89–91 об.; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1. 1743–1744. Л. 38–40 об.]. Отметим, однако, сходства между причинами для беспокойства, перечисленными как ландратами, так и Ласси при учреждении комиссий в 1742 и 1743 гг. соответственно («новые порядки и учреждении», с церковными «никак не сходствующие», «приватные собрания» «сектантов» в Лифляндии и Эзельской провинции, «особливые общества» и «другие невозво-

---

¹⁶ Договорной статус отличал остзейцев от «коренных» русских дворян [Романович-Славатинский, с. 90–91; Андреева, с. 54–68]. Капитуляции, аккордные пункты, жалованные грамоты Петра и мирный договор 1721 г. гарантировали и подтвердили остзейскую автономию не только дворянству: «все жители провинций Лифляндские и Эстляндские, такожде и острова Эзеля, шляхетные и не шляхетные, и в тех провинциях обретающиеся города, магистраты, цехи и цунфты при них под свейским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях, постоянно и неколебимо содержаны и защищены будут». При новой власти был полностью восстановлен *Landesstaat* (система автономных сословных учреждений, ландтагов и выборных судов разного уровня), упраздненный Карлом XI, все привилегии, данные польскими королями, а также «статуты рыцарские, права, вольности, свободы». Главное – русские власти обещали вернуть владельцам имения, подвергнутые редукции (забранные в шведскую казну) в последние десятилетия XVII в. Все это немало способствовало обеспечению лояльности местного дворянства и горожан [Зутис, с. 58–59, 63, 77].

ленные новости», отчего произошли «немалое беспокойство и замешательство»). Укажем и на созвучный предмет рассмотрения у остзейских и саксонских комиссий – необходимость отвращения «всяких опасаемых злых следствий» от деятельности гернгутеров, пришедших на Эзель («из других краев учителя веры, от так называемой моравской или Герренгутской секты»), и на общую задачу «выпытывать, оное ж так называемое гернгутерских братьев учение аугспургскому исповеданию и книгам символическим... согласно ль или нет, и какие у них состоят мешательства, которые им причитают, и оная комиссия наиболее учреждена, понеже шляхетству наипаче в том обстоит нужда, чтоб евангелическое учение чисто содержано и в противность онаго никаких новых сект допущено б не были» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 45 об. –46]. Также сходным с саксонским был и состав комиссий: в комиссии Ласси состояли председатель земского суда, земский судья и два пастора, один из которых был также ассессором консистории [Там же. Л. 89 об. –90]¹⁷.

Таким образом, в 1743 г. в Лифляндии и Эстляндии сосуществовали три комиссии: две, созданные по решению ландтага 1742 г., и генерал-губернаторская. Однако ни об одной из них в Петербурге не имели никакого представления, поскольку вице-губернатор Еропкин не сумел получить от регирунгсканцелярии в Риге «никакого известия о комиссии, продолжающейся об Эрн гутерах... и отколь лифляндцы имеют указ и почему комиссию учредили, неведомо» вплоть до своей отставки в октябре 1743 г. (возможно, связанной именно с неспособностью добиться от остзейцев сведений ни о комиссиях, ни о самих гернгутерах) [Там же. Л. 229 об.]. «А по какому указу геренгутерская комиссия в Лифляндии учреждена, о том в Коллегии також неизвестно, ибо никакого о том от нас указа не посылаю и в Сенат представлено не было», – писал Черкасов Бестужеву-Рюмину 15 октября 1743 г. [Там же. Л. 221].

Все это удалось генерал-губернатору Ласси. В декабре 1743 г. он отправил в Петербург рапорт с разъяснениями, полученными от регирунгсканцелярии, принявшей во внимание также и расследование членов обер-консистории. Доношение, поданное советниками 23 ноября 1743 г. генерал-губернатору, носит явно обличительный характер в отношении гернгутеров по сравнению с написанными невозмутимым тоном ответами, скорее отговорками, полученными Еропкиным в апреле – мае 1743 г. от регирунгсратов – тайного советника Германа Фридриха фон Фитингофа (1670–1746, на русской службе с 1737 г.) и ландмаршала и предводителя лифляндского дворянства барона Иоганна Густава фон Будберга (1693–1754) [Там же. Л. 35–36, 45–48].

---

¹⁷ В состав комиссии 1736 г. в Саксонии входили ландгауптман, придворный – камергер, советник обер-консистории и ассессор обер-консистории и суперинтендант Дрездена [Hoffmann, S. 15–16].

Изучение подписей регирунгсратов под доношениями и отсылкам в текстах доношений от ноября – декабря 1743 г. позволяет утверждать, что причина изменения тона кроется в составе регирунгсратов. Так, подписавший в ноябре доношение Фитингоф – не упомянутый выше тайный советник Герман Фридрих, а предводитель эзельского шляхетства (с 1740 г.) ландрат Отто Фридрих фон Фитингоф (1692–1777), которого Гутслев называл своим гонителем, настоящим на учреждении комиссии «над ним, Гутслевым, якобы во одной секте содержания» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 1. Л. 92 об.]. Вторая подпись хотя и принадлежит Кампенгаузену, но уже не полковнику и доверенному лицу Петра I, а его сыну, советнику правления Иоганну Кристофу фон Кампенгаузену (1716–1782). Несомненно, отсутствие полковника Кампенгаузена – одного из самых влиятельных ландратов – в Лифляндии в 1742 г. сыграло свою роль в том, что ландтаг настоял на расследовании деятельности гернгутеров комиссиями¹⁸.

Доношение регирунгсратов пронизано тревогой: братья-гернгутеры «размножились» до 40–50 чел. и вовлекли в свою общину значительное число как дворян, так и крестьян:

Помянутые персоны под разными претекстами во дворах, домах и крестьянских семьях между немцами и латышами, частью с ведома, частью и без ведома помещиков и пасторов, в уездах часы и собрания держать, великие между народом замешанин чинить, зборищи и шайки учреждать, а на последи для их збирания, и особливые дома, под видом порядочных школ строить, и особливые ж братства и сестринства установлять начали, и столко умножилось, что разные помещики и пасторы, также немецкие жители, а из крестьянства несколько тысяч человек к ним приставали, и частью их общему братству действительно приступили [Там же. Ч. 2. Л. 243–243 об.].

Тревога была вполне объяснима: новая общинная структура отменяла, по сути, все церковные учреждения и устанавливала новые, контролируемые собственными пасторами. В доношении подчеркивалась исключительность, которую гернгутеры практиковали, допуская к своим собраниям только «верных», «участвующих в Евангелии» [Там же. Л. 245]. Все эти обвинения содержались еще в жалобах духовенства, наводнивших рижскую обер-консисторию в конце 1730-х гг. и оказавших влияние на решение лифляндского генерал-суперинтенданта сформировать комиссию для изучения деятельности общины [Eckardt, S. 222–227]. Опираясь на протоколы расследования, проводившегося обер-консисторией, регирунгсраты в поданном Ласси доношении утверждали, что «секта» «во многих важных пунктах от евангелическо-лютеранской церкви,

---

¹⁸ И. Б. Кампенгаузен был назначен генерал-губернатором завоеванной Финляндии (1742–1744 гг.) [Eckardt, S. 231].

ея же в Аугсбургском исповедании, и в принадлежащих ко оному Символских книгах содержаннаго о христианской вере учения отдалася». Возможно, регирунгсраты рассчитывали на определенную реакцию в Петербурге, когда писали, что учением гернгутеров «нарушается и уничтожается... лютеранской религии учреждение и церковной устав в Лифляндии», подтвержденные и гарантированные Ништадтским миром, и – подчеркивали они – «от Вашего императорскаго величества [Елизаветы Петровны] в Абоском мирном трактате» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 248–249 об.; Eckardt, S. 235].

Действительно ли изменились настроения остзейцев за менее чем десять лет, прошедших с визита графа Цинцендорфа в Лифляндию, шли ли они вслед за решением высшей религиозной инстанции, или этот документ был лишь формой выражения лояльности Петербургу после издания указа 16 апреля и ареста миссионеров в Петербурге летом 1743 г.? Не только Ласси, но и оба подписавших документ советника стремятся как будто дистанцироваться от гернгутеров, и недаром: сами они вовсе не были чужды учению «моравских братьев». Принадлежавшее полковнику Кампенгаузену, отцу молодого регирунгсрата, имение Ореллен было одним из центров гернгутерства, где Цинцендорфа с восторгом встречали в 1736 г.¹⁹ Ландрат Отто Фридрих фон Фитингоф проявлял большой интерес к персоне Цинцендорфа и общине Гернгута годом ранее, когда Вольмарсхоф навел на пути из Петербурга [Teigeler, S. 121, 142; Meyer, S. 42]²⁰. Сам Ласси, хотя и католик по рождению, не был, видимо, негативно настроен по отношению к гернгутерам, он восторженно внимал Цинцендорфу в Риге в 1736 г. и не предпринимал решительных действий до получения указа из Петербурга [Eckardt, S. 233].

Отправив 11 декабря 1743 г. императрице подробнейшее доношение о результатах расследования и о принятых мерах, Ласси уже 14 декабря составлял новый рапорт: накануне в Ригу явился граф Цинцендорф. Он запасся не только переводом «тюбингенского исповедания» 1733 г., но и письмом к Синоду, в котором утверждалось, что, поскольку его учение согласно с лютеранской ортодоксией, братству должен быть открыт доступ в империю. Он и его свита были арестованы, а письма изъяты. 23 декабря императрица указала прислать графа «за добрым конвоем» в Петербург. Однако кабинет-министр Черкасов испугался осложнений в отношениях с Веной в случае его ареста: с лета 1743 г. Петербург конфликтовал с имперским двором из-за участия в деле Лопухиных посланника Габсбургов маркиза Антонио Ботты (1688–1774), покинувшего Петербург еще в конце 1742 г. В разговорах с ним была замешана и супруга брата

¹⁹ Имение Ореллен, купленное полковником И. Б. Кампенгаузенем у вдовы Галарт в 1728 г., находилось неподалеку от Вольмарсхофа – имения Галартов [Teigeler, S. 121, 142].

²⁰ Пребывание Ничманна в Петербурге и Лифляндии детально анализируется в работе: [Teigeler, S. 93–158].

канцлера М. П. Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна [Писаренко, с. 10–16]. «...[М]ожно ль ево [Цинцендорфа] сюда взять, – писал Черкасов Бестужеву-Рюмину 23 декабря, – и будет ли в том полза, того я не знаю, ибо он имперской граф, и для того, чтоб не могло воспоследовать каких отзывов от держав протестантских и реформанских»²¹. Как самую политически безопасную меру он предложил «для убежания того выслать ево за границу» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 253–255, 260, 262 об.]. 9 января 1744 г. последовал указ императрицы, объявлявший излишними дальнейшие расследования, а Цинцендорфа и его свиту – подлежащими высылке. 12 января граф был освобожден и выдворен из империи [Eckardt, S. 238–239; Teigeler, S. 163].

* * *

Общины гернгутеров в Прибалтике не были источником беспокойства для властей вплоть до визита графини Эрдмуты Доротеи Цинцендорф в Петербург в 1742–1743 гг. Изданный, в том числе с целью ее поминки, именной указ 16 апреля 1743 г. вписывается и в общий контекст религиозной политики конца 1742 – начала 1743 г.: усиленного насаждения православия среди нехристианских народов империи – мусульман и анимистских народов Поволжья, изгнания из империи и так немногочисленных иудеев, разрушения мечетей в Казанской губернии и запрета на строительство новых. Характерно, что эти указы были изданы в самом конце 1742 г., а фоном для них были новые привилегии православного духовенства и очередной виток гонений на старообрядцев [Герасимов и др., с. 82–84; Teigeler, S. 236]. Все это было идеальной почвой для дискредитации гернгутеров в доносах, поступавших к императрице, вероятно, от законоучителя Кадетского корпуса Тобиаса Плашнига, и подкреплялось конфликтом с Веней, в связях с которой, скорее всего, ошибочно подозревали Цинцендорфа. Однако «территорией угрозы» прибалтийские провинции стали для Петербурга не только и не столько поэтому. Неожиданно для себя петербургские власти обнаружили там самостоятельное, обладавшее особыми правами дворянство, имеющее свое представительство и организующее при необходимости свои «комиссии», реакция на которые оказалась более болезненной, чем на сообщения об исходящих от гернгутеров «опасностях». В чем последние состоят, в Петербурге в 1743 г. так и не смогли сформулировать. Угроза, как ее понимали в рижской обер-консistorии, заключалась не в религиозном содержании учения, а в форме, в которой оно реализовывалось, – во внецерковных собраниях, альтернативных общинах и собственных служебных книгах. Среди остзейских дворян не было единства в отношении нового учения: многие были его сторонниками и не были готовы содействовать властям в борьбе с ним, а местные чиновники из остзейцев – регирунгсраты –

²¹ Вероятно, Черкасов не знал, что еще дед Цинцендорфа порвал отношения с венским двором и, продав имения в Австрии, переселился в Саксонию [Meyer, S. 5].

могли радикализировать риторику в направлявшихся в Петербург документах, чтобы выказать свою политическую лояльность и сохранить тем самым культурную и правовую автономию. Сложенные вместе, эти факторы в 1743 г. стали толчком к первым репрессиям против гернгутеров в прибалтийских губерниях. В течение года усилиями Ласси в Лифляндии были закрыты «построенные от сообщников помянутой секты... для их собраней дома», в том числе в Дерптском уезде – в Бринкенхофе, в Летском – в Вольмарсхофе (то есть в имениях вдов Гавелины и Галарт), запрещены их собрания (впрочем, только те, куда не допускали посторонних) и изъято около двух тысяч экземпляров «невыправленных учительных и спевальных книг, такожде и переводов с Библией» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 2. Л. 240 об. –241; см. также: Teigeler, S. 162; Eckardt, S. 184, 234]. Эти меры, возможно, притормозили, но не могли остановить деятельность гернгутеров, прежде всего на Эзеле, продолжавшуюся вплоть до ареста суперинтенданта Гутслева и близких к нему лиц в 1747 г.

Библиографические ссылки

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб. : Мирь, 2008. 309 с.

АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1. 1743–1744.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века : Комиссия петровского времени. М. : РОССПЭН, 2003. 477 с.

Бабич М. В. Петровская и аннинская администрация сквозь призму персонала центральных комиссий // Тр. Гос. Эрмитажа : сб. ст. Вып. 38. Петровское время в лицах – 2007 : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 29–36.

Герасимов И., Глебов С., Могильнер М. Новая имперская история Северной Евразии / под общ. ред. И. Герасимова, при участии А. Семенова. Казань : Ab Imperio, 2017. 628 с.

Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига : Кн-во и тип. № 2 ВАП, 1946. 649 с.

Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого : биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / сост. В. Ржеуцкий, Д. Гузевич. М. : Ломоносов, 2019. 798 с.

Капитуляция с пастором и преподавателем латинского языка Тобиасом Пличником // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века : сб. ст. / сост. и науч. ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М. : Новое изд-во, 2015. С. 297–298.

Писаренко К. А. Вступительная статья : Памятная записка о завершении австро-русского конфликта из-за дела маркиза Ботты, 1744 г. // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Вып. 19. М. : Студия «ТРИТЭ», 2010. С. 9–18.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 199–222.

Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: свод материалов и пригласительные этюды для исторического исследования. Киев : Печатня С. П. Яковлева, 1912. 578 с.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1195. Ч. 1–2.

Ряжев А. С. Миссионерская работа pietистов и гернгутеров в первой половине XVIII в.: планы в отношении российского буддизма // Великие евразийские миграции : материалы междунар. науч. конф., 11–14 окт. 2016 г. Элиста : Изд-во КалмГУ, 2016. С. 407–414.

Фундаминский М. И. Коммуникационная сеть галльских pietистов в России // Инославные церкви в Санкт-Петербурге : докл. конгр., 8–10 окт. 2003 г. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 57–61.

Хаген М. фон. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 127–162.

Черкасов И. А. Письма барона Ивана Антоновича Черкасова вице-канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину (1743–1747) // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. 2007. Вып. 16. М. : Студия «ТРИТЭ», 2007. С. 9–60.

Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960 / Hrg. W. Lenz, O. Welding, E. Amburger, G. von Krusenstjern. Köln ; Wien : Böhlau, 1970 // Baltisches biografisches Lexikon digital (2012–) : [website]. URL: <https://bbld.de/> (accessed: 20.08.2023).

Eckardt J. Livland im achtzehnten Jahrhundert Umriss zu einer livländischen Geschichte. Leipzig : A. Brockhaus, 1876. 595 S.

Hoffmann C. G. Sammlung von einigen wider die Herrnhuther ergangenen hohen Kayserlichen, Königlichen, Chur- und Fürstlichen, Reichsstädtischen, und andern Befehlen und Verordnungen. Bände 1–2. Wittenberg ; Zerbst : Verlegts Samuel Gottfried Zimmermann, 1748–1749.

Mettele G. Identities Across Borders: The Moravian Brethren as a Global Community // Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850 / ed. by J. Strom. Leiden ; Boston : Brill, 2010. P. 155–177.

Meyer D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine: 1700–2000. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 175 S.

Peucker P. Pink, White, and Blue: Function and Meaning of the Colored Choir Ribbons with the Moravians // Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850 / ed. by J. Strom. Leiden ; Boston : Brill, 2010. P. 179–197.

Russen und Russland aus deutscher Sicht. Bd. 2. 18. Jahrhundert. Aufklärung / Hrg. M. Keller. München : Fink, 1987. 682 S.

Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland: Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 726 S.

Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin : Akademie Verlag, 1953. 502 S.

Wirtschaftler E. Religion and Enlightenment in Russia. The Teachings of Metropolitan Platon. DeKalb : NIU Press, 2013. 200 p.

References

Andreeva, N. S. (2008). *Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX veka* [Baltic Germans and the Russian Governmental Policy in the Early 20th Century]. St Petersburg, Mir. 309 p.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 10. List 10/1. Dos. 1. 1743–1744.

Babich, M. V. (2003). *Gosudarstvennye uchrezhdeniya XVIII veka: Komissiya petrovskogo vremeni* [The State Institutions of the 18th Century: The Petrine Commission]. Moscow, ROSSPEN, 477 p.

Babich, M. V. (2007). Petrovskaya i anninskaya administratsiya skvoz' prizmu personala tsentral'nykh komissii [The Petrine and Annine Administrations through the Prism of the Staff of the Central Commissions]. In *Trudy Ermitazha. Sbornik statei. Iss. 38. Petrovskoe vremya v litsakh – 2007*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 29–36.

Cherkasov, I. A. (2007). Pis'ma barona Ivana Antonovicha Cherkasova vitse-kantsleru Alekseju Petrovichu Bestuzhevu-Ryuminu (1743–1747) [Letters from Baron Ivan Antonovich Cherkasov to Vice-Chancellor Alexei Petrovich Bestuzhev-Rumin (1743–1747)]. In *Rossiiskii Arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Iss. 16. Moscow, Studiya “TRITE”, pp. 9–60.

Eckardt, J. (1876). *Livland im achtzehnten Jahrhundert Umriss zu einer livländischen Geschichte*. Leipzig, A. Brockhaus. 595 S.

Fundaminskii, M. I. (2004). Kommunikatsionnaya set' gall'skikh pietistov v Rossii [The Halle Pietist Communication Network in Russia]. In *Inoslavnye tserkvi v Sankt-Peterburge. Doklady kongressa, 8–10 oktyabrya 2003 g.* St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburskogo universiteta, pp. 57–61.

Gerasimov, I., Glebov, S., Mogil'ner, M. (Eds.). (2017). *Novaya imperskaya istoriya Severnoi Evrazii* [A New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan, Ab Imperio. 628 p.

Hagen, M. von. (2004). Imperii, okrainy i diaspory: Evraziya kak antiparadigma [Empires, Peripheries, and Diasporas: Eurasia as an Anti-Paradigm]. In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Kazan, Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii, pp. 127–162.

Hoffmann, C. G. (1748–1749). *Sammlung von einigen wider die Herrnhuter ergangenen hohen Kayserlichen, Königlichen, Chur- und Fürstlichen, Reichsstädtischen, und andern Befehlen und Verordnungen. Bände 1–2*. Wittenberg, Zerbst, Verlegts Samuel Gottfried Zimmermann.

Kapitulyatsiya s pastorem i prepodavatelem latinskogo yazyka Tobiasom Plichnikom [The Service Contract with Pastor and Latin Teacher Tobias Plashnig]. (2015). In Fedyukin, I., Lavrinovich, M. (Eds.). “Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...”. *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 297–298.

Keller, M. (Hrsg.). (1987). *Russen und Russland aus deutscher Sicht. Bd. 2. 18. Jahrhundert. Aufklärung*. München, Fink. 682 S.

Lenz, W., Welding, O., Amburger, E., Krusenstjern, G. von. (Hrsg.). (1970). *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960*. Köln, Wien, Böhlau. In *Baltisches biografisches Lexikon digital (2012–)* [website]. URL: <https://bbld.de/> (accessed: 20.08.2023).

Mettele, G. (2010). Identities Across Borders: The Moravian Brethren as a Global Community. In Strom, J. (Ed.). *Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850*. Leiden, Boston, Brill, pp. 155–177.

Meyer, D. (2000). *Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine: 1700–2000*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht 175 S.

Peucker, P. (2010). Pink, White, and Blue: Function and Meaning of the Colored Choir Ribbons with the Moravians. In Strom, J. (Ed.). *Pietism and Community in Europe and North America, 1650–1850*. Leiden, Boston, Brill, pp. 179–197.

Pisarenko, K. A. (2010). Vstupitel'nyia stat'ya. Pamyatnaya zapiska o zavershenii avstro-russkogo konflikta iz-za dela markiza Botty, 1744 g. [Introduction. A Memorandum on the Completion of the Austro-Russian Conflict Induced by the Marquis de Botta Case, 1744.]. In *Rossiiskii Arkhiv. Istoriya Otechestva v svidel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Iss. 19. Moscow, Studiya “TRITE”, pp. 9–18.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 7. List 1. Dos. 1195. Parts 1–2.

Rieber, A. (2004). Menyayushchiesya kontseptsii i konstruktivnyy frontira: sravnitel'no-istoricheskii podkhod [The Changing Notions and Constructions of the Frontier: A Comparative-Historical Approach]. In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Kazan, Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii, pp. 199–222.

Rjeoutski, V., Gouzevitch, D. (Eds.). (2019). *Inostrannyye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo. Biograficheskii slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoyazychnykh Shveysarii i Savoi: 1682–1727* [Foreign Specialists in Russia during the Epoch of Peter the Great. A Biographical Dictionary of Nationals of France, Wallonia, French-Speaking Switzerland, and Savoy: 1682–1727]. Moscow, Lomonosov”. 798 p.

Romanovich-Slavatinskii, A. V. (1912). *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava: svod materialov i priugotovitel'nye etyudy dlya istoricheskogo issledovaniya* [The Nobility in Russia from the Early 18th Century to the Abolition of Serfdom: A Collection of Materials and Preparatory Sketches for a Historical Study]. Kiev, Pechatnya S. P. Yakovleva. 578 p.

Ryazhev, A. S. (2016). Missionerskaya rabota pietistov i gerngutеров v pervoi polovine XVIII v.: plany v otnoshenii rossiiskogo buddizma [The Missionary Work of Pietists and Herrnhut Brethren in the First Half of the 18th Century: Some Plans Concerning Russian Buddhism]. In *Velikie evraziiskie migratsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 11–14 oktyabrya 2016 g.* Elista, Izdatel'stvo Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 407–414.

Teigeler, O. (2006). *Die Herrnhuter in Russland: Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. 726 S.

Winter, E. (1953). *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin, Akademie Verlag. 502 S.

Wirtschaftler, E. (2013). *Religion and Enlightenment in Russia. The Teachings of Metropolitan Platon*. DeKalb, NIU Press. 200 p.

Zutis, Ya. Ya. (1946). *Ostzeiskii vopros v XVIII veke* [The Baltic Question in the 18th Century]. Riga, Knigoizdatel'stvo i tipogrifiya No. 2 VAP. 649 p.

The article was submitted on 03.08.2022

**О методах «нового разделения империи»:
реформы административного деления в Вятском крае
от Екатерины Великой до Павла Первого***

Дмитрий Хитров

Московский государственный университет,
Москва, Россия

**Methods of the “New Division of the Empire”:
The Reforms of Administrative Division in Vyatka Region
from Catherine the Great to Paul I****

Dmitry Khitrov

Moscow State University,
Moscow, Russia

This article examines the territorial transformations carried out in Vyatka Region in the 1780s–1810s. As is known, before the last quarter of the eighteenth century, the system of administrative-territorial division of the country was based on the historically established system of uyezds. However, in 1775–1802, two major reforms were carried out, which rebuilt the administrative-territorial division following qualitatively new principles – approximate equality of the population of provinces and uyezds and transport accessibility of administrative centres for the population. These changes largely determined the outlines of the social structure of the Russian Empire over the next century, and changes in the management system and social structure naturally attract researchers’ attention today. With the help of a detailed reconstruction (based on maps of the time, both printed, from national atlases of 1792 and 1800, and handprinted, from the collections of several archives) and comparison of the boundaries of provinces in the middle of the eighteenth century, in 1792, in 1792, 1800 and 1805–1806, the author reveals the redistribution of territories between urban centres. It transpires that

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00391 «Губернская реформа Павла I: историко-картографическое исследование».

** *Citation*: Khitrov, D. (2023). Methods of the “New Division of the Empire”: The Reforms of Administrative Division in Vyatka Region from Catherine the Great to Paul I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 862–879. DOI 10.15826/qr.2023.3.823.

Цитирование: Khitrov D. Methods of the “New Division of the Empire”: The Reforms of Administrative Division in Vyatka Region from Catherine the Great to Paul I // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 862–879. DOI 10.15826/qr.2023.3.823 / Хитров Д. О методах «нового разделения империи»: реформы административного деления в Вятском крае от Екатерины Великой до Павла Первого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 862–879. DOI 10.15826/qr.2023.3.823.

the system of territorial relations in this region during the reform of Catherine II changed more decisively than in the central regions of the country, and the new borders were initially drawn without a survey of the situation on the ground, in some cases – in the form of straight lines on the map. The correction of inconveniences caused by such a manner of reform was delayed and was completed already during the administrative reforms of Paul I, which, unlike most regions, were not cancelled there in the first decade of the nineteenth century.

Keywords: historical cartography, historical geography, provincial reform of 1775, provincial reform of Paul I, Vyatka Province, Vyatka governorship, Vyatka gubernia

В статье исследуются территориальные преобразования, осуществленные в Вятском регионе в 1780–1810-х гг. Как известно, до последней четверти XVIII в. в основе системы административно-территориального деления страны лежала исторически сложившаяся система уездов. Однако в 1775–1802 гг. были проведены две крупные реформы, перестроившие административно-территориальное деление на качественно новых принципах – примерного равенства населения губерний и уездов и транспортной доступности административных центров для населения. Эти перемены во многом определили очертания социального устройства Российской империи на протяжении следующего столетия, и изменения в системе управления и социальном устройстве закономерно привлекают большое внимание исследователей. Однако та сторона преобразований, которая представлялась их авторам наиболее важной – полная перестройка системы административно-территориального деления страны, – известна намного меньше. На основе карт исследуемого времени (печатных, из атласов 1792 и 1800 гг., и рукописных, из коллекций БАН, ВФ, ОР РГБ, РГАДА) выполнена детальная реконструкция границ уездов для нескольких временных срезов, отражающих основные этапы реформы: в середине XVIII в., в 1792, 1800 и 1805–1806 гг.; эти карты являются самостоятельным результатом исследования. На основе их сопоставления выявлено перераспределение территорий между административными центрами. Выявлено также, что система территориальных связей в этом регионе в ходе реформы Екатерины II была изменена более решительно, чем в центральных регионах страны, причем новые границы были первоначально проведены без обследования ситуации на местности, в ряде случаев – в виде прямых линий на карте. Исправление неудобств, вызванных такой манерой проведения реформы, затянулось и было завершено уже в ходе административных реформ Павла I, которые, в отличие от большинства регионов, не были здесь отменены в первом десятилетии XIX в.

Ключевые слова: историческая картография, историческая география, губернская реформа 1775 г., губернская реформа Павла I, Вятская провинция, Вятское наместничество, Вятская губерния

На рубеже Средневековья и Нового времени большинство европейских государств столкнулись с необходимостью перестройки исторически сформировавшейся системы административного деления, которая плохо соответствовала новым моделям управления и социального

устройства. Однако в Западной Европе границы исторических провинций отличались большой стабильностью, а попытки правительств изменить их встречали серьезное сопротивление сословных организаций, определявших жизнь в каждой из них [Szántay]; в сущности, только во Франции в революционную эпоху старая система провинций была заменена вновь созданными департаментами, причем для критически настроенных современников новое разделение страны «таким варварским способом» воспринималось как одно из наиболее ярких проявлений деспотизма революционного правительства [Burke, p. 475; о дискуссиях, сопровождавших реформу, см.: Ozouf-Marignier], а проекты возвращения к дореволюционным провинциям периодически обсуждались во французском обществе вплоть до середины XX в.

На этом фоне большой интерес представляет серия крупных преобразований конца XVIII – начала XIX в. в России. Как известно, до последней четверти XVIII в. в основе системы административно-территориального деления страны лежала исторически сложившаяся система уездов, восходившая в центре страны еще к периоду складывания единого Российского государства, а на окраинах – ко времени их первоначального освоения. Однако в 1775–1802 гг. были проведены две крупные реформы, переорганизовавшие территорию страны на качественно новых принципах – примерного равенства населения губерний и уездов и транспортной доступности административных центров для населения.

Первая была начата «Учреждениями для управления губерниями» 1775 г. [ПСЗ-1, т. 20, № 14392, с. 229] и продолжалась до начала 1790-х гг. Она заменила старое трехуровневое деление (губерния – провинция – уезд) двухуровневым (наместничество – уезд)¹. При этом были радикально пересмотрены границы административных единиц низшего уровня, уездов (чего не случалось ранее), в центральных районах страны произошло сложное мозаичное перераспределение земель между старыми и новыми административными центрами.

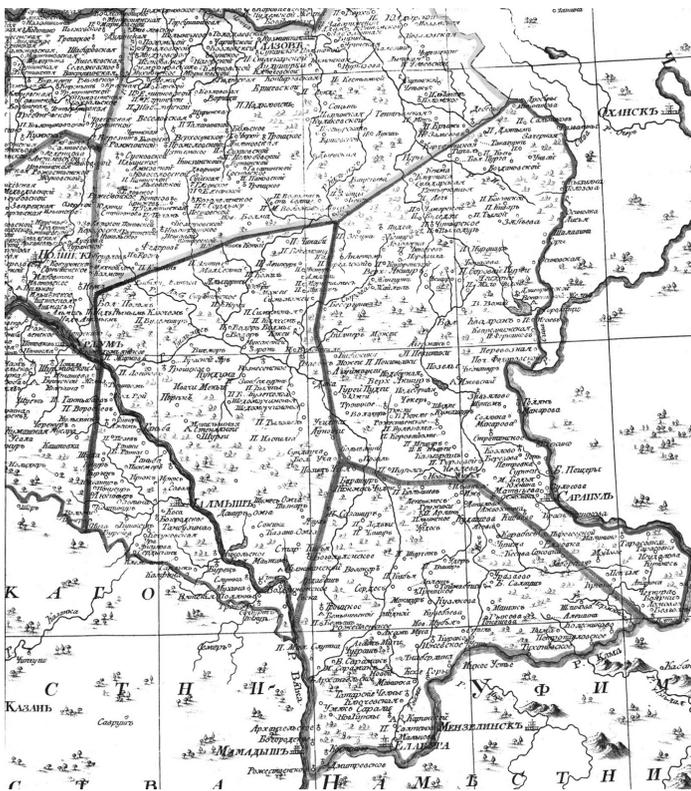
Вторая была проведена указом Павла I «О новом разделении государства на губернии» в 1796 г. [Там же, т. 24, № 17634, 12 дек. 1796 г., с. 229]. В 1796–1797 гг. было упразднено 143 уезда и несколько губерний (с этого времени в связи с упразднением поста наместника наименование «наместничество» вытесняется термином «губерния»). Реформа была отменена спустя шесть лет правительством пришедшего к власти Александра I, но возвращение к екатерининскому делению не было полным [Там же, т. 27, № 20245, 24 апр. 1802 г., с. 124].

---

¹ Встречающееся иногда в литературе мнение, что наместничества объединяли по несколько губерний, неверно. «Учреждения» определенно ставят между этими понятиями знак равенства: «наместничество или губерния». Екатерининские сановники часто занимали по нескольку наместнических постов, но это совмещение не означало объединения самих территориальных единиц; во всяком случае, как в законодательных, так и в картографических памятниках того времени наместничествами устойчиво именуются именно отдельные губернии. Следует также упомянуть, что в составе некоторых наместничеств предполагалось выделение «областей», однако этот промежуточный уровень присутствовал лишь на окраинах и в большинстве случаев был вскоре упразднен.

Таким сторонам этих перемен, как реформа местного управления, новое определение роли сословных институтов в обществе, создание множества новых городов, посвящена обширная литература [см.: Григорьев; Jones; Писарькова]. Однако та сторона преобразований, которая представлялась их авторам наиболее важной – полная перестройка системы административно-территориального деления страны – известна намного меньше. Изучение этого вопроса на материалах центра страны показало, что при этом происходило сложное мозаичное перераспределение территорий между административными центрами разных уровней, однако значительная часть границ сохранялась, а уезды, став в целом более компактными (в частности, практически полностью исчезли анклав), в то же время по-прежнему обладали весьма причудливыми очертаниями [Хитров, 2021].

Однако на многих картах «Атласа Российского» 1792 г., издание которого в известном смысле подводило итоги екатерининской реформы административного деления, административные границы выглядят как прямые или почти прямые линии, а уезды имеют практически правильные очертания (рис. 1). Очевидно, что такая граница могла

1. Границы юго-восточных уездов Вятского наместничества на карте из атласа 1792 г.

The boundaries of the southeastern uyezds of Vyatka Governorate on the map from the atlas of 1792

появиться только при проведении ее по карте без соответствующего разграничения на местности. В этом смысле создание нового деления напоминает определение новых границ на незаселенных территориях Нового Света, где границы иногда действительно проводились по карте: они возникали ранее, чем сеть поселений, транспортные коммуникации и система землевладения и, соответственно, сами становились важнейшим фактором их формирования [Stein]². Возникает вопрос, каким образом подобное разделение могло быть осуществлено на давно освоенной территории.

Реконструкция общей картины перемен, произошедших в этот период, масштабная задача, которая требует последовательного рассмотрения хода реформ в каждом из регионов страны, выявления общего и особенного в этих процессах. Настоящая статья посвящена административным преобразованиям последней четверти XVIII в. на территории одного из тех наместничеств, границы уездов которых в атласе 1792 г. предстают как прямые линии, - Вятского (в пределах конца XVIII – начала XIX в.), которые не менялись ни в павловские годы, ни впоследствии. Расположенный на северо-востоке Европейской части страны, в бассейнах Вятки и верхней Камы, этот обширный регион отличался небольшой плотностью населения (менее 2 чел./км²), подавляющую часть которого составляли государственные и ясачные крестьяне. Его северная часть, древняя Вятская земля, была освоена выходцами из Новгорода еще в раннем Средневековье; южная, как мы увидим, исторически была теснее связана с Казанью, Средним Поволжьем.

Источники и методы исследования

Исследование пространственных аспектов реформы требует обращения к картографическим памятникам той эпохи. Для анализа нам понадобятся карты, отражающие административное деление исследуемого региона на четырех временных срезах: до открытия наместничества, после реализации екатерининских преобразований, в конце павловского царствования и после отмены большей части павловских реформ. Важно, чтобы они отражали состав уездов, причем с той полнотой, которая позволит уверенно отделить те случаи, когда произошло изменение границы, от тех, когда расхождение на картах обусловлено неточностями самих этих карт.

Административное деление края до екатерининской реформы отражает серия ландкарт Казанской губернии (до реформы эти земли относились к Вятской провинции, а также включали территории Казанской, Свияжской и Уфимской провинций), созданных в начале 1730-х гг. Несколько экземпляров по Вятской провинции сохрани-

---

² Стоит отметить, что история возникновения этих линий, в значительной степени определивших дальнейшее развитие прилегающих территорий, вызывает в США большой общественный интерес – об этом, в частности, говорит снятый по упомянутой книге Марка Стейна популярный телесериал (“How the States Got Their Shapes”, History Channel, A&E Networks, 2010–2012).

лось в составе картографической коллекции НИОР БАН [НИОР БАН. Картографическая коллекция Географического департамента. Оп. 1. Ед. хр. 558–564] (последняя использована в качестве основной для реконструкции); на всех этих картах отражены итоги работ 1723–1731 гг. Северные части Казанской и Свияжской провинций отражены на двух франкоязычных картах из коллекции Ж.-Н. Делиля, датируемых концом 1720-х гг. [BNF. GE BB-124 (135, 136RES)].

Как известно, точность русских карт первой половины – середины XVIII в. невелика; это обусловлено как несовершенством математического аппарата, так и ограниченным объемом проведенных на тот момент полевых измерений [Постников, с. 38]. Многие объекты (прежде всего речная сеть и поселения) наносились на основе опросов местного населения. Разумеется, при этом неизбежны были существенные искажения: при соотнесении таких карт с более поздними очень часто выясняется, что направление течения рек указано неверно, порядок поселений, стоявших вдоль реки или дороги, перепутан, крупные реки, на которых не было населенных пунктов, пропущены и т. п.

Границы в ходе этих работ не обмерялись специально и наносились на карту приблизительно: отобразив на карте объекты «своего» уезда, геодезист обводил их общей линией. Это не значит, что границы уездов как таковые не существовали ранее – их определяли хозяйственные ареалы смежных поселений, и местное население, естественно, хорошо представляло себе, где проходят соответствующие межи, которые в староосвоенных районах зачастую сложились еще в Средневековье; в распоряжении составителей карт, однако, этих данных не было.

Для двух следующих хронологических срезов – «екатерининского» и «павловского» – имеются карты из печатных атласов 1792 и 1800 гг. [Российский атлас, 1792, л. 14; Российский атлас, 1800, л. 29]. Степень их подробности несколько ниже, чем у ландкарт 1730-х гг., и, видимо, некоторые мелкие поселения на них отсутствуют, однако они все-таки обладают необходимой степенью подробности, чтобы выполнить с их помощью детальную реконструкцию происходивших изменений.

Четвертому хронологическому срезу – середине 1800-х гг. – соответствуют три рукописные карты губернии [ОР РГБ. KGR Ко 111/I-22; KGR Ко 111/I-34; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 54]. Детализированные очертания границ (особенно в населенных районах) говорят о том, что их отображение было результатом полевых работ по размежеванию, а качество съемки достаточно высоко, чтобы воспользоваться инструментами привязки. В картографии того времени такие карты именовались «геометрическими» – то есть в исходном значении этого слова «землемерными». Сверка трех карт показывает, что отраженное на них деление совпадает; в нашей реконструкции использована карта РГИА.

Использование ГИС³ позволяет совместить исторические карты с современными (этот процесс называется привязкой), перенести

³ В нашей работе использовалась свободно распространяемая программа [QGIS].

информацию с них (в частности, очертания границ) на современную основу, а затем сопоставить разновременные данные. Поскольку целью исследования является именно сопоставление разновременных картографических слоев, имеет смысл взять за основу наиболее позднюю и точную из карт – ту, которая соответствует хронологическому срезу середины 1800-х гг. Карты, относящиеся к остальным хронологическим срезам, создаются на основе ее разбивки и перекомпоновки. Поскольку изображение границ на более ранних картах может быть очень условным, а принадлежность того или иного поселения устанавливается вполне точно, то, если граница до и после реформы разделяет одни и те же поселения, она и сама считается идентичной. Таким образом, создание карт происходило в обратном хронологическом порядке. Их анализ, однако, следует проводить хронологически.

Дореформенное административное устройство края и определение границ Вятского наместничества

В общих чертах механизм перестройки границ предстает сегодня перед нами в следующем виде. Сперва был создан общий, очень условный проект нового разделения государства [Хитров, 2019]. Затем назначался наместник. Ему предлагалось объехать территории будущего наместничества (которые определялись в указе приблизительно, по числу душ разных провинций и уездов, которые должны были войти в его состав) и подготовить свои предложения о составе новых административных единиц и о создании недостающих городских центров. На основании отчетов этих наместников спустя несколько месяцев издавались указы об открытии наместничеств.

Вятское наместничество было открыто А. А. Ступишиным в соответствии с указом от 11 сентября 1780 г. [ПСЗ-1, т. 20, № 15058, 11 сент. 1780 г., с. 986]. Его основу составили земли шести уездов Вятской провинции Казанской губернии. Пять старых уездных центров из этих шести должны были сохранить свой статус: это Вятка (Хлынов), Слободской, Кайгородок, Котельнич, Орлов; только Шестаков, уезд которого составлял менее тысячи душ и который был со всех сторон окружен землями Слободского уезда, должен был окончательно утратить городской статус.

Однако провинция была слишком мала для того, чтобы сформировать из нее наместничество (согласно «Учреждениям», в наместничестве должно было быть от 300 до 400 тыс. душ м. п., а в Вятской провинции, по данным третьей ревизии, насчитывалось только 183 тыс.) [Переписи населения России, вып. 3, с. 195–205]. Соответственно, новому наместничеству был передан ряд территорий соседних провинций Казанской губернии – Казанской и Свияжской. Из первой к Вятскому наместничеству был причислен Уржум, из второй – Царевосанчурск и Яранск. Кроме того, указ предполагал передачу намест-

ничеству ряда территорий других уездов – «от Казанской губернии из Казанского уезда до 109 000 душ, из Кузьмодемьянского до 40 душ, из Царевококшайского до 1000 душ, из Оренбургской губернии от Оренбургского уезда до 20 душ, да из Уфимского уезда до 3000 душ, також и селения Башкирские, кои найдутся внутри сея отделяемые части». Назначение границ традиционно было оставлено «на соглашение генерал-губернаторов и правящих ту должность» [ПСЗ-1, т. 20, № 15058, 11 сент. 1780 г., с. 986].

Попробуем соотнести замысел реформы с его воплощением «на местности», как оно оформилось к 1792 г. (рис. 2).

2. Административное деление Вятского региона в середине XVIII в. и формирование границ наместничества⁴

Administrative division of Vyatka Region in the mid-18th century and the formation of the boundaries of the vicegerency

Обмена территориями с соседними Вологодским (указ о его открытии был издан на несколько месяцев ранее, 25 января 1780 г.) и Пермским (оно будет открыто чуть позже, 27 января 1781 г.) наместничествами не предполагалось, и, как показывает карта, его действительно не было – границы наместничества на севере и на востоке совпали с границами провинции.

На западе, где граница проходила по территории Свияжской провинции, картина была более сложной. Как мы видим, в состав наместничества действительно перешли северная половина Царевококшайского уезда и небольшой участок Кузьмодемьянского с с. Кумья (46.204; 56.938). В то же время Яранский и Царевосанчур-

⁴ Публикуемые здесь и далее карты созданы автором статьи.

ский уезды вошли в состав нового наместничества не полностью. В указе об открытии Нижегородского наместничества говорилось о передаче ему ряда территорий Свияжской провинции: «от Санчурского до 100... душ» [ПСЗ-1, т. 20, № 14908, 5 сент. 1779 г., с. 859]. Как видно на карте, Санчурский уезд упомянут по ошибке – речь, видимо, идет о частях Царевосанчурского уезда, отошедших к Васильсурскому, Варнавинскому и Ветлужскому уездам. При этом в указах об открытии наместничеств ничего не сказано о том, что к Нижегородскому наместничеству отошла также и часть Яранского уезда, причем этот выступ Ветлужского уезда разрезал территорию дореформенного Яранского уезда на две части. Нет и упоминания о том, что небольшой участок Царевосанчурского уезда остался в Казанском наместничестве.

От Казанской провинции, согласно указу, к Вятскому наместничеству отошли обширные территории – полностью Уржумский уезд и значительная северная часть Казанского; смежные земли этого уезда на тот момент оставались в Казанской провинции и при открытии Казанского и Пермского наместничеств перешли к ним [Там же, т. 21, № 15241, 28 сент. 1781 г., с. 276].

Наконец, упомянутая в указе часть Уфимского уезда локализуется на правом берегу Камы южнее г. Сарапула – граница наместничества прошла по Каме, и в его составе оказался этот небольшой закамский участок уфимских владений [Оренбургская губерния, л. 5; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 228]. Не получается локализовать место проживания 20 душ Оренбургского уезда, упоминаемых в указе, но, вероятно, и они находились где-то на этой территории.

Таким образом, процесс составления нового наместничества был более сложным, чем он выглядит в законодательстве.

Формирование границ новых уездов

Как мы видели, на территории формировавшегося наместничества оказалось девять старых уездных центров: шесть из них принадлежали к Вятской провинции (Хлынов, Орлов, Котельнич, Слободской, Кай и Шестаков), два – к Свияжской (Царевосанчурск и Яранск), и один – к Казанской (Уржум). В Вятской провинции только один уезд, Котельнический, соответствовал указной норме в 20–30 тыс. душ м. п. (табл. 1) [Переписи населения России, вып. 3, с. 205]. Обширный и довольно густонаселенный Хлыновский уезд превосходил ее более чем втрое, а Слободской – почти вдвое. Одновременно Орловский был на треть меньше нижней нормы, а Кайгородский, и особенно Шестаковский, по численности населения скорее напоминали станы или волости, чем уезды. Существенно ниже 20-тысячной нормы было и население переданных от смежных провинций Уржумского, Царевосанчурского и Яранского уездов, причем два последних вошли в состав наместничества не полностью.

Таблица 1

Численность населения по III ревизии, душ м. п.

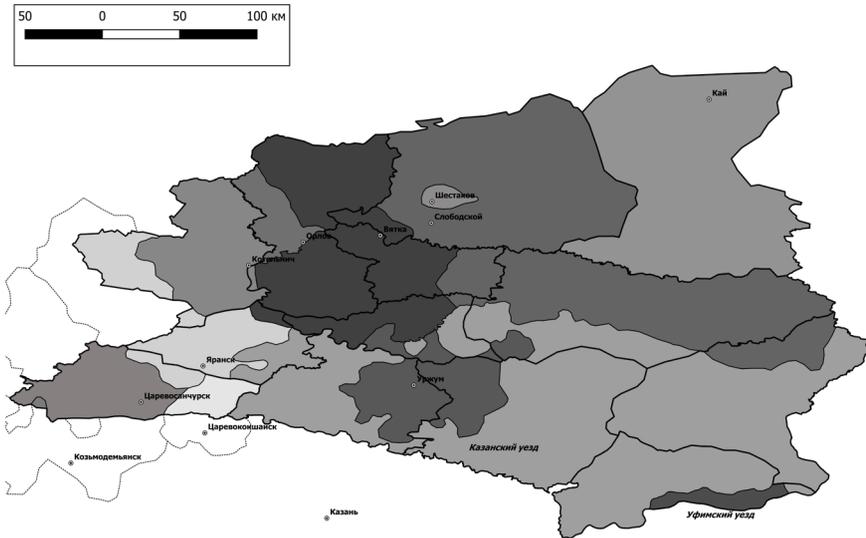
Уезд	Население	Уезд	Население
Хлыновский	93180	Шестаковский	755
Слободской	47362	Уржумский	12029
Котельничский	24343	Царевосанчурский	8017
Орловский	13855	Яранский	8778
Кайгородский	3780		

В то же время, как мы видели, в состав наместничества были переданы территории с населением в 113 040 душ от смежных уездов, прежде всего Казанского, но на этих территориях не было уездных центров (Малмыж в разных источниках именовался то городом, то пригородом, однако своего уезда у него не было). Таким образом, состав уездов должен был сильно измениться.

Однако, обозначив перечень новых уездов, правительство оставило проведение границ между ними на будущее – это должно было произойти уже после открытия новых учреждений. В частности, указ от 19 мая 1781 г. обращал внимание наместников и губернаторов на необходимость исполнить ранее данные указы и приложить «всемерное старание к скорейшему и верному положению границ губернских и уездных». Это следовало сделать «сообразно по возможности первоначально данным примерным картам и разделениям» [ПСЗ-1, т. 21, № 15160, 9 мая 1781 г., с. 124]. В нескольких диссертациях последних лет были исследованы отложившиеся в фондах наместнических правлений дела о подобных пограничных размежеваниях [Хохолев, с. 47–56; Шевченко, с. 64–79]. Из них становится ясно, что размежевание наместничеств в целом было осуществлено довольно оперативно и закончилось к первой половине 1780-х гг., работы же над определением границ уездов часто затягивались.

Их быстрому окончанию мог препятствовать целый ряд факторов. Прежде всего речь идет о самом объеме работ – если в центре страны в силу более высокой плотности населения территории уездов были компактными, то на окраинах они иногда были сопоставимы с целыми европейскими странами. Затем имело значение, наследовались ли границы от старой системы административного деления или проводились заново. Наконец, очевидно, что для того, чтобы получившееся разделение было удобным, наместники должны были иметь в своем распоряжении подробные и точные карты. Такие карты должны были быть составлены в ходе Генерального межевания, начавшегося в 1765 г., однако межевание шло постепенно и довольно медленно, распространяясь от центральных районов страны к окраинам. На Вятке Генеральное межевание начинается после перевода сюда Казанской межевой конторы в 1804 г. [Рудин, с. 204–205], то есть уже после того,

как преобразования были завершены. Соответственно, администрации приходилось работать с несовершенными картами более раннего времени или даже вовсе обходиться без них. Картина этих перемен представлена на рис. 3 (цветом показаны дореформенные уезды, жирными линиями – границы вновь созданных).

3. Перестройка уездных границ при открытии наместничества в 1780 г.
Restructuring of uyezd borders during the opening of the governorship in 1780

Как мы видим, перемены были весьма значительны. Из старых уездов только один, Кайгородский, сохранился в первоначальном виде, и еще один, Орловский, сохранил свою изначальную территорию и был расширен. Все остальные были разрезаны новыми границами.

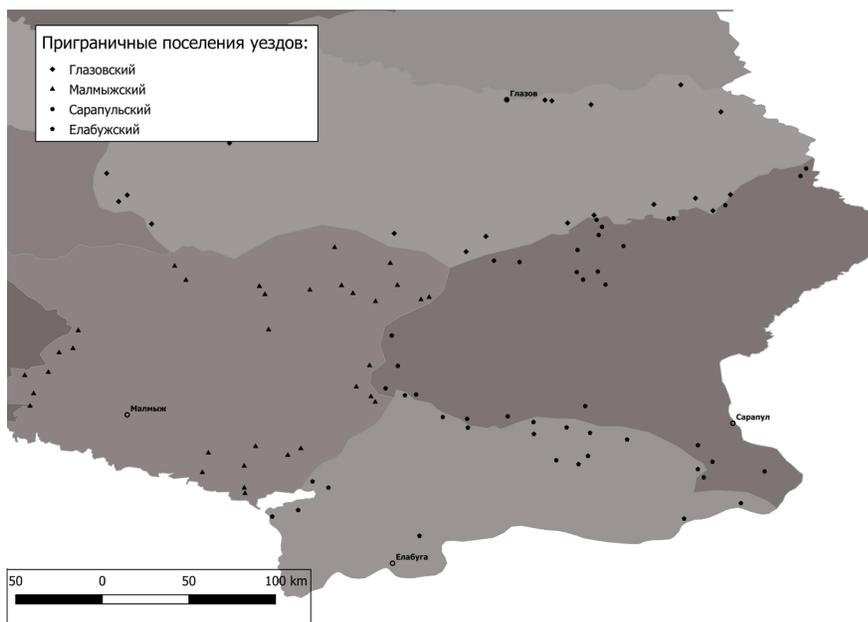
В южной и восточной частях наместничества возникло четыре новых города: Сарапул и Елабуга – на землях старого Казанского уезда, Глазов – Слободского, и Нолинск – Хлыновского на границе с Казанским; кроме того, центром уезда стал Малмыж, который ранее считался пригородом Казани. Новые уезды, как мы видим, тоже имели довольно сложный состав: помимо не затронутого реформой Кайгородского, из остальных 12 в состав шести вошли земли двух дореформенных, еще четыре были составлены из территорий трех, наконец, два, Нолинский и Царевосанчурский, включили участки четырех.

В итоге численность населения уездов получилось существенно уравнивать [Переписи населения России, вып. 4, с. 53–54]. Хотя из 13 уездов только шесть соответствовали предписанной «Учреждени-

ям» норме, диспропорции, подобной той, что существовала до реформы, когда Хлыновский уезд по численности населения лишь незначительно уступал всем остальным уездам своей провинции, больше не было: еще шесть уездов превышали указную норму, но не более чем в полтора раза, и только отдаленный приполярный Кайгородский уезд уступал ей: очевидно, было принято решение сохранить для этого района особую администрацию.

Стоит особенно отметить, что проведенное перераспределение территорий практически игнорировало старые границы: если оставить в стороне неизменные границы Кайгородского уезда, они сохранились преимущественно в тех местах, где проходили по рекам либо по незаселенным водоразделам, то есть там, где их расположение предопределялось самой природой. Таким образом, система уездных границ в Вятском регионе была в ходе реформы стерта и создана практически заново.

Имея в виду подобные работы по другим регионам [см., например: Хитров, 2021], мы можем утверждать, что такая ситуация не может считаться типичной. Как правило, речь шла о разделении старых уездов на большое количество больших и маленьких участков и о передаче этих участков от одних центров к другим, но при такой сложной «пересборке» этой мозаичной картины значительная часть границ продолжала существовать, а территориальные связи были более устойчивыми.

4. Фактическое разграничение юго-восточных уездов Вятского наместничества в соответствии с картой 1792 г.

The actual delimitation of the southeastern uyezds of Vятka Governorate in accordance with the map of 1792

Сказанное позволяет сделать важный шаг к объяснению «парадокса прямых линий» на карте 1792 г. Дело в том, что карты, на основании которых производилось новое разделение территории, отражали реальную сеть поселений довольно приблизительно. Проведенная на такой карте прямая линия разделяла поселения, которые на самом деле образовывали довольно сложную конфигурацию. Кроме того, у пограничных сел уже были сформированные ареалы землепользования, которые, естественно, также не принимали во внимание существовавшую только на бумаге границу. Причудливо изрезанные границы «новых» уездов, которые мы видим на рис. 3, являются результатом нашей исследовательской реконструкции – как было описано выше, они отрисованы при помощи локализации пограничных поселений.

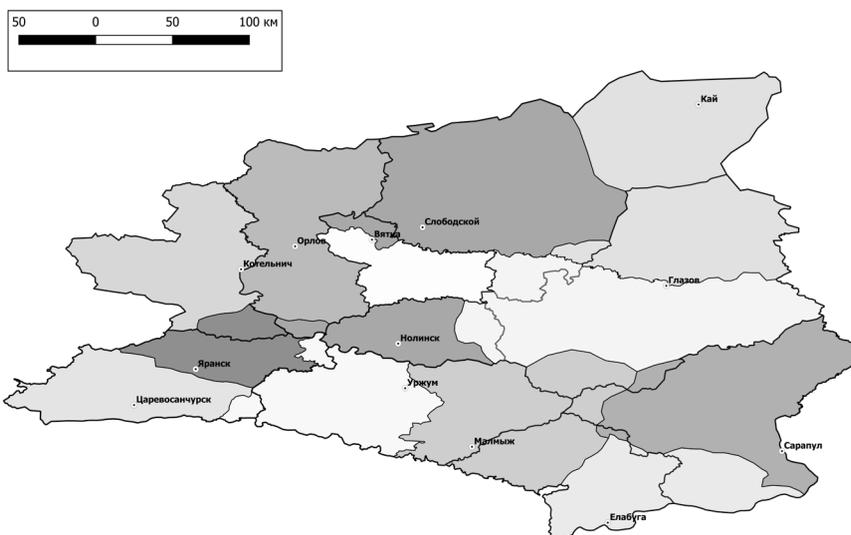
На рис. 4 отмечены локализованные приграничные поселения для той же территории, которая изображена на рис. 1; хорошо видно, что линии, разделявшие их, не могли иметь столь простую форму, как в атласе. Очевидно, речь идет о том, что в Вятском наместничестве процесс установления уездных границ оставался к этому времени незавершенным. Конечно, проведенное чисто механически разграничение не могло не породить множества неудобств, однако времени для их корректировки уже не было: царствование Екатерины заканчивалось, а наследник престола обдумывал новую крупную административную реформу.

Административные преобразования конца XVIII – первого десятилетия XIX в.

В литературе прочно установилось мнение, что изменения в административном устройстве страны, предпринятые в павловские годы, были полностью отменены в 1804 г. Для Вятской губернии это, однако, не так. Сопоставление карты из атласа 1800 г. и карт 1806–1807 гг. показывает их точное и полное совпадение. Правда, в 1802 г. при восстановлении длинного ряда в павловское время уездов и оставленных за штатом городов в Вятской губернии планировалось восстановить Малмыжский уезд [ПСЗ-1, т. 27, № 20245, 24 апр. 1802 г., с. 124]; однако позже в том же году было решено отказаться от этого «по описанным от губернатора неудобствам» [Там же, № 20410, 8 сент. 1802 г., с. 250–251]. Таким образом, на Вятке павловская реформа отменена не была.

Посмотрим, насколько серьезной была перестройка границ в павловское время. Она плохо отражена в законодательстве: при новом разделении страны на губернии при Павле I специальных распоряжений о Вятской губернии не было [Там же, т. 24, № 17634, 12 дек. 1796 г., с. 229], она упомянута в числе сохранявшихся. Границы павловской губернии действительно совпадали с границами екатерининского наместничества. На уездном уровне, однако, произошли серьезные перемены. Их картина представлена на рис. 5:

заливкой показаны «екатерининские» границы, а толстыми линиями – «павловские».

5. Изменения границ уездов в ходе павловской реформы
Changes in the borders of uyezds during the Pavlovian reform

Прежде всего число уездов сократилось: были ликвидированы Царевосанчурский, Малмыжский и Кайгородский. Однако, как мы видим, изменения отнюдь не сводятся к разделу их территорий между смежными уездами, как это часто бывало в других регионах. Наглядно представить себе этот процесс можно с помощью рис. 6, на котором показан процесс перераспределения территорий.

Как мы видим, изменения были весьма существенными: они затронули 36 % территории, причем в целом ряде уездов вновь полученные территории были сопоставимы по размерам с теми, что были в их округах ранее. Можно заметить вполне определенную закономерность: уезды, в состав которых вошли обширные части трех ликвидированных (Яранский, Уржумский, Елабужский, Сарапульский, Глазовский, Слободской), одновременно передавали участки своих территорий другим, не граничившим с упраздняемыми (Котельничскому, Орловскому, Вятскому, Нолинскому); в итоге ни один уезд не сохранился в прежних границах.

Если на северо-западе речь шла о перераспределении относительно небольших участков территории, то в южной и восточной частях губернии мы наблюдаем еще одно радикальное изменение границ. Стоит обратить внимание на участок границы между Елабужским и Сарапульским уездами (между 52.06; 56.60 и 52.79; 56.39): хотя «старая» и «новая» границы идут почти параллельно, вторая не по-

6. Перераспределение территорий в ходе павловской реформы
Redistribution of territories during the Pavlovian reform

вторяет первую, причем одни поселения были переданы от Сарапула Елабуге, а другие – наоборот. Кроме того, некоторые территории в соответствии с новым делением «вернулись» к тем центрам, от которых они были отписаны в ходе екатерининской реформы: к Вятке снова стала относиться территория напротив губернского города, на правом берегу р. Вятки, в ведомство Слободского вернулась часть территорий по левому берегу Чепцы, ранее отошедших к Глазовскому уезду, а в ведомство Уржума из состава упраздненного Малмыжского уезда – восточная часть его дореформенного уезда.

Основное же отличие «павловского» деления от «екатерининского», как оно предстает через призму картографии того времени, состоит в том, что границы, представленные в атласе 1800 г. и на «геометрических» картах 1805–1806 гг., перестают быть условными прямыми линиями и начинают воспроизводить реальные причудливые очертания владений размежеванных поселений. Это, видимо, говорит о том, что к указанному времени работа по определению границ на местности была наконец выполнена.

* * *

Проведение административных реформ на Вятке существенно отличалось от подобных преобразований в центральной части страны. В этом северном приуральском регионе стремление правительства сохранить существующие территориальные связи просматривается

значительно слабее. На обширной части территории наместничества в 1780 г. новые границы были определены как прямые линии, прочерченные по карте, естественно, без всякого учета местных условий и удобства такого деления для жителей. Более того, сами эти карты, на основании которых было осуществлено новое разделение, были неточны и неверно определяли положение многих пограничных поселений, так что разделявшие их линии «на местности» отнюдь не были прямыми.

Внешне такая манера проведения реформы напоминает определение границ на слабозаселенных территориях Северной Америки и не находит параллели даже во Франции, где определение границ департаментов стало результатом долгой политической борьбы (не говоря уже о других европейских странах, где попытки подобных преобразований вообще, как было сказано выше, потерпели неудачу). В то же время наше исследование показало, что «по карте» определялись только общие, примерные очертания новых административных единиц; их фактическое размежевание учитывало множество местных факторов – землепользование приграничных поселений, удобство коммуникаций и др.

Неудивительно, что работа по фактической демаркации новых границ сильно затянулась. В 1796 г. «екатерининское» административное деление было сильно изменено, причем при проведении новых границ администрация, видимо, учла выявившиеся за прошедшие полтора десятилетия неудобства прежних границ и осуществила фактическое размежевание новых. Поэтому изменения, произведенные в павловское время, на Вятке не были отменены при начале следующего царствования. Таким образом, в случае Вятки есть основания говорить не об одномоментной реформе, а о целом протяженном периоде перестройки системы административно-территориального деления.

Библиографические ссылки

Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб. : Рус. скоропечатня, 1910. 387 с.

НИОР БАН. Картографическая коллекция Географического департамента. Оп. 1. Ед. хр. 558–564.

Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Крайильникова и «Топографии» П. И. Рычкова. Оренбург : Оренбург. отд-ние РГО, 1880. 28 л.

ОР РГБ : [сайт]. KGR Ko 111/I-22. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008771847> (дата обращения: 20.03.2023); KGR Ko 111/I-34. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008772649> (дата обращения: 20.03.2023).

Переписи населения России : Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858) : в 12 вып. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М. : Ин-т истории СССР, 1972.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М. : РОССПЭН, 2007. 742 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 20, 21, 24, 27.

Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М. : Наука, 1989. 227 с.

Российский Атлас, из 43 карт состоящий и на 41 губернию империю разделяющий. СПб. : Геогр. департамент, 1800. 43 л.

Российский Атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю раз-
деляющий. СПб. : Горн. уч-ще, 1792. 76 л.

РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 54, 228.

Рудин С. Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России
за 150 лет. 1765–1915. Пг. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. 547 с.

Хитров Д. А. Из истории проведения губернской реформы Екатерины II: «при-
мерные расписания» к картам наместничеств // Сборник статей по русской истории
в честь А. И. Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М. : Древлехранилище,
2019. С. 311–341.

Хитров Д. А. Реформа административного деления Екатерины II в Московском
регионе // Cahiers du Monde Russe. 2021. Vol. 62. № 1–2. P. 133–152. DOI 10.4000/
monderusse.12380.

Хохлов Д. Е. Управление Пермским наместничеством (1780–1796 гг.) : дис. ...
канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2003. 169 с.

Шевченко Е. А. История Воронежского наместничества (1779–1796 гг.) : дис. ...
канд. ист. наук. Воронеж : [Б. и.], 2009. 452 с.

BNF : [website]. GE BB-124 (135RES). URL: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/
btv1b55003160k/f1.item.r](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003160k/f1.item.r) (accessed: 20.03.2023); GE BB-124 (136RES). URL: [https://
gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55002988p/f1.item.r](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55002988p/f1.item.r) (accessed: 20.03.2023).

Burke R. The Works of the Right Honorable Edmund Burke : in 12 vols. L. :
J. C. Nimmo, 1887. Vol. 3. 296 p.

Jones R. E. Provincial Development of Russia. N. Brunswick ; N. J. : Rutgers Univ.
Press, 1984. 255 p.

Ozouf-Marignier M.-V. La formation des départements. La représentation du territoire
français à la fin du 18e siècle. 2e éd. Paris : Éd. de l'Ehess, 1992. 363 p.

Stein M. How the States Got Their Shapes. N. Y. : Harper Collins, 2008. 352 p.

Szántay A. Regionalpolitik im alten Europa, Die Verwaltungsreformen Josephs II.
in Ungarn, in der Lombardei und in den österreichischen Niederlanden 1785–1790. Budapest :
Akadémiai Kiadó, 2005. 490 S.

QGIS : A Free and Open Source Geographic Information System : [website]. URL:
<https://www.qgis.org> (accessed: 20.03.2023).

References

Beskrovnyi, L. G. (Ed.). (1972). *Perepisi naseleniya Rossii. Itogovyie materialy podvornykh perepisei i revizii naseleniya Rossii (1646–1858) v 12 vyp.* [Russian Population Censuses. Final Materials of Household Censuses and Inspections of the Population of Russia. 12 Iss.]. Moscow, Institut istorii SSSR.

BNF [website]. GE BB-124 (135RES). URL: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/
btv1b55003160k/f1.item.r](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003160k/f1.item.r) (accessed: 20.03.2023); GE BB-124 (136RES). URL: [https://
gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55002988p/f1.item.r](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55002988p/f1.item.r) (accessed: 20.03.2023).

Burke, R. (1887). *The Works of the Right Honorable Edmund Burke in 12 vols.* L.,
J. C. Nimmo. Vol. 3. 296 p.

Grigor'ev, V. A. (1910). *Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II* [The Reform of Local Administration during the Reign of Catherine II]. St Petersburg, Russkaya skoropechatnya. 387 p.

Jones, R. E. (1984). *Provincial Development of Russia*. N. Brunswick, N. J., Rutgers Univ. Press. 255 p.

Khitrov, D. A. (2019). Iz istorii provedeniya gubernskoi reformy Ekateriny II: “primernye raspisaniya” k kartam namestnichestv [From the History of the Provincial Reform of Catherine II: The “Approximate Explications” to the Maps of Governorships]. In *Sbornik statei po russkoi istorii v chest' A. I. Gamayunova k ego 60-letiyu ot druzei i kolleg.* Moscow, Drevlekhраниlishche, pp. 311–341.

Khitrov, D. A. (2021). Reforma administrativnogo deleniya Ekateriny II v Moskovskom regione [The Reform of the Administrative Division of Catherine II in Moscow Region]. In *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 62. No. 1–2, pp. 133–152. DOI 10.4000/monderusse.12380.

Khokholev, D. E. (2003). *Upravlenie Permskim namestnichestvom (1780–1796 gg.)* [Management of Perm Governorship (1780–1796)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 169 p.

NIOR BAN [Research Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences]. Kartograficheskaya kolleksiya Geograficheskogo departamenta. List 1. № 558–564.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. KGR Ko 111/I-22. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008771847> (accessed: 20.03.2023); KGR Ko 111/I-34. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008772649> (accessed: 20.03.2023).

Orenburgskaya guberniya s prilezhashchimi k nei mestami po "Landkartam" Krasil'nikova i "Topografii" P. I. Rychkova (1880) [Orenburg Gubernia and the Neighbouring Territories in the *Land Maps* by Krasilnikov and P. I. Rychkov's *Topography*]. Orenburg, Orenburgskoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva. 28 p.

Ozouf-Marignier, M.-V. (1992). *La formation des départements. La représentation du territoire français à la fin du 18e siècle*. 2e éd. Paris, Éd. de l'Ehess. 363 p.

Pisar'kova, L. F. (2007). *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolyutsiya byurokraticheskoi sistemy* [State Administration of Russia from the Late 17th to the Late 18th Centuries. The Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, ROSSPEN. 742 p.

Postnikov, A. V. (1989). *Razvitie krupnomasshtabnoi kartografii v Rossii* [The Development of Large-Scale Cartography in Russia]. Moscow, Nauka. 227 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 20, 21, 24, 27.

QGIS. A Free and Open Source Geographic Information System [website]. URL: <https://www.qgis.org> (accessed: 20.03.2023).

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1399. List 1. Dos. 54, 228.

Rossiiskii Atlas, iz 43 kart sostoyashchii i na 41 guberniyu imperiyu razdelyayushchii [The Russian Atlas Consisting of 43 Maps and Dividing the Empire into 41 Provinces]. (1800). St Petersburg, Geograficheskii departament. 43 p.

Rossiiskii Atlas, iz 44 kart sostoyashchii i na 42 namestnichestva imperiyu razdelyayushchii [The Russian Atlas Consisting of 44 Maps and Dividing the Empire into 42 Governorships]. (1792). St Petersburg, Gornoe uchilishche. 76 p.

Rudin, S. D. (1915). *Mezhevoe zakonodatel'stvo i deyatel'nost' mezhevoi chasti v Rossii za 150 let. 1765–1915* [Survey Legislation and the Activity of the Survey Department in Russia over 150 Years. 1765–1915]. Petrograd, Tipografiya V. F. Kirshbauma. 547 p.

Shevchenko, E. A. (2009). *Istoriya Voronezhskogo namestnichestva (1779–1796 gg.)* [The History of Voronezh Governorship (1779–1796)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, S. n. 452 p.

Stein, M. (2008). *How the States Got Their Shapes*. N. Y., Harper Collins. 352 p.

Szántay, A. (2005). *Regionalpolitik im alten Europa, Die Verwaltungsreformen Josephs II. in Ungarn, in der Lombardei und in den österreichischen Niederlanden 1785–1790*. Budapest, Akadémiai Kiadó. 490 S.

The article was submitted on 19.12.2021

Проекты административных реформ М. М. Сперанского в сравнительной ретроспективе царствований Александра Первого и Николая Первого*

Татьяна Андреева

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

M. M. Speransky's Administrative Reform Projects in a Comparative Retrospective of the Reigns of Alexander I and Nicholas I**

Tatyana Andreeva

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article studies the reforms and reformist searches in the sphere of public administration during the reign of Alexander I and the beginning of the reign of Nicholas I, the successive and distinctive features of the government reform policy in the context of the project activity of M. M. Speransky. The author focuses on determining the reasons for the actualization of transformations in the system of the higher and central apparatus between 1802 and the early 1830s, analysing the specifics of the modernization process in different periods of the institutional development of Russia, identifying similarities and differences in the “administrative structure” of Alexander I and Nicholas I. It has been established that, in general, the official reformation in the field of public administration in the first third of the nineteenth century, based on the theoretical and conceptual framework developed by M. M. Speransky, was consistent, systemic, and

---

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 23–28–00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия».

** *Citation:* Andreeva, T. (2023). M. M. Speransky's Administrative Reform Projects in a Comparative Retrospective of the Reigns of Alexander I and Nicholas I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 880–898. DOI 10.15826/qr.2023.3.824.

Цитирование: Andreeva T. M. M. Speransky's Administrative Reform Projects in a Comparative Retrospective of the Reigns of Alexander I and Nicholas I // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 880–898. DOI 10.15826/qr.2023.3.824 / Андреева Т. Проекты административных реформ М. М. Сперанского в сравнительной ретроспективе царствований Александра Первого и Николая Первого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 880–898. DOI 10.15826/qr.2023.3.824.

interconnected and was an integral part of the modernization of Russian statehood. The author demonstrates that the transformational searches of the beginning of the reign of Nicholas I reflected in the activities of the Committee on December 6, 1826, and being a logical continuation of the reforms of Alexander I, were aimed at creating an effective, unified, and rationalized management system of absolutism of the New Age. The administrative transformations of the two epochs were subject to legislative reform and were an integral part of two models of relations between the government and society, Alexander and Nicholas, respectively.

Keywords: history of Russia in the first third of the 19th century, Alexander I, Nicholas I, M. M. Speransky, public administration, modernization, power, society, reforms, administrative elite

Предмет данного исследования – реформы и реформаторские поиски в сфере государственного управления в царствование Александра I и в начале правления Николая I, преемственные и отличительные черты правительственной преобразовательной политики в контексте проективной деятельности М. М. Сперанского. Особое внимание уделено определению причин актуализации преобразований в системе высшего и центрального аппарата в 1802 – начале 1830-х гг., анализу специфики модернизационного процесса в разные периоды институционального развития России, выявлению сходств и различий «административных конструкций» Александра I и Николая I. Установлено, что в целом официальное реформаторство в сфере государственного управления первой трети XIX в., базирующееся на теоретико-концептуальной основе, разработанной М. М. Сперанским, носило последовательный, системный и взаимосвязанный характер и являлось составной частью модернизации российской государственности. Показано, что преобразовательные поиски начала царствования Николая I, нашедшие отражение в деятельности Комитета 6 декабря 1826 г., являя собой логическое продолжение реформ Александра I, были направлены на создание усовершенствованной управленческой системы абсолютизма Нового времени. Административные преобразования двух эпох подчинялись законодательной реформе и являлись составной частью двух моделей взаимоотношений власти и общества – александровской и николаевской.

Ключевые слова: история России первой трети XIX в., Александр I, Николай I, М. М. Сперанский, государственное управление, модернизация, власть, общество, реформы, управленческая элита

Первая треть XIX столетия в России прошла под знаком осуществленных или не состоявшихся преобразований в организации и функционировании государственной власти, постоянных поисков эффективного инструментария модернизации страны. Важнейшим из них определялось формирование рационализированной и унифицированной системы государственного управления Нового време-

ни, включавшей органы высшего, центрального и местного уровня. Теоретико-концептуальная основа совершенствования административного строя Российской империи была разработана М. М. Сперанским, программные записки которого 1802 – начала 1830-х гг., востребованные властью, определили правительственную преобразовательную политику двух царствований.

Несмотря на обилие работ о Сперанском, вышедших в конце XX – начале XXI в., в науке по-прежнему нет полного и четкого представления о его роли в развитии Российского государства, о значении преобразовательных проектов реформатора всего периода проективного творчества. Современные исследования продолжают базироваться на небольшом числе известных опубликованных сочинений доопального периода, основная масса рукописей, являющихся ценнейшим источником информации о функционировании системы государственного управления в первой трети XIX в. и особенностях ее модернизации, не вовлечена в исследовательский процесс. В предлагаемой статье на основе анализа главным образом архивных документов рассматривается проблема преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике александровского и николаевского царствований применительно к административной сфере и в контексте реформаторского наследия Сперанского.

Следует подчеркнуть, что начало правления Александра I и Николая I характеризуется идентичными историческими условиями, нашедшими отражение в актуализации реформы управления, которая приобрела государственное значение. Это было обусловлено целым рядом социально-политических причин, имевших определенное сходство. Во-первых, и в 1801, и в 1825 г. необходимо было укрепить административную систему России, ослабленную династическим и политическим кризисом. Во-вторых, важность сохранения международного авторитета Российской империи, ее возросшие политические и экономические связи диктовали необходимость формирования стабильной структуры государственных органов европейского типа, которая обеспечивала бы ее развитие в кругу ведущих западных государств. В-третьих, в течение первой трети XIX в. оформились две модели взаимоотношений верховной власти и дворянского общества – александровская и николаевская. Основанные на разных идеологических основах (Просвещение и теория официальной народности), они формировались на единой законодательной базе (систематизированное законодательство) и общей административной практике, которой определялось модернизированное государственное управление. В-четвертых, взаимосвязь институциональных преобразований и законодательных мероприятий, очевидная монархам и представителям сановной бюрократии, в том числе Сперанскому [Сперанский, 1961, с. 103, 120, 222; Сперанский, 1833, с. III], определяла реформу администрации как одну из ключевых.

Отличие же касалось событий 14 декабря 1825 г. Стремление к предотвращению перерастания социальной активности в антиправительственное действие заставило Николая I обратиться не только к формированию новой государственной идеологии «православия, самодержавия, народности», но и к совершенствованию управления. Задачи внедрения в государственный и общественный строй доктрины национальной самобытности и утверждения представлений о России как стране, благоденствующей под самодержавным скипетром и не имеющей почвы для революционных выступлений, во многом обусловили административные преобразования конца 1820-х гг.

Поскольку единство стратегической цели официального реформаторства – развитие российского государства – не предполагало единства тактических средств ее достижения, методы и приемы административного совершенствования государственной машины, использованные Сперанским, имели как схожие, так и отличительные черты в продолжение двух царствований. Однако концептуальные принципы реформирования оставались общими. Их преемственность прежде всего проявилась в идее создания перспективного реформаторского плана и его реализации в деятельности Комитета 6 декабря 1826 г. Вопрос о необходимости формирования долгосрочной официальной программы впервые был обозначен Сперанским в проекте «О коренных законах государства» [Сперанский, 1961, с. 42–43]. Однако его конкретная концептуальная разработка была проведена в записке 1802 г. «Размышления о государственном устройстве империи». По мнению автора записки, «история России от времен Петра Первого представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому». В силу этого, «действуя без общего плана», оно не только теряет время и возможность подготовить основы для важнейших преобразований, но и «заграждает себе пути, ставя в подвиге своем самому себе препятствия» [Там же, с. 56, 64, 66].

С точки зрения Сперанского, этот общий перспективный план должен был быть разработан представителями особого «сословия... просвещенных умов». Под «сословием», как и в других проектах этого времени, Сперанский подразумевал государственное учреждение, обязанное составить «план, на коем бытие его на целые столетия должно быть основано». Созданное по высочайшей воле и действующее в секретном порядке, данное учреждение должно состоять из назначаемых монархом членов. Когда этот общий план будет составлен и утвержден монархом, то, по мнению Сперанского, его составители и обязаны будут его реализовывать постепенно и незаметно: «Известное небольшое сословие людей было бы поставлено и к приведению его в действие». Так, «разные части правительства, приготавливаясь издалека и постепенно в середине царства самовластного, положили бы основание царства монархического и, развивая сии начала, мало-помалу, без крутости, без переломов,

нечувствительно и даже для простого глаза неприметно воздвигали бы под завесой настоящего правительства новое здание на столпах разума и законов» [Сперанский, 1961, с. 64, 66].

На подготовку программы системного реформирования всего государственного управления Российской империей была направлена и работа секретного Комитета 6 декабря 1826 г., членами которого Николаем I были назначены представители просвещенной бюрократии, в том числе Сперанский. Его создание в огромной мере реализовывало идею реформатора о создании преобразовательного государственного учреждения с элементами долгосрочного планирования. Идеологическая концепция комитета, то есть определение цели, предметов и принципов его деятельности, была разработана Сперанским, подготовившим по повелению Николая I и представившим императору 15 ноября 1826 г. программную «Записку об организации Комитета (6 декабря 1826 года) для рассмотрения проектов преобразования государственного управления России». В записке подчеркивалось, что первым манифестом Николай I объявил свое правление «продолжением царствования Александра Первого», и указывалось, что главными целями создания комитета являются «пересмотр государственного устройства и управления» и подготовка «заключения о необходимых в этом отношении преобразованиях». Предметами должны были стать государственные учреждения (Государственный совет, Сенат, министерства) и губернские места (полиция, суд, хозяйство). Основными принципами работы комитета определялись преемственность, постепенность и синхронность преобразований: «Все предметы, комитету поручаемые, имеют соответственную связь между собою, они не могут быть приведены в исполнение по частям и отдельно. Успех их действия зависит от синхронности» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 99. Л. 13].

В общем виде трансформацию самодержавной административной конструкции в «истинное монархическое управление» Сперанский определял как продолжение преобразований, начатых Екатериной II, продолженных Павлом I и Александром I. О востребованности исторического опыта преобразований свидетельствуют журналы заседаний Комитета 6 декабря, на которых рассматривались екатерининский «Наказ Сенату» 1763 г. и «Учреждение об управлении губерний» 1775 г. с «поправками императрицы весьма важными», записка Павла I «Об устройстве разных частей государственного управления», проект 1814 г. В. П. Кочубея «О положении империи и о мерах к сокращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие» и записка 1816 г. Д. А. Гурьева «Об устройстве верховных правительств в России». Причем Николай I при рассмотрении журнала от 7 марта 1827 г. указывал на необходимость «вменить в обязанность министрам представлять их виды и предположения, относящиеся к усовершенствованию вверенной каждому части» [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1426. Л. 1–45 об.].

Государственное уложение или конституция

Логика наследственной монархии прежде всего определяла преэминентность в реформаторской политике или по крайней мере в ее принципах: не уничтожение или замена существующих учреждений, но совершенствование действующих институтов власти, их дополнение и исправление [Андреева, 2016, с. 58]. Еще в работе начала Александровской эпохи – «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» – Сперанский писал: «Учреждения наши, конечно, недостаточны, но их можно усовершенствовать и исправить» [Сперанский, 1961, с. 121]. Данный программный проект, являвшийся концептуально-теоретической разработкой реформы государственного управления, по сути, отражает процесс формирования правительственной преобразовательной политики как Александра I, так и Николая I.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки проект представлен черновым автографом Сперанского в виде «Записки о порядке государственного управления (в частности в России) и об улучшении организации губернской администрации» [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 758] и копией, сделанной его ближайшим помощником Ф. И. Цейером, уже с названием «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и карандашными исправлениями реформатора. Созданный по повелению Александра I в 1803 г., текст в 1826 г. был вновь рассмотрен, исправлен Сперанским и использован в работе Комитета 6 декабря. Об этом свидетельствует помета его секретаря К. Г. Репинского: «Это первая работа, государем М. М-чу порученная в 1803 году. М. М. Сперанский пересматривал это в 1826 году. Заметки карандашом все им тогда сделаны – для какой цели, не помню». Между тем, цель обращения к документу представлена маргиналией другого лица, возможно, М. А. Корфа: «Не делали ли тогда каких-нибудь выписок отсюда для Комитета 6 дек. 1826 г., в котором тогда шло дело, между прочим, о губернском учреждении?» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 52. Л. 1; Сперанский, 1961, с. 86].

В основе проекта лежали концептуальные положения Сперанского, не изменившиеся в процессе его проективного творчества в продолжение двух царствований – «единство плана усовершенствования управления», постепенность его реализации и приспособление к «местным уважениям», «связь закона с управлением». Важность установления прочных законодательных основ государственного и общественного строя империи, необходимость социально-политической стабилизации делали доминирующей формулу «законности». Как считал Сперанский, поскольку «управление (администрация) во всякой монархии не что другое есть, как исполнение закона», а управленческая система в России никогда не имела единства, стройности и порядка «от недостатка коренных установлений», то путь к «истинному монархическому правлению» лежит через утверждение правовой основы в административно-управленческой сфере. Между тем закон, в отличие от учреждения, имевший «предметом отношения постоян-

ные», разделяется на «три рода»: «закон государственный (конституционный)», «закон гражданский», «закон уголовный». При этом «два последние рода относятся к Уложениям Гражданскому и Уголовному», а первый – к «Конституции государства». В силу этого главной целью совершенствования административного строя империи Сперанский в записке, предназначенной как для Александра I, так и для Николая I, указывал формирование «образа управления», базирующегося на следующих основаниях:

1) Он должен быть весь расположен на настоящей самодержавной Конституции государства, без всякого раздела власти законодательной от власти исполнительной. 2) Он должен сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия. 3) Он должен сколь можно более [быть] приближен к образцу монархического управления. 4) Он должен содержать в себе разные установления, которые бы, постепенно раскрываясь, приготовили истинное монархическое управление и приспособили бы к нему дух народный [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 758. Л. 35 об.].

Конкретными задачами преобразований определялись формирование структуры государственных органов с четким «разделением частей управления», разграничением функций, законодательно закрепленным статусом и двумя «родами ответственности» – низшего в виде ревизий и высшего в виде ответственности «части исполнительной перед властью законодательной»; создание единой и взаимосвязанной системы ведомств высшего, центрального и местного управления с координирующим и контролирующим их деятельность центром; оптимизация управленческой практики, основанная на «единстве организации и исполнения» [Там же. Л. 3, 17–23 об., 24–30 об.].

Под понятийной категорией «конституция» в формате концепции «законной монархии» Сперанский понимал «основополагающий законодательный акт», «государственный закон» или новое «Уложение государственных законов»: «[понятие] “Государственный закон” принято вместо слова “Конституция” и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государственных между собою» [Там же. Л. 57].

Аналогичным образом, то есть как «Уложение государственных законов», воспринималась конституция и Александром I, который во время аудиенции 28 июля 1804 г. секретаря «Комиссии для составления законов» Г. А. Розенкампа подчеркивал:

Я желал бы вообще даровать участие всей нации, всем моим народам в пользовании правами граждан, насколько это возможно. Это должно быть определено общим кодексом (книгою законов), который мои предшественники начиная с Петра I обещали нации. Вот, мне кажется, чем надлежало бы заняться прежде всего потому, что оно будет обнимать все остальное [цит. по: Розенкампф, с. 151].

Не вызывает сомнений: Александр I имел в виду правительственные работы XVIII в., направленные на систематизацию российского законодательства и создание нового Государственного уложения. Следует подчеркнуть, что, в отличие от передовых европейских государств, где законность, имевшая сложную многоэлементную структуру, формировалась длительно и постепенно под влиянием социально-экономических и политических процессов, в России процесс создания системы отечественного права был запущен самой самодержавной властью, носил субъективный и форсированный характер, что обусловило неудачу законодательных работ в XVIII в. В «Историческом обозрении Комиссии составления законов» 1826 г. Сперанский подчеркивал, что это было объективно и связано с отсутствием плана или «проекта Уложения», а также опыта кодификационной работы [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 44–44 об.].

Между тем конституция, или «Уложение государственных законов», закреплявшая единые правовые принципы регламентации государственной и общественной жизни, функционирования системы управления империей, и в начале XIX в. представлялась важнейшим инструментом укрепления российской абсолютистской государственности. Она должна была усовершенствовать механизм реализации авторитарной власти, повысить эффективность администрации и уничтожить злоупотребления, усилить связь между обществом и государством, сохранить их устойчивость при необходимой модернизации, а также обеспечить стабильность экономического развития [Тимофеев, 2011, с. 303–307]. Но главное, как подчеркивал Сперанский, конституция должна была установить «законность», то есть правопорядок, при котором сословная структура общества, социально-правовой статус отдельных состояний и сословий, их взаимоотношения друг с другом и верховной властью, деятельность органов управления, судоустройство и судопроизводство обеспечивались и гарантировались исходящими от просвещенного монарха фундаментальными государственными законами: «Так государь самодержавный отступает от безотчетного управления и покоряет собственную власть свою закону» [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 758. Л. 23 об.].

Конкретная практика российского конституционализма нашла отражение в знаменитом «Плане всеобщего государственного образования» 1809 г. Как известно, «План» состоял из «Введения к Уложению государственных законов» и примыкавших к нему проектов. История введения в научный оборот и изучения этих материалов наиболее полно и основательно прослежена С. Н. Валком. При подготовке к публикации академического издания «Проектов и записок М. М. Сперанского» в основу введения Валк положил его окончательный вариант, сохранившийся в фонде Комитета 6 декабря в РГИА и представленный в виде писарской копии с карандашными исправлениями Сперанского, многочисленными маргиналиями Александра I и пометой на обложке Николая I: «В Комитет» [РГИА. Ф. 1167.

Оп. 1. Т. 16. Д. 65^а. Ч. 1. Л. 1; Сперанский, 1961, с. 143]. При этом публикатор дополнил рукопись вариантами и недостающим текстом из чернового автографа Сперанского в фонде Репинского в ОР РНБ и пояснениями последнего [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 744. Л. 1–103]. Между тем, в фонде самого Сперанского сохранилась копия введения, сделанная упоминавшимся Цейером, с карандашными пометами самого реформатора [Там же. Ф. 731. Д. 54. Л. 1–218].

Франц Иванович Цейер, долгие годы являвшийся личным секретарем, ближайшим сотрудником и переписчиком проектов и записок Сперанского, в 1812 г., вероятно, после его отставки, перевел с русского на французский язык и скопировал две записки, отложившиеся в фонде Репинского в ОР РНБ. Следы оригиналов найти не удалось. Первая рукопись имеет название «*Considérations sur l'esprit et la maturité d'une réforme politique en Russie*» («Рассуждения о духе и зрелости политической реформы в России») с подзаголовком «Беседа М. М. Сперанского с Александром I» [Там же. Ф. 637. Д. 746. Л. 1–8], вторая – «*Précis de l'organisation générale de l'empire*» («Очерк общего устройства империи») с подзаголовком «Мысли Александра I, изложенные М. М. Сперанским» [Там же. Д. 745. Л. 1–8].

До настоящего времени эти документы мало известны исследователям. Единственным автором, обозначившим их при анализе конституционных взглядов Сперанского, была Н. В. Минаева, которая совершенно правомерно связывала их появление с работой над «Планом» 1809 г. [Минаева, с. 125–129]. Действительно, имеющие смысловые и конкретные совпадения с текстами введения и связанного с ним «Краткого начертания государственного образования», обе записки все же представляют собой вполне самостоятельные политико-правовые трактаты. Можно предположить, что эти документы представляли собой концептуально разработанные и отшлифованные основные положения тех самых бесед, которые вели Александр I и Сперанский после возвращения из Эрфурта осенью 1808 г., зафиксированные реформатором. Они датированы Цейером 1809 г. В 1830 г., уезжая на новое место службы в Крым, он оставил записки Репинскому, который передал их в Императорскую публичную библиотеку. Историческая ценность данных документов состоит в том, что они не только реконструируют идеологическую основу «Плана» 1809 г., но и документально подтверждают точку зрения, высказанную еще дореволюционными историками и поддержанную некоторыми современными исследователями, что его создание принадлежит двум авторам – Александру I и Сперанскому [Уманец, с. 67–81; Мироненко, с. 29; Андреева, 2001, с. 59–61].

Следует подчеркнуть, что в науке по-прежнему нет единого представления об истинных пружинах правительственных конституционных исканий в первое десятилетие XIX в. Одни современные авторы полагают, что «План» был направлен на введение новой системы государственного управления, основанной на «четком разделении

властей и общественном контроле над деятельностью администрации» [Писарькова, с. 166]. Другие считают, что он являлся «наиболее приемлемым способом политической модернизации» путем «превентивного провозглашения октроированной конституции, которая была бы пожалована самим монархом добровольно» [Тимофеев, 2011, с. 309]. Третьи главной целью «Плана» определяют строительство «единой вертикали власти (всех трех ее ветвей)», действующих «на выборном начале при участии (но не во всем одинаковом) всех сословий, социальных групп населения» [Смирнов, с. 202].

В этом разбросе мнений приоритетной совершенно справедливо остается мысль, что результатом преобразований должна была явиться новая политическая система, основанная на верховенстве закона над монархической властью. Однако все эти подходы не дают ответов на следующие вопросы: что обусловило создание «Плана» именно в 1809 г., в чем состояла его главная цель, и какие конкретные институциональные задачи он должен был решить?

Идеологические, социально-политические и административные обоснования подступа к политико-правовой реформе представлены в упоминавшейся записке на французском языке «Рассуждения о духе и зрелости политической реформы в России», которая, надо думать, отражала взгляды как Сперанского, так и императора. Важнейшими из них определялись неизбежность общечеловеческого движения к прогрессу и естественное включение России в европейский исторический процесс, а также «требование законности», характерное для большинства дворянского общества, и его готовность принять преобразования. Говоря, что произошли огромные изменения в «объекте общественного мнения», которое недовольно существующим порядком вещей и ждет преобразований, Сперанский подчеркивал, что существующая форма правления уже не «состоит в согласии с общественным мнением» [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 746. Л. 4–5]. Авторам «Плана» были также очевидны невозможность проведения частных административных преобразований, неэффективность «подпорок», которыми можно было бы поддержать существующую политическую систему.

Образуют ли новое министерство, изобретут ли новое распределение административных дел, улучшат ли и упрочат положение финансов, пусть даже создадут новый гражданский кодекс – все эти установления... не будут иметь ни силы, ни устойчивости. <...> Когда нет политических институтов, монарх один ответственен пред нацией за всякое установление,

– писал Сперанский, подчеркивая, что самое главное, это – «утвердить самодержавную власть на базе основного закона» [Там же. Л. 6–8].

Итак, главная цель «Плана» состояла в том, чтобы дать «внутреннее политическое бытие России», «поставить образ правления... на непременимом законе», чтобы Российская империя как «государство нераздельное, монархическое» управлялось «держав-

ною властью по законам государственным». Для этого необходимо было сформулировать единую систему «коренных государственных законов, то есть начертать план Конституции». Под ними авторы понимали «права верховной власти, права престола, образ составления законов», «права подданных», а также «устройство» тех высших государственных учреждений, «коими закон составляется и исполняется», и указывали, что все они в целом и «составляют Государственное уложение», то есть «российскую конституцию» [Сперанский, 1961, с. 231–232]. Таким образом, стремясь выйти за пределы «феодального самодержавия», «самоуправства» и найти более прочную основу правового обеспечения абсолютизма Нового времени, Александр I и Сперанский видели в октроированном конституционализме, на что справедливо указывает Д. В. Тимофеев, гарантию укрепления и стабилизации российской государственности. Отличительными чертами данного типа конституционализма являлись тенденция к рационализации и бюрократизации управления и использование политических и правовых форм подлинного монархического конституционализма для легитимации нового типа абсолютизма. Являясь инструментом перехода, внешней уступкой, он предполагал установление дуалистической монархии с парламентом и сильной почти абсолютной властью монарха. На данном этапе, как считали авторы «Плана», для установления конституционно-представительной монархии классического европейского образца в России не было создано необходимых социально-политических, экономических и идеологических предпосылок, не только отсутствовали основы гражданского общества, но и не был сформирован средний класс, который мог бы стать необходимым элементом системы представительства [Андреева, 2001, с. 69–70].

Что касается институциональных задач «Плана», то одной из важнейших являлось формирование системы «сдержек и противовесов» в структуре высших и центральных учреждений. Это было обусловлено как трагическими уроками Французской революции, традициями отечественных дворцовых переворотов XVIII – начала XIX в. и стремлением части российского сановничества к установлению аристократической конституции, так и прагматическим использованием конституционного опыта Старого и Нового Света, выборкой необходимых принципов и адаптацией их к национальной специфике России [Тимофеев, 2006, с. 189].

Для предупреждения концентрации властных полномочий в одном из правительственных институтов, возможности превращения Государственного совета или Сената в орган аристократической олигархии, а главное – сохранения в государственной системе верховенства носителя «державной власти» необходимо было прежде всего законодательно закрепить «власть и преимущества императора». В «Проекте Уложения государственных законов Российской империи» 1809 г. как основной части «Плана» утверждалось:

Особа императора есть священна. <...> По праву державной власти... император есть верховный законодатель... верховный охранитель правосудия... верховное начало силы исполнительной [Сперанский, 1961, с. 222–223].

Помимо этого, следовало установить стабильные и постоянные правовые отношения императора с «государственными сословиями» – Государственным советом, Сенатом и министерствами [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 758. Л. 31 об., 33], а также создать общий управленческий, координирующий деятельность государственной машины центр. Им определялся реформированный Государственный совет, который стал не только высшим законосовещательным органом, но главное – «общим соединением всех государственных сил», «местом средоточия», в котором «все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются, и чрез него восходят к державной власти, и от нее изливаются» [Сперанский, 1961, с. 216, 222].

Свод законов Российской империи

Но и «Свод законов Российской империи» 1832 г. хотя законодательно закреплял «священные права и преимущества верховной самодержавной власти», но утверждал ее на государственных законах: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов... от самодержавной власти исходящих» [Свод законов, с. 47]. При этом свод определялся юридическим материалом, «основанием к составу Уложения» [Майков, с. 138–139]. Ведь программа законодательных работ, разработанная Сперанским и предложенная Николаю I в январе 1826 г., включала «три главных предмета: 1) собрание законов, 2) Свод, 3) составление нового Уложения». Под «Сводом» Сперанский понимал соединение и систематизацию существующих законов в предметном порядке «по плану, принятому для Уложения». Осознавая бесперспективность осуществления программы систематизации российских законов в рамках Министерства юстиции и Государственного совета (как это было в «Комиссии составления законов»), а также необходимость непосредственного подчинения законодательных работ самому императору, Сперанский поставил вопрос о создании «законотворческого органа». Им стало Второе отделение СЕИВК, учрежденное «для совершения Уложения отечественных законов». Согласно справедливому мнению И. В. Ружицкой, оно «было создано вновь, это не было преобразование Комиссии составления законов». Будучи «основным законодательным учреждением, в котором сосредоточился процесс законотворчества» на долгие годы, вплоть до 1882 г., именно Второе отделение имело функции создания новых законов [Ружицкая, с. 60–62].

Реформирование Сената

Взаимосвязь законодательных мероприятий и административных преобразований как в царствование Александра I, так и в правление Николая I определяла необходимость создания бюрократически организованного, приспособленного к социально-политическим условиям России правительственного аппарата. Применительно к началу XIX в. следовало доминирующее личное начало в управлении, существовавшее при Екатерине II и Павле I и ослабившее управленческие возможности абсолютизма, заменить на институциональное, вернуть принцип осуществления монархом своих властных полномочий не через узкий круг доверенных лиц, а посредством коллегиальных государственных учреждений.

Прежде всего это касалось Сената, который в царствование Екатерины II утратил статус высшего законосовещательного и исполнительного органа, координирующего административную систему империи и надзирающего за центральной и местной властью. При Павле I принцип осуществления императорской власти посредством лично доверенных администраторов еще более умалил значение Сената. Поэтому при Александре I вполне объективно было стремление сенаторов восстановить его высокий правительственный статус, сохранить за собой административно-бюрократический ресурс. В процессе подготовки сенатской реформы в 1801–1805 гг. принимал участие Сперанский. Однако подготовленный им проект от 8 сентября 1802 г. «О правах и преимуществах Сената» не удовлетворил Александра I, который указом 27 января 1805 г. сделал коллегиальный Сенат только высшим судебным органом и учреждением надзора за соблюдением законности [Власть и реформы, с. 208–209].

Сама же сенатская проблема оставалась и была предметом проективного творчества Сперанского как в царствование Александра I, так и начале правления Николая I. Об этом свидетельствуют как малоизвестные архивные материалы («Записка о компетенции департаментов Сената» 1804 г. [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 82. Л. 1–2 об.], «Введение к Проекту устройства Сената» 1826 г. [Там же. Ф. 637. Д. 751. Л. 1–42 об.]), так и хорошо известный исследователям проект реформы Сената 1811 г., материалы которого были опубликованы в приложениях к третьему тому сочинения Н. К. Шильдера об Александре I.

Впервые вопрос о разделении Сената на два органа был поставлен Сперанским в программной «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» 1803 г. Однако в ней предлагалось создать «Сенат законодательный» и «Сенат исполнительный», «управляющий» [Сперанский, 1961, с. 127–139]. Но уже в конце 1810 г. после принятия официального решения об отказе от полной реализации «Плана» 1809 г. в двух проектах – «Учреждении Правительствующего сената» и «Учреждении Судебного сената» – ставился вопрос о разделении исполнительной и судебной функций,

традиционно слитно существовавших в «освященном времени» высшем государственном учреждении империи. При этом ведению Правительствующего сената, члены которого назначались императором, определялись дела, выходящие за пределы «власти, вверенной каждому министру», и в этой связи ставился вопрос об упразднении Комитета министров. Судебный сенат определялся высшим судебным, почти представительным органом, поскольку одна часть его состава должна была формироваться из выборных сенаторов, а другая – из назначаемых императором из числа кандидатов, избранных дворянством. Независимость Сената от имперской администрации находила отражение в том, что его решения определялись окончательными, и запрещалось подавать на них жалобы. Судебный сенат предполагалось учредить в главных городах России – Петербурге, Москве, Киеве и Казани. «Единство плана управления» определило важность утверждения единого принципа функционирования «первых государственных мест» империи – Государственного совета, Сената и министерств «под единым началом верховной самодержавной власти» [Писарькова, с. 190–194]. В 1811 г. сенатский проект Сперанского был рассмотрен в Государственном совете, вызвал критические нарекания советников и был отклонен.

Но в начале царствования Николая I проект реформы Сената оказался вновь актуализирован в работе Комитета 6 декабря. На первом же заседании Комитета 8 декабря 1826 г. Сперанским был представлен «тактический план» его работы, находившийся в полном согласии со взглядами императора. В «Записке о порядке пересмотра функций Государственного совета, Сената и министерств» предлагалось прежде всего рассмотреть «состояние» и «пределы ведомства и власти» высших и центральных учреждений империи [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 75. Л. 1–9]. В течение декабря 1826 г. комитет работал в этом направлении, и важнейшим «неудобством в настоящем их образовании» было признано «смещение полномочий». В силу этого основным принципом («правилом») преобразовательной политики комитета, принятым на заседании 28 декабря 1826 г. и тогда же утвержденным Николаем I, определялось четкое разделение законосовещательной, исполнительной и судебной частей в рамках единой, исходящей от самодержавного монарха «державной власти» [Журналы заседаний, с. 15].

Конкретно Сенат был предметом обсуждения на заседаниях Комитета 6 декабря в январе – ноябре 1827 г. Предлагалось сделать высшим судебным органом только Сенат и назвать его «Судебным сенатом», а его правительственные функции вверить «особенному Правительствующему сенату». Разработка сенатской реформы была вновь поручена Сперанскому, о чем свидетельствуют писарские копии проектов реформатора, отложившихся в фонде Репинского в ОР РНБ, имеющие подзаголовок «Работа Комитета 6 декабря 1826 года» и карандашную правку реформатора: «Проект учреждения Судебно-

го сената» [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 749] и «Проект учреждения Правительствующего сената» [Там же. Д. 750].

Что касается проекта Правительствующего сената, то совершенно четко просматривается его преемственность с проектом 1811 г. Правительствующий сенат определялся «одним из верховных установлений империи», которому вручались «высшие дела управления», «превышающие власть, данную одному из министров». В его состав должны были входить министры, главноуправляющие, а также назначаемые императором лица «под общим именем сенаторов». «Высочайше дарованная власть» Правительствующего сената ограничивалась только делами управления и надзором за действиями подведомственных ему учреждений. Важнейшими его функциями также определялись «признание и охранение» прав и преимуществ различных состояний и сословий, предварительное обсуждение преобразовательных предложений министров, которые позже поступали на высочайшее рассмотрение, и обнародование указов на имя министров [Там же. Л. 1–98].

Совершенствование министерской системы управления

Проект создания Правительствующего сената, который рассматривался как новый Комитет министров [Журналы заседаний, с. 32], ставил вопрос о сущности и функциональности «старого» Комитета министров. Вопрос о его устройстве, организации деятельности и полномочиях рассматривался в Комитете 6 декабря в 1827–1830 гг., о чем свидетельствуют копия журнала его заседания и черновой автограф записки Сперанского, отложившиеся в фонде реформатора. В журнале заседания Комитета 6 декабря от 10 февраля 1827 г. представлено его важное заключение: «Настоящее устройство» Комитета министров, учреждение которого не было основано на законодательном акте с определением «пространства и пределов» его полномочий, а ныне «предметы смешаны», требует осуществить «преобразование сего установления и соединение его с Пр[авительствующим] сенатом» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 102. Л. 1–3 об.]. В записке же от 24 октября 1830 г. Сперанский указывал:

... Заседание Комитета министров есть не что иное, как заочный доклад каждого министра государю в присутствии первых. Следовательно, здесь истинный докладчик есть министр, а правитель дел есть редактор временный в комитете. Смешение сих двух должностей в одном лице... всегда было источником медленности и беспорядка [Там же. Д. 98. Л. 1].

Между тем, и в записке «Обозрение гражданских установлений» 1827 г. Сперанский подчеркивал, что Комитет министров всегда представлял собой «не что иное, как отдельное присутствие Первого департамента Сената», действующее на основании особенных правил и дублирующее его функции. Что же касается Сената, то и в данной записке он предлагал разделить его управленческие и судебные функ-

ции и создать Правительствующий и Судебный сенаты [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 38–41 об.].

Хотя Сперанский утверждал, что центральное управление Российской империей созданием министерской системы было усовершенствовано, но он осознавал ее несовершенства [Там же. Л. 30–37]. Как известно, в 1807 г. под влиянием критики министерской системы Сперанскому было поручено исправить ее недостатки и выработать «новое административное устройство» министерств, нашедшее отражение в указах 25 июля 1810 г. о «новом распределении государственных дел в порядке исполнительном» и об «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г.

Однако и в начале царствования Николая I проблема министерской реформы продолжала оставаться актуальной. Важность утверждения системы четкого разделения законодательной, судебной и исполнительной частей государственной власти и необходимость обуздать министерские амбиции обусловили работу Комитета 6 декабря и его требование о том, чтобы министры «не имели права ни дополнять, ни объяснять законы», «не выходили из предначертанных им пределов». Копия журнала Комитета 6 декабря «Об учреждении министерств» от 18 декабря 1827 г., отложившаяся в фонде Сперанского, свидетельствует, что им были предложены следующие принципы деятельности министров: они не имели права участвовать в законодательной и судебной сферах, их ежегодные отчеты и преобразовательные предложения должны были вначале рассматриваться в Правительствующем сенате и только потом поступать на рассмотрение Государственного совета [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 103. Л. 1–3; Журналы заседаний, с. 15, 26–27].

* * *

Анализ преобразовательных проектов и записок М. М. Сперанского в контексте реформирования государственного управления Российской империей в первой трети XIX в. дает основание сделать некоторые выводы. В целом историю административных реформ александровского и николаевского царствований следует рассматривать как единый и целостный преобразовательный процесс, отражавший поступательный характер развития страны и направленный на укрепление и усовершенствование российской государственности. Хотя отсутствует официальный документ, который можно было бы считать долгосрочной правительственной программой, но программные проекты и записки Сперанского на высочайшее имя 1803, 1809, 1826 гг., объединенные концептуальной установкой на системность и взаимосвязанность институциональных преобразований, их подчиненность законодательной реформе, свидетельствуют о наличии ее элементов.

При всех особенностях и отличительных чертах реформаторской тактики прослеживается безусловное сходство в преобразователь-

ной политике Александра I и Николая I, основанной на принципах преемственности, постепенности преобразований, совершенствования и дополнения существующих институтов власти в рамках единого плана модернизации управления.

Реформирование управленческой системы империи в царствование Александра I и правление Николая I являлось составной частью процесса модернизации российского государства, эволюции «феодалного самодержавия» в абсолютизм Нового времени. Важнейшей задачей институциональных преобразований признавалась централизация управления, инструменты решения которой были избраны общие: четкое отделение исполнительной части от законодательной и судебной, соединение личного начала и управления посредством учреждений, сочетание единоначалия и коллегиальности. Это находило отражение в коллегиальном обсуждении важнейших вопросов и было направлено на преодоление ведомственной разобщенности и ограничение «самовластия» министров.

В основе реформаторского процесса лежала формула законности. Официально признанная во второй половине XVIII столетия и получившая развитие в начале XIX в., она была актуализирована во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. С той лишь разницей, что для достижения «законной монархии» Екатерина II взяла на вооружение концепцию «просвещенного абсолютизма», Александр I использовал октроированный конституционализм, а Николай I проводил политику юридического самоутверждения самодержавия как российской формы просвещенного абсолютизма.

Библиографические ссылки

Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего Государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4 : ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб. : Лики России, 2001. С. 41–74.

Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 3 (11). С. 19–60.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.

Журналы заседаний Комитета 6 декабря 1826 года // СИРИО. Т. 74. СПб. : Гос. тип., 1891. С. 20–225.

Майков П. М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 615 с.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов : Изд-во СГУ, 1982. 290 с.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М. : Наука, 1989. 238 с.

ОР РНБ. Ф. 637 (К. Г. Репинский). Д. 744–747, 749–751, 758; Ф 731 (М. М. Сперанский). Д. 52, 54, 75, 82, 98, 99, 102, 103, 924, 938.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление в России в первой четверти XIX в. : Замыслы, проекты, воплощение. М. : Новый хронограф, 2012. 448 с.

- РГИА. Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 г.). Оп. 1. Т. 16. Д. 65^а, 142^б.
- Розенкамф Г. А. Отрывки из автобиографии // Русская старина. 1904. Т. 120, № 10. С. 140–185.
- Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М. : СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2018. 312 с.
- Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : в 15 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1832. Т. 1. 358 с.
- Смирнов А. Ф. Сперанский. Великий государственный человек. М. : Вече, 2022. 464 с.
- Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1833. 200, VII с.
- Сперанский М. М. Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 244 с.
- Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск : Пирс, 2006. 200 с.
- Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 454 с.
- Уманец Ф. М. Александр I и Сперанский. СПб. : Тип. М. Д. Ломковского, 1910. 171 с.

References

- Andreeva, T. V. (2001). Aleksandr I i M. M. Speranskii: eshche raz o "Plane vseobshchego Gosudarstvennogo obrazovaniya" 1809 goda [Alexander I and M. M. Speransky: Once again about the "Plan of Universal State Education" of 1809]. In *Angliiskaya naberezhnaya, 4. Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov*. St Petersburg, Liki Rossii, pp. 41–74.
- Andreeva, T. V. (2016). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX v.: k probleme preemstvennosti i razlichiya v pravitel'stvennoi preobrazovatel'noi politike [State Administration of Russia in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries: On the Continuity and Differences in Government Transformation Policy]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal. Issledovaniya po rossiiskoi i vseobshchei istorii*, No. 3 (11), pp. 19–60.
- Maikov, P. M. (1906). *Vtoroe otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1826–1882* [The Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 1826–1882]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 615 p.
- Minaeva, N. V. (1982). *Pravitel'stvennyi konstitutsionalizm i peredovoe obshchestvennoe mnenie Rossii v nachale XIX veka*. [Governmental Constitutionalism and Advanced Public Opinion in Russia in the Early 19th Century]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 290 p.
- Mironenko, S. V. (1989). *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia in the Early 19th Century]. Moscow, Nauka. 238 p.
- OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 637 (K. G. Repinsky). Dos. 744–747, 749–751, 758; Stock 731 (M. M. Speransky). Dos. 52, 54, 75, 82, 98, 99, 102, 103, 938.
- Pisar'kova, L. F. (2012). *Gosudarstvennoe upravlenie v Rossii v pervoi chetverti XIX v. Zamysly, proekty, voploshchenie* [Public Administration in Russia in the First Quarter of the 19th Century: Ideas, Projects, Implementation]. Moscow, Novyi khronograf. 448 p.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1167 (Komitet 6 dekabrya 1826 g.). List 1. Vol. 16. Dos. 65^а, 142^б.
- Rosenkampff, G. A. (1904). Otryvki iz avtobiografii [Excerpts from Autobiography]. In *Russkaya starina*. Vol. 120. No. 10, pp. 140–185.

Ruzhitskaya, I. V. (2018). *Gosudarstvennyi soviet pri Nikolae I: osobennosti funkcionirovaniya* [State Council under Nicholas I: Features of Functioning]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 312 p.

Smirnov, A. F. (2022). *Speranskii. Velikii gosudarstvennyi chelovek*. [Speransky. A Great Statesman]. Moscow, Veche. 464 p.

Speransky, M. M. (1833). *Obozrenie istoricheskikh svedenii o Svode zakonov*. [Review of Historical Information about the Code of Laws]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 206, VII p.

Speransky, M. M. (1961). *Proekty i zapiski* [Projects and Notes] / ed. by S. N. Valk. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 244 p.

Svod zakonov Rossiiskoi imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyi v 15 t. [The Code of Laws of the Russian Empire, Compiled by the Order of the Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich. 15 Vols.]. (1832). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 1. 358 p.

Timofeev, D. V. (2006). *Evropeiskie idei v Rossii: vospriyatie liberalizma pravitel'stvennoi elitoy v pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in Russia: The Perception of Liberalism by the Governing Elite in the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk, Pirs. 200 p.

Timofeev, D. V. (2011). *Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in the Socio-Political Lexicon of an Educated Russian Citizen of the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk, Entsiklopediya. 454 p.

Umanets, F. M. *Aleksandr I i Speranskii* [Alexander I and Speransky]. St Petersburg, Tipografiya M. D. Lomkovskogo. 171 p.

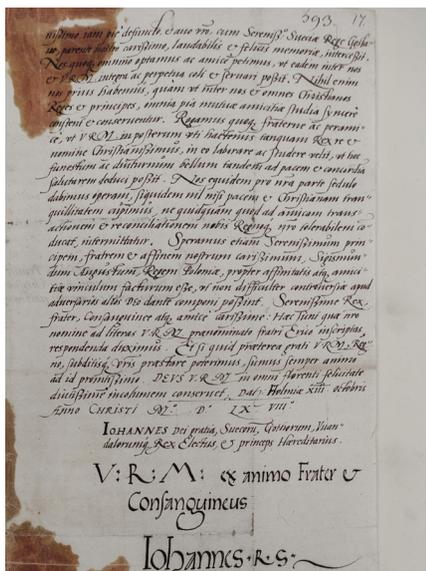
Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoj Rossii [Power and Reforms. From Autocratic to Soviet Russia]. (1996). St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 800 p.

Zhurnaly zasedanii Komiteta 6 dekabrya 1826 goda [Minutes of the Committee Meetings on December 6, 1826]. (1891). In *SIRIO*. Vol. 74. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 20–225.

The article was submitted on 20.02.2023

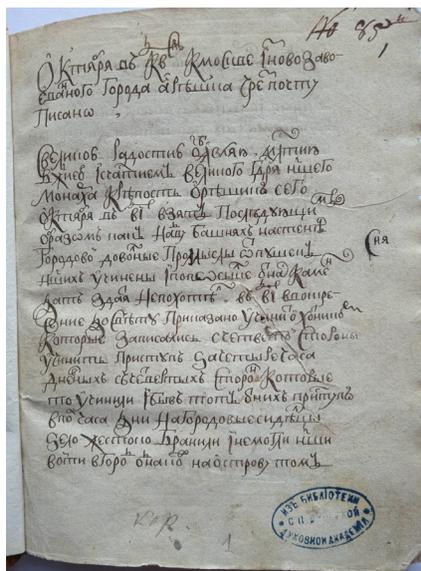

Origines

Послание Юхана III Васа Карлу IX Валуа.
13 октября 1568 г. Последний лист
[ОР РНБ. Коллекция автографов
П. П. Дубровского. Авт. 13, № 9. Л. 593].
Фрагмент

Letter from John III of Sweden to Charles IX of France. October 13, 1568. Last page.
Fragment

Письмо П. П. Шафирова Т. Н. Стрешневу
о взятии Нотебурга (Орешек).
13 октября 1702 г. Первый лист
[ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 1]

Letter from P. P. Shafirov to T. N. Streshnev
about the capture of Nöteborg (Oreshek).
October 13, 1702. First page

Origines

**Послание Юхана III Васа
французскому королю Карлу IX Валуа:
новый источник по истории Балтийских войн***

Сергей Рябов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**A Letter from John III of Sweden to King Charles IX of France:
A New Source for the History of the Baltic Wars****

Sergey Ryabov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The letter of King John III of Sweden to King Charles IX of France from October 13, 1568, covers several subjects of the history of Baltic wars in the second half of the sixteenth century. What is most noticeable among them is the reasons why John III's brother King Eric XIV was overthrown in September 1568, the plot against John of Finland to hand over Catherine Jagiellon, his wife and sister of Sigismund II Augustus, the Polish king, and grand duke of Lithuania, to the Russian czar Ivan the Terrible, as well as the period when the Northern Seven Years' War ended. After his accession to the throne, John III faced several problems, which he had to solve. Firstly, the second son of Gustav I of Sweden had to legitimise his ascension in the eyes of the European monarchs, then break the international isolation of the Swedish kingdom and protect himself from internal and external conspiracies. His main goal was to free the imprisoned Eric XIV. The solution to these problems depended directly on

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation*: Ryabov, S. (2023). A Letter from John III of Sweden to King Charles IX of France: A New Source for the History of the Baltic Wars. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 901–917. DOI 10.15826/qr.2023.3.825.

Цитирование: *Ryabov S.* A Letter from John III of Sweden to King Charles IX of France: A New Source for the History of the Baltic Wars // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 901–917. DOI 10.15826/qr.2023.3.825 / *Рябов С.* Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 901–917. DOI 10.15826/qr.2023.3.825.

stabilising Sweden's foreign policy position, achievable through reconciliation with a hostile coalition of Denmark, Lübeck, and Poland and building an alliance with the French royal court, which offered mediation to end the hostilities. In the text of the published letter, the Swedish king appeals to the feelings of the French monarch, trying to show the "baseness" and "wickedness" of his elder brother's policy, but also assures him of sincere friendship, proving the long-standing allied nature of the Swedish-French relations. All this makes the letter of John III to Charles IX a valuable historical source, whose value is fully revealed in the context of Swedish-French, Russian-Swedish and Russian-French relations in the sixteenth century. Published for the first time, it comes from the collection of P. P. Dubrovsky (13, No. 9), Russian National Library (St Petersburg). The article publishes the text of the letter in Latin as well as a translation into Russian.

Keywords: history of the 16th century, Swedish history, Franco-Swedish relations, Russian-Swedish relations, Franco-Russian relations, Ivan the Terrible, Charles IX of France, John III of Sweden, Eric XIV of Sweden, Livonian War

Послание шведского короля Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа от 13 октября 1568 г. из Российской национальной библиотеки освещает несколько сюжетов истории Балтийских войн второй половины XVI в. Среди них особо выделяются причины свержения брата Юхана III короля Эрика XIV в сентябре 1568 г., заговор против Юхана Финляндского с целью передачи Екатерины Ягеллонки, его жены и сестры польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа русскому царю Ивану IV Васильевичу, а также период завершения Северной семилетней войны. После восшествия на престол перед Юханом III встало несколько проблем, из которых новому королю предстояло найти выход. Второму сыну Густава I предстояло прежде всего легитимизировать свое воцарение в глазах европейских монархов, после чего преодолеть международную изоляцию Шведского королевства и обезопасить себя как от внутренних, так и от внешних заговоров, главной целью которых было освобождение заключенного Эрика XIV. Решение данных проблем напрямую зависело от стабилизации внешнеполитического положения Швеции, которое было достижимо через примирение с враждебной коалицией Дании, Любека и Польши, а также выстраивание союзных отношений с французским королевским двором, предлагавшим свое посредничество для прекращения боевых действий. В тексте публикуемого письма шведский король апеллирует к чувствам французского монарха, пытаясь показать «низменность» и «нечестивость» политики своего старшего брата, а также уверяет его в искренней дружбе, доказывая давний союзнический характер шведско-французских отношений. Все это делает послание Юхана III Карлу IX ценным историческим источником, чье значение полностью раскрывается в контексте шведско-французских, русско-шведских и русско-французских отношений XVI в. Публикуемое впервые, по-

слание дошло до нас в составе коллекции П. П. Дубровского (ОР РНБ, Санкт-Петербург). Представлены текст письма на латыни, а также его перевод на русский язык.

Ключевые слова: история XVI в., история Швеции, шведско-французские отношения, русско-шведские отношения, русско-французские отношения, Иван Грозный, Карл IX Валуа, Юхан III Васа, Эрик XIV Шведский, Ливонская война

Письмо шведского короля Юхана III Васа (1568–1592) французскому королю Карлу IX Валуа (1560–1574), хранящееся в ОР РНБ в составе коллекции П. П. Дубровского¹, является важным источником для освещения Балтийских войн второй половины XVI в. До сих пор это послание не было известно сообществу историков. Вместе с тем оно включает в себя несколько важных для изучения истории Балтийского региона сюжетов: описание причин свержения брата Юхана III короля Эрика XIV Васа (1560–1568), планы последнего передать в качестве заложницы жену Юхана Финляндского² и сестру короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа (1544–1572) Екатерину Ягеллонку русскому царю Ивану IV Васильевичу (1533–1584), а также намерение Юхана III завершить Северную семилетнюю войну (1563–1570), воспользовавшись посредничеством французской короны.

Первые шведско-французские дипломатические контакты восходят к периоду приобретения Шведским королевством независимости от Дании в 1523 г. и к первой половине царствования Густава I Васа (1523–1560). Правивший в это время во Франции король Франциск I Валуа (1515–1547) остро нуждался в союзниках против возростающего влияния династии Габсбургов в Европе [Mignet]³. Кроме того, французский монарх хотел сохранить выгодную для своих купцов северную торговлю, обеспеченную серией договоров с правителями Кальмарской унии [Delavaud, p. 57–58]⁴. Шведский королевский двор охотно шел на заключение договоренностей, пользуясь охлаждением датско-французских отношений к моменту заключения Шпейерского мира 1544 г., который ознаменовал начало политики невмешательства датского короля Кристиана III (1534–1559) в дела Священной Римской империи [Richard, p. 33]⁵.

¹ Оригинальное название автографа, внутри которого находится послание: «Lettres originales des Rois de Danemark». Стоит отметить, что большая часть документов связана не с Данией, а со Швецией, представляя собой автографы XVI–XVIII вв.

² До своего воцарения Юхан III носил титул герцога Финляндского.

³ К этому времени Карл V Габсбург (1519–1556) объединил под своим скипетром земли Священной Римской империи и Испании.

⁴ Уния королевств Дании, Швеции и Норвегии.

⁵ До Шпейерского мира Дания была главным союзником Франции на севере Европы в течение почти полувека начиная с союзного договора 1498 г. [Becker].

В 1542 г. в Монтье-сюр-Со был заключен шведско-французский договор, предполагавший шведское содействие французской торговле на Балтике и помощь в борьбе против Габсбургов [AAE. CP. Suède. Traitté... Fol. 4–11]. В том же году в Швецию с посольской миссией отправился камергер французского короля Франсуа Рише. Инструкции, данные послу, предполагали расширение шведско-французского торгового и военного сотрудничества [AAE. CP. Danemark. Instruction... Fol. 57–59]. В 1540–1550-е гг. связи между двумя государствами укрепились благодаря назначению Шарля де Данзе послом-резидентом в Дании в 1548 г. с полномочиями курирования отношений Франции с северными державами [Шишкин, Шварц, с. 130, 134; Richard, p. 27–28]⁶. В 1559 г. договор в Монтье-сюр-Со был подтвержден обеими сторонами [Maillefer, p. 103]. Теплые отношения между Францией и Швецией поддерживались до вступления на шведский престол Эрика XIV, взявшего курс на развязывание войны с Фредериком II Датским (1559–1588) [Филюшкин, 2015, с. 283–288].

В течение Северной семилетней войны французский королевский двор прикладывал всяческие усилия для ее завершения, руководствуясь интересами сохранения своего влияния на севере Европы и поддержания безопасности балтийской торговли [Rørdam, p. 640]⁷. В письме короля Карла IX Валуа своему послу в Вене епископу Реннскому Бернардену Бошетелю от 29 декабря 1563 г. можно прочесть о поручении монарха, данном Шарлю де Данзе, сделать все возможное для примирения двух воюющих держав [Lettres de Catherine de Médicis, p. 117–188].

В течение нескольких лет французский посол активно передвигался по территории балтийского побережья, пытаясь найти точки соприкосновения между враждующими сторонами – Данией, Польшей и Любеком с одной стороны и Швецией – с другой. Однако все усилия Данзе наталкивались на противодействие со стороны Эрика XIV, не желавшего идти на мирные переговоры [Rørdam, p. 642].

Ситуация изменилась после переворота, совершенного братьями Эрика XIV Юханом Финляндским и Карлом Сёдерманландским в 1568 г.⁸ Новому шведскому королю Юхану III было необходимо стабилизировать внешнеполитическое положение королевства, чтобы сосредоточиться на решении внутренних проблем, порожденных свержением брата, решить проблему международной изоляции, а также легитимизировать свое воцарение в глазах европейских монархов.

---

⁶ Кроме скандинавских стран, в сферу ответственности французского посла входили Русское государство, Великое княжество Литовское, Польша и северные немецкие княжества.

⁷ После захвата Нарвы русскими войсками в 1558 г. происходит интенсификация французского трафика на Балтике [Рябов, с. 170].

⁸ Обвиненный в измене и находившийся в заточении с 1563 г., Юхан Финляндский был освобожден риксродом и своим монаршим братом в 1567 г. После женитьбы Эрика XIV на Карин Монсдоттер и рождения принца Густава герцог, перестав быть официальным наследником престола, поднял восстание, которое было поддержано большей частью дворянства, недовольной проводившейся королем политикой [Щеглов, с. 240–241].

Касаемо внутренних проблем, возникших в Шведском королевстве после свержения Эрика XIV, известно, что в первые годы правления Юхана III зрело несколько серьезных заговоров с целью освобождения пленного короля из заточения.

Первый был связан с русским царем. Весной 1571 г. в Москву с тайным посланием от заключенного в Абоском замке Эрика XIV прибыл толмач Григорий Янс (Йонс Ульссон). Свергнутый монарх просил Ивана IV послать войска для его освобождения. Царь в ответном послании от апреля 1571 г. сообщал, что готов «на всю Свѣскую землю меч свой послати», а самого Эрика XIV «жаловати как будет по-пригожу» [цит. по: Демкова, с. 496]. Царская грамота была передана с тем же Григорием Янсом, который был схвачен стражниками. Вскоре Эрик XIV был переведен из Абоского замка в Кастельхольм на Аландских островах, а пойманного толмача предали суду за измену [Ödberg, s. 7–8].

Второй заговор, руководителем которого стал Шарль де Морне, сеньор де Варенн, созрел к 1573 г. в среде французских кальвинистов на шведской службе. Согласно плану, Юхана III предполагалось убить, а затем освободить Эрика XIV. Однако король узнал о готовящемся перевороте. Вскоре Морне был схвачен, а осенью 1574 г. казнен [Rørdam, p. 649–650].

Ища выход из международной изоляции, Юхан III согласился на мирные переговоры с Данией и Любеком при посредничестве Франции. Боевые действия на Балтике, за исключением нескольких эпизодов в 1569 г., прекратились, а вскоре был заключен Штеттинский мир 13 декабря 1570 г. [Филюшкин, 2015, с. 288].

Оправдывая свержение своего брата, шведский король написал ряд посланий европейским монархам, в которых повествовал о причинах переворота и о своих дружественных намерениях [Форстен, с. 504]. Одним из таких посланий является письмо Юхана III Карлу IX от 13 октября 1568 г. Главной причиной свержения Эрика XIV в послании объявляются «преступнейшие рассуждения и намерения», а также «тиранические и безбожные действия» данного монарха, приведшие, по мысли автора, к «печальному состоянию» Шведского королевства. Обвинения в адрес низложенного короля иллюстрируются рядом примеров.

Упоминаются убийства членов аристократической семьи Стуре, совершенные в Уппсале 24 мая 1567 г. по приказу Эрика XIV, опасавшегося роста влияния данной фамилии в Швеции и возможного мятежа со стороны ее представителей. В ходе кровавой расправы были убиты главные представители этого клана – Сванте, Нильс и Эрик Стуре. Вместе со Стуре были умерщвлены их приближенные: брат третьей жены Густава I Екатерины Стенбок Абрахам Стенбок и Ивар Йонссон [Щеглов, с. 240]. Также в послании затрагиваются планы Эрика XIV передать жену Юхана Финляндского Екатерину Ягеллонку в руки русского царя Ивана IV, описание которых до сих пор не имеет однозначного истолкования в историографии.

Так, Х. Эрне, ссылаясь на послание Ивана IV Юхану III от 15 сентября 1571 г. [Демкова, с. 496–498], «Правдивую историю печальных приключений финского принца Яна и польской принцессы Катаринны» (1570) авторства польского историка, дипломата и священнослужителя Мартина Кромера [Historya prawdziwa] и «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина [Карамзин, с. 122–126], относил появление данных планов к 1565 г., отметив, что отправленный в Швецию русский посланник Третьяк Пушечников, который, однако, так и не доехал до Эрика XIV, погибнув в дороге из-за бушевавшей эпидемии, должен был устно передать шведскому королю предложение о выдаче Екатерины Ягеллонки русской стороне. При этом шведский историк подчеркнул, что русский царь просил, чтобы предложение о выдаче Екатерины формально исходило от шведской стороны и никоим образом не связывалось с его именем. Передача польской принцессы должна была стать основой русско-шведского союза, в рамках которого Иван IV предполагал признать Эрика XIV «братом», то есть равным ему по статусу правителем [Hjärne, s. 68–72]⁹.

Другая версия происхождения планов передачи Екатерины Ягеллонки русскому царю принадлежит Шарлю де Данзе. В своем странном отчете королю Карлу IX и королеве-матери Екатерине Медичи, приложенном к письмам от 1 декабря 1568 г., дипломат писал:

Примерно три года назад упомянутый Московит¹⁰ отправил посольство к королю Шведскому, сообщив, что желает вступить в Лифляндскую страну через земли, принадлежащие королю, чтобы захватить остальную Лифляндию. А чтобы его людям было легче осуществить задуманное, он попросил открыть для них все стоящие на их пути города и крепости, находящиеся во владении [короля Шведского], дав обещание, что его солдаты не причинят никакого вреда подданным короля Шведского, а по окончании войны он добровольно вернет ему все эти пункты. Этот Перссон¹¹, увидев, что король Шведский ведет войну с королями Датским и Польским, а также городом Любеком, и что если он откажет Московиту в его просьбе, он рискует оказаться в войне и с ним, если же согласится – потерять крепости и все, что ему принадлежит в Лифляндской земле, предложил средство, чтобы избежать подобных неудобств. Дело в том, что упомянутый Московит проявлял исключительное расположение к герцогине Финляндской, и очень настойчиво требовал ее руки у короля Польского, и воевал с ним в основном из-за отказа¹². <...> Он [Перссон] решил, что нужно солгать о смерти герцога Юхана и в связи с этим предложить Московиту герцогиню как вдову [цит. по: Виане, с. 331–332].

⁹ Иван IV не признавал шведских монархов равными себе. Общение со Швецией официально исходило от новгородского наместника.

¹⁰ Иван IV.

¹¹ Йоран Перссон – канцлер и прокуратор Эрика XIV.

¹² Намерение Ивана IV жениться на Екатерине Ягеллонке было объявлено в 1560 г., однако переговоры зашли в тупик из-за требований обеих сторон [Мартин, с. 177–178].

Так, французский посол относил появление планов передачи Екатерины Ягеллонки Ивану IV также к 1565 г., но их рождение связывал с Йораном Перссоном. Х. Эрне был знаком с данным отчетом Данзе, однако не стал его подробно анализировать, отметив, что повествование французского дипломата «противоречит всем достоверным источникам», и, сославшись на сочинение Карла Сильфверстолпе [Silfverstolpe, s. 388–390], заключил, что версия Данзе базируется на общей для всего шведского общества после свержения Эрика XIV ненависти к Перссону [Hjärne, s. 98–100]¹³.

Если обратиться к посланиям Ивана IV к Юхану III, то можно заметить, что русский царь оправдывал инцидент с Екатериной Ягеллонкой тем, что до него дошли слухи, подтвержденные в дальнейшем шведской стороной, о смерти герцога Финляндского, оставившего польскую принцессу бездетной. В связи с этим он, отправляя посольство Третьяка Пушечникова в 1565 г., просил передать Екатерину ему, чтобы затем использовать ее для заключения выгодного мира с Сигизмундом II¹⁴. Царь апеллирует к этой версии событий в нескольких посланиях Юхану III [Демкова, с. 495, 496–497]. По причине того, что Пушечников не смог передать Эрику XIV данное предложение, русскому царю пришлось сделать его вновь, на этот раз через прибывшего в Русское государство весной 1566 г. шведского дипломата Ханса Ларссона Бьернрама [Ahnlund]. Предложение царя было принято шведским королем. На следующий год в Русское государство было отправлено посольство во главе с Нильсом Юлленшерной, которое заключило договор от 16 февраля 1567 г., предполагавший выдачу Екатерины Ягеллонки русской стороне.

Весной 1567 г. в Швецию было отправлено русское посольство во главе с боярином Иваном Воронцовым, которое должно было ратифицировать договор. Однако посольство прибыло в неподходящий момент: Эрик XIV учинил расправу над кланом Стуре и его приближенными, после чего психическое здоровье монарха пошатнулось. Русские послы были приняты шведским королем спустя год летом 1568 г. после собрания риксрода, на котором было принято решение о невозможности ратифицировать договор от 16 февраля 1567 г. [Форстен, с. 498–500]. В начале сентября Эрик XIV на последней аудиенции, данной русским послам, подтвердил решение своих советников [Путешествия русских послов, с. 56–57].

---

¹³ Недовольство Йораном Перссоном и его образ палача базировались на выносившихся им смертных приговорах, когда канцлер был главой Верховной комиссии, судебного органа, полностью подчиненного воле короля. В 1561–1567 гг. этот суд приговорил к смерти более 300 чел. [Щеглов, с. 240].

¹⁴ Если Эрик XIV, воюя с Данией, Любеком и Польшей, остро нуждался в союзнике, способном нормализовать обстановку в Ливонии, то Иван IV преследовал свои интересы: Екатерина Ягеллонка нужна была ему как заложница для давления на Сигизмунда II с целью получения польской части Ливонии, а также, как показывает К. Ю. Ерусалимский, включения Великого княжества Литовского в состав Русского государства [Ерусалимский, с. 247].

Дальнейшее описание событий можно увидеть в отчете Данзе. Французский дипломат писал:

Король Шведский был не уверен, как закончится смута в его королевстве, и желал удовольствоваться Московита, чтобы самому этим воспользоваться, и пообещал послу Московии отдать ему вместо герцогини свою мачеху, третью жену упомянутого короля Густава, весьма красивую даму, которой было около тридцати пяти лет¹⁵, и своих двух сестер...¹⁶ Кроме того, считается бесспорным, что король Шведский хотел, отправив этих дам, сам тоже уехать к Московиту [цит. по: Виане, с. 333].

В середине сентября войска Юхана Финляндского подступили к Стокгольму. К концу месяца королевский замок пал, а Эрик XIV был арестован.

Возвращаясь к планам передачи Екатерины Ягеллонки Ивану IV, стоит отметить, что, очевидно, русскому царю во время переговоров было известно, что Юхан Финляндский был жив. Отчасти на это косвенно указывают два источника.

Первый – инструкции Эрика XIV, данные Нильсу Юлленшерне при отправлении посольства. Их разобрал Г. В. Форстен. Резюмируя положения инструкций, историк писал:

Что касается до просьбы царя выдать ему жену герцога Финляндского, то король готов сделать по желанию царя все, что только не будет в противоречии с его совестью. Теперь же исполнить желание царя невозможно, потому что Иоанн, брат короля, еще жив. Царь, столь сведущий в Священном Писании, должен знать, что люди бессильны расторгнуть то, что Бог соединил. Как скоро Иоанн умрет, король тотчас исполнит желание царя... Если бы царь не пожелал заключить нового мира с Швецией без выдачи ему Екатерины, то сделать уступку и дать согласие [Форстен, с. 490–492].

Судя по всему, такого рода «уступка» была сделана посольством Юлленшерны.

Второй источник – статейный список Ивана Воронцова. Во время последней аудиенции на отказ Эрика XIV в выдаче Екатерины Ягеллонки при живом муже русские послы возразили:

Присылал еси ко государю нашему, ко царю и великому князю, бити челом своих великих послов, князя Нилша¹⁷ с товарищи, и о чем еси государю, царю и великому князю, бил челом, и государь наш, царь и великий князь, всем тебя тем пожаловал, а тебе было за то государя нашего, царю и великому князю, польского короля сестра Катерина [Путешествия русских послов, с. 57].

¹⁵ Катарина Стенбок.

¹⁶ Принцессы София и Елизавета Васа.

¹⁷ Нильс Юлленшерна.

Состояние Юхана Финляндского мало интересовало русскую сторону. Очевидно, перед посольством Воронцова была поставлена задача добиться выдачи Екатерины Ягеллонки несмотря на то, жив или мертв ее супруг.

После свержения Эрика XIV и восхождения на трон Юхана III ситуация на Балтике начинает меняться. Новый шведский король начинает сближаться с Сигизмундом II, политика Швеции и Польши становится сходной. Шведские каперы приступают к усиленной блокаде русской Нарвы, в 1572 г. начинается русско-шведская война, а дискурс «русской угрозы» укрепляется в шведской дипломатической корреспонденции [Филюшкин, 2013, с. 617]¹⁸.

Шведско-французские отношения также претерпевают кризис, вызванный разграблением французских торговых судов на Балтике и разрывом французской стороной планов женитьбы нового короля Генриха III (1574–1589) на сестре Юхана III Елизавете Васа. Шарль де Данзе выдвигает идею торговли с Русским государством через Северный морской путь, а последний Валуа собирает подробные сведения о державе Ивана IV, надеясь с ее помощью сохранить влияние Французского королевства на севере Европы [Шишкин, Шварц, с. 133–142]¹⁹.

* * *

Оригинальный латинский текст впервые публикуется полностью, сокращения, используемые в тексте источника, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За латинским текстом следует перевод послания на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Описание автографа. Бумага: 430 (435) × 310 (314) мм. Гуманистический курсив XVI в. Филигрань не просматривается. На обороте л. 2 – адрес: «Serenissimo ac potentissimo Principi, Domino Carolo Nono, Galliarum Regi Christianissimo, fratri, Consanguineo et amico nostro carissimo». Письмо находилось в пакете (не сохранился). Просматриваются фрагменты большой сургучной печати. Двойная нумерация свидетельствует об изначальной принадлежности к рабочему архиву государственных секретарей, ответственных за ведение иностранных дел, Флоримона де Роберте либо Клода де Лобеспина, и затем – к собранию документов аббатства Сен-Жермен-де-Пре (с середины XVIII в.). На л. 1r – запись неизвестным почерком XVII в.: «13 octob[re] 1568. Du Roy de Suède Jean à Charles 9».

¹⁸ В представленном в данной работе послании Юхана III Карлу IX русский царь именуется не иначе как «варварским государем».

¹⁹ Генрих III находился в ссоре не только с Юханом III, но и с королем Речи Посполитой Стефаном Баторием (1575–1586); французская дипломатия не признавала за последним королевского титула, так как Генрих III не отказался от него после своего бегства из Польши в 1574 г.

1568 г., октябрь 13

Юхан III, король Швеции, Карлу IX, королю Франции²⁰

(F. 592) // Serenissime ac potentissime Rex, frater, Consanguinee ac amice noster carissime, V[estrae] R[egiae] M[ajestati]i salutem et si quid praeterea boni beatique à Deo Opt[imo] Max[imo] exoptari queat, ex animo precamur.

Serenissime Rex, existimamus V[estrae] R[egiae] M[ajestati]i sicuti alijs Christianis principibus et regibus, abundē satis constare, quā́m tristis Regni huius status, sub Erico quondam Rege, fratre n[ost]ro, hac tenus fuerit, et in quantum Regni ab ipso administrati ratio, non solum internis, verum etiam omnibus ricinis, ut molesta et perniciosa, summḗ semper displieverit. Itaque cum tantis malis et calamitatibus finis nullus imponeretur, verum indies magis magisque accrescerent, principales totiūs Regni status et ordines tam superiores quā́m inferiores, unanimi consensu et communi consilio, sup[er]p[ro]lices tandem nos rogarunt, ut ad Regni tam miseris conditiones respiceremus, ac ipsius administrationem et curam in nos suscipientes, communi utilitati consulere vellemus. Nos igitur instissimis ipsorum postulatis ac aequistimis precibus clementer locum dandu, esse censuimus, cum et alioquum haereditarium successionis ius, tu ex constitutione paterna, et iam quoque libera omnium ordinum electione ad nos spectet, tum et quod praedictus n[ost]er frater omni cū́ra semper elaborarit, et omnibus ingenij viribus in id intentis, sceleratissimḗ consultā́rit, ut nos cum carissimis fratribus et praecipuis ex nobilitate, quorum prudentia et virtutḗ suam tyrannidem et impios conatus reprimi ac impediri posse intelligeret, ḗ medio tolleremur. Id enim cum aliās liquidō omnibus constet, tum triste superioris anni exemplum Upsaliae in comitijs factum, manifestum facit, ubi praecipuā́ et veteri ex nobilitate praeclaros, ac in primis consobrinos n[ost]ros, nullo prins habito indicio, immerito in carcere turpissime trucidari curavit, et proprias quoque manus nefando homicidio polluit. Ac nisi Deus Opt[imus] Max[imus] avertisset, in nos quoque simile aut quid tristius statuere in animo habuisse comprobatum est.

Postea quoque licet inter nos et illum amicḗ ac fraterne transacta et composita essent omnia, praeter datam fidem, thori consortem n[ost]ram carissimam, serenissimam electam Sueciae Reginam, ac Poloniae principens, maudito exemplo, Magno Moscorum Dū́ci, barbaro principi transmittere statuit, ut nullo non se pollueret scelere cum vero ne id quidem ipsi succederet, Reginam matrem, Serenissimi Sueciae Regis Gostavi, parentis nostri, piaе memoriae, relictam et sorores n[ost]ras carissimas, una cum praecipuis quibusdam matronis ac dominabus eo transmisisset, nisi id quodque divina providentia ā́ nobis praeoccupatum fuisset.

Quam vero foeda nefanda, et Rege Christiano indigna sint haec consilia, omnibus pijs Regibus ac principibus et V[estrae] M[ajestati]i pro singulari sua prū́dentia et sapientia dijudicandum relinquimus. Cum vero haec omnia nullo alio evitare poteramus medio, quā́m ut iustissimam et plus quā́m necessariam n[ost]ri n[ost]ro rumque susceperimus defensionem, ideo nos nostro officio et patriae

²⁰ Автор выражает сердечную благодарность доктору исторических наук Владимиру Владимировичу Шишкину за помощь в транскрипции текста оригинала.

utilitati satisfaciendum ea in re duximus. Et cum imperia n[ostr]a tam gladio et armis, quā divina providentia, constituentur, Deo Opt[imo] Max[imo] gratias agimūs, qui clementi suo auxiliō nobis ad fuit, n[ost]ra consilia rexit, et institutum nostrum ad felicem et optatum eventum deduxit, n[ost]ramque in potestatem totum Regnum cum Rege, fratre nostro, citra multorum aedem dedit.

Regia autem arce cum urbe Stocholmia deditione occupata, V[estrae] R[egiae] M[ajestati] ibi invenimus tabellariū, nobilem Gallum, Franciseum Le Bret, qui lit[t]eras v[est]rae R[egiae] M[ajestati] praedicto Regi Erico, fratri n[ost]ro, attulerat, et in quintum mensem praeter omnem consuetudinem et morem apud Christianos Reges et principes cogitatum, indignissime ab ipso captius detentus fuerat. Ex ijs autem, V[estrae] R[egiae] M[ajestati] propensissimam voluntatem et animi erga hoc Regnum promptitudinem, nec non singulare et pium studiū eō facile agnoscimus, quōd in tantum sollicita sit, ut composito diuturno hoc bello, quod inter praedictum fratrem nostrum et Danorum Regem iam in Sexennium maximo Reipublicae malo tractum est, pax et tranquillitas optata huic Regno et toti Christianitati restituatur. Utinam ut laudabile apud omnes Europae Reges, Deo gratum et christianae reipub[licae] salutare instud V[estrae] R[egis] M[ajestati] in pace conficienda et restituenda est studium. Ita eum assevetum fuisset finem, qui seriō ā nobis et omnibus bonis principibus, pace in primis amantibus ardentissimis votis desideratus et optatus fuerat.

Agnoscimus quod amicē R[egiae] V[estrae] M[ajestati] illius amicitiae memorem esse, quae syncera, benevola et constans Regi olim Christianissimo (F. 593) // iam piē defuncto et avo v[est]ro, cum Sereniss[im]o Sueciae Rege Gostave, parente nostro carissimo, laudabilis et felicitis memoriae, intercessit. Nos quoque omnino optamus ac amice petimus, ut aedem inter nos et V[estram] R[egiam] M[ajestatem] integra ac perpetua coli et servari possit. Nihil enim nos prius habemus, quā ut inter nos et omnes Christianos Reges et principes, omnia pia mutuae amicitiae studia syncerē constent et conserventur. Rogamus quoque fraterne ac peramicē, ut V[estrae] R[egis] M[ajestati] in posterum uti hactenus tanquam Rex re et nomine Christianissimūs, in eo laborare ac studere velit, ut hoc funestum ac diuturnū bellum tandem ad pacem et concordia salutarem deduci possit. Nos equidem pro n[ost]ra parte sedulo dabimus operam, siquidem nil nisi pacem et christianam tranquillitatem cūpimūs, ne quidquam quod ad amicam transactionem et reconciliationem nobis Regnoque n[ost]ro tolerabilem co[n]ducat, intermittatur. Speramus etiam Serenissimū principem, fratrem et affinem nostrum carissimum, Sigismundum Augūstum, Regem Poloniae, propter affinitatis atque amicitiae vinculum facturum esse, ut non difficulter controversiae apud adversarios alios Deo dante componi possint.

Serenissime Rex, frater, Consanguinee atque amicē carissime, haec sunt quae n[ost]ro nomine ad literas V[estrae] R[egiae] M[ajestati] praenominato fratri Erico inscriptas, respondenda duximūs. Et si quid praeterea grati V[estrae] R[egiae] M[ajestati] Regno, subditisque no[st]ris praestare poterimus, sumus semper animo ad id promptissimo.

Deus V[estram] R[egiam] M[ajestatem] in omni florenti felicitate diutissimē incolumem conservet.

Dat[um] Holmiae XIII octobris Anno Christi M D LX VIII.

Iohannes Dei gratia, Suecoru[m], Gothorum, Vuandalorumque Rex Electus, et princeps Haereditarius.

Собственноручная подпись:

V[estrae] R[egiae] M[ajestati] ex animo Frater et Consanguineus

Iohannes R[ex] S[ueciae]

ОР РНБ. Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 9.

Подлинник

Перевод²¹

Светлейшего и могущественнейшего короля, брата и дражайшего нашего друга, Ваше королевское величество приветствуем и от всей души молим всемогущего Господа о даровании Вам всего доброго и счастливого.

Светлейший король, мы полагаем, что Вашему королевскому величеству, как и прочим христианским государям и правителям, полностью и всецело известно о том печальном состоянии, в котором пребывало наше королевство в правление Эрика, брата нашего, и сколь много различных ущемлений и разрушений было причинено королевству в его правление. И поскольку столь великим несчастьям и бедствиям, приумножавшимся день ото дня, так и не был положен конец, дворянство всего королевства, а также высшие и низшие сословия, с которыми мы держали совет для достижения общего блага, действуя в согласии и единомыслии, в конце концов попросили нас обратить внимание на столь печальное положение королевства и взять управление им в свои руки. Поэтому, милостиво уступив веским и в то же время справедливым просьбам и мольбам, мы совместно с нашими дорогими братьями в соответствии с их благородным происхождением, а также разумением и добродетелью решили сообразно с наследственным правом, установленным при нашем родителе и подтвержденным ныне всеми избранными представителями всех свободных сословий²², что поскольку наш упомянутый брат руководствовался в своем правлении преступнейшими рассуждениями и намерениями, ему и его тираническим и безбожным действиям необходимо было воспрепятствовать, а также сместить его, согласуясь с общим благом. Это в действительности стало ясно каждому после печально известного события, произошедшего в Уппсале, месте заседания риксдага²³, где лучших и старейших представителей благородного сословия, а кроме того, наших ближайших родственников, без всяких тому доказательств он самым нечестивым образом приказал убить в тюрьме, чем осквернил свои собственные руки. И если всемогущий Господь не отвратил этого, то схожая прискорбная участь могла ждать также и нас.

²¹ Перевод автора статьи.

²² Вестеросский риксдаг 1544 г., установивший право наследования престола потомками Густава I по прямой мужской линии.

²³ Для официального обвинения рода Стуре и его приближенных Эрик XIV в мае 1567 г. собрал в Уппсале риксдаг, который одобрил действия короля.

Тем не менее, в дальнейшем между нами все было братски и дружески улажено и упорядочено, за исключением одного данного им обещания, касавшегося дорогой нашей супруги, светлейшей избранной королевы шведской и принцессы польской, которую он безнравственным образом решил отправить к варварскому государю – великому герцогу Московии²⁴. Когда же он не смог осквернить себя таким злодеянием, он решил отправить туда [в Московию] королеву-мать, бездетную супругу светлейшего короля шведского Густава, родителя нашего, светлой памяти, а также наших дорогих сестер вместе с другими знатными женами и госпожами, что и свершилось бы, не вмешайся Божественное провидение.

Мы оставляем всем благочестивым правителям и государям, а также Вашему величеству своим собственным умом и благоразумием рассудить, сколь низменны и нечестивы такие действия для христианского короля. Конечно, поскольку всего этого мы не могли избежать никаким другим способом, только как тем, чтобы мы взяли на себя обязательство по справедливейшей и столь необходимой защите нашей державы, мы посчитали целесообразным возложить это дело. И, увлекаемые Божественным провидением и благосклонностью всемогущего Господа, который своими милосердием и помощью направил нашу волю к счастливому и желанному результату, мы установили наше правление мечом и оружием во всем королевстве, кроме одного обширного владения, переданного королю, брату нашему²⁵.

Когда мы заняли город Стокгольм вместе с королевским дворцом, мы нашли там посланника Вашего королевского величества уважаемого сеньора Франсуа Ле Бре²⁶, который доставил письма Вашего королевского величества королю Эрику и уже пятый месяц вопреки обычаю и закону, совершенно обездоленный, был удерживаем при дворе. Из них мы узнали о благосклонности и доброжелательности Вашего королевского величества к этому королевству, об исключительной приветливой столь верной дружбе и столь сильном желании прекратить войну между нами и кузеном нашим королем датским, которая вот уже шесть долгих лет несет с собой бедствия нашему государству, а также о желании всего христианства установить мир и спокойствие для этого королевства. Будет же оно достойно похвалы среди всех государей Европы, Божественной благости и пусть приведет к миру между всеми христианскими державами и восстановит его. И да приведет оно к столь желанной нами и всеми добродетельными государями цели, миру среди ближних возлюбленных, стремление к которому наполнено молитвами и надеждами.

---

²⁴ Иван IV.

²⁵ Абоский замок, место заключения Эрика XIV.

²⁶ Франсуа Ле Бре – французский купец из Парижа. Его в качестве гонца посол Данзе отправил к Эрику XIV для передачи своих писем и посланий от Карла IX. В письме к французскому королю от 12 июня 1568 г. он писал: «также я отправил гонцов с Вашими письмами к королям Польши и Швеции, чтобы побудить их уладить свои разногласия и привести все к счастливому завершению (перевод наш. – С. Р.)». Очевидно, от него же Данзе узнал обо всех подробностях свержения Эрика XIV [Histoire, p. 248; Bricka, s. 47].

Мы как друг королевства Вашего величества признаем ту незабвенную, верную, преданную и чистую дружбу, которая была между христианнейшим королем, Вашим дедом, ныне благочестиво почившим²⁷, и светлейшим королем шведским Густавом, дорогим родителем нашим, доброй и благой памяти. Мы также желаем чтить и сохранять бескорыстную и неизменную дружбу между нами и Вашим королевским величеством. Ибо прежде всего у нас нет ничего, кроме как [намерения] установить и поддерживать благочестивую подлинную дружбу и добрые отношения между нами и всеми христианскими государями и правителями. Мы также братски и дружественно просим Ваше королевское величество в дальнейшем, как и ранее, своими властью и наихристианнейшим именем стремиться к завершению этой разрушительной и столь длительной войны и наконец к миру и благотворному согласию. Мы же со своей стороны будем усердно заботиться о мире и христианском успокоении, которых мы желаем, не обращая внимания ни на что, кроме как на стремление к дружбе, примирению и заключению соглашения, терпимому для нас и нашего королевства. Мы также надеемся на заключение дружеских уз со светлейшим государем, нашим кузеном и шурином Сигизмундом Августом, королем польским, нашим ближайшим соседом, чтобы Господь мог без труда и споров примирить врагов, собранных вместе.

Светлейший король, брат, кузен и наш дражайший друг, это то, что мы решили ответить от нашего имени на послания Вашего королевского величества, написанные брату нашему Эрику. И если мы можем сделать еще что-либо угодное державе Вашего королевского величества и Вашим подданным, мы всегда будем готовы с удовольствием исполнить это.

Пусть Господь оберегает Ваше королевское величество во всем процветании, долгом счастье и невредимости.

Дано в Стокгольме 13 октября 1568 года от Рождества Христова.
Юхан, Божьей милостью избранный король и наследный государь
шведский, готский, вандальский,
Вашего королевского величества добрый брат и кузен
Юхан, король Шведский

Библиографические ссылки

Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году / пер. и ред. А. Терещенко. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 505 с.

Демкова Н. С. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III : (По рукописям Шведского государственного архива) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 488–500.

Ерусалимский К. Ю. Республика без республиканизма: дискурсы «общего дела» в Московской Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К. А. Соловьева. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 153–265.

²⁷ Франциск I.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. СПб. : Тип. Н. Греча, 1821. Т. 9. 770 с.

Мартин Р. Э. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков / пер. А. Шокаревой. М. : Новое лит. обозрение, 2023. 408 с.

ОР РНБ. Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 9.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : статейные списки / под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Наука, 2008. 490 с.

Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов // Средние века. 2022. Т. 83, № 1. С. 164–181. DOI 10.7868/S0131878022010093.

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. № 2. С. 220–289.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб. : Тип. В. С. Балашева и К^о, 1893. 642 с.

Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб. : Наука, 2021. 310 с.

Щеглов А. Д. Скандинавские страны в XV–XVI веках // Всемирная история : в 6 т. М. : Наука, 2011–2018. Т. 3. Мир в раннее Новое время. С. 229–241.

AAE. CP (Correspondance politique). Danemark. Instruction, donnée au sir Richer allant, ambassadeur en Dannemark, du 21 Novembre 1542 à Fontainebleau. Fol. 57–59; Suède. Traitté entre la France et la Suède du 1 Juillet 1542. Fol. 4–11.

Ahnlund N. Hans Larsson (Björnram) // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm : Norstedt, 1924. Band 4. S. 656–661.

Becker P. W. De rebus inter Ioannem et Christianum II, Daniae Reges, ac Ludovicum XII et Iacobum V, Galliae Scotiaeque Reges. Hafniae : Typis excudebant Bianco Luno et Schneider, 1835. 104 p.

Bricka C.-F. Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573. Kjøbenhavn : I kommission hos C. A. Reitzel, 1901. 239 s.

Delavaud L. Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle. Rouen : Imprimerie E. Gagniard, 1911. 110 p.

Histoire de la ville et de tout le diocèse de Paris : en 4 t. / éd. l'abbé Lebeuf. Paris : Auguste Durand, 1863. Т. 1. 467 p.

Historiya prawdziwa o przygodzie żalosnej Książęcia Jegomości Finlandzkiego Jana, już na ten czas Szwedzkiego, Gotskiego i Wandalskiego Króla, tém imieniem trzeciego, i Królownej Jéj Mości Polskiej, Katarzyny małżonki jego // Jagiellonki polskie w XVI wieku : w 5 t. / red. A. Przeździecki. Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1868. Т. 3. S. 54–94.

Hjärne H. Svensk-ryska förhandlingar 1564–72: Erik XIV: s ryska förbundsplaner. Uppsala : Almqvist & Wiksells Boktryckeri-Aktiebolag, 1897. 129 s.

Lettres de Catherine de Médicis : en 10 t. / éd. H. de La Ferrière. Paris : Imprimerie Nationale, 1885. Т. 2. 500 p.

Maillefer J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans // Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges / éd. M. Battail, J.-F. Battail. Paris : Beauchesne, 1993. P. 95–114.

Mignet F.-A.-M.-A. Une élection à l'Empire en 1519 // Revue des Deux Mondes. 2e sér. Т. 5. 1854. P. 209–254.

Ödberg F. Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575. Stockholm : C. E. Fritzes Kongl. Hofbokhandel, 1897. 304 s.

Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark. Poitiers : Imprimerie de Blais et Roy, 1910. 246 p.

Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. Copenhague : Imprimerie de F. Dreyer, 1898. P. 619–668.

Silfverstolpe C. Om Jöran Persson och konungens nämnd // Historisk Tidskrift. Stockholm : Kongl. Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, 1881. S. 303–396.

References

AAE. CP (Correspondance politique). Danemark. Instruction, donnée au sir Richer allant, ambassadeur en Dannemark, du 21 Novembre 1542 à Fontainebleau. Fol. 57–59; Suède. Traité entre la France et la Suède du 1 Juillet 1542. Fol. 4–11.

Ahnlund, N. (1924). Hans Larsson (Björnram). In *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, Norstedt. Band 4, s. 656–661.

Becker, P. W. (1835). *De rebus inter Ioannem et Christianum II, Danicæ Reges, ac Ludovicum XII et Iacobum V, Gallicæ Scotiæque Reges*. Hafniæ, Typis excudebant Bianco Luno et Schneider. 104 p.

Bricka, C.-F. (1901). *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske Hof om Forholdene i Norden 1567–1573*. Kjøbenhavn, I kommission hos C. A. Reitzel. 239 s.

Delavaud, L. (1911). *Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle*. Rouen, Imprimerie E. Gagniard, 110 p.

Demkova, N. S. (1996). Gramoty Ivana Groznogo shvedskim korolyam Eriku XIV i Iogannu III. (Po rukopisyam Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva) [Letters from Ivan the Terrible to Swedish Kings Eric XIV and John III. (From Manuscripts of the Swedish State Archives)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 50, pp. 488–500.

Erusalimskii, K. Yu. (2021). Respublika bez respublikanizma: diskursy “obshchego dela” v Moskovskoi Rusi [Republic without Republicanism: Discourses of the “Common Cause” in Muscovite Russia]. In Solov’ev, K. A. (Ed.). *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov’ya do kontsa XX veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 153–265.

Filyushkin A. I. (2013). *Izobretaya pervuyu voinu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the First War between Russia and Europe: The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Descendants]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 880 p.

Filyushkin, A. I. (2015). Russko-litovskaya voina 1561–1570 i datsko-shvedskaya voina 1563–1570 gg. [The Russo-Lithuanian War of 1561–1570 and the Danish-Swedish War of 1563–1570]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. No. 2, pp. 220–289.

Forsten, G. V. (1893). *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648)* [The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544–1648)]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva i Co. 642 p.

Historia prawdziwa o przygodzie żalosej Książęcia Jegomości Finlandzkiego Jana, już na ten czas Szwedzkiego, Gotskiego i Wandalskiego Króla, tém imieniem trzeciego, i Królownej Jój Mości Polskiej, Katarzyny małżonki jego (1868). In Przeździecki, A. (Ed.). *Jagiellonki polskie w XVI wieku w 5 t.* Kraków, Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego. T. 3, s. 54–94.

Hjärne, H. (1897). *Svensk-ryska förhandlingar 1564–72: Erik XIV:s ryska förbundsplaner*. Uppsala, Almqvist & Wiksells Boktryckeri-Aktiebolag. 129 s.

Karamzin, N. M. (1821). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12 t.* [History of the Russian State. 12 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya N. Grecha. Vol. 9. 770 p.

La Ferrière, H. de. (1885). *Lettres de Catherine de Médicis en 10 t.* Paris, Imprimerie Nationale. T. 2. 500 p.

Lebeuf, l'abbé. (1863). *Histoire de la ville et de tout le diocèse de Paris en 4 t.* Paris, Auguste Durand. T. 1. 467 p.

Likhachev, D. S. (Ed.). (2008). *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Stateinye spiski* [Travels of Russian Ambassadors in the 16th–17th Centuries]. St Petersburg, Nauka. 490 p.

Maillefer, J. M. (1993). Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans. In Battail, M., Battail, J.-F. (Eds.). *Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges*. Paris, Beauchesne, pp. 95–114.

Martin, R. E. (2023). *Nevesta dlya tsarya. Smotry nevest v kontekste politicheskoi kul'tury Moskovii XVI–XVII vekov* [A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia] / transl. by A. Shokareva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 408 p.

Mignet, F.-A.-M.-A. (1854). Une élection à l'Empire en 1519. In *Revue des Deux Mondes*. 2e sér. T. 5, pp. 209–254.

Ödberg, F. (1897). *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575*. Stockholm, C. E. Fritzes Kongl. Hofbokhandel. 304 s.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. P. P. Dubrovsky's Collection. Autograph 13, No. 9.

Richard, A. (1910). *Un diplomate poitevin du XVIe siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark*. Poitiers, Imprimerie de Blais et Roy. 246 p.

Rørdam, H. F. (1898). Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle. In *Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897*. Copenhagen, Imprimerie de F. Dreyer, pp. 619–668.

Ryabov, S. M. (2022). “Eta tovgovlya ves'ma udobna i prinosit ogromnyu pribyl' vashim poddannym i uspokoenie vashemu korolevstvu”: russko-frantsuzskaya kommersiya v Narve v usloviyakh Baltiiskikh voin 1560-kh godov [“This Trade is very Convenient and Brings Great Profit to Your Subjects and Appeasement to Your Kingdom”: Russian-French Commerce in Narva in the Context of the Baltic Wars of the 1560s]. In *Srednie veka*. Vol. 83. No. 1, pp. 164–181. DOI 10.7868/S0131878022010093.

Shcheglov, A. D. (2011–2018). Skandinavskie strany v XV–XVI vekakh [Scandinavian Countries in the 15th–16th Centuries]. In *Vsemirnaya istoriya v 6 t*. Moscow, Nauka. Vol. 3. Mir v rannee Novoe vremya, pp. 229–241.

Shishkin, V. V., Schwarcz, I. (2021). *Frantsuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekakh* [The French Kingdom and the Russian State in the 11th–16th Centuries]. St Petersburg, Nauka. 310 p.

Silfverstolpe, C. (1881). Om Jöran Persson och konungens nämnd. In *Historisk Tidskrift*. Stockholm, Kongl. Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, s. 303–396.

Vianey, B. (2017). *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu* [The Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586] / transl. and ed. by A. Tereshchenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 505 p.

The article was submitted on 14.02.2023

DOI 10.15826/qr.2023.3.826

УДК 091:355.1(470) + 94(470)"1702/1710" + 355:342.519.11(470) + 355.48
(485:470)"1702"

**О неизвестном письме
«из новозавоеванного города Арешка»***

Алексей Алексеев

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**About an Unknown Letter
“from the Newly Conquered City of Areshek”****

Alexey Alekseev

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

A handwritten book *Collection of Military Letters* is kept in the funds of the Russian National Library. It is a collection containing copies of messages about the military operations of parts of the Russian Army in 1702–1710. The study of the manuscript makes it possible to establish that the collection comes from the office of Boyar T. N. Streshnev and belonged to Clerk I. P. Topilsky. On the first pages of the collection, there is a previously unknown letter with a message about the assault and capture of the fortress of Nöteborg. An analysis of the letter demonstrates that its author was P. P. Shafirov, secretary of the Ambassadorial Prikaz. He was sent to Nöteborg to negotiate the conditions for surrendering the fortress. The letter contains information about the events of the assault, the course of negotiations, an assessment of the damage to the fortifications, and reports on the losses of the Russian side. Shafirov's letter, written the day after the assault, is much longer than the known letters of Peter I but is not a work of the editors who created the official text of the report much later. The introduction of a new source about the assault and capture of Nöteborg adds to the knowledge about one of the significant events of the initial stage of the Northern War.

Keywords: Northern War, assault on Nöteborg, P. P. Shafirov, military office of Boyar T. N. Streshnev

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23–18–00420 «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.».

** *Citation:* Alekseev, A. (2023). About an Unknown Letter “from the Newly Conquered City of Areshek”. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 918–928. DOI 10.15826/qr.2023.3.826.

Цитирование: Alekseev A. About an Unknown Letter “from the Newly Conquered City of Areshek” // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 918–928. DOI 10.15826/qr.2023.3.826 / Алексеев А. О неизвестном письме «из новозавоеванного города Арешка» // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 918–928. DOI 10.15826/qr.2023.3.826.

В фондах РНБ хранится рукописная книга «Сборник военных писем». Она представляет собой рукопись, в которой переписаны тексты сообщений о боевых действиях частей русской армии в 1702–1710 гг. Ее изучение позволило установить, что она происходит из канцелярии боярина Т. Н. Стрешнева и принадлежала подьячему И. П. Топильскому. На первых листах книги помещено неизвестное ранее письмо с сообщением о штурме и взятии крепости Нотебург. В результате анализа содержания письма выявлено, что его автором являлся секретарь Посольского приказа П. П. Шафиров. Он был направлен в Нотебург для переговоров об условиях сдачи крепости. В письме содержится информация о событиях штурма, о ходе переговоров, дается оценка степени повреждения укреплений, а также сообщается о потерях русской стороны. Письмо П. П. Шафирова написано на следующий день после штурма, оно гораздо пространнее известных писем Петра I, но не является плодом работы редакторов, создавших официальный текст реляции значительно позднее. Введение в оборот нового источника о штурме и взятии Нотебурга способствует пополнению знаний об одном из важных событий начального этапа Северной войны.

Ключевые слова: Северная война, штурм Нотебурга, П. П. Шафиров, военная канцелярия боярина Т. Н. Стрешнева

Штурм и взятие войсками Петра I шведской крепости Нотебург 12 октября 1702 г. относятся к хрестоматийным сюжетам Северной войны. Драматичные события штурма нашли отражение в «Книге Марсовой» [Книга Марсова, с. 3–4], «Гистории Свейской войны» [Гистория, с. 95–100, 223–227], предшествовавших им реляциях и журналах [ПиБ, № 471, с. 99–109], письмах Петра Великого [Там же, № 459, с. 90; № 460, с. 91; № 461, с. 91–92; № 462, с. 92; № 463, с. 93; № 464, с. 93–94; № 465, с. 94]. Сохранились и описания штурма в шведских источниках [Шаскольский]. Историография взятия Нотебурга довольно богата. Одним из последних исследований, которое вносит существенный вклад в установление подлинной картины героических деяний российских воинов, является монография Б. В. Мегорского [Мегорский, с. 738–739]. Ее автору удалось привести веские доказательства в пользу того, что версия официальной историографии, согласно которой гарнизон капитулировал, исчерпав все средства к сопротивлению, должна быть существенно скорректирована.

В этой связи введение в научный оборот любого нового источника исследователи могут лишь приветствовать. И такой источник был обнаружен. В собрании Санкт-Петербургской духовной академии, которое ныне хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, находится книга под названием «Собрание различных военных писем и известий» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 1]. Из карандашной пометы на этом же листе можно заключить, что это заглавие дал рукописи монах Исидор, бывший бакалавром академии и ее библиотекарем в 1825–1829 гг. Рукопись представляет собой сборник

в переплете размером 17 × 20,5 см. Сохранился переплет первой четверти XIX в. Наблюдения над водяными знаками позволили обнаружить, что бумагу рукописи следует датировать концом XVII – началом XVIII в. [Дианова, № 300, с. 95]. На правых полях листов с 1-го по 9-й читается владельческая запись «Сия книжка господина коллегии Экономии члена Ивана Петровича Топильского», а на л. 10–22 можно прочесть вкладную запись, из которой следует, что «лета 1730 ноября в 31 день» служитель И. П. Топильского Василий передал книгу в Александро-Невский монастырь.

Как явствует из этих записей, владельцем рукописи было довольно известное лицо. И. П. Топильский служил подьячим в Разрядном приказе, с 1713 г. – дьяком Военной канцелярии, затем обер-ландрихтером Московской провинциальной канцелярии, впоследствии являлся секретарем Верховного тайного совета, а затем членом присутствия Коллегии экономии. Умер он не позднее 1734 г. Можно утверждать также, что на момент передачи в Александро-Невский монастырь рукопись уже была книжкой, то есть ее листы были прошиты и снабжены переплетом. Рукопись написана коричневыми и черными чернилами различными почерками начала XVIII в. На наш взгляд, в ней можно выделить не менее полутора десятков почерков. Сказанное позволяет утверждать, что перед нами сборник копий, составленный писцами одной из канцелярий петровского времени в 1702–1710 гг. Принадлежность канцелярии устанавливается из указания адресата большей части сообщений – это боярин Тихон Никитич Стрешнев. В указанный период он возглавлял Разрядный приказ и, следовательно, являлся руководителем И. П. Топильского.

В рукописи помещены копии двух десятков документов. Их хронологический охват – с 1702 по 1710 г. Первый документ не имеет указания на автора и адресата, заголовок гласит: «Октября в 22 день к Москве из новозавоеванного города Арешка чрез посту писано» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 1]. Проанализировав содержание документа, можно прийти к выводу о том, что перед нами письмо, написанное 13 октября 1702 г. из сдавшейся русским войскам крепости Нотебург, которое было получено в Москве 22 октября. Исходя из того факта, что адресатом большей части помещенных в сборнике реляций являлся боярин Т. Н. Стрешнев, следует предположить, что письмо из «новозавоеванного города Арешка» адресовано именно ему. Автора письма также установить нетрудно. Повествование ведется от первого лица. Рассказывая о ходе переговоров русского командования со шведской стороной, автор сообщает:

И с тем послал он к фельтмаршалку Борису Петровичу, и тогда все приехали из обозу в начальнейшие шанцы, и изволил великий государь меня послать с Никитою Жерловым, порутчиком гранодерским, к городу, чтоб спросил их тот час о намерении их, хотят ли здаватца, а без того сроку им не дадут [Там же. Л. 2].

Из «Истории Свейской войны» известно, что в качестве переговорщика в крепость был отправлен П. П. Шафиров в сопровождении офицера Н. Жерлова [История, с. 59]. Таким образом, автора нашего сообщения следует отождествить именно с П. П. Шафировым. В подтверждение правильности нашего предположения следует привести и другие места из сообщения, где автор говорит о себе: «И как мы к башне розбитой приехали, вышел к нам з барабанщиком капитан, которому мы то объявили» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 2–2 об.]. Далее он сообщает о том, что именно ему принадлежала главная роль в переговорах: «Им о своде людей отказали, однакож оставил я у них Никиту Жерлова з барабанщиком, а они послали своего порутчика з барабанщиком, которого изволил великий государь принять тайным лицом» [Там же. Л. 2 об.]. Автор не упускает случая подчеркнуть объем своих властных полномочий, которыми он наделен:

И тем договором отпущен тот порутчик в город, чтоб до ночи отдали город, а далее сроку не дадут, и как позамедлят ответам, послал я с маером Кирхеном к городу, чтоб тот час учинили отповедь к ответу и пустили наших того ж вечера на проломной город, которые они то поволители [Там же. Л. 3].

Несомненно, что лишь посланник царя П. П. Шафиров имел право давать поручения майору Преображенского полка, и только он мог записать: «И мы, роставя людей своих по городской стене, возвратились с тою ведомостью к великому государю» [Там же].

О штурме автор сообщает краткую информацию. Из строк письма следует, что, когда стали заметны разрушения на двух башнях крепости, заранее записавшиеся охотники бросились на штурм. Этот приступ не имел успеха, и новая волна натиска была организована подполковником Семеновского полка князем М. М. Голицыным и майором Преображенского полка Карповым, которые возглавили гвардейские роты. Этот приступ также не имел успеха, и осаждавшие, отступив от стен, укрылись за полисадами, выжидая наступления ночи для новой попытки. Шведы подожгли полисады, вынудив часть русских солдат перебраться в лодки и удалиться от острова. Князь М. М. Голицын, предотвращая бегство солдат, приказал оттолкнуть от берега пустые лодки и повел бойцов на решительный приступ. Гарнизон крепости, ударив в барабаны, запросил перемирия, объявив о намерении сдать крепость на следующий день после полудня. В ответ на это предложение шведской стороны в крепость был направлен П. П. Шафиров с гренадерским поручиком Никитой Жерловым.

Сравнив сообщение П. П. Шафирова с рассказом об этом же эпизоде в обеих редакциях «Истории Свейской войны», обратим внимание, что в тексте письма, как и в «Реляции» [ПиБ, № 471, с. 99–109], отсутствуют упоминания о каком-либо участии в штурме А. Д. Меншикова. Не упоминается о решающем вкладе А. Д. Меншикова в ор-

ганизацию последнего штурма крепости и в «Книге Марсовой» [Книга Марсова, с. 3]. Между тем в «Гистории» ему отведена важная роль вслед за героическим поступком подполковника князя М. М. Голицына, именно «от бомбардир порутчик Меншиков» «суды збирать начал и еще несколько человек людей к берегу явно привел для переезду на помощь нашим» [Гистория, с. 99, 226].

Ход переговоров автор освещает глазами одного из главных действующих лиц. Как явствует из его рассказа, переговорщики были встречены шведским капитаном, которому сразу же было отказано в предоставлении перемирия и было предложено капитулировать немедленно. В ответ на это шведский комендант вновь просил срок для капитуляции до полудня завтрашнего дня, а также просил увести со стен русских солдат. Последнее требование было сразу же отклонено, но П. П. Шафиров, оставив в крепости поручика Жерлова с барабанщиком, разрешил коменданту отправить в русскую ставку офицера для переговоров. Посланцев инкогнито в присутствии фельд-маршала Б. П. Шереметева принял царь, который категорически отверг требования об отводе своих солдат и потребовал сдать крепость к утру. При этом коменданту было позволено послать за офицерами из шведских войск, находящихся вне города, для того, чтобы они засвидетельствовали невозможность для гарнизона продолжать сопротивление. Но уже вечером в крепость был отправлен майор Кирхен с категорическим требованием о занятии стен и проломов русскими войсками. Шведы выполнили это требование, что фактически означало капитуляцию гарнизона. Той же ночью ведомость с условиями капитуляции была одобрена царем Петром. Утром шведскому гарнизону было разрешено покинуть крепость.

Любопытно, что, говоря об этом, автор употребляет выражение «а им велено выбиратьца» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 3 об.]. Ранее в рассказе об условиях капитуляции он отметил требование коменданта: «чтоб их выпустить всех с ружьем, и с распущенными знаменны, и з барабанным боем, с четырьмя пушками, кои три от нас учиненные проломы» [Там же. Л. 2 об. –3]. На основании этого очевидного противоречия в рассказе можно предположить вслед за Б. В. Мегорским, что пресловутые проломы существовали лишь на бумаге и что «из-за непроходимости пролома шведский гарнизон вышел из крепости не через брешь, а через ворота, а обычай почетной капитуляции (включая пункт о бреши) обе стороны решили соблюсти хотя бы на бумаге» [Мегорский, с. 739].

Сравнивая сведения нашей реляции с теми, которые содержались в официальном рапорте о капитуляции Нотебурга и в «Гистории Свейской войны», следует отметить, что они в основном совпадают. В реляции П. П. Шафирова опущен ряд подробностей, которые имеются в известных источниках, но при этом сообщены важные детали. В частности, в описании штурма важнейшее значение приобретают обстоятельства подвига князя М. М. Голицына. Он приказал оттол-

кнуть пустые лодки от берега, предотвращая бегство осаждающих, после того как шведы зажгли полисады, служившие для русских солдат укрытием. В реляции также названо имя того офицера, который командовал солдатами, занявшими брешь ночью, это майор Преображенского полка М. Б. Кирхен. Именно его сменил генерал-майор И. И. Чамберс, который утром вместе с Петром I снял шведские караулы внутри крепости.

Наш автор записал впечатления очевидца, отметившего тяжелые повреждения в городе:

И мы везде в городе гуляли, там бомбы наши и се строение, которое в нем было, много переломано, что и мест ровных едва на земли сыщется, и людей множество побито и поранено, так что только служилых полчетверта ста осталось, и в том числе мало цело [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 3 об.].

При этом были подмечены свойства, делавшие крепость неприступной:

Город безмерно крепок, стены в три сажени косых толщиной, высотой сажень близ десяти, большая часть дикова камня, кругом река быстра, аки стрела, течет сажень под двести, а земли за городом в лучшем месте четыре сажени или пять, мало не везде по сажени и менши, и то зело круто и камень [Там же].

Любопытно, что именно это описание Нотебурга было включено в рукопись «Истории Петра Великого» П. Н. Крекшина, составленной в 1742 г. [РГАДА. Ф. 17. № 167. Л. 387]. Об артиллерийском вооружении крепости автор сообщает явно преувеличенные сведения: «В городе пушек медных и железных 200, пороху, ядер довольно и бомб да семь мартиров» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 3 об.]. В «Реляции» о взятии Нотебурга было указано, что в крепости взято всего 107 пушек [ПиБ, № 471, с. 107].

В целом же успех штурма крепости П. П. Шафиров оценивает как достигнутый с Божьей помощью: «Дело достойно Бога благодарити за такое милосердие и счастливое взятие» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 3 об.]. Именно такая оценка содержалась в письмах Петра I князю Ф. Ю. Ромодановскому, И. А. Мусину-Пушкину, Т. Н. Стрешневу, Ф. М. Апраксину, Ав. И. Иванову [ПиБ, № 459, 460, 461, 463, 465]. Особняком стоит выделить письма А. А. Виниусу и А. Стейльсу. В обоих употреблено знаменитое уподобление крепости Нотебург ореху: «Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава Богу, счастливо разгрызен». Но если в первом письме заслуга взятия крепости приписывается русской артиллерии («Артиллерия наша зело чюдесно дело свое справила») [Там же, № 462, с. 92], то во втором письме указывается, что артиллерия вышла из строя: «но не без тягости, ибо многие наши медные зубы от того испортились» [Там же, № 464, с. 94].

О потерях при штурме автор реляции сообщает лишь самые общие и приблизительные сведения: «На приступе наших не без урону и несколько сот ранены» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 4]. В числе убитых он по именам называет майора Преображенского полка Гаста, капитанов Рупина, Давыда Брека, а также поручика – «меньшого племянника Афонасия Дмитриева Мамонова» [Там же]. Если сопоставить упомянутые имена с именами погибших офицеров, то приходится признать, что некоторую путаницу допустил переписчик реляции [см. об этом: Устрялов, с. 473]. Майором Преображенского полка был, несомненно, Давид Гаст, упомянутые капитаны того же полка могут быть отождествлены с Иваном Рукиным и Андреем Вальбрехтом [см. об этом: Бобровский, с. 41–42]. Племянником А. Д. Мамонова был поручик Семеновского полка Иван Мамонов [см. об этом: Дирин, с. 58]. Наш автор также упоминает о тяжелом ранении майора Семеновского полка Мейера: «семеновский маеор Мейер ранен в лопатку насквозь не бес страху» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 4]. Поскольку майор Семеновского полка Кондратий Мейер числился среди офицеров, погибших при штурме [Дирин, с. 58], то, очевидно, на момент написания сообщения офицер находился в числе тяжело раненных и умер вскоре после его отправки.

Следует остановиться на сообщении о ранении майора Преображенского полка Карпова. В письме говорится: «Майор преображенской Дмитрий Карпов, которой у города ранен от своих был, ныне паки ранен, но же однакож не чрез меру тяжело» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 4 об.].

Во-первых, автор точно называет имя героя штурма Нотебурга – Дмитрий Карпов, что соответствует действительности, поскольку подтверждается сведениями других источников [Походный журнал, с. 72; Гизен, с. 317, 434]. Известно, что за свой подвиг при взятии Нотебурга майор Д. К. Карпов был произведен в чин подполковника и получил соответствующее вознаграждение [ПиБ, № 466, с. 95]. Подполковник Дмитрий Карпов погиб под Нарвой во время смены караулов 23 июля 1704 г. В письме Р. В. Брюса из Санкт-Петербурга А. Д. Меншикову от 31 июля 1704 г. говорится: «Тело Дмитрея Кузмича с подобающею честью погребено против повеления милости вашей» [Базарова, с. 362] Мы специально позволили себе заострить внимание на этом факте, поскольку в исторической литературе в последнее время заметна путаница относительно имени героя штурма Нотебурга: авторы комментариев к «Истории Петра Великого» Ф. И. Соймонова тяжело раненным при штурме Нотебурга указывают майора Семена Карпова [Соймонов, с. 90, 100, 162, 405] а в комментариях к широко популярному интернет-ресурсу майор Карпов назван Иваном [Биохроника Петра Великого. 11.10.1702].

Во-вторых, в реляции П. П. Шафирова впервые сообщается о факте предшествующего ранения майора Дмитрия Карпова «от своих» «под городом», под которым, вероятно, подразумевался Архангельск.

При каких обстоятельствах произошло это ранение, и не отразился ли этот факт на судьбе подполковника Преображенского полка Д. К. Карпова, судить пока невозможно. Кроме того, П. П. Шафиров сообщает о смерти И. А. Головина: «Перед приступом за день преставился Иван Алексеевич Головин, лежал огневицею дней семь, и тело его положено в Ладогѣ» [ОР РНБ. Ф. 573. № 316. Л. 4 об.]. Известно, что И. А. Головин был братом Ф. А. Головина, участником Великого посольства 1697–1698 гг. и одним из приближенных Петра I.

Текст реляции П. П. Шафирова был призван дать более пространные сведения о взятии шведской крепости Нотебург и, вероятно, служил дополнением к письмам, которые царь разослал своим ближайшим соратникам немедленно после капитуляции гарнизона. В дальнейшем эти далеко не полные, но собранные оперативно сведения заменили пространные реляции. Следует отметить и роль боярина Т. Н. Стрешнева: на первом этапе Северной войны он выполнял важные функции по обеспечению действующей армии всем необходимым и входил в число адресатов, которым царь считал необходимым направлять наиболее важные сообщения.

Ниже помещаем публикацию неизвестного ранее письма П. П. Шафирова «из новозавоеванного города Арешка» по рукописи из фондов ОР РНБ. При публикации орфография документа сохранена.

1702 г., октября 13

**Письмо П. П. Шафирова судье Разрядного приказа боярину
Т. Н. Стрешневу о взятии крепости Нотебург (Орешек)**

(Л. 1) // Октября в 22 день¹ к Москве из новозавоеванного города Арешка чрез посту писано.

Великою радости объявляю: милостию Божиею и счастием великого государя нашего монарха крепость Орешек сего октября в 12 день взята последующим образом. Как на двух башнях на стене городовой довольные промыслы от пушек наших учинены, и по посылке от нас камендант здать не похотел, в 12 день, в воскресенье, до свету приказано учинить охотником, которые записались, с четвертой стороны учинить приступ за четыре часа дневных с четвертых сторон, которые то учинили. И быв тот от них приступ за четыре часа дни на городовые сидельцы, зело жестоко бранили, и не могли наши войти в город, однакож на острову том (Л. 1 об.) // под самым городом одержали за их чесноком или полисады. И то видя, посланные из наших шанец несколько рот под командою подполковника князя Михаила Михайловича Голицына² Преображенского и Семеновского полков на помощь и потом маеор Дмитрий Карпов³ с тремя роты преображенскими,

¹ Дата получения письма.

² Голицын Михаил Михайлович (1675–1730), князь, в 1702 г. подполковник лейб-гвардии Семеновского полка. За героизм при штурме Нотебурга получил чин полковника лейб-гвардии Семеновского полка.

³ Карпов Дмитрий Кузьмич (убит в 1704), в 1702 г. майор лейб-гвардии Преображенского полка. За героизм при штурме Нотебурга произведен в чин подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.

которые паки мужественные приступы чинили мало не до вечера не за многим упротивлением не могли войти на город. И для того стали поссоветов при стенах как мочно укрепитца, чтоб, дождав ночи, учинить промысл. И неприятель, то видя, зажгли около стен своих строение, от которого огня нашим сидеть стало трудно, и принуждены многие отъехать от стен на лотках назад, но, то видя, князь Михаил Михайлович, с некоторыми офицерами поссоветов, (Л. 2) // отпустил все лотки прочь без людей, а сам мужественное намерение восприял и говорил, чтоб все готовились на приступ, не надеясь себе возврату на другую сторону без лоток. Лутче де мужественно поидем, нежели так отоигить от такие неприятельские стрельбы безумно згубить. И пошел, предводительствуя всем, на приступ, что, то видя, неприятели ослабели и стали бить в барабан и просить о переговоре, чтоб им дал до другога дни сроку, до полудня, и тогда они, обмысля, скажут свое намерение. И с тем послал он к фельтмаршалку Борису Петровичу⁴, и тогда все приехали из обозу в начальнейшие шанцы, и изволил великий государь меня послать с Никитою Жерловым⁵, поручником гранодерским, к городу, чтоб спросил их тот час о намерении их, хотят ли здаватца, а без того сроку им не дадут. И как мы к башне (Л. 2 об.) // розбитой приехали, вышел к нам з барабанщиком капитан, которому мы то объявили. И он, сходя к каменданту, принес отповедь, что хотят, конечно, город здать, только дали б им до другога дни сроку до полудня, поссоветав со всеми офицерами, и людей бы наших свели, и оставили б одного офицера у нас в городе, а они присылают к ним против того. Им о своде людей отказали, однакож оставил я у них Никиту Жерлова з барабанщиком, а они послали своего поручника з барабанщиком, которого изволил великий государь принять тайным лицом и отвезть в обоз к фельтмаршалке, где он о том же просил в прежнем, но ему в своде людей отказано ж, а сроку дано до утра, чтоб, кончая, прислали договорные статьи о здаче, еже поутру от них не учинено, которых просили, чтоб их выпустили всех с ружьем, (Л. 3) // и с роспущенными знамены, и з барабанным боем, с четырьмя пушками, кои три от нас учиненные проломы. И просим есть позволить прежде отдачи города послан х каменданту в войско свое двух офицерах, которые бы могли осмотреть город ему для оправдания, что не мочно держатца. Ежели ему и позволено, кроме того, чтоб тем офицерам для спору быть по отдаче города. И тем договором отпущен тот поручник в город, чтоб до ночи отдали город, а далее сроку не дадут, и как позамедлят ответам, послал я с маером Кирхеном⁶ к городу, чтоб тот час учинили отповедь к ответу и пустили наших того ж вечера на проломной город, которые они то поволители. И мы, роставя людей своих по городской стене, возвратились с тою ведомостью к великому государю. И назавтрея, то есть октября в 13 день, вошли, и круг всего города наши (Л. 3 об.) // люди, а им велено выбиратьца. И мы везде в городе гуляли, там бомбы наши и се строение, которое в нем было много переломано, что и мест ровных едва на земли сыщется, и людей множество побито и поранено, так что только служилых полчетверта ста осталось, и в том числе мало цело. Город безмерно крепок, стены в три сажени косых толщиною, высотой сажень близ десяти, большая часть дикова камени, кругом река быстра, аки стрела, течет сажень под двести, а земли за городом в лутчем месте четыре сажени или пять, мало не везде по сажени и менши, и то зело круто и камень. В городе пушек медных и железных 200, пороху, ядер довольно и бомб да семь мартиров. Дело достойно Бога благодарити за такое милосердие и счастливое взятъе. Чаем (Л. 4) // ныне милостию божиею отсуду к вам путь восприяти

⁴ Шереметев Борис Петрович (1652–1719), генерал-фельдмаршал с 1702 г.

⁵ Жерлов Никита, в 1702 г. подпоручик, начал службу в потешных войсках в 1688 г.

⁶ Кирхен Марк Богданович (ум. 1710), в 1702 г. майор лейб-гвардии Преображенского полка.

и о чем подлинно впредь явитца. Судами пришло в 5000 конницы да с три тысячи пехоты изо Пскова, и переправлены с конца за Неву, а что начнетца станет, впредь явитца. Из Орешка октября в 14 день.

На приступе наших не без урону, и несколько сот ранены. Из офицеров убиты преображенской маер Гаст⁷, капитаны Рупин⁸, Давид Брек⁹ и те, которые иных ис поруччиков, меньшей племянник Афонасия Дмитриева Мамонова¹⁰ и те, которые иные, которых не знают, також же из иных полков нововыезжие несколько офицеров и господ, хотя в самом огне были, Бог сохранил, только некоторые ранены и зашиблены камением, и то легко. Майор преображенской (Л. 4 об.) // Дмитрий Карпов, которой у города ранен от своих был, ныне паки ранен же, однакож не чрез меру тяжело, семеновский маер Мейер¹¹ ранен в лопатку насквозь, не бес страху.

Перед приступом за день преставился Иван Алексеевич Головин¹², лежав огневицею дней семь, и тело его положено в Ладоге.

ОР РНБ. Ф. 573.
Собрание Санкт-Петербургской духовной академии.
№ 316. Л. 1–4 об.
Копия

Библиографические ссылки

Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого : очерки. СПб. : Гйоль, 2014. 408 с.

Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств. Департамент истории : [сайт]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения: 20.03.2023).

Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка : в 2 т. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. Т. 2. 308 с.

Гизен (Гюйссен) Г., барон. Журнал государя Петра I с 1695 по 1709. Половина первая // Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого : в 9 ч. СПб. : Печ. у Шнора, 1787. Ч. 3. 493 с.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова ; под общ. ред. А. А. Преображенского : в 2 вып. М. : Кругъ, 2004. Вып. 1. 631 с.

Дианова Т. В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб Амстердама». М. : Гос. ист. музей, 1998. 166 с.

Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка : в 2 т. СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1883. Т. 1. 448 с.

Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величества российских... СПб. : [Б. и.], 1713. 62 л.

Мегорский Б. В. Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. М. : Эксмо : Яуза, 2022. 890 с.

ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. Санкт-Петербургской духовной академии). № 316.

ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. СПб. : Гос. тип., 1889. Т. 2. 822 с.

⁷ Гаст Давид, майор лейб-гвардии Преображенского полка.

⁸ Рукин Иван, капитан лейб-гвардии Преображенского полка.

⁹ Вальбрехт Андрей, капитан лейб-гвардии Преображенского полка.

¹⁰ Дмитриев-Мамонов Иван, поручик лейб-гвардии Семеновского полка.

¹¹ Мейер Кондратий, майор лейб-гвардии Семеновского полка.

¹² Головин Иван Алексеевич (ум. 1702), в 1697–1698 гг. участник Великого посольства, обучался корабельному мастерству в Амстердаме.

- РГАДА. Ф. 17. № 167.
 Соимонов Ф. И. История Петра Великого / отв. ред. П. А. Кротов. СПб. : XVIII век, 2012. 456 с.
 Устрялов Н. Г. История Петра Великого : в 6 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1863. Т. 4, ч. 1. Приложения. 672 с.
 Шаскольский И. П. Шведский источник об осаде Нотебурга Петром I // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л. : Наука, 1987. С. 216–222.

References

- Bazarova, T. A. (2014). *Sozdanie "Paradiza": Sankt-Peterburg i Ingermanlandiya v epokhu Petra Velikogo. Ocherki*. [Creation of "Paradise": St Petersburg and Ingermanland in the Era of Peter the Great. Essays]. St Petersburg Giol'. 408 p.
- Biokhronika Petra Velikogo (1672–1725 gg.) [Bio-Chronicle of Peter the Great (1672–1725)]. In *Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" v Sankt-Peterburge. Sankt-Peterburgskaya shkola gumanitarnykh nauk i iskusstv. Departament istorii* [website]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (accessed: 20.03.2023).
- Bobrovskii, P. O. (1904). *Istoriya Leib-gvardii Preobrazhenskogo polka v 2 t.* [History of the Lifeguards of the Preobrazhensky Regiment. 2 Vols.]. St Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 2. 308 p.
- Dianova, T. V. (1998). *Filigrani XVII–XVIII vv. "Gerb Amsterdama"* [Filigree from the 17th–18th Centuries. "Coat of Arms of Amsterdam"]. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 166 p.
- Dirin, P. (1883). *Istoriya leib-gvardii Semenovskogo polka v 2 t.* [History of the Lifeguards of the Semenovskiy Regiment. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya E. Goppe. Vol. 1. 448 p.
- Hüyssen, H., baron. (1787). Zhurnal gosudarya Petra I s 1695 po 1709. Polovina pervaya [Journal of Emperor Peter I from 1695 to 1709. Part 1]. In Tumanskii, F. O. *Sobranie raznykh zapisok i sochinenii, sluzhashchikh k dostavleniyu polnogo svedeniya o zhizni i deyaniyakh gosudarya imperatora Petra Velikogo v 9 ch.* St Petersburg, Pechatano u Shnorra. Part 3. 493 p.
- Kniga Marsova, ili Voinskikh del ot voisk tsarskogo velichestva rossiiskikh...* [The Book of Mars, or Military Affairs from the Troops of the Russian Tsarist Majesty...]. St Petersburg, S. n. 62 p.
- Maikova, T. S., Preobrazhenskii, A. A. (Eds.). (2004). *Gistoriya Sveiskoi voiny (Podennaya zapiska Petra Velikogo) v 2 vyp.* [History of the Swedish War (A Day Note of Peter the Great). 2 Iss.]. Moscow, Krug". Iss. 1. 631 p.
- Megorskii, B. V. (2022). *Osady i shturmy Severnoi voiny 1700–1721 gg.* [Sieges and Assaults of the Great Northern War of 1700–1721]. Moscow, Eksmo, Yauza. 890 p.
- OR RNB* [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 573 (Sobranie Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii). No. 316.
- PiB – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1889). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 2. 822 p.
- RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 17. No. 167.
- Shaskol'skii, I. P. (1987). Shvedskii istochnik ob osade Noteburga Petrom I [Swedish Source about the Siege of Nöteborg by Peter I]. In *Materialy i soobshcheniya po fondam otдела rukopisnoi i redkoi knigi*. 1985. Leningrad, Nauka, pp. 216–222.
- Soimonov, F. I. (2012). *Istoriya Petra Velikogo* [History of Peter the Great] / ed. by P. A. Krotov. St Petersburg, XVIII vek. 456 p.
- Ustryalov, N. G. (1863). *Istoriya Petra Velikogo v 6 t.* [History of Peter the Great. 6 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 672 p.

The article was submitted on 15.03.2023

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2023.3.827

УДК 94(470)"17" + 929.71 + 27–528.82 + 262.136:94(450) + 929Александр Невский

Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории*

Александр Майоров

Ирина Руденкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Emissaries of Pope Innocent IV to Alexander Nevsky: Riddles of Biographical History**

Alexander Maiorov

Irina Rudenkova

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

One of the most mysterious reports from the *Life of Alexander Nevsky* about the visit to the Rus' prince of the Pope Innocent IV's envoys, Cardinals Gald and Gemont, most likely has a real basis. Several characteristic details testify to this. In particular, the total number of Cardinals noted in the *Life*, who were with the Pope (twelve), corresponds to the actual number of Cardinals appointed by Innocent IV. The visit of the pope's representatives to Alexander was to take place in the second half of 1252 or at the beginning of 1253, when the powers of Archbishop Albert Suerbeer as papal legate in Rus' were temporarily terminated. During their trip, the papal envoys visited two of the strongest Rus' Princes at once – Alexander Nevsky and Daniil Galitsky. Papal emissaries at this time could be the Bishop of Verona, Jacopo da Breganze, and the Bishop of Kammin, Hermann von Gleichen. In the *Galician-Volhynian Chronicle* they were attributed according to their belonging to episcopal sees (*Bishops Berensky and Kamenets'ky*),

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21–78–00050 «Александр Македонский в Московском царстве: древнерусские лицевые списки Сербской Александрии».

** Citation: Maiorov, A., Rudenkova, I. (2023). Emissaries of Pope Innocent IV to Alexander Nevsky: Riddles of Biographical History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 931–949. DOI 10.15826/qr.2023.3.827.

Цитирование: Maiorov A., Rudenkova I. Emissaries of Pope Innocent IV to Alexander Nevsky: Riddles of Biographical History // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 931–949. DOI 10.15826/qr.2023.3.827 / Майоров А., Руденкова И. Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 931–949. DOI 10.15826/qr.2023.3.827.

and in the *Life of Alexander Nevsky* – according to their relationship with the Cardinals who led their mission. These could be Guglielmo Fieschi, who was then in charge of allied negotiations with the Byzantine Church, as well as Hugo de Saint-Cher, who acted as *legatus a latere* in Central-Eastern Europe.

Keywords: Alexander Nevsky, Daniil Galitsky, Pope Innocent IV, Cardinals Hugo de Saint-Cher and Guglielmo Fieschi, Bishops Jacopo da Breganze and Hermann von Gleichen

Одно из самых загадочных сообщений Жития Александра Невского о визите к русскому князю посланников папы Иннокентия IV кардиналов Галда и Гемонта, вероятнее всего, имеет реальную основу. Об этом свидетельствуют несколько характерных деталей. В частности, отмеченное в житии общее число кардиналов, бывших у папы (12), соответствует действительному количеству кардиналов, назначенных Иннокентием IV. Визит представителей папы к Александру должен был состояться во второй половине 1252 – начале 1253 г., когда были временно прекращены полномочия архиепископа Альберта Зуербера в качестве папского легата на Руси. В ходе своего визита посланники папы посетили сразу двух сильнейших русских князей, Александра Невского и Даниила Галицкого. Папскими эмиссарами в это время могли быть веронский епископ Якопо да Бреганце и камминский епископ Герман фон Глейхен. В Галицко-Волынской летописи они были атрибутированы по принадлежности к епископским кафедрам (епископы Береньский и Каменецкий), а в Житии Александра Невского – по отношениям с кардиналами, руководившими их миссией. Таковыми, по мнению авторов статьи, могли быть Гульельмо Фиески, курировавший тогда союзные переговоры с византийской церковью, и Гуто де Сен-Шер, исполнявший обязанности *legatus a latere* в Центрально-Восточной Европе.

Ключевые слова: история России XIII в., визит посланников папы римского к Александру Невскому, Даниил Галицкий, папа Иннокентий IV, кардиналы Гуто де Сен-Шер и Гульельмо Фиески, епископы Якопо да Бреганце и Герман фон Глейхен

В Житии Александра Невского, первоначальная редакция которого была составлена, вероятнее всего, во Владимире уже во второй половине XIII в., сообщается о богословском диспуте, состоявшемся под эгидой князя Александра с участием присланных папой кардиналов Галда и Гемонта. Ничего не говоря о ходе обсуждения и аргументах сторон, русский книжник кратко констатирует общий итог переговоров: князь и его советники (*мудрецы*) решительно отвергли латинское вероучение, а папские послы отправились назад ни с чем [Житие Александра Невского, с. 194].

Сведения латинских источников существенно дополняют картину контактов русского князя с апостольским престолом. В регестах папы Иннокентия IV до нас дошли копии двух посланий к Александру Нев-

скому, датируемых 23 января и 15 сентября 1248 г. В первом письме папа сообщает об обращении в латинство отца Александра великого князя Ярослава Всеволодовича (незадолго до его трагической гибели в ставке монгольского хана) и призывает его сына последовать этому примеру. Во втором письме папа говорит уже о готовности к обращению самого Александра, приветствует и хвалит его за это и, в частности, за намерение возвести во Пскове кафедральный собор для латинян [AI, nos. 59, 65, p. 110–112, 117–118; см. также: Майоров, 2021a].

По всей видимости, в русском и латинских источниках отражены различные стадии одного процесса, начатого перепиской папы с русским князем и через несколько лет завершившегося визитом на Русь папских посланников, описанным в Житии Александра.

Кардиналы Галд и Гемонт

Конечно, специфика агиографического источника не предполагает документальной точности передаваемых им сведений. Отсюда часто встречающееся в исследовательской литературе скептическое отношение к читающемуся в княжеском житии известию, а также его произвольные датировки и интерпретации.

Вместе с тем два хронологических указания могут иметь значение при датировке интересующего нас известия. В большинстве редакций и списков Жития Александра сообщение о визите Галда и Гемонта помещено после описания так называемой Неврюевой рати – нападения монголов на Северо-Восточную Русь, произошедшего весной – летом 1252 г. [см.: Майоров, 2022]. Кроме того, текст жития однозначно указывает, что послы прибыли «от папы, из великаго Рима». Прибыть из Рима послы Иннокентия IV могли только после того, как в октябре 1253 г. понтифик вернулся туда после семилетнего пребывания в Лионе или находился в Италии на пути в Рим, продолжавшемся более двух лет.

В Житии Александра есть еще одно важное для нас указание, недооцененное исследователями: в качестве послов к русскому князю папа избрал «от двюнадесять кординалу два хитрейшия». Насколько нам известно, это первое в древнерусской письменности употребление слова «кардинал». Оно могло быть заимствовано непосредственно из латинского языка, и его появление естественнее всего можно было бы объяснить как следствие прямого контакта с папскими послами, описанного в нашем источнике.

О таком непосредственном контакте также свидетельствует следующий весьма красноречивый факт. Русский книжник, автор Жития Александра, располагал точными сведениями, что у папы Иннокентия IV было всего 12 кардиналов, из которых он выбрал двух «хитрейших». В официальном жизнеописании Иннокентия, составленном вскоре после кончины понтифика его капелланом, впоследствии епископом Ассизским Николо да Кальви (Николай де Карбио), сообщается, что в первый год своего понтификата в субботу накануне пятидесятницы (28 мая 1244 г.) в базилике Святого Петра папа возвел

в сан сразу 12 новых кардиналов (часть из них не смогли лично присутствовать на церемонии) [VI, p. 265; подробнее см.: Melloni, p. 76].

За время пребывания Иннокентия IV в Лионе трое из назначенных им кардиналов умерли, и после возвращения папы в Италию были рукоположены три новых кардинала. Посвященная этому консистория должна была состояться в феврале 1252 г. в Перудже [VI, p. 282; см.: Paravicini Bagliani, t. 1, p. 341, 345]. Таким образом, к весне этого года общее число кардиналов, назначенных папой Иннокентием, вновь достигло 12. Однако уже в 1253 г. из-за смерти трех кардиналов их число опять сократилось до девяти [см.: Paravicini Bagliani, t. 1, p. 180; t. 2, p. 346].

Как это ни удивительно, но назвать послов к Александру Невскому двумя «из 12 кардиналов» папы Иннокентия IV можно было лишь в то время, к которому автор княжеского жития относит их прибытие на Русь, то есть ко времени после Неврюевой рати. Это мог быть только сравнительно краткий период, охватывавший вторую половину 1252 – начало 1253 г. За это время в Перудже (здесь с ноября 1251 г. по апрель 1253 г. находилась резиденция папы) должны были получить известие о новом нападении монголов на Северо-Восточную Русь и принять решение об отправке послов к князю Александру, а послы папы должны были успеть добраться до Владимира, где в это время вероятнее всего пребывал Александр.

Помимо своих обязанностей в папской курии, кардиналы иногда также назначались на должности легатов и отправлялись в различные церковные провинции и страны, выполняя наиболее ответственные поручения папы. Принявшие легатские полномочия кардиналы относились к высшему рангу папских посланников и именовались *legati a latere* (стоящие рядом с папой в делах управления церковью). Их особое положение подчеркивалось правом ношения папских знаков отличия. Канонисты XIII в. различали также легатов более низких рангов [см.: Müller, p. 204, 205]. В период борьбы Иннокентия IV со Штауфенами несколько римских кардиналов, сменяя друг друга, постоянно находились в странах Центрально-Восточной и Северной Европы в качестве папских легатов [см.: Paravicini Bagliani, t. 1, p. 168–185, 186–197, 256–272, 301–315].

Определить, кто именно из 12 кардиналов Иннокентия IV, оставшихся в строю в 1252 – начале 1253 г., мог вести переговоры с Александром Невским, непросто. Представленные в княжеском житии – единственном сохранившемся русском источнике – формы личных имен *Галд* и *Гемонт* (с несколькими вариантами написания в различных списках) находят лишь весьма отдаленное сходство с именами некоторых кардиналов, назначенных Иннокентием IV. Скорее всего, запись этих имен производилась по памяти через несколько десятилетий после переговоров с кардиналами, и сегодня можно только угадывать, как их имена могли быть переданы на латыни или других языках, которыми пользовались посланники папы в середине XIII в.

Более многочисленные латинские источники также не способствуют решению поставленной задачи. В документах, относящихся к деятельности римской курии этого времени, не удастся отыскать никаких сведений, которые можно было бы интерпретировать в пользу возможности посещения Руси хотя бы одним из кардиналов.

Однако, помимо удивительной осведомленности русского книжника относительно общего числа кардиналов, назначенных Иннокентием IV, в пользу сообщения Жития Александра Невского о визите на Русь двух из них может свидетельствовать еще один факт, также остающийся пока без внимания исследователей.

Архиепископ Альберт Зуербеер

На первый взгляд, сообщение Жития Александра Невского о прибытии к нему кардиналов Галда и Гемонта противоречит показаниям более надежных латинских источников о том, что на рубеже 1240–1250-х гг. обязанности папского легата на Руси исполнял другой римский иерарх – архиепископ Альберт Зуербеер, которому Иннокентий IV поручил лично прибыть к Александру для проведения переговоров о церковной унии (как следует из упомянутого выше послания от 15 сентября 1248 г.). В жизнеописании Иннокентия IV сообщается, что «на втором году своего понтификата» папа послал архиепископа Ливонии и Пруссии Альберта «к рутенам, которые отправили торжественное посольство к Римской курии, чтобы [та] послала к ним легата, через которого они были бы научены и получили наставления в католической вере, поскольку они живут по обычаю и обрядам греков» [VI, р. 270]¹.

Как следует из этого сообщения, архиепископ Альберт был отправлен к русским по их собственной просьбе, которую к Римской курии доставило «торжественное посольство», прибывшее из Руси. Таким посольством, непосредственно предшествовавшим новому назначению Альберта, могла быть только делегация русского архиепископа Петра, лично принятого папой и выступившего перед делегатами Лионского собора (май – июнь 1245 г.). Будучи высокопоставленным иерархом константинопольской (греко-византийской) церкви, русский архиепископ Петр вел переговоры с папой прежде всего в качестве полномочного представителя константинопольского (никейского) патриарха. Монгольская угроза, с которой Никейская империя непосредственно столкнулась в 1243 г., вынудила ее правителей прекратить конфронтацию с Западом и послать папе сигнал о готовности обсуждать возможные перспективы объединения Римской и Константинопольской церквей [подробнее см.: Маюгов, 2020; Майоров, 2019].

Назначение Альберта Зуербеера папским легатом на Руси могло произойти вскоре после окончания работы Лионского собора, то есть еще до истечения второго года понтификата Иннокентия IV (конец июня

---

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

1245 г.), как полагал его биограф. При этом последний ничего не говорит о легатских полномочиях архиепископа Альберта в Прибалтике. По-видимому, дополнительные полномочия Альберт получил позднее.

В отличие от простых послов (нунциев), легаты обладали полномочиями не только транслировать волю папы, но и осуществлять папскую власть в области церковного управления и дипломатических отношений в пределах полученного мандата [см.: Müller, p. 201–210]. Легаты всех рангов входили в ближайшее окружение папы и считались его братьями. Они направлялись только в те области и страны, в которых признавалась власть римского понтифика [Hinschius, S. 511–516]. Назначение папского легата, чьи полномочия распространялись на территорию православной Руси, событие почти исключительное. Известны лишь единичные случаи такого рода, и все они были связаны с церковно-союзными переговорами и попытками объединения Римской и Константинопольской церквей.

В сохранившихся копиях двух посланий от 3 мая 1246 г., адресованных лично архиепископу Альберту, папа Иннокентий обращается к нему как к действующему легату (*Apostolicae Sedis Legato*), что подтверждает вывод о назначении его на Русь в более раннее время. В первом послании папа призвал Альберта незамедлительно отправиться на Русь, чтобы исполнить свою миссию по «распространению и укреплению католической веры» [AI, no. 27, p. 68–69]. Вторым письмом папа предоставил Альберту дополнительные полномочия:

Чтобы ты свободнее исполнял порученные тебе обязанности легата в областях Руси, в силу нынешнего положения вещей мы разрешаем тебе, чтобы ты в тех же областях, постольку-поскольку ты увидишь, что это полезно, имел власть как легат апостольского престола устанавливать и назначать католических епископов из ордена доминиканцев или францисканцев и прочих монахов либо также из священнослужителей, не живущих по монашескому уставу, [с тем, чтобы] поручить им апостольской властью обязанность конфирмации и освящения [Ibid., no. 27^a, p. 69].

Из приведенных слов следует, что в обязанности архиепископа Альберта входило создание в русских землях новой территориально-административной структуры римской церкви, состоявшей из нескольких епархий. Одна из них должна была возникнуть во Пскове, как явствует из второго послания папы к Александру Невскому. Создание новых епархий в странах, чьи правители приняли католичество, было стандартной практикой римской церкви. Так, 17 июля 1251 г. Иннокентий IV уведомил кульмского епископа Гейденрейха, что литовский князь Миндовг, недавно принявший христианство, обязался предоставить будущему литовскому епископу «лучший надел земли для основания соборной церкви», а также обеспечить эту церковь необходимыми доходами [Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, no. 105, p. 50].

Сохранившиеся послания Иннокентия IV определенно свидетельствуют, что по замыслу папы его легат должен был лично посетить сильнейших князей Руси Александра Невского и Даниила Галицкого и, убедившись в искренности их намерения подчиниться римской церкви, привести к присяге на верность последней.

В письме к Александру Невскому от 15 сентября 1248 г. папа просил принять архиепископа Альберта и руководствоваться его наставлениями:

Кроме того, вышеупомянутый архиепископ желает навестить тебя. Поэтому мы обращаемся к твоему королевскому величеству с молениями, предостережениями и настойчивыми просьбами, дабы ты подобающим образом принял его как выдающегося члена церкви, дабы ты отнесся к нему благосклонно и с уважением воспринял то, что он посоветует тебе ради спасения твоего и твоих подданных [AI, no. 65, p. 117–118].

Цель визита Альберта к князю Александру, очевидно, была той же, что и визита к князю Даниилу, который должен был состояться ранее. В послании к архиепископу Альберту от 7 сентября 1247 г. папа писал:

...Мы поручаем, чтобы ты, лично отправившись в те области, – если упомянутый король (Даниил Галицкий. – А. М., И. Р.), будучи постоянным в столь священном намерении, как сам, так и его архиепископы, и епископы, и другие влиятельные люди его королевства, клятвой от всего сердца отказавшись от всякого раскола, пообещают и поклянутся, что впредь навеки останутся в единстве с верой, которую проповедует и соблюдает римская церковь, а также в послушании [ей], – чтобы ты принял их нашей властью и включил в единство с упомянутой римской церковью, которая есть всеобщая мать, как особенных и благочестивых сынов. И чтобы ты объявил это и приказал объявить по всем местам и королевствам, где ты увидишь, что это полезно [PrUB, nr. 236, S. 173].

Несмотря на настойчивые призывы папы и анонсированный визит к Александру Невскому, архиепископ Альберт не спешил выполнять волю понтифика: ни одно поручение Иннокентия IV 1246–1248 гг., предполагавшее личное посещение Руси его легатом, по различным причинам, в том числе финансового характера, не было реализовано.

Бездействие Альберта Зуербеера, по-видимому, вызвало недовольство папы и повлекло ответные меры с его стороны: по решению Иннокентия IV архиепископ Альберт был освобожден от исполнения обязанностей папского легата, а также лишился полномочия назначать епископов (27 сентября 1250 г.):

...Мы желаем и поручаем твоему братству в апостольских письмах, чтобы ты в будущем отдохнул от трудов, связанных с этой должностью, и перестал ей пользоваться, и не назначал какого-либо епископа в Прус-

сию, Ливонию или Эстонию, если только вдруг не случится, что ты получишь от нас новое поручение, противоречащее вышесказанному [PrUB, nr. 236, S. 173].

Принимая подобное решение, Иннокентий IV не только учитывал позицию Тевтонского ордена, отношения с которым у его легата не сложились, но и был, по-видимому, недоволен тем, как архиепископ Альберт относился к своим обязанностям легата на Руси. И хотя в процитированном документе речь шла о прекращении легатских и части архиепископских полномочий Альберта в Пруссии, Ливонии и Эстонии, из дальнейшей переписки следует, что и на Руси он также прекратил свою деятельность.

Только через три с половиной года Иннокентий IV восстановил часть полномочий Альберта. В сохранившемся в папских регестах послании к нему от 10 марта 1254 г. Иннокентий IV сделал несколько важных для нас пояснений:

Поскольку мы некогда отправили тебя с обязанностями легата в области Пруссии, Ливонии и Эстонии, то, не препятствуя тому, что ты тогда покинул границы твоего легатства, мы охотно сочли, что нужно позволить тебе, вслед за тем возвратившемуся к апостольскому престолу, чтобы ты мог свободно пользоваться той же должностью точно так же, как и прежде, поскольку вышло так, что ты возвращаешься в названные области. Однако ты, видя, что в областях Пруссии из твоего труда насчет поручения такого рода не может получиться того результата, на который была надежда, отказываясь, насколько от тебя зависело, от самого поручения, получил, как ты заявляешь, от упомянутого престола письмо об этом отказе. Однако, поскольку в этом письме не было упоминания о Ливонии, Эстонии или Руси, но было именно о Пруссии, то, сомневаясь, должен ли ты был, собираясь отправиться в Ливонию, прибыть с обязанностями легата и в другие области, в которые ты был послан в качестве легата, поскольку ты их еще не касался, твое братство попросил, чтобы [тебя] наставили оракулом апостольского ответа. Мы же, имея в Господе полную уверенность насчет твоей осмотрительности, настоящим даруем тебе власть, чтобы ты мог, имея Бога перед глазами, совершить разумно и похвальным образом то, что сверх того тебе заблагорассудится в отношении Ливонии, Эстонии или Руси, за полным исключением Пруссии [AI, no. 106, p. 179–180].

Из приведенного документа явствует, что, потерпев неудачу в отношениях с Тевтонским орденом, архиепископ Альберт фактически самоустранился от исполнения обязанностей папского легата в Пруссии и, с точки зрения папы, «еще не касался» других областей, на которые также распространялись его легатские полномочия. Последнее скорее всего означает, что вплоть до весны 1254 г. Альберт Зуерберер не посещал Руси и не встречался лично ни с одним из ее князей.

Самоустранение архиепископа Альберта от выполнения обязанностей папского легата на Руси (хотя официально его полномочия были прекращены только в отношении Пруссии) вызвало необходимость заменить его другими представителями папы, поскольку переговоры о церковной унии с русскими князьями и иерархами продолжались.

Только из русских источников мы знаем, что в 1252–1253 гг. в землях Южной и Северной Руси появляются сразу несколько новых посланников папы с теми же задачами и полномочиями, которыми ранее был наделен Альберт Зуербеер. В Юго-Западной Руси таковыми стали упомянутые в Галицко-Волынской летописи епископы *Беренский* и *Каменецкий*, встречавшиеся с Даниилом Галицким; через некоторое время этих епископов сменил аббат Опизо из Меццано, дважды исполнявший обязанности папского легата в Пруссии и Польше. В Северо-Восточной Руси новыми представителями папы стали кардиналы Галд и Гемонт, упомянутые в Житии Александра Невского.

Таким образом, два обстоятельства – точное указание общего числа римских кардиналов, а также совпадение визита на Русь двух из них с временным прекращением легатских полномочий архиепископа Альберта – повышают наше доверие к показаниям Жития Александра Невского. Его автор, младший современник князя Александра и житель стольного Владимира, мог быть свидетелем описанного события – прибытия к Александру посланников папы для переговоров о церковной унии – или получить сведения от непосредственных участников этих переговоров. Отсюда знание им деталей, которые едва ли могли быть известны постороннему наблюдателю.

Кардинал Гуго де Сен-Шер

Как уже отмечалось, предполагаемый визит римских кардиналов на Русь не нашел отражения в латинских источниках, и прежде всего в главном из них – регестах папы Иннокентия IV. Однако уже давно установлено, что в средневековые регесты попадала лишь сравнительно небольшая часть документов римских понтификов, поскольку далеко не все из них подлежали обязательному учету или регистрации. По разным оценкам, в XIII в. в регестах были зафиксированы лишь от 18 до 25 % от общего количества посланий, отправленных папами. Только во второй половине столетия число регистраций постепенно увеличилось и иногда могло достигать 50 %. Письма, получаемые папами от других лиц, в это время вообще не регистрировались [см.: Sayers, p. 51; Montaubin, p. 335].

Возможно, поэтому в регестах Иннокентия IV не нашел отражения не только инициированный папой визит кардиналов к Александру Невскому, но и произошедший примерно в то же время и с той же целью визит к Даниилу Галицкому епископов Беренского и Каменецкого. Кроме того, в регестах нет сведений о состоявшемся визите на Русь аббата Опизо из Меццано, добившегося от князя Даниила согласия на унию с римской церковью и короновавшего его в качестве

короля Руси. Об этих событиях мы знаем только из сообщений других источников.

Вместе с тем в Житии Александра Невского есть еще одна важная деталь, заслуживающая нашего внимания. Здесь сказано, что свой ответ папе и кардиналам русский князь и его советники дали в письменном виде (*въсписа к нему*). Текст этого ответа, очевидно, был в руках автора жития, который полностью или частично включил его в свое произведение. Кроме того, послы папы говорят здесь о кардиналах Галде и Гемонте в третьем лице (*папа... прислахом к тебе от двоюнадесять кординалу два хитрейшая*), что едва ли могло произойти в случае личного участия кардиналов в переговорах. Все это позволяет предположить, что переговоры о церковной унии преимущественно происходили в форме обмена письменными посланиями, и ввиду решительного отказа от любого религиозного компромисса с русской стороны (*от вас учения не приемлем*) до личного визита кардиналов на Русь дело не дошло.

Очередное послание папы Иннокентия к Александру Невскому, которое также частично цитируется в княжеском житии (и о котором нет упоминания в папских регестах), возможно, было доставлено на Русь не самими кардиналами, а другими лицами, их представлявшими. Подобная практика была обычным делом в отношениях членов папской курии и высокопоставленных римских иерархов со странами Центрально-Восточной Европы, особенно в период понтификата Иннокентия IV. Когда в 1244 г. кардинал Вильгельм Моденский в очередной раз был назначен папским легатом в Прибалтике, с разрешения папы он отправил вместо себя своего капеллана Генриха [PrUB, nr. 157, S. 118–119 (15 июля 1244 г.); nr. 164, 165, S. 123–124 (1 февраля 1245 г.)]. Историки объясняют подобное решение загруженностью Вильгельма делами курии и необходимостью постоянного пребывания при папе [см.: Donner, S. 280, 283, 286–288].

Архиепископ Альберт Зуербеер, став папским легатом на Руси, также лично не встречался с Александром Невским. Тем не менее, нет сомнений в том, что Альберт провел какие-то переговоры с Александром, отправив к нему своего представителя. К такому выводу мы приходим исходя из содержания сохранившихся посланий Иннокентия IV к Александру Невскому. Из второго послания следует, что перед своим отъездом к Бату (начало лета 1248 г.) Александр успел провести переговоры о церковной унии, во время которых обсуждались вопросы, не входившие в первоначальную повестку. Прежде всего это касается согласия Александра построить латинский кафедральный собор во Пскове, о котором папа не просил русского князя в первом письме, но щедро похвалил его за это во втором послании. Значит, первое письмо папы было доставлено к Александру не простым курьером, а посланником, имевшим полномочия вести переговоры о конкретных условиях церковной унии. Такими полномочиями в это время обладал только Альберт Зуербеер. Имевший, как мы видели, прямое поручение понтифика создавать в русских землях но-

вые епархии римской церкви, архиепископ Альберт должен был отправить своего представителя к Александру для обсуждения вопроса о латинской кафедре во Пскове [подробнее см.: Майоров, 2021a].

Независимо от того, совершили ли римские кардиналы, упомянутые в Житии Александра Невского, личный визит к князю или действовали через своих представителей, мы должны попытаться ответить, кого именно мог иметь в виду русский книжник.

Как уже отмечалось, в нашем источнике послы, прибывшие к Александру, названы «хитрейшими» из 12 кардиналов, бывших тогда у папы. Эта деталь также заслуживает более пристального внимания. В контексте переговоров о церковной унии, предполагавшей подчинение папе и принятие латинского вероучения, подобным эпитетом на Руси могли бы отметить тех римских иерархов, кто был специально подготовлен к богословским дебатам с восточными христианами и имел личный опыт церковно-союзных переговоров с высшими иерархами константинопольской церкви. Среди римских кардиналов этого времени можно найти тех, кто вполне соответствовал описанным характеристикам.

Это прежде всего Гуго де Сен-Шер, кардинал-священник Сабинский, крупнейший латинский богослов и писатель, известный своими толкованиями Библии и другими экзегетическими сочинениями [см.: Bieniak и др.]. Для целей нашего исследования важное значение имеет следующий факт. Имя доминиканца Гуго значится в отчете послов папы Григория IX, которым он доверил вести переговоры о церковной унии с никейским императором и патриархом в 1234 г. С большой вероятностью можно предполагать, что этим послом был именно Гуго де Сен-Шер, через несколько лет ставший первым кардиналом, происходившим из ордена доминиканцев [см.: Vrubaek, p. 623–624]. Переговоры 1234 г. и сопровождавшие их богословские дебаты были одной из первых попыток обсуждения условий и самой возможности объединения римской и константинопольской церковью, проходившего на высшем уровне и получившего широкий отклик во всем православном мире, в том числе на Руси [см.: Maiorov, 2018].

В 1251–1253 гг. кардинал Гуго был папским легатом в Германии и много путешествовал по северо- и западногерманским землям [см.: Sassen, S. 19–107; Paravicini Bagliani, t. 1, p. 256–272]. Подобно другим *legati a latere*, Гуго путешествовал в сопровождении целого штата помощников и слуг. Хотя интинерарий легата (насколько он может быть реконструирован сегодня) не позволяет предполагать дальних перемещений на Восток, нельзя полностью исключать, что одно из поручений папы в это время могло быть связано с проведением церковно-союзных переговоров на Руси. Сохранившиеся документы показывают, что, помимо Германии, полномочия Гуго де Сен-Шера охватывали также Польшу, Пруссию и Померанию. Однако Гуго никогда не посещал эти страны лично, отправляя туда своих помощников [Sassen, S. 24].

В Германию кардинал Гуго прибыл в конце апреля – начале мая 1251 г. (19 апреля он покинул Лион) [Sassen, S. 26]. Следовательно, в свою новую должность он вступил, когда были прекращены или приостановлены полномочия другого папского легата в странах Центрально-Восточной Европы – архиепископа Альберта Зуербеера. Если учитывать, что этот последний на некоторое время полностью отказался от исполнения легатских обязанностей как в Прибалтике, так и на Руси, его полномочия в этих землях должны были перейти к *legatus a latere*.

Источники подтверждают этот вывод. В 1252–1253 гг. Гуго де Сен-Шер действительно исполнял обязанности папского легата в Польше и Восточной Прибалтике, отправив сюда своего полномочного представителя. Таковым стал доминиканец из Кёльна Герхард фон Пфорцхейм (о его деятельности в Польше см.: [Silnicki]). 3 июня 1252 г. Гуго поручил ему убедить самбийского епископа Фетварда вернуть часть территорий, отнятых ранее у куявского епископа Михаила [Pommerellisches Urkundenbuch, nr. 138, S. 120]. Весной следующего года брат Герхард лично посетил Куявию, расследуя спор местного епископа с Тевтонским орденом. В сохранившемся документе, изданном в Крушвице 20 апреля 1253 г., Герхард именовал себя «нунцием господина Г[уго], кардинала-пресвитера Св. Сабины, легата Апостольского престола в Польше, Богемии, Моравии и Каммине» (“nuncius domini H., tit. s. Sabine presbiteri cardinalis, apost. sedis legati ad partes Polonie, Voemie, Morauie ac Caminen”) [PrUB, nr. 266, S. 202]. Как видим, легатские полномочия кардинала Гуго распространялись в том числе на Камминское епископство (Померания), находившееся в это время под непосредственной юрисдикцией папы.

Епископы Береньский и Каменецкий

Славянское название города *Каммин* (лат. *Cammin*, нем. *Kammin*) – *Камень* (польск. *Kamień*). Именно *каменецкого* епископа мы видим среди послов папы Иннокентия IV, которые, согласно Галицко-Волынской летописи, посещали князя Даниила Романовича и уговаривали его принять католичество и королевскую корону от папы. В летописи упоминание об этом визите помещено в контекст рассказа о коронации Даниила: прибытие епископов Береньского и Каменецкого предшествовало переговорам Даниила с Опизо из Меццано, которому в конце концов удалось договориться с князем [ПСРЛ, стб. 826].

В литературе уже давно указано на возможное тождество «пискупа Каменецкого» русской летописи и камминского епископа из Померании (подробнее см.: [KHW, s. 349–350, przur. 918]). Иногда визит последнего на Русь датируют 1246–1248 гг.: в это время камминский епископ Вильгельм должен был исполнять поручение архиепископа Альберта Зуербеера, который тогда же рассматривал город Каммин в качестве вероятного центра своей архиепархии [см.: Selart, p. 214].

Однако эта датировка не соответствует приведенному в русской летописи объяснению причины отказа Даниила от коронации. Русский князь прямо говорит епископам Береньскому и Каменецкому для последующей передачи его слов папе: «Рать Татарская не престаеть зле живуци с нами, то како могу прияти венець бес помощи твоеи» [ПСРЛ, стб. 826–827]. Ссылка на войну с татарами и одновременно намек на обещанную папой помощь против завоевателей были бы уместны только в связи с реальным конфликтом русского князя с монголами. Таким конфликтом, скорее всего, могло быть описанное в Галицко-Волынской летописи нападение Куремсы на Бакоту, обычно датируемое 1252 г. (см.: [Иванова, с. 40, 41; Майоров, 2023], здесь же обзор литературы вопроса). Если визит к Даниилу епископов Береньского и Каменецкого произошел после войны с Куремсой (вероятно, после того, как сын Даниила Лев отбил Бакоту у татар), то его следует отнести ко времени не ранее второй половины 1252 г.

В начале 1251 г. в Камминском епископстве в силу не вполне ясных причин возникла редкая ситуация, когда там одновременно действовали два латинских епископа. Наряду со старым епископом Вильгельмом, чьи полномочия не были прекращены, с разрешения папы был избран новый – Герман фон Глейхен, поддерживаемый также (анти)-королем Вильгельмом Голландским. Только после смерти старого епископа Вильгельма (31 декабря 1253 г.) произошла хиротония нового епископа Германа (см.: [Wybranowski, s. 321–323], здесь же обзор источников и литературы вопроса).

Мы не знаем, кто именно из двух названных камминских епископов мог быть участником церковно-союзных переговоров с князем Даниилом. В сохранившихся латинских источниках на этот счет нет никаких сведений. Однако независимо от того, был ли «пискуп Каменецкий» Галицко-Волынской летописи Германом фон Глейхеном или его предшественником Вильгельмом, он должен был встречаться с Даниилом, вероятнее всего, по поручению кардинала Гуго де Сен-Шера, чьи полномочия *legatus a latere* в 1252–1253 гг. распространялись в том числе на Камминское епископство.

Принимая возможность отправки Гуго де Сен-Шером полномочных представителей для ведения церковно-союзных переговоров с русскими князьями, мы должны признать, что один из них в это же самое время мог быть отправлен к Александру Невскому, и этот факт нашел свое отражение в княжеском житии. Папский легат имел определенные основания рассчитывать на положительный результат своих усилий. К моменту прибытия послов кардинала Гуго Александр, как и Даниил, уже состоял в переписке с папой и выразил готовность принять послушание римской церкви. Кардиналу Гуго оставалось лишь завершить то, что в отношениях с Александром было достигнуто его предшественником архиепископом Альбертом Зуербеером.

Идентифицировать второго римского кардинала, упомянутого в Житии Александра Невского, чьи представители также вели переговоры с князем о церковной унии, можно лишь предположительно.

Некоторую ясность в этом вопросе, как кажется, дает установление личности «пискупа Береньского», другого папского посла к Даниилу Романовичу, упомянутого в Галицко-Волынской летописи. Титул этого епископа может быть производным от топонима *Bern* – распространенного в Средние века немецкого названия города Вероны. Исследователи принимают отождествление «пискупа Береньского» с епископом Вероны, ссылаясь на то, что в некоторых произведениях древнерусской литературы Верона также именуется Берном [Selart, p. 214, note 78].

Добавим к этому, что самый ранний случай такого рода фиксируется в «Повести о взятии Царьграда фрягами» – ярком произведении начала XIII в., в котором неоднократно используются русифицированные формы немецких названий для обозначения некоторых итальянских городов: *Бенедикт* – Венеция и *Берн* – Верона. Важно заметить, что наиболее вероятным автором этого произведения мог быть боярин Добрыня Ядрейкович (впоследствии архиепископ Антоний), близкий сподвижник галицко-волынского князя Романа Мстиславича [см.: Маіогов, Metelkin]. Через посредство Добрыни (Антония), некоторое время занимавшего епископскую кафедру в Перемышле, топоним «Берн» и производные от него могли попасть в галицко-волынское летописание.

Во второй четверти XIII в. епископскую кафедру в Вероне занимал Якопо да Бреганце, решительный сторонник папства в противостоянии с императором Фридрихом II. В 1235 г. епископ Якопо был изгнан Эццелино да Романо, одним из лидеров имперской партии в Северной Италии. Всю оставшуюся жизнь он провел в изгнании, находясь, вероятнее всего, при папской курии [см.: De Sandre Gasparini, 1992]. О последних годах жизни епископа Якопо почти ничего не известно, как неизвестны обстоятельства и точная дата его смерти. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что летом 1252 г. он пребывал в Мантуи, откуда управлял своей епархией (17 августа 1252 г.) [Biancolini, t. 7, no. 17, p. 80–81]. Умер Якопо, по-видимому, незадолго до 13 ноября 1253 г., когда он в последний раз упоминается в документе папской курии уже как покойный веронский епископ [Biancolini, t. 6, no. 66, p. 218–219].

Почти два десятилетия не имевший возможности вернуться на свою кафедру, Якопо да Бреганце тем не менее сохранял полномочия и титул. Его дальнейшая служба церкви, вероятнее всего, состояла в том числе в выполнении специальных поручений папы или кардиналов, связанных с актуальными политическими и дипломатическими задачами. Нельзя исключать, что одно из них могло предполагать посещение Руси и проведение церковно-союзных переговоров с русскими князьями.

Подобная задача вновь стала актуальной после возобновления в конце 1251 г. прямых переговоров о церковной унии с никейским императо-

ром и патриархом, продолжавшихся затем вплоть до смерти Иннокентия IV [VI, р. 282, 287, 288; Майоров, 2021b]. Отправиться в далекую Русь веронский епископ мог по поручению одного из кардиналов, курировавших в это время союзные переговоры с константинопольской церковью.

Восстановление церковного единства с восточными христианами Иннокентий IV считал важнейшей задачей своего понтификата [см.: Melloni, р. 83, 168–169]. К числу наиболее доверенных лиц, которым он мог поручить выполнение подобной задачи, принадлежал Гульельмо Фиески, кардинал-диакон Св. Евстахия (подробнее о нем см.: [Paravicini Bagliani, t. 1, р. 329–332]). Будучи племянником папы, Гульельмо входил в его ближайшее окружение, сопровождал понтифика во время бегства из Рима, был участником Лионского церковного собора, неоднократно исполнял наиболее ответственные поручения, проверяя политическую лояльность правителей и должностных лиц, посещавших Лион, а также разрешая многочисленные церковные споры. Кардинал Гульельмо сопровождал папу в его обратном путешествии в Италию и был участником переговоров о церковной унии с византийскими иерархами, происходивших в Перудже (ноябрь – декабрь 1251 г.) (о переговорах в Перудже см.: [VI, р. 282; Майоров, 2021b, с. 100]).

Заметную роль кардинал Гульельмо играл также в Северной Италии, там он оказывал непосредственное влияние на веронских епископов, чья поддержка, в свою очередь, имела важное значение в борьбе папства со сторонниками Штауфенов. О тесной связи этого прелата и семьи Фиески с Вероной свидетельствует следующий факт: Джерардо Коссадока, в 1255 г. сменивший покойного Якопо да Бреганце на веронской кафедре, был членом этой семьи и ранее являлся капелланом кардинала Гульельмо [De Sandre Gasparini, 1993, р. 83].

* * *

Сопоставление русских и латинских источников показывает, что рассмотренные нами визиты посланников папы к Александру Невскому и Даниилу Галицкому должны были произойти в период между нападениями Неврюя и Куремсы на Владимиро-Суздальскую и Галицко-Волынскую земли (весна – лето 1252 г.) и назначением Опицо из Меццано в качестве нового папского легата на Руси (май 1253 г.). По всей видимости, за этот сравнительно короткий период (с учетом времени, необходимого на подготовку и длительный путь в оба конца) мог состояться только один визит, предполагавший посещение и переговоры с обоими адресатами. Значит, скорее всего, Даниил и Александр должны были иметь дело с одними и теми же представителями папы: веронским епископом Якопо да Бреганце и камминским епископом-электом Германом фон Глейхеном. В Галицко-Волынской летописи папские эмиссары были атрибутированы по принадлежности к их епископским кафедрам, а в Житии Александра Невского – по отношениям с кардиналами, руководившими их миссией.

Визит веронского и камминского епископов к Даниилу и Александру совпал с периодом, когда должность папского легата, специализировавшегося на русских делах, временно оставалась вакантной (после отставки Альберта Зуербеера и до назначения Опизо из Меццано). Поэтому отношения с русскими князьями оказались в ведении кардиналов, один из которых курировал союзные переговоры с византийской церковью (Гульельмо Фиески), а другой исполнял обязанности *legatus a latere* в Центрально-Восточной Европе (Гуго де Сен-Шер). В Житии Александра Невского они созвучно названы кардиналами Галдом и Гемонтом.

Библиографические ссылки

Житие Александра Невского. Первая редакция, 1280-е гг. / реконструкция текста Ю. К. Бегунова // Князь Александр Невский и его эпоха : Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. С. 190–195.

Иванова Е. Е. К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37–48.

Майоров А. В. Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 128–152.

Майоров А. В. Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021а. № 4 (86). С. 5–24. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001.

Майоров А. В. Между Никеей, Лионом и Каракорумом: ориентиры внешней политики Александра Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения / отв. ред. Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев. М. : Индрик, 2021б. С. 97–111.

Майоров А. В. Александр Невский, Бату и хан Мунке: нашествие Неврюя и контроль над русскими землями // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 23–38. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.003.

Майоров А. В. Милей, Куремса и хан Мунке: Южная Русь под монгольским контролем // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 41–56. DOI 10.25986/IRI.2023.2.006.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. [СПб. ; М.], 1841–2018–. Т. 1–46–. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с.

AI – Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / ed. by T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Romae, 1962. XLIV, 226 p. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. 4/1).

Biancolini G. B. Notizie storiche delle chiese di Verona : [8 t.]. Verona : Per l'Erede di Agoftino Carattoni Stampator Vescovile, 1765–1766. Т. 6. 312 p. Т. 7. 300 p.

Bieniak M. The Soul-Body Problem at Paris, ca. 1200–1250. Hugh of St-Cher and His Contemporaries. Leuven : Leuven Univ. Press, 2011. X, 245 p.

Brubaker J. “You are the Heretics!” : Dialogue and Disputation between the Greek East and the Latin West after 1204 // Medieval Encounters. 2018. Vol. 24. P. 613–630. DOI 10.1163/15700674-12340033.

De Sandre Gasparini G. Ezzelino e la Chiesa Veronese // Nuovi studi ezzeliniani. 1992. Т. 2. P. 415–444.

De Sandre Gasparini G. La vita religiosa nella Marca veronese-trevigiana tra XII e XIV secolo. Verona : Libreria Univ. Ed., 1993. 195 p.

Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Bischof von Modena (1222–1234). Päpstlicher Legat in den Nordischen Ländern (d. 1251). Helsinki : Akademische Buchhandlung, 1929. 478 S.

Hinschius P. Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten in Deutschland. System des katholischen Kirchenrechts. Bd. 1. Berlin : Verlag von I. Guttentag, 1869. XIV, 639 S.

KHW – Kronika halicko-wolynska (Kronika Romanowiczów) / ed. by D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków ; Warszawa : [S. n.], 2017. CXXVII, 709 s. (Monumenta Poloniae Historica. Nova series. T. 16).

Maiorov A. V. Church-Union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237 // *Orientalia Christiana Periodica*. 2018. Vol. 84. P. 385–405.

Maiorov A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // *J. of Ecclesiastical History*. 2020. Vol. 71. P. 20–39. DOI 10.1017/S0022046919001143.

Maiorov A. V., Metelkin E. N. Die "deutsche Spur" in der altrussischen Erzählung über die Einnahme Konstantinopels durch die Kreuzritter // *Byzantinische Zeitschrift*. 2016. Bd. 109. S. 809–820. DOI 10.1515/bz-2016-0021.

Melloni A. Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genova : Marietti, 1990. 311 p.

Montaubin P. L'administration pontificale de la grâce au XIIIe siècle // *Suppliques et requêtes. Le gouvernement par la grâce en Occident (XIIIe–XVe siècle)* / ed. by H. Millet. Rome : École française de Rome, 2003. P. 321–342.

Müller H. The Omnipresent Pope: Legates and Judges Delegate // *A Companion to the Medieval Papacy: Growth of an Ideology and Institution* / ed. by A. Larson, K. Sisson. Leiden : Brill, 2016. P. 199–219.

Paravicini Bagliani A. Cardinali di curia e "familiae" cardinalizie dal 1227 al 1254. Padua : Ed. Antenore, 1972. T. 1–2. 610 p.

Pommerellisches Urkundenbuch / Hrsg. von M. Perlbach. Danzig : Bertling, 1882. XXXIV, 706 S.

PrUB – Preußisches Urkundenbuch. Politische Abtheilung / Hrsg. von R. Philippi. Königsberg : Hartung, 1882. Bd. 1/1. 240 S.

Sassen J. H. H. Hugo von St. Cher. Seine Tätigkeit als Kardinal, 1244–1263. Bonn : Verlag von Peter Hanstein, 1908. XV, 169 S.

Sayers J. Papal Government and England during the Pontificate of Honorius III (1216–1227). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. XIV, 292 p.

Selart A. Livonia Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden ; Boston : Brill, 2015. XI, 385 p.

Silnicki T. Kardynał legat Hugo St. Cher a Polska // *Roczniki Historyczne*. 1933. T. 9. S. 157–176.

Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia. T. 1 / ed. by A. Theiner. Romae : Typis Vaticanis, 1860. XXXII, 788 p.

VI – Vita Innocentii IV scripta a fr. Nicolao de Carbio / ed. A. Melloni // Melloni A. Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genova : Marietti, 1990. P. 259–294.

Wybranowski D. Początki świeckiego kręgu wasali biskupa kamińskiego Hermana von Gleichen (1251–1288/89) na tle jego działalności politycznej i kolonizacyjnej. przyczynek do dziejów państwa biskupiego w XIII w. Cz. 1 // *Gdańskie studia z dziejów średniowiecza*. 2003. Nr. 9. S. 321–359.

References

AI – Haluščynskij, T. T., Wojnar, M. M. (Eds.). (1962). *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254)*. Romae. XLIV, 226 p. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. 4/1).

Begunov, Yu. K. (Ed.). (1995). *Zhitie Aleksandra Nevskogo. Pervaya redaktsiya, 1280-e gg.* [Life of Alexander Nevsky. First Version, 1280s]. In Begunov, Yu. K., Kirpichnikov, A. N. (Eds.). *Knyaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniya i materialy*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 190–195.

Biancolini, G. B. (1765–1766). *Notizie storiche delle chiese di Verona*. [8 t.]. Verona, Per l'Erede di Agostino Carattoni Stampator Vescovile. T. 6. 312 p. T. 7. 300 p.

Bieniak, M. (2011). *The Soul-Body Problem at Paris, ca. 1200–1250. Hugh of St-Cher and His Contemporaries*. Leuven, Leuven Univ. Press. X, 245 p.

Brubaker, J. (2018). “You are the Heretics!”: Dialogue and Disputation between the Greek East and the Latin West after 1204. In *Medieval Encounters*. Vol. 24, pp. 613–630. DOI 10.1163/15700674-12340033.

De Sandre Gasparini, G. (1992). Ezzelino e la Chiesa Veronese. In *Nuovi studi ezzeliniani*. T. 2, pp. 415–444.

De Sandre Gasparini, G. (1993). *La vita religiosa nella Marca veronese-trevigiana tra XII e XIV secolo*. Verona, Libreria Univ. Ed. 195 p.

Donner, G. A. (1929). *Kardinal Wilhelm von Sabina. Bischof von Modena (1222–1234). Päpstlicher Legat in den Nordischen Ländern (d. 1251)*. Helsinki, Akademische Buchhandlung. 478 S.

Hinschius, P. (1869). *Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten in Deutschland. System des katholischen Kirchenrechts*. Bd. 1. Berlin, Verlag Von I. Guttentag. XIV, 639 S.

Ivanova, E. E. (2013). K voprosu ob ordynskoi politike knyazyza Daniila Romanovicha Galitskogo [On the Issue of the Horde Policy of Prince Daniil Romanovich Galitsky]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 2 (52), pp. 37–48.

KHW – Dąbrowski, D., Jusupović, A. (Eds.). (2017). *Kronika halicko-wolynska (Kronika Romanowiczów)*. Kraków, Warszawa, S. n. CXXXVII, 709 S. (Monumenta Poloniae Historica. Nova series. T. 16).

Maiorov, A. V. (2018). Church-Union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237. In *Orientalia Christiana Periodica*. Vol. 84, pp. 385–405.

Maiorov, A. V. (2020). Apostol'skii Prestol, Nikeiskaia imperiia i Rus' v ekumenicheskikh protsessakh serediny XIII v. [The Apostolic Throne, the Nicaean Empire and Russia in the Ecumenical Processes of the Middle of the 13th Century]. In *Vizantiiskii vremennik*. Vol. 103, pp. 128–152.

Maiorov, A. V. (2020). The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon. In *J. of Ecclesiastical History*. Vol. 71, pp. 20–39. DOI 10.1017/S0022046919001143.

Maiorov, A. V. (2021a). Aleksandr Nevskii, rimskii papa i mongol'skii khan: k voprosu o "vybore" mezhdru Zapadom i Vostokom [Alexander Nevsky, the Pope and the Mongol Khan: On the Issue of the “Choice” between West and East]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 4 (86), pp. 5–24. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001.

Maiorov, A. V. (2021b). Mezhdru Nikeci, Lionom i Karakorumom: orientiry vneshnei politiki Aleksandra Nevskogo [Between Nicaea, Lyon and Karakorum: The Foreign Policy Guidelines of Alexander Nevsky]. In Konyavskaya, E. L., Belyaev, L. A. (Eds.). *Aleksandr Nevskii: lichnost', epokha, istoricheskaya pamyat'. K 800-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, Indrik, pp. 97–111.

Maiorov, A. V. (2022). Aleksandr Nevskii, Batu i khan Munke: nashestvie Nevryuya i kontrol' nad russkimi zemlyami [Alexander Nevsky, Batu and Möngke Khan: Invasion of Nevruy and Control over Rus' Lands]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 4 (90), pp. 23–38. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.003.

Maiorov, A. V. (2023). Milei, Kuremsa i khan Munke: Yuzhnaya Rus' pod mongol'skim kontrolem [Miley, Kuremsa and Möngke Khan: Southern Rus under Mongol Control]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 2 (92), pp. 41–56. DOI 10.25986/IRI.2023.2.006.

Maiorov, A. V., Metelkin, E. N. (2016). Die “deutsche Spur” in der altrussischen Erzählung über die Einnahme Konstantinopels durch die Kreuzritter. In *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 109, S. 809–820. DOI 10.1515/bz-2016-0021.

Melloni, A. (1990). *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae*. Genova, Marietti. 311 p.

Montaubin, P. (2003). L'administration pontificale de la grâce au XIIIe siècle. In Millet, H. (Ed.). *Suppliques et requêtes. Le gouvernement par la grâce en Occident (XIII–XVe siècle)*. Rome, École française de Rome, pp. 321–342.

Müller, H. (2016). The Omnipresent Pope: Legates and Judges Delegate. In Larson, A., Sisson, K. (Eds.). *A Companion to the Medieval Papacy: Growth of an Ideology and Institution*. Leiden, Brill, pp. 199–219.

Paravicini Bagliani, A. (1972). *Cardinali di curia e "familiae" cardinalizie dal 1227 al 1254*. Padua, Ed. Antenore. T. 1–2. 610 p.

Perlback, M (Ed.). (1882). *Pommerellisches Urkundenbuch*. Danzig, Bertling. XXXIV, 706 S.

PrUB – Philippi, R (Hrsg.). (1882). *Preußisches Urkundenbuch. Politische Abtheilung*. Königsberg, Hartung. Bd. 1/1. 240 S.

PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1841–2018–). Vol. 1–46–. Moscow, St Petersburg. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. 648 p.

Sassen, J. H. H. (1908). *Hugo von St. Cher. Seine Tätigkeit als Kardinal, 1244–1263*. Bonn, Verlag von Peter Hanstein. XV, 169 S.

Sayers, J. (1984). *Papal Government and England during the Pontificate of Honorius III (1216–1227)*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XIV, 292 p.

Selart, A. (2015). *Livonia Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill. XI, 385 p.

Silnicki, T. (1933). Kardynał legat Hugo St. Cher a Polska. In *Roczniki Historyczne*. T. 9, s. 157–176.

Theiner, A. (Ed.). (1860). *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia*. Romae, Typis Vaticanis. T. 1. XXXII, 788 p.

VI – Melloni, A. (Ed.). (1990). Vita Innocentii IV scripta a fr. Nicolao de Carbio. In Melloni, A. *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae*. Genova, Marietti, pp. 259–294.

Wybranowski, D. (2003). Początki świeckiego kręgu wasali biskupa kamińskiego Hermana von Gleichen (1251–1288/89) na tle jego działalności politycznej i kolonizacyjnej. Przyczynek do dziejów państwa biskupiego w XIII w. Cz. 1. In *Gdańskie studia z dziejów średniowiecza*. Nr. 9, s. 321–359.

The article was submitted on 02.02.2022

DOI 10.15826/qr.2023.3.828

УДК 94(470)"15/16" + 351.746.1(470)"15/16" + 94(571.1) + 357.223:35 +
+ 929.52Быкасовы + 929.731Шуйские

Род Быкасовых в контексте политического сыска (Сибирь, конец XVI века)*

Андрей Беляков

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

The Bykasov Family in the Context of Political Investigation (Siberia, Late 16th Century)

Andrey Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This study of “words and deeds” as a type of crime began over a hundred years ago. This well-known formula proceeded from the public obligation of the population to protect the sovereign and their family from any evil intentions. This phenomenon began to develop on Russian soil as early as the mid-fifteenth century and is present in a wide range of documents: secured or affirmed deeds; the sovereign’s grants to Siberian foreigners; letters of commendation with a golden seal, issued to those who lived in the recently annexed territories with a predominantly non-Orthodox population, as well as territorial entities that were formally part of the Muscovite State; state oaths. It is believed that the cases of the sovereign’s “words and deeds” have been preserved since the seventeenth century, their mentions known since earlier times. However, the lists found in the materials of the Siberian Prikaz from the mandate letters of 1599 to the Tobolsk voivode stolnik S. F. Saburov about the investigation of the accusation of “words and deeds” of the Tobolsk children of the boyars Bykasov suggests that such materials from the sixteenth century are yet to be studied. However, to detect them, it is necessary to significantly expand the range of documents under consideration and not be limited, as before, only to the materials of the Razryad Prikaz. The materials analysed are the remains of the most ancient case identified on charges of sovereign’s “words and deeds”. The Bykasov family mentioned in

---

* *Citation:* Belyakov, A. (2023). The Bykasov Family in the Context of Political Investigation (Siberia, Late 16th Century). In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 950–966. DOI 10.15826/qr.2023.3.828.

Цитирование: Belyakov A. The Bykasov Family in the Context of Political Investigation (Siberia, Late 16th Century) // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 950–966. DOI 10.15826/qr.2023.3.828 / Беляков А. Род Быкасовых в контексте политического сыска (Сибирь, конец XVI века) // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 950–966. DOI 10.15826/qr.2023.3.828.

it, served as the sovereign's grooms in the tsar's stables at least from the early sixteenth century. Andrei Timofeevich Bykasov was involved in the case of the Shuysky princes in 1586, for which all his relatives were exiled to Siberian cities. At the end of the Time of Troubles, A. T. Bykasov became a stable officer of the Stable Prikaz, which compensated him and his brothers for the trials that they had had to go through.

Keywords: "words and deeds", Russian state of the 16th–17th centuries, Bykasovs, Siberian exile, Stable Prikaz, case of the Shuysky princes

«Слово и дело» как особый вид преступлений начали изучать более ста лет назад. Данная изветная формула возникла на почве публично-правового обязательства населения оберегать государя и его семью от любых злых умыслов. Это явление развивалось на русской почве с середины XV в. и фиксируется в широком круге документов: крепких или укрепленных грамотах; государеве жалованном слове сибирским иноземцам; жалованных грамотах за золотой печатью, выдававшихся проживавшим на недавно присоединенных территориях с неправославным по преимуществу населением, а также территориальным образованиям, формально входившим в состав Московского государства; государственной присяге. Считается, что дела о государеве «слове и деле» сохранились начиная с XVII в., от более ранних времен известны только их упоминания. Однако обнаруженные в материалах Сибирского приказа списки с наказных грамот 1599 г. тобольскому воеводе стольнику С. Ф. Сабурову о расследовании обвинения в «слове и деле» тобольских детей боярских Быкасовых позволяют предположить, что подобные материалы по XVI в. еще ждут своих исследователей. Однако для их обнаружения следует значительно расширить круг рассматриваемых документов и не ограничиваться, как ранее, только материалами Разрядного приказа. Анализируемые материалы являются остатками наиболее древнего выявленного на настоящий момент дела по обвинению в государеве «слове и деле». Фигурирующие в нем члены семьи Быкасовых с начала XVI в. служили государевыми конюхами в Конюшенном приказе. Андрей Тимофеевич Быкасов в 1586 г. проходил по делу князей Шуйских, за что все его родственники оказались сосланными в сибирские города. На излете Смуты А. Т. Быкасов стал ясельничим Конюшенного приказа, тем самым его и его братьев вознаградили за те испытания, что им пришлось пройти.

Ключевые слова: «слово и дело», Русское государство XVI–XVII в., Быкасовы, сибирская ссылка, Конюшенный приказ, дело князей Шуйских

Впервые государеве «слово и дело» как особый вид преступлений стал исследовать Н. Я. Новомбергский. Он собрал и проанализировал большое количество подобных материалов за XVII в. [Новомбергский, 1911; Новомбергский, 1919]. При этом ученый сделал наблюдение о том, что «слово и дело государеве как особая изветная формула возникло на почве публично-правового обязательства на-

селения оберегать государя и его семью от злых умыслов» [Новомбергский, 1919, с. 2–3]. Подобные формулы с разными вариациями известны с середины XV в. В частности, они содержатся в крепких или укрепленных грамотах [Пономарева], в более позднее время – в государевом жалованном слове сибирским иноземцам [Слугина, Конев] и государственной присяге XVII в. [Королева]. Фиксируются они и в жалованных грамотах за золотой печатью, выдававшихся с XVI в. народам, проживавшим на недавно присоединенных территориях с неправославным по преимуществу населением, а также территориальным образованиям, формально входившим в состав Русского государства [Беляков, 2022a; Беляков, 2022b]. Перечисленные документы показывают, как со временем образ государя и его семьи стал сливаться с понятием государства.

Под натиском жизненных потребностей «слово и дело» стали скрывать все, кто не мог найти для себя спасительной опоры в обычных законах и учреждениях. Данная изветная формула стала удобной формой борьбы с людьми, недовольными злоупотреблениями царских администраторов на местах, что приводило к потребностям в постоянном совершенствовании существующих законов. Н. Я. Новомбергский использовал для объяснения этого явления термин «гетерогенезис» – изменчивость (всякое вновь возникающее в организме наследственное изменение) [Новомбергский, 1919, с. 3]. Таким образом, «слово и дело» стало одним из государствообразующих факторов, способствовавших возникновению и становлению Московского государства, в определенном смысле личным договором подданных с государем.

Новомбергский отмечал, что до нас не сохранилось раннее делопроизводство по подобным делам, имеются только упоминания о них. Это не совсем так. Исследователь пользовался исключительно материалами Разрядного приказа, однако подобные дела встречаются и в иных фондах. К примеру, укрепленные грамоты, которые также можно рассматривать как итог расследования преступлений, подпадающих под определение «слова и дела», хранились в государственном архиве.

При подготовке к публикации копийных книг сибирских городов 1626 г. были обнаружены наказные памяти 1599 г. тобольскому воеводе С. Ф. Сабурову, содержавшие следы одного из подобных судебных разбирательств. Данные документы не представляют собой единого следственного дела, это несколько наказных памятей с указанием о проведении следствия и последующих действиях. Однако в них содержится пересказ более ранних челобитных как обвиняющей, так и обвиняемой сторон. Благодаря этому мы имеем возможность проследить, как развивались события. Это древнейший сохранившийся комплекс материалов по конкретному государеву «слову и делу» не только в Сибири, но и в Русском государстве в целом.

Нельзя сказать, что эти материалы совсем не были известны исследователям. Однако они использовали не сами документы, а их краткий пересказ, сделанный Н. Н. Оглоблиным [Оглоблин, с. 133–134, 137].

Первым на данный сюжет обратил внимание П. Н. Буцинский, но он довольно вольно подошел к его интерпретации [Буцинский, с. 117]. В последнее время им заинтересовался В. Н. Добжанский, однако его привлекли другие моменты, и историю со словом и делом он практически проигнорировал [Добжанский].

Подавляющая часть служилых людей оказалась в Сибири на рубеже XVI–XVII в. не по своей воле, их перевели сюда волевым решением Москвы. По отношению к одним (литовцы и немцы) посчитали, что вдалеке от западных границ они не будут думать о возможном бегстве на прежнюю родину, других отправляли за Урал в наказание за те или иные прегрешения. Ко второй категории следует отнести детей боярских братьев Фуника, Максима и Юрия Быкасовых. Об их жизни до переезда в Сибирь почти ничего не известно. Я. Г. Солодкин обоснованно считает, что это братья Андрея Тимофеевича Быкасова, сосланного в Сибирь по делу Шуйских 1586 г. [Солодкин, 1998].

Документы позволяют проследить историю рода почти за столетие. Быкасовы, по-видимому, весь XVI в. служили по конюшенному ведомству. А. А. Зимин относит представителей этой семьи к наследникам послужильцев из несвободной великокняжеской челяди, выдвинувшихся на рубеже XV–XVI вв. [Зимин, 1964, с. 206]. Конюха Андрея Быкасова в 1520 г. приставили к приехавшему из Литвы в гонцах Н. Войтехову [СИРИО, с. 551]. Илья Быкасов в 1532/33 г. значится как послух на купчей архимандрита Чудова монастыря у вдовы княгини М. М. Оболенской (Беззубцевой) вотчины в Коломенском уезде [Кистерев, с. 83]. Зимой 1535/36 г. Илья и Тимофей Быкасовы встречали литовского посланника Я. Гайко в Вязьме, сопровождали до Москвы, «берегли» в столичном городе и присутствовали на приеме посольства в Кремле, сидели вместе с посланником в «кривом столе». Тем самым они выполняли функцию приставов при дипломатической миссии. Весной 1536 г. Илья Быкасов вновь был приставлен к литовским послам для «береженья». По окончании миссии конюх провожал иностранцев до границы [Акты, относящиеся к истории Западной России, с. 236–237, 252].

Это не все случаи, когда конюхи выполняли функции приставов у литовских посланников и гонцов. По-видимому, здесь мы видим особенность посольской службы по связям с определенными странами. В 1544 г. Илья Семенов сын Быкасов отмечен как послух при взятии в долг 50 руб. в заклад деревни в Дмитровском уезде М. В. Воронцовым у Ж. И. Лодыгина [Шумаков, с. 37–38]. В 1535/36 г. великого князя конюх Бунд Быкасов описывал пожни у монастырей и у церквей, расположенных вокруг Новгорода. В июне 1536 г. он описывал и мерил пожни в Великом Новгороде [Писцовые книги Новгородской земли, т. 1, с. 309, 328]. Дети Степана Бундова Яков и Крестьянин (Хрестьянин) отмечены в тысячной книге и дворовой тетради по Юрьеву [Зимин, 1964, с. 206; Тысячная книга, с. 70, 152]. В уезде имелись вотчины семьи. В 1529/30 г. Алена Федорова дочь Бундова, вдова Варгана-

Григория Захарьина, дала в Покровский девичий монастырь в Суздале свою приданную вотчину – половину села Чагино Юрьевского уезда [Акты Покровского суздальского девичьего монастыря, № 8, с. 26]. Крестьянин в 1563/64 г. упомянут как костромской помещик [Антонов, 2001, с. 84]. В мае 1565 г. по крымским вестям в Калуге он голова в полку правой руки [Разрядная книга, с. 145]. В 1566 г. поставил свою подпись под приговорной грамотой литовским послам об отказе в перемирии и продолжении военных действий в Ливонии [Антонов, 2004b, с. 176]. В этом же году его казнили [Зимин, 1964, с. 202–207, 331; Веселовский, 1963, с. 363]. Яков Степанов в 1550 г. был назначен стрелецким головой во главе 500 стрельцов [ПСРЛ, т. 22, ч. 1, с. 532], стрелецкий голова при Казанском взятии 1552 г. [Там же, т. 13, с. 208], в январе 1559 г. – стрелецкий голова в Большом полку Д. Ф. Адашева на Днепре [Там же, с. 316], имел двор на Арбате возле Савинского монастыря. 31 июля этого же года боярин Иван Большой Васильевич Шереметев по приказу и по духовной Якова отдал двор в Кирилло-Белозерский монастырь на помин души. Послухом выступил Крестьянин Степанович Бундов [Акты юридические, с. 147]. 1 августа в Троице-Сергиев монастырь вклад по Якову сделал Трофим Степанов [Зимин, 1964, с. 207]. В 1564 г. Яков Хомяков сын Бундов ручался по Ивану Васильевичу Большому Шереметеву [Антонов, 2004а, с. 32].

Совпадение имен того, по ком была дана поручная запись, и душеприказчика Якова Степанова наталкивает на мысль, что Яков Степанов и Яков Хомяков приходятся друг другу отцом и сыном. Повидимому, Бундовы или часть из них были креатурой Шереметевых. Также известен Тимофей Иванов сын, подписавший в 1564/65 г. поручную запись по князю Василию Семеновичу Серебряному [Там же, с. 43–45]. За этой ветвью рода закрепилось прозвище Бундовы. Повидимому, это было принципиально для тех, кто порвал со службой в конюхах. Со временем Бундовы стали новгородскими помещиками, в 1585/86 г. Никифор Бундов отмечен как бывший помещик в Молвянском погосте Деревенской пятины [Антонов, 2002, № 1942]. Григорий Бундов в 1584/85 г. переписывал Порховский уезд Шелонской пятины [Писцовые книги Новгородской земли, т. 2, с. 222, 393, 414, 417, 422]. В 1560-е гг. в связи с перераспределением поместий, вызванным введением опричнины, упоминается конюх Герасим Быкасов, лишившийся своего поместья (58 четей) в Лукомском стане Московского уезда [Садилов, с. 169]. Известны и иные представители этого рода [Зимин, 1964, с. 202, 203, 206, 207, 210, 331; Веселовский, 1963, с. 363].

25 августа 1561 г. сын боярский, государев конюх Андрей Тимофеев сын Быкасов сделал вклад 25 руб. в Московский Симонов монастырь [Вкладная и кормовая книга, с. 53], это первое упоминание о нем. В 1573 г. он значится стремянным конюхом (придворный чин, заведовал царскими верховыми лошадьми и подавал стремя государю, когда тот садился в седло) с окладом в 200 четей и 15 руб. Там же служили стремянные конюхи Постник (200 четей и 20 руб.), Юрий

(4 руб.) и приказчик у лошадей царевича Ивана Ивановича Яков (200 четей, 15 руб.) Быкасовы [Список опричников, с. 82–85].

Степень родства приведенных лиц неизвестна, однако по источникам начала XVII в. устанавливаются отчество Андрея – Тимофеевич – и имена его братьев – Григорий, Максим и Юрий [Записные вотчинные книги, № 5977–42, 5988–16]. По-видимому, Постник – это некалендарное имя Григория. В 1579/80–1583/84 гг. они планомерно скупали вотчинные земли в станах Шеренском, Воря и Корзенове Московского уезда у представителей рода Княжниных. В конечном итоге у них оказалось 278 четей земли, 10 десятин дровяного леса, 14 крестьянских дворов с 14 крестьянами и 18 бобыльских дворов с аналогичным количеством бобылей [Антонов, 2002, № 453–457; Писцовые книги Московского государства, т. 1, с. 249, 255; Павлов-Сильванский, с. 244]. Помимо этого, в Московском уезде у них на оброке находилось 125 четей пашни, их крестьяне держали на оброке в общей сложности 1 288 четей земли [Писцовые книги Московского государства, т. 1, с. 259–261, 268–269]. В Медынском уезде фиксируются поместья Григория Быкасова, в Вежецком и Мигуньине станах ему принадлежало шесть деревень [Писцовые книги Московского государства, т. 2, с. 840]. За Андреем Быкасовым числились земли в Нерехоцком стане Кашинского уезда, которые он продал Ивану Коноплеву [Сотницы, с. 11]. Где находились остальные поместья братьев, неизвестно, однако в Пехренской десятне Московского уезда в первой половине XVII в. отмечено село Быкасово [Устинова, с. 56]. В 1584/85 г. Андрей и Максим Тимофеевичи были послухами при даче рядной А. М. Хомяковой, Десятковской жены (вдовы) Боранова, сговорившейся замуж за А. И. Плещеева-Охотина [Акты служилых землевладельцев, т. 1, с. 280]. Перед нами вырисовывается картина дружной и экономически крепкой семьи. Об этом, в частности, говорят постоянные покупки вотчин в Московском уезде, пусть и не оправившемся окончательно от последствий разорения 1571 г.

Осенью 1586 г. Андрея Быкасова «з братьею» арестовали по делу Шуйских и разослали «по городом» [ПСРЛ, т. 14, с. 36–37]. В одном из источников отмечается, что Андрея сослали в Сибирь [Новгородские записные кабальные книги, стб. 24]. Произошло это сразу или же через несколько лет, неизвестно. Остается открытым вопрос о том, что это за город. В Тобольске, Сургуте и Таре он не упоминается. Остаются Тюмень, Пелым и Берёзов. Первый город как основанный еще в 1586 г. выглядит как более реальное место ссылки. Конфискованные вотчины Быкасовых достались Н. Р. и Т. Р. Трубецким [Павлов, т. 2, с. 30–31]. Следует отметить, что факт попадания Андрея Быкасова в список лиц, подвергшихся репрессиям, очень важен, ведь это определенный маркер положения человека среди московской приказной элиты.

Эти события имели свою предысторию. Толмача латинского языка, поляка по происхождению Якова Заборовского в 1585 г. послали в империю с Лукой Новосильцевым [Памятники дипломатических

сношений, стб. 909, 916, 927, 928, 935–937]. В мае этого года через него в Польше стало известно, что Шуйские поддерживают кандидатуру польского короля на русский престол. Своему старому другу капитану Белявскому, под руководством которого он до этого служил десять лет, Заборовский сообщил, что царь Федор тяжело болен. В случае его смерти якобы один из братьев Рудольфа II женится на Ирине Годуновой и станет московским царем [Зимин, 1986, с. 119–120]. Была ли это преступная болтливость толмача, пытавшегося набить себе цену в глазах прежнего знакомца, или же хорошо спланированная операция, разработанная в недрах Посольского приказа или в окружении Бориса Годунова, мы не знаем.

Позднее, в 1587 г., фиксируется сокращение доходов великого князя Тверского (царя) Симеона Бекбулатовича. Имеется мнение, что его опала была связана с попыткой митрополита Дионисия и части аристократии удалить Бориса Годунова от двора, развести Федора Ивановича и Ирину Годунову. Оппозиционеры хотели женить царя на княжне Мстиславской, родственнице Симеона. Замысел потерпел крах, а главных его инициаторов осенью 1586 г. сослали [Лилеев, с. 96–103; Ульяновский, с. 277]. Летопись смутно сообщает об этом событии:

В лета 7093 году видя, враг царя праведна и свята и положи вражду меж бояр, разделяхуся надвое: Борис Федорович Годунов з дядьями и братьями... з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславской, а с ним Шуйские, и Воротынские, и Головины, и Колычовы, и иные служилые люди, и чернь московская [ПСРЛ, т. 14, с. 36].

Вырисовывается картина противостояния старой и новой знати, при этом, похоже, разрабатывалось сразу несколько сценариев развития событий. Сообщение Заборовского, поворот в судьбе царя Симеона и репрессии осени 1586 г. явно объединяются в некий единый процесс.

Куда был сослан Андрей, до настоящего времени неизвестно. Неизвестна и судьба Якова. Возможно, он не был родным братом Андрея Тимофеевича, что и спасло его от опалы. А вот остальные братья попали в Тобольск. При этом они входили в круг лиц, основавших город. В честь них одна из крепостных башен получила название Быкасовская [Солодкин, 2005]. Однако в Тобольске братья упоминаются под именами Юрий, Максим и Фуник. Можно допустить, что Фуник и Григорий – это один человек, хотя Фуник больше похоже на уменьшительное от Афанасий. Но тут следует учитывать, что один из братьев также назван Арапетом (Уропетом) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 186]. Более того, встречается упоминание сразу четырех братьев: Юрия, Максима, Фуника и Григория. По-видимому, это свидетельство следует признать ошибочным. Московский подьячий, составлявший наказную память, запутавшись с именами и прозвищами братьев, указал одновременно крестильное имя Григория и его про-

звище. Братья Андрея Тимофеевича в Тобольске должны были занять видное положение, ведь дети боярские представляли собой верхушку служилых людей в Сибири. Выше них были только присылавшиеся из Москвы воеводы и осадные головы. Об этом говорят и их службы. К тому же следует учитывать и тот факт, что Быкасовы по службе непосредственно контактировали с московским государем. Это также придавало им особый вес. Тот факт, что братья «за их великие воровства и за измены посланы они в Сибирь на житье», никого не смущал, таких здесь было много. В 1597 г. Максим (или Фуник) возглавил отряд тобольских служилых людей, который должен был участвовать в походе против Пегой Орды:

Да ис Тоболска же велено послати тобольских юртовских тотар с сыном боярским с Максимом или с Фуником з Быкасовым да с атаманом с Черкасом Олоксандровым, выбрав лучих тотар з Байбахтою да с Кызылба сто человек [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 10–11 об.].

Являясь детьми боярскими и основателями Тобольска, Быкасовы с большой неохотой терпели любые поползновения воевод на свой особый статус. Это и послужило причиной конфликта с воеводой Ефимом Бутурлиным. В результате взаимных обвинений воеводы и братьев становится известной хронология развивавшихся событий.

Товарищ тобольского воеводы Е. Бутурлина осадный голова Василий Колединский стал допускать злоупотребления по отношению к ясачному остяцкому населению и бухарским купцам, а также позволял себе обкрадывать государя, забирая из ясачных мехов лучшие. Главным помощником осадного головы в этих вопросах был толмач Степан Драгилев. На Степана татары били челом в Москву. По государеву указу толмача следовало отрешить от дел, однако Е. Бутурлин решил проигнорировать требование царской грамоты, более того, дал устный приказ никому «по-русски» для мусульман грамот не писать. Стрелец Кречко Иванов для татар и бухарских купцов на дворе братьев Быкасовых все же написал новые челобитные. По-видимому, братья пользовались большим авторитетом в городе, возможно, они даже были главами своеобразного «теневого правительства». Узнав о новых челобитных, воевода «тово Кречка бил кнутом, ведя по торгом, да посадил в тюрьму». Ранее написанные челобитные в Москву должен был повезти казак Гришка Выходцев. Но, видя, как развиваются события, он испугался и отдал челобитные воеводе. Грамоты на татарском языке до Москвы все же дошли [Там же. Кн. 2. Л. 133–148 об.].

17 июня 1598 г. тобольский пеший казак Онгозя Афанасьев «сказал за собой государево великое дело» – якобы в этот день он пришел на подворье к братьям Быкасовым за плотницкой пилой и услышал их разговор:

...кому де тому сидеть на царьстве, хто семена царьские перевел, Дмитрея царевича на Угличе велел потребити и государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси велел задушити для того, что ему на царьстве сидети [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 130 об. –133 об.].

Братья Быкасовы сообщили в столицу, что в начале октября 1598 г. воевода в нарушение государева указа неудачно пытался продать в Тобольске два сорока соболей и черную лисицу. Покупатель отговорился отсутствием необходимых денег. 16 ноября Е. Бутурлин, чей срок на воеводстве подходил к концу, послал своих людей с десятью ногайскими лошадьми, тремя иноходцами, мехами и шубами к себе в поместье, при этом особо оговорил с ними маршрут через Вятку, чтобы не встретиться с новыми воеводами, направлявшимися в Сибирь [Там же. Л. 189–189 об.].

25 декабря 1598 г. (в престольный праздник Рождества Христова) воевода поил у себя «стрелецких и пашенных людей з женами». Здесь же присутствовал казенный сторож Левка Ульянов, которого потом отпустили ночевать домой, за город. Однако вскоре послали за ним человека с приказанием ночевать в съезжей избе. В эту же ночь изба сгорела. В пожаре погиб сторож, а также городской архив. «И государевы всякие дела, и казенные и ясачные книги, и десятинные, и пошлинные книги згорели». Ранее эти дела «ставили у целовалников в погребех» с пушечною казною, а в съезжей избе ночевали вместе денщики, воротник и казенный сторож. Когда начался пожар, в город никого не велели пускать, ссылаясь на то, что там якобы находилась государева казна. В это время воевода и голова Иван Ржевский вытащил из подполья два кузова денег. «И те денги Ефим назвал своими» [Там же. Л. 190–191].

Сразу после этого братья Быкасовы написали челобитную, в которой указали на то, что «будто Ефим в Тобольском сторожа казенно, Левку Ульянова в съезжей избе людем свои велел задавить, а избу велел зажечь совсем для тово, было за тем сторожом, за Левкою, государево дело великое, на Ефима Бутурлина». Воевода, в свою очередь, прослышав об этом, сам бил челом государю. Осадный голова И. Ржевский тут же по распоряжению Е. Бутурлина провел следствие. Обыскные списки были отправлены в Москву, при этом подчеркивалось, что «тем обыскам верити нечему» [Там же. Л. 187–187 об.]. По-видимому, там содержались сведения, подтверждавшие содержание челобитья Быкасовых. Однако воевода и осадный голова стремились всячески замять это дело или же перевести внимание московских властей на братьев Быкасовых, тем более, что те продолжали вести себя крайне неосмотрительно.

Через несколько дней, 31 декабря 1598 г., выпала очередь Фунику Быкасову ночевать «для бережения» в городе (крепости). Фуник манкировал службой. Когда же воевода приказал за это отвести его в тюрьму, не дал этого сделать: «лаял матерны и говорил: кому де нам

здесь в тюрьму сажать?» Конфликт чуть не привел к драке или даже убийству воеводы (братья набросились на него с рогатинами). За это Быкасовых били батогами и посадили в тюрьму «на время» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 185 об. – 186 об.].

Приехавшему в 1599 г. в Тобольск воеводе окольниковому С. Ф. Сабурову следовало произвести следствие, при необходимости братьев Быкасовых и казака О. Афанасьева требовалось привести к пытке. Если вина братьев в обвинениях будет доказана, то их нужно было, бив кнутом, разослать порознь по тюрьмам «на Березов, да на Тару, да в Сургут, да на Пелым». Если же братья будут оправданы по всем пунктам, то их полагалось порознь разослать на жительство по тем же самым городам, «хотя и не дойдет до них вина» [Там же. Л. 183–183 об.]. Чем закончилось дело, неизвестно. Других свидетельств об их жизни в Сибири в нашем распоряжении нет. Однако через несколько лет всех их мы встречаем в Москве.

Когда братья вернулись из Сибири, неизвестно. 25 июля 1605 г. Лжедмитрий I взамен конфискованных ранее вотчин пожаловал Андрея Быкасова в вотчину селом Васильевым в Бежецком Верхе. Получается, что Быкасовы (или часть из них) вернулись в Москву еще в правление Бориса Годунова. Утверждение о том, что из Сибири их возвратил Лжедмитрий I, ложно, они просто не смогли бы прибыть в столицу к концу июля 1605 г. [Акты исторические, с. 71, 370]. В 1607 г. верхотурскому воеводе была послана грамота о поимке беглых людей Андрея Быкасова, взявших лошадей, одежды и драгоценностей на 95 руб. [ОР РГБ. Ф. 256. № 47.85].

В 1608 г. Андрей, Григорий, Максим и Юрий Тимофеевичи были в столице. Взамен конфискованных у братьев в конце XVI в. вотчин им пожаловали новые в Подгородном (Городском) стане Козельского уезда (232 чети), бывшее поместье боярина С. В. Годунова [Памятники истории Восточной Европы, с. 401; Акты служилых землевладельцев, т. 3, с. 438–439], в Горетове стане Московского уезда и в Бежецком уезде [Записные вотчинные книги, № 5988–16]. В мае 1610 г. Юрий Быкасов дал расписку в получении денег с вотчины Вяжицкого монастыря в Толвуйском погосте Обонежской *пятины* оброчных денег с рыбных ловель и таможенных денег и пошлин на 1610/11 г. [Акты Новгородского Вяжицкого монастыря, с. 127–128]. Упоминание о конюхе Якове Быкасове вновь встречается в документах в апреле 1610 г.: тогда Сигизмунд III пожаловал его поместье в Ржевском уезде Д. Ф. Шамшееву, так как «тот Яков збежал с Москвы и стоит с твоими государевыми изменники против твоих государевых польских людей» [Сухотин, с. 26, 28]. Тогда же Андрей Быкасов в своей челобитной на имя Сигизмунда III вкратце пересказал свою историю: был сослан «от Бориса Годунова в Сибирь», вернулся оттуда при Лжедмитрии I и пожалован взамен конфискованных вотчин в вотчину селом А. А. Чемоданова в Бежецком Верхе [Акты исторические, с. 370–371].

При Василии Шуйском братья находились в осажденной Москве [Памятники истории Восточной Европы, с. 401]. В ноябре 1611 г. стремленные конюхи Юрий и Григорий Быкасовы (поместный оклад 600 четьей) отмечены в полку князя Д. Т. Трубецкого [Акты Московского государства, с. 82]. А. Т. Быкасов известен как ясельничий конюшенного приказа с 7 мая 1613 г. по 7 мая 1619 г. [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 91; Описание Грамот Коллегии экономии, № 7486, с. 448]. Однако, возможно, эту должность он занял несколько раньше, предположительно при В. Шуйском. Под его руководством в стремянных конюхах служил брат Юрий Тимофеевич [Памятники истории Восточной Европы, с. 101]. В этой должности он числится и ранее, 23 декабря 1616 г. [Успенский, с. 61]. Обоим братьям за московское осадное сидение «в королевичев приход» часть их поместий во Владыченской волости Костромского уезда была переведена в вотчину [Памятники истории Восточной Европы, с. 123]. Смена царей на престоле не сказалась негативно на их службе. Прошлое семьи устраивало как Шуйских, так и Романовых. По-видимому, Андрей Тимофеевич своими действиями или же молчанием оказал им в свое время большую услугу. А вот его братья не получили каких-либо видных служебных назначений.

Братья Быкасовы имели собственность и в Гремячеве (ныне Новомосковский район Тульской области). Первоначально поместье пожаловали Григорию. Однако вскоре его отдали прежнему помещику. На месте, выделенном брату для строительства осадного двора (77 × 8 сажень, 166 × 16 м), Андрей и Юрий организовали слободку, в которую привлекли 19 чел., живших в 13 крестьянских дворах. При этом площадь слободки выросла без малого в 15 раз, до 77 × 110 сажень (166 × 237 м) [Веселовский, 1913, с. 292]. Это лишний раз указывает на организаторские способности братьев.

Андрей, Григорий и Юрий также являлись помещиками Моржовского стана Рязанского уезда. Этот же источник позволяет нам предположить, что у братьев имелась сестра. Дело в том, что в 1624/25 г. поместья Быкасовых были «справлены» за их племянником, жильцом Василием Григорьевым сыном Кошкиным [Писцовые книги Рязанского края, с. 32, 38–39]. Григорию также принадлежало поместье в Лухском уезде. По-видимому, это было приданое его жены Марии. Она пережила супруга [Писцовые книги Восточного Замоскворечья, с. 196]. У Андрея, похоже, имелся двор в Вязме [Вяземские писцовые книги, с. 20].

В 1620-е гг. в Московском уезде известны помещики Андрей и Юрий Тимофеевичи Быкасовы [Описание Грамот Коллегии экономии, № 7486]. Последним в живых остался Юрий, унаследовавший все родовые вотчины [Памятники истории Восточной Европы, с. 401]. На склоне лет в 1632 г. он принял постриг с именем Авраамий в Даниловом монастыре [Записные вотчинные книги, № 5977–42, 5988–16]. Здесь же были похоронены Андрей Тимофеевич (схимонах Антоний, †27.11.1626), Григорий Тимофеевич и его жена Мария (схимонахиня Марфа, †25.07.1632) [Беляев, 2012; Русское средневековое надгробие,

с. 310; Беляев, 1995]. Возможно, иные представители семьи также нашли свое упокоение в этой обители. Из всех братьев только у Максима известна дочь, бывшая замужем за стольником Александром Даниловичем Леонтьевым, сыном дворецкого патриарха Филарета [Памятники истории Восточной Европы, с. 123]. Тестем его родного брата Кузьмы Даниловича был духовник царской семьи протопоп Благовещенского собора Кирилл [Павлов, т. 1, с. 598–599, 739]. Брак был заключен в 1621/22 г. [Записные вотчинные книги, № 5977–42, 5988–16]. На этом данная ветвь рода пресеклась.

Это вся информация, которую удалось собрать по братьям Быкасовым. Сибирская эпопея этой семьи была только одним, пусть и значимым эпизодом в их истории. По-прежнему здесь остается много вопросов, в первую очередь роль А. Т. Быкасова в событиях 1586 г. Это ключевой момент для понимания всех последующих событий. Обратим внимание на то, что эта семья вполне комфортно ощущала себя при всех без исключения правителях России от Лжедмитрия I до Михаила Романова. Трудно поверить, что такое положение основывалось исключительно на общей ненависти к Борису Годунову. Но это все же не объясняет карьерный взлет А. Т. Быкасова и включение рода в круг столичного дворянства, столь тесно связанного с придворным окружением. Также остается неясным, почему царь Борис не разделался с братьями, когда ему представился удобный момент.

Находка нового раннего источника, связанного с кругом документов так называемого государева «слова и дела», показывает, что в архивохранилищах, возможно, имеются и другие подобные материалы. Тем более, что при расширенном взгляде на изучение этого явления, как оказалось, сюда органично вписываются группы источников, ранее игнорировавшиеся исследователями, такие как крепкие грамоты и поручные записи.

Библиографические ссылки

- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Т. 2. 614 с.
- Акты Московского государства : в 3 т. СПб. : Тип. Акад. наук, 1890. Т. 1. 802 с.
- Акты Новгородского Вязищского монастыря конца XV – начала XVII в. / сост. И. Ю. Анкудинов. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 264 с.
- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1848. Т. 2. 444 с.
- Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М. : Связь эпох, 2019. 464 с.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М. : Археогр. центр, 1997. Т. 1. 432 с. М. : Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
- Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1838. 509 с.
- Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2001. Вып. 7. С. 52–218.
- Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2002. Вып. 8. 656 с.

Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2004а. Вып. 10. С. 8–79.

Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2004б. Вып. 10. С. 171–183.

Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М. : Ин-т археологии РАН, 1995. 458 с.

Беляев Л. А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М. : Данилов муж. монастырь, 2012. 503 с.

Беляков А. В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022а. Т. 10, № 1. С. 184–211. DOI 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211.

Беляков А. В. Организация управления в Московском государстве XV – начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно не русским населением // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022б. № 3. С. 64–80. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.007.

Буцинский Н. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков : Тип. Губ. правления, 1889. 345 с.

Веселовский С. Б. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве : в 3 т. М. : О-во истории и древностей российских, 1913. Т. 1. 666 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 539 с.

Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестн. церковной истории. 2006. № 3. С. 5–186.

Вяземские писцовые книги князя Ивана Федоровича Волконского 1627 года. Вязьма : [Б. и.], 1883. 65 с.

Добжанский В. Н. Наказы и наказные памяти царя Бориса Федоровича Годунова тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову 1599 года как источник по истории Сибири конца XVI века // Уч. зап. Музея-заповедника «Томская писаница». 2020. № 12. С. 154–198.

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 годов. М. : Древлехранилище, 2010. 1660 с.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М. : Мысль, 1964. 535 с.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М. : Мысль, 1986. 333 с.

Кистерев С. Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 59–234.

Королева М. В. Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4. С. 73–82. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.004.

Лилеев Н. В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской. 1567–1616 гг. : ист. очерк. Тверь : Тип. Губ. правления, 1891. 124 с.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. : словарь-справ. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 303 с.

Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.). М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 446 с.

Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года) : в 2 т. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1911. Т. 1. 593 с.

Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» // Изв. Томск. ун-та. 1919. Кн. 68. С. 1–288.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) : в 4 ч. М. : Университет. тип., 1901. Ч. 4. 287 с.

Описание Грамот Коллегии экономии : в 3 т. М. : Древлехранилище, 2018. Т. 2. 1394 с. ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). № 47.85.

Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018.

Павлов-Сильванский В. Б. Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584–1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории, 1984. М. : Наука, 1986. С. 239–253.

- Памятники дипломатических сношений : в 10 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1851. Т. 1. 852 с.
- Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. Т. 8. 683 с.
- Писцовые книги Восточного Замоскворечья. М. : Памятники ист. мысли, 2007. 541 с.
- Писцовые книги Московского государства. СПб. : Имп. рус. геогр. о-во, 1872–1895. Т. 1. 924 с. Т. 2. 1598 с.
- Писцовые книги Новгородской земли : в 6 т. М. : Археогр. центр, 1999. Т. 1. 428 с. М. : Памятники ист. мысли, 2004. Т. 2. 632 с.
- Писцовые книги Рязанского края XVII века : в 3 т. Рязань : Узорочье, 1998. Т. 1, вып. 3. 688 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. [СПб. ; М.], 1841–2018–. Т. 1–46–. Т. 13. 544 с. Т. 14. 600 с. Т. 22, ч. 1. 568 с.
- Пономарева И. Г.* О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 64–75.
- Разрядная книга 1550–1636 гг. : в 2 т. М. : Ин-т истории СССР, 1975. Т. 1. 331 с. РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 1, 2.
- Русское средневековое надгробие: материалы к своду. Вып. 1. М. : Наука, 2006. 359 с.
- Садиков П. А.* Очерки по истории Опричнины. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 594 с.
- СИРИО. СПб. : Тип. Ф. Елеонского, 1882. Т. 35. 952 с.
- Слугина В. А., Конев А. Ю.* «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам : К вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 183–193.
- Солодкин Я. Г.* О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI – начало XVII в.) // «Мира не узнаешь, не зная края своего». Западная Сибирь: История и современность. Краеведческие записки. Вып. 1. Нижневартовск : [Б. и.], 1998. С. 13–28.
- Солодкин Я. Г.* Первые тобольские ссыльные // Словцовские чтения – 2005. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. С. 59–61.
- Сотницы, грамоты и записи. М. : Синод. тип., 1911. Вып. 6. 126 с.
- Список опричников Ивана Грозного. СПб. : РНБ, 2003. 152 с.
- Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг. М. : О-во истории и древностей российских, 1911. 184 с.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
- Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения : в 2 ч. Киев : УМКВКУ, 1993. Ч. 2. 368 с.
- Успенский А. И.* Столбцы бывшего Архива оружейной палаты. М. : Общий архив М-ва императорского двора, 1912. Вып. 1. 240 с.
- Устинова И. А.* Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII в.: приходная книга патриаршего Казенного приказа 1640/1641 г. Ч. 2 // Вестн. церк. истории. 2014. № 3–4. С. 5–97.
- Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М. : Синод. тип., 1912. Вып. 3. 259 с.

References

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu v 5 t.* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. 5 Vols.]. (1841). St Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 2. 614 p.
- Akty Moskovskogo gosudarstva v 3 t.* [Acts of the Moscow State. 3 Vols.]. (1890). St Petersburg, Tipografiya Akademii nauk. Vol. 1. 802 p.
- Akty yuridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva* [Legal Acts or a Collection of Ancient Records Management Forms]. (1838). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 509 p.

Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkeograficheskoyu komissiei v 5 t. [Acts Related to the History of Western Russia Collected and Published by the Archaeographic Commission. 5 Vols.]. (1848). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 2. 444 p.

Ankudinov, A. Yu. (Ed.). (2013). *Akty Novgorodskogo Vyazhishchskogo monastyrya kontsa XV – nachala XVII v.* [Acts of the Novgorod Vyazhishchi Monastery of the Late 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. 264 p.

Antonov, A. V. (2001). Kostromskie monastyri v dokumentakh XVI – nachala XVII veka [Kostroma Monasteries in Documents of the 16th – Early 17th Centuries]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, Drevlekhranilishche. Iss. 7, pp. 52–218.

Antonov, A. V. (2002). Chastnye arkhivy russkikh feodalov XV – nachala XVII veka [Private Archives of Russian Feudal Lords of the 15th – Early 17th Centuries]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, Drevlekhranilishche. Iss. 8. 656 p.

Antonov, A. V. (2004a). Poruchnye zapisi 1527–1571 godov [Surety Records from 1527–1571]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, Drevlekhranilishche. Iss. 10, pp. 8–79.

Antonov, A. V. (2004b). Prigovornaya gramota 1566 goda [Sentence Deed from 1566]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, Drevlekhranilishche. Iss. 10, pp. 171–183.

Antonov, A. V., Baranov, K. M. (Eds.). (1997). *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka v 4 t.* [Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries. 4 Vols.]. Moscow, Arkeograficheskii tsentr. Vol. 1. 432 p. (2002). Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 3. 680 p.

Antonov, A. V., Mashtafarov, A. V. (Eds.). (2019). *Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'ego monastyrya XVI – nachala XVII veka* [Acts of the Intercession Suzdal Convent of the 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Svyaz' epokh. 464 p.

Belyaev, L. A. (1995). *Drevnie monastyri Moskvy po dannym arkhologii* [Ancient Monasteries of Moscow According to Archaeology]. Moscow, Institut arkhologii RAN. 458 p.

Belyaev, L. A. (2012). *Nekropol' Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekakh: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya (1983–2008)* [Necropolis of Danilov Monastery in the 18th–19th Centuries: Historical and Archaeological Research (1983–2008)]. Moscow, Danilov muzhskoi monastyr. 503 p.

Belyakov, A. V. (2022a). Zhalovannye gramoty za zolotoi pechat'yu: istoriya bytovaniya i areal rasprostraneniya (ob ordynskoi preemstvennosti v voprose investitury) [Grants with a Golden Seal: The History of Existence and Distribution Area (on the Horde Succession in the Issue of Investiture)]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 10. No. 1, pp. 184–211. DOI 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211.

Belyakov, A. V. (2022b). Organizatsiya upravleniya v Moskovskom gosudarstve XV – nachala XVII v. na vnov' prisoedinennykh territoriyakh s preimushchestvenno ne russkim naseleniem [Organisation of Management in the Muscovite State in the 15th – Early 17th Centuries in the Newly Annexed Territories with a Predominantly Non-Russian Population]. In *Drevnyaya Rus' Voprosy medievistiki*. No. 3, pp. 64–80. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.007.

Butsinskii, N. N. (1889). *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The Settlement of Siberia and the Life of Its First Inhabitants]. Kharkov, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 345 p.

Dobzhanskii, V. N. (2020). Nakazy i nakaznye pamyati tsarya Borisa Fedorovicha Godunova tobol'skim voevodam S. F. Saburovu i A. F. Tret'yakovu 1599 goda kak istochnik po istorii Sibiri kontsa XVI veka [Orders and Mandates in Memory of Tsar Boris Fedorovich Godunov to the Tobolsk Governors S. F. Saburov and A. F. Tretyakov in 1599 as a Source on the History of Siberia in the Late 16th Century]. In *Uchenye zapiski Muzeya-zapovednika „Tomskaia pisanitsa“*. No. 12, pp. 154–198.

Kisterev, S. N. (2003). Akty moskovskogo Chudova monastyrya 1507–1606 godov [Acts of the Moscow Chudov Monastery of 1507–1606]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, Drevlekhranilishche. Iss. 9, pp. 59–234.

Koroleva, M. V. (2020). Protседura gosudarstvennoi prisvyagi v Rossii XVII v. [The Procedure of the State Oath in Russia in the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus' Voprosy medievistiki*. No. 4, pp. 73–82. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.004.

Lileev, N. V. (1891). *Simeon Bekbulatovich, khan Kasimovskii, velikii knyaz' vseya Rusi, vposledstvi velikii knyaz' tverskoi. 1567–1616 gg. Istoricheskii ocherk* [Simeon

Bekbulatovich, Khan of Kasimov, Grand Prince of All Rus', Later Grand Prince of Tver. 1567–1616. Historical Sketch]. Tver, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 124 p.

Liseitsev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. (2015). *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik* [Orders of the Moscow State of the 16th–17th Centuries. Reference Dictionary]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh iniciativ. 303 p.

Novgorodskie zapisnye kabal'nye knigi 100–104 i 111 godov (1591–1596 i 1602–1603 gg.) [Novgorod Bondage Books of 100–104 and 111 (1591–1596 and 1602–1603)]. (1938). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 446 p.

Novombergskii, N. Ya. (1911). *Slovo i delo gosudarevy (protsessy do izdaniya Ulozheniya Aleksey Mikhailovicha 1649 goda) v 2 t.* [The Words and Deeds of the Sovereign (Processes before the Publication of the Code of Alexei Mikhailovich in 1649). 2 Vols.]. Moscow, Pechatnaya A. I. Snegirevoi. Vol. 1. 593 p.

Novombergskii, N. Ya. (1919). "Slovo i Delo" ["Words and Deeds"]. In *Izvestiya Tomskogo universiteta*. Book 68, pp. 1–288.

Ogloblin, N. N. (1901). *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) v 4 ch.* [Review of Columns and Books of the Siberian Order (1592–1768). 4 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 4. 287 p.

Opisanie Gramot Kollegii ekonomii v 3 t. [Description of Deeds of the Collegium of Economy]. (2018). Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 2. 1394 p.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 256 (Sobranie N. P. Rummyantseva). No. 47.85

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii v 10 t. [Monuments of Diplomatic Relations. 10 Vols.]. (1851). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 1. 852 p.

Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy v 9 t. [Monuments of the History of Eastern Europe. 9 Vols.]. (2009). Moscow, Warsaw, Drevlekhranilishche. Vol. 8. 683 p.

Pavlov, A. P. (2018). *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie v 2 t.* [Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographic Study. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin.

Pavlov-Sil'vanskii, V. B. (1986). Yavochnyi spisok votchinnykh vladanii Moskovskogo uezda pistsov 1584–1586 gg. T. A. Khlopova "s tovarishchi" [Inventory of Patrimonial Possessions of the Moscow Uyezd of Scribes in 1584–1586. of T. A. Khlopov "and Comrades"]. In *Istochnikovovedenie otechestvennoi istorii, 1984*. Moscow, Nauka, p. 239–253.

Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva [Scribes of the Moscow State]. (1872). St Petersburg, Imperatorskoe russkoe geograficheskoe obschestvo. Vol. 1. 924 p. Vol. 2. 1598 p.

Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli v 6 t. [Cadastres of Novgorod Land. 6 Vols.]. (1999). Moscow, Arkheograficheskii tsentr. Vol. 1. 428 p. (2004). Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 2. 632 p.

Pistsovye knigi Ryazanskogo kraia XVII veka v 3 t. [Scribes of Ryazan Krai of the 17th Century. 3 Vols.]. (1998). Ryazan, Uzoroche. Vol. 1. Iss. 3. 688 p.

Pistsovye knigi Vostochnogo Zamoskvorech'ya [Cadastres of Eastern Zamoskvorechye]. (2007). Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 541 p.

Ponomareva, I. G. (2016). O proiskhozhdenii moskovskikh "ukreplennykh" gramot [On the Origin of Moscow "Affirmed" Deeds]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2012 god*. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, pp. 64–75.

PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1–46–. (1841–2018–). St Petersburg, Moscow. Vol. 13. 544 p. Vol. 14. 600 p. Vol. 22. Part 1. 568 p.

Razryadnaya kniga 1550–1636 gg. v 2 t. [Rank Book 1550–1636. 2 Vols.]. (1975). Moscow, Institut istorii SSSR. Vol. 1. 331 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214 (Sibirskii prikaz). List 1. Book 1, 2.

Russkoe srednevekovoe nadgrobie: materialy k svodu [Russian Medieval Tombstones: Materials for a Compendium]. (2006). Iss. 1. Moscow, Nauka. 359 p.

Sadikov, P. A. (1950). *Ocherki po istorii Oprichniny* [Essays on the History of Oprichnina]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 594 p.

Shumakov, S. A. (1912). *Obzor "Gramot kollegii ekonomii"* [Overview of the "Deeds of the Collegium of Economy"]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Iss. 3. 259 p.

SIRIO [Collection of the Russian Historical Society]. (1882). St Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo. Vol. 35. 952 p.

Slugina, V. A., Konev, A. Yu. (2020). “Zhalovannoe slovo” v nakazakh sibirskim voevodam. K voprosu o proiskhozhdenii i evolyutsii formulyara [“Grants” in Orders to the Siberian Governors. On the Origin and Evolution of the Form]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii*. Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 183–193.

Solodkin, Ya. G. (2005). Pervye tobol'skie ssyl'nye [The First Tobolsk Exiles]. In *Slovtsovskie chteniya – 2005*. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 59–61.

Solodkin, Ya. G. (1998). O nachal'nom etape sibirskoi ssylki (konets XVI – nachalo XVII v.) [On the Initial Stage of the Siberian Exile (Late 16th – Early 17th Centuries)]. In “*Mira na uznaesh, ne znaya kraya svoego*”. *Zapadnaya Sibir': Istoriya i sovremennost'*. *Kraevedcheskie zapiski*. Iss. 1. Nizhnevartovsk, S. n., pp. 13–28.

Sotnitsy, gramoty i zapisi [Comments, Letters, and Records]. (1911). Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Iss. 6. 126 p.

Spisok oprichnikov Ivana Groznogo [List of the Oprichniki of Ivan the Terrible]. (2003). St Petersburg, RNB. 152 p.

Sukhotin, L. M. (1911). *Zemel'nye pozhalovaniya v Moskovskom gosudarstve pri tsare Vladislave, 1610–1611 gg.* [Land Grants in the Muscovite State under Tsar Vladislav, 1610–1611]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh. 184 p.

Tsyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI v. [The Thousandth Book of 1550 and the Yard Notebook of the 1550s]. (1950). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 456 p.

Ul'yanovskii, V. I. (1993). *Rossiya v nachale Smuty: ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii i istochnikovedeniya v 2 ch.* [Russia at the Beginning of the Time of Troubles: Essays on Socio-Political History and Source Studies. 2 Parts]. Kiev, UMKVOKU. Part 2. 368 p.

Uspenskii, A. I. (1912). *Stolbtsy byvshego Arkhiva oruzheinoi palaty* [Columns of the Former Archive of the Armoury]. Moscow, Obshchii arkhiv Ministerstva imperatorskogo dvora. Iss. 1. 240 p.

Ustinova, I. A. (2014). Deloproizvodstvennye dokumenty patriarskikh prikazov 1-i poloviny XVII v.: prikhodnaya kniga patriarshego Kazennogo prikaza 1640/1641 g. Ch. 2. [Office Documents of the Patriarchal Orders of the 1st Half of the 17th Century: The Receipt Book of the Patriarchal State Order of 1640/1641. Part 2]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. No. 3–4, pp. 5–97.

Veselovskii, S. B. (1913). *Akty pistsovogo dela: materialy dlya istorii kadastra i pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve v 3 t.* [Acts of Scribal Business: Materials for the History of the Cadastre and Direct Taxation in the Muscovite State. 3 Vols.]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh. Vol. 1. 666 p.

Veselovskii, S. B. (1963). *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Research on the History of the Oprichnina]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 539 p.

Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova monastyrya [Deposit and Alimention Book of the Moscow Simonov Monastery]. (2006). In *Vestnik tserkovnoi istorii*. No. 3, pp. 5–186.

Vyazemskie pistsovyie knigi knyazya Ivana Fedorovicha Volkonskogo 1627 goda [Vyazemsky Registers of Prince Ivan Fedorovich Volkonsky 1627]. (1883). Vyazma, S. n. 65 p.

Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 godov [Patrimonial Register Books of the Domestic Prikaz of 1626–1657]. (2010). Moscow, Drevlekhranilishche. 1660 p.

Zimin, A. A. (1964). *Oprichnina Ivana Groznogo* [Oprichnina of Ivan the Terrible]. Moscow, Mysl'. 535 p.

Zimin, A. A. (1986). *V kanun groznykh potryasenii* [On the Eve of Terrible Upheavals]. Moscow, Mysl'. 333 p.

The article was submitted on 10.01.2023

The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations Part 2*

Daniel C. Waugh

University of Washington,
Seattle, USA

This essay concludes the study whose first part (published in the previous number of QR) provided background information about the cargo lists of Dutch ships from the East Indies, examined the translations made from lists published in 1628 and 1646, and explored the evidence about a Russian interest in Dutch naval affairs in the mid-1660s. The focus of this part is the lading lists of 1667 and 1671 and the complex contextualization of those translations which may help to explain why and for whom they may have been of particular interest in Moscow. Evidence supports an argument that their translation may have been of personal interest to Andrei Vinus, given what we know about his involvement with the project to build Russia's first European-style warship and his writings on maritime affairs and geography. The translations also could have been particularly relevant for Tsar Aleksei Mikhailovich, who was actively supporting Russia's eastern trade, and whose Privy Chancery contained other texts related to events in Asia and the European searches for new routes to the Indies. One such text, based on a Dutch source, probably was produced by Vinus. The article concludes that the circumstances explaining the translations of the several Dutch lading lists during the seventeenth century changed over time. To explain their interest in Moscow requires a broad consideration of their history and the specific contexts in which the translations were done.

Keywords: *Vesti-Kuranty*, news, information broadcasting, 17th-century Russia, Dutch ships, exotic goods

Статья является продолжением публикации, представленной в предыдущем номере QR. В первой части исследования обсуждались интерес в Голландии к публикации списков восточных товаров, русские переводы таких списков в 1628 и 1646 гг. и интерес со стороны России к голландским морским делам в середине 1660-х гг. В предлагаемой второй части иссле-

---

* *Citation:* Waugh, D. C. (2023). The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 967–992. DOI 10.15826/qr.2023.3.829.

Цитирование: Waugh D. C. The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 967–992. DOI 10.15826/qr.2023.3.829.

дования анализируются переводы со списков 1667 и 1671 гг. и вероятные причины того, почему они были переведены. Возможно, что переводчик Андрей Виниус выбрал их из многочисленных газетных статей благодаря личному интересу. Во время постройки первого русского военного корабля европейского типа он выступал переводчиком для приезжих голландских специалистов и к тому же написал трактат, в котором советовал царю создать флот на Каспийском море. Кроме того, в указанный период он составил географический справочник о самых известных городах мира, используя популярный голландский морской атлас. В бумагах Тайного приказа царя Алексея Михайловича есть сочинение о возможных путях из России в Китай и Индию, один из источников которого является голландским текстом о разыскании северо-восточного пути через Арктику. Вероятно, данный текст также принадлежит перу Виниуса. Кроме того, многое говорит об интересе царя к восточной торговле и товарам с Востока. В то время как переводы тоговых списков 1628 и 1646 гг. довольно просто объяснить, установить контекст переводов со списков 1667 и 1671 гг. сложнее. Как часто бывает в исторических вопросах, здесь возможны разные равноправные гипотезы. По мнению автора статьи, личная инициатива переводчиков, а не только их представления об интересах царя могла бы объяснить и другие переводы в «Курантах».

Ключевые слова: «Вести-Куранты», новости, трансляция информации, Россия XVII в., голландские корабли, экзотические товары

The Lading lists of 1667 and 1671 and their translations

The fragmentary preservation of Dutch newspapers and the Muscovite *kuranty* around the time when the Dutch Indies convoy was arriving in early Autumn 1667 makes it difficult to be sure of the degree to which tracking the progress of that return fleet was of any interest in Moscow. Nonetheless, its entire lading list was received and translated, a fact which invites us to explore the possible explanations for that interest. Cryptic indications in a number of Dutch newspapers from the weeks before the arrival of the Indies fleet suggest that for the Dutch it was anticipated but with some trepidation about whether it would return safely. A typical report was buried in a longer article from The Hague, 14 September, published on 17 September in *TVQ* 1667/38, indicating that Dutch fleets were still at sea in expectation of the arrival of the Indies fleet but that there was still no news of it. A copy of this newspaper was received in Moscow, but we have no evidence as to whether it was translated. Wishful thinking about the Indies fleet led to optimistic, if apparently erroneous reports of sightings of it. Another of the Dutch papers obtained in Moscow, *ODC* 1667/39, reported from The Hague on 25 September the sighting more than two weeks earlier of what was assumed to be nine East Indies ships and a report that three others from the return fleet had foundered before reaching the Cape of Good Hope. However, already on the following day a report from

Amsterdam stated that this news was false¹. The earliest such reports could have reached Moscow was probably late October.

The return fleet of 1667 included 12 ships, nine of them having sailed from Batavia in late January, and three, which had departed earlier from Ceylon, joining them at the Cape of Good Hope. The fleet left the Cape on 8 June, with ten of the twelve ships reaching home port between 9 October and 25 October². As it would turn out, two of the ships in the return fleet never made it back, both wrecked in the North Atlantic in the stormy seas between Iceland and the Faroe Islands. The Dutch papers reported the delays, concerns and finally the bad news³.

There is little evidence to suggest that in Moscow there would have been particular interest in tracking closely the news and speculation about the Indies fleet *before* it would have arrived, although there are occasional summary notes in the *kuranty* regarding convoys whose wealth obviously would have been significant for their home countries⁴. At least two summary translations apparently refer to the Indies fleet [B-K VI/1, c. 233, № 66.1; c. 241, № 68.15]. The paragraph introducing the lading list that was received in Moscow in a copy of *Extraordinaire Haerlemse Donderdaegse Courant* (= *EHD*) 1667/19 (published on 13 October) named all the original ships of the fleet and included the information about the loss of two ships. However, that introductory material was ignored by the translator(s), who nonetheless produced an essentially complete rendering of the detailed cargo list compiled for the entire fleet⁵. In similar fashion, translation of the lading list for the return fleet in 1671 omitted the names of the ships and merely indicated they had all reached port, even though the Dutch paper published on 16 June had specified only five of the eleven had arrived, with the others still expected [B-K VII, c. 162–

¹ A second refutation of the news, in a report from The Hague on 28 September, was published in *EHD* 1667/17.

² The identities of all the ships and their fate, including the arrival dates of those which made it home can be established from the on-line database of [Bruijn et. al.].

³ There are no extant copies of many of the Dutch newspapers which presumably would have been printing regular updates. Since we have a complete set of the Hamburg *Wochentliche Zeitung* for this period, it is possible to track what we assume summarizes news that was appearing in the Dutch papers on the fleet's progress. In reporting on the fate of the fleet for his annual retrospective compendium of news [*HM*, vol. 17, p. 154–155] Pieter Casteleyn reprinted the lading list as it had been published prior to the return of the entire fleet. Immediately following the list, he summarized a report about the wreck of one of the ships near Iceland. To reassure readers, he added a statement that the cargo of the fleets was good, so that the shares of VOC stock had risen and a generous dividend had been declared. His retrospective treatment of the news provides an interesting example of how it might be treated in hindsight and cautions us against assuming that when he quotes a source published in the previous year, he transmits it fully and accurately. We know from the VOC ship records that the two ships which never made it home carried approximately 23.5 % of the total value of the fleet's goods.

⁴ For example, a translation from Dutch newspapers [B-K VI/1, c. 235, № 67.18] included a brief report from Madrid dated 6 September that the Spanish silver fleet from the Americas had arrived safely in the St. Luke Islands. This news packet also contains the translation of the 1667 Dutch lading list.

⁵ See the Russian text [B-K VI/1, c. 236–238, № 67.23–26], and the Dutch original with a brief analysis [B-K VI/2, c. 542–545].

Amsterdam den 15 Juny. 5 van de Oost-Indische Retour-schepen
 311 al binnen; daer van al eenige hier zijn gekomen/ waer onder
 oock den Heer Goens / Commandeur van de 11 Schepen: en
 merden/boven dese Schepen / noch vier of ses andere onder den
 Heere Speriman uit Indien die Jaer vermaet / sijn seght/
 dat de Franss/onder Jhonst. la Hay/sijn gehouen een Capo Sate
 dijn / niet verre van de Cap de Buon Esperance / om aldaer een
 Vestigheyt te maken; doch dat oetens onder malkanderen maeren
 gemoydenen sich hoeder niet de Vooroonders tier aensien/ dat al
 daer niet sat; soude bijbren. In de sijnas soude een Schepje van
 Hoy a Hoy zijn gekomen / met Robijs / dat tot Ujahan groote
 Betorte was / ober het stuen van de Ciboije en Hofte uit de
 Meerke; soe dat al enige Der sooren waeren deacht gesmeten.
 Generale C A R G A, ofte Ladinge van 11 Oost-Indische Retour-
 Schepen, soo van Batavia als Ceylon, als te weten: 't Sticht van
 Utrecht, Middelburgh, Vrye Zee, Dordrecht, 't Wapen van
 Hoorn, de Gerechtigheyt, 't Wapen van der Gouwen en Prijs
 Willem, den 20 November 1670. van Batavia verdrocken: mits-
 gaders 't Huys te Vellen, verdrocken van Ceylon den 7 Decem-
 ber Cattenburg en Soerendael maede van Ceylon afgegaen den 22 ditto.
 34350 flux diversich Guinees. 1948 Cary, 2 Teyl, 2 maes
 Lywaet. Tongque ditto.

8500 flux Mouris.	180128 pont Indigo.
11160 flux Paracallen.	8694 pont Berjuyn Baros.
10460 flux Salampouris.	17440 pont Malax Tin.
9260 flux Bethielles.	219533 p. geraffineerde salpeter.
9000 flux Chavony's.	764310 pont diverse Suycheren.
7250 flux Gingans.	210107 pont Giroffel Nagelen.
1200 flux geschilderde Chits.	129848 pont Noten Muscaren.
275 flux Deceekens.	64680 pont Foelie.
8000 flux Negros Kleden.	428329 pont Ceylonse Canneel.
8000 flux Dongrys.	66100 flux geconfyte Nooren Mustaren.
3880 flux Zeydoeck.	4569 Moeten diversich Ebben- hout.
4100 flux Adatheys.	205682 pont Callatourshout.
3700 flux Garras.	112903 pont Sapanhout.
9040 flux Baïtas.	2508 flux rouwe Diamanten.
660 flux Mamoe'dys.	50 flux Alcaityven.
5040 flux Chiauthers.	36 picol Tamarindi.
44068 pont Caroeene Garen.	828 flux geconfyte Miraba- lanen.
2000 flux witte Kannekyns.	2000 pont Tutia.
3880 flux blaauwe Boelangs.	502 oncen 6 Realen swaerte Beloarteen.
1920 flux Madaphons.	8 Realen swaerte Ambre Grys.
400 flux rouwe Longys.	29 pont diverse Amber van Mauritius.
2880 flux Saraffe Bloemwerek.	3106 pont Radix China.
2470 flux Gordel Chindos.	6800 pont Borax.
1920 flux Madops.	8566 pont Wieroeock.
1600 flux Chelas van de Kuff.	5975 pont Cardamom.
320 flux swarte Chalouws.	75000 pont Japans Staef-kooper
1160 flux Poelongobars.	5390208 p. diverse swarte Peper.
1920 flux Tape Chindos.	
320 flux Calgangs.	
100 flux Saraffe Gobars.	
4325 pont Gommelack.	
91380 pont Persiaense Syde.	
120568 pont Bengaelse Syde.	
66 pont Ceylonse Syde.	

164; 548–551]⁶. The same mail from Vilna, received in Moscow on 6 July 1671, which brought the Dutch source (*ODC* 1671/24) for the lading list, also supplied German newspapers printed in Berlin. One of them included a summary report about expected return of the Indies fleet, citing a copy of the same lading list from which the German editor had extracted only the impressive statistics for three of the products: black pepper, Malacca Tin and Guinea fabrics (il. 1)⁷.

It is of some interest to compare the translations of the two lading lists, since that reveals the degree to which those working in the Ambassadorial Chancery could cope with often unfamiliar terminology and how sometimes hasty work could lead to errors in rendering the foreign news⁸. While one might assume both translations would have been done by Andrei

1. The report on the Indies return fleet and its lading list, published in *OHD* 1671/24, p. [2] on 16 June 1671

Vinius, it is possible that the first of them is not his work⁹.

⁶ As Maier notes [Там же, с. 550], even though this list also was published in *OHD* 1671/24 on the same day, a small variant identifies the Amsterdam *ODC* as the source used by the translator in Moscow. A copy of the Amsterdam paper has been preserved in RGADA and was the source for all of the other translations from Dutch contained in the one packet of news received via the Vilna post on 6 July [B-K VII, c. 161–162, № 20. 167–169 об.; c. 544–548].

⁷ For the German sources and a discussion of their translations see: [B-K VII, № 20, c. 417–425].

⁸ For details regarding the translation of the 1667 list see: [Maier, Pilger]. So far there is no equally detailed analysis of the translation of the 1671 list, but see Maier's commentaries in [B-K VII, c. 548–551]. It is important to remember that some of the problem renderings may have been introduced by the copyists of the texts.

⁹ Other translators who could handle Dutch might have been available, though the records for the Ambassadorial Chancery do not indicate clearly exactly when there would have been a qualified person on the staff. One possibility is Timofei Angler, about whom see [Беляков и др.].

It would have been made most likely in late autumn 1667, at a time when he might well not have been available due to other obligations in connection with the building of Russia's first European-style warship. The translation of the list in 1667 is rather careless, suggesting great haste and lack of attention to detail. Some of the mistakes would seem inconceivable for Vinius, given his family background and what we know about his interests.

There are some inaccuracies in the rendering of the quantities of goods in the 1667 list, the most serious mistake being to translate the Dutch abbreviation for "pieces" as a unit of weight. This error is not found in the translation of 1671. Clearly a number of the specialized terms, especially those designating particular fabrics, were unfamiliar, but at least the translator understood that textiles were involved and indicated as much. Somewhat puzzling is the rendering of "Chinese Thee" as "Хинские травы хе" ("Chinese herbs He"), since one would assume that the translator, if Andrei Vinius, might well have known the word for tea, and tea drinking in China certainly was known earlier in Russia in the seventeenth century, although by the term "чай" (of northern Chinese origin)¹⁰. As in the 1667 translation, that of 1671 contains a good many instances where there seems to have been no known Russian equivalent for specialized terms, those terms then simply rendered with transcription. The cargoes included several varieties of wood, at least some of which may have been the raw material for preparing dyestuffs, but none appear to have been familiar to the translator who knew only the term "sandal" to designate oriental wood. Not surprisingly, a good many of the place names in Southeast Asia which for the Dutch designated the specific provenance of certain products may have been unfamiliar and in any event were simply transliterated.

While both of the translated lading lists form apparently integral parts of the manuscript packets of translations made from specific postal deliveries of Dutch newspapers, the lists are self-contained on separate sheets. They are known only in single copies. In normal practice the translated packets of news would have been read to the tsar and his advisers or at very least copied for his Privy Chancery. However, it is hard to imagine anyone just reading off a long and complicated listing of numbers and products. Furthermore, one might wonder what could possibly have inspired the translation of the lists at all.

Andrei Vinius' Interest in Dutch Maritime Affairs and the Eastern Trade

Might they reflect simply the personal interest of Andrei Vinius, the son of a Dutch merchant-entrepreneur and later head of the Apothecary

---

¹⁰ One needs to remember that tea often was used as a medicament; so "трава" would not have seemed inappropriate. That the Dutch would have used the word "Thee" is not surprising, since it would have been common in Southeast Asia, based on a southern Chinese word for tea. In his last years, the early eighteenth century, Vinius owned a book by Cornelis Bontekoe published in 1701 entitled *Drey Neue Curieuse Tractätgen von dem Tranck Café, Sinesische The, und der Chocolata...* [Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса, с. 58, № 37], which presumably reflects his professional interests developed while he headed the Apothecary Chancery.

Chancery with its stores of exotic foodstuffs and medicaments and a library of reference works? Vinius surely would have been well informed of Dutch maritime affairs simply from reading the newspapers and the books he was accumulating for his personal library.

His knowledge would have been relevant to the role he played in translating the documents concerning the hiring of Dutch shipwrights in 1667–1668 to build the *Orël* (Орёл), Russia's first European-model warship to defend the maritime trade in the Caspian Sea. In 1667, the tsar's Privy Chancery had commissioned Jan van Sweeden (the Dutch entrepreneur who was also Moscow's first international postmaster) to hire in Amsterdam the necessary specialists. Vinius was assigned to translate from Dutch contracts and documents pertaining to payments and procurement [ДАИ, т. 5, с. 211–215, 231–234, 249; Юркин, с. 88–95]¹¹. Since Vinius apparently interacted directly with David Butler, who was hired by Van Sweeden to captain the ship being built in Russia, it is possible that Butler could have provided the Muscovite translator with information about the Indies trade. The initial hiring documents indicate specifically that Butler had been involved in the Indies trade and knew the languages, details of trade and customs of India, as well as techniques of celestial navigation [Там же, с. 218].

Around the same time that he was involved in translating the Dutch documents and engaged in at least two other compilations/translations, Vinius was compiling a geographic “guide”, an alphabetical listing of major cities with descriptive phrases identifying them and an indication of their distance from Moscow [Петров, с. 149–158]. The colophon indicates that he finished the work on 1 August 1667. Presumably a reference work such as this would have been useful in the Ambassadorial Chancery when the translators needed to provide an explanatory note identifying a place name in the *kuranty* texts. The heading for this work indicates that Vinius had determined distances using, inter alia, a book entitled “Водяной мир” (The Water World), which probably was a copy of one of the pioneering and best Dutch maritime atlases of the day, *De zee-atlas ofte water-waereld*¹². The maps it contained included ones

¹¹ The interaction with the Dutch who came to work on the project may well have supplied the officials in Moscow with maps, images or books that could have been added to the reference library in the Ambassadorial Chancery or to the tsar's own collection in his Privy Chancery. In connection with a dispute between Butler and a Dutch merchant engaged in the project, Russian officials temporarily confiscated from Butler what the sources call “писма и грамотки, и черные немецкие книги, и черные росписи и иные всякие писма” [ДАИ, т. 5, с. 265–266, 268–269]. Butler provided the officials with a copy of the foreign naval regulations regarding discipline for ships' crews, since he was empowered to follow those rules during his command [Там же, с. 276–277]. The list of the various supplies Butler brought with him to Russia includes this notation: “2 чертежа на паргами-не, 12 на александрийской бумаге; и из того числа один взнесен к великому государю в Верх, 2 взяты в Посольской Приказ” [Там же, с. 275]. Most likely these were plans or drawings for the ship.

¹² Two different Dutch cartographers, Henrick Doncker and Pieter Goos, published atlases under the same title, Doncker's first edition [Doncker] appearing in 1659 and Goos' first edition [Goos] in 1666. There is no plausible reason to doubt that Vinius saw and used the atlas, even though there is no copy of it inventoried later in his personal library.

depicting the route around Africa to the East Indies. Depending on which version of the atlas he had, Vinius also could have obtained from it descriptive material about countries with basic information about some of their products. However, as recent work emphasizes, he had other sources. To determine what they were and how he used them is a complex problem that requires further study¹³.

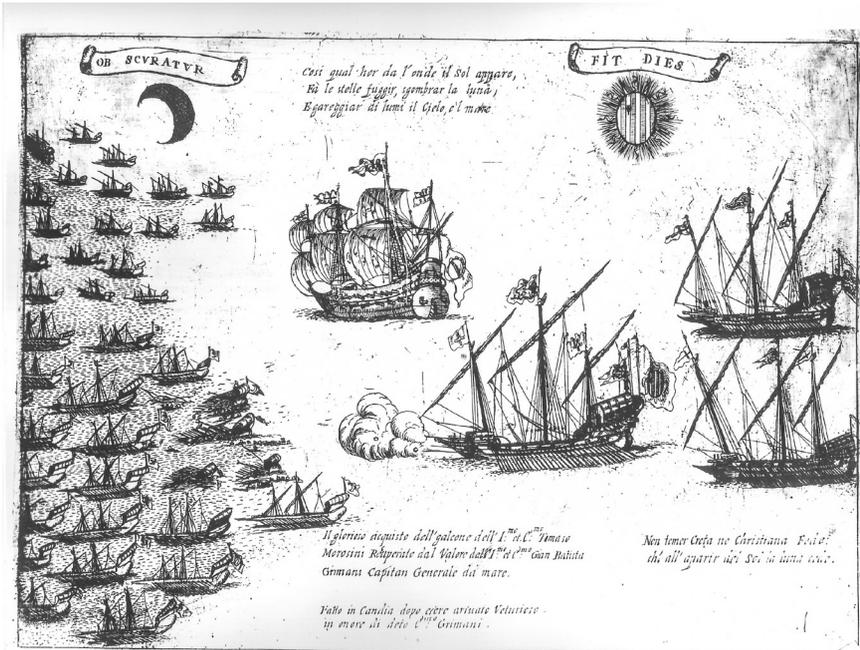
In early December 1668, Vinius wrote a memorandum for his superiors in the Ambassadorial Chancery proposing what he considered to be the most sensible way to create a workable fleet on the Caspian [ДАИ, Т. 5, с. 404–405, № 80]. Vinius argued that a whole fleet of galleys would make a lot of sense and that it was wrong to think that a sailing vessel such as that which was being constructed could be of use in the Caspian. The winds blew the wrong way; such a sailing ship thus could not always go where it was needed. Furthermore, being of deep draft, the ship could not go upriver in places where it might be of value. Of shallow draft and not dependent on the wind, galleys were much better suited to the geography, and they could travel under sail when the wind allowed. They had the additional virtue that they could be powered by captive Muslims and convicts. The creation of such a fleet with its guarantee of being able to protect commercial vessels would attract many more merchants, and the customs duties they would pay then would enrich the treasury. If a route could be discovered to India via the rivers and direct trade there undertaken, the benefits would be substantial.

It is not clear how Vinius would have known about such things as prevailing winds in the Caspian, but he surely was aware that war galleys were still very much a part of naval strategies at the time. Several of the engravings he collected in his scrapbook show naval battles, including those between the Ottoman and Venetian fleets in which galleys played a major role [Книги из собрания Андрея Андреевича Винуиса, с. 249, инв. №№ 7398, 7401; с. 251, инв. №№ 7428]. Reports from escaped captives of the Tatars and Turks, where the individuals in some cases had been forced to serve on galleys, were well known in Moscow. Vinius modestly suggested that if his superiors felt his proposal to be of interest they might bring it to the attention of the tsar. However, we have no evidence that Aleksei Mikhailovich ever saw it (il. 2).

Apart from his having consulted a copy of a Dutch sea atlas, we cannot be certain what else Vinius was reading in these years. The catalog of the over 350 titles that are known to have been in his possession attests to the breadth of his interests and includes a good many volumes devoted to naval affairs, world geography and exploration. However, some of the items relating to events we are focusing on here were published in later

---

¹³ See: [Янссон, 2014, с. 11–18; Янссон, 2015]. There is additional material on the connections of the work and its copying in the Ambassadorial Chancery in [Янссон, Шамин]. Vinius' work on the *kuranty* may have provided some of the data and influenced the decision on which cities to include.

2. An engraving celebrating a Venetian naval victory over a fleet of small Turkish galleys during the siege of Candia. A page in the scrapbook of Andrei Vinius [БАН. 17.17.19. № 7401]

years, and even where the imprints antedate the 1660s, there are but rare indications when he might have acquired them. His inscriptions on a few volumes date their acquisition to the period when the Dutch embassy headed by Jacob Boreel was in Russia, for which Vinius served as the Russian translator [Там же, с. 67 (№ 53), 116 (№ 34), 119 (№ 141), 177 (№ 235, 236)]. Among Vinius' later acquisitions, as noted in our Part I, was a 1666 account of de Ruyter's voyage down the African coast and across to the Caribbean to attack English outposts [Journael] and a large history of the Second Anglo-Dutch War published in 1668 [Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса, с. 84]. Vinius owned a book on the Venetian-Ottoman war over Crete published in 1670 and Olearius' 1651 edition of the travel account to Persia and India by Johan Albrecht Mandelslo [Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса, с. 95, 130–131, 142–143]¹⁴. A book that could have been in his possession at the time of the project for a warship on the Caspian was a 1200-page compilation including an account about the late sixteenth-century Dutch search for a Northeast Passage to China and India and a dozen narratives of the first Dutch Indies voyages through the year 1629, published in

¹⁴ When Vinius obtained the Olearius edition is uncertain. An inscription on the book indicates that on 20 April 1669, it was owned by one Volodimer Ivanov (possibly Vinius' brother-in-law, Wouter Jansz. Houtewall?).

Amsterdam in 1648¹⁵. Vinius' copy ended up in the collection of the Moscow College of Foreign Affairs which succeeded the Ambassadorial Chancery in the eighteenth century. His album also included a series of Dutch engravings depicting various Chinese cities, among them the important port of Canton [Там же, с. 250]. At very least this evidence is testimony to his interests relevant to the translations of the Dutch lading lists. It seems quite certain that a copy of Pieter Casteleyn's annual (*HM*) covering the year 1666 arrived in Arkhangel'sk on a Dutch ship by mid-summer 1667 [Посольство, с. 244–245]. Even though there is no evidence that any of the book was translated, logically Andrei Vinius might have been asked to look at it and could have kept the volume. His library eventually contained an extensive set of Casteleyn's annual volumes with their news about naval battles, publications of lading lists, and other information about the Dutch maritime trade [Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса, с. 103–113].

In short, there is a lot of circumstantial evidence that Vinius could have been quite knowledgeable about the Dutch Indies trade and took a personal interest in it. He certainly was in a position to have known about a number of other Russian initiatives to promote eastern trade.

The Government's Interest in the Eastern Trade

Of course Vinius' interests and activities here may not be the most compelling evidence to help us understand why he would have translated the lading lists. In the first instance, we still assume the decisions about what to select from the foreign newspapers were guided by perceptions of what was known to be of interest to the tsar and the makers of Russian foreign policy. However curious and open to exotica the tsar was, he also was very focused on affairs of state, including the development of trade and other economic resources. Activities he deemed of particular importance in that regard were managed through his Privy Chancery (Приказ великого государя тайных дел). By looking at such evidence, we can further develop plausible hypotheses to contextualize the translation of the lading lists.

One way to approach answering these questions is to ask to what degree the products listed in the Dutch lading lists match "Eastern" wares known to have been imported into Russia. We have seen how in 1646, at least a selection of items from one such lading list seems to have focused precisely on such products. To the degree that the government and the tsar personally may have been involved in cultivating Muscovy's international trade in such goods, we may then have a plausible explanation for why the lading lists could have attracted interest. There is in fact a great deal of

---

¹⁵ The book is listed by [Белокуров, 1898, с. CCCXXI] in the library inventory compiled in 1784 with the annotation "ex libris Andrias Winus". The book is [Oost-Indische voyagien; Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса, с. 248, № 7392] apparently was unaware of this book, though she noted that the engraved title page of what apparently was the same book is one of the plates pasted into the "Vinius Album" of drawings and engravings.

evidence about commercial connections between Muscovy and, at least indirectly, Central Asia, the Middle East, South Asia and China, where government initiative and control over such trade became particularly important during the seventeenth century¹⁶. Unlike in the case of most diplomatic missions to Europe, where envoys were explicitly forbidden to engage in trade, embassies to Persia, Central Asia, or India might double as trade missions. Russian merchants who had a particular interest in trade in Siberia or down the Volga and into the Caspian often were specifically commissioned as the tsar's agents, a *quid pro quo* for their being able to engage in private commerce. The initiative to engage in such trade also came from entrepreneurs or commercial entities in the "East", for example the Armenians whom the Persian shah had put in charge of the trade in Persian silk¹⁷.

There are two remarkable contemporary analyses of Muscovite trade, one written by the Swedish resident Johan de Rodes when he was away from his post in Moscow, visiting Reval (today, Tallinn) in October 1653, and the other compiled in 1674 by Johann Kilburger, who had spent some months in Moscow as a member of a Swedish embassy¹⁸. Both of these extensive reports draw on the Russian customs registers and tabulate prices for a wide range of goods that were obtainable in Russian markets. Writing as he was in the middle of the first Anglo-Dutch War (1652–1654), which had been detrimental to the Dutch trade to Arkhangel'sk, De Rodes argued for re-directing the flow of Eastern goods from the Volga-White Sea route to a route through Swedish-held territories in the Baltic. Kilburger was writing during the Franco-Dutch War (1672–1678) and in the immediate aftermath of the Third Anglo-Dutch War (1672–1674), a time when merchants active in the Russian trade were having to cope with the so-called New Trade Statute (1667) by which the Kremlin imposed strict limits on the commercial activities of foreign merchants.

¹⁶ A descriptive chronicle of the exchanges with Central Asia is [Жуковский]. Among the missions for which we have substantial published documentation are that of Ivan Khokhlov to Bukhara and Khiva in 1620–1623 [Сборник князя Хилкова, с. 388–445, with an appended chronological survey of relations with Bukhara, с. 446–484] and that of the Pazukhins to Bukhara in 1669 [РИБ, т. 15, 7 пар.]. The inventories of the Privy Chancery, compiled soon after Aleksei Mikhailovich died, included documents relating to a mission by Ivan Khastov to Persia in 1661/62 and another by Fedor Narbekov in 1665/66 [Там же, т. 21, стб. 3]. This is but a small sampling of the evidence relating to the active exchanges with the Islamic regimes in the East.

¹⁷ The discussion of Muscovite trade with Persia by [Куриц, 1915, с. 343–362] remains a valuable summary. One of the best treatments of the Russian documentation regarding trade from India through Central Asia is [Байкова], who draws heavily on the collection in [Русско-индийские отношения]. In English, see [Mathee, p. 168–171, 192–197], his focus being the trade with Persia and the role of the Armenians. See also [Dale, ch. 4; Levi, p. 225–232]. Dale's study focuses on the Indian community in Astrakhan, the seventeenth-century trade, and the early Russian missions to the Mughal Empire, first undertaken in the middle of the century.

¹⁸ In the discussion below we have used the publication and analysis of these reports by [Куриц, 1914] (De Rodes), [Куриц, 1915] (Kilburger). Kurts' work has not been superseded by more recent studies.

While a many of the products brought to Europe by the Dutch East Indies ships are also recorded as imports to Muscovy, that was not necessarily thanks to the European ships arriving in Arkhangel'sk. When a Russian embassy to Mughal Shah Jahan, led by two merchants, departed in 1646, its instructions included obtaining commercial intelligence and specifically mentioned a variety of luxury goods, including textiles that are documented in other sources from Russian markets [Русско-индийские отношения, с. 58]. As Stephen Dale has suggested, this presumably is evidence that such products were already known from the trade at Astrakhan' [Dale, p. 92]. An Indian merchant who arrived in Saratov on his way to Moscow in December 1649 brought for sale a wide range of textiles, many possibly inexpensive cottons, but at least some probably more elaborately woven silk from northern Persia [Русско-индийские отношения, с. 93–94, № 42, 43]. It is difficult to determine whether similar wares were among the fabrics described as "Indian" which in 1616 and 1619 had been purchased for the tsar from an English merchant, or in 1651 would be purchased on the wharves in Arkhangel'sk from the Dutch [Там же, с. 25–27, № 2, 3; Курц, 1914, с. 221–224]. The tsar's purchases in 1651 seem to have been the more elaborate damasks, velvets and satins, whose place of manufacture generally is not noted. That list specifies some 75 different fabrics, grouped by types (taffetas, damasks, velvets, satins...) and identified specifically by their colors. Many such textiles probably were ones woven in Europe. The lading list translations of 1667 and 1671 have few specific fabric names (the generic *полотно* is used for most of them in the 1671 list), the translator(s) distinguishing the different items on the list in the first instance simply by transliterating the terms in the Dutch original. So it is almost impossible match those lading list textiles with the listings in the contemporary Russian economic documents.

Throughout much of his reign, Aleksei Mikhailovich seems increasingly to have been interested in expanding commercial relations with the East. In September 1662, while in Riga during a diplomatic mission to Western Europe, Ivan Zhelyabuzhskii had a conversation with the Chancellor of Courland in which the Russian posed the question of whether Courland could arrange to construct a merchant ship for the Russians that they could use in trade from India [Русско-индийские отношения, с. 139–141]. The Courland official indicated that theoretically it was possible, but it would be less expensive to have the ship built in Arkhangel'sk. Apparently there were no further inquiries or action on the matter.

The political obstacles and continual wars involving European countries would have been an incentive to explore alternatives for the trade in eastern products, and the need for new sources of government revenue made the collection of customs revenues of considerable importance. In a culture where gifting by the ruler was an activity of some consequence, being able to draw on a store of lavish and unusual goods was a priority. Thus the tsar arranged through his Privy Chancery one very successful purchasing mission to northern Persia in 1663–1665. Led by an undersecretary of the chancery, Kirill Demidov, the mission set out with a substantial treasury of furs, imported European textiles (known to be in demand in Persia), copper and

cash¹⁹. Its route took him to Shemakha (today's Azerbaijan) and on through Ardebil, Rash, Tabriz, Qazvin, Kashan, and the capital, Isfahan. Demidov kept careful financial records, so that we know where and when he sold or bought something, exactly what the quantity and price were. His purchases included *зарбафы* (brocades with varied decorative schemes created in part with gold and silver thread), *отласы* (satins), *камки* (silk brocades), silk and wool carpets, velvets, *дараги* (embroidered silks), *кисеи* (muslins), *сафьяны* (morocco leather), and *белый ладон* (white incense/frankincense) [РИБ, т. 23, стб. 1449–1450]. It seems likely most of the textiles were local production; in some cases a specific provenance was indicated (e.g., «зделано в-Бспогани киндяков», «лагажанские дараги», «тевризские сафьяны», «киндяки лековровые», «киндяки фереспиревые»). On Demidov's return, the goods were placed in a special storage area, from which, over the next years right up to the tsar's death, individual items or portions of the stock would be removed for gift giving, bonuses or payment for services. Each year a new inventory was drawn up for that which remained. While some of the textiles undoubtedly were for making garments for the royal family, and there are records that small quantities were sold, for the most part this supply of luxury items did not seem to have principally a commercial purpose.

Initiatives to negotiate a direct trade agreement with the Safavid government proved abortive. However, on 31 May 1667, an agreement was reached with an Armenian merchant "corporation" (probably in fact unofficially representing the Persian government) regarding the silk trade²⁰. The Armenians were given free access to the Russian market and the ability to send goods through Russia that would be sold to merchants of other countries, providing that the appropriate customs duties were paid. The agreement was specifically for the trade in raw silk, and the terms included the presumably unrealistic promise that henceforth the entire export of Persian silk would pass through Muscovy.

This agreement is striking for its encouragement of foreign trade only a few weeks after the issuing of the so-called "New Trade Statute" on 22 April 1667 in response to Russian merchants' complaints about unfair competition within Russia from foreign merchants [СГГД, ч. 4, с. 189–204, № 55]²¹. Two of the

¹⁹ For a discussion of the Privy Chancery's involvement in the Persian trade, see [Гурьянд, с. 193–196]. The main collection of documents pertaining to this venture have been published in [РИБ, т. 23, стб. 1413–1582]. The purchases of the European textiles were made from a Dutch merchant Justus Abramov (Bloemaert) [Там же, стб. 1419].

²⁰ For the text, see [СГГД, ч. 4, с. 204–208, № 56; ПСЗ-1, т. 1, с. 692–695, № 410]. A summary is in [Mathee, p. 193–194]. What the Armenian merchants could offer certainly was well known to Russians prior to this. See the list of goods purchased from some of them in 1663, including Indian wares [Русско-индийские отношения, с. 143–147].

²¹ The government followed up on the statute by sending on 9 May a lengthy set of instructions to the *gosti* (leading merchants) who were to be responsible for collecting the customs duties at Arkhangel'sk [ДАИ, т. 5, с. 181–206, № 40]. The instructions included a long historical preamble about the earlier activities of foreign merchants, in particular focusing on what were deemed the abuses by the English. At the end of the document was a brief discussion of the negotiations with the Boreel embassy, in which the Dutch had been pressing Moscow to make the customs collections more efficient.

provisions (paragraphs 45 and 94) regulating the activities of the foreigners seem to have particular relevance to the trade we are discussing here, one directed at preventing them from offering Russians poor quality goods or imitations of ones that had real value, and the other, citing western sumptuary laws as a justification, attempting to control concealment of certain luxury goods such as pearls (that is, so that they could not be sold to ordinary people but rather reserved to the tsar). Indeed, of all the products we know the Dutch had been bringing on a regular basis to Arkhangel'sk and which also figure in the lading lists, pearls were among the most valuable. There was a great demand for them to use in embroidering rich fabrics and also for decorating the *oklady* of precious metals that were gifted to the church to decorate icons.

Clearly the Razin rebellion, which started with Cossack attacks on merchant shipping in the Caspian and peaked with the take-over of much of the lower Volga in 1670–1671, had a negative impact on Muscovite trade with the East [see, e.g., Курц, 1915, с. 350–351, 356]. So it is not clear to what degree the agreement with the Armenians of 1667 actually went into effect²². When envoys from Khiva were in Moscow later in 1667 and told the officials in the Ambassadorial Office about the opportunities to obtain Indian goods (киндяки, кисеи, гвоздика, корица, краска) thanks to the trade between their emir and India, the blocking of the Volga route at least for a time would have stood in the way [Русско-индийские отношения, с. 162]. One can hypothesize that if a normal flow of some eastern products was temporarily blocked, there would have been a greater interest in the possibilities offered by the Dutch via Arkhangel'sk in the relatively brief period between the Second and Third Anglo-Dutch wars. Thus, in this context there would have been good reason to look at listings of the goods brought to Amsterdam by the Indies fleets, since at least some of those items were ones normally marketed in Russia and sought after by the tsar, and since there might have been others, yet unfamiliar, which could have sparked Russian interest. The tsar's other initiatives in the last decade of his reign which are relevant to the issue of the Eastern trade included the building of the *Orël* and fruitless attempts to start a Russian silk industry in a country whose climate was too cold for it to flourish.

Even though Kilburger quotes in detail the customs registers of Archangel'sk for 1671–1674 and provides as well price lists for 1674, without more comparative data for previous years, it is impossible to be certain whether in fact there was any shift in the assortment or relative quantities of the goods which might be connected with the disruptions of the eastern trade²³.

²² The agreement was re-negotiated in 1673 [СГТИД, ч. 4, с. 280–283, № 83; ПСЗ-1, т. 1, с. 883–884, 916–923, № 514, 539]. Soon after the death of Aleksei Mikhailovich, the Dutch envoy to Moscow, Kunraad van Klenck, petitioned Tsar Fedor Alekseevich to allow the Dutch privileges analogous to those of the Armenians in the silk trade through Russia. However, the Dutch request was refused, given the opposition of Russian merchants concerned about their own profit from this trade.

²³ For the lists, see [Курц, 1915, с. 123–147], and his explanatory notes [Там же, с. 229–234], where he gives the complete original text of one of the 1674 price lists. For prices of spices, from a different document dated 1673, see also [Там же, с. 517].

Large quantities of both large and small pearls continued to be imported; there were many different kinds of fabrics, including silks, but with no indication about the provenance of most of them. Presumably for their use in making dyes, there were large shipments of exotic woods from the Americas (Brazil, Pernambuco and blue wood), not from Southeast Asia; there were two types of indigo, designated as Guatimalo and Lauro, and there were some other dyestuffs. Some products, especially spices, which undoubtedly came from South or Southeast Asia, had long been known in Muscovy: pepper, cinnamon, saffron, nutmeg, cardamom, cloves. There also had long been a demand for incense (ладан, which may be a generic term). And there was an item called *Radix Chinae* (China root / хинный корень), a treatment for venereal disease, which traditionally had been obtained from Siberian merchants but the better quality also from Germany. While the Dutch were bringing at least some Persian carpets to Amsterdam, the Russians obviously had been able to obtain them via the Volga route and in fact still had some in the store managed by the Privy Chancery.

A Compendium about Possible Routes to China and India

One small but very interesting file preserved in the Privy Chancery archive offers some intriguing additional evidence about both the tsar's interests relating to Asia and the Asian trade and the possible involvement of Vinus in producing some of the documents. The original file apparently contained three main parts. By the time the archive's remains were inventoried in 1713, the parts had been separated and listed as: [Part A] "A binding, in which is explained why it is impossible to travel by sea to China and thence to East India, and containing as well [Part B] a quire on the search for a passage past Novaya Zemlya to China and thence to East India"; [Part C] "An itinerary (роспись) of the land route to the lands of India from the Yaik River Stone fort" [Опись делам, с. 5, 23]²⁴. The editors of the modern republications of Parts A and C suggest the texts were prepared in conjunction with the sending of a mission to Mughal India in 1675 – theoretically possible, but perhaps not the most persuasive hypothesis about their date and origin. The content of Part C is distinct from Parts A and B, even though all three parts are addressing the question of how one might (or might not) get to India (or the Indies), and to China. That is, the texts represent a compendium which pulls together information about the possible routes to the East.

²⁴ The files are now archived in [РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 333, 485] (listed in the online typed inventory on л. 34, 49). We have added the designation of the "Parts" to facilitate the discussion. Sergei Belokurov published Parts A and B (from MS № 333) in two installments [Белокуров, 1893; Белокуров, 1895] with a note [Белокуров, 1893, с. 14] that the itinerary (Part C) referred to at the end of Part A had not been preserved. In fact, it had been published earlier (from MS № 485) by [Наказ царя Алексея Михайловича], who noted the copy was in more than one hand and contained a duplicate section. Part C has been re-published in [Русско-индийские отношения, с. 218–220, № 124]. [Русско-китайские отношения, т. 1, с. 488–490, № 205, 206] re-published Parts A and C, without the duplicate section of text in the latter which Kobeko had included. A photo facsimile of MS № 333, along with a new transcription of the texts, is in [Боярский и др., с. 56–60]. For a full analysis, see [Yo, 2023].

Parts A and B draw on Western geographic literature, though not all the exact sources so far can be established. As the author of Part A indicates, the English and Dutch had been searching unsuccessfully for a Northeast Passage to China and the Indies, only to find the way blocked by ice. They had not known whether Novaya Zemlya was an island which could be passed, or an extension of the American continent, and had not managed even to sail as far as the Ob-Irtysh River system that debouched into the Arctic Ocean. Whether those rivers might provide a water route to China was yet to be determined. Hence the relevance of the land route through Central Asia, which was a known way to reach India (or China beyond). This Part A of our compendium reads as though it is a summary produced by someone in Muscovy who had a familiarity with the relevant western sources.

Part B, also devoted to the search for the Northeast Passage, is a much more detailed account, focusing specifically on the third Dutch attempt in 1596–1597, led by Willem Barentsz, during which his party was forced to winter on Novaya Zemlya. Barentsz himself perished, but a small boat constructed from the remains of their ship enabled some dozen of the Dutch to sail to safety when the ice melted during the brief Arctic summer. Clearly the ultimate source for the summary Russian account of Barents' third voyage was the diary of one of the survivors, Gerrit de Veer, which was published in 1598, translated into other European languages, and became an important source for geographies and atlases during the seventeenth century²⁵. A comparison of our Russian text with a range of the most likely sources has identified as its source a condensed version of De Veer's account which went through several Dutch editions, in particular one published in Amsterdam in 1648 [Verhael] (il. 3).

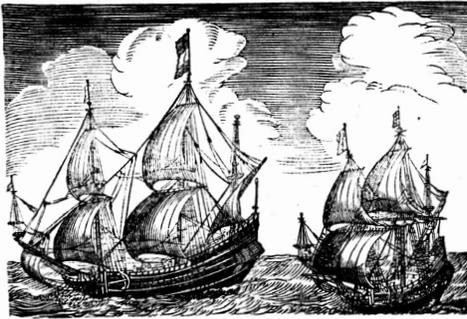
The Muscovite author summarized and condensed from his Dutch source in the same way that the foreign newspaper reports were being summarized for the *kuranty*. In the early portions of the Russian text, some sentences correspond exactly with passages in the diary. However much of the account skips ahead, including material taken from an interpolation into the original diary found in this particular Dutch condensation, and specific information found in printed marginal notations next to the main text. After relating how the survivors managed to make it to the Kola peninsula and head home, the Russian manuscript has a heading for a short "Description of Novaya Zemlya", which could have been composed by our author largely on the basis of the De Veer text, but presumably supplemented by some other geographic work.

Of interest because of other sightings recorded in Muscovy is a passage selected from the Dutch original describing the observation of an unusual astronomical phenomenon – in the words of the translation, a "miraculous

---

²⁵ The standard scholarly edition is [Veer, 1917]; an English translation of the original also is available from the Hakluyt Society [Veer, 1876], useful for its introductory essay describing the various editions and condensations of De Veer's account [see: *Ibid.*, p. CLXIX–CLXXI]. For additional bibliographic information on the various editions, see [Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais, p. 112–116].

Verhael van de eerste
SCHIP-VAERT /
 Der
Hollandische ende Zeeusche Schepen,
 Door't
W A Y - G A T,
By Noorden Noorwegen, Moscovien ende Tar-
tarien om, na de Coninckrijcken Cathay ende China. Met drie
Schepen, nye Texel gezeelt in den Iare 1594.
Hier achter is by-ghevoegt de beschrijvinghe van de Landen
Siberia, Samoyeda, ende Tingocia. Zeeer vryemt en vermaact
adlyck om lefen.

T A M S T E R D A M.

Door Joost Harigers, Boeck-verkooper in de Gasthuys-steegh/in de
 Boeck-winkel/besijden het Stadt-huys. 1648.

3. The title page of *Verhael*, the condensation of the Dutch accounts about the expeditions to find the Northeast Passage

4. The parhelion recorded on Barentsz' third voyage [Veer, 1612, between pp. 32–33]

vision” (чудное видение) – of three suns joined by rainbows, which was included in engravings illustrating editions of De Veer’s account²⁶. This was in fact a natural atmospheric event (a parhelion) (il. 4), produced by refractions from ice crystals to suggest that the actual sun was flanked by two other suns, in some cases connected with rainbow-like arcs. Aleksei Mikhailovich’s Privy Chancery held a depiction of a “heavenly sign”, in fact just such a parhelion accompanied by imagined symbols predicting Christian victory over the Turks²⁷. That image and the text accompanying it were copied into other late Muscovite manuscripts.

It is reasonable to suppose that Vinius was the author of these texts about the efforts to find the Northeast Passage. As indicated above (see n. 15), he owned a copy of the book published in 1648 containing the condensation of the diary concerning the Barentsz expeditions [Verhael]. What we do not know is when and from whom he obtained the book. Possibly Nicolaas Witsen,

²⁶ The engraving would be copied in other geographic works. *Verhael* has a foldout frontispiece with six rather crude woodcuts inspired by but not exactly replicating the engravings of the earlier editions of De Veer. One of these shows the parhelion.

²⁷ For an extended illustrated discussion regarding this document, see [Yo, 2022].

who was already interested in learning about possible routes to East and South Asia, brought it with him to Moscow in 1665 at the time of the Boreel embassy, or conceivably it was one of the books in the possession of David Butler, hired to captain the *Orël*.

At the end of our Part A is a note (in the hand of the same scribe) referring the reader to an attachment of land route itineraries to the East (Part C). Very likely that guide to possible land routes (in different handwriting) also could be the work of Vinius. Its main sources clearly were itineraries recorded from envoys and merchants; there is a passing mention of information obtained from Europeans²⁸. The text concerns the routes Central and South Asia, with China but briefly mentioned, along with a reference to the fact that it had been visited by Fedor Baikov (sent there on an embassy in 1654–1657). This reference is tantalizing. Baikov submitted his end-of-mission report in Moscow in 1658. It seems certain that Nicolaas Witsen obtained a copy when he was in Moscow with the Dutch embassy in 1665²⁹. Even though the tenure by Vinius as head of the Siberian Chancery dates to later in the century, his first contact with Witsen, to whom he would eventually supply a great deal of information from the Russian archives, dates to the time of that Dutch embassy. Vinius could at least have seen the Baikov report a year or two before he was compiling his own geographic handbook and might have been the individual who gave a copy to Witsen.

Vinius' geographic guide undoubtedly drew on the kinds of sources which formed the basis for our Part C text. There was an abundance of such material available in Moscow for the compilation of geographic route books. The increasingly detailed Russian maps covering Central Asia incorporated the data both for river travel and for overland routes which sometimes were approximated with dotted lines connecting towns [Waugh, p. 73–74]. Of course Vinius was not the only one working on such material. It is certainly possible, as Russian scholars have suggested [Русско-индийские отношения, с. 218, прим. 1], that our Part C with the itineraries of overland routes was put together to provide guidance for an embassy dispatched to India in 1675.

Such itineraries, which included the names of major cities, could well have been useful reference works for the officials in the Ambassadorial or Privy Chanceries. We know, for example, that another of the books kept in the archive of the Privy Chancery was described as “quires in quarto, describing the Indian

---

²⁸ The end-of-mission report submitted by the Pazukhins on their return from Bukhara in 1673 includes an itinerary very similar in form to that of our Part C for the route from Khiva to the Mughal capital. The information was obtained by a member of the Russian mission sent to Balkh, where he quizzed travelers who had recently arrived from India. However, the list of the cities is different from that in our Part C, as are elapsed travel times where it is possible to compare them. So there is no reason to think this itinerary was the source for our Part C. The Pazukhins also submitted a quick summary itinerary for travel on three different routes to Bukhara [РИБ, т. 15, 7 пар., с. 62, 21]. Clearly the Pazukhins were following their instructions, which had specified that they find out about the routes to India [Там же, с. 13].

²⁹ On the fate of Baikov's report and its copies, see [Демидова, Мясников, с. 101–112].

state, selected from various writers and according to a Russian chronicle of the year 7140 (1631/32)³⁰ [РИБ, т. 21, стб. 850]³⁰. Unfortunately, there is no explicit evidence about the contents of the text or whether the tsar might have read it. Yet it would have been relevant during a period when there was active interest in developing the Persian trade and, beyond that, establishing possible direct relations with Mughal India. The Privy Chancery archive also contained a translation from German of what at the time was considered to be one of the most authoritative accounts of the Manchu conquest of China by a Jesuit who had personally witnessed the events in the 1640s, Martino Martini (О Хинейской войне от татар) [Там же, стб. 2, 348]³¹. It is easy to understand the interest of Martini's book in Moscow in the era of the first Russian diplomatic missions to China and the expansion in the Far East which would bring the two empires into conflict. Apparently a second, rather free translation from the Latin edition of Martini's book, was done by Nikolai Spafarii-Milescu, who appended it in 1678 to his long end-of-mission report about his mission to China. The Ambassadorial Chancery may well have provided him a copy of the book³². That such works about the more distant parts of Asia were in the Privy Chancery collection may testify to the personal interest of the tsar and thus at least indirectly support a hypothesis that the texts about the search for routes to China and India were produced with him in mind³³.

* * *

There are several possible explanations for the Russian translations of the Dutch lading lists. In 1628 there is no evidence that the list was

³⁰ Clearly some information about government and royal politics in the Mughal Empire was being obtained from missions to Persia. For example, in 1665 the Russian envoys sent there reported about civil strife amongst the Mughals, information presumably obtained from merchants involved in the Indian trade [Русско-индийские отношения, с. 154–155]. Western geographies that were being acquired and translated in Moscow are another possible source. For example, that compiled by [Linda] contains a section on India, with details of geography, administration, customs, etc. However, the Russian translation, known only from an early eighteenth-century manuscript, does not specify when it had been done and by whom [Соболевский, с. 63–64].

³¹ The Amsterdam edition, published by Johann Blaeu, is [Martini]. Blaeu published a Latin version dedicated to Polish King Jan Kazimierz which appears to have been the source for the German translation. The listing for the book in the Privy Chancery inventory includes a date, the year 7164 (= 1655/56), which may indicate either when the book was received or when it was translated. On Martini, see [Mungello]; on early Russian relations with China, see [Mancall]. It is possible that the tsar's interest in Martini's book also is to be explained by its dedication, where clearly Martini was signaling Jesuit support for the Polish king's defense of Catholicism in the Commonwealth.

³² On Spafarii-Milescu, see [Лебедев, с. 127–158; Андреев, с. 73–80 (specifically for his being supplied with a copy of the Martini, с. 80); Белоброва]. Manuscript copies made from the translation attributed to Spafarii-Milescu circulated in the late seventeenth century, one of them owned by Tsar Fedor Alekseevich.

³³ Another circumstantial bit of evidence in this regard is the fact that in 1674, an anonymous communication sent from Amsterdam to the Royal Academy in London (the author most likely Nicolaas Witsen), told about a new map illustrating a discovery made "by the express order of the Czar" which showed that Novaya Zemlya was not an island, as had been previously assumed, see: [A Letter; Witsen, vol. 3, p. 383].

singled out for special attention. At a time when the Western newspapers were being received only sporadically, they tended to be translated in their entirety. One such newspaper contained the lading list, which thus was duly translated. There is no documentation to specify who may have found the list to be of interest, even if we might hypothesize that the tsar or one of his officials could have been curious about products from the East, some of which were, as near as one can tell, as yet unknown in Muscovy.

There is certainly a logical explanation for the translation of the 1646 list, which happened to be copied in a letter to one of the merchants involved in the trade through Russia in Persian silk. The letter was intercepted with a lot of other correspondence of this large foreign merchant corporation, where the government interest in what they were writing seems quite clear. Elite Russian merchants who were suffering from what they saw as unfair competition were petitioning the government to curb that foreign trade. So the focus here was specifically on the economics of the silk trade, even though there might have been curiosity about other products, some of which were already known in Muscovy.

The possible explanations for the translations of the 1667 and 1671 lading lists are more complex, in part because they had been selected for special attention out of a substantial amount of foreign news. The establishment of the foreign post in 1665 made possible the receipt of Western newspapers on a regular basis. Given the quantity of that news, selectivity in translation was essential. To hypothesize what news of international affairs would have particularly interested the tsar and his foreign policy advisers is easy, but the lading lists do not fit quite so neatly into any scheme that focuses mainly on political questions. *Kuranty* translations were regularly being read to the tsar and his councilors. However, is it logical to assume a long list of goods, many of whose names were unfamiliar, would have been read aloud to a ruler who was known to be impatient at times with the deluge of intelligence reports he was receiving from various directions?

By exploring widely the possible explanations for the decision to translate the lading lists, we can offer hypotheses that are not mutually exclusive (and, may be equally probable, if not provable). Given his broad curiosity and policies to promote the Eastern trade, the translators might well have understood how the lists would interest Tsar Aleksei Mikhailovich. At the same time, he also authorized one of the most significant measures to curb the activity of foreign entrepreneurs in response to petitions from Russian elite merchants. In that respect the situation was analogous to the circumstances in 1646.

Even though standard treatments of the *kuranty* assume that the translators focused above all on what the tsar might want to know, personal preferences of a translator could explain why certain news was chosen. Andrei Vinius was certainly involved in selecting and translating from the incoming Dutch newspapers an impressive amount of news

relating to the Netherlands³⁴. For Vinius to have chosen some of this material out of personal interest (and not just because he perceived it would be valuable for the tsar) would not be out of keeping with the procedures in the chancery, whereby the translators in fact had some flexibility (and the responsibility) to determine what should be extracted for translation in the generally very short time between the arrival of the mail and when the news was to be ready for reading to the tsar.

Vinius' library documents his interest in the history of his ancestral homeland and its maritime affairs. His involvement in the project to build the first European-model warship in Russia, and his compilation of a geographic handbook drawing on a Dutch maritime atlas are evidence relating to his interest in the Eastern trade. While the evidence may be deemed circumstantial, it is plausible to hypothesize that he was the author of the texts regarding exploration of various routes to reach East and South Asia.

It was quite normal for government functionaries in Europe to be involved in the unofficial exchange of information they could obtain in the performance of their official duties. News was a commodity whose sharing through personal contact could elicit reciprocity and possibly enhance one's career [Droste]. Vinius' assignment to translate for the Boreel embassy laid the basis for his long association with Nicolaas Witsen, a prominent Dutch burgher and intellectual with whom he would exchange books and other materials. Vinius certainly had active contacts with the foreign community in Moscow and among the Russian elite and shared news (including copies of newspapers) with his acquaintances. Translation of the lading lists might have seemed useful to burnish his credentials as an expert on the Eastern trade, an expertise he thought might attract the attention of the tsar but also would be of value to the Russian elite merchants. We continue to learn about the way in which foreign news was treated in Moscow and how, as the century progressed, some of it increasingly would spread beyond the closed circle of the tsar and his elite advisers. At very least then we should keep in mind how Vinius' personal interests could help explain the decision to translate the lading lists.

Periodicals and continuing editions used in the article

Early imprints³⁵

EHD Extraordinaire Haerlemse Donderdaegse Courant (Haarlem)

HM Hollandtze Mercurius (Haarlem)

ODC Ordinaris Dingsdaeghsche Courant (Amsterdam)

OHD Oprechte Haerlemse Dingdaegse Courant (Haarlem)

TVQ Tijdinghe uyt Verscheyde Quartieren (Amsterdam)

³⁴ It is also possible his personal interest helps explain why so much news about the Jewish False Messiah, Shabbetai Zvi, was being translated in 1665–1666. We shall deal with this subject at a later time.

³⁵ Most of the Dutch newspapers may be accessed on-line via <https://www.delpher.nl/nl/kranten>, although the database does not contain all extant copies. Copies cited which are not extant have been documented from [Weduwen]. German newspapers may be accessed via <https://brema.suub.uni-bremen.de/zeitungen17>.

Books and pamphlets³⁶

A Letter, not Long since Written to the Publisher by an Experienced Person Residing at Amsterdam, Containing a True Description of Nova Zembla, together with an Intimation of the Advantage of Its Shape and Position // *Philosophical Transactions*. 1674, March. Vol. 9. No. 101. P. 3–4, 20.

Doncker H. De zee-atlas Ofte Water-Wæreld, Vertoonende alle de zee-kusten Van het bekende Deel des aerd-bodems... Amsterdam: H. Doncker, 1659. I, 38 leaves.

Goos P. De zee-atlas, ofte Water-weereld, Waer in vertoont werden alle de zee-kusten Van het bekende des aerd-bodems... Amsterdam: P. Goos, 1666.

Journael, Gehouden op 's Lants Schip de Spiegel, Van 't gene gepasseert en verricht is op de Vloot van haer Ho. Mo. de Heeren Staten Generael der Vereenighde Nederlanden, soo in de Middellantsche Zee, als op de Custen van Africa en America. <...> In den Jare 1664 en 1665. Amsterdam: P. la Burgh. 1665.

Linda L. Descriptio orbis & omnium ejus Rerumpublicarum. In qua Praecipua omnium Regnorum & Rerumpublicarum. Amsterdam: J. de Zetter, 1665.

Martini M. Histori von dem Tartarischen Kriege, im welcher erzehlt wird, Wie die Tartaren zu Unserer zeit in das grosse Reich Sina eingefallen sind... Amsterdam: J. Blaeu, 1654.

Oost-Indische Voyagien Door dien Begin en Voortgangh / van de Vereenighde Nederlandtsche Geoctroyeerde Oost-Indische Compagnie... Eerste Deel. Amsterdam: J. Hartgerts, 1648. 13 parts with separate pagination in one vol.

[*Veer G de.*] Dritter Theil / Warhafftiger Relation Der dreyen newen unerhörten / seltzamen Schifffahrt / so die Holländische und Seeländische Schiff gegen Mitternacht / drey Jahr nach einander / als Anno 1594. 1595. und 1596. verricht... 3rd ed. Franckfurt am Mayn: Hulsius: Kempffer, 1612.

Verhael van de eerste Ship-Vaert Der Hollandische en Zeeusche Schepen, Door 't Waygat, By Noorden Noorwegen, Moscovien ende Tartarien om, na de Coninckrijken Cathay ende China... Amsterdam: J. Hartgerts, 1648.

Библиографические ссылки

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири : в 2 вып. 2-е изд. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Вып. 1. XVII век. 279 с.

Байкова Н. В. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI – вторая половина XVIII в.). Ташкент : Наука, 1964. 192 с.

Белоброва О. А. Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 4 вып. СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 392–400.

Белокуров С. А. «Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле в восточной Индии» (Времени царя Алексея Михайловича) // ЧОИДР. 1893. Кн. 4. Отд. 4. С. 13–14.

[*Белокуров С. А.*] О плавании голландских 2-х кораблей к Северным странам «для изыскания проходу мимо Новые Земли в Китайское государство и оттуда к восточной Индии» // ЧОИДР. 1895. Кн. 4. Отд. 5. С. 3–5.

Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М. : Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. 886 с.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. : материалы к словарю. М. : Индрик, 2021. 304 с.

БАН. 17.17.19. № 7401.

Боярский П. В., Волков В. А., Куликова М. В. К истории изучения Новой Земли. Обзор литературных и архивных источников // Новая Земля : в 3 т. М. : Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия, 1993. Т. 1, кн. 1. Труды Морской арктической комплексной экспедиции. С. 47–66.

³⁶ Copies of most of the early Dutch imprints may be located on-line through Delpher, the database for the [National Library of the Netherlands].

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: русские тексты. Ч. 1 / изд. подг. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой; завершение работы над изд. и подг. к печ.: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамина; под ред. А. М. Молдована, И. Майер. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с. (В-К VI/1).

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / исслед. и подг. текстов И. Майер. М. : Языки славян. культур, 2008. 648 с. (В-К VI/2).

Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / подг. текстов, исслед., коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. М. : Азбуковник, 2017. 806 с. (В-К VII).

Гурлянд И. Я. Приказ Великого Государя тайных дел. Ярославль : Тип. Губерн. правления, 1902. 390 с.

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае : («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М. : Наука, 1966. 158 с.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К. : Тип. Э. Праца, 1846–1872.

Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг. : Тип. Н. И. Евстифеева, 1915. 225 с.

Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса / сост. Е. А. Савельева. СПб. : БАН : Альфарет, 2008. 440 с.

Курц Б. Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М. : Синод. тип., 1914. VII, 268 с.

Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1915. 607 с.

Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 236 с.

Наказ царя Алексея Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному в 1675 году к великому моголу Ауэрнзебу / изд. Д. Ф. Кобеко. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1884. X, 25 с.

Опись делам Приказа тайных дел 1713 г. / ред. В. И. Ламанский // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Имп. рус. археол. о-ва. 1861. Т. 2. С. 1–43.

Петров В. А. Географические справочники XVII в. // Ист. архив. Вып. 5. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950, С. 74–165.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 1.

Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах : док. и материалы / сост. В. А. Ведюшкин, Е. Е. Рычаловский. М. : Индрик, 2018. 424 с.

РИБ – Русская историческая библиотека : [в 39 т.] СПб. : Печатня В. И. Головина : и др., 1872–1927.

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 333, 485.

Русско-индийские отношения в XVII веке : сб. док. / сост. Т. Д. Лавренцова и др. М. : Изд-во вост. лит., 1958. 456 с.

Русско-китайские отношения в XVII веке : Материалы и документы : в 2 т. / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1969–1972.

Сборник князя Хилкова. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 12, 580, 35 с.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси : библиогр. материалы. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1903. VIII, 460 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : [в 5 ч.] М. : Тип. Всеволожского : и др., 1813–1894. (СГГид).

Уо Д. К. Еще раз о небесном знамении над Кошицей в 1672 г. // Источниковедение литературы и языка (археография, текстология, поэтика). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2022. С. 381–419.

Уо Д. К. К вопросу изучения текстов о путях в Китай и Индию, хранящихся в Приказе тайных дел // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия : материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2023. С. 393–414 .

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М. : Наука, 2007. 558 с.

Янссон О. [Pashnyk O.] Упсальский список географического справочника А. А. Виниуса : Историко-палеографическое исследование и издание текста : [электр. ресурс]. Examensarbete. Uppsala : Uppsala Univ., 2014. 65 с. URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:715578/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

Янссон О. Источники географического справочника А. А. Виниуса // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 149–150.

Янссон О., Шамин С. М. «Дорожник» переводчика Посольского приказа А. А. Виниуса и куранты // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXI междунар. конф., Москва, 12–14 апр. 2018 г. М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2018. С. 400–402.

Bruijn J. R. et al. Dutch-Asiatic Shipping in the 17th and 18th Centuries : 3 vols. The Hague : Nijhoff, 1967–1979.

Dale S. Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1994. 176 p.

Drost H. The Business of News / transl. by M. Hurd. Leiden ; Boston : Brill, 2021. X, 331 p.

Levi S. C. The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade, 1550–1900. Leiden ; etc. : Brill, 2002. 333 p.

Maier I., Pilger W. VOC-Ladinglijst vertaald voor de Russische tsaar (1667) // Die het kleine eert, is het grote weerd. Festschrift voor Adrie A. Barentsen / ed. by W. Honselaar et al. Amsterdam : Pegasus, 2003. P. 191–213.

Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1971. 412 p.

Mathee R. P. The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1999. XXII, 290 p.

Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais / comp. T. A. Tiele. Amsterdam : Frederik Muller, 1867. XII, 372 p.

Mungello D. E. Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology. Honolulu : Univ. of Hawaii Press, 1989. 408 p.

National Library of the Netherlands. URL: <https://www.delpher.nl/> (accessed: 12.01.2023).

Veer G. de. The Three Voyages of William Barents to the Arctic Regions (1594, 1595, and 1596). 2nd Ed. Works iss. by the Hakluyt Society. № 54. L. : Hakluyt Society, 1876.

Veer G. de. Reizen van Willem Barents, Jacob van Heemskerck, Jan Cornelisz. Rijk en Anderen naar het Noorden (1594–1597) : 2 Vols. / ed. by S. P. L'Honoré Naber. Werken uitgegeven door de Linschoten-Vereeniging, XIV, XV. 's-Gravenhage : Nijhoff, 1917.

Waugh D. C. The View from the North: Muscovite Cartography of Inner Asia // J. of Asian History. 2015. Vol. 49, № 1–2. P. 69–95.

Weduwen A. der. Dutch and Flemish Newspapers of the Seventeenth Century : 2 Vols. Leiden ; Boston : Brill, 2015.

Witsen N. Moscovische Reyse 1664–1665. Journaal en Aentekeningen : 3 vols. / ed. by Th. H. G. Locher, P. de Buck. Werken uitgegeven door de Linschoten-Vereeniging, LXVI. 's-Gravenhage : Nijhoff, 1966–1967.

References

Andreev, A. I. (1960). *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri v 2 vyp.* [Essays on the Study of Sources on Siberia. 2 Iss.]. 2nd Ed. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Iss. 1. XVII vek. 279 p.

Baikova, N. B. (1964). *Rol' Srednei Azii v russko-indiiskikh torgovykh svyazyakh (pervaya polovina XVI – vtoraya polovina XVIII v.)* [The Role of Central Asia in Russo-Indian Trade Contacts (First Half of the 16th – Second Half of the 18th Centuries)]. Tashkent, Nauka. 192 p.

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. 17.17.19. No. 7401.

Belobrova, O. A. (1993). Nikolai Gavrilovich Spafarii (Milesku) [Nikolai Gavrilovich Spafarii (Milesku)]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi v 4 vyp.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Iss. 3. Part 2, pp. 392–400.

Belokurov, S. A. (1893). "Opisanie chego radi nevozmozhno ot Arkhangel'skogo goroda morem prokhoditi v Kitaiskoe gosudarstvo i ottole v vostochnoi Indii". (Vremeni tsarya Alekseya Mikhailovicha) ["A Description of Why One Cannot Travel by Sea from the City of Arkhangel'sk to the Chinese State and from There to East India"]. (From the Time of Tsar Aleksei Mikhailovich)]. In *ChOIDR*. Book 4. Section 4, pp. 13–14.

Belokurov, S. A. (1895). O plavanii gollandskikh 2-kh korablei k Severnym stranam "dlya izyskaniya prokhodu mimo Novye Zemli v Kitaiskoe gosudarstvo i ottyuda k vostochnoi Indii" [On the Voyage of two Dutch Ships to the Northern Regions "to Search for a Passage Beyond Novaya Zemlya to the Chinese State and from There to East India"]. In *ChOIDR*. Book 4. Section 5, pp. 3–5.

Belokurov, S. A. (1898). *O biblioteke moskovskikh gosudarei v XVI stoletii* [On the Library of the Muscovite Sovereigns in the 16th Century]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya. 886 p.

Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. (2021). *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v. Materialy k slovaryu* [Translators of the Ambassadorial Chancery in the 17th Century. Materials for a Dictionary]. Moscow, Indrik. 304 p.

Boyerskii, P. V., Volkov, V. A., Kulikova, M. V. (1993). K istorii izucheniya Novoi Zemli. Obzor literaturnykh i arkhivnykh istochnikov [On the History of the Study of Novaya Zemlya. A Survey of the Literary and Archival Sources]. In *Novaya Zemlya v 3 t.* Moscow, Rossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya. Vol. 1. Book 1. Trudy Morskoi arkticheskoi kompleksnoi ekspeditsii, pp. 47–66.

Bruijn, J. R. et al. (1967–1979). *Dutch-Asiatic Shipping in the 17th and 18th Centuries*. 3 Vols. The Hague, Nijhoff.

DAI – *Dopoleniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi kommissiei v 12 t.* [Supplements to the Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. 12 Vols.]. (1846–1872). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, Tipografiya E. Pratsa.

Dale, S. (1994). *Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750*. Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. 176 p.

Demidova, N. F., Myasnikov, V. S. (1966). *Pervye russkie diplomaty v Kitae. ("Rospiis" I. Petlina i stateimyi spisok F. I. Baikova)* [The First Russian Diplomats in China. (The "List" of I. Petlin and the End of Mission Report of F. I. Baikov)]. Moscow, Nauka. 158 p.

Demidova, N. F., Myasnikov, V. S. (Eds.). (1969–1972). *Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke. Materialy i dokumenty v 2 t.* [Russo-Chinese Relations in the 17th Century. Materials and Documents. 2 Vols.]. Moscow, Nauka.

Dem'yanov, V. G., Kornilaeva, I. A., Podshivalova, E. A., Shamin, S. M., Moldovan, A. M., Maier, I. (Eds.). (2009). *Vesti-Kuranty 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: russkie teksty. Ch. 1* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670. The Russian Texts. Part 1]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. 856 p. (V-K VI/1).

Droste, H. (2021). *The Business of News* / transl. by M. Hurd. Leiden, Boston, Brill. X, 331 p.

Gurlyand, I. Ya. (1902). *Prikaz Velikogo Gosudarya tainykh del* [The Privy Chancery of the Great Sovereign]. Yaroslavl', Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 390 p.

Jansson, O. (2015). Istochniki geograficheskogo spravochnika A. A. Viniusa [Sources of the Geographical Reference Book of A. A. Vinius]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 3 (61), pp. 149–150.

Jansson, O. [Pashnyk, O.]. (2014). *Upsal'skii spisok geograficheskogo spravochnika A. A. Viniusa. Istoriko-paleograficheskoe issledovanie i izdanie teksta* [The Uppsala Copy of the Geographic Reference Book of A. A. Vinius. A Historical and Palaeographic Study and Edition of the Text] [electronic resource]. Examensarbete. Uppsala, Uppsala Univ. 65 p. URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:715578/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 10.02.2023).

Jansson, O., Shamin, S. M. (2018). “Dorozhnik” perevodchika Posol’skogo prikaza A. A. Viniusa i kuranty [The “Route Book” of the Translator of the Ambassadorial Chancery A. A. Vinius and the *kuranty*]. In *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXI mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 12–14 aprelya 2018 g.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 400–402.

Kobeko, D. F. (Ed.). (1884). *Nakaz tsarya Aleksey Mikhailovicha Makhmetu Isupu Kasimovu, poslannomu v 1675 godu k velikomu mogolu Aurenzebu* [The Instruction of Tsar Aleksei Mikhailovich to Mahmet Isup Kasimov, Sent in 1675 to the Great Mughal Aurangzeb]. St Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. X, 25 p.

Kurts, B. G. (1914). *Sostoyanie Rossii v 1650–1655 gg. po doneseniyam Rodesa* [The Condition of Russia in 1650–1655 According to the Reports by Rodes]. Moscow, Sinodal’naya tipografiya. VII, 268 p.

Kurts, B. G. (1915). *Sochinenie Kil’burgera o russkoi trgovle v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha* [The Essay by Kilburger on Russian Trade in the Reign of Aleksei Mikhailovich]. Kiev, Tipografiya I. I. Chokolova. 607 p.

Lamanskiĭ, V. I. (Ed.). (1861). Opis’ delam Prikaza tainykh del 1713 g. [Inventory of the Documents of the Privy Chancery 1713]. In *Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoi arkheologii Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 2, pp. 1–43.

Lavrentsova, T. D. et al. (Eds.). (1958). *Russko-indiiskie otnosheniya v XVII v. Sbornik dokumentov* [Russo-Indian Relations in the 17th Century. A Compendium of Documents]. Moscow, Izdatel’stvo vostochnoi literatury. 456 p.

Lebedev, D. M. (1949). *Geografiya v Rossii XVII veka (dopetrovskoi epokhi). Ocherki po istorii geograficheskikh znanii* [Geography in Russia of the 17th Century (the Pre-Petrine Era). Essays on the History of Geographic Knowledge]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 236 p.

Levi, S. C. (2002). *The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade, 1550 – 1900*. Leiden etc., Brill. 333 p.

Maier, I. (Ed.). (2008). *Vesti-Kuranty 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: inostranye originaly k russkim tekstam. Ch. 2* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670. The Foreign Originals to the Russian Texts. Part 2]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. 648 p. (V-K VI/2).

Maier, I., Pilger, W. (2003). VOC-Ladinglijst vertaald voor de Russische tsaar (1667). In Honselaar, W. et al. (Eds.). *Die het kleine eert, is het grote weerd. Festschrift voor Adrie A. Barentsen*. Amsterdam, Pegasus, pp. 191–213.

Maier, I., Shamin, S. M., Kuznetsova, A. V., Kornilaeva, I. A., Kry’s’ko, V. B., Amanova, E. V. (Eds.). (2017). *Vesti-Kuranty 1671–1672 gg.* [Vesti-Kuranty. 1671–1672]. Moscow, Azbukovnik. 806 p. (V-K VII).

Mancall, M. (1971). *Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, MA., Harvard Univ. Press. 412 p.

Mathee, R. P. (1999). *The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730*. Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. XXII, 290 p.

Mungello, D. E. (1989). *Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology*. Honolulu, Univ. of Hawaii Press. 408 p.

National Library of the Netherlands. URL: <https://www.delpher.nl/> (accessed: 12.01.2023).

Petrov, V. A. (1950). Geograficheskie spravochniki XVII v. [Geographic Reference Works of the 17th Century]. In *Istoricheskii arkhiv*. Iss. 5. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, pp. 74–165.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 1.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 27. List 1. Dos. 333, 485.

RIB – Russkaya istoricheskaya biblioteka v 39 t. [The Russian Historical Library. 39 Vols.]. (1872–1927). St Petersburg, Pechatnya V. I Golovina, etc.

Savel’eva, E. A. (Ed.). (2008). *Knigi iz sobraniya Andrey Andreevicha Viniusa* [Books from the Collection of Andrei Andreevich Vinius]. St Petersburg, BAN, Izdatel’stvo “Al’faret”. 440 p.

Sbornik knyazya Khilkova [The Miscellany of Prince Khilkov]. (1879). St Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh. 12, 580, 35 p.

Sobolevskii, A. I. (1903). *Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi. Bibliograficheskie materialy* [Translated Literature of Muscovite Rus. Bibliographic Materials]. St Petersburg, Tipografiya Imperatroskoi Akademii nauk. VIII, 460 p.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del v 5 ch. [A Collection of State Missives and Treaties Kept in the State College of Foreign Affairs. 5 Parts]. (1813–1894). Moscow, Tipografiya Vsevolozhskogo, etc. (SGGiD).

Tiele, P. A. (Comp.). (1867). *Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais*. Amsterdam, Frederik Muller. XII, 372 p.

Vedyushkin, V. A., Rychalovskii, E. E. (Eds.). (2018). *Posol'stvo P. I. Potemkina v Ispaniyu v 1667–1668 godakh. Dokumenty i materialy* [The Embassy of P. I. Potemkin to Spain in 1667–1668. Documents and Materials]. Moscow, Indrik. 424 p.

Veer, G. de. (1876). *The Three Voyages of William Barents to the Arctic Regions (1594, 1595, and 1596)*. 2nd Ed. Works iss. by the Hakluyt Society. No. 54. L., Hakluyt Society.

Veer, G. de. (1917). *Reizen van Willem Barents, Jacob van Heemskerck, Jan Cornelisz. Rijk en Anderen naar het Noorden (1594–1597)*. 2 Vols. / ed. by S. P. L'Honoré Naber. Werken uitgegeven door de Linschoten-Vereeniging, XIV, XV. 's-Gravenhage, Nijhoff.

Waugh, D. C. (2015). The View from the North: Muscovite Cartography of Inner Asia. In *J. of Asian History*. Vol. 49. No. 1–2, pp. 69–95.

Waugh, D. C. (2022). Eshche raz o nebesnom znamenii nad Koshitse v 1672 g. [The Signs in the Heavens over Košice in 1672]. In *Istochnikovedenie literatury i yazyka (arkheografiya, tekstologiya, poetika)*. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 381–419.

Waugh, D. C. (2023). K voprosu izucheniya tekstov o putyakh v Kitai i Indiyu, khranyashchikhsya v Prikaze tainykh del [On the Question of the Study of Texts about the Routes to China and India, Preserved in the Privy Chancery]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Iss. 3. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 393–414.

Weduwen, A. der. (2015). *Dutch and Flemish Newspapers of the Seventeenth Century*. 2 Vols. Leiden, Boston, Brill.

Witsen, N. (1966–1967). *Moscovische Reyse 1664–1665. Journaal en Aentekeningen*. 3 Vols. / ed. by Th. H. G. Locher, P. de Buck. Werken uitgegeven door de Linschoten-Vereeniging, LXVI. 's-Gravenhage, Nijhoff.

Yurkin, I. N. (2007). *Andrei Andreevich Vinus, 1641–1716* [Andrei Andreevich Vinus, 1641–1716]. Moscow, Nauka. 558 p.

Zhukovskii, S. V. (1915). *Snosheniya Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhsotletie* [The Relations of Russia with Bukhara and Khiva for the Last Three Centuries]. Petrograd, Tipografiya N. I. Evstifeeva. 225 p.

The article was submitted on 18.02.2023

DOI 10.15826/qr.2023.3.830

УДК 94(470)"17" + 94(495)"17" + 339.522 + 929БоцисИван

**Одиссея капитана Боциса:
к биографии российского флотоводца***

Алексей Ястребов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**Captain Botsis' Odyssey:
On the Biography of the Russian Naval Commander**

Alexey Yastrebov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Referring to archival data of the RGADA (Relations with Venice Fund), this article provides new information about the little-known period of life (1700–1703) of Ivan Botsis related to his transition to the Russian service and directly preceding it. Until now, there is no full-fledged biography of the outstanding associate of Peter the Great, and this study supplements the information about his life full of dangers. Botsis played a significant role in Russia's success in the Baltic Sea during the Northern War, so filling the gap in his biography is of particular interest. Based on the information introduced into scholarly circulation, the author draws information about his activities immediately after the Morean War (1684–1699). Although he is primarily known as a Russian naval commander, based on the data studied, one may conclude that in his homeland, he proved himself to be a loyal subject of his new homeland, the Venetian Republic, in military affairs. And after the end of the conflict and the conquest of the Peloponnese by Venice, showered with honors, he tried to succeed in a peaceful profession, trading business, and not so much as a merchant but as a coordinator of the commercial activity of his compatriots for private and public benefit. At the peak of his career, the enterprising and even adventurous nature of the Greek captain led him to a conflict with the Venetian and Ottoman authorities, and the hope for the Russian tsar as the deliverer of the Greeks from Turkish rule and sympathy for his military enterprises during the Northern War made him abandon a privileged

---

* *Citation:* Yastrebov, A. (2023). Captain Botsis' Odyssey: On the Biography of the Russian Naval Commander. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 993–1009. DOI 10.15826/qr.2023.3.830.

Цитирование: Yastrebov A. Captain Botsis' Odyssey: On the Biography of the Russian Naval Commander // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 993–1009. DOI 10.15826/qr.2023.3.830 / Ястребов А. Одиссея капитана Боциса: к биографии российского флотоводца // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 993–1009. DOI 10.15826/qr.2023.3.830.

position in his homeland and embark on a perilous journey to Russia to serve Peter I. The details of his risky escape, described in a petition addressed to the tsar, resemble an excerpt from an adventure novel. The appendix of the article contains previously unpublished documents, i.e. a petition of Captain Botsis and an excerpt of a decree of Tsar Peter on the allocation of his salary.

Keywords: Ivan Botsis, Petr Tolstoy, Venice, Nafplio, consulate, petition

В статье на основании изученных архивных данных РГАДА (фонда «Сношения с Венецией») приводятся новые сведения о малоизвестном периоде жизни Ивана Боциса (1700–1703), связанные с его переходом на русскую службу и непосредственно ему предшествовавшие. До сих пор нет полноценного жизнеописания выдающегося сподвижника Петра I, и настоящая публикация дополняет сведения о его полной опасностей жизни. Боцис сыграл важную роль в успехах России на Балтийском море в период Северной войны, поэтому заполнение лакуны в его биографии представляет особый интерес. Из вводимых в научный оборот сведений автор статьи черпает информацию о его деятельности в период, непосредственно следующий за Морейской войной (1684–1699). Хотя Боцис известен в первую очередь как российский флотоводец, на основании изученных данных становится очевидно, что у себя на родине он ярко проявил себя в военном деле как верный подданный своей новой родины – Венецианской республики, а по окончании конфликта и после завоевания Пелопоннеса Венецией, осыпанный почестями, пытался преуспеть и в мирной профессии – торговом деле, причем не столько как купец, сколько как координатор коммерческой активности своих соотечественников для частной и государственной пользы. Предприимчивый и даже авантюрный характер греческого капитана привел его, находившегося на пике своей карьеры, к конфликту с венецианскими и османскими властями, а надежда на русского царя как на избавителя греков от турецкого владычества и сочувствие его военным предприятиям в ходе Северной войны – к решению отказаться от привилегированного положения в своем отечестве и отправиться в полное опасностей путешествие в Россию, чтобы служить Петру I. Подробности его рискованного побега, описанные в челобитной на имя царя, напоминают отрывок из приключенческого романа. В приложениях к статье публикуются неизданные прежде документы – челобитная капитана Боциса и отпуск с указа царя Петра о выделении ему жалованья.

Ключевые слова: Иван Боцис, Петр Толстой, Венеция, Нафплион, консульство, челобитная

Будущий шаутбенахт российского флота граф Иван Боцис (†1714) – личность, несомненно, очень яркая. Уроженец Пелопонесского Нафплиона (*венец.* – Napoli di Romania), перешедшего в результате Первой Морейской войны (1684–1699) вместе со всем полуостровом под власть Венеции, он представлял один из местных знатных родов, которые сотрудничали с венецианцами в течение очередного

многолетнего противостояния с Османской империей¹. История же его российской службы изложена у российских дореволюционных исследователей [Берх, с. 221–238; Веселаго, с. 245–248].

Обладая недюжинными организаторскими способностями и личной отвагой, он отличался также порывистым и неуживчивым характером. Новые сведения, почерпнутые из РГАДА, рисуют его как человека предприимчивого, не всегда разборчивого в средствах достижения своих целей и очень эмоционального. О его сложных отношениях с сослуживцами в России достаточно хорошо известно [Веселаго, с. 246–247], но и предыдущий период не был безоблачным.

В этой работе рассмотрен переходный период его жизни, связанный с окончанием карьеры у венецианцев и переходом на русскую службу. Опираясь на данные нескольких документов, два из которых – письма самого Боциса на имя дожа и на имя царя, а также справки венецианских властей и сведения, предоставленные Боцисом в Посольский приказ по приезду в Россию, попытаемся восстановить перипетии его богатой событиями жизни этого периода (1700–1703).

Итак, по окончании Морейской войны в 1700 г. Иван Боцис решил заняться государственно важным и одновременно лично прибыльным делом – стать консулом, то есть торговым агентом, старшиной греков-подданных Османской империи, которые прибывали с товаром в столицу Пелопоннеса Нафплион.

В своей челобитной на имя Петра от 28 мая ст. ст. 1703 г. он сообщает, что чин, в который он был поставлен, «тяжкий и вельми бедственный» (прил. 1). Видимо, эти слова должны были означать, что консульство, которым он «почтен от сената», было для него более обязанностью, чем предметом его личной заинтересованности².

Однако же из итальянских источников следует совсем другое. Боцис, конечно, сам ходатайствовал об учреждении консульства в Нафплионе, что явствует из его прошения на имя дожа от 19 июня 1700 г. Он сообщает, что греческие купцы «ищут кандидата в их консулы, способностям которого, надежности и опыту могут они доверить свои дела» [Οικονόμου, s. 255]. Таким образом, это греки уговорили Боциса выступить с прошением, в котором он как раз и сообщал, что ему было доверено собирать налоги, благодаря чему они выросли на 10 тыс. реалов [Ibid.].

Итальянские чиновники в своих отзывах на его прошение характеризуют его исключительно положительно. Его заслуги перед республикой несомненны: благодаря знанию нескольких языков грек часто привлекался в качестве переводчика, а также храбро сражался, чему есть несколько доказательств, в том числе «пространное» (αμπρίο)

¹ В ходе Морейской войны (1684–1699), являвшейся частью войны «Священной лиги» (1683–1699) против Османской империи, венецианцы овладели Пелопоннесом и некоторыми областями Далмации.

² Речь идет о его втором консульском месте на Кикладах и Спорадах. Нафплион был первым.

свидетельство бывшего главнокомандующего морских сил республики капитан-генерала Антонио Дзено [Οικονόμου, s. 456–459].

Обратим внимание, что консульство должно было служить грекам – подданным Порты. Для сегодняшнего дня выглядит странно, что подобная активность велась без ведома властей заинтересованной державы. Это объясняется тем, что в этот термин вкладывался вполне коммерческий смысл – «торговое представительство». Впрочем, дабы избежать на будущее любых обострений с турками, совет Пяти мудрецов даст рекомендацию изменить названия консульства в Нафплионе, которое будет впоследствии называться «торговым агентством». Цель была понятна – рано или поздно турки потребовали бы обычного права самим назначать консулов для своих подданных [Ibid., s. 447; Pedani, p. 196–197].

Беспокойный характер Боциса быстро проявил себя и на новом поприще. Его имя в следующем 1701 г. вновь всплывает в официальной переписке, опять в качестве кандидата на должность консула, но в этот раз не его родного Нафплиона, а островов Эгейского моря – архипелагов Киклады и Спорады. С чем было связано такое довольно радикальное изменение локации, сказать трудно. Зато в той информации, которую граф сообщил о себе в Посольском приказе, как раз фигурирует архипелаг, причем, по его словам, упомянутое им в письме дожу право сбора налогов он имел вовсе не в Морее, а именно на островах архипелага, он сообщает даже сумму – 200 тыс. ефимков (то есть 100 тыс. руб.!), которые ему якобы удалось собрать тогда с островов Эгейского моря. Характерно, что в письме употребляется термин «гарач», разновидность дани с христиан в Турции:

...учинили его консулом на всех островах Архипелажских, дав под власть его все корабли и капитанов и рядев, сиречь судитов принципских, которые в те острова приходили... [Боцис] объезжал острова на каторгах и кораблях для сбора гарачю с островов... [Елагин, с. 1]³.

Действительно, речь идет не только о венецианских гражданах, но и о подданных Османской империи. Что-то заметно отличающееся от его же слов в письме к дожу от 19 июня 1701 г. о сборе налогов в Морее, нечто больше похожее на насильственный отъем денег, тем более что тут же добавлено: «имея и разбойников всех под своим покорством» [РГАДА. Ф. 150. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–1 об.]⁴. И еще в другом месте: «И разбойники островов, имея все к нему любовь, как услышат о нем, будут приходить в службу великому государю» [Елагин, с. 2]. Больше похоже на действия в военное время, однако в Москве грек настаивает

³ У Елагина пропущено слово «рядев», вместо него стоит многоточие. Ср.: [РГАДА. Ф. 150. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2 об.]. Странно, что Боцис употребил слово «райя», которым обозначают как раз христиан – подданных Османской империи, а не «судитов принципских», то есть граждан Венеции.

⁴ У Елагина описка – 20000 ефимков: [Елагин, с. 2].

вал, что это входило в его консульские полномочия. Забегая вперед, скажем, что едва ли он успел проявить сколь-нибудь значимую активность на Кикладах и Спорадах в 1701–1702 г.

Таким образом, его рассказы о собственной эффективности в части налогов и сборов либо являются чистым вымыслом для Посольского приказа, либо относятся ко времени Морейской войны, но тогда речь неизбежно пойдет не о «консуле Боцисе», а о «капере Боцисе». Тем не менее, подчеркнем, что новая должность опять была целиком его личной инициативой, а не «тяжким и вельми бедственным» чином: он вновь пишет властям, перечисляя выгоды от его открытия. Мнение совета Пяти мудрецов и здесь было положительным: 24 февраля 1701 г. Боцис был назначен консулом Киклад и Спорад [ASVe. V Savi alla Mercanzia. Registri. Reg. 167 (risposte). F. 98–99].

Однако то малое, что успел совершить Иван Боцис на посту избранного, но не окончательно утвержденного консула Венеции в архипелаге, неожиданно стало прологом к его будущей успешной карьере в России.

Согласно собственному свидетельству, ему требовалось отправиться в Стамбул для ратификации его новой должности:

...чин консульский надлежит [я]⁵ усмотрив, что имущем имети и грамоты от салтана, чтобы ведать мне по временам и согласие в случайных делех. Того ради и другим увещанием того ж сената вооружив фелуйку двадцать четырьмя человеки пошел я в Царь град 1702 иуния в 12 день.

Однако Боцис со свойственной ему деловитостью заехал по дороге на острова архипелага: «по кратком осмотрении и описании, бывшем от мене в островах архипелага, в 40 дней достиг Царя града», то есть прежде, чем отправиться в Турцию, грек позаботился о назначении своих вице-консулов (это станет известно впоследствии), что указывает на то, что он задумал создать собственную клиентскую сеть⁶. Совет Пяти мудрецов над торговлей тем временем сообщил Лоренцо Соранцо, венецианскому послу в Константинополе, об его избрании консулом и просил о содействии в получении им консульского патента у султана [Signori, p. 133, nota 100].

Прежде чем новости о назначениях вице-консулов дошли до Венеции, в июле 1702 г. Боцис отправился в Стамбул для получения «берата» [Корти, с. 4]. Но когда центральные власти узнали о его самоуправстве, было принято решение аннулировать его патент, ибо его действия могли создать излишнюю внешнеполитическую напряженность в отношениях с Османской империей, и 16 ноября 1702 г. венецианский сенат отдал об этом распоряжение Соранцо [Ястребов, с. 295; ASVe. Senato. Deliberazioni. Costantinopoli. Registri. Reg. 36. F. 59–59 r.].

⁵ Здесь и далее квадратных скобках при публикации архивных источников добавляются слова, помогающие лучше понять смысл текста.

⁶ Так, например, 7 июля н. ст. 1701 г. он выдал патент вице-консула на острове Китнос некоему Антонию Гликофридису [Οικονόμου, s. 443, nota 20; Signori, p. 134, nota 101].

Последний в своем письме в Венецию от 24 января 1703 г. ответил, что Боцис прожил в его доме несколько месяцев (как мы знаем, с июля по начало ноября 1702 г.), а затем отпросился у него в Адрианополь, где, по словам грека, у него были друзья, которые могли бы способствовать получению искомого фирмана. Это было, конечно, еще до получения ноябрьской почты из Венеции. В той же депеше посол уверенно говорит, что грек «имел целью совершенно иное. <...> Он уехал, будучи тайно вызван министром Московии, и увел с собой Дзордзи Дасколи, капитана бомбардиров-корфиотов» [Ястребов, с. 291].

Действительно, первым, кто встретился с Петром Андреевичем Толстым, послом России в Турции, был Джорджо Дасколи, который хотел наняться на русскую службу [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703. Ед. хр. 2. Л. 198 об. –199]. Он же и посоветовал послу написать Боцису письмо с предложением о найме. Впрочем, скорее всего Дасколи был просто посланцем Боциса для зондирования почвы. Когда 5 октября ст. ст. 1702 г. Толстой отправил ему приглашение, он выразился очень определенно: «соизволяешь служителем быти пресветлейшему и державнейшему великому государю моему всемилостивейшему» [Там же. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 199]. Итак, Боцис еще до получения из Венеции официального сообщения об аннулировании своего патента уже понял, что консулом ему не стать, и сразу по приезде российского посла в Адрианополь (29 августа н. ст. 1702 г.) воспользовался случаем и, как показано выше, через посредника вошел с ним в контакт с целью перейти на русскую службу.

Здесь заканчивается венецианская часть жизни мятежного графа и начинается «российская глава», не менее авантюрная и полная опасностей, особенно в первые недели и месяцы новой службы.

Основным источником информации о событиях, имевших место после его вербовки Толстым, послужит нам челобитная Боциса, которую он написал на имя царя Петра 28 мая ст. ст. 1703 г., три месяца спустя после прибытия в Москву [Там же. Ф. 41. 1703. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2]. Как уже говорилось выше, показания Боциса были записаны в Посольском приказе, благодаря чему мы знаем некоторые подробности его службы в Морее [Елагин, с. 2]. Однако до сих пор не были известны обстоятельства его побега из Османской империи.

Толстой обменялся с Боцисом несколькими посланиями, в которых уговаривал его как можно скорее прибыть в его резиденцию в Эдирне. Боцису было чего опасаться – и свои, венецианские, и тем более османские власти смотрели на него с подозрением. Для первых он был непредсказуемым бывшим корсаром, так и не сумевшим приспособиться к мирной жизни, для вторых – бывшим подданным Порты, вставшим на сторону противника, предателем, притом хорошо осведомленным о военном потенциале империи. 25 октября ст. ст. 1702 г. Толстой написал капитану последнее письмо с убедительной просьбой приехать. Значит, самое раннее в начале ноября 1702 г. грек мог прибыть в его резиденцию [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702. Ед. хр. 1. Л. 284–284 об.].

Боцис решил ехать в Россию еще до встречи с Толстым. Последняя ли неудача с консульским местом ожесточила его, или предложения русского посла были заманчивы, но решение он принял спонтанно, не посоветовавшись с близкими, свидетельством чему являются два письма его брата Дмитрия из Венеции (в пересказе на русском). В изложении переводчика слышно волнение его близких:

...внезапным своим отъездом он, контий, всех своих сродников весьма опечалил, и вотчины ево, контиевы, и сады есть в конец разоритца. Потому что он их покинул и отъехал [РГАДА. Фонд 150. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 3 об.].

В челобитной проявилась с изрядная фантазия графа, который склонен был значительно преувеличивать важность своей персоны в желании получить от царя максимальные выгоды при устройстве на службу. Вместе с тем она является единственным источником, повествующим о его побеге из пределов Османской империи.

Еще до встречи с Толстым грек нанял на свои средства капитана и 24 матроса для поездки в Россию⁷. Свои действия он объясняет так: «да показую плодоноснее начало услуги моея»⁸. Эту группу он отправил к переправе через Дунай, а сам, оставив при себе трех человек для сопровождения, приехал к послу. Тот, в свою очередь, во что бы то ни стало хотел получить от грека интересовавшие его сведения с целью дать ответ на «тайные статьи», то есть вопросы и инструкции Посольского приказа, в которых ему предписывалось, в частности, провести разведку военно-морского потенциала империи⁹. Таким образом, встреча Боциса с послом имела, кроме ознакомительного, еще и осведомительный характер. Одновременно капитан получал информацию и о своем положении, а оно становилось все более опасным. Он наверняка знал, что Венеция уже официально отозвала патент консула, поэтому его пребывание в пределах империи становилось для республики не просто бесполезным, но и вредным [Ястребов, с. 293–294]. В первую очередь это касалось негативной реакции османских властей на его контакты с русским послом. Отлично осведомленный о его местонахождении и о характере информации, которую грек передавал Толстому, великий драгоман Порты Александр Маврокордато даже прислал ему за это «выговор». По этой причине задерживаться в Адрианополе Боцис более не мог. Около середины декабря он выехал в направлении переправы через Дунай в районе Га-

⁷ «Нанял я на свои денги капитана флота морского и двадцать четыре человека корабельников по пяти рублей человеку на месяц и обещал давать им корму от того дне, в которой их нанял» (прил. 1.).

⁸ Там же.

⁹ Данные о турецком флоте, которые Боцис сообщил послу, вероятно, потом вошли в «отписку» Толстого, отправленную в начале 1703 г. в Москву (частично издана: [Толстой, с. 215–285]). Боцис же по приезде составил довольно объемное, на 27 листах, описание венецианского флота. Хранится: [РГАДА. Ф. 41. 1703. Оп. 1. Д. 1].

лаца. Это показывает, что первоначально он планировал ехать в Москву кратчайшим путем через Молдавию и Украину.

12 дней он провел «день и ночь в необычайном скаче» и, загнав по пути двух коней, добрался до Дуная. Все переправы через реку были закрыты, по его словам, ради его поимки. Кроме того, в дороге он столкнулся якобы с самими султаном, визирем и крымским ханом, а также со всей турецкой конницей, которая, как он пишет, «набежала» на него на переправе через Дунай. Тем не менее, ему удалось переправиться, встретиться со своими спутниками и вместе с ними продолжить дальнейший путь.

В Галаце бушевала эпидемия, и вдобавок к этому Боцис получил сведения, что в Молдавию отправлены «турецкие заказы» для его поимки. Все это определило его дальнейший маршрут – он двинулся в Валахию к своему старому знакомому господарю Константину Брынковяну и родственнику митрополиту Кесарийскому Хрисанфу Нотара. Поэтому поездка в Бухарест, хотя и удлиняла маршрут, но не была опасной, а скорее полезной. Боцис, однако, принял надлежащие меры предосторожности и отправил прежде туда своих людей с тремя иеромонахами, которые входили в его группу. Они должны были оповестить господаря и митрополита о его скором приезде. Сам капитан прибыл в столицу Валахии в день Рождества Христова 1703 г. и поселился не в самом городе, а в монастыре Плюмбуица (Plumbuita), что в местности Колентина (ныне – восточный район Бухареста) – древней метохии афонской обители Ксиропотам.

В самом скором времени к нему на встречу тайно («нощию») прибыли Брынковяну и Хрисанф. Господарь, кавалер российского ордена Св. Андрея Первозванного, в тот период занимал промосковскую позицию, поэтому всячески содействовал осуществлению намерения Боциса. Митрополит Хрисанф, племянник патриарха Иерусалимского Досифея, ключевого поставщика информации для российского правительства по османским делам, приходился графу, по словам последнего, родственником¹⁰. Если это так, то активное участие иерарха в судьбе графа также вполне объяснимо.

На встрече решили отправить Боциса в Молдавию, но не напрямую (в связи с имевшей место в тот момент напряженностью между соседями и родственниками – тестем, господарем Валахии Константином Брынковяну и зятем, господарем Молдавии Константином Дуккой), а в обход через территорию Венгерской Трансильвании. Граф удовлетворенно добавляет, что «утешился от них о бедствах и скорбях, прилучившихся на пути. Двенадцать дней был у них и обдарен дарами на триста рублей» (прил. 1).

Оставив при себе только трех самых близких людей (возможно, тех же самых, с которыми проделал первый отрезок пути), он отправил священников и остальных членов группы в Молдавию через Фокшаны, пограничный пункт на границе Румынии и Молдавии.

¹⁰ Степень их свойства еще нуждается в изучении. О Хрисанфе см.: [Στάθη, s. 3–12].

Господарь Брынковяну для поездки в австрийскую землю дал Боцису в качестве спутников «дву братьев чаушевых, которой zde за имя его будто посол живет». Их сопровождение должно было, по мысли господаря, помочь при переходе австро-молдавской границы. Речь идет о родственниках «чауша», вероятно, молдавского чиновника, исполнявшего при дворе румынского господаря дипломатические функции. Еще до отъезда Боциса в Австрию Константин по совету этих братьев решил попробовать устранить две проблемы сразу: помириться с господарем Молдавии и получить официальное разрешение на проезд капитана через территорию княжества, а для этого отправил в Яссы митрополита Хрисанфа с миротворческой миссией.

Пока иерарх ездил в Молдавию, Боцис двинулся на север, в Трансильванию, где, конечно же, заслужил похвалы за свои подвиги от «генерала царского». Других подробностей этой поездки он не приводит: через какое-то время на границе он встретился с митрополитом Хрисанфом, который сообщил, что дорога на Яссы открыта, и даже проводил его до города Тыргу-Фрумос. Далее грек отправился в столицу Молдавии и получил «пас» из рук самого Константина Дуки. В Яссах капитан пробыл пять дней и, собрав своих людей, ранее прибывших туда, достиг 26 января 1703 г. пограничного пункта Сороки.

Здесь спокойное течение путешествия опять закончилось и начались испытания, потому что спутники вступили на охваченную войной землю Украины. Первым городом, о котором упоминает Боцис, был Немиров. Путешественники стали свидетелями бегства из него казаков и прихода отрядов поляков, от которых им сильно досталось – один матрос был убит, а остальные ограблены: «и оставили нас нагих в месте незнакомом и непроходимом во время зимнее». К этому несчастью прибавилась другая беда – нанятый Боцисом капитан с некоторыми другими членами группы «крамолили» на него.

Такое положение дел заставило графа бежать из Немирова: вначале он со своими людьми переместился южнее, в местечко Брацлав, а там присоединился к некоему казацкому полковнику с небольшим отрядом и достиг Ладыжина, которому не суждено было стать убежищем для беглецов. Они были вновь настигнуты поляками, причем казачий полковник был взят в плен, а один из спутников Боциса, врач Никола Маркьяти, погиб. В горьких словах капитана отражена вся бедственность их положения: «нас бы всех порубили, естли бы не убежали с немногими казаками в лесок и оттаборилис, и так с великим трудом от лесочка до лесочка и от места до места, таяще хладом и гладом, а от жажды снег ядуще», достигли Киева 17 февраля¹¹.

В Киеве, как сообщает грек, «по прошению нашему правители града того дали нам на одеженцу денег толко двадцать семь рублей», то есть

---

¹¹ Капитан не описывает подробно событий, которые произошли с ними в дальнейшем пути следования к Киеву, однако и тех, что он привел, достаточно, чтобы понять, сколь опасным было их путешествие через опустошенную противостоянием Украину.

приняли незваных гостей не слишком дружелюбно, так что им, оборванным и ограбленным, не на что было прилично одеться в зимнее время. Поэтому, кое-как приодевшись, они «побрели» в Батурин, что еще раз подчеркивает скупость киевских властей, не давших им лошадей и подвод. Зато в гетманской столице их ждал щедрый хлебосольный прием, ибо, как пишет Боцис, «тамо превелебный господин гетман Иван Стефанович Мазепа милостивно нас принял, и снабдил одеждой и денгами, и по четырех днех отпустил нас к Москве». Грек сокрушается, что не застал царя, который уехал из российской столицы в Новгород буквально за четыре дня до его приезда, зато познакомился с его ближайшими помощниками – Ф. А. Головиным и Ф. М. Апраксиным.

Ему и его спутникам было назначено содержание из фондов Новгородского приказа, но деятельная натура графа не могла примириться с вынужденным бездействием, ведь, как он выразился, «я zde оставлен в неуправлении без належащего мне дела». Поэтому 28 мая ст. ст. он написал царю Петру челобитную, благодаря которой мы знаем в подробностях полный опасностей путь капитана из Адрианополя в Москву.

На этом, конечно, не заканчивается одиссея капитана Боциса, который, кажется, вообще не мог довольствоваться спокойным течением жизни, но всегда жаждал приключений. Осенью 1703 г. он был принят на российскую службу в чине шаутбенахта (контр-адмирала), затем строил балтийский гребной флот на Олонецких верфях, впоследствии возглавлял этот флот, обеспечивая высадки десанта, руководил проведением военно-морских операций и даже захватом городов. Его характер давал о себе знать не только на полях сражений, но и во взаимоотношениях с сослуживцами – его конфликт с вице-адмиралом Крюсом однажды едва не перерос в дуэль, а сложные отношения с комендантами российских прибрежных крепостей и подчиненными выражались в многочисленных письменных жалобах [Веселаго, с. 246–247].

Тем не менее, Иван Боцис, бесспорно, стал важным приобретением Петра I. Тот ценил его настолько, что сделал своим посаженным отцом на свадьбе с Екатериной [Берх, с. 223–226; ПиБ, т. 13, вып. 1, с. 425; вып. 2, с. 438]. Сохранилась переписка Боциса с царем [Берх, с. 233–234; ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 251; т. 5, с. 176–177; т. 9, вып. 1, с. 491; т. 10, с. 119; т. 12, вып. 1, с. 191–193; т. 13, вып. 1, с. 173–174, 426]. Петр I по просьбе графа даже написал ходатайство перед венецианскими властями, к которому был приложен мемориал самого грека, просившего себе и своим родственникам милостей от властей Серениссимы [ПиБ, т. 5, с. 39]¹².

---

¹² Мемориал Боциса переведен на русский язык и частично опубликован [ПиБ, т. 5, с. 588–589]. Из прилагающейся к нему сопроводительной записки из Посольского приказа явствует, что написанию царского ходатайства способствовал С. Рагузинский, но письмо не было отправлено, поскольку приказные дьяки засомневались, можно ли отсылать царскую грамоту с мемориалом, написанным не царем. Была ли отправлена в конце концов эта грамота, неизвестно, но в фондах Государственного архива Венеции она не отложилась.

Не будет преувеличением сказать, что шаутбенахт был отцом Гангутской победы, которая, в свою очередь, стала прологом к доминированию России на Балтийском море и победе в Северной войне. Сам командир не дожил до Гангута, скончавшись в Санкт-Петербурге в мае того же 1714 г. В память о соратнике Петр пожелал оставить себе его шпагу. Вдова графа Полихрония получила пожизненный пенсион в 300 руб. годовых и 120 руб. на наем квартиры, а его дочери выплачивались 500 руб. в год до замужества [Берх, с. 238].

* * *

Благодаря вводимым в научный оборот архивным источникам нам довелось стать свидетелями важных событий нескольких лет переходного периода жизни Ивана Боциса (1700–1703), который за это время последовательно получил титул графа Светлейшей республики, был избран консулом Венеции в Нафплионе и на островах Эгейского архипелага, предпринял путешествие в Османскую империю, был там завербован на русскую военную службу и, избежав множества опасностей, приехал в Россию.

Изученные данные позволяют дополнить его биографию венецианского периода, добавляют информацию о круге его знакомств в Османской империи и Дунайских княжествах и, конечно, сообщают подробности его опасного путешествия. Мы видим не просто капера, правдами или неправдами собиравшего налоги для Светлейшей республики, а предприимчивого человека своей эпохи с новаторскими способностями, который мыслил по-государственному, предлагая правительству перспективные проекты. Его желание построить карьеру в области коммерции оказалось несбыточным: Боцис был слишком порывистым, его темперамент опережал темпы делопроизводства венецианцев, поэтому вскоре он вновь вернулся в привычную для себя стихию войны, в этот раз на своей третьей родине – в России.

Однако и в этом случае он меньше всего напоминает простого наемника, «солдата удачи», ведь важную роль в выборе новой службы сыграли его симпатии к российскому монарху и те надежды, которые питали в те годы многие греки. Как об этом говорил сам Боцис:

...побеждая отчизну, свойственников и имение, природную склонность уже имел, чтоб поклониться тому монарху, от которого державные десницы род греческий свободу ожидает, и послужить тому кесарю, его же слава – яко труба грома, храбрость его во всю вселенную аки новаго Александра проповедует (прил. 1).

За этими словами стоит не простая лесть. Боцис действительно поставил службу российскому монарху выше своих военных заслуг перед Венецией, пожаловавшей ему не только титул графа, но и зе-

мельные наделы. Военные и гражданские знания, авторитет в самых разных кругах Венецианской республики и Османской империи, проявленная готовность рисковать своим положением и самой жизнью произвели самое благоприятное впечатление на царя, назначившего графа шаутбенахтом и вверившего его попечению не только создание российского гребного флота, но и руководство им¹³.

Приложение 1

1703 г., мая 28

**Челобитная Ивана Федосеева Боциса
о принятии его в российскую службу¹⁴**

(Л. 1) // Челобитная Венецианина контеса Ивана Федосеева Боциса.

Благочестивейший и державнейший царь, государь милостивейший!

Избран Венецыйския тишайшия аристократии аз, контес Иван Феодосиев Бочис, нижайший раб Вашего царского пресветлого величества, в сан консулов всех Киклад и Разсеяных островов архипелага, власть, которая еще иному никому не дадеса, за премногия службы, кои я им учинил на мори и на суши от детского моего возраста на разных боях всегда иждивением моим, как и являют о сем грамоты, жалованные [в] 1700 году, также и ины различны грамоты пространно всю мою службу изчисляют. Исходя прочее, из Венеции почтен от сената оного не токмо вышепомянутым царским тяжким и велми бедственным чином, но почтена и фамилия моя вовсе от него комитовым титулом, чтоб род мой был изящнее во Елладе. Даровано мне и маетностей довольно паче всех сущих во отчизне моей.

И пришед к город Навпли Пелопониский, чин консульский надлежит [я] усмотрив, что имущем имети и грамоты от салтана, чтобы ведать мне по временам и согласие в случайных делех, того ради и другим увещанием того ж сената, вооружив фелуйку двадцать четыремя человеки, пошел я в Царь град 1702 Иуния в 12 день¹⁵.

И по кратком осмотрении и описании бывшем от мене в островах архипелага в 40 дней достиг Царя града. Бесчисленные дела, которые прилучилися послу венецыйскому, которой живет в Царе граде, удержали меня у него, и даровал он мне различные надзоратайства, поблегчая старость свою от неких бедственных случаев. Вручил мне и дела Морья всего, в который город выслал я из Царя града пятьдесят четыре фамилии, написав пелопониским держателем, чтоб их снабдели маетностями, доволными к пропитанию и конечному забвению отчизны их Константинополя.

¹³ При подготовке материала соблюдались правила публикации исторических документов XVII–XVIII вв. Текст набран с сохранением орфографических особенностей оригинала, но славянские буквы заменены русскими, «ѣ» и «ѧ» на концах слов опущены. Пунктуация современная. В квадратных скобках добавлены слова, помогающие понять смысл текста [см.: Правила издания исторических документов в СССР].

¹⁴ Выражаю искреннюю признательность за помощь в расшифровке документа В. Г. Ченцовой и Л. Котовану.

¹⁵ То есть, «прибыв в Нафплион, я узнал, что тому, кто избран консулом, надлежит иметь грамоту и от султана».

Обаче жегом от природныя склонности, которую имел ко славе и победе Вашего царского величества, непрестанно увещевал корабельников и художников, чтоб они ехали сюда, в царствующий град Москву, как можно известится о сем у купеческих людей русских и от брата капитана Стамати, которые всегда были у дел моих, и я желал от них слышать о имени Вашего царского величества.

Не знаю, как сия моя склонность достигла и во уши послу вашему, сущему в Царе граде, Петру Андреевичу Толстому. [Он] прислал ко мне письмо чрез греченина в Царь град, чрез которое зовет меня в службу к Вашему царскому величеству, обещевая мне Вашу государскую милость и жалованье сугубо, нежели кое оставил я в Пелопонисе и островах архипелага, припоказуя мне время прилично и нужно велми и призывая меня во Андрианополь, чтоб с ним переговорить о разных делех. Того ради размышляя аз, чего имел отрещися вовсе, а от другия страны – уветы и обещание не токмо посла Вашего, но и господаря Волошеского и нынешняго святейшего вселенского патриарха кир Гавриила, и Хрисанфа, митрополита Кесарийскаго, и иных многих архиереев. Побеждая отчизну, свойственников и имение, природная (так! – А. Я.) склонность уже имел, чтоб поклонится тому монарху, от которого державныя десницы род греческий свободы ожидает, и послужить тому кесарю, его же слава – яко (Л. 1 об.) // труба грома, храбрость его во всю вселенную, аки новаго Александра проповедует. Умыслил отрещися отчизны, матере, братии, сожительницы, чад, сродников, друзей, чести, власти, сана, маетностей, имения и аще что ино могла бы иметь фамилия изящне по обычаю Пелопонисса и приити сюды и смирится под ноги милостиваго православнаго и великого царя миру всего. В услугу предаю по древнему моему желанию жизнь, от Бога родителями моими мне данную, в повеления его, якоже желает.

Прочее яко да показую плодоноснее начало услуги моея, прежде отшествия моего из Константинополя нанял я на свои денги капитана флота морскаго и двадцать четыре человека корабельников по пяти рублев человеку на месяц и обещал давать им корму от того дне, в которой их нанял, а наипаче с советом посла вашего, которой на ту державу прислал ко мне в Константинополь прежде пять сот, последи сам он дал мне во Андрианополи шесть сот пятьдесят левков, обещав мне, что сколько еще сверх того издержу про них и про себя от Вашего царского величества будет мне дано по скаске моей, кроме духовника моего и дву иеромонахов, которые тех карабельников на Дунай, будто своих челядников, провели ис турецкие земли с лекарем и со семью человеки челядницы моими.

А я тогда един остался во Андрианополи с тремя человеки ради речи с послом вашим по его писму, присланному ко мне. И едучи я к нему по обычаю консулев венецких, стался великий мятеж в турках, потому что меня знали на салтанском дворе, и впал в великое бедство, и, переговоря с послом о разных делех, дал ему краткое описание турецкого флота по прошению его. О чем уведев, Маврокордат прислал ко мне с выговором, что не надлежит мне общение иметь с послом московским и ходить в дом его бес повеления султана. Так посылал и к послу с выговором, чтоб меня не принимал в дом свой, ни увещавал итти к Москве, и не успел толко указов розослать по всем дорогам на Дунае, и в Волохах, и Мунтянех, чтоб меня на пути изловили и привели во Андрианополь к везирию, о чем уведал от приятелей моих подробну.

Немедля купил я осьмь коней [и] з Божию помощью из Андрианополя поехал чрез Галата¹⁶. И сказал мне Петр Андреевич Толстой, чтоб мне всячески пройти чрез Венгры и Германию, дав мне и письма ко князь Петру Алексеевичу Голицыну, чтоб мне помог в потребах моих, а янычар, кои у меня караулили, послал с писмами моими во Царь град, будто ради моих дел.

И оттуду, будучи я день и ночь в необычайном скаче, достиг в 12 дней на Дунай. И тамо все перевозы заперты ради меня обрет многое число дней. Заплатил перевозчикам, переехал, оставя двух коней, от трудного и нужного пути издохших. Не опишю пространно бедствий, на пути прилучившихся: как наехал в пути на самого султана и на визиря, такожде и на крымского хана, которой ехал на Дунай реку, еще как набежала на меня вся турецкая конница при Дунае реке – о сем и не припоминаю Вашему царскому пресветлому величеству. Едучи в Галата, нашел на моровое поветрие, в том граде воюющее, и уведал от неких приятелей о заказах турецких, кои посланы в Молдавию, и убоявся, поехал немедля в Волошскую землю, ведая господаря Волошского быти помощника намеренному делу моему и доброхота крайняго здешнему царству, имея и писма к нему от посла Вашего, а людей своих послал напред к нему с вышереченными тремя попами, чтоб меня там ждали до указу, а наипаче чтоб мне видетися с митрополитом Хрисанфом, сродником моим.

Сего ради и проехав я в Букурест на день Христова Рождества, стал тайно в монастыре Пломбоита¹⁷, обвестил одному господарю да Хрисанфу о себе чрез игумна монастыря того и виделся с ними двумя да с столником их ношью, и утешился от них о бедствах и скорбех, прилучившихся на пути. Двенадцать дней был у них, и обдарен дарами на триста рублей. По общему их совету поехал я чрез венгерскую землю с тремя токмо человеки, чтоб не почаял господарь Молдавский, что чрез Бокурест проехал я ради их некоторых ссор, кои меж ими тогда были, а трех попов с прочими людьми послал я чрез Фоксан¹⁸. И дали мне провожатых дву братьев чаушевых, которой zde за имя его, будто посол, живет.

И едучи я чрез венгерскую землю, а люди в Гиаси умыслили, (Л. 2) // лучше зная указы от везиря, посланные о мне к господарю тому, послать Хрисанфа в Гиас помирить дву господарей, а мне бы дать свободу проехать чрез Сороку и Трансальванию¹⁹. И едучи он, Хрисанф, назад, встретился со мною на границе молдавской и венгерской, обнадежил меня ехать в Гиас, обаче тайком за страх от множества татар тамо тогда обретающихся, и проводил меня он до Тергоформос²⁰. Не припоминаю Вашему царскому величеству чести и приятства, что показал мне в венгерской земле генерал цесарской, слышав, что иду служить вам, а наипаче гонения бывшее (так! – А. Я.) мне от турок, когда ловили меня однакож с четыреста драгун.

Оттуда проехал в Гиас, и господарь того места дал мне пас, и будучи там я пять дней, собрал всех моих людей, поехал чрез Сороку, в которую приехал в 26 ианнуария 1702 (так! – А. Я.) года, а оттуда – на границу Черкасскую,

¹⁶ Галац (Galați) – город и порт на востоке Румынии в устье Дуная.

¹⁷ Plumbuita.

¹⁸ Фокшаны (Focșani) – город на границе Валашского и Молдавского княжеств.

¹⁹ Из текста челобитной не до конца ясно, что за «люди» имеются в виду. Возможно, это был совет упомянутых братьев «чауша».

²⁰ Тыргу Фрумос (Țărgu Frumos) – город на северо-востоке современной Румынии. Тогда территория Молдавского княжества.

достиг и прославил Бога, от толиких бед на пути избавльшаго и доведшаго мя по желанию моему к Вашему царскому пресветлому величеству.

А мятежи и войны болшие у них с поляки довели нас видеть всякие беды человеком несносные, потому что, пришед мы в Немиров, нашли казаков, как город оставляли и бежали от поляков, и, набежав, [поляки] разбили нас и убили человека моего матроза Филипа Монтили до смерти, а пожитки, денги и платье – все пограбили и оставили нас нагих в месте不知名 и непроходимом во время зимнее. И такую нуждою понужден наипаче во время ратное и трудное, [к тому же] люди мои на меня крамолили, а наипаче – капитана (так! – А. Я.) с товарищи. И убоаясь я, воротился в Бреслав²¹ и оттуду с полковником казацким пошел во Владыжню²². И там напад на нас поляки, полковника пленили, а моего лекоря Николо Маркяти убили. И нас бы всех порубили, естли бы не убежали с немногими казаками в лесок, и оттаборились.

И так с великим трудом от лесочка до лесочка и от места до места, таяще хладом и гладом, а от жажды снег ядуще и идучи, достигли в Киев февраля в 17 день. И по прошению нашему правители града того дали нам на одеженцу денег толко двадцать семь рублей. И тем приодев наемных моих, побрели в Батурин, и тамо превелебный господин гетман Иван Стефанович Мазепа милостивно нас принял и снабдил одеждами и денгами. По четырех днех отпустил нас к Москве.

И благодатию Божию пришли мы в царствующий град, обаче злосчастье мое и zde меня не допустило видети пресветлое лице Вашего царского величества, общаго отца и питателя нам, странным пришелцам, потому что за четыре дни Ваш, великого государя, в Новгород поход стался. Также едва улучил видети единожды и господина адмирала Федора Алексеевича Головина, которой явил ко мне крайнюю милость, отслав меня к господину адмиралтейцу Федору Матвеевичу Евпраксину (так! – А. Я.), которой по отшествии его zde остался.

И по немногих днех и господин адмиралтейц поехал на Воронеж, и я zde оставлен в неуправлении без належащего мне дела, а как бы мне сподобится видети Вашего царского пресветлого величества лице, пришелц будучи, способа не знаю, сего ради молю Вашу царскую тишайшую державу: повели, государь, пред твое царское лице в тамошнем настоящем походе поставить меня, раба Твоего, чтоб я сподобился поклониться тому царю, за коего пресветлое имя толико я пострадал и толикого богатства и чести отрекся во отчизне токмо сим непременно, чтоб послужити Тебе, великому монарху, и возвестити некие дела, полезны места сего и времени настоящего к потребе.

С Москвы мая 28 числа 1703 году.

Смирный слуга контес Иоанн Бочес

Τῆς σοῦς μεγαλότητος δούλος ταπεινὸς Κώντεις Ἰωάννης Θεοδοσίου
Μπότσης

РГАДА. Ф. 41 (Сношения с Венецией). 1703. Оп. 1. Д. 3.

Подлинник

²¹ Брацлав – поселок городского типа в современном Немировском районе Винницкой области Украины.

²² Ладзыжин – город в Винницкой области Украины. Расстояние между Брацлавом и Ладзыжиным – примерно 30 км.

Приложение 2

1703 г., августа 5

**Указ Петра I о выдаче И. Боцису жалованья
из Новгородского приказа**

(Л. 2 об.) // И 1703 г. августа 5 великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержец, пожаловал венецианина контия Ивана Бочеса: велел ему дать своего великого государя жалованье и на прокормление в приказ сто рублей взамен вместо Ратуши из Новгородского приказа от расходу. Прислано о том письмо ис похода из Петр Поля чрез почту за рукою боярина Федора Алексеевича Головина, и о даче тех денег от государственного Посольского приказа послать в Новгородской приказ указ.

Дияк Иван Волков

Дияк Михайло Родостамов

РГАДА. Ф. 41 (Сношения с Венецией). 1703. Оп. 1. Д. 3.

Отпуск

Библиографические ссылки

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота : в 4 ч. СПб. : Морская тип., 1831. Ч. 1. 1204 с.

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб. : Тип. В. Демакова, 1875. 652 с

Елагин С. И. Материалы для истории русского флота. Балтийский флот 1702–1725 : в 4 т. СПб. : Тип. Морского м-ва, 1866. Т. 3. 749 с.

Корпи М. Капитан «Малина». Венецианец из Адриатики в Балтийском море // Клио. 2014. № 4 (88). С. 97–104.

ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. СПб. : Гос. тип., 1887–2003.

Правила издания исторических документов в СССР. М. : Гл. арх. упр-е при Совете министров СССР, 1990. 186 с.

Толстой П. А. Описание Черного моря, Эгейского Архипелага и Османского флота / сост. И. В. Зайцева, С. Ф. Орешкова. М. : Наталис, 2006. 304 с.

Ястребов А. О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М. : ИД «Познание», 2018. 398 с.

Pedani M. P. Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna // Mediterraneo in armi [secc. XV–XVII] / a cura di R. Cancila. Palermo : Quaderni-Mediterranea, 2007. P. 175–205.

Signori U. Proteggere i privilegi dello straniero. I consoli veneziani nell'Impero ottomano tra Sei e Settecento. Tesi di Dottorato in storia, cultura e teorie della società e delle istituzioni. Milano : Università degli studi di Milano, 2017. 448 p.

Οικονόμου Μ. Το Προξενείο του Αρχιπελάγους στο βενετοκρατούμενο Ναύπλιο // Παρουσία. 1991. № 7. S. 433–481.

Στάθη Π. Χρύσανθος Νοταράς, Πατριάρχης Ιεροσολύμων: Πρόδρομος του Νεοελληνικού Διαφωτισμού, Διδακτορική διατριβή, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (ΑΠΘ). Σχολή Φιλοσοφική. Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας και Λαογραφίας, 1995. 288 s.

References

- Berkh, V. N. (1831). *Zhizneopisaniya pervykh rossiiskikh admiralov, ili Opyt istorii rossiiskogo flota v 4 ch.* [Biographies of the First Russian Admirals, or Experience in the History of the Russian Fleet. 4 Parts]. St Petersburg, Morskaya tipografiya. Part 1. 1204 p.
- Elagin, S. I. (1866). *Materialy dlya istorii russkogo flota. Baltiiskii flot 1702–1725 v 4 t.* [Materials for the History of the Russian Fleet. Baltic Fleet 1702–1725. 4 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. Vol. 3. 749 p.
- Korti, M. (2014). Kapitan “Malina”. Venetsianets iz Adriatiki v Baltiiskom more [Captain Malina. A Venetian Man from the Adriatic and the Baltic Seas]. In *Klio*. No. 4 (88), pp. 97–104.
- Pedani, M. P. (2007). Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna. In Cancila, R. (Ed.). *Mediterraneo in armi [secc. XV-XVII]*. Palermo, Quaderni-Mediterranea, pp. 175–205.
- PiB – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1887–2003). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya.
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR* [Rules for Publishing Historical Documents in the USSR]. (1990). Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR. 186 p.
- Signori, U. (2017). *Proteggere i privilegi dello straniero. I consoli veneziani nell'Impero ottomano tra Sei e Settecento*. Tesi di Dottorato in storia, cultura e teorie della società e delle istituzioni. Milano, Università degli studi di Milano. 448 p.
- Tolstoi, P. A. (2006). *Opisanie Chernogo morya, Egeiskogo Arkhipelaga i Osmanskogo flota* [Description of the Black Sea, the Aegean Archipelago and the Ottoman Fleet] / comp. by I. V. Zaitseva, S. F. Oreshkova. Moscow, Natalis. 304 p.
- Veselago, F. F. (1875). *Ocherk russkoi morskoi istorii* [Essay on Russian Maritime History]. Part 1. St Petersburg, Tipografiya V. Demakova. 652 p.
- Yastrebov, A. O. (2018). *Russko-venetsianskie diplomaticheskie i tserkovnye svyazi v epokhu Petra Velikogo* [Russian-Venetian Diplomatic and Church Relations in the Era of Peter the Great]. Moscow, Izdatel'skii dom “Poznanie”. 398 p.
- Οικονόμου, Μ. (1991). Το Προξενείο του Αρχιελάγου στο βενετοκρατούμενο Ναύπλιο. In *Παρουσία*. No. 7, s. 433–481.
- Στάθη, Π. (1995). *Χρυσανθος Νοταράς, Πατριάρχης Ιεροσολύμων: Πρόδρομος του Νεοελληνικού Διαφωτισμού*. Διδακτορική διατριβή, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (ΑΠΘ). Σχολή Φιλοσοφική. Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας και Λαογραφίας. 288 s.

The article was submitted on 18.02.2022

DOI 10.15826/qr.2023.3.831
УДК 94(470.11)"1710/1716" + 353.1 + 331.1 + 352.07 + 351.72:342 + 336.6(470.11)

Губернское финансирование в период первой областной реформы. Архангелогородский вариант*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version**

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Provincial institutions created by Peter I in 1710 were designed to ensure fiscal mobilisation, large-scale and maximum possible collection of material resources for the needs of warfare and the simultaneous reform of the armed forces. The first Russian governors had extensive administrative powers but, at the same time, they were under the strict financial control of the highest governing bodies: the Senate, its divisions, and the monarch himself. The governors were deprived of legal opportunities to spend at least some of the money collected through the provincial cash desks to ensure the functioning of their apparatus. It was not only about paying salaries to the ranks of provincial administrations, maintaining administrative buildings in working order, and purchasing consumables for office work. There was no money for more substantial expenditures: payment for the travel of numerous commissioners from the centre to the provinces, for the travel of their officials within the provinces, for the fees for the accommodation of these agents, for the expenses of their maintenance, for the payment of various kinds of state works, for the transportation of recruits and material supplies to the centre, i.e. everything that constituted the very essence of the functioning

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018.

** *Citation*: Redin, D. (2023). Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1010–1026. DOI 10.15826/qr.2023.3.831.

Цитирование: Redin D. Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1010–1026. DOI 10.15826/qr.2023.3.831 / Редин Д. Губернское финансирование в период первой областной реформы. Архангелогородский вариант // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1010–1026. DOI 10.15826/qr.2023.3.831.

of local authorities. In this paradoxical situation, the main support could only be obtained from the zemstvo self-government bodies. The long-known practice of state bodies of local power being maintained by the population of the uyezd was replenished in the Petrine era with new elements. Lay fees covered the expenses of crown agents sent from the centre to the region and helped pay for some government work within the province. However, the peculiarities of the legislation of the era put the governors and their employees, who shifted the financial burden on the zemstvo, into a risky position. They could be accused of bribery and “unspecified fees” that undermined the solvency of the taxed population. Never previously published documents on Arkhangelsk province discovered by the author of the article reveal the complete picture of the financial support of the township communities of the Dvina uyezd for the activities of the provincial administration in 1711–1713 and the complex vicissitudes of relations between the central and local crown authorities and secular organisations. The documents were archived during the investigation of the case of the Arkhangelsk vice-governor A. A. Kurbatov and reflect one of the investigative episodes of 1716.

Keywords: Russia in the epoch of Peter the Great, province, burgomaster, lay self-government bodies, finances, expenditures, “the Archangelsk case”, A. A. Kurbatov, G. I. Koshelev, M. I. Volkonsky

Губернские учреждения, созданные Петром I в 1710 г., были предназначены для обеспечения фискальной мобилизации, масштабного и максимально возможного сбора материальных средств для нужд ведения войны и одновременного реформирования вооруженных сил. Первые российские губернаторы обладали очень широкими административными полномочиями, но при этом оказались под жестким финансовым контролем высших органов управления – Сената, его подразделений и самого монарха. Губернаторы были лишены легальных возможностей тратить хоть какую-то часть проходивших через губернские кассы собранных денег для обеспечения функционирования собственного аппарата. Речь шла не только о выплате жалованья чинам губернских администраций, поддержании в рабочем состоянии административных зданий и закупке расходных материалов для канцелярской работы. Денег не было на более существенные траты: оплату проезда многочисленных уполномоченных из центра в губернии, поездки собственных чиновников внутри губернии, плату за постой этих агентов, расходы на их содержание, на различного рода казенные работы, транспортировку рекрутов и материальных запасов в центр, то есть на все то, что составляло саму суть функционирования местных органов власти. В этой парадоксальной ситуации главную поддержку можно было получить только от земских органов самоуправления. Давно известная практика содержания государственных органов местной власти населением уезда пополнилась в Петровскую эпоху новыми элементами. За счет мирских сборов, например, оплачивались расходы коронных агентов, командированных из центра в область, некоторые казенные работы внутри губернии. Но особенности законодательства эпохи ставили губернаторов и их сотрудников, перекладывавших финансовое бремя на земство, в рискованное положение.

ние. Их могли обвинить во взяточничестве и «неуказных сборах», подрывавших платежеспособность тяглого населения. Впервые обнаруженные автором статьи документы по Архангелогородской губернии раскрывают полную картину финансовой поддержки посадских общин Двинского уезда деятельности губернской администрации в 1711–1713 гг. и сложные перипетии отношений между центральной и местной коронной властью и мирскими организациями. Документы отложились в ходе расследования дела архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова и отражают один из следственных эпизодов 1716 г.

Ключевые слова: Россия в эпоху Петра I, губерния, бурмистры, мирские органы самоуправления, финансы, расходы, «архангелогородское дело», А. А. Курбатов, Г. И. Кошелев, М. И. Волконский

I

Корректировка системы государственного управления в России, реально начавшая работать с 1710 г. и просуществовавшая до рубежа 1710–1720-х гг., – создание губерний (то, что в историографии именуется первой областной, или губернской реформы), учреждение Правительствующего сената и его структурных и подчиненных учреждений – по сути, имела одну стратегическую цель: наполнение государственного бюджета с целью покрытия военных расходов. Ключевую роль в обеспечении сбора денежных и натуральных окладных и неокладных доходов должны были сыграть губернские администрации при контролирующей роли Сената, прежде всего его канцелярии и сенатских учреждений вроде Кригс-комиссариата.

Получив широчайшие административные полномочия, новоиспеченные губернаторы оказались при этом в весьма непрестом положении. Их главной задачей стала фискальная деятельность. Весь корпус известных на сегодняшний день делопроизводственных документов свидетельствует, что именно бесперебойный сбор налогов и податей и постоянная отчетность по сопровождению денежных сумм и материальных припасов в полевые полки и в четыре «указных», или «определенных места» (четыре силовые ведомства: Военная, Адмиралтейская, Артиллерийская и Посольская канцелярии) являлись объектом самого пристального надзора и контроля со стороны центра. Уже в 1710 г. руководители губерний получили так называемые таблицы – плановые фискальные задания, в феврале 1711 г. количество денег, необходимых собрать с тяглого населения каждой губернии, было уточнено, и в том же году серией именных и сенатских указов марта – октября началась кампания по ревизии губернских расходов, взыскания недоимок, проверок первичной финансовой отчетности и т.п., превратившаяся в перманентный процесс, продлившийся до реорганизации всей системы управления в начале 1720-х гг. Губернаторы и старшие губернские чиновники оказались под жестким прессом центральных органов, безжалостно штрафовавших их

за хронические недоимки и запущенную отчетность. История с финансовыми трудностями, выпавшими на долю губернаторов и их администраций, слишком сложна, чтобы уделить ей внимание в рамках одной статьи. Если говорить коротко, то первые петровские губернии оказались непригодны для оптимального решения поставленных перед ними фискальных задач. Причины тому были разнообразны, их обзор и анализ представлен в одном из новейших изданий, посвященных петровским административным реформам [«Ментальное государство» Петра Великого и регионы]. В данной статье я остановлюсь на одной из них, плохо изложенной и осмысленной в историографии, но имевшей принципиальный характер для функционирования губернских администраций изучаемого периода.

Поставив перед губернскими администрациями задачу обеспечения военных расходов, Петр I «забыл», а скорее просто не озаботился вопросом о том, за счет каких средств будет функционировать сам фискальный губернский механизм. Иначе говоря, дав губернаторам обширные административные полномочия, монарх лишил их самостоятельности в финансовой сфере. У губернских властей, через которые проходили огромные денежные и натуральные ресурсы, не оказалось легальных инструментов использования части этих средств на обеспечение собственной деятельности. Нельзя сказать, что Петр вообще не понимал необходимости финансирования местных администраций. Рассчитывая первые губернские бюджеты в январе – феврале 1710 г., он имел в виду потребность местных нужд, но подошел к решению этого вопроса весьма своеобразно. Логику действий государя в этом процессе хорошо охарактеризовал П. Н. Милюков. Сведение потенциальных доходов с расходами в 1710 г. обнаружило дефицит в 500 тыс. руб. Чтобы решить проблему, Петр и его советники прибегли к нехитрому трюку: «сперва вычиталась из общего дохода цифра, необходимая для 4-х главных приказов (тех самых “указных мест”. – Д. Р.), а остаток уже оставлялся на местные расходы, на которые, таким образом, и должен был переместиться дефицит» [Милюков, с. 283].

При таком подходе губерниям не доставалось ничего. Из восьми первых петровских губерний только в двух доходы превышали наложенные на них расходы – в Московской и Казанской. Это прекрасно показали расчеты 1711 г., когда Ближняя канцелярия произвела калькуляцию сумм, необходимых на содержание полевых полков, расписанных по губерниям, и на нужды «определенных мест». Приход Казанской губернии оценивался в 447 794 руб., а Московской – в 954 749 руб. При этом на обе губернии легли не только военные расходы. Они стали донорами для остальных шести губерний, доходы которых не могли полностью покрыть расходы на содержание приписанных к ним полков и отчислений в пользу силовых ведомств. В результате бюджет Казанской губернии был сведен к нулю, а у Московской остался скромный конечный остаток в виде 17 927 руб. [ПСЗ-1, т. 4, № 2319, с. 624–625]. В связи с этим дореволюционные авторы совершенно справедли-

во говорили не о губернских бюджетах, а о губернских кассах, ибо все средства, собиравшиеся с губерний, лишь какое-то время хранились на местах, как в казначействах, перетекая в дальнейшем либо в распоряжение центральных органов, либо напрямую в полки полевой армии через губернских полковых комиссаров, также подотчетных центральному органу – Кригс-комиссариату.

Между тем, чтобы справляться с фискальными заданиями и выполнять массу других государственных поручений, местные власти должны были иметь какие-то финансовые ресурсы и право ими распоряжаться. Среди очевидных губернских расходов можно выделить несколько укрупненных групп. Во-первых, это содержание самого аппарата, руководящего и канцелярского штатов (выплата жалованья) и обеспечение их профессиональной деятельности (покупка мебели в присутственные места, поддержание в надлежащем состоянии административных помещений, приобретение дров, бумаги, свечей, чернил и перьев). Во-вторых, это оплата транспортных расходов – разъездов уполномоченных лиц с различными поручениями внутри и за пределами губерний. В-третьих, это компенсация расходов по проезду и проживанию разнообразных уполномоченных, присылаемых из центра. Наконец, это обеспечение деятельности не менее разнообразных комиссаров, приставленных в губернии «к делам» (например, по заготовке строевого и корабельного леса, строительству судов, заготовкам продуктовых припасов для армии, надзору за канальным строением, за возведением фортификационных объектов и мн. др.). И это не говоря о расходах на сопровождение рекрутов, государевой казны и прочих текущих обязанностях.

На все эти расходы у губернаторов не было легальных средств. До 1715 г. даже само жалованье чинам губернских администраций не было определено единым нормативом. Оклады (их размеры) самим губернаторам, судя по всему, устанавливал царь по своему усмотрению. Прямые сведения об этом имеются по отношению к казанскому губернатору П. М. Апраксину [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 63. Л. 114 об.], архангелогородскому вице-губернатору (а по факту губернатору) А. А. Курбатову [Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова, № 201, с. 420–423]¹, сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину [РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 806 об.], но нет оснований полагать, что они являли исключение и остальным губернаторам жалованье не назначалось монархом. Это жалованье могло быть как денежным, так и включать натуральную часть. Руководителям губерний денежная часть жалованья перечислялась центром из разных доходов. Единого учреждения, которое бы осуществляло выплаты губернаторам, не было; деньги поступали от тех канцелярий или приказов, где могли быть остаточные свободные суммы. В свою очередь, губернаторы на-

---

¹ Приношу искреннюю благодарность авторам-составителям книги, любезно разрешившим мне пользоваться опубликованными в ней материалами по оригинал-макету.

значали оклады своим подчиненным – как руководящему, так и канцелярскому штату. Откуда на это брались деньги? Жалованье гарнизонам (солдатским или служилым – там, где последние продолжали существовать) тоже обеспечивал центр, перечисляя денежные и натуральные средства из сумм, собранных в губерниях на содержание армии (как бы сейчас сказали, в виде субвенции). Но это не касалось приказных. Оклады жалованья, определяемые им по губернаторским распоряжениям, часто оказывались не подкрепленными материально². Канцеляристы могли годами не получать своих окладов, но это касалось и высших чинов губернского аппарата, и самих губернаторов. Последние получали свое жалованье крайне неаккуратно и с годовыми задержками, при этом полученное жалованье подвергалось различным изъятиям, обычно объясняемым нуждами военного времени (так называемые новоокладные сборы). Кроме того, сотрудников местных администраций, начиная с первых лиц, постоянно штрафовали за упущения по сбору налогов и несвоевременно представленную отчетность³. При этом штрафы взыскивались реально, в отличие от выплат жалованья [Редин, 2007, с. 497–499].

Тем не менее, для этой проблемы имелось решение, уходящее своими корнями в средневековую практику, – кормление, или «честные приносы», иными словами, содержание администраций за счет средств, собираемых с населения вне системы сборов налогов и платежей. Система воеводского кормления хорошо изучена на материалах XVII в. Наиболее подробно и масштабно она рассмотрена в монографии Г. П. Енина [Енин]. Для XVIII в. этот вид материального обеспечения местных администраций оставался также актуальным, тем более для первой четверти века, но документальных материалов по этому периоду выявлено несравненно меньше, чем по предшествующему столетию. Другие статьи расходов губернской администрации тоже так или иначе выпадали на долю земских (крестьянских и посадских) общин. Структуру этих расходов (как и источники мирских доходов) еще в начале прошлого века описал А. А. Кизеветтер [Кизеветтер], но подробности взаимоотношений власти и мирских органов самоуправления для Петровской эпохи историк раскрыл лишь в общих чертах. Тем любопытнее представляется воз-

---

² Похоже, губернаторы изыскивали возможность время от времени оставлять какие-то суммы на оплату приказных из тех или иных сборов, постоянно рискуя при этом быть обвиненными в допущении «неуказных», или «ненужных расходов».

³ Надо заметить, что еще именованным указом от 26 февраля 1714 г. выдача жалованья всем местным гражданским чиновникам от губернатора до подьячего могла осуществляться только после того, как с губернии будут высланы все табельные платежи и погашены недоимки. Разрешение на выдачу жалованья должен был давать Сенат. Но, как выяснилось в 1717 г. (на основе доноса обер-фискала А. Я. Нестерова от 3 апреля того же года), местные власти пренебрегали этим указом, что повлекло новую ревизию губернских расходов и попытки возвращения полученных окладных денег с чинов местной администрации за период с 1714 по 1717 г. Эту миссию возложили на губернских ландрихтеров [РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 793–794].

возможность проникнуть в детали губернского финансирования, которую предоставили следственные документы по так называемому «архангелогородскому делу».

II

«Архангелогородское дело» относится к серии резонансных уголовных дел петровского царствования вроде «подрядной аферы» кн. А. Д. Меншикова, Я. Н. Римского-Корсакова, сенаторов В. А. Апухтина и кн. Г. И. Волконского, дела первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, «почепского дела», также связанного с именем светлейшего князя Меншикова, и других, имевших ярко выраженную экономическую составляющую. Вкратце его история такова. В феврале 1713 г. архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов известил Петра I о крупномасштабных хищениях и торговых аферах братьев Соловьевых – Дмитрия Алексеевича, занимавшего пост обер-комиссара и ведавшего казенной экспортной торговлей через Архангелогородский порт, и Осипа Алексеевича, царского комиссара в Амстердаме, в задачи которого входила реализация российского импорта в Европе. В ответ на сигналы Курбатова царь создал специальную следственную комиссию во главе с л.-гв. майором кн. М. И. Волконским, ставшую, между прочим, первым в России специализированным вневедомственным органом досудебного следствия. Однако по ряду причин, среди которых немалую роль сыграло покровительство Меншикова криминальным братьям, Волконский развернул следствие против самого Курбатова и чиновников его администрации. Это привело к отставке архангелогородского вице-губернатора и обвинению его в крупных хищениях. Между тем и в следственных действиях кн. Волконского были выявлены злоупотребления и отклонения от предписанного ему направления расследования. В конце 1714 г. князь был отстранен от следствия, а дело, получившее наименование «о споре Курбатова с Соловьевым», перешло в 1716 г. в руки розыскной канцелярии л.-гв. капитана и армейского полковника Г. И. Кошелева и дьяка его канцелярии Ф. Д. Воронова. Одновременно в круг их компетенции попало и расследование действий предшественника кн. М. И. Волконского [подробно см.: Серов, с. 172–214; Серов, Федоров, с. 58–71, 115–125, 195–209].

Следственные дела – богатый материал для историков. Сложные по своему составу, они содержат информацию не только по собственно следственному процессу – его организации, составу следователей, документированию процессуальной деятельности и т.п., но и по людям и эпохе в целом. Свидетельские показания, показания подследственных, вспомогательные справочные материалы – все это раскрывает мир повседневности изучаемой эпохи с самых разных и порой неожиданных сторон.

Так произошло и в нашем случае, когда мне удалось обнаружить часть следственного делопроизводства канцелярии Г. И. Кошелева

в фонде Канцелярии конфискации РГАДА. Дело, в котором оказались сосредоточены документы кошелевской канцелярии, наряду с некоторыми другими долгое время числилось как ветхое (пораженное грибом) и не выдавалось исследователям. Но в начале 2020-х гг. его отреставрировали. По счастливой случайности я стал его первым читателем.

Документы, сосредоточенные в деле и относящиеся к осени 1716 г., отражают эпизод, связанный не столько с делом Курбатова – Соловьева, сколько с выяснением обстоятельств следственной деятельности розыскной канцелярии кн. М. И. Волконского («А особливо исследовать между Курбатова и Волконского в их ссорах...» [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 2]). Г. И. Кошелеву надо было принять у предшественника накопившийся материал, а заодно выяснить, насколько правомочно и процессуально корректно действовал Волконский. Внимание Кошелева на этом этапе сосредоточилось на инциденте с допросом кн. Волконским двух архангелогородских посадских бурмистров – Ивана Ушакова и Семена Дудина, занимавших эти выборные должности в 1711 и 1713 гг. соответственно. Майора прежде всего интересовали траты посадских общин на «честные приносы» в пользу А. А. Курбатова, которые он намеревался квалифицировать в качестве взяток. Оба бурмистра дважды вызывались для дачи показаний в Санкт-Петербург в 1715 и 1716 гг. [Там же. Л. 2 об. –3], первый раз кн. Волконским (хотя формально он уже находился в стадии передачи дел канцелярии Кошелева), а второй раз – в розыскную канцелярию л.-гв. подполковника кн. В. В. Долгорукова⁴. Мирские выборы всякий раз вынуждены были пребывать в столице по несколько месяцев, что являлось для них весьма затратным делом: «А для чего они ныне взяты и в прошлом году были привезены, о том они неизвестны. И, живучи в Санкт-Питербурхе многое время, испрожились, а впредь им пить и есть нечего», – писали Ушаков и Дудин полковнику Кошелеву, прося отпустить их домой [Там же. Л. 3]. Конечно, процитированная фраза представляет собой клишированную формулу.

---

⁴ Появление в архангелогородском деле розыскной канцелярии кн. В. В. Долгорукова – любопытный момент. Специально занимавшийся изучением судьбы А. А. Курбатова и хода следствия над ним Д. О. Серов писал, что после отстранения от следствия кн. М. И. Волконского спустя год с небольшим дело было передано канцелярии Г. И. Кошелева [Серов, с. 189; Серов, Федоров, с. 119]. Обнаруженные мной документы, тем не менее, косвенно, но очевидно свидетельствуют о том, что архангелогородское дело находилось с 1714 по 1716 г. в ведении канцелярии кн. В. В. Долгорукова: «По выписке, учиненной в канцелярии князя Долгорукого о принятии из гварнизона во оную (в канцелярию Г. И. Кошелева. – Д. Р.) дел Курбатова с Соловьевым для розыска в их ссорах», – так начинается архивное дело, заключающее в себе этот следственный эпизод. Канцелярия кн. В. В. Долгорукова занималась расследованием подрядной аферы и счетного дела кн. А. Д. Меншикова. Надо сказать, что Г. И. Кошелев и дьяк Ф. Д. Воронов являлись сотрудниками канцелярии Долгорукова. Вероятно, после отстранения от архангелогородского дела кн. М. И. Волконского дальнейшее ведение следствия Петр возложил на Долгорукова, а в 1716 г. в связи с тем, что Долгоруков был включен в свиту царя, отправившегося в европейское турне, все долгоруковские дела передали полковнику Кошелеву, получившему статус главы отдельной следственной канцелярии своего имени.

Не отрицая того, что проживание в столице действительно было крайне расходным, замечу, что бурмистры не могли не понимать, для чего они «взяты». Одной из причин их вызова стало составление сводной ведомости, или таблицы, как ее называли следователи, в которой были показаны посадские расходы за 1711–1713 гг. Материал группировался по рубрикам расходов (на какие конкретно нужды были израсходованы мирские деньги), погодно (за 1711, 1712 и 1713 гг.) и общим итогом по каждой рубрике и в целом за три года.

Естественно, такие сведения бурмистры не могли воспроизвести по памяти. Несомненно, в свою первую поездку в Санкт-Петербург в 1715 г. к майору кн. Волконскому они должны были привезти с собой земские расходные книги, на основании которых и была составлена табель. Разумеется, что составление такого сводного документа требовало определенного времени и не было быстрым⁵. Но по какой-то причине табель оказалась составлена с рядом описок и отступлений от предписанных процедур. В некоторых рубриках итоговая сумма за три года была просчитана неверно, но это можно отнести на счет откровенных описок, связанных с усталостью или невнимательностью переписчика (записи цифр велись на кириллице, и некоторые описки носят единообразный характер). В общем итоге не записан валовый расход за 1713 г. и, соответственно, нет общего валового показателя расходов за три года, что, впрочем, легко восстанавливается собственными подсчетами, что и сделали в канцелярии Кошелева. Уточняющие подсчеты, проведенные сотрудниками Кошелева, выявили, что в таблице показано лишних расходов на 843 руб. с небольшим, что опять-таки не выглядит чрезмерным на фоне общего уточненного расхода в 10 454 руб. [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 15].

В большей степени Г. И. Кошелева насторожили процессуальные упущения. Во-первых, на таблице отсутствовала дьяческая справка, которая должна была удостоверить соответствие данных таблицы сведениям первичной финансовой документации – земских расходных книг. Табель была заверена только скрепой самого кн. Волконского, который явно не проводил собственно «щёт», то есть сверку данных. Во-вторых, расходы за 1712 г. не были подтверждены устными показаниями того бурмистра, который в этом году находился при должности – его вообще не вызывали для дачи показаний [Там же. Л. 9 об.]. Как бы то ни было, эти сюжеты достойны отдельной статьи, тем более, что дело продолжается ответами кн. Волконского на эти и другие вопросы, предъявленные ему канцелярией Кошелева. Нас же в контексте сформулированной в заглавии статьи проблемы интересуют содержание самой таблицы (какими бы недостатками она ни страдала) и сопровождающие ее документы – дополнительные комментарии и показания архангелогородских бурмистров И. Ушакова и С. Дудина.

---

⁵ Вызов названных бурмистров в 1716 г. в канцелярию кн. В. В. Долгорукова, очевидно, был связан уже не с делом Курбатова – Соловьева, а с проверкой деятельности кн. М. И. Волконского.

III

Самыми примечательными в таблице можно считать рубрики расходов. Они весьма подробно указывают, на что именно шли мирские деньги. Статьи расходов сгруппированы в документе в укрупненные группы, которые следует перечислить. Итак, мирские расходы Архангелогородского посада предназначались на покрытие нужд по следующим направлениям.

Распределение мирских расходов Архангелогородского посада

Рубрика расходов	Общая сумма расхода за три года
Содержание вице-губернатора А. А. Курбатова, его сына, певчих, денщиков и дворовых людей	1 100 руб. 2 алтына 5,5 денег
Содержание комиссаров, дьяков и подьячих походной (личной) канцелярии вице-губернатора	900 руб. 17 алтынов 4 деньги
Содержание трех губернских ландрихтеров	127 руб. 21 алтын 5 денег
Содержание четырех дьяков и писаря губернской канцелярии	769 руб. 24 алтына 3 деньги
Содержание прочих чинов губернской канцелярии (харчевых припасов для трех комиссаров, провиантмейстера, подьячим без указания числа, оплата их и неких «приезжих людей» проживания по наемным дворам, привоз льда в погребца вице-губернатора, дьяков и подьячих губернской канцелярии, оплата работников, работавших на их дворах и заодно на дворе «светлейшего князя», то есть А. Д. Меншикова, и «на карбасах», покупка свечей для личных нужд приказных работников губернской канцелярии)	972 руб. 23 алтына 4,5 деньги
Содержание губернского провинциал-фискала, двух фискалов, оплата их проживания на наемных дворах, проездных расходов «для посылок фискалских дел», проездных расходов сторожей, урядников, солдат и пушкарей губернской канцелярии для «посылок в уезд», дорожных расходов офицеру, присланному «за ефимочною казною», и его людям и т.п.	422 руб. 19 алтын 3 деньги
Содержание архангелогородских архиереев ⁶ , холмогорского протопопа с братией, архимандрита Соловецкого монастыря с братией, старших офицеров архангелогородского гарнизона и князя Василия Голицына с сыном ⁷	422 руб. 27 алтын 1 деньга

⁶ Архиепископу Рафаилу, скончавшемуся в 1712 г., и сменившему его архиепископу Варнаве, заступившему на кафедру в 1713 г.

⁷ Возможно, речь идет о ссыльном князе Василии Васильевиче Голицыне (ум. в 1714 г.), отбывавшем ссылку в Кевроле на Пинеге. Кеврольский уезд граничил с Двинским, одним из наиболее населенных и богатых уездов губернии, а архангелогородские бурмистры действовали не только от имени посада, но и от лица всех посадов Двинского уезда, как можно понять из текста всеуездного земского приговора, о котором речь пойдет ниже. Возможно, выдача харчевых припасов знатным ссыльным в 1711 и 1712 гг. на общую сумму в 77 руб. 18 алтын 5 денег была жестом христианского милосердия, частью общего с кеврольцами кормления князя или замещением казенного содержания кеврольских узников.

Рубрика расходов	Общая сумма расхода за три года
Содержание лиц и оплата покупок, на непосвященный взгляд, не имеющих какой-то тематической связи (харчевые припасы капитану и двум поручикам, что можно считать кормлением младших офицеров гарнизона; оплата проезда доктора-иноземца до Вологды; харчевые припасы блочному мастеру, кондуктору, навигаторам и почему-то компанейщику, то есть частному предпринимателю, и оплата покупки сундуков и ящиков для губернской канцелярии)	27 руб. 15 алтын 1 деньга
Расходы на кречетный промысел ⁸	1188 руб. 19 алтын 2 деньга
Содержание всякого рода командированных из центра государственных уполномоченных, их сопровождающих и поверенных высокопоставленных сановников (Б. П. Шереметева, кн. А. Д. Меншикова, кн. П. А. Голицына)	305 руб. 20 алтын 1 деньга
Расходы на собственно земские нужды (содержание мирских помещений, оплата сотрудников земского самоуправления, ремонтные работы, приобретение канцелярских материалов и т.п.), среди которых самая экзотическая – содержание белого медведя	Около 4300 руб. (округленно, поскольку общий итог в таблице не подведен)

Сост. по: [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 3 об. –9 об.].

В приведенной таблице статьи расходов, на мой взгляд, имеют больший интерес, чем сами суммы затраченных денег. Номенклатура расходов явно показывает, что губернский аппарат просто не мог бы функционировать без постоянной и довольно мощной финансовой подпитки со стороны посадов Двинского уезда. Конечно, посадские миры не покрывали всех расходов полностью. Например, не выглядят чрезмерными «честные приносы», или кормление вице-губернатора с сыном с их разнообразной челядью. 1 100 рублей за три года (по годам: за 1711 г. – 804 руб. 21 алтын 2,5 деньга, за 1712 г. – 86 руб. 18 алтын 2,5 деньга, за 1713 г. – 222 руб. 6 алтын 4 деньга) недотягивают до поденного кормления и напоминают въездной корм с праздничными кормами в 1711 г. (а именно в этот год А. А. Курбатов стал руководить губернией, и только в этом году вместе с ним получили подношения его сын и певчие, в последующие годы им «приносов» не было) и праздничные корма в последующие годы. Более скромная сумма кормов Курбатову в 1712 г. может быть обусловлена тем, что он наконец получил положенное ему жалованье за 1711 и 1712 гг. (по 700 руб. в год) [Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова, № 201, с. 420–423]. Иными словами, эта табель показывает, что А. А. Курбатов кормами не злоупотреблял и уж точно их не вымогал. А ведь именно эти «приносы»

⁸ Ловля, содержание и транспортировка в Москву кречетов для государевой соколиной охоты, давняя мирская повинность поморских городов, сохранялась, как видно из таблицы, и в петровское царствование и стоила немалых расходов.

пытался квалифицировать как взятку первый следователь архангелогородского дела кн. М. И. Волконский.

Примечательнее то, что на содержании посадских общин оказался не только вице-губернатор, но весь административный аппарат губернии: губернская канцелярия, старшие губернские чины в лице трех ландрихтеров, губернские комиссары, местный фискалитет и даже офицерская верхушка местного гарнизона, не говоря уже о высшем духовенстве края – архиереях и настоятелях крупнейших монастырей с братией. Судя по табели, посад оказывал существенную финансовую поддержку по покрытию расходов, связанных с поездками и службами губернских уполномоченных в рамках губернии. Не вызывает удивления разве что компенсация таких же расходов, направленная на содержание различных агентов власти, присылаемых в губернию. Как доказал А. А. Кизеветтер, они, как и расходы, связанные с отправлением различных натуральных повинностей, в первую очередь на наем подвод, сопровождение рекрутов и рекрутские «подмоги», традиционно лежали на посадских общинах [Кизеветтер, с. 537]. Специфическим и весьма затратным расходом, судя по табели, оказывался кречетный промысел, суммарно превосходящий за указанные годы вице-губернаторский «корм».

Весьма важным представляется вопрос, насколько легитимными являлись все эти мирские расходы, на какой правовой основе они производились? В дореволюционной литературе на этот вопрос отчасти ответили. «Посадский мир был свободен в распоряжении собираемыми суммами», – писал на этот счет А. А. Кизеветтер относительно ситуации XVIII в.; сборы средств по мирской раскладке и их траты санкционировались мирскими сходами [Кизеветтер, с. 521, 569]. Относительно XVII в. ситуация с легитимацией общинных сборов и расходов складывалась схожим образом. М. М. Богословский, монографически исследовавший организацию общин Русского Севера, отметил, что высшим актом мирского самоуправления, придававшим законность всем решениям выборных лиц, являлись письменные приговоры уездного земского съезда с рукоприложениями всех посыльщиков, то есть уполномоченных делегатов посадских, сельских и волостных общин [Богословский, с. 229]⁹. Подобного рода акты безусловно признавались государственной властью, несмотря на то, что решения уездных земских съездов базировались на нормах обычного права, среди которых одной из важнейших являлась ссылка на «старину», исконность как самого механизма принятия решений, так и обоснованность конкретных сборов и расходов. И наши архангелогородские бурмистры отчетливо осознавали свое право, особо подчеркнув, что «оним живут из мирских сборов повсягодно, а не из ынтересов царского величества» [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1.

---

⁹ Стоит напомнить, что, в отличие от центральных районов России, «на Севере город и уезд, однородные по составу населения, представляли из себя единое целое в юридическом, административном и хозяйственном отношениях» [Богословский, с. 126].

Д. 70. Л. 15 об.] (то есть тратят собственные деньги, собранные сверх казенных податей). В Петровскую эпоху такое признание правомочности земских съездов в целом тоже не оспаривалось, но появление некоторых новых законодательных актов вносило неопределенность в отношения между агентами коронной власти и земскими мирами, особенно в такой чувствительной сфере, как финансы.

Дело в том, что в условиях военного времени и острого дефицита средств центральная власть, в первую очередь сам монарх, начали предпринимать меры, направленные на пресечение любых расходов, не связанных с финансированием военных нужд. Эти меры проявились в том числе в создании законодательства, призванного обеспечить блокирование так называемых «неуказных сборов» и связанных с ними «необычных», или «ненужных расходов». Пожалуй, первым указом такого рода стал сенатский от 13 апреля 1711 г., положивший начало бесконечной череде ревизий губернских расходов [ПСЗ-1, т. 4, № 2362].

Новый и более жесткий этап борьбы с утечкой казенных средств пришелся на период с 1713 г., когда Петр с помощью созданной им фискальской службы понял, что потери в налоговой сфере происходят благодаря различным должностным преступлениям финансового характера, в частности, через хищение государственных средств посредством коррупционных схем при заключении подрядов (государственных закупок), взяточничестве при отсрочке или освобождении от уплаты налогов и недоимок, вымогательстве взяток с населения, приводившем к подрыву его платежеспособности. Указы первой половины 1710-х гг. выработали понятие «повреждение государственных интересов», то есть действий, наносящих ущерб казне. Самый ранний из них, очень лаконичный (от 24 апреля 1713 г.), устанавливал санкцию в виде смертной казни и конфискации движимых и недвижимых имуществ для уличенных «повредителей интересов государственных» и их пособников [Там же, т. 5, № 2673]. Следующий, от 25 августа того же года, запрещал государственным служащим заключать договоры на поставку товаров и услуг от своего имени и через подставных лиц, вымогательство взяток за отсрочку уплаты налогов и платежей и *взимание «кормов»* [Там же, № 2707]. Наконец, наиболее значимый из указов такого рода (от 24 декабря 1714 г.) запрещал «никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслы» [Там же, № 2871].

Отнесение «кормов» и вообще всяких «с народа собираемых денег» к должностным преступлениям, их криминализация шли вразрез с традицией «честных приносов» и воеводского кормления, ранее так или иначе государством допускавшейся. Это противоречие, возникшее между вполне *легитимной традицией* и *новыми нормами позитивного права*, ярко проявилось в рассматриваемом нами эпизоде «архангелогородского дела» и масштабнее поставило губернские администрации в еще более затруднительное положение. Если раньше губернаторы могли переносить бремя содержания своего аппарата

и его функционирования на плечи земских миров¹⁰, то теперь подобная практика могла обернуться для них серьезными проблемами. Любые мирские сборы, даже санкционированные приговорами всеуездного земства, могли быть истолкованы властью как «неуказные сборы», ведущие к повреждению государственного интереса. В этом отношении показательна судьба сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, завершившаяся несколькими годами позже описываемых событий в 1721 г. на виселице. Как и другие губернаторы, князь Матвей использовал мирские деньги на содержание губернского и уездного руководства, сам принимал «корм», но не только. Эпизоды не сохранившегося полностью следственного дела Гагарина (данные на 1715 г.) доказывают, что он, как и А. А. Курбатов, направлял средства, собранные с крестьян подгородных тобольских волостей, и на покрытие некоторых казенных потребностей, в частности, для провоза на мельницу казенного зерна, на выдачу жалованья и «харчевых припасов» служилым людям, командированным добывать соль на Ямыш-озере, на приобретение дров для отопления помещений губернской канцелярии. Причем, как показывали свидетели, все эти сборы происходили по гагаринским указам и шли в зачет общей уплаты податей с выдачей «зачетных росписей» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82–84]. Надо полагать, что эти расходы тоже были санкционированы земскими приговорами (хотя мы не располагаем ими), но это не помешало следствию включить данный эпизод в состав обвинения М. П. Гагарина во взяточничестве.

В рассматриваемом следственном эпизоде «архангелогородского дела» посадские бурмистры сумели предъявить следствию приговоры уездного земского съезда. Копия одного из них, выданного бурмистру Семену Дудину «с товарищи» в 1713 г., представлена в деле полностью. Уполномоченные посыльщики всех общин Двинского уезда давали Дудину всю полноту власти в финансовых делах. Правомочность действий уездного мира и его бурмистра вынуждены были признать и следователи:

И те вышеписанные росходы держали по мирским приговорам и по прежнему издревле обыкновению. Да и после того в прошлых же 714-м и 715-м и в нынешнем 716-м годах такие почестные подносы и земские росходы по мирским приговором были ж и ныне есть. Также и за ямские подводы по вся годы, за которые прогонов не платят, а имянно, кто всяких чинов люди посылаютца по указом из Архангелогороцкой канцелярии и из земской избы за делами бес прогонов, зачитаны ж [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 13 об.].

---

¹⁰ Речь, конечно, идет именно о тех платежах, которые признавались обыденными, исконными самими тяглецами, а не о взятках, вымученных с них путем насилия и угроз. Последние квалифицировались населением как «напрасные налоги», «нападки», «обиды», а в языке официальном просто именовались взяткой [подробнее см.: Редин, 2019, с. 139–202].

В результате у следствия не возникло никаких претензий к бурми-
страм в приносах денег и продуктов вице-губернатору. Но в обвинении
против А. А. Курбатова эпизод о получении «почетных подносов» все-
таки был квалифицирован как криминальный, хотя это заключение
сформулировал не Г. И. Кошелев, а л.-гв. майор М. А. Матюшкин, в чьи
руки в конечном итоге попало завершение расследования «архангело-
городского дела». Вкупе с другими пунктами обвинения результаты
расследования явно вели фигуранта по следам кн. Гагарина – к висели-
це, но, вероятно, к счастью, Алексей Александрович скончался летом
1721 г., не дождавшись приговора [Серов, с. 199–200].

* * *

Что нового дают нам проанализированные документы, всплыв-
шие из недр многолетнего расследования «архангелогородского
дела»? Прежде всего они не фрагментарно, а развернуто и целостно
показывают, за счет чего могли функционировать ранние петровские
губернии. Практически лишённые собственных бюджетов, но обре-
менные разнообразной деятельностью (прежде всего фискальной),
губернские управленческие структуры были бы неспособны хоть
сколько-нибудь удовлетворительно выполнять возложенные на них
обязательства без всесторонней материальной поддержки местного
самоуправления. Во-вторых, похоже, что земские миры в принципе
не считали свое финансовое участие в обеспечении местных корон-
ных администраций чем-то чрезвычайным, но относились к этому
как к давней и закономерной традиции (разумеется, если речь не шла
о насильственном вымогательстве средств со стороны коронных чи-
новников). Остается только поражаться хозяйственному потенциалу
российского тягла, несшего тяжелейшее бремя налогов и повинно-
стей, но при этом способного оказывать дополнительную существен-
ную помощь местным администрациям. В-третьих, государственная
власть, как и в XVII в. и ранее, продолжала считать решения мирских
организаций в данной сфере, оформленные письменно, и закреплен-
ные рукоприложениями приговоры легитимными. В-четвертых, госу-
дарственная политика петровского царствования, нацеленная на пре-
дельную концентрацию материальных ресурсов в центре, развернув
борьбу с непрофильными расходами и казнокрадством, создала пато-
вую ситуацию в финансовых отношениях местных коронных органов
власти и местным самоуправлением. Несовершенное и неустойчивое
антикоррупционное законодательство, призванное пресечь разного
рода «похищения государственного интереса», поставило губернато-
ров в крайне рискованную позицию: без традиционной материаль-
ной опоры на земство они не могли обеспечить функционирование
своего аппарата, но при этом постоянно рисковали головой или, как
минимум, собственными деньгами, поскольку в любой момент могли
были оказаться обвиненными во взятках и «неуказных сборах». При

этом примечательно, что новое законодательство действовало крайне избирательно, и не всем губернаторам, пользовавшимся одними и теми же методами, была уготована судьба А. А. Курбатова или кн. М. П. Гагарина.

Библиографические ссылки

Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере : в 2 т. М. : Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. 427 с.

Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб. : Изд-во РНБ, 2000. 352 с.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М. : Университет. тип., 1903. 810 с.

«Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 668 с.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / сост. и науч. ред. Д. О. Серов, А. О. Видничук, А. В. Жуковская, И. И. Федюкин. М. : Изд. дом Вышш. шк. экономики, 2023. 551 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 4, 5.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 284 с.

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 2640; Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Кн. 154; Ф. 340 (Канцелярия конфискации). Оп. 1. Д. 63.

Серов Д. О. Администрация Петра I. М. : ОГИ, 2007. 288 с.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2019. 432 с.

References

Bogoslovskii, M. M. (1909). *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v 2 t.* [Zemstvo Self-Government in the Russian North. 2 Vols.]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Vol. 1. Oblastnoe delenie Pomor'ya. Zemlevladenie i obshchestvennyi stroi. Organy samoupravleniya. 427 p.

Enin, G. P. (2000). *Voievodskoe kormlenie v Rossii v XVII veke (soderzhanie naseleniem uezda gosudarstvennogo organa vlasti)* [Voivodship Maintenance in Russia in the 17th Century (Maintenance of the State Authority by the Population of the Uyezd)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. 352 p.

Kizevetter, A. A. (1903). *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st.* [Posad Community in 18th-Century Russia]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 810 p.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2nd Ed. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 678 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4, 5.

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uezdy Sibirskoi gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative

Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms (Western Districts of Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 608 p.

Redin, D. A. (2019). *Etyudi po russkoi istorii Novogo vremeni (administrativnyi i sotsialnyi aspekty)* [Essays on Russian History in the Modern Times (Administrative and Social Aspects)]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 284 p.

Redin, D. A. (Ed.). (2022). *"Mental'noe gosudarstvo" Petra Velikogo i regiony v pervoi chetverti XVIII v.: materialy i issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya v Rossii* ["Mental State" of Peter the Great and Regions in the First Quarter of the 18th Century: Materials and Studies on the History of Local Government in Russia]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 668 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214 (Sibirskii prikaz). List 5. Dos. 2640; Stock 248 (Senat i ego uchrezhdeniya). Book 154; Stock 340 (Kantselyariya konfiskatsii). List 1. Dos. 63.

Serov, D. O. (2007). *Administratsiya Petra I* [Administration of Peter I]. Moscow, OGI. 288 p.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2019). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [Cases and Fate of the Investigators of Peter I]. 2nd Ed., add. Moscow, Yurist. 432 p.

Serov, D. O., Vidnichuk, A. O., Zhukovskaya, A. V., Fedyukin, I. I. (Eds.). (2023). *Pisma i bumagi pribyl'shchika Alekseya Kurbatova* [Letters and Papers of Profiteer Alexei Kurbatov]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 551 p.

The article was submitted on 01.03.2023

DOI 10.15826/qr.2023.3.832

УДК 94(47+57)"18" + 343.17(571.1) + 351.744(571.1) + 343.9.01(571.1)

**Судебные следователи Сибири:
«переходная» юстиция конца XIX века***

Евгений Крестьянников

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**Judicial Investigators of Siberia:
“Transitional” Justice of the Late 19th Century****

Evgenii Krestyannikov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

One of the means of improving Russian justice in the era of Alexander II was the introduction of judicial investigators. Belatedly, in 1885, they were introduced into the pre-reform Siberian justice system and until 1897, were intended to investigate crimes together with police officials, which was a kind of transitional step towards the subsequent improvement of the court. The use of micro-historic detailing, as well as legislative acts, reports, materials of personal origin, statistics, periodicals, and archival documentation make it possible to comprehensively examine the activities of specialist investigators in Siberia on the eve of the Judicial Statutes of 1864 applied to the region, thereby significantly supplementing the ideas about the patterns of transformations of justice in the late Russian Empire, conditions of functioning of state bodies on the Siberian outskirts and their critical condition. The reform of 1885 was inconsistent, and as a result, the investigative part did not have sufficient resources or the ability to fight crime effectively. The content and staff of judicial investigators turned out to be insignificant; many were young and had no professional experience. Also, they fell into a hostile bureaucratic environment,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23–18–00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», реализуемого на базе Тюменского государственного университета.

** Citation: Krestyannikov, E. (2023). Judicial Investigators of Siberia: “Transitional” Justice of the Late 19th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1027–1040. DOI 10.15826/qr.2023.3.832.

Цитирование: Krestyannikov E. Judicial Investigators of Siberia: “Transitional” Justice of the Late 19th Century // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1027–1040. DOI 10.15826/qr.2023.3.832 / Крестьянников Е. Судебные следователи Сибири: «переходная» юстиция конца XIX века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1027–1040. DOI 10.15826/qr.2023.3.832.

managed extensive areas and were guided by outdated rules of procedure, but at the same time, they demonstrated official superiority in investigations over different ranks of the police. The latter ones were quite often ignorant and did not try to perform their secondary investigative duties. The activities of police officials were characterised by slowness and lack of professionalism, which worsened the performance of the entire Siberian investigative apparatus. Audits revealed systemic disorders and caused its arsenal to be regarded as unsuitable for defeating crime, and in government circles, the idea of the need for a new judicial transformation in Siberia prevailed. Having become a part of archaic justice in 1885–1897, the institution of judicial investigators confirmed the impossibility of the continued existence of “transitional” justice and called for the need to apply Judicial Statutes in full.

Keywords: Russian Empire in the late 19th century, justice reform, judicial investigators, police, crime, Siberia

Одним из средств улучшения российского правосудия в эпоху Александра II стало введение института судебных следователей. С запозданием в 1885 г. они вживлялись в дореформенную сибирскую юстицию и до 1897 г. предназначались для расследования преступлений вместе с чиновниками полиции, что было своеобразным переходным к последующему совершенствованию суда шагом. Применение микроисторической детализации, а также использование законодательных актов, отчетов, материалов личного происхождения, статистики, периодической печати и архивной документации позволяют всесторонне рассмотреть деятельность следователей-специалистов в Сибири накануне распространения на край Судебных уставов 1864 г., тем самым существенно дополнить представления о закономерностях трансформаций правосудия в поздней Российской империи, об условиях функционирования государственных органов на сибирской окраине и их критических состояниях. В статье показано, что реформирование 1885 г. являлось непоследовательным, и следственная часть в результате не обладала достаточными ресурсами и способностью эффективно бороться с преступностью. Содержание и штат судебных следователей оказались незначительными, многие из них приезжали молодыми людьми без багажа профессионального опыта. Они попадали во враждебную бюрократическую среду, заведовали чрезмерно обширными участками и руководствовались устаревшими правилами судопроизводства, но при том демонстрировали служебное превосходство в расследованиях над чинами полиции. Последние отличались невежеством и не старались качественно выполнять второстепенные для себя следовательские обязанности. Волокита и непрофессионализм, в первую очередь относившиеся к деятельности полицейских чиновников, ухудшали показатели работы всего сибирского следственного аппарата. Ревизии вскрывали системные беспорядки и заставляли признавать его арсенал непригодным для победы над криминалом, а в правительственных кругах побеждала мысль о нужности нового судебного преобразования в Сибири. Став в 1885–1897 гг. частью арха-

ичной юстиции, институт судебных следователей подтвердил невозможность дальнейшего существования «переходного» правосудия и указал на необходимость применения Судебных уставов в полном объеме.

Ключевые слова: Российская империя в конце XIX в., реформа юстиции, судебные следователи, полиция, преступность, Сибирь

Преобразование правосудия на основе Судебных уставов 20 ноября 1864 г. сделало суд независимым. Это подразумевало, что прежние административные и правоохранительные органы не гарантировали россиянам безопасности от возможного государственного произвола и посягательств злоумышленников. Впредь уголовное судопроизводство благодаря самостоятельности судей, началам состязательности, устности и гласности процесса получило шанс соответствовать характеристикам, которыми сопровождал реформирование Александр II, заявлявший о «водворении в России суда скорого, правого, милостивого и равного для всех подданных» [ПСЗ-2, т. 39, № 41473].

Опередившим принятие этого кодекса и символичным с точки зрения перспективы оформления в стране судейской автономии являлось внедрение еще в дореформенную систему законом 8 июня 1860 г. института судебных следователей. Этот эксперимент был порожден стремлением одновременно отделить суд от администрации и отстранить от вмешательства в дела юстиции полицейских чиновников, обремененных расследованием правонарушений сверх своих прямых функций по управлению и обеспечению благочиния. Первоначально следователи-специалисты распространялись только на 44 губернии Европейской России, где в руках полиции пока сохранилось «исследование по преступлениям и проступкам маловажным» [Бразоль, с. 67–68; ПСЗ-2, т. 35, № 35890], но затем уже Судебные уставы вовсе изъяли предварительное разбирательство уголовных дел из обязанностей полицейских сотрудников.

Сибири ожидать подобных преобразований пришлось более 20 лет. Тем временем наравне с остальной дореформенной Россией досудебными следствиями там занимались полицейские служащие, для которых это направление деятельности являлось второстепенным. В подавляющем большинстве невежественные и безнравственные, они часто покровительствовали правонарушителям и сами имели преступные наклонности, а проводившиеся ими расследования отличались волокитой, запутанностью и пристрастием, лишавшими население всяких иллюзий относительно правосудия [Крестьянников, 2013, с. 84–88; Ledonne].

В 1883 г. Государственный совет принял на рассмотрение проект введения «временной и переходной» юстиции [РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 1–1 об., 46], который лег в основу закона 25 февраля 1885 г., действовавшего до распространения на Сибирь уставов Александра II в 1897 году [ПСЗ-3, т. 16, № 12932]. Изменение являлось незначитель-

ным, заслужив со стороны сибирских чиновников и нарождавшейся юридической интеллигенции прозвание «полумеры» и «полуреформы» [Адоньева, с. 97–134; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 5]. Хотя в уголовном процессе применялись начала состязательности и устности, они реализовывались очень непоследовательно. В частности, в судебных заседаниях по важным делам было обязательным прокурорское обвинение, но защитник подсудимому мог не назначаться, а если таковой имелся (нередко мелкий канцелярист того же суда), то ему предоставлялась возможность лишь произнести «объяснения» [ПСЗ-2, т. 5, № 2770]. Как бессмысленно это происходило на практике, описывал будущий премьер-министр антибольшевистских правительств периода Гражданской войны П. В. Вологодский, в 1887 г. начинавший карьеру сибирского судебного чиновника [Крестьянников, 2017, с. 113]. Прокурор всегда выступал с короткой стереотипной речью: «Господа судьи! Из данных следственного производства вы видели, что обвиняемый вполне изобличается в возводимом на него преступлении, а потому я поддерживаю обвинение». По установившемуся шаблону защитник только отвечал, что «ничего не имеет возразить», чем «прения» сторон обычно и заканчивались [Вологодский, с. 10].

При таком процессе огромную роль играли материалы досудебного следствия, ведь на их основании в ситуации ущербной состязательности в судебных заседаниях преимущественно и выносился приговор. И закон укреплял учреждением судебных следователей следственный аппарат, вполне определенно указывая на назначение «переходного» режима. Один из корреспондентов томской «Сибирской газеты», узнав в 1883 г. о задумках столичных чиновников, писал, что «правительство озабочено вопросом, как бы получше обставить уголовное возмездие» [Сибирская газета]. Однако правила 25 февраля не сумели создать условий для успешного выполнения этой миссии.

Реформа 1885 г. замышлялась максимально дешевой для казны, что в результате негативно сказалось на материальном обеспечении служащих и их штате. Министерство финансов наотрез отказалось довести размер жалования судейских чинов Сибири до уровня оплаты труда таких же чиновников в регионах, где действовали Судебные уставы [Крестьянников, 2018, с. 24–25], и в разряд уязвленных незначительностью денежного содержания сибирская пресса обычно включала местных судебных следователей [Сибирский вестник, 1885, 16 мая; Там же, 1892, 13 нояб.]. На территории от Урала до Тихого океана предусматривалось 40 должностей следователей-специалистов, то есть крайне мало. Еще в период подготовки преобразования названное число оценивалось Министерством юстиции как «самое ограниченное» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 48 об.], а руководители сибирских административных и судебных учреждений сразу после реформирования единодушно признавали количество судебных следователей «совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» [Там же. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 10]. Законы 19 апреля и 9 июня

1888 г. произвели кадровое усиление на шесть должностей [ПСЗ-3, т. 8, № 5155, 5309], и в составе 46 чиновников специализированный следственный институт Сибири действовал вплоть до 1892 г. (на тот момент в остальной России имелся 1641 следственный участок) [Сборник статистических сведений, с. 7, 9, 11, 13].

Перестройка следствия в 1885 г. обострила вопрос о его зависимости от протяженности края. Специфика расследования преступлений подразумевала постоянное перемещение в пространстве к местам совершения преступлений и проведение там следственных операций. Раньше это делали чиновники не из судебной системы и вряд ли склонные усердствовать в побочной для них деятельности. Судебным же следователям, специально занимавшимся следствиями и подчиненным общим задачам правосудия, сформулированным в 1864 г., пространственная близость к населению для ускорения и повышения качества работы была чрезвычайно важна.

Дефицит следовательского штата, однако, приводил к тому, что подведомственные территории оказывались слишком обширными. Так, участок судебного следователя В. Баралевского охватывал сразу Сахалин и Приморскую область, простиравшуюся на тысячи верст от Анадыря на севере до озера Ханка на юге, и он утверждал: будь в том громадном крае пять следователей-специалистов, им все равно не удалось бы справиться с должностными обязанностями [Баралевский, с. 69–70]. Но и в более населенных местностях просторы следственных участков были чересчур велики. К примеру, площадь бийского участка на юге Томской губернии составляла 164851 квадратную версту, а расстояния поездок до его границ достигали 800 верст. Летом 1892 г. ревизия судебных установлений Западной Сибири под руководством обер-прокурора Сената П. М. Бутовского признала условия данного участка исключавшими вероятность продуктивной работы. В восточном направлении следователь из Бийска ездил относительно комфортным «экипажным путем» не более 200 верст, затем передвигался верхом, а местами – на «волокуше» (соединенных перекладиной двух деревьев, к которым припрягалась лошадь). Но зачастую продолжительные и изнурительные служебные командировки заканчивались безрезультатно. Территория населялась инородцами-кочевниками, которых далеко не всегда удавалось застать на месте, постоянно по разным причинам не прибывали свидетели, встречались затруднения с наймом толковых переводчиков [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 31 об.].

Малочисленность следователей и географические обстоятельства не позволили избавиться от содействия полицейских органов, и это соседство представителей юстиции и полиции в следственном аппарате главным образом определяло специфику организации всей «переходной» системы правосудия в Сибири. Не удалось даже реализовать идею реформы 1885 г. о возложении на новых служащих расследования наиболее тяжких правонарушений и превращении их в «следова-

телей по особо важным делам» [Газенвинкель, с. 2]. Из-за скромного штата их камеры до 1892 г. располагались исключительно в городских центрах [Теллертов, с. 25], тогда как и в городах, и в сельской местности, то есть в целом намного ближе к очагам криминала, проживали полицейские чиновники. Потому на практике последние нередко рассматривали важные дела, тогда как следователи-специалисты вели незначительные. Например, в Тобольской губернии на 1 сентября 1887 г. 25 % от всего количества решаемых судебными следователями производств подлежало разбирательству в окружных судах (округ в Сибири того времени – аналог уезда), составлявших низшее звено системы правосудия, а чины полиции от всего количества дел, имевшихся у них на руках, проводили 17 % следствий, подсудных губернскому суду – второй судебной инстанции [ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 52. Л. 98].

В восточносибирских районах производства тоже перемешивались независимо от их серьезности. Знарок правосудия Забайкальской области П. Бадиков указывал:

По всем делам о преступлениях и проступках судебное следствие производят полицейские заседатели и судебные следователи, причем нет никакого разграничения между ними дел по важности преступлений. Поэтому, например, в одном и том же месте одновременно судебный следователь производит следствие по делу [о] нанесении оскорбления словом купцом его приказчику, а полицейский заседатель – по делу об убийстве с целью ограбления [Бадиков, с. 16].

Организация и функционирование сибирской следственной части по всем позициям продемонстрировали превосходство судебных следователей над полицейскими чиновниками, в результате указав на кризисные явления в сфере юстиции и поставив вопрос о необходимости окончательного отказа от архаичных институтов и правил «переходного» режима. Служба в полиции была доступна неискушенным знаниями и малопригодным к следственной деятельности лицам. Генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев в отчете за 1885–1886 гг. докладывал, что из 30 земских заседателей Иркутской и Енисейской губерний двое окончили курс военных училищ, трое – духовных семинарий, 11 – уездных училищ, а остальные 14 ничему и никогда не обучались [Высочайше учрежденная комиссия, с. 112–113]. По свидетельству П. Бадикова, к концу 1880-х гг. все имевшиеся в Забайкальской области 16 полицейских следователей «никакого образования не получили», «многие из них писали удивительно безграмотно» [Бадиков, с. 17]. На момент ревизии П. М. Бутовского в Тобольской губернии числилось 54 чиновника полиции, о которых ревизор писал, что они «ни по своему образованию, ни по своим нравственным качествам не представляли никаких гарантий успешного и добросовестного ведения возложенного на них дела». Среди проверяемых не обнаружилось ни одного с юридическим образова-

нием, только немногие являлись выпускниками гимназий или семинарий, а остальные обучились в прогимназиях, уездных училищах, землемерных училищах или обладали так называемым «домашним воспитанием» [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 13 об.].

Уровень подготовки судебных следователей был несоизмеримо выше. К концу 1887 г. в двух западносибирских Тобольской и Томской губерниях из 20 судебных следователей (ровно половина их сибирского состава) 15 окончили университеты или Демидовский юридический лицей, что являлось выдающимся для здешней юстиции показателем. Для сравнения: в коллегиальных окружных судах того же региона трудилось 52 окружных судьи и судебных заседателя, но только 17 чиновников обладали дипломами высших учебных заведений (в Барнаульском, Бийском, Березовском, Ишимском, Курганском, Туринском окружных судах такие вообще отсутствовали) [Список чинам, с. 35–39, 41–44]. К 1897 г. в Тобольской губернии, где после ревизии П. М. Бутовского последовало резкое увеличение числа следователей (по закону 1 ноября 1893 г. сразу на десять должностей [ПСЗ-3, т. 13, № 10006]), они представляли собой группу блестяще образованных служащих: 24 таких чина из 26 имели высшее образование [ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 16. Л. 7–8].

Правда, уровень подготовки судебных следователей в восточных районах Сибири, видимо, был не так хорош. П. Бадиков рассказывал, что в Забайкальской области только один из пятерых следователей имел высшее образование, но среди остальных он также указал на одного, который отличался малограмотностью и плохим знанием русского языка [Бадиков, с. 17]. Неравномерность в распределении по сибирской территории квалифицированных кадров объясняется, с одной стороны, разницей в местных условиях, делавших некоторые районы менее привлекательными для жизни и работы, с другой, невозможностью сразу и повсеместно наполнить новые учреждения высококлассными сотрудниками из-за нехватки таковых. В середине 1860-х гг. после преобразования следственного аппарата в Европейской России наблюдалась похожая картина, когда качество состава специалистов-следователей в разных ее частях было неодинаковым. К примеру, все судебные следователи Бессарабской области имели высшее или неоконченное высшее юридическое образование, в Ярославской губернии 19 из 20 следователей являлись дипломированными юристами, в Херсонской губернии – 17 из 20, а тогда же в Уфимской, Смоленской, Оренбургской и Архангельской губерниях доля юристов с дипломами высших учебных заведений на следовательских должностях варьировалась в диапазоне от 21 до 28 % [История следствия в России, с. 96–97].

Сибирь могла рассчитывать исключительно на приезжих юристов, но по своим условиям и материальным выгодам службы не притягивала опытных судебных деятелей. Среди следователей замечалось много молодежи: на конец 1887 г. из 20 западносибирских следователей как минимум 12 были выпускниками не более чем двухгодичной давности.

сти, причем шестеро оказались на своих постах сразу с университетской скамьи [Список чинам, с. 38–39, 43–44]. Через пять лет ревизия П. М. Бутовского, внимательно обследовав деятельность чиновников в 14 следственных участках Тобольской и Томской губерний, выявила десять молодых людей со свежими дипломами о высшем образовании [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 21–24 об.].

Впрочем, для успешного выполнения следственных обязанностей было недостаточно квалификации, профессионализма и опыта, а требовались еще определенные нравственные и общечеловеческие качества; одна лишь принадлежность к разряду следователей-специалистов не являлась гарантией участливого, правильного и беспристрастного разрешения дел. В 1891 г. иркутские прокуратура и губернский суд признали не соответствующим должности некоего Серебренникова. Этому судебному следователю, в целом обладавшему необходимыми для выполнения обязанностей знаниями, в работе слишком препятствовали увлечение спиртными напитками и несносное поведение. Обыкновенно он допросы производил в пьяном виде, демонстрируя подследственным и свидетелям пренебрежение, или, как фиксировалось в материалах проверки, «громадное самомнение и заносчивость сангвиника» [ГАИО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3 об., 12, 15]. В Тобольской губернии сразу после окончания Варшавского университета судебным следователем в 1887–1890 гг. трудился С. Л. Вилькошевский, который был уволен за «крайнее нерадение и медленность», а также за действия, имевшие признаки преступления. Чиновник составлял подложные следственные акты и вел «большую игру в карты», выигрывая значительные суммы у находившихся у него под следствием лиц. Особенной аморальностью отличались его манипуляции по отношению к одному волостному писарю: крестьянин месяцами содержался под стражей без законного повода, пока молодой следователь развивал роман с его женой [ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 30–31].

Перечисленные случаи являлись исключением. Зато системный характер носили недостатки «переходного» режима, которые в первую очередь уязвляли начинающих юристов. Даже приобретенные ими в университетах знания на службе сибирским судебным следователем оказывались отчасти бесполезными. Дело в том, что в Сибири по-прежнему господствовало архаичное формальное следствие, основы которого, по свидетельству председателя Иркутского губернского суда А. А. Клопова, уже «не входили в круг преподавания юридических наук» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 89 об.]. Разумеется, старожилам в профессии, перебравшимся в край, также приходилось осваивать отжившие свой век правила. «Судебные следователи, получающие эти должности после службы в судебных учреждениях Европейской России, только по приезде в Сибирь узнают о существовании 2 части XV и 2 части X тома Свода законов», – констатировал товарищ председателя Тобольского губернского суда Н. П. Геллертов [Геллертов, с. 34].

Формальные расследования предполагалось проводить по каждому делу, соблюдая независимо от его особенностей алгоритм установленных законом следственных операций. Они были зачастую мелочными и ненужными, приводили к бумажной волоките, сильно замедляя работу следственного аппарата и являясь чуть ли не главным бичом сибирского правосудия. В 1894 г. тобольский губернатор Н. М. Богданович, заботясь прежде всего об излишнем обременении чиновников полиции, отзывался о состоянии «переходной» юстиции и такой практике следующим образом:

Старые коллегиальные окружные суды и формальное следствие по каждому незначительному делу настолько усложняют ход правосудия во вред его быстроте, что медленность и сложность эта зачастую граничит с отсутствием суда. Население обращается часто даже к волостному суду предпочтительно пред общими судебными местами, и такое положение, нежелательное в интересах тяжущихся, не менее тяжело отзывается на низших полицейских чинах администрации, все время коих уходит на производство формальных следствий по мелким уголовным делам в ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния [ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1. Л. 67 об.].

Вероятно, квалификации и благоразумия большинству судебных следователей хватало, чтобы, вынужденно используя несовершенные правила, в основном справляться с расследованиями. Помощники по ревизии П. М. Бутовского (прокурор Люблинского окружного суда Н. П. Ераков и товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда С. Г. Коваленский [ГАТО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 392. Л. 41]), на ранних стадиях своих карьер имевшие опыт следовательской работы [ГАИО. Ф. 245. Оп. 5. Д. 127. Л. 14 об. –15; Д. 180. Л. 14 об. –16], со знанием дела оценили положительно производства 11 из 14 проверенных западносибирских судебных следователей, а некоторых из них охарактеризовали как трудолюбивых, энергичных и толковых. Выказав нарекания в адрес служебной деятельности лишь троих работников и отметив за ними применение слабых мер пресечения, нерадивость и медлительность, ревизоры, однако, не обнаружили следствий, которые бы проводились совсем уж непрофессионально [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 21–24 об., 31–33].

Но дилетантизм постоянно демонстрировали полицейские чины. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин в отчете за 1889–1892 гг. отмечал, что большинство поступавших от них в судебные учреждения дел «заключало в себе весьма ненадежные материалы» [Высочайше учрежденная комиссия, с. 117]. Своими расследованиями служащие полиции буквально выставляли себя на посмешище. После ревизии П. М. Бутовский, развлекая публику столичных салонов байками о безобразиях в сибирской юстиции, кроме прочего, вызывал у слушателей веселое настроение рассказом про дело «о лае

собак на его превосходительство томского губернатора» [Три последних самодержца, с. 171]. Как-то на улице Томска маленький песик облаял начальника губернии, и последний не упустил случая сказать находившемуся подле помощнику пристава, что желательно принимать меры против бродячих собак. Воспылав служебным рвением, правоохранитель попытался поймать злокозненное животное, а затем, вернувшись в участок, составил протокол о происшествии и завел формальное следствие. Это производство, по которому не было ни пострадавшего, ни преступника, видимо, обнаружил и прекратил местный прокурор. В 1892 г. П. М. Бутовский, прознав о таком удивительном «уголовном» деле, попросил достать его из архива и ознакомился с ним, позже упомянув его в отчете как один из выдающихся образчиков безграничной глупости контингента полиции [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 26; Ла-н, с. 109–111].

Служащие дореформенных сибирских судов по уровню невежества и недобросовестности недалеко ушли от полицейских чинов. П. В. Вологодский на склоне лет припоминал: «Что касается советников губернского суда и заседателей окружных судов, то там были прямо-таки раритеты, чисто гоголевские типы» [ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 7]. Вероятно, судебные следователи края оказались в положении первых наборов российских следователей-специалистов 1860-х гг., когда те вошли инородным телом в организм архаичной юстиции. Согласно Б. Л. Бразолью, новое следственное учреждение тогда «врезывалось клином в отживавший, но все еще живой строй дореформенной юстиции, вызывая недоумение, а иногда недоверие у судей, стряпчих и заседателей старого типа». Судебных следователей окружало неблагодарное и в лучшем случае безразличное отношение, им рассылались «бездушные указы и придиричivé предписания», не всегда соответствовавшие законам, их деятельность встречала на каждом шагу противодействие, а при столкновениях с полицейскими чиновниками вышестоящие власти привычно становились на сторону последних [Бразоль, с. 68–71].

С враждебным отношением судебные следователи теперь сталкивались и в Сибири. П. Бадиков писал: «В Забайкалье лица судебного ведомства не в должном почете у полиции; при следствиях является антагонизм между заседателем и следователем и подставление ноги со стороны первого второму» [Бадиков, с. 24]. В свою очередь, погружавшиеся в окраинную среду приезжие специалисты не испытывали симпатий к дореформенной системе и ее чиновникам. Н. Ф. Борисовский, имевший опыт работы сибирским судебным следователем во второй половине 1880-х гг. и по местному обыкновению называвший служащего полиции «баринoм», вспоминал:

Население Сибири, особенно Восточной, разделялось на две касты: обираемую и грабящую. Первая – темный безграмотный деревенский мужик; вторая уже составляет класс «барский»: губернское начальство,

чиновники, исправники, заседатели (становой пристав, мировой посредник, следователь; словом, все, что, совмещалось в лице «барина» – заседателя), волостные старшины (головы), волостные писаря, купцы, «кладчики» – владельцы винных складов и кабаков, «акцизники» и даже почтмейстеры, – все это живо, дружно обогащалось за счет мужика. И все было «шито-крыто». Крепостное право в своем роде существовало на деле до наших дней [Борисовский, с. 538–539].

Очевидно, что в следственном аппарате произошло столкновение двух нетерпимых друг к другу миров, но пока один (судебных следователей) во время «переходной» юстиции растворялся в другом (полицейских чиновников), данное сочетание не приносило пользы в борьбе с криминалом. Окончательное понимание несостоятельности временной модели двуединой следственной части пришло по итогам серии проверок деятельности сибирского суда в 1892–1894 гг. начиная с ревизии П. М. Бутовского на западе территории, кончая ревизией сотрудника Министерства юстиции М. П. Домерщикова на востоке, в областях Приамурского края [Временные правила, с. I–II]. Особенно неудовлетворительно и с тенденцией ухудшения показателей функционировали следственные органы Тобольской губернии, где расследования проводились чрезвычайно некачественно и долго. В провинции летом 1892 г. волокита достигала невероятных размеров: если на конец 1886 г. фиксировалось 6465 неоконченных следствий [ГА в г. Тобольске. Ф. 377. Оп. 1. Д. 52. Л. 97], то сейчас их обнаружилось приблизительно 18 тыс., из которых на руках судебных следователей находилось примерно 1 400 (108 на одного следователя), чиновников полиции – 16 600 (307) [Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 8]. По статистике Европейской России, в 1892 г. каждый судебный следователь произвел в среднем 118 расследований [Тарновский, с. 3]; значит, чтобы решать в общероссийском темпе исключительно прошлые дела, не приступая к вновь возникшим, следователям-специалистам требовалось примерно 11 месяцев, полицейским чинам – более двух с половиной лет в режиме абсолютной, без исполнения остальных обязанностей занятости следовательской работой, что, разумеется, было невыносимо.

Положение представлялось катастрофическим и заслужило обсуждения в высших эшелонах власти. В Государственном совете признавалось, что «производство следствий велось в Тобольской губернии крайне медленно, нередко в течение многих лет», а «к расследованию самых тяжких преступлений часто приступали только тогда, когда следы преступления успели уже давно изгладиться, и изобличение виновных представлялось невозможным». Указывалось на «многочисленные упущения» по следственным делам, результатами чего назывались «отсутствие безопасности и спокойствия, безнаказанность преступников и постоянное возрастание числа преступлений» [Отчет, с. 418–419]. Заключение же П. М. Бутовского, лично знакомого с ситуацией, звучало как приговор: «Дальнейшее оставление след-

ственной части в тех условиях, в которых она находится в настоящее время, должно быть приравнено к отказу от правосудия» [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 19].

Введение в 1885 г. института судебных следователей не привело к существенному упорядочению следственного аппарата Сибири и мало помогло в борьбе с преступностью. Дореформенная система отторгала новые институты, что показал эксперимент с «переходным» режимом, указавший путь дальнейшего преобразования не только сибирского, но и всего российского суда. Впредь Министерство юстиции, внимательно изучив этот неудачный опыт, отказалось от практики комбинирования разных версий правосудия и выбрало в качестве приоритетного повсеместное распространение Судебных уставов Александра II в полном объеме.

Библиографические ссылки

Адоньева И. Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.

Бадиков П. Отправление правосудия в Забайкальской области // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 10. С. 1–27.

Баралевский В. Устройство судебной части на острове Сахалин // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1895. № 9. С. 68–74.

Борисовский Н. Ф. В дореформенной Сибири: (Из дневника местного старожила) // Ист. вестн. 1899. № 2. С. 538–563.

Бразоль Б. Л. Следственная часть // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. Пг.: Сенат. тип., 1914. Т. 2. С. 65–114.

Вологодский П. В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 1–13.

Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / сост. М. П. Домерщиков. СПб.: Изд. Юридич. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1897. II, IV, 82 с.

Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы: в 12 т. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1895. Т. 10. 122 с.

Газенвинкель К. Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. Тобольск: Тобольская губ. тип., 1889. 45 с.

ГАИО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 20; Ф. 245. Оп. 5. Д. 127, 180.

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299.

ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875; Ф. 158. Оп. 2. Д. 16, 31; Ф. 377. Оп. 1. Д. 21, 52; Ф. 479. Оп. 5. Д. 1.

ГАТО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 392.

Геллертов Н. П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 7. С. 25–34.

История следствия в России / под общ. ред. Д. О. Серова, А. В. Федорова. М.: Юрлитинформ, 2017. 280 с.

Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Рос. история. 2013. № 3. С. 84–99.

Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 416. С. 113–118. DOI 10.17223/15617793/416/17.

Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Рос. история. 2018. № 2. С. 22–34.

Ла-н М. А. Курьезы сибирской старины : (Из архивных дел и рассказов старожилов) // Сибирский наблюдатель. 1902. № 12. С. 98–111.

Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. : в 2 т. СПб. : Гос. тип., 1894. Т. 2. 905 с.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 35, 39. Собр. 3. Т. 5, 8, 13, 16.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а; Оп. 87. Д. 9921^с, 10393.

Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 7. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1893. 147 с.

Сибирская газета. 1883. 30 окт.

Сибирский вестник. 1885. 16 мая; 1892. 13 нояб.

Список чинам ведомства Министерства юстиции : в 4 ч. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1888. Ч. 4. 72 с.

Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1899. 408 с.

Три последних самодержца : Дневник А. В. Богданович. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. 504 с.

Ledonne J. P. Criminal Investigations before the Great Reforms // Russian History. 1974. Vol. 1, № 2. P. 101–118.

References

Adon'eva, I. G. (2010). *“Velikaya polureforma”: preobrazovaniya sudebnoi vlasti Zapadnoi Sibiri v otsenkakh mestnoi yuridicheskoi intelligentsii (konets XIX – nachalo XX v.)* [“The Great Semi-Reform”: Transformation of the Judicial Power of Western Siberia According to the Assessments of the Local Legal Intelligentsia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 224 p.

Badikov, P. (1890). *Отправление правосудия в Забайкальской области* [Administration of Justice in Trans-Baikal Region]. In *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. No. 10, pp. 1–27.

Baralevskii, V. (1895). *Устройство судебной части на острове Сахалин* [Arrangement of the Judicial Unit on Sakhalin Island]. In *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. No. 9, pp. 68–74.

Borisovskii, N. F. (1899). *В дореформенной Сибири. (Из дневника местного старожилы)* [In Pre-Reform Siberia. (From the Diary of a Local Old-Timer)]. In *Istoricheskii vestnik*. No. 2, pp. 538–563.

Brazol, B. L. (1914). *Следственная часть* [Investigative Part]. In *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let v 2 t.* Petrograd, Senatskaya tipografiya. Vol. 2, pp. 65–114.

Domershchikov, M. P. (Ed.). (1897). *Vremennye pravila o primenenii Sudebnykh ustavov v guberniyakh i oblastiakh Sibiri, s zakonodatel'nymi motivami i raz'yasneniyami* [Temporary Rules on the Application of the Judicial Charters in the Provinces and Regions of Siberia, with Legislative Motives and Clarifications]. St Petersburg, Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova. II, IV 82 p.

GA v Tobol'ske [State Archive of Tobolsk]. Stock 152. List 37. Dos. 875; Stock 158. List 2. Dos. 16, 31; Stock 377. List 1. Dos. 21, 52; Stock 479. List 5. Dos. 1.

GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 239. List 1. Dos. 20; Stock 245. List 5. Dos. 127, 180.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5881. List 2. Dos. 299.

GATO [State Archive of Tyumen Region]. Stock 40. List 2. Dos. 392.

Gazenvinkel', K. B. (1889). *Ob usloviyakh proizvodstva formal'nykh sledstviy po zakonu 25 fevralya 1885 g.* [On the Conditions for the Production of Formal Investigations under the Law as of February 25, 1885]. Tobolsk, Tobol'skaya gubernskaya tipografiya. 45 p.

Gellertov, N. P. (1893). Usilenie sledstvennoi chasti v Tobol'skoi gubernii [Strengthening the Investigative Unit in Tobolsk Province]. In *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. No. 7, pp. 25–34.

Krestyannikov, E. A. (2013). Politsiya i politseiskoe sledstvie v Zapadnoi Sibiri (1822–1897 gg.) [Police Investigation in Western Siberia, 1822–1897]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 84–99.

Krestyannikov, E. A. (2017). P. V. Vologodskii na puti k advokature: okruzhenie, interesy i deyatel'nost' yurista na nachal'nom etape professional'noi kar'ery [P. V. Vologodsky on the Way to Attorneyship: The Environment, Interests, and Activities of the Lawyer at the Initial Stage of His Professional Career]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 416, pp. 113–118. DOI 10.17223/15617793/416/17.

Krestyannikov, E. A. (2018). Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Judicial Reform in Siberia: Financial Aspects (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 22–34.

La-n, M. A. (1902). Kur'ezy sibirskoi stariny. (Iz arkhivnykh del i rasskazov starozhilov) [Curiosities of Siberian Antiquity. (From Archival Files and Stories of Old-Timers)]. In *Sibirskii nablyudatel'*. No. 12, pp. 98–111.

Ledonne, J. P. (1974). Criminal Investigations before the Great Reforms. In *Russian History*. Vol. 1. No. 2, pp. 101–118.

Ochet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1893–1894 gg. v 2 t. [Report on the Office of State Council for the Session of 1893–1894]. (1894). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 2. 905 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 35, 39. Collection 3. Vol. 5, 8, 13, 16.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 1405. List 69. Dos. 7107^d; List 87. Dos. 9921^e, 10393.

Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii [Collection of Statistical Information of the Ministry of Justice]. (1893). Iss. 7. St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. 147 p.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (Eds.). (2017). *Istoriya sledstviya v Rossii* [History of Investigation in Russia]. Moscow, Yurлитinform. 280 p.

Sibirskaya gazeta [*Sibirskaya Gazeta*]. (1883). October 30.

Sibirskii vestnik [*Sibirskii Vestnik*]. (1885). May 16. (1892). November 13.

Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii v 4 ch. [List of Ranks of Departments of the Ministry of Justice. 4 Parts]. (1888). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. Part 4. 72 p.

Tarnovskii, E. N. (1899). *Itogi russkoi ugovolnoi statistiki za 20 let (1874–1894 gg.)* [Results of Russian Criminal Statistics over 20 Years (1874–1894)]. St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. 408 p.

Tri poslednikh samodержtsa. Dnevnik A. V. Bogdanovich [The Last Three Autocrats. A. V. Bogdanovich's Diary]. (1924). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo L. D. Frenkel'. 504 p.

Vologodskii, P. V. (1892). Iz istorii voprosa o sudebnoi reforme v Sibiri [From the History of Judicial Reform in Siberia]. In *Russkoe bogatstvo*. No. 12, pp. 1–13.

Vysochaishe uchrezhdenneya komissiya dlya peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. Podgotovitel'nye materialy v 12 t. [Highly Established Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Side. Preparatory Materials. 12 Vols.]. (1895). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. Vol. 10. 122 p.

The article was submitted on 25.05.2023

DOI 10.15826/qr.2023.3.833

УДК 070.1:316.77 + 327(47+57)"1920/1930" + 81'42 + 159.9.072

**СССР как «великая держава»:
имперские нарративы и статус государства, 1920–1935***

Мария Иванова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

**The USSR as a “Great Power”:
Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935****

Maria Ivanova

HSE University,

Moscow, Russia

This article analyses the adaptation and re-semantisation of the “great power” concept in Soviet public discourse between 1920 and 1935. The actualisation of the “great power” concept in the public discourse of this period was associated with the need to comprehend the USSR in the system of international relations, the one of “great powers”. After the First World War and the revolutionary events of the early twentieth century, Russia was excluded from the European system of international relations, and the USSR had to fight for the recognition of the new state formation. Simultaneously, the new authorities had to defend their positions within the country. In addition, the new state was in a complex relationship with the legacy of the Russian Empire. Denying numerous imperial attitudes at the ideological level, the USSR had to deal with old institutions, including the diplomatic and authoritative language of Imperial Russia. At the same time, new goals required revision of inconvenient intellectual constructs. The author aims to establish how the “great power” concept was rethought

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Е. М. Болтуновой за ценные советы при подготовке статьи.

** Citation: Ivanova, M. (2023). The USSR as a “Great Power”: Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1041–1056. DOI 10.15826/qr.2023.3.833.

Цитирование: *Ivanova M.* The USSR as a “Great Power”: Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1041–1056. DOI 10.15826/qr.2023.3.833 / *Иванова М.* СССР как «великая держава»: имперские нарративы и статус государства, 1920–1935 // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1041–1056. DOI 10.15826/qr.2023.3.833.

and appropriated by the Bolsheviks and the Soviet authorities after the 1917 Revolution and the Civil War (1917–1922). The author identifies several main stages of rethinking the concept in public discourse and, based on an analysis of the press, proves that the “great power” concept was only partially re-semanticised. It acquired new semantic connotations (primarily ideological) while retaining a significant part of the previous pre-revolutionary attitudes. The author reveals that from the early 1920s, there were attempts to assign the “great power” status to Soviet Russia. During this period, the great-power narrative was re-actualised and stabilised. The main factor confirming the “great power” status is the country’s internal successes.

Keywords: international relations, Soviet foreign policy, USSR in the 1920s–1930s, conceptual history, great power

Статья посвящена анализу адаптации и ресемантизации понятия «великая держава» в советском публичном дискурсе в период с 1920 по 1935 г. Актуализация этого понятия в указанный период была прежде всего связана с необходимостью осмысления СССР в системе международных отношений, системе «великих держав». После Первой мировой войны и революционных событий начала XX в. Россия была исключена из европейской системы международных отношений, а СССР приходилось бороться за признание нового государственного образования. Параллельно новой власти пришлось отстаивать свои позиции внутри страны. Кроме того, новое государство находилось в сложных отношениях с наследием Российской империи. Отрицая многочисленные имперские установки на идеологическом уровне, СССР был вынужден иметь дело со старыми институциями, в том числе с дипломатическим и властным языком имперской России. При этом новые цели требовали пересмотра неудобных интеллектуальных конструктов. Цель статьи – установить, как понятие «великая держава» было переосмыслено и адаптировано большевиками и советской властью после революции 1917 г. и Гражданской войны (1917–1922). Автор выделяет несколько основных этапов переосмысления понятия в публичном дискурсе и на основе анализа периодической печати и публицистики доказывает, что понятие «великая держава» было ресемантизировано лишь частично; оно приобрело новые смысловые (прежде всего идеологические) коннотации, сохранив при этом значительную часть прежних дореволюционных установок. Выявлено, что уже с начала 1920-х гг. были попытки присвоения статуса «великой державы» в отношении Советской России. В течение исследуемого периода великодержавный нарратив вновь актуализировался и стабилизировался. Основным фактором, подтверждавшим статус «великой державы», стали внутренние успехи страны, а не внешнеполитические (как это было в имперский период).

Ключевые слова: международные отношения, советская внешняя политика, СССР в 1920–1930-е гг., история понятий, великая держава

Понятие «великая держава» существует как минимум с начала XVIII в. В публичном дискурсе Российской империи оно появилось во второй половине столетия, однако в полной мере вошло в употребление (как в дипломатический лексикон, так и в прессу) только в XIX в.¹ Оно вошло в русский язык в результате расширения русско-европейских контактов и изначально формулировалось несколько иначе (например, «знатнейшая», «знатная», «главнейшая», «первейшая», «первоклассная» держава), что было обусловлено его переводным характером. На протяжении «долгого» XIX в. понятие стабилизировалось, обрело устойчивые черты в рамках употребления, актуализировалось и неоднократно переосмыслилось. «Великая держава» стала маркером описания ряда сюжетов и использовалось как аналитическая единица, связанная как с внешне-, так и с внутривнутриполитическим статусом государства².

Задачей статьи является анализ использования понятия «великая держава» в другом контексте и в иной исторической ситуации. Речь идет о Советской России 1920-х – первой половины 1930-х гг.³ Отметим, что адаптация понятия в рамках реализации советских (в том числе идеологических) установок до настоящего момента не была предметом рассмотрения в современной научной литературе.

Источниковую базу данного исследования составляют документы публичного характера, то есть общедоступные – преимущественно пресса. В его основу легли выпуски газет «Правда» и «Известия», были последовательно проанализированы сохранившиеся номера изданий с 1917 по 1935 г. Хотя в заголовке указан период с 1920 г., важно отметить, что в период с октября 1917 до 1920 г. автором было выявлено 13 статей, где употреблялось исследуемое понятие, четыре случая из которых пришлось на конец 1917 г. Только с 1920 г. начинается видимое уплотнение и расширение семантического поля «великой державы», а самое главное – его употребление становится постоянным. Количество выявленных статей возрастает с 14 в 1920 г. до 45 в 1922 г. Всего за весь период с 1917 по конец 1935 г. было выявлено более 600 публикаций, в которых употреблялось понятие «великая держава». В качестве вспомогательных источников выступили издания журналов «Огонек», «Историк-марксист», стенографические отчеты, дипломатические документы.

В методологическом отношении значимыми являются наработки такого направления, как *Begriffsgeschichte*, которое определяет связь

---

¹ См., например, журналы «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Нива», газету «Санкт-Петербургские ведомости».

² Понятие «великая держава» активно используется в историографии, посвященной истории международных отношений [Никифоров; Kennedy; Scott; Анисимов; Быстрова]. Оно также играет определенную роль в осмыслении современной России как «великой державы» [Neumann; Adomeit; Rich].

³ Использование понятия «великая держава» отношении других стран является темой самостоятельного исследования и не будет отражено в рамках данной статьи.

понятия «великая держава» с современностью [Козеллек, с. 25–27; Koselleck]. Это означает, что выявление исторических коннотаций поможет в осмыслении его современных значений. Кроме того, важно отметить, что понятие здесь не рассматривается как замкнутая языковая единица, а анализируется как объект, отражающий тот или иной исторический контекст [Козеллек, с. 25–27]⁴.

К началу XX в. политическая жизнь Российской империи претерпела существенные изменения, число изданий оппозиционного толка (разной степени радикальности) увеличилось, все больше представителей общественных групп получали возможность транслировать свои идеи. Происходила активная поляризация общественного мнения. Это отразилось и на семантическом поле понятия «великая держава».

В первую очередь в левой прессе с начала XX в. понятие быстро обрело негативные коннотации и стало использоваться для критики и осуждения имперской политики (внутренней и внешней). Именно в рабочих газетах (прежде всего в «Правде») понятие и статус Российской империи как «великой державы» были подвергнуты наибольшей критике. Так, В. И. Ленин называл великими державами те страны, которые «имеют успех в великом грабеже» и ведут империалистическую политику [Ленин, 1958–1983, т. 26, с. 314–315; т. 30, с. 185]. Позже ленинское определение относительно характера «великих держав» было усвоено партийной номенклатурой (в том числе И. В. Сталиным [Сталин, 1946–1951, т. 9, с. 102; т. 14, с. 22]) и активно использовалось в подобной коннотации в довоенной советской прессе.

Примечательно описание съезда кадетов в Париже в июне 1920 г., которое было опубликовано в «Правде». Речь в нем шла о неспособности представителей русской эмиграции выработать единое мнение, так же как и принимающие их страны не смогли определиться с политикой в отношении Советской России:

...Среди этих рыцарей грабежа, которые предпочитают называть себя «рыцарями цивилизации», потеряно всяческое равновесие. Эта потеря равновесия, впрочем, извинительна. Ведь и сами «великие державы» не знают, что им предпринять: ложиться или вставать [Правда, 1920, 25 июня, с. 1].

Здесь разлад между этими державами объясняется их капиталистическим устройством, которое только разделяет стороны. Кроме того, такая критика была вызвана еще и тем, что действия этих стран были направлены против Советской России.

Через использование негативного значения понятия «великая держава» происходила попытка его ресемантизации. Вместо архаизации понятия оно продолжило существовать и развиваться. Большевики

---

⁴ В рамках выбранного методологического подхода приоритетной задачей является трансформация семантического поля понятия, а не частота его употребления.

не стремились от него отказаться, напротив, продолжили его активно использовать. Нередко формулировку «великая держава» можно встретить даже в заголовках газет [Известия, 1919, 3 июня, с. 1; 1920, 10 сент., с. 1].

Ввиду того, что понятие имело множество символических значений, которыми оно обростало в течение предыдущих столетий, оно не могло иметь ни четких определений, ни конкретных свойств, его коннотации могли быть разнообразными. Многообразие значений понятия позволяло менять их в угоду политическим интересам. Именно вариативность в его понимании позволила большевикам одновременно и отстраняться от «великих держав», и пытаться стать одной из них вместе со скорректированными коннотациями. Постепенно понятие «великая держава» продолжило употребляться, в том числе для обоснования и аргументации каких-либо действий государства – уже Советской России.

Так, минимум с середины 1920 г. в «Правде» уже писали о самой Советской России как о «великой державе», хоть и со ссылкой на английскую газету [Правда, 1920, 23 июля, с. 1]. В «Известиях» в июле 1921 г. писали о том, что Афганистан и Тибет желают заручиться «союзом с Советской Россией, этой единственной великой державой, не заинтересованной в эксплуатации чужих богатств» [Известия, 1921, 17 июля, с. 1]. В том же 1920 г. В. И. Ленин говорил о Советской России как об уже состоявшейся «великой державе». 21 ноября 1920 г. на Московской губернской конференции РКП(б) он заявил об успехе заключения мира с Финляндией, Эстонией и Латвией на фоне вражды с Польшей, имеющей «империалистические цели». Он говорил:

Кроме того, ее [Польшу] толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой и которая сейчас противопоставляется великой державе – России. Эту старую вековую борьбу Польша не может оставить и в настоящее время [Ленин, 1958–1983, т. 42, с. 18–19].

Но несмотря на то, что в начале 1920-х гг. можно зафиксировать использование статуса «великой державы» в отношении Советской России, это являлось скорее исключением, чем правилом, так как было нечастым явлением. Однако это отразило все нараставшую тенденцию в попытках применения этого понятия к себе и в его использовании для обоснования политических действий и интересов.

В новом государстве власть теперь представлялась властью народа, вместе с этим значения понятия «великая держава» иногда переносились с великодержавного государства на народ и рабочий класс [Известия, 1920, 10 сент., с. 1]. Ведь если «великая держава» как государственное образование была подвержена критике, то перенос значений на народные массы мог снимать с понятия негативные коннотации, присвоенные ранее. Как это, например, представлено в одном из номеров «Правды»:

Пролетариат, просивший 9 января у царя «свободы и счастья», стал через 15 лет после рокового дня самой сильной и великой державой в мире. О, конечно, его «не признают» великой державой друзья Николая Кровавого, расстрелявшего рабочих 9 января 1905 года и расстрелянного рабочими в 1918 году! [Правда, 1920, 22 янв., с. 1].

Помимо смены носителя великодержавия, важно отметить, что советская власть в этот период еще не была признана «друзьями Николая Кровавого», а именно реальными «великими державами». А статус «великой державы» всегда должен быть признан извне.

В сентябрьском выпуске «Известий» 1920 г. читаем:

С рабочим движением как с силой «новой великой державы» приходится считаться правительствам всех буржуазных капиталистических стран. Великодержавность этой новой силы, в сущности, не так уже нова [Известия, 1920, 10 сент., с. 1].

В «Огоньке» в статье про Лозаннскую конференцию (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) сообщалось, что представителя Советской России хотели выгнать, но он «твердой рукой “великой державы пролетариата”» пресек эти попытки и остался там [Огонек, 1923, № 8, с. 6]. Встречаются и другие, более редкие переносы, например: «Работницы – великая держава» [Одиннадцатый съезд, с. 480]; «великая держава – Комсомол!» [Правда, 1922, 9 нояб., с. 3].

Необходимо отметить и примеры частичного упрощения понятия, когда, например, вместо «шестой великой державы» появлялась формулировка «шестая держава» [Огонек, 1925, № 5, с. 10]. Но чаще всего «шестой державой» именовали печать [Ашукин, Ашукина, с. 609–610]. Идиома о печати как «великой державе» часто употреблялась в дореволюционный период [Нива, 1904, № 13, с. 259; 1909, № 25, с. 455–456; Русское богатство, с. 93; Крестьянская революция, с. 6; Липранди, с. 32] и сохранилась в советском нарративе. Иногда она публично использовалась как на съездах партии [Сталин, 1923, с. 203–204], так и в периодической печати.

Нельзя обойти стороной прилагательное «великодержавный», существовавшее в русском языке еще до появления понятия «великая держава». До Октябрьской революции его употребление в зависимости от политических взглядов могло быть использовано как нейтрально, так и негативно [Нива, 1893, № 10, с. 236–238; 1896, № 20, с. 457–494; 1914, № 21, с. 420; Вестник Европы, с. 210–247; Правда, 1912, 10 окт., с. 1; 12 окт., с. 1; 20 окт., с. 1; 1913, 23 февр., с. 2; Правда труда, с. 2; Рабочий, с. 8–9]. В советский период одним из крайне негативных клише, которое плотно вошло в публичный дискурс, было выражение «великодержавный шовинизм» (или «великорусский»). После X съезда РКП(б), который состоялся в марте 1921 г., был «выдвинут лозунг «борьбы с великодержавным русским шовинизмом», что должно

было исправить сложившееся в стране национальное неравенство. Кроме того, «великодержавный шовинизм» противопоставлялся интернационализму, к соблюдению принципов которого стремились большевики [Вдовин, с. 41–43]. В конце 1922 г. «Ленин возобновил критику великорусского шовинизма, начатую им еще в 1914 г.», но уточнения, которые он внес, стали «частью стереотипной большевистской риторики как объяснение различия между “наступательным” великодержавным национализмом и “оборонительным” местным национализмом, причем последний стали считать оправданной реакцией на первый», как считает Терри Мартин [Мартин, с. 18]. Помимо шовинизма, «великодержавными» могли быть нации, политика, капитализм [Ленин, 1944, с. 7]. Таким образом, до революции за прилагательным «великодержавный» и существительным «великодержавие» сохранялись преимущественно положительные коннотации, с приходом к власти большевиков их больше не осталось.

Как было отмечено ранее, важной особенностью этого периода является одновременное употребление понятия как в негативном или критическом плане, так и в качестве нейтральной описательной единицы. Часто негативное значение обозначалось через знаки препинания, а именно кавычки, когда понятие выделялось ими полностью или частично (только «великий») [Известия, 1920, 27 июня, с. 3; 1924, 2 февр., с. 1; Огонек, 1923, № 32, с. 17–18; № 8, с. 6]. Чаще всего дополнительная пунктуация выражала подчеркнутое осуждение, а проявление такого оформления зависело от позиции автора высказывания по тому или иному вопросу. Например, в одном из номеров «Известий», в котором было опубликовано интервью представителя Италии, поднимался вопрос о том, что уже пора

...разрешить вопрос о международном положении России и о мире между ней и великими державами. Я говорю о «великих» державах, ибо без стыда приходится установить, что маленькие нации и даже так называемые «отсталые» народности проявили гораздо больше политического смысла и не в пример другим меньше холодного эгоизма, чем державы, гордящиеся своим положением «великих» и «передовых» [Известия, 1921, 8 окт., с. 1].

Однако здесь не утверждается, что понятие, употреблявшееся без кавычек, всегда возникало только как нейтральная категория [Известия, 1921, 11 нояб., с. 1; 24 дек., с. 1; 28 дек., с. 1]. Кроме того, важно отметить, что если в прессе могла сохраняться вариативность в написании этого понятия, в международных документах оно всегда употреблялось без дополнительной пунктуации [Борьба большевиков, с. 141; Сборники документов, с. 51].

Помимо прочего, иногда в отношении «капиталистических» стран производилось семантическое изменение понятия – вместо «великих» держав могли звучать «крупнейшие», «главные», «могущественные»

[Известия, 1921, 11 нояб., с. 1; 1922. 1 янв., с. 1; Ленин, 1958–1983, т. 42, с. 2]. Подобные синтаксические замены встречались и ранее. В XIX в. для описания противника, равного по статусу, но находившегося по другую сторону баррикад, форма понятия также могла меняться (например, вместо великих – главные державы) [Высочайший манифест].

В целом на протяжении всего рассматриваемого периода понятие «великая держава» сохраняло множественность своих значений: его негативные коннотации соседствовали с нейтральными и положительными [Зиновьев, с. 189–190; Историк-марксист, 1926, № 2, с. 283–284; 1930, № 17, с. 21–26]. Анализ конкретного контекста использования понятия позволяет увидеть разворачивание процессов ресемантизации имперского концепта в новой социально-политической ситуации более предметно.

После Октябрьской революции и с началом Гражданской войны у большевиков появилась проблема с признанием их власти не только извне, но и внутри государства [Известия, 1917, 19 нояб., с. 2]. Более того, с началом военной интервенции в начале 1918 г. обе эти проблемы слились воедино. Так, интервенция была начата под предлогом помощи Белому движению, которое признавалось европейскими державами в обход большевиков. Интервенция почти полностью завершилась в 1920 г., и окончательно – только в 1925 г., когда был возвращен Северный Сахалин. 25 октября 1922 г. закончилась Гражданская война, а 30 декабря того же года на I Всесоюзном съезде Советов были приняты Декларация и Договор об образовании СССР. Большевики закрепили свою власть внутри государства, теперь необходимо было получить признание других стран, в первую очередь «великих держав».

В дореволюционный период контекст употребления понятия мог быть связан с экономическими, культурными и национальными вопросами, но одним из основных был военный, в рамках которого понятие звучало особенно активно. Однако Гражданская и советско-польская войны стали исключениями из этого правила. Более активно понятие начинает употребляться лишь к концу 1921 – началу 1922 г. Количество выявленных употреблений понятия с начала до октября 1922 г. больше, чем за предыдущие пять лет, вместе взятые. Понятие использовалось не только в прессе, но и в публицистике, во время партийных речей, в дипломатической переписке [Сталин и Каганович, с. 116] и международных документах. Например, часто это понятие встречается в документах Коминтерна [Коммунистический Интернационал, с. 342; Послевоенный капитализм, с. 47–51].

Во-первых, это связано с укреплением Советской России как государства: Гражданская война была почти выиграна, а конфликт с Польшей завершен. Во-вторых, одним из важных событий этого года стала Генуэзская конференция (10 апреля – 19 мая 1922 г.). Именно в контексте этого события наиболее часто употреблялось понятие «великая держава» в прессе. Появилось больше оптимистичных суждений о том, что страну, а значит, власть большевиков скоро признают ос-

новные участники международных отношений. Можно предположить, что частое использование понятия «великая держава» в этот период было связано в большей степени со внешнеполитическим контекстом.

В прессе регулярно затрагивали тему признания действующей власти еще до так называемой «полосы признания» (1924–1925 гг.) [Известия, 1921, 30 июня, с. 2]. Постоянно появлялись заметки (чаще всего со ссылками на зарубежную прессу), подчеркивающие, что на Советскую Россию уже обращают внимание, а не считают ее утратившей прежний высокий статус (рассматривая страну как правопреемницу Российской империи), и что скорое признание страны неизбежно [Известия, 1922, 1 янв., с. 1]. Джеффри Брукс писал, что «по мере того как революционные перспективы угасали, советские лидеры искали договоренности с существующими правительствами. Несмотря на свою ненависть к капитализму и либеральной демократии, они позволили прессе распространить темный прагматизм НЭПа на международные отношения»⁵ [Brooks, p. 34]. Он отмечает, что в прессе составлялись «благоприятные отчеты о внешней торговле» и «деловых» торговых дискуссиях с великими державами [Ibid., p. 35]. Пока не происходило признания де-юре, авторы заметок старались подчеркивать это признание де-факто если не через дипломатическую сферу, то хотя бы торговую.

Особенную уверенность в усилении великодержавной риторики дало признание СССР Великобританией, Италией и Францией. Однако в периодической печати не перестали активно указывать на этот статус СССР, ссылаясь на зарубежную прессу [Правда, 1930, 17 февр., с. 6; Известия, 1927, 27 окт., с. 1]. Потребность в подтверждении статуса извне была все еще остра [Правда, 1924, 4 нояб., с. 2], что также проявлялось и позже, например, в 1933 г. «Военный вестник» со ссылкой на французскую газету писал, что СССР является «великой азиатской державой» [Военный вестник, с. 6] и потому внимательно следит за событиями в Японии. Постепенно при обращении к СССР как к «великой державе» количество ссылок на внешнее признание снижается из-за увеличения аргументов, связанных с внутренней политикой страны [Огонек, 1923, № 32, с. 17–18; Историк-марксист, 1928, № 10, с. 117–118]. Особенно ярко проявилось это в середине 1930-х гг., на период которых пришлось итоги первых пятилеток индустриализации и коллективизации [Правда, 1929, 23 июля, с. 1; 1934, 29 окт., с. 2; 1935, 17 нояб., с. 2; Известия, 1935, 1 мая, с. 1].

Так как фактически СССР оказался правопреемником Российской империи, которая обладала статусом «великой державы», Советская Россия начала довольно быстро претендовать на этот статус. Возможно, опыт и прецедент империи сделали возможной столь активное выражение советской властью своих великодержавных намерений, а также обусловили относительно быстрое признание этого статуса участниками международных отношений.

⁵ Перевод мой. – М. И.

Отдельно необходимо выделить тему взаимодействия СССР с Лигой Наций. В 1924 г. еще встречается положительный тон в адрес организации, ведь на ассамблее этого года рассматривалось предложение СССР о разоружении (не было принято), хотя членом Лиги Наций Советская Россия тогда не являлась⁶. В «Известиях» по этому поводу писали следующее:

Таким образом Лига Наций, не дожидаясь мифического «общего признания» Советской Республики державами, не успевшими еще этого сделать, фактически признала Советскую Федерацию. А между тем в состав этой лиги входят и делами ее верховодят так называемые «великие» державы, до сих пор упорно уклоняющиеся от юридического признания того, что независимо от них и вопреки им существует уже шесть лет и начинает оказывать все больше влияние на международные дела. Этот курыз мы отмечаем между прочим [Известия, 1924, 2 февр., с. 1].

Однако международная обстановка не осталась столь же благоприятной после «полосы признания» СССР другими странами. На конференции в Локарно 1925 г. стало ясно, что партнер СССР Германия скоро может стать членом Лиги Наций. В связи с этим появлялась угроза международной изоляции СССР (что действительно случилось к 1927 г.). По этому поводу правительство СССР направило в Германию меморандум, предостерегающий от подобных действий. В документе содержалась информация о том, что Германию постигнет участь других стран, которые не могут вести самостоятельную от других «великих держав» политику (Англии и других участников Антанты) [Москва – Берлин, с. 350–355]. В конце 1925 г. на XIV съезде Всесоюзной коммунистической партии И. В. Сталин также заявлял о нежелании войти в состав Лиги Наций, хотя подобных предложений не поступало. Он говорил, что одной из задач партии в области внешней политики является ведение работы по предотвращению новых войн [XIV съезд, с. 26], так как, по мнению Сталина, Лига Наций являлась лишь прикрытием для подготовительных работ в войне против СССР [Там же].

Последующие пять лет до конца 1920-х гг. с точки зрения смыслового наполнения и контекстного употребления понятия «великая держава» практически не отличаются от семантического поля, установившегося к середине 1920-х гг. Новый виток реактуализации понятия начался на рубеже 1929–1930-х гг.

В 1930 г. министром иностранных дел СССР стал М. М. Литвинов, преемник Г. В. Чичерина. Принято думать, что с его приходом внешнеполитический курс изменился в сторону снятия изоляции СССР. Так, французская исследовательница Сабин Дюллен выдвигает тезис, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Советский союз еще воспринимал-

---

⁶ СССР был включен в организацию только 18 сентября 1934 г.

ся за границей не как великая держава, а как уязвимое, хрупкое государство. Добавим, что таково было и самовосприятие СССР» [Дюллен, с. 237], и выделяет ряд проблем, вызванных свойственным «для советской внешней политики дуализмом государственных и революционных интересов» [Там же]. Исследовательница считает, что внешнеполитические успехи 1933–1935 гг. «сопровождались – на уровне Советского государства – новым дискурсом “великой державы”» [Там же, с. 251–252]. Но автор данной статьи не может согласиться с тем, что дискурс был новым, скорее он был реактуализированным. Как было отмечено ранее, дискурс «великой державы» в отношении СССР появляется в первые несколько лет после революции. Но он с разной степенью успешности мог быть реализован ввиду различных внутренних и внешних проблем.

Подобное расхождение в трактовках в данной статье с выводами С. Дюллен связано не только с разной выборкой типов источников, на которых проводился анализ, но в первую очередь с тем, что исследовательница не анализировала понятийный аппарат, и в частности особенности употребления понятия «великая держава» (как СССР, так и другими участниками международных отношений). Она опиралась на историографическое понимание понятия (которое вариативно), но не на реальный дипломатический конструкт. В связи с этим и с вышеперечисленными пунктами тезис С. Дюллен о самовосприятии СССР не может быть подтвержден на материалах настоящей статьи.

Автор статьи считает, что к середине 1930-х гг. СССР ставил себя в ряд «великих держав» (не только в прессе) и стабильно причислял себя к их кругу. Здесь примечательно событие, произошедшее на ассамблее Лиги Наций по абиссинскому вопросу в 1935 г.⁷ Из переписки между Л. М. Кагановичем, В. М. Молотовым и И. В. Сталиным следует, что СССР определялся как одна из «великих держав», а срыв изначальных планов советской делегации и пути к решению возникших проблем на ассамблее расценивались с точки зрения престижа, а не практических нужд [Сталин и Каганович, с. 561–563].

Итак, на основе проведенного анализа публичного дискурса Советской России в период с 1920 по 1935 г. было установлено, что понятие «великая держава» не исчезло из публичного дискурса государства после революции 1917 г., а было адаптировано большевиками. При этом процесс апроприации включал в себя переосмысление последнего исходя из задач коммунистической идеологии. Важно отметить, что в это время к существовавшей имперской трактовке добавилась идеологически окрашенная альтернатива (негативное прочтение концепта, перенос последнего в сферу оценок социального (народа, рабочего класса)). Вместе с тем полноценной ресемантизации не произошло – добавились новые коннотации, а старые значения при этом не исчезли.

---

⁷ В сентябре 1935 г. на выборах вице-председателей в бюро изначально представитель Мексики получил на один голос больше, чем СССР. Это вызвало бурную реакцию, а советская делегация даже собиралась демонстративно покинуть ее: «Пусть ассамблея сама расхлебывает абиссинскую кашу!» [Сталин и Каганович, с. 562].

Можно выделить несколько основных этапов переосмысления и реактуализации понятия «великая держава» в публичном дискурсе в исследуемый период. Первым этапом активной адаптации понятия в Советской России стали 1920–1924 гг. Это было связано с тем, что большевики активно добивались признания своей власти другими странами, прежде всего признанными «великими державами». Вторым этапом пришелся на 1925–1930 гг. – период после «полосы признания» и частичной изоляции СССР. В этот период были продолжены основные тенденции, заложенные ранее, однако презентации СССР как «великой державы» в публичном дискурсе стали более стабильными. Следующий этап относится к началу 1930-х гг., когда подводились итоги первых пятилеток. К этому периоду СССР стал стабильно оцениваться как «великая держава» (внутри советского публичного дискурса).

Важно подчеркнуть, что в межвоенный период (вплоть до середины 1930-х гг.) статус СССР как «великой державы» в публичном дискурсе подкреплялся не только внешней политикой, но именно внутренними успехами. Внутренняя политика не случайно выходит вперед, ведь советская система находилась во враждебном состоянии с политическими и экономическими системами других «великих держав». Можно предположить, что именно поэтому намеренно подчеркивался внутренний фактор в вопросах великодержавия. Сотрудничество с враждебными государствами не могло быть признано основной причиной, сделавшей СССР «великой державой». Эти два фактора всегда связаны друг с другом, внутренняя сила укрепляет внешнюю. Однако в данный период достижения внутри страны оцениваются выше, чем ее внешнеполитическое влияние. В имперский период, напротив, ценились больше именно возможности внешнего влияния, то есть вес на международной политической арене. Частично к этому вернется и СССР, но уже после Второй мировой войны.

В целом самоопределение СССР с отсылкой к категории «великая держава» оказывается связано в публичном дискурсе не только с признанием за рубежом, но и с внутренними успехами. Равным образом в оценке других стран апелляция к внутриполитическим контекстам стало существенно больше (помимо традиционных оценок положения страны в мировой политике). Это отличает проанализированный период от дореволюционного, когда подтверждение и легитимация статуса «великой державы» осуществлялись сугубо через внешние успехи – победы в войне. Важно отметить, что к середине 1930-х гг. СССР советская власть еще не могла опираться сугубо на военный дискурс, как это делала Российская империя. Такие трактовки начинают медленно меняться с начала 1930-х гг. [Огонек, 1930, № 3, с. 15; Война и революция, с. 15].

Библиографические ссылки

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стеногр. отчет. М. : Госиздат, 1926. 1032 с.

Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М. : Т-во науч. изд. КМК, 2020. 457 с.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М. : Худож. лит., 1955. 665 с.

Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала : Материалы и документы 1914–1919 гг. М. : Парт. изд-во, 1934. 260 с.

Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 368 с.

Вдовин А. И. СССР. История великой державы. 1922–1991. М. : Проспект, 2018. 786 с.

Вестник Европы. 1871. Март.

Военный вестник. 1933. № 11.

Война и революция. 1930. Вып. 6.

Высочайший манифест о войне с Оттоманскою Портой от 20 октября 1853 г. // Хроника современных военных известий. СПб. : Тип. Гл. штаба Е. И. Величества по воен.-учеб. заведениям, 1855. С. 18–19.

Дюллен С. Логика великой державы и ловушки прошлого: сталинская внешняя политика эпохи первой пятилетки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф., Москва, 5–7 дек. 2008 г. М. : РОССПЭН, 2011. С. 236–255.

Зиновьев Г. Е. Сочинения : в 16 т. Ленинград : Госиздат, 1926. Т. 8. Война и кризис социализма. 691 с.

Известия. 1917. 19 нояб.; 1919. 3 июня; 1920. 27 июня; 10 сент.; 1921. 30 июня; 17 июля; 8 окт.; 11 нояб.; 24, 28 дек.; 1922. 1 янв.; 1924. 2 февр.

Историк-марксист. 1926. № 2; 1928. № 10; 1930. № 17.

Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий : избр. ст. : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.

Коммунистический Интернационал в документах : Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932. М. : Парт. изд-во, 1933. 1007 с.

Крестьянская революция на юге России: с письмами Л. Н. Толстого царю. Берлин : Изд. Иоанна Рэде, 1902. 66 с.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1944. 7 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1958–1983.

Липранди А. П. Еврейство и антисемитизм. Харьков : Тип. «Мирный труд», 1914. 276 с.

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.

Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М. : Наука, 2011. Т. 1. 1920–1926. 1031 с.

Нива. 1893. № 10; 1896. № 20; 1904. № 13; 1909. № 25; 1914. № 21.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М. : Госполитиздат, 1950. 282 с.

Огонек. 1923. № 8, 32; 1925. № 5; 1930. № 3.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Май – апрель 1922 г. : протоколы. М. : Партиздат, 1936. 840 с.

Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна : сб. док. и резолюций конгр. и исполкомов Коминтерна / общ. рук-во изд. В. Кнорина. М. : Парт. изд-во, 1932. 180 с.

Правда. 1912. 10, 12, 20 окт.; 1913. 23 февр.; 1920. 22 янв.; 25 июн.; 23 июл.; 1922. 9 нояб.; 1924. 4 нояб.; 1927. 27 окт.; 1929. 23, 24 июля; 1930. 17 февр.; 1934. 29 окт.; 1935. 1 мая; 17 нояб.

Правда труда. 1913. 27 сент.

- Рабочий. 1917. 9 сент.
- Русское богатство : лит., науч. и полит. журн. 1903. № 7.
- Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. 9. Советско-американские отношения, 1919–1933. М. : НКВД, 1934.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН. 2001. 798 с.
- Сталин И. В. Организационный отчет Центрального Комитета РКП(б) XII съезду РКП(б). 17 апреля 1923 г. // Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков) : стеногр. отчет. М. : Красная новь, 1923. 705 с.
- Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. М. : ОГИЗ : Гос. изд-во полит. лит., 1946–1951.
- Adomeit H. Russia as a 'Great Power' in World Affairs: Images and Reality // Intern. Affairs. 1995. Vol. 71, № 1. P. 35–68.
- Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton : Princeton Univ. Press, 2000. 344 p.
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987. 677 p.
- Koselleck R. A Response // The Meaning of Historical Terms and Concepts New Studies on Begriffsgeschichte / ed. by H. Lehmann and M. Richter. Washington DC : German Historical Inst., 1996. P. 59–70.
- Neumann I. Russia as a Great Power, 1815–2007 // J. of Intern. Relations and Development. 2008. № 11. P. 128–151.
- Rich P. B. Russia as a Great Power // Small Wars & Insurgencies. Vol. 20. 2009. № 2. P. 276–299.
- Scott H. M. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 308 p.

References

- Adomeit, H. (1995). Russia as a 'Great Power' in World Affairs: Images and Reality. In *Intern. Affairs*. Vol. 71. No. 1, pp. 35–68.
- Anisimov, M. Yu. (2020). *Rossiya v sisteme velikikh derzhav v tsarstvovanie Elizavety Petrovny (1741–1761 gg.)* [Russia in the Great Power System of During the Reign of Elizaveta Petrovna (1741–1761)]. Moscow, *Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK*. 457 p.
- Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1955). *Krylatye slova: literaturnye tsitaty, obraznye vyrazheniya* [Catchphrases: Literary Quotes, Figurative Expressions]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*. 665 p.
- Bor'ba bol'shevikov za sozdanie Kommunisticheskogo Internatsionala. Materialy i dokumenty 1914–1919 gg.* [The Struggle of the Bolsheviks for the Creation of the Communist International. Materials and Documents, 1914–1919]. (1934). Moscow, *Partiinnoe izdatel'stvo*. 260 p.
- Brooks, J. (2000). *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, Princeton Univ. Press. 344 p.
- Bystrova, N. E. (2016). "Russkii vopros" v 1917 – nachale 1920 g.: *Sovetskaya Rossiya i velikiye derzhavy*. ["Russian Question" in 1917 – Early 1920s: Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow, St Petersburg, *Tsentr gumanitarnykh initsiativ*. 368 p.
- Dullin, S. (2011). Logika velikoi derzhavy i lovushki proshlogo: stalinskaya vneshnyaya politika epokhi pervoi pyatiletki [Great Power Logic and Past Traps: Stalin's Foreign Policy of the First Five-Year Plan]. In *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g.* Moscow, ROSSPEN, pp. 236–255.
- Istoriik-marksist [Istoriik-Marksist]*. (1926). No. 2; (1928). No. 10; (1930). No. 17.
- Izvestiya [Izvestiya]*. (1917). 19 Nov.; (1919). 3 June; (1920). 27 June; 10 Sept.; (1921). 30 June; 17 July; 8 Oct.; 11 Nov.; 24, 28 Dec.; (1922). 1 Jan.; (1924). 2 Feb.
- Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N. Y., Random House. 677 p.

Khlevnyuk, O. V., Devis, R. U., Kosheleva, L. P., Ris, E. A., Rogovaya, L. A. (Eds.). (2001). *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow, ROSSPEN. 798 p.

Knorin, V. (Ed.). (1932). *Poslevoennyi kapitalizm v osvshchenii Komintern. Sbornik dokumentov i rezolyutsii kongressov i ispolkomov Komintern* [Postwar Capitalism in the Coverage of the Comintern. Collection of Documents and Resolutions of the Congresses and Executive Committees of the Comintern]. Moscow, Partiinoe izdatel'stvo. 180 p.

Kommunisticheskii Internatsional v dokumentakh. Resheniya, tezisy i vozzvaniya kongressov Komintern i plenumov IKKI, 1919–1932. [Communist International in Documents. Decisions, Theses, and Appeals of the Congresses of the Comintern and Plenums of the ECCL, 1919–1932]. (1933). Moscow, Partiinoe izdatel'stvo. 1007 p.

Koselleck, R. (1996). A Response. In Lehmann, H., Richter, M. (Eds.). *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte.* Washington DC, German Historical Inst., pp. 59–70.

Koselleck, R. (2014). Vvedenie [Introduction]. In Zaretskii, Yu., Levinson, K., Shirle, I. (Eds.). *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii. Izbrannye stat'i v 2 t.* / transl. by K. Levinson, ed. by Yu. Arnautova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1, pp. 23–44.

Krest'yanskaya revolyutsiya na yuge Rossii: s pis'mami L. N. Tolstogo tsaryu [Peasant Revolution in the South of Russia: With Letters from L. N. Tolstoy to the Tsar]. (1902). Berlin, Izdanie Ioanna Rede. 66 p.

Lenin, V. I. (1944). *O natsional'noi gordosti velikorossov* [On the National Pride of the Great Russians]. Moscow, OGIz, Gospolitizdat. 7 p.

Lenin, V. I. (1958–1983). *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works. 55 Vols.]. 5th Ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Liprandi, A. P. (1914). Evreistvo i antisemitizm [Jewishness and Anti-Semitism]. In *Mirnyi trud.* Kharkov, Tipografiya “Mirnyi trud”. 276 p.

Martin, T. (2011). *Imperiya polozhitel'noi deyatel'nosti. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939.* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN. 855 p.

Neumann, I. (2008). Russia as a Great Power, 1815–2007. In *J. of Intern. Relations and Development.* No. 11, pp. 128–151.

Nikiforov, L. A. (1950). *Russko-angliiskie otnosheniya pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow, Gospolitizdat. 282 p.

Niva [Niva]. (1893). No. 10; (1896). No. 20; (1904). No. 13; (1909). No. 25; (1914). No. 21.

Odinnadsatyi s'ezd RKP(b). Mai–aprel' 1922 g. Protokoly [Eleventh Congress of the RCP(b). May–April 1922. Minutes]. (1936). Moscow, Partizdat. 840 p.

Ogonek [Ogonek]. (1923). No. 8, 32; (1925). No. 5; (1930). No. 3.

Pravda [Pravda]. (1912). 10, 12, 20 Oct.; (1913). 23 Feb.; (1920). 22 Jan.; 25 June; 23 July; (1922). 9 Nov.; (1924). 4 Nov.; (1927). 27 Oct.; (1929). 23, 24 July; (1930). 17 Feb.; (1934). 29 Oct.; (1935). 1 May; 17 Nov.

Pravda truda [Pravda Truda]. (1913). 27 Sept.

Rabochii [Rabochii]. (1917). 9 Sept.

Rich, P. B. (2009). Russia as a Great Power. In *Small Wars & Insurgencies.* Vol. 20. No. 2, pp. 276–299.

Russkoe bogatstvo. Literaturnyi, nauchnyi i politicheskii zhurnal [Russkoe Bogatstvo. Literary, Scientific, and Political Journal]. (1903). No. 7.

Sborniki dokumentov po mezhdunarodnoi politike i mezhdunarodnomu pravu. Vyp. 9. Sovetsko-amerikanskii otnosheniya, 1919–1933. [Collections of Documents on International Politics and International Law. Iss. 9. Soviet-American Relations, 1919–1933]. (1934). Moscow, Narodnyi komissariat inostrannykh del.

Scott, H. M. (2007). *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 308 p.

Sevost'yanov, G. N. (Ed.). (2011). *Moskva – Berlin: politika i diplomatiya Kremlya, 1920–1941. Sbornik dokumentov v 3 t.* [Moscow – Berlin: Kremlin Politics and

Diplomacy, 1920–1941. Collection of Documents. 3 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 1. 1920–1926. 1031 p.

Stalin, I. V. (1923). Organizatsionnyi otchet Tsentral'nogo Komiteta RKP(b) XII s'ezdu RKP(b). 17 aprelya 1923 g. [Organisational Report of the Central Committee of the RCP(b) to the 12th Congress of the RCP(b). April 17, 1923]. In *Dvenadtsatyi s'ezd Rossiiskoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Stenograficheskii otchet*. Moscow, Krasnaya nov'. 705 p.

Stalin, I. V. (1946–1951). *Sochineniya v 13 t.* [Works. 13 Vols.]. Moscow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Vdovin, A. I. (2018). *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy. 1922–1991* [The USSR. The History of a Great Power. 1922–1991]. Moscow, Prospekt. 786 p.

Vestnik Evropy [*Vestnik Evropy*]. (1871). March.

Voennyi vestnik [*Voennyi Vestnik*]. (1933). No. 11.

Voina i revolyutsiya [*Voina i Revolyutsiya*]. (1930). No. 6.

Vysochaishii manifest o voine s Ottomanskoyu Portoi ot 20 oktyabrya 1853 g. [Imperial Manifesto on the War with the Ottoman Porte. October 20, 1853]. (1855). In *Khronika sovremennykh voennykh izvestii*. St Petersburg, Tipografiya Glavnogo shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam, pp. 18–19.

XIV s'ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). Dekabr' 1925 goda. Stenograficheskii otchet [XIV Congress of the All-Union Communist Party (b). December 1925. Verbatim Report]. (1926). Moscow, Gosizdat. 1032 p.

Zinov'ev, G. E. (1926). *Sochineniya v 16 t.* [Works. 16 Vols.]. Leningrad, Gosizdat. Vol. 8. Voina i krizis sotsializma. 691 p.

The article was submitted on 21.08.2021

**Завоевавшая мир: дипломатическое сопровождение
зарубежных премьер Седьмой симфонии
Д. Д. Шостаковича в 1942–1943 годах***

Юлия Кантор

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**The Symphony That Conquered the World: Diplomatic
Support of the Foreign Premiere of D. D. Shostakovich's
Symphony No. 7 in 1942–1943**

Julia Kantor

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article analyses the plots of international life concerning the premieres of D. D. Shostakovich's *Leningrad Symphony* outside the USSR, their preparation, and their effect on the political establishment, the humanitarian elite, and ordinary listeners in 1942–1943. The competition of outstanding conductors such as A. Toscanini, L. Stokowski, H. Wood, S. Koussevitzky, etc. for getting the right of the Western premiere, the correspondence with them of the composer himself, the formation of public opinion, and, finally, the episode associated with Shostakovich's failed trip to the US in 1942, make it possible to significantly complement the retrospective picture of the "journey" of Symphony No. 7 around Europe and the US. The documents the author refers to focus on the socio-political results of the process of presenting a work that "contributes to the support of the unyielding spirit underlying our common hopes for ultimate victory" and "expresses the power of Russia in a way that words can never do" to the West and the role of the People's Commissariat for Foreign Affairs in it, encouraging reflections on the role of Art in the world at war. They make it

---

* *Citation:* Kantor, J. (2023). The Symphony That Conquered the World: Diplomatic Support of the Foreign Premiere of D. D. Shostakovich's Symphony No. 7 in 1942–1943. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1057–1072. DOI 10.15826/qr.2023.3.834.

Цитирование: Kantor J. The Symphony That Conquered the World: Diplomatic Support of the Foreign Premiere of D. D. Shostakovich's Symphony No. 7 in 1942–1943 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1057–1072. DOI 10.15826/qr.2023.3.834 / Кантор Ю. Завоевавшая мир: дипломатическое сопровождение зарубежных премьер Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в 1942–1943 годах // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1057–1072. DOI 10.15826/qr.2023.3.834.

possible not only to trace the chronology of the diplomatic “accompaniment” of the premieres of the *Leningrad Symphony* in the West in 1942–1943, but also to see who “conducted” its truly victorious sounding not only in the allied countries but also in neutral states. This article uses documents from the Archive of Russian Foreign Policy concerning the performance of the *Leningrad Symphony* outside the USSR, which have never been introduced into scholarly circulation previously.

Keywords: D. Shostakovich, Symphony No. 7, Great Patriotic War, premiere, People’s Commissariat of Foreign Affairs, Great Britain, USA, Mexico, Sweden

Представлен анализ сюжетов международной жизни, касающихся премьер «Ленинградской симфонии» Д. Д. Шостаковича вне пределов СССР, их подготовки и эффекта, произведенного ими на политический истеблишмент, гуманитарную элиту и простых слушателей в 1942–1943 гг. Конкуренция выдающихся дирижеров – А. Тосканини, Л. Стоковского, Г. Вуда, С. Кусевичко и др. – за право западной премьеры, переписка с ними самого композитора, формирование общественного мнения и, наконец, эпизод, связанный с несостоявшейся поездкой Шостаковича в США в 1942 г., позволяют существенно дополнить ретроспективную картину «путешествия» Седьмой симфонии по Европе и США. Привлеченные документы акцентируют внимание на общественно-политических итогах эпопеи представления Западу произведения, которое «содействует поддержке непреклонного духа, на котором основаны наши общие надежды на конечную победу», и «выражает мощь России так, как этого никогда не сможет сделать слово», и на роли в ней Наркомата иностранных дел, побуждая к рефлексии о роли искусства в мире, охваченном войной. Они дают возможность проследить хронологию дипломатического «сопровождения» премьер Ленинградской симфонии на Западе в 1942–1943 гг., а также увидеть, кто «дирижировал» воистину победоносным ее звучанием не только в странах-союзниках, но и в нейтральных государствах. В статье использованы документы АВП РФ, касающиеся исполнения «Ленинградской симфонии» вне пределов СССР, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Д. Шостакович, Седьмая симфония, Великая Отечественная война, премьеры, Народный комиссариат иностранных дел, Великобритания, США, Мексика, Швеция

В 2022 г. исполнилось 80 лет событию, навсегда вошедшему в мировую историю, – ленинградской премьеры Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Исполнение этого произведения 9 августа 1942 г. в блокадном городе в Большом зале филармонии Симфоническим оркестром Ленинградского радиокомитета под управлением К. И. Элиасберга стало не только уникальным явлением в культуре, но и важнейшим социально-политическим событием периода Второй мировой войны. Оно было своего рода драматической кульминацией в «путе-

шествии» этого музыкального произведения и по СССР, и по столицам его стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. В честь этой памятной даты в Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича состоялся историко-музыкальный проект «Партитура памяти», автором и куратором стала автор данной статьи [Историко-музыкальный проект]. Одним из результатов проекта (включавшего мемориальный концерт в Большом зале филармонии 9 августа в день 80-летия ленинградской премьеры, выставку и научную конференцию), стало выявление большого количества ранее неизвестных документов из федеральных, региональных и ведомственных архивов, касающихся исполнений этого произведения в 1942–1943 гг. В настоящей статье использованы документы АВП РФ, касающиеся премьер «Ленинградской симфонии» вне пределов СССР, их подготовки и эффекта, произведенного ими на политический истеблишмент, гуманитарную элиту и простых слушателей. Все они впервые вводятся в научный оборот.

Очевидно, что симфония еще до исполнения вызывала активный интерес в странах-союзниках СССР и государствах, находящихся в их орбите. Разумеется, интерес это носил отнюдь не только сугубо культурологический характер: главную роль здесь играла политика. Документы АВП МИД РФ дают возможность проследить хронологию дипломатического «сопровождения» премьер Ленинградской симфонии на Западе в 1942–1943 гг., а также увидеть, кто «дирижировал» воистину победоносным ее звучанием не только в странах-союзниках, но и в нейтральных государствах.

Итак, за месяц до мировой премьеры, состоявшейся 5 марта 1942 г. в «запасной столице» – Куйбышеве в присутствии практически всего дипкорпуса, аккредитованного в СССР, и представителей зарубежной прессы, английские, американские и канадские СМИ публикуют статьи, свидетельствующие о нетерпеливом интересе к новому произведению:

Всемирно известный советский композитор Дмитрий Шостакович закончил 27 декабря свою последнюю большую работу – Седьмую симфонию... Седьмая симфония говорит о чувствах и фактах сегодняшнего дня. Она говорит о них со страстью. Она является патриотическим призывом к оружию с гневным духом обвинения, характерным для антифашистского труда [Седьмая симфония Шостаковича].

В те же дни Наркомат иностранных дел инициирует распоряжение Совета народных комиссаров Союза ССР:

В целях распространения советской музыки за границей... обязать Большой театр СССР (т. Леонтьева) совместно с Радиокomiteетом (т. Поликарповым) записать на пленку высокого качества оперу «Борис Годунов» (в оркестровке Шостаковича) и 7-ю симфонию Шостаковича...

Прием пленки, расходы по производству записи и заключение договора с корпорацией «Колумбия» возложить на Дипагентство при ВОКСе (т. Кеменова) [АВП РФ. Ф. 07. Оп. 7. П. 176. Д. 16. Л. 8].

К этому времени Шостакович вместе со своим другом композитором М. М. Черемухиным организовал в Куйбышеве музыкальные передачи для США и Великобритании, пользовавшиеся огромным успехом [Хентова, с. 45, 106]. Премьеры ждали как важнейшего политического события. Колоритным проявлением этого является, например, обращение временного поверенного в делах Великобритании в СССР Г. Л. Багалея от 4 марта 1942 г. к заместителю наркома иностранных дел С. А. Лозовскому по поводу радиотрансляции исполнения Седьмой симфонии:

Британское посольство. Куйбышев

Дорогой г-н Лозовский,

я получил сегодня телеграмму Министерства информации, в которой меня просят передать следующее сообщение т. Поликарпову – Радиоцентр, Москва, или его представителю в Куйбышеве г. Степанову:

«Не будете ли Вы настолько любезны сообщить нам дату, время и частоты первого исполнения в России Ленинградской симфонии Шостаковича с тем, чтобы мы могли ее прослушать и записать на пластинки. Британская радиовещательная корпорация заинтересована в исполнении этого произведения, и мы будем Вам очень благодарны, если Вы сможете прислать нам как можно скорее партитуру и оркестровки самолетом».

Я буду Вам весьма признателен, если... Вы известите меня возможно скорее о точной дате, времени и длине волн, на которых эта симфония будет первый раз транслироваться для зарубежных станций. Я уже сообщил, что первое исполнение состоится здесь завтра вечером [АВП РФ. Ф. 069. Оп. 31. П. 106. Д. 2. Л. 100].

Телеграмма была разослана В. М. Молотову, А. Я. Вышинскому и др. [Там же].

В тот же период официальный Лондон запрашивал возможность скорейшей передачи авиасообщением партитуры и оркестровки симфонии для исполнения ее в Великобритании [Там же]. Спецкор влиятельного британского издания *Times* сразу после премьеры написал:

...Это произведение огромной выразительности, в котором обычный стиль композитора приобретает более широкий диапазон. Новая симфония была принята с энтузиазмом. Надо надеяться, что она скоро будет исполняться в Англии, так как это произведение имеет очень большое значение [Times].

The New York Times, подробно освещавшей жизнь Куйбышева в период пребывания там иностранных миссий, премьера Седьмой симфонии была представлена как важнейшее событие, которое «отражает борьбу современной России против вторжения немцев», а само произведение названо в ней «шедевром» [*The New York Times*]. И в США, как и в Англии, вскоре после мировой премьеры крупнейшие музыкальные организации через советские дипмиссии направили во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) запросы о возможности получения партитуры симфонии [Литература и искусство].

Великобритания услышала Седьмую симфонию в исполнении оркестра под управлением Г. Вуда. Немалую роль в выборе дирижера сыграло его знакомство и с русскими музыкантами (так, например, в 1901 г. он дирижировал «Мефистофелем», заглавную роль в котором исполнял Ф. И. Шаляпин), и с русскими политиками – в 1903 г. на его лондонском променад-концерте побывал В. И. Ленин, что весьма импонировало советской стороне и было важным пропагандистским аргументом. Подчеркивалась и его семейная история – Вуд был женат на русской [Вуд]. Все это, помимо бесспорного авторитета в международной музыкальной среде, преподносилось как аргументы в пользу возможности максимально глубокого проникновения в музыку Ленинградской симфонии.

Молотову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому, Соболеву

В понедельник 22 июня в 8 часов вечера по лондонскому времени (21 час по московскому времени) лондонский радиоцентр будет транслировать Ленинградскую симфонию Шостаковича в исполнении оркестра лондонской филармонии под управлением дирижера Генри Вуд. В СССР трансляцию можно будет слушать на вполне 25 метров.

Сообщите автору, и всем заинтересованным лицам, и организациям.
22.06.42. Майский [АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 372. Д. 2529. Л. 194].

Радиотрансляция «Ленинградской симфонии» велась из Лондона на страны Европы, не оккупированные гитлеровской Германией и ее сателлитами. Первоначальное намерение британского истеблишмента организовать трансляцию в Америку было закономерно отвергнуто советской стороной по более чем прагматическим причинам, пролить свет на которые дает возможность дипломатическая переписка. 21 июня советский посол М. М. Литвинов сообщил: «Английская радиоккомпания намерена 22 июня транслировать в США из Лондона Седьмую симфонию Шостаковича. Если это верно, просьба принять меры к недопущению трансляции в США, потому что ВОКС предоставил право первого исполнения 7-й симфонии по радио в США оркестру NBC во главе с Тосканини» [Там же. П. 374. Л. 2541. Л. 172].

Беспокойство по этому поводу высказывал и легендарный А. Тосканини, которой должен был дирижировать американской премьерой [Там же. П. 368. Д. 2508. Л. 9]. Советский посол в Лондоне М. И. Майский ответно телеграфировал: «Я принял меры и... сообщил Литвинову, что симфония Шостаковича из Лондона в Америку транслироваться не будет» [Там же. П. 372. Д. 2529. Л. 197].

Вуд выбрал для премьеры лучший концертный зал Великобритании – огромный Альберт-Холл. Перед концертом композитор А. Буш выступил по радио с рассказом о симфонии, дав ее подробную характеристику. Десятитысячный зал был заполнен, причем среди слушателей было много военнослужащих морских и пехотных частей, расположенных в столице и в пригородах. Исполнение симфонии с трансляцией по радио прошло 22 июня 1942 г.: дата, разумеется, была выбрана не случайно – британский истеблишмент в годовщину нападения гитлеровской Германии на СССР отдавал дань уважения нашей стране. Затем концерты состоялись в Ливерпуле и Глазго [Хентова, с. 106].

Вуд писал:

Я рад, что в этом 48-м сезоне моих популярных концертов в Лондоне я имею возможность послать горячее приветствие вам в страну, с такой замечательной стойкостью защищающую дело свободы. 22 июня 1942 года я имел честь дирижировать «Ленинградской симфонией» вашего знаменитого Шостаковича, которую в этот день играли здесь в первый раз и передавали отсюда по радио на весь мир. Потом мы повторили этот концерт перед аудиторией в 60 000 человек, среди которых был ваш посол в Лондоне г-н Майский и его жена. Как публика, так и пресса с энтузиазмом встретили это произведение. Само собой разумеется, я чрезвычайно рад, что мне пришлось принять такое близкое участие в этом важном событии. Близкое сотрудничество с вами в разгар гигантской войны, в которой мы сражаемся бок о бок, дает мне как человеку и музыканту необычайное удовлетворение. Музыканты в СССР, так же как мы в Великобритании, работают для того, чтобы жила великая музыка, которая сейчас нужна нам больше, чем когда-либо. Она несомненно содействует поддержке непреклонного духа, на котором основаны наши общие надежды на конечную победу [Вуд].

В США премьера Седьмой симфонии состоялось 19 июля 1942 г. Первым в Америке ее исполнил дирижер итальянского происхождения А. Тосканини. Многие годы он работал в знаменитом миланском «Ла Скала», но после прихода к власти Муссолини уехал в Нью-Йорк, где стал руководителем Симфонического оркестра NBC. Еще в январе компания начала бороться за получение прав на первое исполнение симфонии в Западном полушарии. В соперничество с ним за право исполнить премьеру в США вступили блестящие американские дирижеры, каждый из которых в прошлом был связан с Россией и ее культурой, – Л. Стоковский, С. Кусевицкий и А. Родзинский. Допол-

нительно Тосканини направил в ВОКС своего сына для переговоров об исполнении. Он решил обратиться к автору и направил в Куйбышев телеграмму; аналогично поступило и руководство NBC. В результате Шостакович отдал предпочтение именно Тосканини в знак глубокого уважения к его таланту и антифашистским убеждениям. При этом композитор понимал, что выбирает для премьеры не самый сильный оркестр. Оркестр NBC на тот момент существовал всего пять лет, и его традиции еще не сформировались [Малинкин, с. 35].

Ажиотаж по поводу предстоящей премьеры в американском обществе был огромен: личность композитора, его творческое становление в послереволюционной России, сложности во взаимоотношениях с властями (травля, лейтмотивом которой стала разгромная статья в главной советской газете «Правда», где композитора обвинили в антинародности и формализме [Сумбур вместо музыки], активно обсуждалась в США), дружба с расстрелянным в 1937 г. маршалом М. Н. Тухачевским, работа над симфонией в блокадном Ленинграде также были в фокусе внимания американского общества. Для правительств Советского Союза и Соединенных Штатов музыка служила важным путем к диалогу, пониманию и уважению. Такие композиторы, как Чайковский, Римский, Корсаков, Мусоргский и Рахманинов, были хорошо известны и ценились в Соединенных Штатах. Если учесть то значение, которое и русские, и американцы придавали музыке, не покажется удивительным, что это обстоятельство служило бесценным средством установления взаимопонимания во время Второй мировой войны. Всплеск интереса американцев к выдающимся композиторам, таким как вернувшийся в Советскую Россию Прокофьев и оставшийся в ней даже несмотря на отчетливый дискомфорт в отношениях с властями Шостакович, в начале 1940-х говорит об некоторой эмпатии, укрепившейся с началом войны. Множество концертов, музыкальных обменов, записей и лекций, которые проводились в Соединенных Штатах до и во время войны, во многом способствовали преодолению десятилетий враждебного неведения и подозрительности, доминировавших в отношении к Советскому Союзу.

Симфоническая трансляция NBC велась в воскресный день с 16:15 до 18:00 по восточному времени. На премьере собралось полторы тысячи человек – музыканты, журналисты, дипломаты. Перед ее началом выступил председатель общества «Помощь России в войне» Э. Картер, произнесший проникновенную речь о стойкости соотечественников Шостаковича в борьбе против нацизма [Хентова, с. 111, 112]. Нью-Йоркский радиокomentатор Ф. Кингден заявил:

Гитлеровским генералам противостояли талантливые полководцы. Когда я думаю о них, мне невольно вспоминаются слова о музыке Шостаковича. Музыка Шостаковича хороша тем, что она не претендует на какую-то сверхоригинальность, а исходит из напевов самого русского народа [цит. по: Малинкин, с. 35].

После первого исполнения 7-й симфонии аудитория в студии NBC вскочила и выражала такой восторг, как будто услышала новость о разгроме нацистов [Moynahan, p. 342]. В прессе подчеркивалось, что «эта музыка выражает мощь России так, как этого никогда не сможет сделать слово... Шостакович говорит от имени не только России, но и всего человечества» [Лузанов, с. 77].

К моменту исполнения симфонии перед американской аудиторией Д. Д. Шостакович был известен в музыкальных кругах: до войны его произведения уже исполнялись в США. Обязательный рассказ о том, каким сложным путем партитура была доставлена в США, какое соперничество развернулось между ведущими дирижерами за право ее исполнения, вызывал интерес к симфонии как к некой ценности, новому объекту интеллектуальной собственности [Щеголихина, с. 137]. Благодаря выпуску журнала *Time* от 20 июля 1942 г., на обложке которого был изображен композитор, американцы смогли узнать Шостаковича как музыканта и гражданина. Журнал писал:

Прошлой зимой, слушая грохот немецких орудий, глядя, как гасят немецкие «зажигалки» на крыше Ленинградской консерватории, пожарный-доброволец Шостакович гневно сказал: здесь музы говорят одновременно с пушками. Седьмая симфония Шостаковича, созданная для огромного оркестра, хотя и не является очевидным батальным произведением, тем не менее представляет собой музыкальную интерпретацию рассказа о военной России. Строго говоря, это скорее даже не симфония, а симфоническая сюита. <...> Те, кто видит Шостаковича впервые, находят его застенчивым, серьезным и даже заумным. В непринужденной обстановке или среди музыкантов он расслабляется, шутит, спорит с друзьями, кто больше выпьет. Он любит машины, быструю езду, американские журналы, читает американских авторов, наиболее импонирующих русским: Марка Твена, Джека Лондона, Теодора Драйзера, Эптона Синклера. Будучи человеком насквозь городским, он терпеть не может *dacha* (русские летние бунгало) и *komary* (вездесущих русских москитов). До немецкого вторжения Шостакович жил в пятикомнатной ленинградской квартире со своими родными (женой, двумя детьми, матерью, сестрой и сыном сестры) и горами партитур, а также книг о музыке и спорте. Страстный любитель футбола, Шостакович регулярно пишет в главную русскую спортивную газету «Красный спорт» [цит. по: Время СССР].

Эстафету у Тосканини принял С. Кусевицкий: в августе 1942 г. в Леноксе, штат Массачусетс, симфония была исполнена для пяти тысяч зрителей. Перед концертом выступила популярная публицист Д. Томпсон, призывавшая открыть второй фронт. Дирижер направил телеграммы участникам мировой премьеры в Куйбышеве и композитору:

Оркестру Большого театра. Незабываемые впечатления для публики, моего оркестра и для меня от первого концертного исполнения Седьмой симфонии Шостаковича четырнадцатого августа. Глубоко разделяю ваше восхищение и энтузиазм по поводу этого сочинения, великого, как сам мир. С сердечным приветом Вам и Вашему оркестру.

Дмитрию Шостаковичу. Ваша великая Седьмая симфония подарила нам в Новом Свете надежду и вдохновение. Я поздравляю Вас от имени американской публики, моего оркестра и от себя и выражаю Вам наше безграничное восхищение и благодарность. Серж Кусевицкий [АВП РФ. Ф. 129. Оп. 27а. П. 39. Д. 2. Л. 41].

В АВП РФ отложились и документы, касающиеся весьма примечательного сюжета, связанного с успехом (музыкальным и в не меньшей степени общественно-политическим) «Ленинградской симфонии», – приглашения Д. Д. Шостаковича в США в сентябре 1942 г.:

Телеграмма из Нью-Йорка.
Для Шостаковича.

От имени членов правления Нью-Йоркской филармонии и моего собственного передаю Вам приглашение дирижировать нашим оркестром в течение первой половины ноября в восьми концертах, в которых Вы можете исполнять любое из Ваших собственных произведений по Вашему выбору, точно так же, как и произведения Ваших товарищей, советских композиторов. Приглашаем Вас прибыть сюда по возможности к 1-му открытому исполнению в Нью-Йорке Вашей великолепной Седьмой симфонии, которая будет исполнена под моим управлением оркестром филармонии 14 октября. Ваш приезд имел бы большое политическое значение, так же как и музыкальное, и способствовал бы укреплению более тесной дружбы между США и СССР в общей их борьбе. Прошу Вас принять приглашение и дать возможность Нью-Йорку и его филармонии приветствовать Вас как представителя Вашей великой страны и ее великого музыкального искусства. Финансовая сторона вопроса будет урегулирована через советское посольство в Вашингтоне. Телеграфируйте мне, пожалуйста, Ваше решение по адресу Нью-Йоркской филармонии. Примите мой личный привет. Артуро Тосканини [Там же. Л. 51].

Вслед за приглашением от Тосканини в НКВД направил телеграмму советский полпред в США, посчитавший нужным аккуратно обозначить свое позитивное отношение к идее поездки композитора в Америку:

Шифротелеграмма
Молотову.

Президент филармоно-симфонического общества в Нью-Йорке Маршалл Филд, он же владелец газет «Пи Эс» и «Чикаго Сан» и друг Рузвельта, прислал мне письмо, в котором поддерживает ходатайство Тосканини о приезде сюда Шостаковича для дирижирования симфоническим оркестром (9 концертов) и для присутствия на исполнении 7 симфонии. К письму приложена копия телеграммы Тосканини Шостаковичу, посланная 2 сентября. Само собой разумеется, они не только принимают на себя все расходы, но и обещают гонорар. Филд пишет, что приезд Шостаковича будет иметь не только музыкальное, но и большое политическое значение, в чем я не могу не согласиться с ним. Здесь важно и независимо от войны поддерживать интерес широких кругов к СССР... Было бы важно иметь Шостаковича, которому гарантированы триумфы. Если почему-либо считаете невозможной поездку Шостаковича, то желательно, чтобы Шостакович сам дал ответ Тосканини, выставив личные или же общественные причины. Содержание его ответа просил бы сообщить мне. Литвинов [АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 368. Д. 2508. Л. 239].

Телеграмма была разослана И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. В. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, Л. П. Берии, А. Я. Вышинскому и др. [Там же]. В ответ на это сообщение М. М. Литвинов получил вполне внятный сигнал от В. М. Молотова, обозначивший перспективы возможности такого вояжа, несмотря на его очевидную международную привлекательность:

Шостакович считает свою поездку в США в данный момент нецелесообразной, и мы с ним согласны. Он никогда не дирижировал и не желает дирижировать. Поехать в США для того, чтобы показаться американской публике и удовлетворить ее любопытство, он не считает для себя приемлемым. Выступления в США в качестве пианиста или исполнителя своего квинтета его не привлекают, и вообще он считает, что его поездка в США в теперешних условиях слишком оторвет его от творческой работы, которой он поглощен. В этом духе он телеграфирует Тосканини. Молотов [Там же. П. 369. Д. 2512. Л. 88].

Копии были разосланы И. В. Сталину и А. Я. Вышинскому [Там же].

И Д. Д. Шостакович «в этом духе» действительно телеграфировал А. Тосканини о своем решении, вопрос о самостоятельности принятия которого представляется риторическим:

Искренне благодарю Вас и правление Нью-Йоркской Филармонии за сердечные приветствия и любезное приглашение. К сожалению, должен признаться, что не владею искусством дирижирования и таким образом лишен возможности исполнять перед американской аудиторией мои произведения, так же как и произведения моих товарищей.

Примите мои лучшие пожелания и благодарность за Ваше внимание...

К сожалению, не могу сейчас принять Ваше любезное приглашение также и потому, что усиленно работаю над симфоническим произведением, приуроченным к 25-летней годовщине СССР. Сердечный привет и благодарность, Ваш Шостакович [АВП РФ. Ф. 129. Оп. 27а. П. 39. Д. 2. Л. 50, 53].

Из Нью-Йорка от гуру мировой дирижерской школы пришла телеграмма, полная понимания и восхищения:

Как мне ни хотелось видеть Вас, это вполне понятно, что Вы не смогли бы приехать в такое время. Сейчас я хочу послать Вам мои теплые поздравления с днем рождения и сказать, что все мои мысли с Вами в этот час испытаний для Вашей великой страны. Для нас всех это трудное время, но бедствия, которые терпит Ваша страна, достигают величайших размеров. Мы мысленно с Вами до Вашей славной победы. Мы приветствуем Вас.

С самыми лучшими пожеланиями
Артуго Тосканини [Там же. Л. 53].

Следующий этап ознакомления американской публики с симфонией произошел в Кливленде, Сан-Франциско и Миннеаполисе, где дирижировали, соответственно, А. Родзинский, П. Монте и Д. Митропулос. 9 октября 1942 г. симфония была исполнена Филадельфийским оркестром под управлением Л. Стоковского. Концерт проходил на открытой площадке перед солдатами из воинских лагерей Калифорнии. Фрагмент этого исполнения вошел в фильм 1979 г. «Союзники» из многосерийного киноэпоса о войне [Хентова, с. 115, 116]. Музыка Шостаковича познакомила с Великой Отечественной войной и, в частности, с блокадой Ленинграда американское массовое сознание.

Музыка играла особо важную роль как дополнение черно-белых сводок новостей Управления военной информации и голливудских постановок о советских военных действиях. В то время как изображение может заменить тысячи слов, так же и звук способен передать сообщение, а в случае с музыкой сделать это художественным образом, столь же красивым, сколь и неотразимым. Темы героизма и самопожертвования, созданные Шостаковичем, по-видимому, очаровали американскую аудиторию, которая, возможно, до того, как услышала об осажденном родном городе композитора, воспринимала мировую войну только в ограниченном контексте тыла или Голливуда, невосприимчивого к вкладу своего русского союзника [MacCurtain]¹.

¹ Перевод Д. Ю. Асташкина.

Поздравительные телеграммы с днем рождения (25 сентября), отправленные легендарными деятелями культуры США Д. Д. Шостаковичу, в полной мере отражают эмоциональный фон, созданный его новым произведением в культурном истеблишменте:

С глубоким чувством я посылаю Дмитрию Шостаковичу поздравление с днем рождения. Ни один человек не служит сейчас своей стране и миру более благородно и прекрасно, чем Шостакович. Силой, личностью, вдохновением и надеждой веет от его музыки на человечество. Из глубин своего сердца я благословляю и благодарю его.

Сергей Кусевицкий

Я поражен величием Вашей новой симфонии и ожидаю возможности встретиться с Вами еще раз, когда война будет окончена. Мои мысли постоянно с Вами.

Леопольд Стоковский

Большое удовольствие и честь иметь возможность поздравить величайшего музыкального гения, ныне существующего в России, и послать горячий привет ему и храбрым товарищам, ведущим тягчайшую борьбу за себя и великое дело союзников. Я убежден, что окончательная победа за нами. С сердечным приветом.

Чарли Чаплин

Это благоприятный случай, чтобы выразить сегодня глубокую надежду, что в ближайшие годы Вы станете свидетелем углубления взаимопонимания и уважения как между людьми, так и в той области, которую Вы избрали и которой так блестяще служите.

Иегуди Менухин

От артистов и всего американского народа привет и глубокая благодарность за Ваш вклад в мировую культуру и за то, что Вы выразили мужество и героизм великой русской нации.

Лично от меня горячий привет Вам и через Вас русскому народу – истинному авангарду нового свободного мира.

Поль Робсон

[АВП РФ. Ф. 129. Оп. 27а. П. 39. Д. 2. Л. 58, 59].

Из США симфония «отправилась» в Мексику, где была исполнена в столице 10 сентября 1942 г. оркестром под управлением знаменитого дирижера К. Чавеса. После премьеры мексиканские масс-медиа публиковали восторженные рецензии, лейтмотив которых сводился к сентенции: «Музыка эта – прямое обращение к человечеству – будет жить и после того, как эти эмоции потеряют свою остроту» [цит. по: Шнеерсон, с. 238]. А сам К. Чавес написал автору Седьмой следующее:

Я и мой оркестр получили огромное удовольствие, представив Вашу Седьмую симфонию в этом городе одиннадцатого и тринадцатого сентября, и мы очень рады тому огромному энтузиазму, который продемонстрировала публика. Примите мои самые сердечные поздравления.

Карлос Чавес

[АВП РФ. Ф. 129. Оп. 27^а. П. 39. Д. 2. Л. 61].

Резонанс от триумфального «путешествия» Седьмой симфонии по Англии, США и Мексике оказался столь мощным, что на него отреагировали нейтральные страны, и в первую очередь один из самых влиятельных геополитических североевропейских игроков – Швеция. Однако ранее политику сделали не дипломаты, а музыканты, причем до зарубежных премьер Ленинградской.

Гётеборгское оркестровое общество в мае 1942 г. обратилось в советское полпредство, узнав из газет о московской премьерке симфонии, с просьбой прислать партитуру. Музыканты хотели исполнить Седьмую симфонию в новом сезоне – с октября 1942 по май 1943 г. [Мошник, с. 132]. Однако из-за сложнейших внутри- и внешнеполитических «завязок» в самой Швеции премьерка состоялась лишь весной 1943 г. В феврале 1943 г. партитуру Седьмой симфонии получил дирижер К. фон Гарагуй, шведский скрипач и композитор венгерского происхождения, в 1942 г. возглавивший Стокгольмский филармонический оркестр. Премьера, назначенная на 8 апреля, прошла с большим успехом и завершилась овациями, обращенными к оркестру, дирижеру и присутствовавшей главе советской дипмиссии А. М. Коллонтай. Благодаря К. фон Гарагую Седьмую симфонию услышали не только в Гётеборге, но и в других городах Швеции, включая столицу: стокгольмская премьерка состоялась 10 ноября 1943 г. В Наркомат иностранных дел был отправлен «анонс» об этом событии:

8 ноября в помещении Гранд-Отеля состоялось торжественное собрание шведско-советского общества с участием видных общественных деятелей, журналистов, интеллигенции, а также шефов союзных миссий. Присутствовало около 500 человек.

Вступительную речь произнес председатель общества профессор Теген, провозгласивший здравицу в честь Советского Союза...

9 ноября – премьерка оперы «Евгений Онегин» в оперном театре.

10 ноября – первое исполнение 7 симфонии Шостаковича в Концертном зале Стокгольма [АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 11. Д. 5422. Л. 133].

Процитированная шифротелеграмма имела адресатами все высшее руководство страны, что является свидетельством того политического значения, которое придавалось «знаменитой ленинградке», – И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. М. Ворошилова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, Л. П. Берия, А. А. Жданова, А. Я. Вышинского и др. [Там же].

После премьеры в НКИДе прочли:

После исполнения возникла овация всего зала, длившаяся несколько минут. Присутствовал принц Евгений, местный ценитель искусств, бывший вчера и на премьере оперы «Евгений Онегин» [АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 11. Д. 5422. Л. 138].

Искреннее восхищение К. Гарагуя Д. Д. Шостаковичем побудило его обратиться к композитору с просьбой, и в секретариат заместителя наркома иностранных В. Г. Деканозова в декабре 1943 г. из представительства в Стокгольме было передано письмо с комментарием представителя НКИД:

Очень прошу передать композитору Шостаковичу письмо шведского дирижера Карла Гарагули (так в тексте. – Ю. К.), который дирижировал исполнением VII-й Симфонии Шостаковича в Гетеборге и Стокгольме. Гетеборг был, кажется, третьим или четвертым городом за границей, где впервые было исполнено это историческое произведение. Гарагули лично много работал, чтобы продвинуть симфонию, и дирижировал оркестром с большим внутренним подъемом и увлечением. Мне кажется поэтому, что тов. Шостакович мог бы пойти навстречу просьбе дирижера о посылке ему партитуры VII-й симфонии и портрета с автографом... Мы имеем недурной контакт с местными музыкальными деятелями и полагаем, что продвижению советской музыки в Швеции нелишне уделить надлежащее внимание. Кроме того, просил бы прислать нам несколько партитур других выдающихся произведений советских композиторов, на которые... сейчас большой спрос [АВП РФ. Ф. 140. Оп. 27. П. 34. Д. 3. Л. 1].

Просьба дирижера была выполнена, и партитура 7-й симфонии, а также портрет с автографом Шостаковича были переданы ему в феврале 1944 г. [Там же. Оп. 28. П. 35. Д. 7. Л. 3]. А спустя три дня после концерта состоялась секретная встреча А. М. Коллонтай с секретарем шведского МИДа Э. Бухеманом, на которой обсуждалась «проблема Финляндии», и Бухеман сообщил о готовности финской стороны обсуждать условия сепаратного мира [Мошник, с. 133]. Именно эта секретная встреча стала началом переговорного пути, приведшего к выходу Финляндии из войны. Таким образом, исполнение «Ленинградской» симфонии в столице Швеции стало отчетливым «музыкальным» сигналом, обращенным к Советскому Союзу, свидетельствующим, что Стокгольм готов играть в тональности, заданной Москвой.

Документы АВП РФ не только дают возможность существенно дополнить ретроспективную картину «путешествия» Ленинградской симфонии по Европе и США, акцентируя внимание на общественно-политических итогах этой эпопеи и роли в ней Наркомата иностранных дел, но и побуждают к рефлексии о роли Искусства в мире, охваченном войной.

Библиографические ссылки

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 7. П. 176. Д. 16; Ф. 059. Оп. 1. П. 368. Д. 2508; П. 369. Д. 2512; П. 372. Д. 2529; П. 374. Д. 2541; Оп. 10. П. 11. Д. 5422; Ф. 069. Оп. 31. П. 106. Д. 2; Ф. 129. Оп. 27а. П. 39. Д. 2; Ф. 140. Оп. 27. П. 34. Д. 3; Ф. 140. Оп. 28. П. 35. Д. 7.

Вуд Г. Ленинградская симфония // Британский союзник. 1942. 6 сент.

Историко-музыкальный проект «Партитура памяти» // Санкт-Петербургская академическая филармония им. Д. Д. Шостаковича : [официальный сайт]. URL: <https://www.philharmonia.spb.ru/afisha/7symphony/about/concert/> (дата обращения: 03.04.2023).

Литература и искусство. 1942. 8 марта.

Лузанов Ю. Н. Из жизни музыки Д. Д. Шостаковича за рубежом // Д. Д. Шостакович и его эпоха : материалы обл. науч.-практ. конф., 28 сент. 2006. Самара : СГАКИ, 2006. 213 с.

Малинкин Е. М. Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича и ее роль в культурном взаимодействии СССР, США и Великобритании : По документам НКВД и материалам эгоисточников // «Ленинградская симфония»: история, география, рефлексия : сб. докл. всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 9 авг. 2022 г. СПб. : Ладога Принт, 2023. С. 32–39.

Мошник Ю. И. Скандинавская премьера Седьмой симфонии: «нарушение нейтралитета» и шаг к выходу Финляндии из войны // «Ленинградская симфония»: история, география, рефлексия : сб. докл. всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 9 авг. 2022 г. СПб. : Ладога Принт, 2023. С. 127–134.

Седьмая симфония Шостаковича // Вестник (Торонто). 1942. 4 февр.

Сумбур вместо музыки // Правда. 1936. 28 янв.

Хентова С. М. Д. Шостакович. Жизнь и творчество : в 2 т. Л. : Сов. композитор, 1986. Т. 2. 623 с.

Шнеерсон Г. Жизнь музыки Шостаковича за рубежом // Шостакович Д. Статьи и материалы. М. : Сов. композитор, 1976. С. 231–264.

Щеголихина С. Н. Симфония, которая изменила сознание: американское восприятие «Ленинградской симфонии» Д. Д. Шостаковича // «Ленинградская симфония»: история, география, рефлексия : сб. докл. всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 9 авг. 2022 г. СПб. : Ладога Принт, 2023. С. 135–141.

MacCurtain L. P. Rhapsody in Red: Shostakovich and American Wartime Perceptions of the Soviet Union // Patterns of Prejudice. 2013. Vol. 47, № 4–5. Music and the Other. P. 359–378. DOI 10.1080/0031322X.2013.832954.

Moynahan B. Leningrad: Siege and Symphony. L. : Quercus, 2014. 576 p.

The New York Times. 1942. March 2.

Times. 1942. March 7.

References

AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Stock 07. List 7. Fold. 17b. Dos. 16; Stock 059. List 1. Fold. 368. Dos. 2508; Fold. 369. Dos. 2512; Fold. 372. Dos. 2529; Fold. 374. Dos. 2541; List 10. Fold. 11. Dos. 5422; Stock 069. List 31. Fold. 106. Dos. 2; Stock 129. List 27a. Fold. 39. Dos. 2; Stock 140. List 27. Fold. 34. Dos. 3; Stock 140. List 28. Fold. 35. Dos. 7.

Istoriko-muzykal'nyi proekt "Partitura pamyati" [The Score of Memory, a Historical and Musical Project]. (N. d.). In *Sankt-Peterburgskaya akademicheskaya filarmoniya imeni D. D. Shostakovicha* [website]. URL: <https://www.philharmonia.spb.ru/afisha/7symphony/about/concert/> (accessed: 03.04.2023).

Khentova, S. M. (1986). *D. Shostakovich. Zhizn' i tvorchestvo v 2 t.* [D. Shostakovich. Life and Art. 2 Vols.]. Leningrad, Sovetskii kompozitor. Vol. 2. 623 p.

Literatura i iskusstvo [Literatura i Iskusstvo]. (1942). March 8.

Luзанov, Yu. N. (2006). Iz zhizni muzyki D. D. Shostakovicha za rubezhom [From the Life of Music by D. D. Shostakovich Abroad]. In *D. D. Shostakovich i ego epokha. Materialy oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 28 sentyabrya 2006*. Samara, Samarskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv. 213 p.

MacCurtain, L. P. (2013). Rhapsody in Red: Shostakovich and American Wartime Perceptions of the Soviet Union. In *Patterns of Prejudice*. Vol. 47. No. 4–5. Music and the Other, pp. 359–378. DOI 10.1080/0031322X.2013.832954.

Malinkin, E. M. (2023). Sed'maya simfoniya D. D. Shostakovicha i ee rol' v kul'turnom vzaimodeistvii SSSR, SShA i Velikobritanii. Po dokumentam NKID i materialam egoistochnikov [Symphony No. 7 by D. D. Shostakovich and Its Role in the Cultural Interaction of the USSR, US, and Great Britain. According to the Documents of the People's Commissariat for Foreign Affairs and Materials from Ego Sources]. In *"Leningradskaya simfoniya": istoriya, geografiya, refleksiya. Sbornik dokladov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 9 avgusta 2022 g.* St Petersburg, Ladoga Print, pp. 32–39.

Moshnik, Yu. I. (2023). Skandinavskaya prem'era Sed'moi simfonii: "narushenie neutraliteta" i shag k vykhodu Finlyandii iz voiny [Scandinavian Premiere of Symphony No. 7: "Violation of Neutrality" and a Step Towards Finland's Withdrawal from the War]. In *"Leningradskaya simfoniya": istoriya, geografiya, refleksiya. Sbornik dokladov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 9 avgusta 2022 g.* St Petersburg, Ladoga Print, pp. 127–134.

Moynahan, B. (2014). *Leningrad: Siege and Symphony*. L., Quercus. 576 p.

Sed'maya simfoniya Shostakovicha [Shostakovich's Symphony No. 7]. (1942). In *Vestnik (Toronto)*. Febr. 4.

Shchegolikhina, S. N. (2023). Simfoniya, kotoraya izmenila soznanie: amerikanskoe vospriyatie "Leningradskoi simfonii" D. D. Shostakovicha [The Symphony that Changed Consciousness: American Perception of D. D. Shostakovich's *Leningrad Symphony*]. In *"Leningradskaya simfoniya": istoriya, geografiya, refleksiya. Sbornik dokladov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 9 avgusta 2022 g.* St Petersburg, Ladoga Print, pp. 135–141.

Shneerson, G. (1976). Zhizn' muzyki Shostakovicha za rubezhom [The Life of Music by D. D. Shostakovich Abroad]. In Shostakovich, D. *Stat'i i materialy*. Moscow, Sovetskii kompozitor, pp. 231–264.

Sumbur vmesto muzyki [Muddle instead of Music]. (1936). In *Pravda*. January 28.

The New York Times. (1942). March 2.

Times. (1942). March 7.

Wood, H. (1942). Leningradskaya simfoniya [Leningrad Symphony]. In *Britanskii soyuznik*. Sept. 6.

The article was submitted on 11.02.2023

Conceptus
et conceptio

Conceptus et conceptio

Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History*

Part 2

Claudio Ingerflom

¹National University of General San Martín,
Buenos Aires, Argentina;

²French National Centre for Scientific Research,
Paris, France

Continuing to question some traditional historiographical theses, in this second part, the author discusses the common assertion that “popular” praxis is dependent on naïve belief in the benevolent tsar: on the contrary, the subjects of action adapt their beliefs to their needs. A still very influential historiography considers that illusions, naïve, popular, and false as well as passivity would constitute the plurisecular “mentality” of the Russian peasantry. But mentality is a category that is deficient in the explanation of historical dynamics, especially when it comes to change. Against the verdict “false” applied to the myth of the benevolent tsar, the author explains why a myth is neither true nor false and stresses that it should not be considered as a stage in a history of thought that would lead to a scholarly representation but it is necessary to understand its origin, its logic and the usefulness of its use by human beings, in particular its role in the production of modern political thought. Against the positivist historiography’s disdain for popular metaphors, the author highlights the “truth” of the autocratic system that this linguistic figure expresses and the permeability between metaphor and action. The study concludes by tracing, based on the material analyzed, Russian history’s own path towards a political modernity that by its reality inhibits the existence of any central modernity and situates the moment at which this Russian modernity appears in the light of day.

Keywords: resistance to power, popular/naïve monarchism, positivist historiography, essentialism, teleology, conceptual history

Продолжая подвергать сомнению некоторые традиционные историографические тезисы, во второй части своего исследования автор разбирает распространённое утверждение, что «народный» праксис зависит от наивной веры в доброго царя. По его мнению, напротив, субъекты действия адап-

---

* *Citation:* Ingerflom, C. (2023). Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 2. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1075–1098. DOI 10.15826/qr.2023.3.835.

Цитирование: Ingerflom C. Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 2 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1075–1098. DOI 10.15826/qr.2023.3.835.

тируют свои верования к своим потребностям. Все еще очень влиятельная историография считает, что иллюзии, наивные, народные и ложные, а также пассивность составляют многовековую «ментальность» русского крестьянства. Но менталитет – это категория, дефицит которой проявляется в объяснении исторической динамики, особенно когда речь идет о переменах. Выступая против вердикта «ложный», вынесенного мифу о добром царе, автор объясняет, почему миф вообще не является ни истинным, ни ложным, и подчеркивает, что не следует рассматривать его как этап в истории мысли, который якобы должен привести к научному представлению, а вместо этого необходимо понять его происхождение, его логику и полезность его использования. Выясняется, в частности, его роль в производстве русской политической мысли модерна. Вопреки пренебрежительному отношению позитивистской историографии к народным метафорам, автор подчеркивает ту «правду» самодержавной системы, которую именно эта лингвистическая фигура ставит на вид, и проницаемость между метафорой и действием. В заключении на основе проанализированного материала обсуждается специфика пути русской истории к такому модерну, который своей реальностью подавляет само существование любого центрального универсального модерна вообще, и определяется момент, когда он появляется на свет.

Ключевые слова: сопротивление власти, народный/наивный монархизм, позитивистская историография, эссенциализм, телеология, концептуальная история

From “Naivety” to the Erasure of Historicity

Unsere Wissenschaft arbeitet unter
stillschweigende Vorgebot der *Teleologie*.¹

[Koselleck, 2000, p. 309]

Causal but unjustified explanation. While it is true that the characterization of the popular as naïve is a discriminatory *a priori* that results from thinking and evaluating the past through modern concepts, it is necessary to point out specifically the sterility and cognitive distortions to which this procedure leads. The idea that self-appointment is the *result* of “popular monarchism” has spread². But this thesis should involve a reflection on the relationship between praxis and belief. This causal relationship seems to conflict with the reasoning that, if we take Russian proverbs seriously, points at a *reciprocal* relationship: “Apply Faith to Deed, and Deed to Faith” (*Веру к делу применяй, а дело – к вере*). As Konovalova [Коновалова, с. 98] pointed out the peasant *commensurates* his actions with

¹ “Our discipline works under a tacit precept of *teleology*”, modified translation.

² “Popular monarchism in the tsarist period assumed three main forms: folklore about ‘good’ tsars, popular support for royal pretenders and ‘rebellions in the name of the tsar”’ [Perrie, 1999, p. 157].

the sacred and the sin: “the examination of the peasantry’s actions from the ‘moral’ aspect deepens the understanding of the meaning and causes of peasant revolts” as peasants professed that same faith “only in those forms that corresponded to their interests” [Field, p. 212, 209]. Thus, in the well-known case of *samožvanets* Truzhenik (1732), the sources led me to conclude that indeed the action and interests of the *samožvanets* and the villagers drive the beliefs – not the other way around – and that these beliefs and the ritual worked in unison [Ingerflom, 2015, p. 286]. As early as 1930, against evolutionary ethnology, Wittgenstein wrote that when religious notions and rituals “go together, there the practice does not spring from the notion; instead they are simply both present” [Wittgenstein, p. 32]. In recent decades, to explain public behavior, anthropology precisely addresses belief as a praxis rather than making the latter a mere expression of the former [Schmitt, p. 14; Wirth, p. 113–176; Laham Cohen, p. 111–132].

The function of belief. At the same time, this change in the interpretation of the relationship between belief and praxis reopens the question of the very notion of “belief in the tsar”: it is time to leave the recurrent question about the sincerity of belief, not only because of the impossibility of answering³ it but because if the theoretical premises on which this question is based are not overcome, the *function* of that belief is not understood. Indeed, the question “did the people really believe in the inherent goodness of the tsar?” is based on the replacement of the logic of the ancient collective representations by our contemporary way of reasoning, an operation in which, as Paul Veyne has shown in a book with a meaningful title, the *historicity of the notion of truth disappears* [Veyne]. Regarding “collective beliefs”, the relevant question is not whether the actors believed or not: it is about the needs and interests of the believers.⁴ This mechanism operates in those who follow a self-appointed one even knowing him because he is a neighbor [Ингерфлом, 2020, с. 245–246, 408; Ingerflom, 2015, p. 303, 470].

Mentality or historicity? By reconstructing the function of belief, we recover the historicity of the agents’ behavior, which prevents us from isolating beliefs or ideas from social and political events. Historicity displaces the idealistic approach that attributes to ideas a multi-century continuity until 1905, or even beyond, up to Lenin, Stalin and today.⁵ Naïve-popular-wrong-illusions and consequent passivity would constitute the peasant mentality [Perrie, 1999, p. 67; Федоров, с. 140]. The introduction of the category “mentality” is significant because the assumptions on which it is based and its historiographic practice encourage the denial of

³ “We cannot appraise it” [Field, p. 212]. Perrie concedes that “may not be particularly productive even to rise such questions”, but only because they are “unanswerable” [Perrie, 1999, p. 163].

⁴ “What we have found in the ordeal is not a body of men acting on specific beliefs about the supernatural; we have found instead specific beliefs held in such a way as to enable a body of men to act” [Brown, p. 316–317].

⁵ For a defense of that continuity, see: [Современные концепции аграрного развития, с. 152; Наградов, с. 65; Perrie, 1999; Mamonova].

historicity: it is a category that has a deficit in the explanation of historical dynamics, especially of conflicts that produce *changes* [Chartier]. It is not by chance that the use of mentality is repeatedly accompanied by the adjective “traditional” and the references to “archetypes” or to “archaic” [Мироснов, с. 180, 238]⁶. Even when possible or actual changes in the collective representations of the monarch are not explicitly denied, the use of that category implicitly excludes them from the researcher’s horizon.

What role do ahistorical categories leave for research? As we saw previously, “popular monarchism” is considered the source of self-appointment. However, at the same time, it was attributed a function of depriving the latter, as a concept and phenomenon, of historicity, postulating that ideas adapt to historical changes, but retain their *unchanging semantic core*⁷: as noted above, popular monarchism remained “itself in virtually unchanged forms over some four centuries”, what “suggests that it belonged to a realm of ideas largely independent of mutable socio-economic or political-administrative structures” [Perrie, 1999, p. 167]. Beyond a mere accumulation of cases, what space does this neo-Kantian and idealist history of ideas leave for research? In the case of the naïve / popular / illusory Russian monarchism, there have been justifiably critical responses: a “primitive” treatment, a “superficial attention” [Мауль, с. 30]. The conceptual balance of the studies based on the “naïve monarchism of the masses” has been severe, but it is difficult not to agree with its author: “the matter usually did not go beyond the declaration, since the definition ‘naïve’ seemed to remove the problem itself” [Андреев]. Thus, the invocation of “naïve” and in many cases, of “popular” monarchism replaces and renders useless the hermeneutics of resistance to power by oppressed social sectors. In other words, the ahistorical premises close off the very possibilities of the investigation.

The Myth of the Tsar

Да ведь путь и не назначен...
 Если б человечество шло прямо
 к какому-нибудь результату,
 тогда истории не было бы,
 а была бы логика... Libretto нет
 [Герцен, с. 35–36]

The “myth of the tsar” or “popular monarchism” corresponds to what traditional historiography used to call “naïve monarchism” or “monarchist illusions of the peasant masses” [Perrie, 1999, p. 156]. Field’s remark on the

⁶ See the association of “mentality”, “traditional” and “naïve monarchism” in the same sentence: [Романов, с. 62].

⁷ Example: with the arrival of Lenin to power, “naïve monarchism” would have turned into “naïve leaderism (*vozhdizm*)” [Костров, с. 3].

parallel between the myth of Christianity and the myth of the tsar suggests that he refers to a myth *strictu sensu* without excluding its use as a quasi-metaphor to point out a mistaken idea [Field, p. 13]. Myth, belief, faith, popular illusions, naïve monarchism, popular naïve monarchism appear as equivalent terms [Ibid., p. 5, 25; Perrie, 1999, p. 156; Шульга, с. 99]. Its diversity is overcome by the adjective “false” – “the myth of the tsar was false” – that, inevitably, reduces understanding to glosses on naivety and illusions. “The myth of the (benevolent) tsar” is an inevitable formula in almost any text on popular resistance in Russian history. When historiography added the direct object “false” to it, the formula acquired the charm of the quickly heuristic pretension: it is transparent, convenient to use, everyone understands it and, most importantly, no longer needs to think and try to understand why for three centuries a people clung to a “false” idea. The adjective “false” prevents the researcher from being surprised. She or he no longer needs to look for a serious answer to the indispensable questions. Why do the people again and again reiterate this form of resistance, even in cases when the peasants know the self-appointed tsar, tsarevich or prophet, since they are neighbors? Why, knowing the risk they run, do they support them and participate in the local riots that end as always, with villages looted by tsarist troops, peasants who only wielded an icon shot at close range or sent to Siberia, rebels impaled ... By adding the term “false”, which functions as an equivalent of “naïve”, historiography recovered the logic of those in power. From Tsar Alexey Mikhailovich warning in the seventeenth century that the people were being deceived by the “diabolical seduction” of the rebels [Крестьянская война, № 93], to the regime’s spokesmen in the nineteenth century, explaining that the people had lost their reason⁸, this logic had already been taken to its ultimate consequences: military repression.⁹ “Naivety”, as we have seen, has no heuristic value and explains nothing. Furthermore, we have seen authors like Field and Perrie expressing reservations about naivety and popular monarchism. These precautions, however, did not prevent the postulate “the myth of the tsar is false” from continuing to circulate. Prisoners of a “false” myth, the people remained in “error”. But, as Wittgenstein wrote, the notion of error is admissible “only

⁸ Melnikov-Pecherskii, a cultivated advisor to the Ministry of the Interior, provided a perfect model for this explanation: “Loyalty to the Tsarist dynasty, *credulity* in the face of chimerical rumors and, perhaps, obscure historical memories have engendered in the people faith in the self-appointed ruler... at the appearance of a self-appointed person everything happens as if *our people had lost all capacity for reflection...* The stories... are so *absurd* and even unnatural that one cannot but regard them as ravings of mad people, but the *Russian people believe* in similar tales, and *the more absurd they are, the more they believe them*” [Мельников, с. 240–241, 249] (the italics are mine). I have talked with renowned Russian historians, who are reluctant to write in these terms, but orally they argue in a similar line.

⁹ Thus, for example, a landlord of the region of Samara wrote in a letter that even against his own interests, and in spite of treating his servants “paternally”, these “animals”, partly out of mistrust and even more because of a “total numbness of their intellectual faculties” reject all his propositions with the argument that “lacking of lights and not knowing how to read, they do not understand them”. This so paternal landlord concludes that the only solution is to ask the authorities to send the army to make his servants reason [ГАРФ. Ф. 109. III Оудние. Оп. 3. Д. 2124. Л. 17].

if it corresponds to a theory or an opinion”, yet “a religious symbol is not grounded in an opinion” even less so in a theory. The notion of error does not depend on the content of the religious or magical, but on the way, it is approached: “An error arises only when magic is interpreted scientifically” [Wittgenstein, p. 36, 38]. “The myth of the tsar is false” is an expression inscribed in evolutionary ethnology *à la* Frazer whose “representation of human magical and religious notions is unsatisfactory: it makes these notions appear as *mistakes*”. Consequently, Wittgenstein continues, practices related to these notions are presented to us as plausible, and “in the end, so to speak, as foolishness. But it never does become plausible that people do all this out of sheer stupidity”. With regard to practices linked to religious or magical beliefs, “it is nonsense to go on and say that the characteristic feature of these actions is that they spring from erroneous notions”. The practices which Wittgenstein refers to are ritual acts linked to religion or magic. His reasoning is of interest to us because in order to be recognized by the people as an authentic tsar, the self-appointed one appeals to religion and magic: he displays birthmarks on his body supposed to be proper to every monarch, the peasants call upon sorcerers to consult the Moist Earth Mother, etc. These practices are religious and, according to Wittgenstein, “that is why we are *not* dealing with an error here” [Wittgenstein, p. 32, 42].

Daniel Field partially distanced himself from evolutionism when he wrote that the paternalistic view of peasants “is not dead yet, even among historians” and added that explaining the myth of the tsar by the superstition or backwardness of peasants is to pay “incidental tribute to our own rationality and sophistication” [Field, p. 213]. He strongly rejected the anachronistic postulates with which a considerable part of Western and Soviet historiography treats people. However, fighting historiographical paternalism and its “stereotype of the stupid muzhik”, Field underlines the *similarity* between archaic and modern reasoning, but thus, by not defamiliarizing the past, he loses sight of otherness. Thus, evolutionism continues to guide interpretation, because the archaic reasoning is embedded in a *linear* history¹⁰ of thought, occupying a lower rung than that of our understanding [Ibid., p. 9, 14].¹¹ Let us formulate this question: what is it that resists our understanding in self-appointment? The ambition of this question orients the research in the opposite direction to that which seeks to establish the degree of verisimilitude of the discourse of the past from *our*

¹⁰ Against this vision of a linear history with no basis in reality, but which justified colonialism, neocolonialism and the division into exemplary countries and backward peoples, conceptual history proposes a theory of multiple times, which ascribes its own temporality to each element of all historical structures, thus admitting “the contemporaneity of the non-contemporaneous, or perhaps, rather, of the nonsimultaneous occurring simultaneously” [Koselleck, 2004, p. 266] which makes it possible to overcome the dichotomy synchrony/diachrony: “Here, too, as in the relation between speech and action in the course of events, synchronicity and diachrony cannot be separated empirically” [Koselleck, 2006, p. 21].

¹¹ Peasant thought would start from “a million illusions and superstitions, including the naïve monarchism of [the masses] without consciousness”, to rise, through “embryonic forms” to “class consciousness” [Рахматуллин, с. 214, 242, 248–249].

truth, as if the latter were sustained by concepts with unlimited retroactive and universal validity and were not *historically circumscribed*. On the contrary, the answer to the question requires recovering the disparity with otherness, understanding the distance between the other and ourselves, the possibility of being surprised and then having the possibility of creating a real abyss in our conceptual language, that is, a space of uncertainty in which we can try to reconstruct the conceptual or non-conceptual and symbolic connections of the peasant discourse of previous centuries.

According to Perrie [Perrie, 1987, p. 2], “the major problem with the myth of the tsar, for historians and others who seek to investigate it, has been its basic *falsity*, for the Russian monarch was not the benefactor of his people, but bore the ultimate responsibility, as head of state, for their exploitation and oppression”. It is welcome to recall the responsibility of tsarism in the face of the authorized falsification of the past in today’s Russia. But is this tangible reality, on which modern reason rests its gaze, that of the myth? This traditional approach to the myth of the tsar is committed to the paradigm of an irreversible progression from myth to logos [Tylor]. In this understanding, myth is considered a component of the primitive mentality always equal to itself, or it is subjected to the categories of a Cartesian and secularized reason, as if these had constituted the mental horizon of all times and all over the world. This conception has been overcome [Vernant, p. 226], but it still reappears here and there, reaffirming that myth would be a stage in the development of the human spirit: yesterday they were illusions, ingenuities, myth, today they are certainties, science, logos. Its character would be provisional, and it is considered, first and foremost, insofar as embodied in its *terminus ad quem* (the position it reaches) – characterized also by its “falsity” – which teleologically implies the passage to the next scientific stage [Nestle]. The function of the adjective “false” is not only to implicitly announce the subsequent arrival of a non-false interpretation. It is also to deny the popular discourse any social value and any possibility of pertinently indicating the real power relations: it means recognizing that this discourse is semantically erroneous and that its pragmatism is non-existent or useless. On the contrary, I am advocating leaving a priori to research the possibility of reconstructing the logic of the peasant discourse of other times and the *truth* that it harbored. This is a basic postulate in anthropology and philosophy, but one that encounters numerous obstacles to its affirmation in historiographical practice. This backlog can be solved if we approach the myth by considering the imposing work of Hans Blumenberg [Blumenberg, 1988], but we will do so by interweaving his theoretical proposition in the very movement of historical research. The basic premise is to distance oneself from teleology, approaching the myth not from its imperfection, understood as conceptual immaturity, that is, from its position of arrival, the position that foreshadows a future scientific maturity, but the other way round, from its *terminus a quo* (the starting point from which the process is directed). It is this inversion that opens the possibility to understand the genuine contribution of the myth and its function without distorting it.

“Nemo contra deum nisi deus ipse”¹²

The way in which [the myth] pursued the reduction of the absolutism of reality was to distribute a block of opaque powerfulness, which stood over man and opposite him, among many powers that are played off against one another, or even cancel one another out. Not only being able to shield oneself from the other with the one, but seeing the one preoccupied and entangled with the other from primeval times was a benefit to man from their sheer plurality

[Blumenberg, 1985, pp. 13–14]

If we consider that the belief “the tsar is benevolent” emerges from a myth, its non-teleological analysis must start from questioning the type of reality object of the myth and the function of such myth in the world of life. In 1732, serf Timofei Truzhenik claimed to be Tsarevich Alexei. In the face of the peasants' mistrust, he urged them to question the Moist Earth Mother about his authenticity. Several sorcerers were summoned. Having scrutinized the damp earth, they recognized the Tsarevich in Truzhenik. The official discourse claimed that *Heaven* bestowed monarchical dignity. The people took this belief seriously, but they ordered it according to their interests, giving rise to a political fact: they appealed to *another heaven* to assert *another power* through *another* monarchical dignity. We are in the very structure of the myth and its function: the division of powers. Situated in the reality of the myth, Truzhenik acts in it: strong because of his legitimization by the divinity, he presented himself to the authorities demanding to be brought before the empress [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 60–60 об., 84–85]. The construction and operation of the myth was already perceptible in Razin's insurrection. Allegedly, the uprising began on behalf of the Tsar Alexei Mikhailovich to protect him from his boyars, would-be traitors, and enemies of the people, although the rebels' discourse becomes more complex as they approach Moscow. The reference to the reigning, corporeal and corruptible earthly God and Master (*Gosudar'*) disappears and another Master, his deceased son, Tsarevich Alexei Alexeyevich, is invoked in his place, to whom allegiance is sworn. But this candidate for the throne is so much from Heaven that no one sees him, he is incorporeal, incorruptible (*netlennyi*) (Romans 1 : 23): he will never be exposed. By rendering the Tsarevich's body invisible, the insurrectionists make his sovereign figure lodged in the triple void they had just produced: they ignore the Tsar on the throne, deprive him of a name and create a Master without a body. They resurrect a dead young man in order to have their own sovereign figure. They invent him because they give him another name: “Nechai-tsarevich Alexei Alexeyevich”. He is *another* by the corresponding assignment of the semantic properties of “Nechai” to “Tsarevich Alexei”; *another* because his *other* reality is that of the *revealed* thought and the *revealed* word. The adjective *nechaiannyi* means “arrived earlier than expected”, “the one who was not expected”, “revealed”, like the icon *Unexpected Joy* (*Nechaiannaia radost'*) of the Virgin. By naming

¹² “Only a god can prevail against a god” [Goethe, p. 642].

him, the rebels make the Tsarevich present, but by naming him differently, they elevate his dignity. A non-body-revealed, heaven-sent: rather than with a self-appointed false son of the tsar, it is with *another divinity* that the oppressed confront the earthly God and through him, the heavenly one. The invented figure is a presence-vacant since it reaffirms the myth and at the same time its body is invisible: the divinity is present, it is a world in which the participants take part, they disqualify the tsar on the throne and invent a divine heir who does not incarnate, in order to reserve the possibility that one of them, Razin, without presenting himself as the tsar's son, may occupy the throne. This is an outline of *social representation* instead of the traditional self-appointment. *The myth, by appealing to the confrontation between divinities, raises the experience of social struggles to a level of demands that produces an embryo of modern type of political thought*¹³.

The opposition between two figures from Heaven is not unknown in Russia. Its medieval religious literature admitted the possibility that the throne was occupied by a righteous, authentic, and therefore God-appointed tsar or by a creature of the devil. In official language, the self-appointed ruler is regularly associated with the devil. The people, on the other hand, usually used the tsar – devil opposition [Лукин, с. 46–47]. This conflict is structural in the Christian political theology of autocracy. In the case of the revealed, but not incarnated tsarevich Alexei, we are at the boundary between Christianity and its other, magic, which permeates Razin's entire movement. With Truzhenik, the boundary is transgressed when the villagers summon the sorcerers and interrogate the Moist Earth Mother, the great divinity of the Russian symbolic universe, to grant legitimacy to the one who is challenging the empress. The conflict between divinities is a classic theme of myth studies. We can now think of self-appointment in terms of what Blumenberg called the “fundamental formula of myth in all its figurations”: Goethe's famous apothegm, *Nemo contra deum nisi deus ipse* [Blumenberg, 1988, p. 550]. In a collective culture characterized, according to Toporov's formula, by “hyper-sacralization”, which limits or eliminates the opposition between the divine and the human and makes man no longer the image and work of God but His incarnation and the bearer of divine energy [Топоров, с. 221]¹⁴, and in that pantheistic sense, certainly Christian, but with a very important pagan component, Goethe's apothegm is of great fecundity. Blumenberg understood it as the “original schema of man's liberation from anxiety (fear: *entängstigung*)” [Blumenberg, 1988, p. 551], who incarnates himself in man by calling on other divinities to confront and limit God's omnipotence on his behalf. In the need for rebellion, the myth embodied in self-appointment and Goethe's apothegm are reciprocally recognized. The function and contribution of the myth that concern us here is not only to rise the struggle up to the idea of representation: it is, in the movement itself, to highlight the internal structure of tsarist political theology, discovering the

¹³ For a more detailed analysis of the two episodes, see: [Ингерфлом, 2020, с. 132–152, 225–228; Ingerflom, 2015, p. 177–211, 283–287; Ingerflom, 2013].

¹⁴ Ivan Timofeev made it explicit: sacralization permeates the *physical* body of the tsar without being limited to his monarchical dignity [Тимофеев, с. 33].

isomorphism between autocracy and self-appointment. The former gives rise to the latter. But when the myth is attributed to being wrong because in *reality* the tsar was ultimately responsible for the oppression – something we can *prove* – it is not perceived that the myth *shows*, does not prove, because the reality enunciated by the myth is *another kind of reality*¹⁵. The reality that is the fruit of causality, subject to constant revision by future *experience*, comprehensible in *our common sense*, is alien to the myth¹⁶. The interrogation of the Moist Earth Mother as the non-bodily presence of the heaven-sent tsarevich is *neither true nor false*, because such appreciations can only refer to the act of thinking, reflexively, weighing intuitions and experiences, seeking *proof in order to convince*¹⁷. None of this occurs in the myth which, once declared, can only become factually real, but in word, a word that tells the truth, not the truth-object of a thinking that seeks to prove it, but as factual data: “Mother Earth has spoken”, “Nechai is here with us”. It is what is revealed and venerated. Thus, “the major problem with the myth of the tsar” is not, as Perrie writes, “its basic falsity”, but its “traditional approach”, “vom mythos zum logos”. The judgment of the falsity of the myth rests only on a prejudice: the myth would be a way of thinking superseded and replaced by another, more correct way of thinking, the logos. To invoke the myth’s falsity regarding the Russian people is to reject the possibility of not thinking the myth teleologically, of not interpreting it as a stage in the history of the ideas or the theory.

The Metaphor

A given metaphor may be the only way to highlight and coherently organize exactly those aspects of our experience. <...> Metaphors... play a central role in the construction of social and political reality. Yet they are typically viewed within philosophy as matters of ‘mere language’

[Lakoff, Johnsen, p. 156, 159]

As Usenko writes, self-appointment in the seventeenth century was a “norm, not a pathology” [Усенко]. Within the autocratic structure, built on patrimonial domination, mystification and transcendent legitimacy, the identity of the individual, of the serf as well as of the tsar, was posed. The question of the current identity in the seventeenth century was, as Lukin

¹⁵ Myth is understood here as “what is real and belongs to the realm of facts (in words, of course!). <...> Speech which gives indications about reality, or notes something that, once declared, can only become real: it is speech which objectively informs or functions as authority. <...> True speech of what is revealed,” whereas the *logos* refers to “speech as it is weighed, carefully considered, in that it is meant to convince” [Otto, p. 26–27]. I am interested in emphasizing the creative role of action in the possibility for human beings to move between myth and logos, a movement that does not exclude their simultaneity.

¹⁶ This strangeness is not always taken into consideration in historiography: “In defiance of *common sense* and *experience*, the peasantry apparently believed that the tsar was their patron and benefactor” [Perrie, 1999, p. 161]. The italics are mine.

¹⁷ Veyne came to the same conclusion about Roman myths: “Myth was a *tertium quid*, neither true nor false” [Veyne, p. 40].

[Лукин, с. 33] showed, “whose are you?” (Чей ты?) and not “who are you?” (Кто ты?). We can conclude that by making “I belong to” the principle of identity, *autocracy made impossible an “I am” that is not an “I am the tsar”*. Lukin notes that “the statement *I am the tsar* was a massive epidemic in the seventeenth century”, the “tip of the iceberg” (in an epistolary exchange with the author of this article) of a “self-appointment in an embryonic state” which the authorities took so seriously that even drunkenness was not a mitigating factor [Там же, с. 112, 122–137, 140]. These expressions whose massiveness Lukin identified in the sources, are disregarded by Perrie: “the phenomenon that Pavel Lukin describes as *narodnoe samozvanchestvo* (popular self-appointment) involved *only a metaphorical* use of phrases such as ‘I am the tsar’ in order to express one individual’s superiority over another”.¹⁸ This disregard of what the people were saying through the metaphor is based on the conviction that the metaphor would be reduced to a pure enunciation “in order to express one individual’s superiority over another” without political significance, as would be demonstrated by the fact that, despite the massiveness of “I am the tsar”, “no self-appointed person had appeared within Russia” between 1613 and 1669 [Perrie, 2019, p. 859, fn. 9]. I believe that Lakoff and Johnsen are right – see the epigraph – and I would be surprised if the first two Romanovs, in those years that followed the Time of Troubles, thought that the massiveness of this metaphor was an unproductive matter of “mere language”. Lukin’s theme, and what interests us most, is a culture of collective representations of power within which the metaphor functions and acquires meaning. To deny the potentialities of metaphor because they were not immediately embodied is to substitute the theme of collective representations for that of individual vicissitudes of the self-appointed. Moreover: the political culture articulated on self-appointment is not reduced to the self-appointed or to the emergence of false tsars¹⁹. This culture, whose genealogy, as shown by Boris Uspenski, can be traced back to a century before, did not disappear suddenly in 1613 to reappear abruptly in 1670. Even if we were to accept the causal and obligatory relationship between the metaphor “I am the Tsar” and the factual history, the absence of false tsars between 1613 and 1669 within Russia does not prove the political sterility of the metaphor: in that period, there were Russian self-appointed acting in territories bordering with Russia [Лукин, с. 107; Чистов, с. 66–67; Ингерфлом, 2020, с. 120; Ingerflom, 2015, p. 167], and a year later, in 1670, the Razin insurrection broke out, which at its peak raised the banner of the false tsarevich Alexey, and from 1671 onwards new self-appointed appeared. The pragmatic potential of

¹⁸ That claim of superiority over others is not so insignificant: it is what animated most self-appointed people.

¹⁹ During that period, rumors circulated claiming that the Charters and decrees were forged or that the tsar was dead; there were frequent declarations of allegiance to Dmitri in the years 1620–1650, ignoring the reigning tsar or in opposition to him; false sons of high officials of the court appeared, like that of the *okol’nichii* Ivan Basmanov in 1627, or false emissaries of the tsar in 1665. There were those who called themselves neighbors, friends, jesters, brothers, and sons of the tsar (sometimes without indicating which tsar they were). See: [Ingerflom, 2015, p. 165; Лукин, с. 116–117; Kivelson, p. 190–192; Мордовина, Станиславский].

metaphor has been highlighted by the most detailed studies on this figure of speech, but this does not mean that the translation into action is immediate²⁰.

While acts are important, they cannot help to understand the meaning of the metaphor. Let us imagine that indeed between 1613 and 1669, all traces of self-appointed tsars disappeared. The significance we attribute to the metaphor does not depend on its embodiment in acts but on the theoretical premises with which we approach it. In order to unravel the signifying potential of metaphor, it is appropriate to tackle it, as with the myth, not from its *terminus ad quem* – the alleged absence of self-appointed – but, on the contrary, from its *terminus a quo*, the initial moment furthest from the final position it reaches. When the metaphor shifts the identity of the tsar to its enunciator, the operation is not incidental, but part of the process of understanding the living world. The widespread diffusion of this transfer into metaphor registers a double perception – “to be free and not to be the property of another, I have to be tsar” and “anyone can be chosen by Heaven”. Here too, the human being responds to the “original schema of man’s liberation from fear” and, as he can, that is, metaphorically, limits the power of the tsar by reminding the world of his entirely intrinsic need for rebellion. Certainly, the metaphor can be considered a non-conceptual form of intelligibility, but we should not dismiss it as if it were not yet sufficiently conceptual; that would divert our attention from *another* mode of understanding the world or, as in the case of the myth, allow us to consider it only as something provisional, prior to a future scholarly understanding. The alternative to this teleology is historicity. Could such a metaphor have been possible in the previous century? If we think that before the Time of Troubles (early seventeenth century) such a generalization was probably impossible, what does its temporality tell us? If we shift attention from the focus on the enunciator of the metaphor to the constellations of collective and historically dated representations, that is, to the context that situates the metaphor, we open the way to another story. Here lies the relationship between metaphor and myth. The enunciation of the former is significant as it takes up the fundamental core of the myth: the division of powers, the limitation of absolute power. It is understandable that autocracy considered it dangerous. In turn, metaphor and action are not mutually exclusive. In fact, there is *permeability* between them. On the theoretical-interpretative level, and this is what is fundamental for the researcher, the historical truth of metaphors is pragmatic as a “*vérité à faire*”²¹ : “To the historically trained eye, they [metaphors] therefore indicate the fundamental certainties, conjectures, and judgments in relation to which the attitudes and expectations, actions and inactions, longings and disappointments, interests and indifferences, of an epoch are regulated” [Blumenberg, 2016, p. 29].

²⁰ “Metaphors may create realities for us, especially social realities. A metaphor may thus be a guide for future action. Such actions will, of course, fit the metaphor. This will, in turn, reinforce the power of the metaphor to make experience coherent. In this sense metaphors can be self-fulfilling prophecies” [Lakoff, Johnsen, p. 156].

²¹ In French in the original. La *vérité à faire* is the truth that is potentially and intrinsically present in the metaphor but will become evident later.

What Truth Does Self-Appointment Express in Autocratic Russia?

There is nothing to tell the people about their situation of oppression. They feel it better than we do. <...> The people are not fools.

Letter (1873) of Serguei Golushev, founder of the populist Oremburg group
[Революционное народничество, т. 1, с. 161–163]

Let us return to the dialogue between Kliuchevskii and Foucault²²: the type of resistance, for instance, the exchange of the true and the false, lays bare the type of autocratic domination, one of whose fundamental and long-lasting strategies was mystification: disguising the false as the true. I disagree with the thesis according to which episodes of self-appointment threatened the regime [Field, p. 23; Perrie, 1999, p. 164]. Except for the possibility opened by the Razin insurrection, which was quickly closed with his defeat, self-appointment did not threaten the autocratic order. It seriously undermined neither transcendent legitimacy nor the relations between the dominant and the dominated²³. When the people disqualified a particular tsar, they were talking *about the person, not the system*. The rulers knew this²⁴. *Samozvanstvo* did not threaten the direct relationship with Heaven. Such resistance could separate God from the monarch, but not from the form of government. *Samozvanstvo* expressed a fracture: power, owned by God and deposited in a *symbol* called “Tsar” [Успенский; ЖИВОВ, Успенский] was distanced from the concrete tsar who was obliged to fulfil the impossible: to prove by deeds that matched popular expectations that he was the true chosen one. In the wake of the Time of Troubles and then Peter the Great, self-appointment signaled two novelties: the weakening of the tsar’s sacredness and a collective reception of the first emperor’s decision on the succession that made the throne an available place, within the reach of anyone. It was shifting sediments that ended up uncovering the Achilles heel of the autocracy when, in 1831, Nicholas I arrived in a village that had risen in revolt. Upon seeing the sovereign, the peasants knelt down before him. But when the emperor demanded the ringleaders be denounced, the accusation that crystallized centuries of mystification spontaneously burst forth from the ranks of the prostrate: “Isn’t he one of them in disguise?” The tsar was naked. De-sacralised, he appeared for what he really was: a landowner disguised as a tsar, a self-appointed ruler [Эйдельман, с. 201]. From Ivan IV, claiming to be an “heir” to the Augustus, identifying himself with a Holy Fool, staging an exchange of his throne with the heir to the Great Mongolian Khan, presenting himself as a superior abbot, through a world turned upside down by Peter I dressed as a peasant or disguising

²² See Part I of this article: [Ingerflom, 2023, p. 691].

²³ In 1765 Kremnev, a false Peter III, promised to distribute serfs in case of victory. A participant in the Pugachev revolt: “If we had succeeded, today we would be lords with our tsar and the lords would be under the subjugation in which they hold us” [Сивков, с. 105, 134].

²⁴ Alexandre II explained to Bismarck, that “throughout the interior of the Empire the people still see the monarch as the paternal and absolute Lord set by God over the land; this belief, which has almost the force of a religious sentiment, is completely independent of any personal loyalty of which I could be the object” [Lieven, p. 142].

prince Romodanovsky in the garb of a tsar and another of his own in that of the patriarch, the historicity of practice produced a *truth*, that of the people. The prostrate peasant of 1831 synthesized the multi-secular collective memory. The addressee of the accusation was a concrete tsar, present before the people, but unlike Alexei Mikhailovich who by his mere appearance disarmed the rebellion [Kivelson], Nicholas I was reduced by the people to his physical body and deprived of charisma. There is isomorphism between the peasant's words about the landlord disguised as tsar and a political culture forged by the court. Contrary to the well-known idea of naivety that the historiographical tradition still ascribes to the peasantry, the *muzhik* of 1831 illustrated the popular competence to manipulate Russian political culture, putting the self-appointed villager and the reigning tsar on an equal footing: did they not both claim to have been appointed from Heaven? Here the significance of self-appointment, that "chronic illness" diagnosed by Kliuchevskii, unfolds to its full extent [Ключевский, т. 3, с. 27]. The reference to "false" is generally understood as applying to people who were on the lower rungs of the social ladder. But the people included the tsars, legitimate according to the rules of the monarchy, in the category of "false", making self-appointment a *norm* of Russian political history. The historical truth that self-appointment as a factor unearths in the autocratic regime, and at the same time, as an indicator expresses, is that the *auto-crat* on the throne and the ragged *self-appointed ruler* are both *self-appointed*. They were interchangeable. To the tsar who pretended to be a theophorus, the kneeling peasant hurled a "disguised!" that anthropologised him.

Decentering Political Modernity²⁵

Caminante, son tus huellas el camino y nada más.
Caminante, no hay camino: se hace camino al andar.

Al andar, se hace camino.²⁶

Antonio Machado. Campos de Castilla

In Western Europe, modern basic political concepts were constructed by registering "the dissolution of the old society of orders or estates, and the

²⁵ The reader will have to forgive me for not going into the details of the debates on modernities in relation to Russia, which have already been described by Michael David-Fox [David-Fox]. When I evoke here political modernity in Russia, I am referring to the attempts, successful or not, of a radical transformation consisting above all in (a) transferring *sovereignty* from the monarch to the people and (b) establishing the political *representation* of the people. These attempts have taken place in Russian history. The term "modernity" is justified because, I insist, these are structural changes with respect to previous ways of conceiving the government of human beings. Against the tradition, reinforced by the colonialist pretension of the North American theory of modernization, which considered the Western modernization, as if it were homogeneous, as the example to follow, new conceptions emerged such as alternative, multiple, entangled modernities... Their meaning is clear: there is not only one modernity and the path towards it is not unique. If I use the term *decentered*, it is to underline that the purpose is to remove modernity from the *center* in order to be able to "measure" the changes first of all with respect to what these changes displace or replace *in Russia itself*.

²⁶ "Wanderer, your footprints / are the path, and nothing else / wanderer, there is no path, / you make the path as you walk. / As you walk you make the path".

development of the modern world” [Koselleck, 2011, p. 8]; a period between 1750 and 1850, which Koselleck called *Sattelzeit* or *Schwellenzeit* [Koselleck, 1996, p. 69]. The elaboration of these concepts was premised, on the one hand, on the abandonment of the Aristotelian paradigm and, on the other, on the Hobbesian presentation of politics as a science. Some of these modern concepts are conveyed by ancient signifiers “albeit with altered meanings”; alongside them, the social and political language includes “keywords and slogans” [Koselleck, 2011, p. 7]. In Russia, the shift of the philosophical-political paradigm and “the dissolution of the old society” occurred later. Modern politics only became widespread with the 1905 revolution. But it would be a mistake to limit ourselves to noting the chronological difference. According to Koselleck, the modern fundamental political concepts of the Germanic and Latin linguistic areas have two functions – an indicator of a historical structure and an active factor in it. Furthermore, these concepts, given their semantic complexity, are polysemic [Koselleck, 2004, p. 85–87]. Now, we have seen that self-appointment, as a keyword of the autocratic political structure, that is, before Russian political modernity, also possessed these two functions and recorded events and phenomena with different meanings. In other words, in a clear example of coexistence of different temporalities which thus overrides the synchronic/diachronic alternative, we are facing a linguistic-conceptual device *prior to modernity*, but *similar to the logic of modern concepts*. Its specificity lies in its archaic, religious language, often referring to magic and paganism, which conceals this similarity from the eyes of those who reduce the genesis of modernity to the philosophical and secularized thinking of the Enlightenment. The Russian conceptual device *decenters and pluralizes* the political Modernity, its gestation as well as its outcome, both through its logical-conceptual device and its factual history. This same history offers us another specificity: the role of the people. In the seventeenth century, when the country had no intellectuals, it was the Cossacks, the peasants and the old ritualists persecuted by the Church and the court who, in the un-conceptual language of myth, religion and magic, conceived social representation as a legitimizing source of power and put it into practice in the conquered cities. In 1905 it was the proletariat and the peasantry who invented the soviets, thus generalizing political modernity and forcing Tsarism to grant for the first time a constitution, which, *de jure*, put an end to autocracy.

Russian political modernity takes its own paths, oblique, *discontinuous*, with a different rhythm which we have become accustomed to owing to an idyllic vision of Western becoming, disproved by the religious phenomena of the last third of the twentieth century. In the nineteenth century, self-appointment established itself as an important theme in literature and historiography. Its recurrence is remarkable in 1917.²⁷ In the

²⁷ In March 1917, delegates of the Soviets explaining the revolution to the soldiers were denounced as “self-appointed” [РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 137. Л. 25]. The same accusation was hurled against those who controlled prices on the Odessa market: [Утро России]. It was rumoured that a self-appointed, faux-Kerensky, would come to convince the soldiers to continue the war: [Wildman, p. 106].

historiography of the USSR, similar questions to those raised about Tsarist Russia arose, for example, whether the belief in Stalin the good-tsar, prisoner of the new boyars was sincere. According to Perrie, for whom the continuity in history and, more particularly, that of popular monarchism in the USSR is an important issue²⁸, “it seems clear that there are definite parallels to prerevolutionary popular monarchism” [Perrie, 1999, p. 166]. The presentification of the past in the USSR is real, but continuity as a heuristic category is not a rigorous instrument in the humanities [Ингерфлом, 2018]. Some mechanisms of domination and resistance from the past were revived in the USSR and after 1991²⁹, but were they “parallel”? Did they go in the same direction and thus possess the same historical significance? Did the emancipation of modern politics from the religious sphere and its universalization in Russia through the revolutions of 1905 and 1917, however fragile, not fundamentally affect the significance of the resistance to domination?³⁰ During the campaign for the Constituent Assembly, a pamphlet written by a priest explained that the Romanovs were Germans, from whom God had taken the throne and “handed over all the state power to the Duma. Let us live without the tsar-man, let us keep the tsar-God” [Михалев, с. 9–10]. Thus, the death of Peter II in 1730 became an active factor in 1917. The updating was possible because there was no empty space between the two dates. It had been filled by the constant reference to the interruption of the Russian line of the Romanovs, to accuse subsequent monarchs of being self-appointed. The updating included the religious legitimation of power. But updating *does not mean continuity*: in his pamphlet the priest depersonalized God-delegated power to signify that time had come for popular representation in the Duma. In March 1917, the Moscow Soviet reissued a 1913 pamphlet, *Dom Samozvanovykh*, (combines *Samozvan*(nykh) and (Roma)*novykh*), something like “The House of the Self-Appointov”, which explained that “pretending to be Romanov is nothing but self-appointment... they are not Russians, but Germans. <...> We had self-appointed tsars before who occupied the Russian throne under a name that was not theirs. Nowadays all the members of the Tsar’s family are self-ap-

²⁸ “The issue of continuity between tsarist and Stalinist authoritarianism”, “unchanged forms” of popular monarchism “over some for centuries” [Perrie, 1999, p. 164, 167]. A misunderstanding occurs when it is reproached to me that in my book, I didn’t manage to “make a convincing case for any kind of continuity or even any analogy between the tsarist and the soviet experiences of *samozvanstvo*” [Perrie, 2019, p. 862]. I did not even try: I recurrently affirmed that *it is not about continuity but about historicity*, that the permanence of the same signifier does not indicate semantic invariance, that this is an illusion, and what must be recovered is, on the contrary, *discontinuity*: [Ingerflom, 2015, p. 25, 35, 226, 437, 441–442, 466, 492, 501].

²⁹ From the claim to possess a sacred physical body to the presidential display of a hairy torso, via the cult of personality, the *mechanism* for securing domination, and not only symbolic, is similar. As resistance can also be similar: in 1919, in Krasnoyarsk, a red commander distributed a “Manifesto of Grand Duke Nicholas Nikolaevich” announcing that he had appointed Lenin and Trotsky as ministers and called on the peasants to rise “For the Tsar and Soviet Power” against Kolchak [ГАРФ. Ф. 149. Оп. 8. Д. 15. Л. 15].

³⁰ “Our Master Kolka [Nicholas II. NdA] is of no use. We will *elect* a Master out of our midst for three years, like the *starshina volostnoi*” [Ниякий, с. 98].

pointed. And if it were necessary to find a Russian surname for them, the one that would suit them best is Self-Appointov. <...> The misfortune is not that our Self-Appointovs... came from abroad... Under the *real* Romanovs, the Russian people suffered. <...> The evil is in the Tsarist *power* itself” [Блеклов, с. 7, 9, 13–17] (the italics are mine). The old denunciation – self-appointed – is updated in a *modern conceptual network*: it relegates the “real tsar” to a secondary role in order to question the *regime*. As the philosopher would say: “the same is not the merely identical. In the merely identical, the difference disappears. In the same the difference appears” [Heidegger, p. 45].

It also appears in the Soviet conception of politics. Russian populism (*Narodnichestvo*) and Leninism conceived power respectively as the representation of popular and class sovereignty. This immanent conception of legitimacy later came into crisis since it was founded on “laws of the history” just as independent of the popular sovereignty as the Holy Spirit had been. Nevertheless, Soviet power could not eradicate the principle of representation. In the resistance of the oppressed, “the same” happened, the difference included: it was no longer “*Peter* is the Antichrist”, but “Soviet *power* is not the power of God but of the Antichrist” [Fitzpatrick; Viola]. The adversary is the *power*, still legitimized by God, but already abstract, which did not exclude identifying Stalin with the Antichrist. If the power is that of the Antichrist and those who wield it are his servants, how can they be designated in the Russian conceptual tradition? As “the self-appointed who do nothing but talk about elections, who tell us all the time that we are eligible, even though in reality there are no *elections*, and they elect themselves” [Голос народа, с. 262]. The Antichrist was no longer the negation of the messianic promise but the Other of political modernity. In 1930, an assembly of 273 workers’ delegates from factories in Moscow and Podolsk declared Stalin “unrecognized *self-appointed* leader of the proletariat”, who “is represented not by his chosen ones but by self-designated people” [Без ретуши, с. 275–276]. Stalin was a self-appointed ruler, not because he was not appointed by God but because he was not *elected* by the working class. The keyword self-appointment thus became a modern concept, which does not imply a false Stalin, but the demand for representation. Representation not only political, but also social: an order different from both the autocratic and the liberal. Self-appointment became a concept, an *indicator* of socio-political *changes*, in particular, of the order that violated both representation and popular sovereignty and an active factor of this new configuration, present in the language of resistance.

The paradigm shift was radical and established an epochal discontinuity of historical dimensions: the representation and the popular sovereignty replaced the incarnation of God and the *samovlastie/self-power/autocracy* of the Master (*Gosudar*). From the physical body of the monarch to the political body of the social Republic. From keyword to concept, the self-appointment is present in both orders, without

continuity, but with historicity: its meaning changed radically. “There is something absolutely specific in historicity: precisely that power of erecting something new during the recovery of the inheritance received” [Castoriadis, Ricœur, p. 58].

Библиографические ссылки

- Андреев И. Л.* Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110–117. Без ретуши. Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях : в 2 т. Л. : Лениздат, 1991. Т. 1. 304 с.
- Блеклов С. М.* Дом Самозвановых. М. : Тов-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1917. 16 с. ГА РФ. Ф. 109. III Отд.-ние. Оп. 3. Д. 2124; Ф. 149. Оп. 8. Д. 15.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т. М. : Наука, 1955. Т. 6. 549 с. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М. : РОССПЭН, 1997. 328 с.
- Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский. М. : Наука. 1987. С. 47–153.
- Ингерфлом К.* Аз емь царь. История самозванства в России. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 448 с.
- Ингерфлом К. С.* Как осмыслить перемены, не пользуясь категориями разрыва и преемственности: герменевтический взгляд на революцию 1917 г. в свете истории понятий // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2, № 3. С. 171–204.
- Ключевский В. О.* Сочинения : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956–1959.
- Коновалова Н. А.* «Царёв хлеб ешь, а правду режь»: о возможности крестьянского бунта против царя // Вестн. Омск. ун-та, 2008. № 3. С. 97–103.
- Костров А. В.* Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. // Новый ист. вестн. 2010. № 1 (23). С. 35–42.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. : в 4 т. / сост. Е. А. Швецова. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1962. Т. 2, ч. 1. 665 с.
- Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. : Наука, 2000. 292 с.
- Мауль В.* «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.
- Мельников П. И. (А. Печерский).* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 9. 1910. С. 3–328.
- Миронов Б. Н.* (2003). Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин. Т. 2. 582 с.
- Михалев М.* Царская власть есть зло, и выбирать царя не следует. Пг. : Народная власть, 1917. 12 с.
- Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Лжебасманов* // Вопр. истории. 1974. № 10. С. 135–141.
- Наградов И. С.* Костромские крестьяне-старообрядцы в условиях революционных потрясений (1918 – начало 1920-х годов) // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2013. № 5. С. 63–66.
- Ниякий В. В.* Нижегородская деревня. Облик и настроения классов в первой российской революции. Горький : Волго-Вятское книж. изд-во, 1981. 207 с.
- Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М. : Наука, 1990. 300 с. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 137.

Революционное народничество 70-х годов XIX века : в 2 т. / под ред. С. С. Волка. М. : Наука, 1965. 530 с.

Романов В. И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 года // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2007. № 11. С. 59–65.

Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Ист. зап. 1950. Т. 31. С. 88–135.

Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар / обзор подг. В. В. Бабашкиным // Отеч. история. 1996. № 4. С. 129–154.

Тимофеев И. Временник. СПб. : Наука, 2004. 427 с.

Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *SVĚT- // Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский. М. : Наука, 1987. С. 184–252.

Усенко О. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57; № 2. С. 69–72.

Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление). М. : Языки рус. культуры, 1998. 676 с.

Утро России. 1917. № 70. 14 марта.

Федоров В. А. К вопросу об идеологии крестьянского хозяйства // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск : [Б. и.], 1972. С. 140–151.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 339 с.

Шульга Е. П. Этнополитология. М. : Директ-Медиа, 2018. 332 с.

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. М. : Мысль, 1973. 366 с.

Blumenberg H. *Paradigms for a Metaphorology*. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2016. 210 p.

Blumenberg H. *Work on Myth*. Massachusetts : MIT Press, 1988. 725 p.

Brown P. *Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley : Univ. of California Press, 1982. VII, 347 p.

Castoriadis C., Ricœur P. *Dialogue sur l'histoire et l'imaginaire social*. Paris : Ehes, 2016. 76 p.

Chartier R. *Le Monde comme représentation* // *Annales. ESC*. 1989. Vol. 6, № 44. P. 1505–1520.

David-Fox M. *Crossing Borders, Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh : Pittsburgh Univ. Press, 2015. 286, VIII p.

Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston : Houghton Mifflin, 1976. 220 p.

Fitzpatrick Sh. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1994. XX, 386 p.

Goethe, J. W. von. *Aus meinen Leben: Dichtung und Wahrheit* // *Goethes Werke*. Part IV / Hrsg. von S. Scheibe. Berlin : Akademie Verlag, 1970. S. 642.

Heidegger M. *Identity and Difference*. N. Y. : Harper & Row, 2008. 76 p.

Ingerflom C. *How Old Magic Does the Trick for Modern Politics* // *Russian History*. 2013. Vol. 40, № 3/4. P. 428–450.

Ingerflom C. *Le Tsar c'est moi*. Paris : Puf, 2015. 520 p.

Ingerflom C. *Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History*. Part 1 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 677–702. DOI 10.15826/qr.2023.2.812.

Kivelson V. A. *The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising* // *Am. Historical Rev.* 1993. Vol. 98, № 3. P. 733–756. DOI 10.2307/2167548.

Koselleck R. *A Response to Comments on the Geschichtliche* // *The Meaning of Historical Terms and Concepts*. *New Studies on Begriffsgeschichte* / ed. by H. Lehmann, M. Richter. Washington, DC : German Historical Inst., 1996. P. 59–69.

Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* / transl. and introd. by K. Tribe. N. Y. : Columbia Univ. Press, 2004. XX, 317 p.

- Koselleck R.* Introduction (Einleitung) to the *Geschichtliche Grundbegriffe* / transl. by M. Richter // *Contributions to the History of Concepts*. 2011. Vol. 6. № 1. P. 31–54.
- Koselleck R.* Über de Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft // *Koselleck R. Zeitschriften. Studien zur Historik*. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 2000. S. 298–316.
- Koselleck R.* Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 2006. 569 S.
- Laham Cohen R.* Eliezer Ben Hyrcanus. Jesús y la construcción de la creencia correcta en la literatura rabínica de la Antigüedad Tardía // *Tener por cierto. Prácticas de la creencia de la antigüedad romana a la modernidad* / ed. by E. Dell'Elicine et al. Buenos Aires : Miño y Dávila, 2020. 299 p.
- Lakoff G., Johnsen M.* *Metaphors We Live By*. L. : Univ. of Chicago Press, 2003. XII, 276 p.
- Lieven D.* *Nicholas II. Twilight of the Empire*. N. Y. : St Martin's Press, 1996. 292 p.
- Mamonova N.* Naïve Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia // *Rural Sociology*. 2016. Vol. 81, № 3. P. 316–342. DOI 10.1111/ruso.12097.
- Nestle W.* Vom Mythos zum Logos. Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Stuttgart : A. Kröner, 1940. VIII, 572 S.
- Otto W. F.* *Essais sur le mythe*. Mauzevin : Trans-Europ-Repress, 1987. 80 p.
- Perrie M.* *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. 280 p.
- Perrie M.* *Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin* // *Reinterpreting Russia* / ed. by G. Hosking, R. Service. L. ; N. Y. : Arnold, 1999. P. 156–169.
- Perrie M.* *Samozvanstvo and the Legitimation of Power in Russian Political Culture* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20, № 4. P. 855–864. DOI 10.1353/kri.2019.0060.
- Schmitt J.-C.* *La Croyance au Moyen Âge* // *Raison présente*. 1995. № 113. P. 5–22.
- Tylor E.* *Primitive Culture. Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom* : 2 vols. L. : John Murray, 1871.
- Vernant J.-P.* *Mythe et Société en Grèce ancienne*. Paris : La Découverte, 1974. 252 p.
- Veyne P.* *Les Grecs ont-ils cru à leurs mythes? Essai sur l'imagination constituante*. Paris : Ed. du Seuil, 1983. 164 p.
- Viola L.* *Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford : Oxford Univ. Press, 1996. 312 p.
- Wildman A.* *The End of the Russian Imperial Army* : 2 Vols. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 1987. Vol. 2. *The Road to Soviet Power and Peace*. XV, 443 p.
- Wirth J.* *Sainte Anne est une sorcière et autres essais*. Geneve : Droz, 2003. 298 p.
- Wittgenstein L.* *Remarks on Frazer's The Golden Bough* // *Wittgenstein L. The Mythology in Our Language* / transl. by S. Palmié, with a pref. by G. da Col. Chicago : Hau Books, 2018. P. 29–73.

References

- Andreev, I. L. (1999). *Anatomiya samozvanstva* [Anatomy of Imposture]. In *Nauka i zhizn'*. No. 10, pp. 110–117.
- Babashkin, V. V. (Ed.). (1996). *Sovremennye kontseptsii agrarnogo razvitiya. Teoreticheskii seminar* [Modern Concepts of Agricultural Development. Theoretical Seminar]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 129–154.
- Bez retushi. Stranitsy sovetskoi istorii v fotografiyakh, dokumentakh, vospominaniyakh v 2 t.* [No Retouch. Pages of Soviet History in Photographs, Documents, Memoirs. 2 Vols.]. (1991). Leningrad, Lenizdat. Vol. 1. 304 p.
- Bleklov, S. M. (1917). *Dom Samozvanovykh* [House of Samozvanovs]. Moscow, Tovarishchestvo "Brat'ya A. i I. Granat i Ko". 16 p.

- Blumenberg, H. (1988). *Work on Myth*. Massachusetts, MIT Press. 725p.
- Blumenberg, H. (2016). *Paradigms for a Metaphorology*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 210 p.
- Brown, P. (1982). *Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley, Univ. of California Press. VII, 347 p.
- Castoriadis, C., Ricœur, P. (2016). *Dialogue sur l'histoire et l'imaginaire social*. Paris, EHESS. 76 p.
- Chartier, R. (1989). Le Monde comme représentation. In *Annales. ESC*. Vol. 6. No. 44, pp. 1505–1520.
- Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian Folk Social-Utopian Legends of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 339 p.
- David-Fox, M. (2015). *Crossing Borders, Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, Pittsburgh Univ. Press. 286, VIII p.
- Eidelman, N. Ya. (1973). *Gertsen protiv samoderzhaviya. Sekretnaya politicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vekov i Vol'naya pechat'* [Herzen against Autocracy. The Secret Political History of Russia in the 18th–19th Centuries and the Free Press]. Moscow, Mysl'. 366 p.
- Fedorov, V. A. (1972). K voprosu ob ideologii krest'yanskogo khozyaistva [On the Question of the Ideology of the Peasant Economy]. In *Voprosy agrarnoi istorii Tsentra i Severo-Zapada RSFSR*. Smolensk, S. n., pp. 140–151.
- Field, D. (1976). *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, Houghton Mifflin. 220 p.
- Fitzpatrick, Sh. (1994). *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. N. Y., Oxford Univ. Press. XX, 386 p.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 109. Depart. 3. List 3. Dos. 2124; Stock 149. List 8. Dos. 15.
- Goethe, J. W. von. (1970). Aus meinen Leben: Dichtung und Wahrheit. In Scheibe, S. (Hrsg.). *Goethes Werke. Part IV*. Berlin, Akademie Verlag, S. 642.
- Heidegger, M. (2008). *Identity and Difference*. N. Y., Harper & Row, 2008. 76 p.
- Herzen, A. I. (1955). *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Collected Works. 30 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 6. 549 p.
- Ingerflom, C. (2013). How Old Magic Does the Trick for Modern Politics. In *Russian History*. Vol. 40. No. 3/4, pp. 428–450.
- Ingerflom, C. (2015). *Le Tsar c'est moi*. Paris, Puf. 520 p.
- Ingerflom, C. (2018). Kak osmyslit' peremeny, ne pol'zuyas' kategoriyami razryva i preemstvennosti: germenevticheskii vzglyad na revolyutsiyu 1917 g. v svete istorii ponyatii [How to Comprehend Changes without Using the Categories of Break and Continuity: A Hermeneutic View of the Revolution of 1917 in the Light of the History of Concepts]. In *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. Vol. 2. No. 3, pp. 171–204.
- Ingerflom, C. (2020). *Az esm' tsar'*. *Istoriya samozvanstva v Rossii* [I am the Tsar. The History of Imposture in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p.
- Ingerflom, C. (2023). Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 1. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 2, pp. 677–702. DOI 10.15826/qr.2023.2.812.
- Kivelson, V. A. (1993). The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising. In *American Historical Review*. Vol. 98. No. 3, pp. 733–756. DOI 10.2307/2167548.
- Klyuchevskii, V. O. (1956–1959). *Sochineniya v 8 t.* [Works. 8 Vols.]. Moscow, Gospolitizdat.
- Konovalova, N. A. (2008). “Tsarev khleb esh’, a pravdu rezh’”: o vozmozhnosti krest'yanskogo bunta protiv tsarya [“Eat the tsar's bread, but cut the truth”: On the Possibility of a Peasant Revolt against the Tsar]. In *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 3, pp. 97–103.

Koselleck, R. (1996). A Response to Comments on the *Geschichtliche*. In Lehmann, H., Richter, M. (Eds.). *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte*. Washington, DC, German Historical Institute, pp. 59–69.

Koselleck, R. (2000). Über de Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft. In Koselleck, R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt an Main, Suhrkamp, S. 298–316.

Koselleck, R. (2004). *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* / transl. and introd. by K. Tribe. N. Y., Columbia Univ. Press. XX, 317 p.

Koselleck, R. (2006). *Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 569 S.

Koselleck, R. (2011). Introduction (Einleitung) to the *Geschichtliche Grundbegriffe* / transl. by M. Richter. In *Contributions to the History of Concepts*. Vol. 6. No. 1, pp. 31–54.

Kostrov, A. V. (2010). Sovetskaya vlast' i staroobryadtsy Baikal'skoi Sibiri v 1920-e gg. [Soviet Power and the Old Believers of Baikal Siberia in the 1920s]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 1 (23), pp. 35–42.

Laham Cohen, R. (2020). Eliezer Ben Hyrcanus. Jesús y la construcción de la creencia correcta en la literatura rabínica de la Antigüedad Tardía. In Dell'Elicine, E., et al. (Eds.). *Tener por cierto. Prácticas de la creencia de la antigüedad romana a la modernidad*. Buenos Aires, Miño y Dávila. 299 p.

Lakoff, G., Johnsen, M. (2003). *Metaphors We Live By*. L., Univ. of Chicago Press. XII, 276 p.

Lieven, D. (1996). *Nicholas II. Twilight of the Empire*. N. Y., St Martin's Press. 292 p.

Lukin, P. V. (2000). *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Popular Ideas about State Power in Russia in the 17th Century]. Moscow, Nauka. 292 p.

Mamonova, N. (2016). Naïve Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia. In *Rural Sociology*. Vol. 81. No. 3, pp. 316–342. DOI 10.1111/ruso.12097.

Maul', V. (2017). "Chigirinskii zagovor" i krest'yanskaya psikhologiya [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 1, pp. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

Mel'nikov, P. I. (Pecherskii, A.). (1910). Otchet o sovremennom sostoyanii raskola v Nizhegorodskoi gubernii [Report on the Current State of the Split in Nizhny Novgorod Province]. In *Deistviya Nizhegorodskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vol. 9, pp. 3–328.

Mikhalev, M. (1917). *Tsarskaya vlast' est' zlo, i vybirat' tsarya ne sleduet* [Royal Power is Evil, and one Should not Choose a Tsar]. Petrograd, Narodnaya vlast'. 12 p.

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. *Genesis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v 2 t.* [Social History of Russia in the Period of the Empire (18th – Early 20th Centuries). Genesis of Personality, Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2. 582 p.

Mordovina, S. P., Stanislavskii, A. L. (1974). Lzhebasmanov [False Basmanov]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 135–141.

Nagrado, I. S. (2013). Kostromskie krest'yane-starobryadtsy v usloviyakh revolyutsionnykh potryasenii (1918 – nachalo 1920-kh godov) [Kostroma Peasants-Old Believers in the Conditions of Revolutionary Upheavals (1918 – Early 1920s)]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5, pp. 63–66.

Nestle, W. (1940). *Vom Mythos zum Logos. Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates*. Stuttgart, A. Kröner. VIII, 572 S.

Niyakii, V. V. (1981). *Nizhegorodskaya derevnya. Oblik i nastroyeniya klassov v pervoi rossiiskoi revolyutsii* [Nizhny Novgorod Village. The Appearance and Sentiments of Classes in the First Russian Revolution]. Gor'kii, Volgo-Vyatskoe kniznoe izdatel'stvo. 207 p.

Otto, W. F. (1987). *Essais sur le mythe*. Mauzevin, Trans-Europ-Repress, 1987. 80 p.

Perrie, M. (1987). *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 280 p.

Perrie, M. (1999). Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin. In Hosking, G., Service, R. (Eds.). *Reinterpreting Russia*. L., N. Y., Arnold, pp. 156–169.

Perrie, M. (2019). Samozvanstvo and the Legitimation of Power in Russian Political Culture. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 20. No. 4, pp. 855–864. DOI 10.1353/kri.2019.0060.

Rakhmatullin, M. A. (1990). *Krest'yanskoe dvizhenie v velikorusskikh guberniyakh v 1826–1857 gg.* [The Peasant Movement in the Great Russian Provinces in 1826–1857]. Moscow, Nauka. 300 p.

Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka v 2 t. [Revolutionary Populism of the 1870s. 2 Vols.]. Moscow, Nauka, 1964.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 6. List 1. Dos. 187.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 2421. List 2. Dos. 137.

Romanov, V. I. (2007). Armeiskie garnizony Urala v revolyutsionnykh sobytiyakh pervoi poloviny 1917 goda [Army Garrisons of the Urals in the Revolutionary Events of the First Half of 1917]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11, pp. 59–65.

Schmitt, J.-C. (1995). La Croyance au Moyen Âge. In *Raison présente*. No. 113, pp. 5–22.

Shul'ga, E. P. (2018). *Etnopolitologiya* [Ethnopolitology]. Moscow, Direkt-Media. 332 p.

Shvetsova, E. A. (Ed.). (1954–1962). *Krest'yanskaya voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov v 4 t.* [Peasant War Led by Stepan Razin. Collection of Documents. 4 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2. Part 1. 665 p.

Sivkov, K. V. (1950). Samozvanchestvo v Rossii v poslednei treti XVIII v. [Imposture in Russia in the Last Third of the 18th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 31, pp. 88–135.

Sokolov, A. K. (Ed.). (1997). *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiyakh 1918–1932 gg.* [The Voice of the People. Letters and Responses from Ordinary Soviet Citizens about the Events of 1918–1932]. Moscow, ROSSPEN. 328 p.

Timofeev, I. (2004). *Vremennik* [Vremennik]. St Petersburg, Nauka. 427 p.

Toporov, V. N. (1987). Ob odnom arkhainom indoevropeiskom elemente v drevnerusskoi dukhovnoi kul'ture – *SVĚT- [About One Archaic Indo-European Element in Ancient Russian Spiritual Culture – *SVĚT-]. In Uspenskii, B. A. (Ed.). *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti*. Moscow, Nauka, pp. 184–252.

Tylor, E. (1871). *Primitive Culture. Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom*. 2 Vols. L., John Murray.

Usenko, O. (1995). Samozvanchestvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Rus': Norm or Pathology?]. In *Rodina*. No. 1, pp. 53–57. No. 2, pp. 69–72.

Uspenskii, B. A. (1998). *Tsar' i patriarkh. Kharizma vlasti v Rossii. (Vizantiiskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and Patriarch. Charisma of Power in Russia. (Byzantine Model and Its Russian Rethinking)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 676 p.

Utro Rossii [Utro Rossii]. (1917). No. 70. 14 March.

Vernant, J.-P. (1974). *Mythe et Société en Grèce ancienne*. Paris, La Découverte. 252 p.

Veyne, P. (1983). *Les Grecs ont-ils cru à leurs mythes? Essai sur l'imagination constituante*. Paris, Editions du Seuil. 164 p.

Viola, L. (1996). *Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford, Oxford Univ. Press. 312 p.

Wildman, A. (1987). *The End of the Russian Imperial Army*. 2 Vols. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press. Vol. 2. The Road to Soviet Power and Peace. XV, 443 p.

Wirth, J. (2003). *Sainte Anne est une sorcière et autres essais*. Geneve, Droz. 298 p.

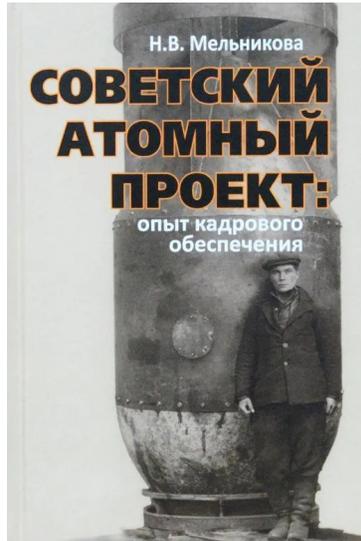
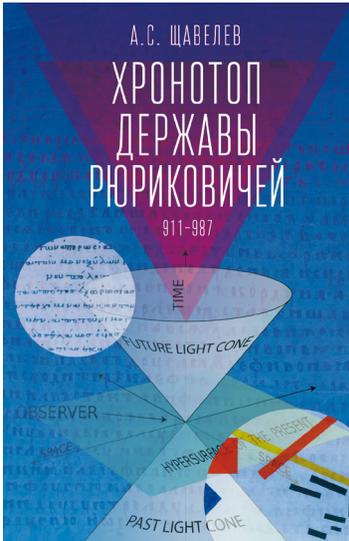
Wittgenstein, L. (2018). Remarks on Frazer's *The Golden Bough*. In Wittgenstein, L. *The Mythology in Our Language* / transl. by S. Palmié, with a pref. by G. da Col. Chicago, Hau Books, pp. 29–73.

Zhivov, V. M., Uspenskii, B. A. (1987). Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and God. Semiotic Aspects of the Sacralization of the Monarch in Russia]. In Uspenskii, B. A. (Ed.). *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti*. Moscow, Nauka, pp. 47–153.

The article was submitted on 24.02.2023

Controversiae
et recensione

Controversiae et recensiones

Россия и циркумросская политосфера X века*

Рец. на: Щавелёв А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987)
/ отв. ред. Е. А. Мельникова. – М. : Аквилон, 2020. – 560 с.

Александр Еманов

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century

Rev. of: Shchhavelev, A. S. (2020). *Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987)*
[The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)] / ed. by E. A. Melnikova.
Moscow, Aquilon. 560 p.

Alexander Emanov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This review considers the concept of the Rurikid polity of the tenth century proposed by Aleksei S. Shchhavelev, Senior Researcher at the Center for Eastern Europe in the Ancient and Medieval World, Department of the History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of General History, Russian Academy of Sciences. Also, the reviewer examines its chronology and spatial structure, the genealogy of the early Rurikids, and the dynamics of their territorial power. The concept of “polity” replaces the previous notions of “Ancient Russia”, “Kievan Rus”, and “Ancient Russian State” irrelevant for pre-Christian Times. The basis for the reconstruction of the Rurikid polity in the tenth century was not so much *The Primary Chronicle* whose chronology is being criticized more and more harshly, as *The Tactica* by Byzantine Emperor Leo VI the Wise (866–912), the treatise *De Administrando Imperio* by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus (905–959), letters from Hasdai ibn Shaprut (905–975), advisor to the Caliph of Cordoba, etc. This polity emerged following stochastic fluctuations in ethno-social, event, and personal history.

Keywords: Rurikids, polity, chronotope, Rus, Rhosia, Leo VI the Wise, *The Tactica*, Constantine VII Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, Hasdai ibn Shaprut

---

* *Citation:* Emanov, A. (2023). Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1101–1110. DOI 10.15826/qr.2023.3.836.

Цитирование: Еманов А. Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1101–1110. DOI 10.15826/qr.2023.3.836 / Еманов А. Россия и циркумросская политосфера X века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1101–1110. DOI 10.15826/qr.2023.3.836.

В рецензии анализируется концепция политики Рюриковичей X в., предложенная старшим научным сотрудником центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН Алексеем Щавелёвым, разбираются ее хронология и пространственная структура, генеалогия ранних Рюриковичей и динамика их территориальной власти. Понятие «полития» вытесняет прежние нерелевантные для дохристианского времени понятия «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство». Основой для реконструкции политики Рюриковичей X в. послужили не столько «Повесть временных лет», хронология которой вызывает все большую критику, сколько «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого (866–912), трактат «Об управлении империей» правителя Византии Константина VII Багрянородного (905–959), письма советника кордовского халифа Хасдая ибн Шапрута (905–975) и др. Эта полития появилась в результате стохастических флуктуаций этносоциальной, событийной и персональной истории.

Ключевые слова: Рюриковичи, полития, хронотоп, росы, Рóсия, Лев VI Мудрый, «Тактика», Константин VII Багрянородный, «Об управлении империей», Хасдай ибн Шапрут

Новая монография Алексея Щавелёва [Щавелёв], молодого, но уже хорошо известного в исторической науке специалиста по проблемам проторусского политогенеза, подвергает радикальному пересмотру сложившиеся стереотипы ранней русской истории. Автор решительно порывает с нарративами «больших историй», транслировавшими имперские и квазиимперские, марксистско-советского формата идеологемы знания-власти, объявляет масштабную аннигиляцию рекурсивных историографических клише, выявляет полиморфное территориально-родовое устройство социального мира Приднепровской низменности и Среднерусской возвышенности X в., обнаруживает плюральные сценарии исторического развития средневекового социума этого региона. Он категорически отказывается от привычных понятий «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство» применительно к изучению дохристианского прошлого разных этнических групп Днепровского речного бассейна. Вместо них исследователь вводит аутентичный для X в. термин «полития», каковым византийские авторы обозначали любые устойчивые политические образования ойкумены. В действительности, как справедливо отмечает ученый, эти политии Восточно-Европейской равнины были лишены хоть сколько-нибудь заметных признаков государственности, являлись неустойчивыми системами самых различных по природе, характеру и содержанию коммуникаций между племенными, родовыми и клановыми группами, между генеалогическими линиями и тотемными объединениями, между линиями языковой преемственности и иными непрерывно менявшимися формами

идентичности. Ἡ πολιτεία Рюриковичей была одной из множества соперничавших между собой политий в обозначенном регионе, она оказалась наиболее жизнеспособной, сумевшей возвыситься и вытеснить конкурентов.

Притязания автора основаны на ревизии привычных, давно известных повествовательных источников русского Средневековья, активного расширения источникового фонда за счет привлечения византийских, латинских, скандинавских и восточных источников, представленных во введении. Автор осознанно дистанцируется от использования археологических источников, настаивая на демаркации исторической и археологической картин прошлого, потому что историки чересчур доверяют радиоуглеродным датировкам археологов, считая их сверхнадежными, а археологи склонны подгонять свои относительные интервальные датировки под реперные точки исторических дат, в результате условности, искажения, ошибки множатся, как снежный ком. Впрочем, нумизматические, сфрагистические и эпиграфические источники, несмотря на их обусловленность археологическими раскопками, в рассматриваемой монографии активно анализируются.

Сомасштабна источниковой фундированности и историографическая проработанность проблемы. В монографии А. Щавелёва задействовано более 900 научных работ предшественников на английском, греческом, итальянском, немецком, норвежском, польском, русском, сербском, украинском, французском, хорватском, чешском и шведском языках. Наблюдения исследователя заметно отличаются от выводов классиков российской исторической науки Александра Преснякова (1870–1929), профессора кафедры русской истории Петроградского/Ленинградского университета, Михаила Приселкова (1881–1941), декана исторического факультета того же университета, Сергея Бахрушина (1882–1950), заведующего сектором истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР, хотя он и позиционирует себя продолжателем заложенной ими традиции критического отношения к средневековому русскому летописанию. Ученый дискутирует с концепцией «родового сюзеренитета Рюриковичей» (*corpus fratrum*), выдвинутой Александром Назаренко (1948–2022), руководителем Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, и концепцией «союза независимых правителей» (альянса архонтов), предложенной Александром Мусиным, ведущим научным сотрудником отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН. Оспаривает он и концепт «Русского каганата» Константина Цукермана, профессора византистики Практической школы высших исследований в Париже, заявляя, что до X в. никакой Рóсии/Руси не было даже в проекте.

От критического взора автора монографии не ускользнуло почти ни одно сколько-нибудь заметное исследование по проблемам

Руси X в. Достаточно сказать, что им учтена даже курсовая работа «Норманны и Киевская Русь» Андрея Амальрика (1938–1980) [Амальрик], студента 2-го курса исторического факультета Московского университета, отчисленного в 1961 г. за обоснование норманнской теории, за ядовитые слова о трехсотлетнем «летаргическом сне» русов, за отвержение раннесредневековой русской истории VI–IX вв., за передатирование призвания Рюрика в X в. Эта работа ставшего диссидентом Амальрика оказалась в библиотеке Университета Виргинии и была опубликована только более полувека спустя.

Известным ориентиром для А. Щавелёва служит исследование Клэр Даунхем [Downham], профессора Института ирландских исследований Ливерпульского университета, по истории королевств викингов, которые справедливо рассматриваются ею как образования – изоморфные политике Рюриковичей. Вслед за британским медиевистом, но на русском материале она предпринимает реконструкцию аналитической хронологии событий, географических маркеров доминирования преемников Рюрика, просопографии окружавшей его элиты, генеалогии правящего рода, без чего история Рóсии/Руси X в. остается пересказом научным метаязыком повествований средневековых летописцев.

В главе 1 подвергаются пересмотру даты византийско-русских договоров, очень важные для реконструкции хронотопа политики Рюриковичей, то есть определения хронологических маркеров и триангуляции пространственных ориентиров. Русские летописи, в частности, «Повесть временных лет», созданная в начале XII в. и сохранившаяся в списках XIV–XVI вв., а также «Новгородская первая летопись», старший извод которой датируется XIII–XIV вв., оцениваются как искусственный и ненадежный источник, отягощенный к тому же «модернизаторской» в средневековом богословском духе дидактикой и публицистикой. Датировки «Повести временных лет» вплоть до 1061 г. мифологичны, производны от суммирования эпической продолжительности жизни героев в 33 года. Ряд фрагментов летописного нарратива является результатом вторичного историографического конструирования составителей «Повести временных лет». В результате зафиксированные в летописи договоры Олега 6415 г. и Игоря 6453 г. признаны исследователем «псевдодоговорами», каковых в реальности не было. Сочтены достоверными только два договора, и уточнены их даты – 2 сентября 911 г. между князем Киева Олегом и императором Византии Львом VI Мудрым, а также 21 июля 971 г. между киевским князем Святославом и византийским императором Иоанном Цимисхием. Описания победоносных походов русских князей на Константинополь, после которых якобы непременно заключались договоры, являются пересказами известий византийских хроник и, следовательно, должны считаться источниками сугубо вторичными. В то же время летописи отразили вполне аутентичную историческую память элиты Рóсии со всеми механизмами ее коррекции в пользу победителей.

Глава 2 посвящена анализу известий о русах в разделе “*Ναυραχικὰ*” трактата “*Такτικά*” ромейского василевса Льва VI Мудрого, составленного в начале X в. и дошедшего до нас в манускриптах того же столетия. В самом раннем Медичейском кодексе середины X в. (Cod. Mediceo-Laurentianus Graec. 55,4) этноним «рос» не приводился, содержалось только указание на «северных скифов», однако в Амброзианском кодексе второй половины X в. (Cod. Ambrosianus B119 sup) народ «рос» обозначался как разновидность «северных скифов». Здесь возможны как допущение вставки в более поздней копии, так и механический пропуск в ранней версии. Однако, как справедливо подчеркивает исследователь, грамматически и логически запись позднего копииста выглядит ясней и определенной, поскольку этники отчетливо различались по родовым и видовым определителям: сарацины – варвары, и северные скифы – росы. Как раз росы характеризовались использованием быстрых и легких акатиев для плаваний по рекам и Евксинскому понту (Черному морю).

Глава 3 содержит тщательный разбор данных о пространстве деятельности русов в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленном в 952–959 гг. лично императором при участии «анонимного сотрудника» и, возможно, «анонимного архивиста». Трактат существовал в одном-единственном экземпляре, предназначался для наследника, хранился в императорской библиотеке во дворце. Текст отразил несколько помет 979 г. неизвестного читателя, сохранился в копии 1053–1073 гг., выполненной писцом Михаилом Роизаитом для кесаря Иоанна Дуки (Cod. Paris. Gr. 2009). Ученый отвергает фантазии относительно существования «архива дрома», тематических «досье», считает лакуны следствием ограниченности познаний составителя или внутренних моральных запретов на освещение военных столкновений с единоверцами. В этом тексте выявляются наиболее полные сведения о соседях росов, их центрах, доминировании над различными славянскими племенами.

В главе 4 анализируется эпистолярное наследие Хасдая ибн Шапрута, еврейского врача и советника кордовского халифа Абд ал-Рахмана III (891–961). Одно его письмо было адресовано мэлэху Хазарии Иосифу, было составлено в 956–961 гг., отразило конфликты между евреями и христианами в Византии, проведение кампании по крещению евреев в Византийской империи и организацию силового давления на Хазарию, ближайшего соседа и конкурента русов. Другое письмо было адресовано самому Хасдаю ибн Шапруту, оно было отправлено безымянным хазарским корреспондентом из Константинополя в 955–956 гг. («Текст Соломона Шехтера», или «Кембриджский документ»). В нем говорилось о миграциях евреев из Персии и Армении в Хазарию, о смешении с кочевниками-хазарами, о принятии последними иудаизма, о союзе хазар с аланами, иудаизме последних, походе «мэлэха Рóсии» Олега против хазар и аланов, поддержанного византийским императором Романом I Лакапином (ок. 870–948),

и о последующем разгроме росов, а затем и о смерти мэлэха Олега. Третье письмо сохранилось частично, адресовано Хасдаем некоей безымянной госпоже в Константинополе, которую ученый обоснованно идентифицирует с Анастасией-Феофано, вдовой Романа II Багрянородного (938–963), оно было написано в 963–964 гг. Фрагмент четвертого письма также не сохранил имя адресата, называл только его титул по-еврейски «великий мэлэх», каковым мог быть, по заключению исследователя, император Византии Константин VII Багрянородный либо его сын Роман II; дается надежная датировка этого послания – 959–961 гг. И в том, и в другом текстах также отражается тема столкновения интересов хазар и росов.

В главах 5–6 дается обоснование авторской концепции хронотопа политики Рюриковичей X в. Оно совершенно оправданно начинается с понимания этнонима «рос»/«русь». Прежде всего это аллоэтноним, то есть не самоназвание этнополитической группы, а ее обозначение в чужих, разноязычных традициях: “οὶ Ρῶς” в византийских текстах, “Rhos” в латинских источниках, “רֹסִי” в еврейском эпистолярии, “al-Rūs” в арабских географических нарративах. Так называли по преимуществу группы наемных воинов скандинавского происхождения, которые либо приглашались на службу разноэтничными и разноязычными территориально-племенными общностями Восточно-Европейской равнины, либо самостоятельно обосновывались в новых землях. Насколько остра проблема происхождения этника «рос», говорят материалы дискуссии, только что состоявшейся на страницах журнала «Этнографическое обозрение». Герман Дзибель, американский антрополог, утверждает, что славянское слово «родичи» было заимствовано финнами как “rōtsi”, “rođsmen”, то есть «гребцы» и потом стало названием руси и шведов, приплывавших по Балтийскому морю [Дзибель]. Он отмечает, что термин «русь» 270 раз упоминался в «Повести временных лет» и в 260 случаях соотносился со славянами, указывал на них как на ближайших родичей. Кирилл Максимович, научный сотрудник Университета имени Иоганна Гуттенберга в Майнце, продолжает отстаивать славянскую этимологию слова «русь» из праславянского “roudsъ”, то есть «русый», «рыжий», указывая на рыжеволосость как отличительный признак групповой идентичности [Максимович]. Вячеслав Кулешов, доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского университета, отыскивает новые аргументы в пользу скандинавской этимологии [Кулешов]. Этносоционим «рос»/«русь» произведен от древнескандинавского этимона “rōþR” и обозначает население прибрежной и островной части Упланда. Именно он, по убеждению А. Щавелева, и был передан в древнерусских источниках в кириллической форме «роусь», или «рос»/«русь».

Сегодня отрицать скандинавский фактор в истории культурного пространства от Балтийского до Черного моря X–XI вв. невозможно. Выявлены более 70 археологических памятников скандинавского

происхождения, более 1200 предметов «скандинавского» же вооружения, более 100 рунических надписей. В источниках «росы» могли соотноситься и со «свеонами», и с «германцами», и с «норманнами» («норд-маннами»), и с «варягами», и со «скифами», и со славянами. Их определяющими признаками были совершенное владение военным делом и техникой мореплавания. Трансформация руси в славянский народ в «Повести временных лет» оценивается исследователем как проекция ретроспективной реконструкции летописцем XII в., осуществленная на основе его представлений. Ученый справедливо говорит о «росах» X в. как о гибридных группах двойной идентичности: это и пришельцы-скандинавы, воспринявшие язык и культуру славян, и местные жители, инкорпорированные в вооруженные формирования скандинавов, и потомки смешанных скандинаво-славянских браков.

Полития Рюриковичей, согласно фундаментально обоснованным в монографии выводам, сложилась в Среднем Поднепровье около 900 г. Ее центром выступал Киев/Самватас. Последний ойконим древнескандинавского происхождения указывал на «место встречи лодок». В политику изначально входили субординированные территории «лендзян» (полян), угличей и древлян. Названные славянские племена находились на положении «пактиотов», обязанных платить дань росам, при этом сохраняя самоуправление. Центром полян был Киев. Главным центром угличей выступал город Пересечень, а у древлян – Коростень. Сама полития Рюриковичей в первой половине X в. находилась в подчиненном положении у Патзинакии, «кочевой империи» печенегов. Впервые как субъект международных отношений и международного права полития Рюриковичей выступила в византийско-русском договоре 2 сентября 911 г., заключенном византийским императором Львом VI Мудрым, его братом-соправителем Александром, сыном-соправителем Константином VII Багрянородным и князем Киева Олегом. К середине X в. Рюриковичи аннексировали лимитрофные земли угличей и древлян, лишили их автономии, расширили свое господство на земли дреговичей, вервян, северян и даже кривичей. Маркерами их упрочившегося доминирования стали города дреговичей Клеческ (Клецк) и Случеск (Слуцк), город северян Новгород-Северский и, наконец, Оковский лес кривичей. Новгород на Волхове, по выводам ученого, долго находился за пределами влияния киевских князей.

Во второй половине X в. господство политии Рюриковичей расширялось на Восток. Автор убедительно показал, что Святослав не воевал с хазарами на их основной территории и уж тем более не уничтожал Хазарию. Он аннексировал лишь одну пограничную крепость – Белую вежу / Саркел, дабы подчинить своей власти вятичей, данников Хазарии. Победы Святослава над ясами-аланами и касогами, племенами Восточного Причерноморья, интерпретируются в контексте борьбы за Саркел, когда аланы, исповедовавшие

то христианство, то иудаизм, и касоги, союзники хазар, подошли на его защиту на стороне Хазарии. Отмечаются контакты росов на Востоке с Черной Булгарией с центром в Суваре и Серебряной Булгарией со столицей в Булгаре.

В главе 7 уточняется хронология правления Рюриковичей языческой эпохи. Опорными хронологическими ориентирами истории политики Рюриковичей выступают, помимо византийско-русского договора 911 г., поход князя Игоря 941 г., поездка княгини Ольги в Константинополь в 946 либо 957 г., война князя Святослава с болгарами и византийцами на Балканах 968–969 гг., договор князя Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием 971 г. и, наконец, принятие христианства киевским князем Владимиром в 987 г. Собственно говоря, начальная и конечная даты и определяют хронологические рамки всего монографического исследования.

Весьма ценными видятся наблюдения А. Щавелёва о речной и морской навигации росов, использовавших широкий арсенал средств плавания того времени. Среди них были и скафидионы, лодочки, челноки, усовершенствованные росами с помощью уключин, весел, рулей, румпелей, мачт и парусов, и византийские памфилы, разновидность дремонов для перевозки воинов и коней, и средиземноморские каравии, и акатии, и моносилы, однодеревки и др.

Аргументацию исследования усиливают тщательно продуманные приложения – верифицированные даты истории политики Рюриковичей X в., генеалогия Рюриковичей X в., карты политики Рюриковичей начала X в. и середины X в. По-новому организованы библиография без привычного разделения на источники и литературу, а также указатель без традиционного дробления на личные имена, топонимы и *index rerum*.

Признавая значительный потенциал рассматриваемой монографии в обновлении существующего знания по проблемам проторусского политогенеза, хотелось бы высказать некоторые замечания.

Прежде всего они касаются классификации этносов Львом VI Мудрым в его «Тактике», где характеризовались сарацины и скифы (с. 91–95). Автор верно замечает, что этниканы включали родовые и видовые индикаторы, однако их фиксация противоречит логике. В реальности и сарацины, и скифы считались варварами, но не в античном контексте, как противостоявшие эллинам или римлянам, а уже в обновленном средневековом осмыслении – как противостоявшие христианам. Подлинное различие между ними было географическое: скифы – северные варвары, а сарацины – южные варвары.

Затем относительно множественности Патзнакии (Печенегии) в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, которая делилась на 8 фем и на 40 частей (с. 262). Число «40» в данном случае выступало не указанием на 40 родо-территориальных единиц, а просто на их множество. Это универсальный троп, встречавшийся повсеместно в домодерновых культурах: 40 номов

Древнего Египта, 40 сатрапий Месопотамии, 40 крепостей средневекового Крыма, даже 40 городов дорусской Сибири.

Зачастую автор по инерции, принятой у историков-руссистов, использует для обозначения византийского источника «Повести временных лет» название «Хроника» Георгия Амартола (с. 68, 85), однако этот византийский хронист жил веком раньше и завершил свой жизненный путь в 872/873 гг. [Afinogénov]. В действительности именем Георгия Амартола подписаны более 30 сохранившихся византийских хроник, основанных на его тексте и содержавших дополнения анонимных хронистов последующего времени. В данном случае речь могла идти только об одном из продолжателей Георгия Амартола. По X в. основным источником для древнерусских летописцев начала XII в. был, конечно же, один из вариантов «Хроники» Симеона Магистра и Логофета.

Встречаются и мелкие погрешности. Скажем, фамилию основоположника византийской дипломатики, многолетнего директора Института византиноведческих исследований Мюнхенского университета Franz Dölger (1891–1968) лучше бы было транскрибировать по-русски как «Дельгер» (с. 15). Или другой пример: в указателе отсутствует Булгар, хотя в тексте этот топоним встречается (с. 167). Или еще один казус: у византийского императора Константина X Дуки (1006–1067) после его смерти остались сыновья Михаил VII Дука (1050–1090) и Констанций Дука (1060–1082), а не Константин, да еще с тем же порядковым номером (с. 118).

Впрочем, высказанные замечания носят частный характер, касаются, по сути, технических, инструментальных моментов. В целом монография А. Щавелёва без сомнения представляет собой принципиально новую всесторонне обоснованную концепцию генезиса одной из самобытных и обладавших высокой жизнеустойчивостью политий Восточной Европы.

Библиографические ссылки

Амальрик А. А. Норманны и Киевская Русь / публ., предисл. и коммент. О. Л. Губарева. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 280 с.

Дзибель Г. В. О происхождении этнонима *русь* и рода Рюриковичей: взгляд на славяно-финно-скандинавское культурное пограничье IX–XI вв. с позиции антропологии родства // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 79–98. DOI 10.31857/S086954150016700-0.

Кулешов В. С. Еще раз о происхождении этносоционима *русь* // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 106–110. DOI 10.31857/S086954150016702-2.

Максимович К. А. **Rodiči – ruotsi – русь*: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 99–105. DOI 10.31857/S086954150016701-1.

Щавелёв А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987) / отв. ред. Е. А. Мельникова. М. : Аквилон, 2020. 560 с.

Afinogénov D. Le manuscrit Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine // Revue des études byzantines. 2004. Т. 62. P. 239–246. DOI 10.3406/rebyz.2004.2294.

Downham C. Viking Kings of British and Ireland. The Dynasty of Ívarr to A. D. 1044. Edinburgh : Dunedin Academic Press, 2007. 261 p.

References

Afinogénov, D. (2004). Le manuscrit Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine. In *Revue des études byzantines*. Vol. 62, pp. 239–246. DOI 10.3406/rebyz.2004.2294.

Amal'rik, A. A. (2018). *Normanny i Kievskaya Rus'* [Normans and Kievan Rus] / publ. by O. L. Gubarev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p.

Downham, C. (2007). *Viking Kings of Britain and Ireland. The Dynasty of Ívarr to A. D. 1044*. Edinburgh, Dunedin Academic Press. 261 p.

Dzibel', G. V. (2021). O proiskhozhdenii etnonima *rus'* i roda Ryurikovichei: vzglyad na slavyano-finno-skandinavskoe kul'turnoe pogranič'e IX–XI vv. s pozitsii antropologii rodstva [On the Origin of Ethnonym *Rus'* and of the Rurikid Lineage: A Look at the Slavo-Finno-Scandinavian Frontier of the 9th–11th Centuries from the Point of View of Kinship Studies]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 79–98. DOI 10.31857/S086954150016700-0.

Kuleshov, V. S. (2021). Eshche raz o proiskhozhdenii etnosotsionima *rus'* [Once again on the Origins of the Ethnonym-Socionym *Rus'*]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 106–110. DOI 10.31857/S086954150016702-2.

Maksimovich, K. A. (2021). **Rodiči – ruotsi – rus'*: kriticheskie zametki k novoi etimologii starogo etnonima [**Rodiči – Ruotsi – Rus'*: Critical Notes to the New Etymology of an Old Ethnonym]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 99–105. DOI 10.31857/S086954150016701-1.

Shchhavelev, A. S. (2020). *Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987)* [The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)] / ed. by E. A. Melnikova. Moscow, Aquilon. 560 p.

The article was submitted on 15.04.2022

Staffing and Recruiting in the USSR Nuclear Project*

Rev. of: Melnikova, N. V. (2022). *Sovetskii atomnyi proekt: opyt kadrovogo obespecheniya* [Soviet Nuclear Project: The Experience of Staffing]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 390 p.

Evgeny Artemov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Evgeny Vodichev

¹Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia;

²National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia

This review considers a monograph by N. V. Melnikova dedicated to the reconstruction of the most significant aspects of staffing in the atomic project in the context of the Soviet economic system. Despite the abundance of publications discussing the history of the creation of nuclear weapons in the USSR, this topic has not yet received adequate coverage, and the monograph under review fills this gap with a wide range of problems examined. More specifically, it addresses the issues of who determined the personnel policy in the nuclear project, what its specificity was, how staffing and recruiting occurred in practice, and due to which factors it was possible to quickly create a powerful and qualified team of the nuclear weapons complex and encourage people to work intensively and responsibly. The research makes a significant contribution to the historiography of the atomic project. However, its value is not limited to this. Some generalizations and conclusions in the monograph make it possible to understand the strengths and weaknesses of the “socialist economic system” and to clarify how it was possible to succeed in solving tasks significant for the country.

Keywords: USSR atomic bomb project, personnel policy, nuclear weapons complex, Soviet economic system

В рецензии анализируется содержание монографии Н. В. Мельниковой. Она посвящена реконструкции наиболее существенных сторон процесса становления и развития кадрового потенциала атомного проекта в контек-

---

* *Citation:* Artemov, E., Vodichev, E. (2023). Staffing and Recruiting in the USSR Nuclear Project. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1111–1122. DOI 10.15826/qr.2023.3.837.

Цитирование: Artemov E., Vodichev E. Staffing and Recruiting in the USSR Nuclear Project // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1111–1122. DOI 10.15826/qr.2023.3.837.

сте советской экономической системы. Отмечается, что несмотря на обилие публикаций, в которых рассматривается история создания ядерного оружия в СССР, эта тема не получила должного освещения. Рецензируемая монография в значительной мере восполняет этот пробел. В ней рассматривается широкий круг проблем: кто определял кадровую политику в атомном проекте, в чем заключалась ее специфика, как она осуществлялась на практике, за счет чего удалось в кратчайшие сроки сформировать мощный квалифицированный коллектив ядерно-оружейного комплекса и побудить людей интенсивно трудиться, ответственно относиться к выполнению своих обязанностей. Проведенное исследование вносит весомый вклад в историографию атомного проекта. Но этим, по мнению рецензентов, его значение не ограничивается. Содержащиеся в монографии обобщения и выводы позволяют лучше понять сильные и слабые стороны «социалистической системы хозяйствования», прояснить, за счет чего ей удавалось добиваться успеха в решении важных для страны задач.

Ключевые слова: атомный проект СССР, кадровая политика, ядерно-оружейный комплекс, советская экономическая система

The implementation of the Soviet atomic project is one of the most exciting pages in Soviet history. In the Russian public consciousness, it is strongly associated with outstanding breakthroughs in the development of science, technology, and production. It is surprising how the Soviet Union, which suffered huge losses in the recent World War II, managed to solve such a difficult task as the creation of nuclear weapons in a short time. It is not a coincidence that so many publications of various genres are devoted to the history of the atomic project starting from popular essays and to solid scientific monographs. The works of a research nature touch upon various aspects of mastering nuclear energy, such as the development of Soviet atomic science and technology; the creation of the nuclear industry and its individual enterprises, design bureaus and institutes; construction of the “closed” cities; contribution of intelligence services and the USSR’s own efforts to solve scientific and technical problems; biographical sketches of the leaders and main executors of the atomic project; its impact on the economy, social sphere, development of international relations, etc. [Толстиков; Мельникова, Джозефсон].

Among them, an important place is occupied by collective works devoted to the formation of enterprises and organisations of the nuclear weapons complex in Ural Region [Атомные города Урала. Город Лесной; Атомные города Урала. Город Снежинск; Во главе науки ядерного центра на Урале, etc.]. They were prepared by the joint efforts of leading experts in the nuclear industry and historians. These works are supplemented by monographs of Ural researchers, which also became possible thanks to such cooperation [Новоселов, Толстиков; Артемов, Беделъ; Новоселов, Носач, Ентяков; Артемов; Кузнецов]. They combine the analysis of the institutional, scientific, technological, and production aspects of mastering

nuclear energy. As a result, the reliability of historical reconstructions of the process of creation and development of the nuclear industry increased. At the same time, prospects are opening for broader generalisations towards the key problem of Soviet economic history, namely, assessing the viability, potential and real possibilities of the “socialist economic system”.

The matter is that many researchers point out its “innate” inefficiency and fundamental irresponsibility. It is argued that, at best, the Soviet economy was able to satisfactorily solve the problems of increasing production of homogeneous types of products that were easy to measure but “failures” were constantly observed in the development of high-tech industries, which were uncompetitive by world standards. In part, their lagging behind was compensated by the excessive application of labour and additional costs of material resources. Import of Western equipment and technology supplied in exchange for commodities played an important role in raising the technical level of production. Such measures, however, could change nothing fundamentally. The Soviet economy was inefficient and unstable “by its nature” that ultimately resulted in its collapse [see: Гайдар, с. 322–360; Olson, p. 111–156; Ericson, p. 52–76, etc.].

Numerous facts are referred to in support of these judgments. However, they have not managed to indicate the fatal inability of the Soviet economy to self-development yet. At least, this conclusion is true in relation to the nuclear industry. Obviously, to create a high-tech industry and maintain its competitiveness with foreign analogues for decades, it was not enough to mobilise resources alone supplemented by imitations of Western technologies, access to which was also limited. Accordingly, the question can be posed somewhat differently: why did the Soviet economic system, being able to quickly create new high-tech industries related to the solution of priority military-technical tasks, turned out to be incapable of transferring innovative technologies to the consumer economy? And the second point related to the first one: to which extent did the tools used in organisation and management, as well as social practices developed in connection with this have chances to be adapted to the needs of the socialist economy as a whole? In other words, there is the question of whether it is possible, based on the positive experience of certain high-tech branches, such as the nuclear industry, to talk about their reliance on the “hidden reserves” of the Soviet economic model, which made it possible to go beyond the limitations of the “shortage economy” [see: Корнаи]? Or are such examples just rare exceptions that only confirm its “inherent” inefficiency and fundamental resistance to changes, since, within the framework of the mobilisation model, the atomic (and related) industries were artificially removed from the scope of the general principles, on which the Soviet economy was based in its other, non-priority segments.

In any case, for an optimal functioning of the high-tech sectors of the USSR economy which belonged to the military-industrial complex Soviet economic institutions required special “tuning”. N. V. Melnikova’s book under review demonstrates how this happened in practice during the for-

mation of scientific and production teams in the nuclear industry [Мельникова]. The author of the book represents the Ural academic school of historians. The monograph reconstructs the “most significant aspects of formation and development” of the personnel potential of the nuclear project “in the context of the Soviet economic system”. The book considers a wide range of issues, from the institutionalisation of the appropriate personnel policy to “internal social practices of the atomic community” (p. 7, 8)¹. In other words, the author aimed to show how and by what means it was possible to provide the nuclear project with necessary personnel, what the specificity of the organisation of the work of the teams was, and what encouraged people to work intensively and take their duties responsibly.

The following features of the study are worthy of noting. First, the author considers the atomic project as a priority state programme that had a clearly defined target. It consisted in solving the scientific and technical issues of mastering nuclear energy, creating a material support base, expanding the reproduction of nuclear warheads, and equipping the armed forces with them. Hence, the chronological framework of the study includes the years from the “launch” of the atomic project during World War II until the nuclear weapons complex received a sustainable development path in the second half of the 1950s (p. 8). Secondly, the author focuses on the formation of teams of the scientific and production parts of the nuclear weapons complex and the construction organisations involved in building its facilities, as well as the “strengthening capacities” of the personnel of the allied enterprises. Consequently, the reconstruction of ways of staffing in the military component of the nuclear weapons complex (test sites, structures that accepted, stored, and ensured the proper readiness of “products” for combat use, etc.) remains “behind the scenes”. This is a separate topic that requires a special study.

The structure of the monograph is logical following the intention of the author. It consists of an introduction, seven chapters, and a conclusion. As is customary, the introduction, outlines the goals and objectives of the work, providing a brief overview of the historiography, methods of analysing particular historical material, and presenting the source base of the study. The introduction indicates that the work contains all the components necessary for large-scale historical reconstructions.

The first chapter discusses the process of institutionalisation of the personnel policy in the nuclear project. Of course, N. V. Melnikova is not the first scholar to address this issue. But relying on the historiographic background, she managed to give a systematic idea of how everything was carried out in practice. The key issue was the formation of specialised personnel services responsible for the selection, promotion, and placement of the “necessary” workers. Since the nuclear industry was created from scratch, it caused an unprecedented growth in its personnel potential. In the mid-

---

¹ Here and below, references to the reviewed publication are given in parentheses with page numbers.

1950s, the number of people employed in the nuclear industry exceeded seven hundred thousand employees (including builders) not counting the enterprises and organisations of the allied industries that performed one-time tasks for the atomic project (p. 42, 43). At the same time, the procedure for recruiting teams in the nuclear industry was changing. In the period of its formation, it was carried out in the “manual mode” and was of an individual character. Even the highest political leadership including Stalin himself participated in the process of appointing the chief administrators of the atomic project, directors of the parent enterprises, and heads of the main scientific and technical areas.

Indeed, such an order was not suitable for mass mobilisations, and only specialised personnel services could cope with it. The monograph provides a detailed description of their formation, composition, competence, and hierarchy. Particular attention is paid to the interaction of personnel services of the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR (the executive body of the nuclear project). In the selection and “promotion” of personnel, it closely interacted with party institutions and security agencies. They jointly assessed the “business and political” qualities of employees and their reliability but in case of a disagreement between them, the leadership of the atomic project had the final say. After Stalin’s death and the liquidation of the Special Committee, measures were taken to increase the “leading role of the party”: with the institution of so-called authorised representatives of the Council of Ministers of the USSR, which “observed” the structures, involved in the implementation of the personnel policy in the nuclear project and coordinated their activities being abolished. At the same time, “political work” with personnel in the nuclear industry, the right to coordinate their “nomination” and “relocation” was given to the newly formed Political Administration of Minsredmash (the Ministry of Medium Machine Building), which replaced the Special Committee. However, the leadership of the nuclear industry sought to pursue the same policy. According to the author’s conclusion, “for some time, the inertia of the previous procedure for appointments was still in effect” (p. 49, 50). In fact, it remained unchanged until the completion of the nuclear programme.

If the first chapter says which structures were involved in the recruitment of personnel in the nuclear industry, the second one analyses the mechanism and tools of the personnel policy. Attention is focused on the requirements for employees, sources, and forms of replenishment of the teams, the procedure for coordinating transfers of the intended candidates from their previous place of work to the industry, and the effectiveness of sanctions for those who evaded the “call”. The relevant rules were within the legal framework of the time but allowed for extensive “improvisation” in the enforcement of the established norms of the law. This was widely used to achieve the general goal of the personnel policy, namely, to provide the main production of the nuclear industry with qualified workers capable of successfully solving the tasks allocated (p. 52–56). Certainly, regarding recruiting various categories of workers, the chapter provides a detailed

description of some specifics. The key role in the successful implementation of the nuclear project was assigned to responsible executors and leading specialists. Therefore, in their selection, an “individual approach” was used. Various means and methods were utilised to obtain the consent of the intended candidates for the transition to the structures of the atomic project: from “explanatory conversations” to administrative pressure. To a large extent, the principle of voluntariness was observed in relation to scientists, and many of them immediately agreed with the offers they received. But there were some who were not attracted to work for the nuclear programme. They were being convinced by the promises of various preferences, but the persuasion had some limits. It ended in case of the unconditional need for a particular worker and such a person received a mobilisation order, which he/ she was obliged to fulfil.

In the post-Stalin era, this practice of “administrative pressure” became limited and those who were previously “mobilised” received a certain degree of choice. First, it was used by a number of prominent scientists. They were able to leave the “closed” facilities of the nuclear industry, where they had lived and worked for a long time. Such an outflow of specialists created certain difficulties in the scientific and technical support of the nuclear project (p. 91, 92). The issue was tackled in two ways: by creating conditions for the accelerated professional growth for younger employees and by expanding the recruitment of university graduates.

Ordinary workers and employees, as well as middle managers were recruited to work in the nuclear industry mainly through periodic mass mobilisations. During the “conscription”, methods of positive and negative motivation (“carrot and stick” approach) were used. The mobilised were promised various material benefits, and for the most of them, this was an important argument. However, some people, despite seemingly tempting prospects, did not want to move to new obscure places of work that, as a rule, were associated with a change of residence. But the author polemicalizes with the assertion widespread in the literature that tough “administrative pressure” did not allow the intended candidates to evade mobilisation. In fact, there were many cases where this occurred, and for the “evaders” it did not incur negative consequences. In general, enterprises and organisations of the nuclear industry were interested in recruiting people who voluntarily agreed to work for them. It was rightly believed that such people were more predisposed to productive and hard work. It explains the “liberal” attitude towards those who did not want to obey the mobilisation orders, especially if it was easy to find a replacement (p. 71–73).

Starting from the mid-1950s, the recruitment of the “atomic” teams based on orders of enterprises of the related industries gave way to public call. It was also a kind of mobilisation, only instead of orders, the authorities used the enthusiasm of young people who, at the call of the “party and government”, “expressed their desire” to work “at the most important construction sites and enterprises of the country” (p. 81). The author also closely examines the circumstances associated with the recruitment of Ger-

man specialists attracted to work in the atomic project after the defeat of Germany in WWII, as well as prisoners of war, although their contribution to the atomic project was minimal (p. 74–77). It explains why the management of the nuclear project sought to replace the “special contingent” among the builders and how it worked in practice (p. 122–126).

The third and fourth chapters give an answer to the question of who was selected to work in the atomic project. In the study, all participants are divided into various groups, such as chief administrators, heads of scientific and industrial organisations, engineering and technical specialists, workers, employees engaged in the main and auxiliary production, military builders, prisoners, German specialists, and prisoners of war. Data are provided that make it possible to judge the level of their qualifications, production experience, and demographic characteristics. Melnikova does not pretend to create any kind of generalised social “portrait” of the participant of the events. In fact, this is impossible to do, both due to the large number of employees and the heterogeneity of their composition, and the incompleteness of sources, access to which is very limited for researchers (p. 12, 13).

At the same time, the analysis of socio-demographic characteristics of those employed in the nuclear industry makes it possible to clarify important features of the personnel policy. The author notes that when recruiting staff, preference was given to younger age categories. It was easier to induce them “to do their best”, to interest them in the prospects for professional and career growth, in improving their financial situation, etc. (p. 133). This rule applied to everyone: from the chief administrators of the nuclear project to the ordinary personnel of the main production. Of course, in the selection and promotion of personnel not only the age criteria were used. In the late 1940s – early 1950s, great attention was paid to the ethnicity of a candidate. That was the time of the “struggle with rootless cosmopolitans”, and “persons of Jewish ethnicity” were mainly referred to such a stratum. For many representatives of personnel services, state security agencies, and party authorities, the Jewish ethnicity was a marker, a priori indicating political unreliability. Hence originates the desire to limit the inflow of Jews into the structures of the nuclear project. This primarily applied to scientific and technical personnel.

However, for the top management of the nuclear programme, completely different qualities were of key importance, such as their qualification, initiative, efficiency, responsibility, etc. This smoothed out the manifestation of anti-Semitism in the personnel policy. Similar problems arose in the recruitment of non-partisans. It was believed that the CPSU and Komsomol members were more suitable for the atomic industry as more “politically seasoned” and trustworthy, and the atomic personnel officers tried to act in accordance with this criterion. But if a specific person was needed for the production, then the lack of party membership and/or “certain ethnicity” was not an obstacle for employment. In this case, “a blind eye approach” was used when recruiting those who had repressed relatives or relatives living abroad, and even those who had a criminal record. Such a pragmatic

approach provided the nuclear project with qualified and capable personnel. And, according to the author's fair conclusion, this became the key to its successful implementation (p. 134–140).

The author pays special attention to the gender aspect of the personnel policy. Before Melnikova, this topic was not specifically studied in Russian historiography in relation to the atomic project. So, in this respect, she is a pioneer. The author managed to show the specifics of attracting women to the nuclear project, their contribution to the formation and activities of the enterprises and organisations of the nuclear industry. It is noted that the principle of gender equality was legally enforced in the Soviet Union. In accordance with it, the right of women to choose a profession, to receive education without any restrictions, to hold leading positions, etc. was declared. But in practice, it was not observed in all cases. So it was in the atomic project, especially when it came to promotion to positions implying high responsibility. In the governing bodies of the nuclear project – the Special Committee, the Scientific and Technical Council, the Board of the First Main Directorate and Minsredmash, among the directors of institutes, design bureaus, major industrial enterprises, and heads of construction organisations – there were no women at all. Nor were they among the main developers of nuclear weapons (p. 142–144). In other cases, there was no obvious discrimination. Despite regulatory restrictions, women worked even underground, in uranium ore mines, and in such hazardous industries as the separation of plutonium from irradiated uranium blocks they made up a majority (p. 146–156). In general, women accounted for up to a third of the personnel of the main enterprises of the nuclear industry. No prejudice existed, although historiography sometimes claims the opposite [see: Fitzpatrick, p. 139, etc.], in their employment as line managers and specialists (except for appointment to major administrative positions). Of course, this was a double burden for women, since they were, as a rule, “working mothers” (p. 169–172).

The nuclear industry was created anew. It was a science-intensive production, unparalleled in the Soviet industry. It also had special requirements to the observance of technological discipline. Therefore, employees of the newly organised enterprises and even newly appointed industry leaders had to be “equipped” with special knowledge. Their training was carried out in several ways, the role of which changed over time. At first, it all came down to the creation of special courses, which all workers transferred from related industries were to take. Also, they could pass internships at the institutes and design bureaus that carried out scientific and technical support for the nuclear project. As a result, in a short time, it was possible to form the core of the nuclear industry team. However, it became clear that only a multi-level educational system would be able to cope with the task of steadily replenishing the enterprises and organisations with qualified personnel (p. 183).

The formation of such a system began at the stage of launching the nuclear project. First, the Moscow Mechanical Institute (since 1953, the Moscow Engineering Physics Institute) was transferred to the jurisdiction of

the First Main Directorate. Then “closed” physical and technical faculties were created in several leading universities of the country. Formally, they belonged to the system of the Ministry of Higher Education but worked according to special curricula, were financed to the estimate of the First Main Directorate, and a significant part of their teaching staff was directly connected with the nuclear industry. For training of junior and middle technical personnel and skilled workers, a network of technical schools, vocational schools and schools for factory training subordinated to First Main Directorate was created. By the mid-1950s, the main part of the personnel replenishment was already represented by graduates of these educational institutions (p. 186, 193).

It is worth noting that not all aspects of this process are considered with due completeness in the book. Almost no attention is paid to the training of highly qualified specialists – Doctors and Candidates of sciences (Rus. *доктора и кандидаты наук*). But the validity of the main conclusion of the chapter is doubtless. The close relationship between the educational process, science, and production became the key to the success of the Soviet system of training “atomic” personnel. Thanks to this integration, the nuclear industry received workers capable of relying on the latest scientific and technological achievements in their practical activities (p. 224).

Mass mobilisations and a special personnel training system made it possible to provide the nuclear industry with qualified personnel in sufficient numbers. However, there was the issue of encouraging people to do their best and provide high-quality, intense, and productive performance, and a responsible attitude to work. The sixth chapter of the book is devoted to these aspects. Melnikova adheres to the notion developed in historiography that the labour motivation in the atomic project combined the methods standard for the Stalin era: material incentives and moral encouragement, education and persuasion, coercion and violence. But the extraordinary nature of the nuclear project made it possible to apply them “creatively”, without looking back at any regulatory legal acts or the generally accepted practice. “Deviation” from the established norms in the “carrot and stick” policy was extended to all categories of personnel without exception. This opened wide opportunities both for encouraging “distinguished workers” and for punishing “negligent” ones. Such a policy was not fixed in laws or written in any institutions. It was established during everyday practice. However, all participants in the atomic project were aware of the existence of informal rules that allowed any sanctions to be applied to them, as well as of the incentives that went far beyond the usual limits.

In historiography, when reconstructing the motivation system used in the atomic project, attention is often focused on just one of its aspects that distorts the overall picture. To overcome such one-sidedness, Melnikova divides motivation into external incentives and internal motivation. Based on the analysis of comprehensive material, she demonstrates that intrinsic motivation for productive work played a no less important role than coercion. All participants of the atomic project aspired to reach material

well-being, forge a career and improve their social status. The widespread perception of the importance of one's work for the destiny of the country and pride to contribute to such a noble cause should be added to make the picture complete. All tools of the external positive stimulation of labour were aimed at activating these personal attitudes. Of course, there was certain specificity in their application to various categories of workers, and the author describes it in detail in this chapter. Due attention is paid to the motivation of work of the "special contingent": prisoners, special settlers, etc. It is stated that their motivation was reduced as a result of tough administrative and repressive measures. Incentives were limited to food supplements in addition to the basic nutritional norm, and reductions in the term of imprisonment for those who fulfilled and overfulfilled production tasks. Since 1950, wages were paid to all prisoners (p. 253–255) but such measures could not fundamentally improve the attitude of the "special contingent" to work. It is not a coincidence that the leadership of the atomic project sought, when such an opportunity arose, to replace it with a "civilian contingent" and soldiers of military construction units.

The last, seventh chapter of the book is devoted to the analysis of the "atomic social space". Together with the conclusion, it largely determines the innovative nature of the study. The main conclusion the author makes is that thanks to the purposeful efforts "from above" and self-organisation of participants of the atomic project, it became possible to form a relatively autonomous socio-professional community. It possessed specific mental qualities and norms of behaviour, acutely felt its peculiarity and involvement in the system that carried out the most important state mission. Of course, the atomic community was not homogeneous. It was distinguished by multi-layered, very strong social differentiation, and all the features of the Soviet model of etatisation of labour were fully extended to it, determining the specifics of social relations. But, according to the author, "the circumstances that encouraged the project, its very nature (or content) and the regime and secrecy in which it was implemented became the system-forming grounds for the distinctive characteristics of the "atomic" personnel potential" (p. 332). Consequently, all participants in the nuclear programme – from its leaders and outstanding scientists to ordinary production personnel and builders – were united by similar living and labour conditions and a common responsibility for achieving the final result. This made it possible to use the human capital involved in the nuclear project to the maximum extent, and successfully solve tasks that were on the edge of possibility.

However, the question immediately arises of why the experience of the atomic project was not widely used. After all, the subculture of the "atomic community" was based on the same "Soviet" principles as in other professional communities. It seems that there should not have been unsolvable problems when transferring the positive experience of "working with personnel" accumulated in the atomic project to other industries. The study does not explain why this did not happen. Everything is limited to the assertion widespread in historiography that "the dissemination of the ad-

vanced methods” was not “a priority direction of the economic policy in the country” (p. 340, 341). The above, however, does not change the very positive assessment of the study. Its originality is beyond doubt. The information contained in the monograph, the generalisations and conclusions drawn by the author undoubtedly make a significant contribution to the study of post-war Soviet history.

Библиографические ссылки

Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М. : Полит. энцикл., 2017. 343 с.

Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург ; Новоуральск : СВ-96, 1999. 351 с.

Атомные города Урала. Город Лесной : энциклопедия / под. общ. ред. В. В. Алексеева, В. Н. Рыкованова ; отв. ред. Н. В. Мельникова, С. А. Рясков. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. 303 с.

Атомные города Урала. Город Снежинск : энциклопедия / под. общ. ред. В. В. Алексеева, Г. Н. Рыкованова ; отв. ред. Е. Т. Артемов, Н. П. Волошин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 358 с.

Во главе науки ядерного центра на Урале / гл. ред. Г. Н. Рыкованов ; сост. Б. К. Володлага, Н. П. Волошин, В. Н. Кузнецов. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2020. 568 с.

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. М. : Дело, 2005. 656 с.

Корнаи Я. Дефицит. М. : Наука, 1990. 607 с.

Кузнецов В. Н. Ядерный оружейный комплекс Урала : создание и развитие. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2021. 536 с.

Мельникова Н. В. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М. : Полит. энцикл., 2022. 390 с.

Мельникова Н. В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР : сравнительный анализ // Вопросы истории, естественности и техники. 2016. Т. 37, № 1. С. 85–109.

Новоселов В. Н., Носач Ю. Ф., Ентяков Б. Н. Атомное сердце России. Челябинск : Автограф, 2014. 528 с.

Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «сороковки». Екатеринбург : Урал. рабочий, 1995. 448 с.

Толстиков В. С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопр. истории. 2013. № 6. С. 161–167.

Ericson R. Command Economy and Its Legacy // The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2013. P. 51–85.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism : Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1999. 288 p.

Olson M. Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. N. Y. : Basic Books, 2000. 272 p.

References

Alekseev, V. V., Rykovanov, V. N., Artemov, E. T., Voloshin, N. P. (Eds.). (2009). *Atomnye goroda Urala. Gorod Snezhinsk. Entsiklopediya* [Atomic Cities of the Urals. Snezhinsk. Encyclopedia]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 358 p.

Alekseev, V. V., Rykovanov, V. N., Mel'nikova, N. V., Ryaskov, S. A. (Eds.). (2012). *Atomnye goroda Urala. Gorod Lesnoi. Entsiklopediya* [Atomic Cities of the Urals. Lesnoy. Encyclopedia]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 303 p.

Artemov, E. T. (2017). *Atomnyi proekt v koordinatakh stalinskoi ekonomiki* [Atomic Project in the Coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 343 p.

Artemov, E. T., Bedel', A. E. (1999). *Ukroshchenie urana* [The Taming of Uranium]. Yekaterinburg, Novouralsk, SV-96. 351 p.

Ericson, R. (2013). Command Economy and Its Legacy. In *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press, pp. 51–85.

Fitzpatrick, S. (1999). *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N. Y., Oxford Univ. Press. 288 p.

Gaidar, Ye. T. (2005). *Dolgoe vremya. Rossiya v mire. Ocherki ekonomicheskoi istorii* [A Long Time. Russia in the World. Essays on Economic History]. Moscow, Delo. 656 p.

Kornai, J. (1990). *Defitsit* [Deficit]. Moscow, Nauka. 607 p.

Kuznetsov, V. N. (2021). *Yadernyi oruzheinyi kompleks Urala: sozdanie i razvitie* [Nuclear Weapons Complex of the Urals: Creation and Development]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 536 p.

Melnikova, N. V. (2022). *Sovetskii atomnyi proekt: opyt kadrovogo obespecheniya* [The Soviet Nuclear Project: The Experience of Staffing]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 390 p.

Mel'nikova, N. V., Josephson, P. (2016). Amerikanskie i rossiiskie issledovaniya istorii atomnogo proekta SSSR: sravnitel'nyi analiz [American and Russian Research on the History of the Atomic Project of the USSR: Paths of Development]. In *Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki*. Vol. 37. No. 1, pp. 85–109.

Novoselov, V. N., Nosach, Yu. F., Entyakov, B. N. (2014). *Atomnoe serdtse Rossii* [The Atomic Heart of Russia]. Chelyabinsk, Avtograf. 528 p.

Novoselov, V. N., Tolstikov, V. S. (1995). *Tainy "sorokovki"* [The Secrets of "Sorokovka"]. Yekaterinburg, Ural'skii rabochii. 448 p.

Olson, M. (2000). *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. N. Y., Basic Books. 272 p.

Rykovanov, V. N., Vodolaga, B. G., Voloshin, N. P., Kuznetsov, V. N. (Eds.). (2020). *Vo glave nauki yadernogo isentra na Urale* [At the Head of Science at the Nuclear Center in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 568 p.

Tolstikov, V. S. (2013) *Sovetskii atomnyi proekt v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii* [The Soviet Atomic Project in National and Foreign Historiography]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 161–167.

The article was submitted on 03.03.2023

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

ORCID 0000-0002-7363-4069

akishin-mo@yandex.ru

Алексеев Алексей Иванович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

ORCID 0000-0003-4372-516X

a.alexeev@nlr.ru

Андреева Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

ORCID 0000-0002-6941-1639

ta.a.andreeva2014@ya.ru

Артемов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0002-3683-1063

iaa-history@mail.ru

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

ORCID 0000-0001-8588-9192

belafeb@gmail.com

Бородина Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0002-8128-5698

sosnovi-bor@yandex.ru

Водичев Евгений Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет; профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

630073, Россия, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20.

634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.

ORCID 0000-0001-8266-1723

vodichev@corp.nstu.ru

Егорова Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0003-0512-6975

ysegorova@mail.ru

Еманов Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет.

625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.

ORCID 0000-0002-2352-4363

a.g.emanov@utmn.ru

Иванова Мария Олеговна, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0003-3896-6815

mivanova1124@gmail.com

Ингерфлом Клаудио, доктор исторических наук, директор Центра по изучению славянского мира, Университет Сан-Мартин; директор по исследованиям, Национальный центр научных исследований.

1650, Аргентина, Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Av. 25 de Mayo & Francia.

75016, Франция, Париж, rue Michel-Ange, 3.

ORCID 0000-0003-4162-2853

claudio.ingerflom@gmail.com

Кантор Юлия Зораховна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

ORCID 0000-0003-0362-345X

juliakantor@yandex.ru

Кияшко Яков Алексеевич, старший преподаватель, Волгоградский государственный университет; начальник общего отдела, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры.

400062, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 100.

400005, Россия, Волгоград, ул. Коммунистическая, 19.

ORCID 0000-0001-5529-8375

kiyashko.yakov@gmail.com

Клейтман Александр Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН; Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры.

125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, 14.

400005, Россия, Волгоград, ул. Коммунистическая, 19.

ORCID 0000-0003-4779-0321

malk@bk.ru

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии, Тюменский государственный университет.

625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.

ORCID 0000-0002-5164-4741

krest_e_a@mail.ru

Лавринович Майя Борисовна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Хайфа, Израиль.

ORCID 0000-0002-1071-1469

mayalavr@gmail.com

Майоров Александр Вячеславович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой музеологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0001-8212-7467

a.v.maiorov@gmail.com

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

ORCID 0000-0002-1688-4096

alaska13@yandex.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Руденкова Ирина Сергеевна, лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

i.rudenkova@inbox.ru

Рябов Сергей Михайлович, ассистент, лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7090-5479

sergeyryabov1997@gmail.com

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-4692-3025

alevtina.safronova@gmail.com

Уо Даниель Кларк, PhD, почетный профессор, Вашингтонский университет.

98195, США, Вашингтон, Сиэтл, NE Campus Parkway, 1410.
dwaugh@uw.edu

Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.
dkh@bk.ru

Цеменкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-3389-6723
sts.klio@mail.ru

Ястребов Алексей Олегович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
ORCID 0000-0002-4692-4810
mirofore@gmail.com

Akishin Mikhail, Dr. Hab. (History), PhD (Law), Professor, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University.

20, Polytechnicheskaya Str., 195251, St Petersburg, Russia
ORCID 0000-0002-7363-4069
akishin-mo@yandex.ru

Alekseev Alexey, Dr. Hab. (History), Senior Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0003-4372-516X
a.alexeev@nlr.ru

Andreeva Tatyana, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6941-1639
ta.a.andreeva2014@ya.ru

Artemov Evgeny, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3683-1063
iia-history@mail.ru

Belyakov Andrey, Dr. Hab. (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-8588-9192

belafeb@gmail.com

Borodina Elena, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-8128-5698

sosnovi-bor@yandex.ru

Egorova Yuliia, PhD (History), Research Fellow, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-0512-6975

ysegorova@mail.ru

Emanov Alexander, Dr. Hab. (History), Professor, Tyumen State University.

23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.

ORCID 0000-0002-2352-4363

a.g.emanov@utmn.ru

Ingerflom Claudio, Dr. Hab. (History), Director of the Center for the Study of the Slavic World, National University of General San Martín; Research Director, French National Center for Scientific Research.

Av. 25 de Mayo & Francia, 1650, San Martín, Buenos Aires, Argentina.

3, rue Michel-Ange, 75016, Paris, France.

ORCID 0000-0003-4162-2853

claudio.ingerflom@gmail.com

Ivanova Maria, Research Assistant, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-3896-6815

mivanova1124@gmail.com

Kantor Julia, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0362-345X

juliakantor@yandex.ru

Khitrov Dmitry, PhD (History), Associate Professor, Moscow State University.

1, Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russia.

dkh@bk.ru

Kiyashko Yakov, Senior Lecturer, Volgograd State University, Head of the General Department, Volgograd Regional Research and Production Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments.

100, Universitetsky Ave., 400062, Volgograd, Russia.

19, Kommunisticheskaya Str., 400005, Volgograd, Russia.
ORCID 0000-0001-5529-8375
kiyashko.yakov@gmail.com

Kleitman Alexander, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Volgograd Regional Research and Production Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments.

14, Baltiiskaya Str., 125315, Moscow, Russia.
19, Kommunisticheskaya Str., 400005, Volgograd, Russia.
ORCID 0000-0003-4779-0321
malk@bk.ru

Krestyannikov Evgeny, Dr. Hab. (History), Head of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology, Tyumen State University.

23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
ORCID 0000-0002-5164-4741
krest_e_a@mail.ru

Lavrinovich Maya, PhD (History), Independent Researcher, Haifa, Israel.

ORCID 0000-0002-1071-1469
mayalavr@gmail.com

Maiorov Alexander, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Museology, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8212-7467
a.v.maiorov@gmail.com

Petrov Alexander, Dr. Hab (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-1688-4096
alaska13@yandex.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Rudenkova Irina, Laboratory Researcher, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
i.rudenkova@inbox.ru

Ryabov Sergey, Assistant, Laboratory Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-7090-5479
sergeyryabov1997@gmail.com

Safronova Alevtina, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4692-3025

alevtina.safronova@gmail.com

Tsemenkova Svetlana, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-3389-6723

sts.klio@mail.ru

Vodichev Evgeny, Dr. Hab. (History), Professor, Novosibirsk State Technical University; Professor, National Research Tomsk State University.

20, Karl Marx Ave., 630073, Novosibirsk, Russia.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.

ORCID 0000-0001-8266-1723

vodichev@corp.nstu.ru

Waugh Daniel Clarke, PhD, Professor Emeritus, University of Washington.

1410, NE Campus Parkway, 98195, Seattle, Washington, USA.

dwaugh@uw.edu

Yastrebov Alexey, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-4692-4810

mirofore@gmail.com

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

БАН – Библиотека Российской академии наук
BAN – Biblioteka Rossiiskoi akademii nauk

ВГМЗ – Вологодский государственный музей-заповедник
VGMZ – Vologodskii gosudarstvennyi muzei-zapovednik

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске
GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyi arkhiv v gorode Tobol'ske

ГАИО – Государственный архив Иркутской области
GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti

ГАРК – Государственный архив Республики Крым
GARK – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ГАТО – Государственный архив Тюменской области
GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского
института истории РАН
NIA SPbII RAN – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta
istorii RAN

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки
Российской академии наук
NIOR BAN – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Biblioteki Rossiiskoi
akademii nauk

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
RGA VMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voенno-morskogo flota

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества
SIRIO – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга
TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

ЦГИА в г. Москве – Центральный государственный исторический архив
в городе Москве
TsGIA v g. Moskve – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv
v gorode Moskve

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей
российских при Московском университете
ChOIDR – Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei
rossiiskikh pri Moskovskom universitete

ВОО – Vereenigde Oostindische Compagnie

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 11, 2023, № 3

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013).
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 06.10.2023. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 35,8. Усл. печ. л. 38,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 152.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru